

М. А. ДАНДАМАЕВ

МЕСОПОТАМИЯ И ИРАН

В VII–IV вв. до н. э.

Социальные
институты и идеология

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

М. С. Гиндман

Серия
«ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL MANUSCRIPTS

**MESOPOTAMIA AND IRAN
IN THE 7TH TO 4TH CENTURIES B.C.
Social Institutions and Ideology**

by

Muhammad A. Dandamayev

St. Petersburg State University
Faculty of Philology and Arts
St. Petersburg
2009

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ

М. А. Дангамаев

**МЕСОПОТАМИЯ И ИРАН
В VII–IV ВВ. ДО Н. Э.
Социальные институты и идеология**

Факультет филологии и искусств
Санкт-Петербургского государственного университета
Санкт-Петербург
2009

Дандамаев М. А.

Д17 Месопотамия и Иран в VII–IV вв. до н. э.: Социальные институты и идеология. — СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. — 512 с.

ISBN 978-5-8465-0834-7

Настоящая книга предназначена не только для специалистов по истории, социальным институтам и культуре Древнего Ближнего Востока, но также и для широкого читателя, интересующегося древними цивилизациями. М. А. Дандамаев — автор многих книг по истории Древнего Ирана и Вавилонии, которые опубликованы не только в нашей стране, но также в Иране, США, Великобритании, Нидерландах, Испании и Германии. Эти книги содержат основанный на тщательном изучении клинописных и других древних источников обзор истории, культуры, правовых систем, аграрных отношений, социальных институтов и экономических структур, денежных систем, этнических контактов и религиозных представлений в Иране и Месопотамии в VII–IV вв. до н. э. Ему принадлежат также главы, опубликованные в таких авторитетных изданиях, как «Кембриджская древняя история», «Кембриджская история иудаизма», «История цивилизации Средней Азии» ЮНЕСКО и других международных изданиях. Он является лауреатом Государственной премии СССР, а также премии Академии надписей и изящной словесности Франции, членом-корреспондентом РАН, почетным членом Американского востоковедного общества и ряда европейских научных центров, а также научным консультантом «Большой российской энциклопедии», заместителем главного редактора «Вестника древней истории», членом редколлегии журнала «Iranica Antiqua» и международной «Encyclopaedia Iranica». Он выступал с лекциями во многих американских и европейских университетах.

Dandamayev M. A.

Mesopotamia and Iran in the 7th–4th Centuries B.C.: Social Institutions and Ideology. — St. Petersburg: St. Petersburg State University Faculty of Philology and Arts, 2007. — 512 p.

Muhammad A. Dandamayev is the author of many books on the economic and social history of ancient Iran and Babylonia which are based on a first-hand study of cuneiform and other ancient sources. His books have been published in Russia as well as in Iran, USA, England, Netherlands, Spain and Germany. These books contain an authoritative survey of the history and culture, legal systems, social institutions and the economic structures, ethnic relations and religions during the period from the 7th until 4th centuries B.C. He also contributed chapters to the Cambridge Ancient History, the Cambridge History of Judaism and other international projects. He is a member of the editorial boards of the «Vestnik Drevnej Istorii» and «Iranica Antiqua» as well as a member of the Advisory Committee of the «Encyclopaedia Iranica»; member of the Russian Academy of Sciences, a Honorary member of the American Oriental Society, etc. His books were awarded with the State prize of the USSR as well as the prize of the Académie des Inscriptions and Belles-Lettres (France).

ББК 63.3(0)31

Печатается по постановлению Ученого совета
Института восточных рукописей РАНИздание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (проект № 08-01-16191д)

© М. А. Дандамаев, 2009

© Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009

© С. В. Лебединский, оформление, 2009

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ

М. А. Дандамаев получил в Ленинграде и Москве разностороннее востоковедное образование у крупных шумерологов и ассириологов В. В. Струве, Л. А. Липина и И. М. Дьяконова, ираниста В. И. Абаева, семитолога И. Н. Винникова, а также у классиков М. Н. Ботвинника, А. Н. Попова и А. И. Доватура.

Полвека прошло со времени моего знакомства с ним, когда мне довелось выступить оппонентом на защите его кандидатской диссертации. Спустя несколько лет она была опубликована под названием «Иран при первых Ахеменидах» (М., 1963) и получила высокую оценку в рецензиях российских и зарубежных востоковедов. В 1976 г. она в несколько переработанном и дополненном виде была издана в ФРГ под названием «*Persien unter den ersten Achämeniden*» (Wiesbaden), и Французская академия надписей и изящной словесности присудила за нее автору международную премию имени известного археолога Р. Гиршмана. В 1973 г. эта книга появилась также в Иране в персидском переводе. Позднее там же были изданы на персидском языке еще две его книги.

После публикации первой своей книги автор в течение многих лет не писал значительных работ, так как стал заниматься совершенно новой для него темой, а именно вавилонскими экономическими, частноправовыми и административными документами I тысячелетия до н. э., количество которых насчитывает десятки тысяч единиц. Итогом многолетних трудов в этой области стала его книга «Рабство в Вавилонии в VII–IV вв. до н. э.» (М., 1974). Спустя десять лет она в переработанном и значительно расширенном виде была опубликована и в США на английском языке (*Slavery in Babylonia from Nabopolassar to Alexander the Great*. DeKalb, 1984).

Следующей стала книга «Вавилонские писцы» (М., 1983). Она посвящена вопросам образования и методам школьного обучения, архивному и библиотечному делу, а также жизни и деятельности вавилонского писца, который был центральной фигурой клинописной культуры.

На стыке иранистики и ассириологии находится его книга об иранцах в Месопотамии (*Iranians in Achaemenid Babylonia*. Costa Mesa, New York, 1992). Она написана на основе обширного материала вавилонских документов ахеменидского времени и впервые в полном объеме содержит анализ иранских имен и информацию об их носителях, которые засвидетельствованы в документах из Вавилонии, составленных в VI–IV вв. до н. э. Эти тексты бросают свет на административную деятельность, военную службу и частную жизнь персов, мидийцев, бактрийцев, хорезмийцев, саков и представителей других иранских народов,

которые были направлены в эту страну для выполнения различных должностных обязанностей, а также лиц, оказавшихся там по тем или иным, большей частью неизвестным нам, причинам. Книга эта содержит лекции, которые были прочтены автором в 1988 г. в Колумбийском, Чикагском, Гарвардском, Нью-Йоркском, Пенсильванском и ряде других университетов США.

Наряду с ассириологией М. А. Дандамаев продолжал работу и в области истории Древнего Ирана. В частности, им была опубликована «Политическая история Ахеменидской державы» (М., 1985), которая позднее вышла в несколько дополненном виде в английском переводе (*A Political History of the Achaemenid Empire*. Leiden, New York, 1989). Совместно с В. Г. Лукониным им написана книга «Культура и экономика Древнего Ирана» (М., 1980), которая позднее была переведена на испанский язык (*Cultura y Economía del Iran Antiguo*. Barcelona, 1991), а также выдержала три издания на английском языке (*The Culture and Social Institutions of Ancient Iran*. Cambridge, 1989, 1994, 2004).

М. А. Дандамаев принял участие в создании многих коллективных трудов по различным проблемам истории и культуры стран Ближнего Древнего Востока. Среди таких работ можно упомянуть, в частности, университетские учебники и пособия МГУ, «Историю Древнего Востока: от ранних государственных образований до древних империй» (М., 2004), «Историю цивилизаций Центральной Азии» (издание ЮНЕСКО: *History of Civilizations of Central Asia*. Vol. 2. Paris, 1994), «Кембриджскую древнюю историю» (*The Cambridge Ancient History*). Его перу принадлежат также более трехсот статей, обзоров и рецензий, которые опубликованы в российских и зарубежных изданиях.

М. А. Дандамаев принимает активное участие в научной жизни Международного востоковедного сообщества. Он выступал с докладами на нескольких десятках международных конгрессов и читал лекции во многих университетах США, Великобритании, Швейцарии, ФРГ и Израиля. Он является заместителем главного редактора журнала «Вестник древней истории», научным консультантом «Большой российской энциклопедии», членом редакционного совета Международного корпуса иранских надписей (*Corpus Inscriptionum Iranicarum*), членом редколлегии и редакционного совета «Иранской энциклопедии» (*Encyclopaedia Iranica*), а также состоит в редколлегии журнала «Иранские древности» (*Iranica Antiqua*), членом-корреспондентом Института Среднего и Дальнего Востока (Рим) и Венгерского общества классических древностей, сотрудником Центра клинописной документации (Париж). Он избран почетным членом Американского востоковедного общества.

Под руководством М. А. Дандамаева прошли ассириологическую подготовку более десяти ученых из бывшего СССР и западных стран. Труды его получили высокую оценку отечественных и зарубежных специалистов. В 1987 г. за серию книг по истории и культуре Ирана и Вавилонии ему была присуждена Государственная премия СССР. В 1997 г. он был избран членом-корреспондентом Российской академии наук. С 1959 г. он работает в Ленинградском (ныне Санкт-Петербургском) филиале Института востоковедения и в 1967–1997 гг. был руководителем сектора Древнего Востока, а в настоящее время является главным научным сотрудником этого института.

Его публикации получили высокую оценку востоковедов. И. М. Дьяконов в рецензии на книгу «Иран при первых Ахеменидах» писал в «Вестнике древней истории», что «разноязычность источников по истории Древнего Ирана представляет одну из главных трудностей для исследователей. Редко кто в равной степени владеет античными и древневосточными языками и соответствующими источниковедческими познаниями, и это приводит к погрешностям. Работа М. А. Дандамаева свободна от подобного недостатка». Известный ассириолог М. Стол в журнале «*Bibliotheca Orientalis*» дал книге «Рабство в Вавилонии» следующую оценку: «Эта книга бесценна. Она долго останется настольной для тех, кто занимается рабством на Древнем Востоке, благодаря огромному использованному в ней материалу». Американский востоковед Б. Фостер в «*Journal of the American Oriental Society*» так оценил книгу «Вавилонские писцы»: «Этот труд останется образцом исследования: ясная, хорошо организованная, авторитетная и полная эрудиции».

Предлагаемый здесь сборник статей разнообразен по своей тематике, но из него читатель может получить целостное и всеобъемлющее представление об административном устройстве, государственном и храмовом секторах экономики, частновладельческих хозяйствах и предпринимательстве в Древнем Иране и Месопотамии. Значительное внимание уделено также до сих пор малоизученным проблемам по выяснению плюралистического характера древних верований и характерных особенностей идеологии того времени.

В Месопотамии рассматриваемого здесь времени наряду с автохтонным населением по различным причинам жили представители около тридцати народов, начиная от Египта и кончая Афганистаном и Индией. Вопросы взаимоотношений различных групп таких поселенцев между собою и с коренным населением страны, их культурных особенностей, а также постепенной утраты ими своей этнической принадлежности и слияния их в единый народ нашли обстоятельное отражение в данной книге.

Значительное место уделено автором выяснению положения различных групп свободного населения и рабов, включая хорошо засвидетельствованные факты контраста между бедными свободными и богатыми рабами.

Наконец, от внимания автора не ускользнули иранские термины, встречающиеся в вавилонских документах, значения которых оставались неизвестными. Выяснению их этимологий посвящен ряд этюдов, и предложенные им толкования приняты авторитетными специалистами и включены в аккадские и древнеперсидские словари. В качестве примера можно сослаться на слово *парадиз*, которое встречается в вавилонских текстах для обозначения парка с фруктовыми деревьями, которое впоследствии стали употреблять для обозначения рая.

Для включения в настоящий сборник выбрана часть тех работ, которые, несмотря на быстрое развитие науки, еще сохраняют свое значение. В книге помещено в русском переводе также много статей, которые были опубликованы в западных журналах и в большинстве своем оставались недоступными русскоязычному читателю. При переиздании и переводе статей на русский язык сделаны порою значительные сокращения за счет устаревших ссылок и положений,

но в то же время добавлены ссылки на новую литературу, а также внесены необходимые изменения с учетом современного состояния науки.

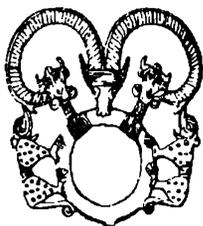
Можно надеяться, что читатель с интересом ознакомится с этой книгой, в которой нашли отражение большие достижения иранистики и ассириологии за последние полвека.

*М. Н. Боголюбов,
академик РАН
16 марта 2007 г.*

*Памяти Абдулкадыра Дандамаева,
народного учителя и неутомимого труженика*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представленные в этом сборнике статьи в большинстве своем были написаны во второй половине XX в. Ввиду стремительного развития науки и постоянного введения в нее огромного документального материала клинописных текстов разных жанров публикации в области ассириологии быстро устаревают. Поэтому приблизительно из четырехсот работ автор выбрал те статьи, которые, по его мнению, все еще сохраняют свое научное значение. По соображениям экономии места многие статьи даются в сокращенном виде. Транслитерации клинописных текстов при переиздании пропущены, однако их переводы сохранены, а в необходимых случаях читатель может обратиться к первоначальным публикациям. Кроме того, ссылки на устаревшие работы заменены указаниями на новые исследования. При отборе статей для данного сборника автор руководствовался также соображениями их доступности для русскоязычного читателя. Значительная часть статей, вышедших на западных языках, осталась совершенно недоступной нашему читателю, поскольку даже крупнейшие библиотеки страны не получали большинства ассириологических публикаций на западных языках. Поэтому в данном собрании предпочтение отдается малодоступным работам. При переводе статей на русский язык в текст внесены необходимые изменения с учетом современного состояния науки и добавлены ссылки на новые издания текстов. При упоминании текстов, которые переиздавались несколько раз, предпочтение отдается последним по времени публикациям. При изложении датировок исторических событий древних периодов, как правило, имеется в виду эпоха до н. э.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
АДМИНИСТРАЦИЯ

РАСПАД ГОСУДАРСТВЕННОГО ХОЗЯЙСТВА И ПРОЦЕССЫ ПРИВАТИЗАЦИИ В ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ¹

Где имеются доходы, но ни-
кто не становится богатым,
и где расходам нет конца —
что это такое?

Ответ: дворцовое хозяйство.

*Шумеро-авилонская
загадка (САД 1960 I/J: 225)*

Современные процессы приватизации, ставшие особенно интенсивными во многих странах в течение последних десятилетий, вызвали во всем мире значительный теоретический интерес к проблеме распада всеохватывающих секторов государственного и храмового хозяйств в древности. Самая значительная попытка осмысления этих процессов была сделана на Международном симпозиуме на тему «Приватизация на Древнем Ближнем Востоке и в античном мире»,

---

¹ Данная работа ранее была опубликована: ВДИ. 2002. № 4: 3–22. Ср. также: Dandamayev 1996: 197–221.

проведенном Нью-Йоркским университетом в 1994 г., материалы которого были опубликованы два года спустя (Hudson, Levine 1996).

Рассматривая основные тенденции приватизации земли, ремесла и денежных средств в течение последних пяти тысяч лет, участники симпозиума стремились, в частности, ответить на следующие вопросы: было ли частное предпринимательство исконным или же оно возникло после предпринимательства, обслуживавшего государственный и храмовый секторы экономики? Развивается ли мировая экономика в направлении усиления общественного контроля и государственного регулирования или же в обратную сторону? Был ли в древности аппарат управления таким же неэффективным и коррумпированным, как современная бюрократия?

Настоящая статья состоит из краткого обзора эволюции основных экономических укладов Месопотамии 3-го и 2-го тысячелетий, довольно обстоятельного исследования экономики и социальных институтов 1-го тысячелетия до н. э. (т. е. нововавилонского и ахеменидского периодов — главным образом VII–V вв.) и заключения.

Еще на заре цивилизации, в раннединастический период (около 2800–2500 гг.), если не с более раннего времени, в Шумере (Южная Месопотамия) сосуществовали храмовые, дворцовые и общинные хозяйства (см.: Edzard 1996: 114). Первоначально храмовые хозяйства возникли на земле, выделенной для организации культовой службы, и необходимую работу по ее возделыванию выполняли сами общинники. Номинально эта земля считалась собственностью главного бога данной местности. Но постепенно храмы стали собственниками обширных сельскохозяйственных имений, дававших сотни тысяч литров зерна, и крупных ремесленных мастерских. Таким образом, храмы получили возможность создавать значительные запасы продовольствия, которые предназначались на случай голода и других чрезвычайных обстоятельств, а также для международного обмена и, само собой разумеется, для жертвоприношений. Уже тогда и в течение двух следующих тысячелетий жертвоприношения, основная часть которых предназначалась для праздничных пиршеств населения, были основным, если не единственным, источником мясного питания, которое для подавляющей части народа оставалось недоступной роскошью в повседневной жизни (Дьяконов 1983: 140–141).

О шумерском храмовом хозяйстве наглядное представление дают документы обширного архива храма богини Бабы, функционировавшего во второй половине XXIV в. в городе-государстве Лагаше. Этим хозяйством управляла жена правителя (энси) Лагаша, которая выполняла обязанности жрицы указанного святилища. Ее муж был главой государства и одновременно управителем храма Нингирсу, главного бога Лагаша и супруга Бабы. Но архив этого хозяйства не сохранился или еще не обнаружен.

Собственность храма Бабы состояла приблизительно из 4500 га пахотной земли, а также ряда ремесленных мастерских. Сравнительно небольшая часть земли предназначалась для обслуживания культа и собственно храмового хозяйства, а остальная земля отдавалась в аренду за часть урожая (обычно за одну треть) или же в виде наделов распределялась среди храмовых чиновников, зем-

ледельцев и ремесленников в порядке вознаграждения за их работу. При этом посевное зерно, тягловый скот и рабочий инвентарь принадлежали храму. Основным сельскохозяйственным продуктом был ячмень, из которого также варили пиво — самый распространенный в Древней Месопотамии алкогольный напиток. Храм получал доходы также от скотоводства, а обширные заболоченные районы позволяли заниматься рыболовством, улов которого шел на жертвоприношения и в пищу храмового персонала.

На храм работало около 1200 человек, принадлежавших к полусвободным слоям населения, включая также около 100 рыбаков и 200 женщин, трудившихся в прядильных и ткацких мастерских, на кухнях и скотных дворах. Среди них были также рабыни.

Можно уверенно полагать, что значительная часть пахотной земли, принадлежавшей городу-государству Лагашу, была собственностью храмов, одним из которых и было святилище Бабы. Начиная с 20-х гг. XX в. в течение нескольких десятилетий в науке господствовало мнение, высказанное известным шумерологом А. Деймелем, согласно которому в 3-м тысячелетии вся пахотная земля в шумерских городах принадлежала храмам или контролировалась ими, и поэтому эти города стали называть храмовыми (обзор этой литературы см.: Foster 1981: 225–226). Однако эта гипотеза была пересмотрена после того, как появились свидетельства о том, что общинники также владели землей (Gelb 1969: 144–145)².

Как мы видели выше, храмовое хозяйство Лагаша фактически контролировалось правителем этого города и его женой. Несколько позднее, в XXIII в., в Месопотамии возникло обширное дворцовое (или государственное) хозяйство³. Царь стал собственником обширных земельных массивов, часть которых обрабатывалась зависимыми от дворца людьми, а остальные предоставлялись в виде наделов царским чиновникам и различным ремесленникам в порядке вознаграждения за их службу и работу. Наконец, часть земли царская администрация сдавала в аренду (Ellis 1976: 80–81). Размеры царских (или государственных) земель значительно расширились за счет владений частных лиц и храмов, хотя те и другие хозяйства продолжали существовать. Например, около 2240 г. царь Маништусу купил 8 больших массивов земли общей площадью 3430 га у главы расширенных семей, т. е. семей из нескольких поколений, находившихся под властью *pater familias*. Царь не только заплатил за землю, но также сделал подарки некоторым продавцам. Тем не менее высказывалось мнение, что уплаченная цена была низкой, а сама продажа была совершена по принуждению (Westenholz 1999: 44).

Поглощению храмовых имений дворцовым хозяйством помогло и обожествление царя Нарамсина (около 2236–2200 гг.), поскольку теперь он как бог мог претендовать на храмовые земли (Steinkeller 1999: 554).

² С учетом более ранних работ И. М. Дьяконова.

³ Вслед за И. М. Дьяконовым мы называем государственными дворцовое и храмовое хозяйства, когда они фактически составляли единый комплекс, что было характерно для ранних периодов истории Месопотамии.

По свидетельству одного документа из Лагаша, царь Шаркалишарри (2200–2176 гг.) купил около 800 га пахотной земли у группы чиновников (управители, писцы и др.), ведавших большими храмовыми владениями, за 75 мин серебра. Как отмечает Стейнкеллер, эти продавцы вряд ли имели право на владение продаваемой ими земли. Он также считает, что это была принудительная продажа или даже конфискация и что многие из продавцов, вероятно, продолжали управлять теми же именьями и при новом хозяине (*ibid.*: 556).

Зенита своего развития царское, или дворцовое, хозяйство в Месопотамии достигло в период III династии Ура в XXI–XX вв. Никогда ни до этого, ни после этого царская земельная собственность не достигала таких колоссальных размеров, как при правлении царей государства Ур. Оно вообще не поощряло самостоятельного ведения хозяйства частными лицами и стремилось монополизировать всю собственность страны. При этом прежняя храмовая земля полностью была включена в систему гигантского государственного хозяйства и находилась под жестким контролем царской администрации, хотя официально она считалась собственностью главного бога того или иного округа⁴. При этом цари пользовались неограниченной властью.

Основная рабочая сила состояла из так называемых гурушей, полусвободных мужчин, сведенных в отряды и работавших круглый год на полях, в садах и ремесленных мастерских под контролем надсмотрщиков⁵. Среди них были как земледельцы (пахари, виноградари, садовники), так и ремесленники (медники, кузнецы, кожевники, ткачи, плотники, горшечники и др.). Велся также тщательный учет рабочей силы, включая больных и умерших. Во время срочных сезонных работ (например, жатвы) прибегали и к найму работников (Maekawa 1987: 69).

По мере надобности рабочую силу перебрасывали с места на место, ибо отдельные филиалы государственного хозяйства были тесно связаны между собой, регулярно производя необходимый обмен и перераспределение продукции. Всеми этими филиалами руководила царская администрация из столицы империи Ура. Туда же доставляли большую часть урожая. Например, в 2045 г. из одной провинции было привезено в Ур около 15 млн л ячменя (Renger 1995: 313). Подобным же образом после стрижки овец значительную часть шерсти доставляли в Ур, перерабатывали там и в виде готовой одежды сдавали на склады. Огромные доходы царского хозяйства, в частности, использовались для международной торговли, особенно для доставки металлов из стран, удаленных от Месопотамии на многие сотни километров.

В этот период жрецы полностью находились на положении царских чиновников. Они, как и должностные лица храмовой администрации, получали пайки, или же еще чаще вместо пайков им отводили наделы земли. Такие наделы выдавались также части ремесленников. В зависимости от ранга и положения

⁴ О взаимоотношениях между центральным царским хозяйством и государственными именьями в отдельных округах см.: Тюменев 1956.

⁵ По мнению В. В. Струве, это были рабы. см.: Струве 1934: 495–507, однако в самих документах они отличаются от рабов.

владельцев наделов площадь последних колебалась от 0,3 до 18 гектар. При этом наместники городов могли получать по несколько сот га. Кроме того, ремесленники, писцы, купцы, пастухи и чиновники административного персонала могли также арендовать землю за долю урожая.

Государство круглый год выдавало пищевые пайки работникам царского хозяйства и их семьям, включая малолетних детей и нетрудоспособных стариков. При этом огромная часть городского населения, так или иначе связанная с дворцовым хозяйством, целиком зависела от таких пайков. Последние не имели прямого отношения к выполненной работе, а зависели от положения в иерархической системе и считались раз и навсегда установленными, хотя в критические периоды (например, неурожай, войны) пайки одними продуктами могли быть заменены другими. Основным продуктом питания и, следовательно, главной статьей пайков был ячмень, который к тому же играл доминирующую роль мерила стоимости в 3-м и 2-м тысячелетиях, хотя расчеты производились в серебряном эквиваленте. Обычной нормой для взрослого мужчины был 1 л ячменя в день, а для женщины 0,7 л. В период между 2060–2010 гг. взрослые мужчины получали от 15 до 25 л ячменя, 10 л фиников и 2,5 л растительного масла в месяц. Иногда выдавали также экстраординарные пайки овощами, пивом, рыбой, фигами и т. д. Кроме того, работникам и служащему персоналу раз в год выдавали 2 кг шерсти, из которой можно было сделать всего одну одежду, которую, очевидно, носили целый год бессменно (Waetzoldt 1987: 125). В одном документе зафиксирована выдача 1148 талантов (около 34 440 кг) шерсти рабам и рабыням. Даже при расчете 4 мины на человека в год получается 17 220 человек (ibid: 127–128). Вероятно, общее количество населения, получавшего пайки от государства, доходило до 0,5 млн человек или более. Другими словами, государство снабжало работой и кормило основную часть населения страны. Очевидно, именно этим объясняется мнение некоторых зарубежных ученых о том, что при III династии Ура восторжествовал «государственный социализм» (см. литературу: Gelb 1969: 146).

Держава III династии Ура была классическим образцом бюрократического ведения хозяйства с очень развитым бухгалтерским учетом перемещения рабочей силы, расходов продукции с учетом даже самых мельчайших вещей и доходов, поступавших на все государственные склады. Все эти процессы отражены в десятках тысяч документов хозяйственной отчетности. Среди них сохранились тысячи глиняных продовольственных аттестатов с указаниями о необходимости выдачи муки, пива и кунжутного масла для царских чиновников и гонцов, находившихся в пути по государственным делам. Иногда такие служебные поездки охватывали многие сотни километров, и начиная от места выхода и до места назначения на каждой промежуточной стоянке каждого чиновника или работника ждали установленные для них пайки в зависимости от их ранга и положения.

Многие ученые высказывали мнение, что в державе III династии Ура вся пахотная земля принадлежала государству. Например, Стейнкеллер пишет, что в 3-м тысячелетии в Месопотамии собственность на пахотную землю была исключительной прерогативой богов, а индивидуальная собственность на нее

вообще не существовала (Steinkeller 1999: 294). Однако Гельб справедливо отметил, что отсутствие сделок о продаже полей свидетельствует скорее о том, что отчуждение земли не допускалось, чем об отсутствии права на владение землей частными лицами (Gelb 1969: 148–149; 1979: 69–70). По мнению И. М. Дьяконова, в период III династии Ура государственные (т. е. дворцово-храмовые) хозяйства занимали лишь часть территории страны, и архивы, относящиеся к ним, не отражают то, что происходило за их пределами, а именно на земле, принадлежавшей индивидуальным расширенным семьям, которые входили в территориальные общины (Дьяконов 1983: 272). От периода III династии Ура сохранились также контракты об аренде полей частными лицами друг у друга, но таких источников мало, и их толкование не всегда бесспорно (Gelb 1969: 147). Кроме того, в одном документе того же времени упоминается поле, которое граничило, в частности, с полями, принадлежавшими соответственно кузнецу и кожевнику (Edzard 1996: 111).

В конце 3-го тысячелетия империя Ур стала терпеть поражения одновременно от аморейских племен, наступавших с запада, из Сирийской пустыни, и эламитов с востока. Вскоре государственные хозяйства были дезорганизованы, склады разорены и разграблены. Положение в столице державы Уре стало критическим, цены на зерно поднялись в десятки раз, и городское население, целиком зависевшее от пайков, голодало. Наконец, в 2004 г. эламиты увели в плен последнего царя III династии Ура, и само это государство перестало существовать.

После падения державы Ур власть в Месопотамии перешла к царям из города Иссина на западе страны. Хотя прежнюю экономическую систему с ее всеохватывающим государственным контролем не удалось сохранить в полном виде, многие ее элементы все еще продолжали функционировать. Место подневольных гурушей, работавших круглый год под надзором и живших на пайках, заняли арендаторы, которые платили дворцу определенный доход. Услуги чиновников также вознаграждались наделами из государственного земельного фонда. Урская система ремесленных мастерских подверглась некоторым важным изменениям. Из Иссина сохранился довольно обстоятельный архив, фиксирующий работу ряда ремесленных мастерских за период от 2017 до 1975 г. По документам этого архива достаточно хорошо прослеживаются все этапы работы, от получения сырья до сдачи готовой продукции на склад. Среди ремесленников упоминаются плотники, кожевники, корзинщики и сукновалы, которые группами по 15–20 человек работали под присмотром надзирателей. Однако эти люди работали только поочередно, через день, и можно предполагать, что часть времени они трудились в своих собственных мастерских⁶.

После упадка Иссина ведущая роль в Южной Месопотамии в XIX–XVIII вв. принадлежала государству под эгидой города Лагаша⁷. В XVIII в. при знаменитом вавилонском царе Хаммурапи и его преемниках дворцовое хозяйство продолжало совпадать с государственным сектором экономики и оставаться ведущим.

⁶ См. публикацию документов этого архива: Mieroop 1987.

⁷ О различных аспектах экономической системы этого государства см.: Козырева 1988.

Храмы снова попали в подчинение царской администрации. Кроме того, международная торговля также была сосредоточена в руках государства.

Распределительная система пайков уже не существовала, и царские чиновники, а также ремесленники и воины получали наделы площадью 9–12 га. Эти наделы обеспечивали в полной мере гарантированное существование их держателей. Существовали два вида наделов, а именно «(приносящие) доход» (*biltu*) и «повинностные» (*ilku*). Первые из них распределялись среди людей государственного персонала, количество которых значительно сократилось по сравнению с предыдущим периодом, а повинностные наделы жаловались воинам.

Через столетие после смерти Хаммурапи государство уже не в состоянии было осуществлять строгий контроль над рабочей силой или, возможно, в этом уже не было надобности. Во всяком случае, государство стало нанимать людей для обработки дворцовой земли (Ellis 1976: 77–79).

Некоторые исследователи полагают, что, как и в эпоху III династии Ура, наиболее значительная часть земли в Южной Вавилонии продолжала оставаться в государственной собственности, а индивидуальная собственность на пахотную землю играла лишь незначительную роль. К настоящему времени известны около 800 старовавилонских контрактов о продаже полей, садов и домов. Из них 250 контрактов происходят из Южной Вавилонии, включая 13 документов, где, по мнению Ренгера, речь идет о маргинальных или заброшенных участках. Но еще важнее обратить внимание на полное отсутствие упоминания о полях в документах из Южной Вавилонии о разделе наследства, составленных в течение нескольких поколений. Но положение в северовавилонских городах (Сиппар, Киш и др.) значительно отличалось, поскольку оттуда сохранилось довольно много контрактов о продаже полей (Renger 1994: 186–189).

В отличие от системы Ура, где наделы перераспределялись каждый год, старовавилонские наделы переходили по наследству от отца к сыну в течение ряда поколений вместе с повинностью, установленной на них. Как отмечает Эдзард, хотя держатели этих наделов еще не были их собственниками, но у них были шансы их приватизации. К тому же, как видно из Законов Хаммурапи (§ 40), существовала особая категория наделов, которые можно было продать при условии, что продавец нес ответственность за выполнение повинности. Хотя и в данном случае не было приватизации в строгом понимании этого слова, поскольку надел все еще формально продолжал считаться государственной собственностью, тем не менее со временем он мог быть приватизирован (Edzard 1996: 114–116)⁸. В этот период происходили значительное усиление частного экономического сектора и на общинной земле и рост товарно-денежных отношений, что, разумеется, приводило к разорению части населения (Дьяконов 1983: 337).

В начале следующего, средневавилонского, периода (XVI–XI вв.) государству все еще принадлежала значительная часть земли и контроль над храмами. Однако из царского фонда земли все чаще стали передавать во временное пользование государственным чиновникам и другим лицам, нередко с освобождени-

⁸ Ср.: Diakonoff 1972: 48, где говорится о случаях учреждения частного хозяйства царскими слугами на надельной земле.

ем от налогов и повинностей. Такие земли можно было передавать по наследству, и постепенно они превращались в частную собственность.

В конце XIII в. начался экономический и политический упадок Вавилонии, в страну стали вторгаться ассирийцы и эламиты, а с середины XI в. также кочевые племена арамеев, обитавших к западу от Евфрата. Это время скудно освещено письменными источниками. В 729 г. Вавилония была завоевана Ассирией и на целое столетие потеряла независимость. В 626 г. вавилоняне подняли восстание против ассирийского господства и, одержав победу над своими врагами, создали державу, которая наряду с Месопотамией охватывала Сирию, Палестину, Финикию и ряд районов Малой Азии и Аравии. Одновременно последовал беспрецедентный экономический расцвет и культурное возрождение страны. Этот период характеризуется исключительным обилием письменных источников, в том числе хозяйственных и административных документов из храмовых архивов, а также частноправовых документов (к настоящему времени опубликовано более 24 000 таких текстов). В 539 г. Вавилония была захвачена персами и, навсегда утратив свою независимость, стала частью огромной Ахеменидской империи, которая простиралась от Нубии в Африке до Индии и Средней Азии.

Как и во все предыдущие периоды, в нововавилонское время земледелие оставалось основной отраслью экономики страны. Задолго до этого земля стала частной собственностью и могла свободно отчуждаться. Лишь одну храмовую землю нельзя было продавать, так как она считалась собственностью главного бога той или иной храмовой общины. Формально отчуждению не подлежали также наделы, выделенные государством для несения военной повинности. Как показал ван Дриль в одном из своих недавних исследований, в нововавилонское время часто покупали заброшенную или пахотную землю, чтобы превратить ее в финиковые рощи. Цена таких участков составляла 30 сиклей серебра за 5400 квадратных локтей или, другими словами, 30 кур (5400 л) ячменя составлял эквивалент 1 кур (13 500 кв. м земли). Однако пахотная земля могла стоить и в два раза больше (Driell 1998: 42–43).

Ввиду нерентабельности рабского труда крупные землевладельцы предпочитали обращаться к услугам свободных арендаторов, сдавая им земли маленькими парцеллами, и, таким образом, наличие крупного землевладения сочеталось с мелким землепользованием. Арендная плата была двух видов: размер ее либо устанавливался заранее при заключении контракта, либо же владелец земли получал $\frac{1}{3}$ урожая, а арендатор — $\frac{2}{3}$.

В I-м тысячелетии до н. э. продолжали существовать те же три экономических сектора, которые возникли в Месопотамии еще на заре истории, т. е. царское, храмовые и частновладельческие хозяйства. Как мы видели, в 3-м и 2-м тысячелетиях решающее значение имел дворцовый (государственный) экономический сектор, в придаток которого с течением времени превратились храмовые хозяйства, в то время как роль частновладельческих хозяйств была ограниченной. Однако теперь качественное соотношение этих секторов радикально изменилось. Начнем их рассмотрение с традиционного царского сектора экономики.

В рассматриваемое время царь владел лишь сравнительно небольшим земельным фондом, управление которым было основано на принципах частно-

владельческого хозяйства. Такие земли упоминаются лишь в единичных текстах. В частности, сохранился весьма примечательный документ об обмене полями между царем Навуходоносором II и частным лицом по имени Халтику, сыном Аххешайи, который из других источников нам не известен. Поля были расположены вдоль берега Евфрата в районе Сиппара, и каждое из них было площадью по 120 кур (162 га). Сам документ был составлен в Вавилоне в 599 г. (Bruschweiler 1989: 153–162).

Сохранился также контракт о сдаче в аренду «зернового поля, принадлежащего царю». В 587 г. Шулайя, глава предпринимательского дома Эгиби, обратился к одному из служащих дворцового управления Навуходоносора II с просьбой сдать ему в аренду это поле «на вечные времена» для насаждения сада. Оно было расположено близ Вавилона на берегу одного из каналов и имело площадь 800 квадратных локтей (около 400 кв. м). По условиям контракта арендатор должен был «давать царю вечно половину того, что будет расти на этом поле». В данном случае не совсем ясно, относится ли фраза «на вечные времена» лишь к самому арендатору или имеются в виду также его будущие наследники (Nbk 115; ср.: Ries 1976: 14, 148–149).

Значительный интерес представляет также документ, по свидетельству которого три лица, ответственных за уток царя Набонида, сдали в 546 г. 41 утку «для ухода» одному «пастуху птиц бога Шамаша», т. е. птичнику храма Эбббара в Сиппаре (CIS. Vol. 2. Part 1. P. 61).

Позднее, в ахеменидское время, площадь земли, которая находилась в фактической собственности персидских царей, значительно увеличилась. Эти земли в большинстве случаев были расположены в округе города Ниппура и сдавались в аренду известному предпринимательскому дому Мурашу. Например, по свидетельству одного документа, в 420 г. дом Мурашу арендовал у царского управляющего поля, расположенные по берегам нескольких каналов, на три года, обязавшись платить ежегодно 220 кур (39 600 л) ячменя, 20 кур (3600 л) пшеницы, 10 кур (1800 л) полбы, а также 1 быка и 10 баранов (ТМН 2/III: 147; ср.: Cardascia 1951: 158–160; ЕЕМА 1985: 36–51).

Еще до персидского завоевания в Вавилонии применялась такая система землепользования, когда царь распределял наделы среди своих воинов. От указанного времени о таких наделах сохранились лишь единичные свидетельства (Jursa 1998: 13–18). Но в ахеменидское время эта система широко внедрилась. В частности, от второй половины V в. о наделах воинов сохранилось несколько сот документов, составленных в Ниппуре и его окрестностях. Судя по ним, их владельцы не только отбывали воинскую повинность, но также обрабатывали выделенные для них наделы коллективно, группами (или же сдавали их в аренду) и платили определенную денежную и натуральную подать. Среди таких земель самым распространенным был так называемый надел лука, с которого необходимо было выставить лучника для службы в армии во время военных действий. Средняя площадь надела лука не превышала 20 кур (26 га), а нередко была и меньше (TEBR 1982: 85).

Наделы переходили по наследству по мужской линии, а при отсутствии наследников возвращались государству. Наделы также можно было сдавать в

аренду при условии, если владелец продолжал нести свою повинность. Кроме того, наделы можно было закладывать, и нередко владельцы оказывались не в состоянии выкупить их обратно. Но их нельзя было отчуждать, и кредитор мог брать только урожай как эквивалент долга. Однако иногда кредиторы становились фактическими владельцами наделов под видом усыновления хозяевами последних (Cardascia 1951: 36–39, 77–80; ЕЕМА: 24–27).

В одном позднеахеменидском документе (год разрушен), который, возможно, происходит из Ниппура, зафиксирована уплата подати (*ilku*) с 15 наделов лука. В числе других с надела одного ткача было уплачено 1,5 мины серебра и с надела плотника — 1 мина 50 сиклей. Кроме того, 3 сикля было уплачено одним строителем, который владел лишь частью надела. В этом же тексте в качестве владельца упомянут и надзиратель над каналами (TEBR 1). Таким образом, если первоначально наделы лука жаловались воинам для обеспечения их существования вместе с семьями и возможности приобретения ими необходимого снаряжения, с течением времени в результате закладов, дробления и фиктивного усыновления владельцами их могли стать и невоины при условии выполнения военной повинности нанятыми для этого новым хозяином лицами.

Известен также еще один способ косвенного отчуждения надела. По свидетельству документа, составленного в 430 г. в Ниппуре, зерновое поле, расположенное на берегу канала Евфрата Ниппурского, было сдано в аренду на 30 лет дому Мурашу за 50 кур (9000 л) фиников в год. Очевидно, предполагалось, что поле будет превращено в финиковую рощу. Надел этот принадлежал двум воинам, которые, судя по их именам, были египтяне, и граничил с землей, принадлежавшей одному лидийскому колонисту из царского войска (Donbaz, Stolper 1997, N 3). Как полагают издатели документа, это была фиктивная аренда, под которой скрывалась фактическая продажа (*ibid.* 3: 80). По-видимому, в позднеахеменидское время наделы воинов разрешалось продавать. Во всяком случае, в одном документе, составленном в местности Шатир (недалеко от Ниппура) в 424 г., фиксируется продажа надела лука за 0,5 мины «чистого» серебра (TEBR 31). По мнению Жоаннеса, начальники совокупностей наделов сами решали судьбу того или иного надела, когда он становился вакантным, отвечая вместе с другими владельцами наделов за несение соответствующих повинностей (*ibid.*: 40).

Дворцу (или государству) принадлежали также крупные каналы, которые управляющие царя сдавали в аренду частным лицам. Каналы вокруг Ниппура часто арендовал дом Мурашу, который, в свою очередь, сдавал их группам мелких землевладельцев (ЕЕМА 1985: 37–38). Например, в 439 г. семь землевладельцев заключили контракт с тремя арендаторами царского канала, в числе которых был и дом Мурашу. По этому контракту субарендаторы получили право орошать свои поля в течение трех определенных дней в каждом месяце и за это должны были платить своим контрагентам, в частности, $\frac{1}{3}$ урожая и определенную сумму денег за каждую меру земли (BE IX 7).

Нововавилонские и ахеменидские цари выполняли важные проекты, чтобы улучшить снабжение водой для житейских нужд, ирригации и навигации в регионах Вавилона, Сиппара и Борсиппы (Cole 1994: 81–109). Археологические исследования в Ниппуре и его округе свидетельствуют об увеличении там на-

селения, обработке давно заброшенных земель, сооружении новых каналов и основании новых поселений при Ахеменидах (Oppenheim 1985: 577; ЕЕМА 1985: 37).

Мы не располагаем никакими сведениями о царских ремесленных мастерских нововавилонского времени. Правда, в текстах упоминаются плотники, строители и другие ремесленники царя, но они, по-видимому, были свободными людьми, работавшими за плату. В ахеменидский период в текстах из Ниппура упоминаются «артели» различных ремесленников, которые получали от царя земельные наделы и за это несли определенные государственные повинности (см., например: BE X 6, 9 и др.).

Таким образом, царское хозяйство не имело большого удельного веса в экономике Вавилонии. Оно скорее было собственным хозяйством царской семьи. Часть потребностей царя удовлетворялась храмами (об этом см. ниже), но царь содержал свой двор, государственный аппарат и армию в основном за счет налогов. По-видимому, все свободные должны были платить десятую часть доходов государству в качестве налогов. Они обычно уплачивались натурой (скотом, зерном, шерстью и т. д.), но официальные эксперты устанавливали их цену в серебре. Кроме того, некоторые группы населения (как, например, купцы, занятые международной торговлей) платили свои налоги серебром. Царь получал также портовые пошлины, плату серебром и натурой за проход кораблей и лодок по определенным каналам или под определенными мостами. Согласно Геродоту (III, 92), в ахеменидское время Вавилония ежегодно платила персидскому царю 1000 эвбейских талантов (25, 86 кг) серебра — т. е. значительно больше, чем любая другая сатрапия Ахеменидской державы. Как известно, около 519 г. Дарий I установил новую систему государственных податей, в соответствии с которой налоги с земли необходимо было платить серебром с учетом степени плодородности на основе среднего урожая за несколько лет.

Ни для одного периода истории Месопотамии нам не известно соотношение между личным имуществом царя и его семьи и государственной собственностью. Можно было бы предположить, что доход с царских владений был его личным имуществом, а поступления с государственной земли и налоги расходовались для потребностей страны, но не для личных целей царской семьи. Однако, по всей вероятности, не существовало четкого разграничения между государственной и царской собственностью. Если это так, то все государственные доходы (в том числе подати, пошлины и т. д.) формально считались царской собственностью в такой же мере, как и доходы с царских владений в узком смысле этого слова. Мы можем уверенно полагать, что царь, когда он нуждался, мог пользоваться государственными доходами для личных потребностей.

Вавилонские храмы играли большую роль в социальной и экономической структуре общества, будучи центрами религиозной жизни, а также крупными землевладельцами и рабовладельцами. Их административный аппарат состоял из гражданских чиновников, которые не выполняли никаких сакральных функций, чем должны были заниматься профессиональные жрецы.

Весьма богатую информацию о храмах Эанна в Уруке и Эбббара в Сиппаре дают архивы этих святынь. К настоящему времени опубликовано около

5000 документов нововавилонского и ахеменидского времени из Эбаббары и лишь немногим меньше из Эанны. Гораздо меньше данных у нас из архивов Эсагила в Вавилоне, Эзида в Борсиппе, Экур в Ниппуре, Экишнугаль в Уре и других храмов. Крупным источником доходов для всех этих храмов была десятина, которую члены храмовых общин вносили скотом, зерном, финиками и т. д.

Эанна была главным святилищем богини Иштар и экономическим центром Урука. Судя по археологическим данным, территория округа Урука, кроме самого города, включала еще 107 поселений гораздо меньшего размера (Adams, Nissen 1972: 18). Эанна владела большей частью земель этих поселений и превратила их в основном в плантации финиковых пальм (Cocquerillat 1968: 35–36).

Об имуществе Эанны определенное представление могут дать следующие цифры. Она владела приблизительно 16 000 га земли (Jursa 1995: 194), 5000–7000 голов крупного рогатого скота и 100 000–150 000 овец и коз (San Nicolò 1948: 285). Согласно одному документу, два работника в течение лишь двух месяцев доставили в Эанну 290 талантов (8700 кг) шерсти (TEBR 58).

Часть земель Эанны обрабатывалась людьми, жившими на храмовой земле, а также арендаторами. Но большую часть земли храм сдавал так называемым сборщикам арендной платы, которые были ответственны за доставку оговоренной при заключении контракта платы. Такие лица должны были надзирать над сбором арендной платы с полей и финиковых рощ, сданных ими в субаренду (Cocquerillat 1968: 37–51). Особый интерес представляет сохранившийся в нескольких экземплярах документ, по свидетельству которого в 555 г. два лица арендовали у Эанны 6000 кур (7500 га) земли. Однако в данном случае арендодателем выступает не храмовая администрация, в сам царь Набонид. Сборщики обязались ежегодно отдавать храму, в частности, 24 000 кур (4,5 млн л) отборного ячменя и 10 000 кур (1,8 млн л) «отменных» фиников. При этом сборщики обязались, что указанная земля будет обрабатываться только попеременно, а половина ее оставаться под паром. В свою очередь Эанна должна была предоставить в распоряжение сборщиков 400 храмовых землепашцев, 400 волов и 100 коров для замены тех волов, которые могут стать негодными для работы, а также посевное зерно, инвентарь и т. д. Срок арендного договора не указан, и, вероятно, он должен был действовать до тех пор, пока одна из сторон не откажется от него (YOS VI 11). Заслуживает упоминания также документ, по свидетельству которого в 553 г. один сборщик сдал в Эанну 10 136 кур (1 824 480 л) ячменя (ibid.: 78).

Такие сборщики, с помощью которых обрабатывались финиковые рощи и пахотные земли Эанны (а также и других храмов), принадлежали к средним и низшим слоям населения, включая даже храмовых рабов. Например, один из этих сборщиков в начале своего самостоятельного жизненного пути был старшим в группе храмовых рабов из десяти человек, затем арендатором храмовой земли и наконец сборщиком арендной платы с земель Эанны⁹.

⁹ См. ссылки на тексты: Dandamayev 1996: 199. Материал, содержащийся в указанной работе, частично использован и в настоящей статье.

В Уруке и его округе продолжало существовать и частное землевладение, однако наша информация об этом пока очень ограничена. В руинах домов, когда-то находившихся за территорией Эанны, были раскопаны примерно 350 документов частных архивов, из которых пока издано лишь 93 текста (Kessler 1991).

Эанна располагала несколькими сотнями рабов, часть которых была квалифицированными ремесленниками. Однако последние не могли удовлетворить все потребности храмового хозяйства. Поэтому Эанна широко пользовалась услугами ремесленников из сословия свободных (ювелиры, кожевники, плотники, кузнецы, ткачи, строители, прачечники и др.), которые работали за плату и харчи¹⁰. Кроме того, выполнение обязанностей, связанных с культовой службой, в Эанне, как и в других храмах, было основано на системе пребенд. Пребендарии работали в качестве пивоваров, мясников, пекарей, привратников и т. д. в течение определенных дней и получали за это соответствующий доход (обычно от 1 до 3 кур, т. е. 180–540 л в месяц) ячменем или финиками, которые стоили приблизительно одинаково. Существовало определенное, издавна строго ограниченное количество пребенд, владельцами которых могли стать только свободные граждане данной храмовой общины. Но пребенды можно было не только отдавать в аренду, но также продавать другим свободным.

Значительный интерес представляют также документы относительно международной торговли, которую вела Эанна через своих представителей. По свидетельству этих текстов, в 551–550 гг. этот храм приобрел несколько сот килограммов железа и десятки килограммов олова и меди из Ионии (юго-западная часть Малой Азии), а также значительные партии пряностей, меда, ароматных субстанций, пурпурной шерсти и лазурита из Сирии и Финикии, квасцы из Египта для отбеливания шерсти и одежды и т. д.¹¹

Вслед за Уруком Сиппар тоже можно считать «храмовым» городом. Его главный храм Эаббары, посвященный богу Солнца Шамашу, владел приблизительно 330–430 кур (412,5–537,5 га) финиковых плантаций и 1000 кур (1250 га) зерновых полей. В храмовом земледелии было занято около 120 работников, не считая 60 садовников, которые были в состоянии обрабатывать лишь $\frac{1}{3}$ угодий. Поэтому храмовая администрация сдавала остальную землю в аренду за часть урожая. В период между 557 и 539 гг. почти все финиковые рощи сдавались одному и тому же сборщику арендной платы за 10 000 кур (18 400 гл или 1 350 000 кг) фиников в год¹². Что же касается зерновых полей, обрабатывавшие их земледельцы в те же годы доставляли в храм ежегодно по 5000 кур (9000 гл или 558 000 кг) ячменя (Jursa 1995: 192–194). Но позднее эти земли также стали передавать сборщикам арендной платы.

В хозяйстве Эаббары работало также по крайней мере 125 квалифицированных ремесленников (ткачей, кузнецов, медников, плотников, ювелиров, пекарей,

¹⁰ См. ссылки на документы: Дандамаев 1974: 177–181.

¹¹ См. ссылки на тексты: Oppenheim 1967: 237.

¹² По-видимому, такая же практика сдачи финиковых плантаций сборщикам арендной платы существовала еще по крайней мере в Эсагиле в Вавилоне, которая была святилищем верховного государственного бога Мардука. См.: YOS VI, 103: ср.: Driel 1989: 61–64.

пивоваров и др. (MacGinnis 1995: 160). Кроме того, храм использовал ремесленников из других городов (например, из Вавилона), а также довольно широко прибегал и к наемному труду. Такие наемники обычно использовались на сооружении каналов и на других земляных работах, а также во время уборки урожая. Например, один текст упоминает 123 работника, нанятых администрацией Эбббары (CT LVI 665). В другом документе упоминаются 250 наемных работников, которые были заняты на сооружении дамбы в селении Гилушу, недалеко от Сиппара (Jursa 1995: 185).

Ремесленники, если они были храмовыми рабами, получали лишь харчи, одежду и имели жилище на территории храма, а свободные работали либо в порядке выполнения своих обязанностей по пребенде, либо за плату, установленную по взаимному соглашению. Например, один ткач вместе со своим рабом регулярно выполнял заказы Эбббары в течение по меньшей мере 21 года (552–531 гг.) за соответствующую плату (Дандамаев 1974:171–173). Сохранилось также довольно много контрактов, заключенных между храмами и ремесленниками, о производстве кирпичей. Например, по свидетельству одного текста, в 604 г. некий ремесленник обязался доставить к определенному времени в Эбббару 10 080 обожженных кирпичей (MacGinnis 1998: 213. N 6). Другой контракт свидетельствует об отдаче одного «раба бога Шамаша» (т. е. храмового раба) на три года в распоряжение ткача для обучения изготовлению мешков (Nbn 172).

Не останавливаясь на сложных взаимоотношениях между дворцом и храмами, отметим, что еще в нововавилонское время все храмы обязаны были отчислять часть своих доходов в пользу царя. После же захвата страны персами храмы платили государству значительные подати мелким и крупным рогатым скотом, зерном, финиками, шерстью и т. д., а также посылали своих земледельцев, пастухов и ремесленников для выполнения царских повинностей (Dandamayev 1979: 589–596).

Как видно из рассмотренного выше материала, нововавилонские храмы значительно отходили от традиционных методов управления, характерных для государственно-храмовых хозяйств более ранних периодов. Это видно не только из того факта, что лишь сравнительно небольшая часть земли обрабатывалась зависимыми от храма лицами, но также и из того, что в ремесленной деятельности труд рабов и других зависимых групп населения применялся лишь в ограниченных масштабах, в то время как свободный труд получил широкое распространение, в том числе и путем введения института сборщиков арендной платы. Все это свидетельствует о процессах приватизации, происходивших в использовании храмового имущества. В этом отношении два следующих документа представляют значительный интерес. Оба они относятся к раннеахеменидскому времени, и, согласно первому из них, два человека обратились к управителю и писцам Эбббары с просьбой передать им «земли Шамаша», расположенные в определенном месте для выполнения там обязанностей гугаллу¹³, которые в данном случае заключались в доставке в храм определенного количества фи-

¹³ Это слово обычно переводится «надзиратель над каналами», но из рассматриваемого текста видно, что в его функции входило и управление финиковыми плантациями, см.: MacGinnis 1998: 213. N 6.

ников и ячменя, установленного уже при подписании контракта (MacGinnis 1998: 213–214. N 7). Как отмечает издатель текста, здесь, очевидно, имеется в виду отдача в аренду должности гугаллу для сбора пошлыны, подобно тому как отдавались земли сборщикам арендной платы за заранее фиксированное количество продукции (*ibid.*: 207). Судя по второму тексту, администрация Эбббары передала определенные земли одному лицу по его просьбе для сбора храмовой десятины. При этом количество подлежащих уплате ячменя и фиников определяется заранее, уже при заключении контракта (*ibid.*: 214. N 8). Таким образом, сборщики храмовой десятины, очевидно, были частными лицами, с которыми подписывались соответствующие соглашения. Как отмечает Мак-Гиннис, в нововавилонское время наблюдается неуклонное стремление к приватизации функций чиновников храмового персонала частными предпринимателями (*ibid.*).

В отличие от Урука и Сиппара документы из других городов Месопотамии в преобладающем большинстве происходят из частных архивов.

Если храмовые хозяйства по своему характеру были более или менее однородны, то частновладельческие хозяйства отличались большим разнообразием.

Прежде всего в экономике страны значительную роль играли предпринимательские дома, наиболее древним из которых был дом Эгиби. Его деятельность прослеживается в документах в течение нескольких поколений, с 690 по 480 г. Она заключалась в купле-продаже, обмене и сдаче в аренду полей, домов, рабов, в ростовщических операциях, хранении вкладов других лиц, уплате долгов своих клиентов. Эгиби также основывали и финансировали совместно с другими лицами командитные (коммерческие) предприятия и занимались международной торговлей. Некоторые представители семьи Эгиби одновременно находились и на государственной службе. Например, Набу-аххе-иддин, глава семьи Эгиби в период правления Набонида, был одним из царских судей. В стране, охваченной духом приватизации, Эгиби шли в ногу со временем. Например, в 496 г. Гузану, наместник Вавилона, «доверил» охрану одного моста некоему Мурану, и несколько поименно упомянутых лиц помогли ему в этом. Все суда, «идущие вниз и вверх» по реке, должны были платить пошлыны. Затем Гузану сдал мост в аренду Ширку (он еще носил второе имя — Мардук-нацир-апли), главе дома Эгиби, «за половину доли в доходе». Впоследствии Ширку и Мурану сдали мост в аренду за 15 сиклей серебра в месяц двум другим лицам с условием, что арендаторы не будут тратить «доход с моста» без ведома и согласия Ширку (TCL XIII 196). Об имуществе Эгиби определенное представление дает документ, где речь идет о разделе семейного состояния. Разделу подлежали, в частности, около 100 рабов и 16 домов, в то время как многочисленные поля должны были временно оставаться в общей собственности (Dar 379).

В родственных отношениях с семьей Эгиби находился выдающийся предприниматель Иддин-Мардук из семьи Нур-Сина. Дочь этого дельца Нуптайя была замужем за Итти-Мардук-балату, сыном главы дома Эгиби Набу-аххе-иддина. Кроме огромного приданого (24 мины серебра, 10 рабов, домашняя утварь) (СМ III В 137, 209), она по завещанию отца получила еще $\frac{1}{3}$ его имущества, в то время как ее брагу досталось $\frac{2}{3}$ родительского состояния (СМ III В 209). Дея-

тельность Иддин-Мардука и членов его семьи отразилась приблизительно в 400 документах и письмах, написанных в период между 557–517 гг. в Вавилоне и других близко от него расположенных городах. Постоянно он жил в Вавилоне и покупал в его сельской округе у землевладельцев и арендаторов, а также у сборщиков государственных податей большие партии чеснока, ячменя и фиников, доставлял их в Вавилон и продавал там горожанам. Он также торговал скотом и шерстью. Большой успех этих торговых операций был обусловлен тем, что в результате грандиозной строительной деятельности Навуходоносора II Вавилон превратился в крупнейший город на Древнем Ближнем Востоке и его постоянно растущее население во все больших размерах нуждалось в продуктах питания. Таким образом, Иддин-Мардук и подобные ему предприниматели превращали натуральные доходы деревенского населения в денежные¹⁴.

Другой житель Вавилона Табия из семьи Син-или в период от 585 до 545 г. сдавал в аренду свои поля, расположенные в окрестностях Вавилона, Борсиппы, Сиппара, Киша и Марата, свободным людям и рабам, которые ежегодно платили ему в общей сложности не менее 10 000 гл ячменя (Dandamayev 1986: 51–53).

Более 900 документов, подавляющее большинство которых составлено в Ниппуре, отражают деятельность предпринимательской фирмы Мурашу в период между 454–404 гг. Ее деятельность была обусловлена изменениями в режиме земельной собственности, введенными ахеменидской администрацией в Вавилонии (во всяком случае, в округе Ниппура). Мурашу брали в аренду земли, принадлежавшие царской семье, персидским вельможам, государственным чиновникам, а также наделы военных колонистов и различных профессиональных групп, доставляли им соответствующую арендную плату, а с земель, подлежащих налоговому обложению, платили еще денежные и натуральные подати. Все эти земли Мурашу вовсе не обрабатывали сами с помощью своих рабов, а сдавали в субаренду, снабжая своих контрагентов тягловым скотом, семенами, орудиями производства и водой для орошения. Поступавшие к ним продукты земледелия (в основном финики и ячмень) Мурашу продавали внутри страны. Например, в течение лишь одного только 423 г. Мурашу получили с арендованных ими земель 20 000 кур (36 000 гл) фиников, что в денежном эквиваленте составляли 750 мин (350 кг) серебра (Cardascia 1951: 18). Таким образом, основная функция фирмы Мурашу заключалась в посредничестве между системой землепользования и производством — продаже урожая за серебро, чтобы уплатить землевладельцам и казне соответственно арендную плату и налоги деньгами (ibid.: 17–18; ЕЕМА: 27–28).

Некоторые документы из других архивов Ниппура по своему содержанию близко примыкают к документам Мурашу, однако последние в них вовсе не упоминаются (TEBR 1–26). Из этого можно заключить, что дом Мурашу был лишь одной из посреднических фирм между производителями и потребителями.

Кроме того, в одном документе зафиксировано обязательство относительно уплаты 13,5 сикля серебра в качестве годовой подати с надела, расположенного близ Ниппура. Однако примечательно, что в отличие от синхронных документов

¹⁴ О деятельности этой семьи см.: СМ III A: 1–11.

архива Мурашу налог выплачивается не через посредничество последних, а вносится владельцами земли непосредственно двум государственным чиновникам, собиравшим налоги (TEBR 2).

Мелкие землевладельцы, которые имели около 1 га или еще меньше земли, редко упоминаются в документах, так как они обрабатывали свои участки сами, с членами своих семей, не прибегая к помощи арендаторов или наемников. В большинстве случаев такие люди вели самодостаточные хозяйства и прибегали к рынку только эпизодически, чтобы обменять или продать скудные излишки своей продукции.

Жоаннес проследил деятельность семьи Эа-илута-бани из города Борсиппа в течение двух столетий (687–486 гг.). Эти люди принадлежали к «среднему классу» и принимали участие в работе местного храма Эзида, посвященного богу Набу, в качестве пребендариев, а также занимались различными ремеслами. Земельные участки таких семей редко превышали несколько гектаров, а цена их торговых сделок обычно ограничивалась несколькими сотнями литров ячменя и фиников. Тем не менее некоторые из семей, подобных Эа-илута-бани, сдавали свои земли в аренду (Joannès 1989: 119–126).

Сохранилось много контрактов, заключенных золотых дел мастерами, кузнецами, медниками, ткачами, строителями и другими ремесленниками, на изготовление различных предметов роскоши, одежды, а также на сооружение домов и т. д. за заранее оговоренную плату. Нередко заказчики предоставляли также необходимое сырье. Остановимся на некоторых из этих текстов.

Итти-Мардук-балату из дома Эгиби заказал у одного сапожника 4 пары кожаной обуви (Nbn 566), а также 25 чанов «отменного» пива (Nbn 600) и уплатил 1 мину серебра за дубление шкур (Cug 148). Этот заказчик не был лишен хорошего вкуса: судя по одному контракту, он заказал у ювелира ожерелье из 303 камушек «красивого вида» (TCL XII 101). Подобным же образом один из членов семьи Мурашу заказал у ювелира перстень с изумрудом, потребовав при этом гарантию, что камушек не выпадет в течение двадцати лет (BE IX 41). Представитель дома Мурашу заключил соглашение с одиннадцатью пивоварами (среди них был и один раб) о приготовлении 5825 чанов пива вместимостью по 1 кур каждый (всего 10 485 гл). При этом заказчик снабдил работников 5825 кур фиников, чанами и прочими необходимыми предметами (BE X 4). Очевидно, пиво в таком количестве могло быть предназначено только для продажи. Нет также оснований сомневаться в том, что ремесленники продавали свои изделия и на рынке, но эти сделки, очевидно, совершались устно, без оформления соответствующих документов, как это вообще характерно для всех времен.

Некоторые люди отдавали своих рабов мастерам для обучения различным ремеслам, так как квалифицированные ремесленники приносили значительный доход. Сохранились контракты об обучении обработке кожи, сапожному, красильному и столярному делу, ткачеству, домостроительству и т. д. По окончании обучения часть таких учеников открывала свои мастерские и работала на свой страх и риск, выплачивая хозяевам соответствующий оброк. При этом некоторые из мастеров, обучавших других ремеслам, сами были рабами (Дандамаев 1974: 165–170).

Что нововавилонский период был пронизан духом приватизации видно, в частности, и из положения рабов, многие из которых оказались вовлеченными в процессы самостоятельного ведения хозяйства. Это объясняется тем, что трудно было установить эффективный контроль над рабами, поскольку основным типом сельскохозяйственной экономики были мелкие хозяйства. Даже крупные землевладельцы (царь, храмы, богатые предприниматели) предпочитали сдавать землю арендаторам, так как рабский труд требовал постоянного надзора и соответственно больших расходов, поскольку раб всячески стремился уклониться от работы, не был заинтересован в результатах и качестве работы. По тем же причинам не существовало ремесленных мастерских, основанных на рабском труде. Поэтому широко стала применяться практика, когда рабам выделяли пекулий и разрешали пользоваться своим имуществом с условием уплаты фиксированного оброка. Такие рабы в экономической жизни действовали как свободные: брали и давали ссуды, занимались торговлей, открывали ремесленные мастерские, арендовали землю и т. д.

Пожалуй, самым наглядным и ярким показателем развития товарно-денежных отношений является применение свободного наемного труда. Он засвидетельствован еще в ранние периоды истории Месопотамии, но именно в I-м тысячелетии занял весьма важное место в общей структуре экономики. Храмы и частные лица в широких масштабах использовали наемный труд свободных людей, особенно для выполнения трудных видов работ (например, сооружение каналов). При этом иногда трудно было найти достаточное количество людей, и их приходилось нанимать по очень высоким ставкам, поскольку ни храмы, ни частные лица не могли найти им замену (Дандамаев 1974: 177–180). Эти массы наемников, очевидно, были жертвами поляризации общества, значительно усилившейся в результате процессов приватизации.

Все это находится в явном противоречии с распространенным мнением, что на Ближнем Востоке на протяжении всей древности экономическая жизнь носила самодостаточный и самодовлеющий характер, что не оставляло места рыночным отношениям. Такое предположение было высказано известным экономистом К. Поляни (Polanyi 1957: 13–26). Позднее этот категорический вывод был несколько смягчен в посмертно изданной книге того же автора (Polanyi 1977). Его мнение было принято многими историками¹⁵. В частности, выдающийся ассириолог А. Л. Оппенгейм писал об ограниченном и маргинальном значении рынков в Месопотамии, поскольку, по его мнению, городское население удовлетворяло свои потребности в сельскохозяйственных продуктах с собственных полей и садов, расположенных вокруг городов (Oppenheim 1977: 129). Закканини полагает, что в Месопотамии колебания цен не зависели от спроса и предло-

¹⁵ Но не всеми. Например, в одном из своих выступлений на упомянутом выше симпозиуме о приватизации Д. О. Эдшард говорил, что у него нет никаких сомнений относительно существования рынка еще в старовавилонское время, см.: *PMB* 5 1996: 216. Вопрос о рыночных отношениях в древности было отведено значительное место и на симпозиуме об урбанизации и земельной собственности на Древнем Ближнем Востоке, который был проведен совместно Нью-Йоркским университетом и Санкт-Петербургским филиалом Института востоковедения РАН (см.: *Urbanization and Land Ownership in the Ancient Near East* / Ed by M. Hudson, B. A. Levine // *PMB*. 7. Cambridge MA. 1999).

жения, поскольку такие базовые факторы, как заработная плата и пайки, не были подвержены влиянию рыночных отношений (Zaccagnini 1989: 423). Приняв в общем и целом предположение Поляни, Ренгер уточняет, что нельзя отрицать существование в Древней Месопотамии купли-продажи, а также мест, заменявших рынки, но тем не менее, по его мнению, там не было рынка как фактора, определявшего экономическую систему, которая была основана на принципах распределения (Renger 1994: 113–114). По его мнению, существование рынка возможно только в том случае, если, по меньшей мере, отдельные слои населения удовлетворяют свои потребности более или менее исключительно через посредство рынка (Renger 1994: 186–189). Отметим, однако, что Геродот (I, 197), который посетил Вавилон приблизительно между 460 и 454 гг., специально упоминает рынки этого города. Фиксированные цены и плата за услуги, если они вообще существовали в I-м тысячелетии до н. э., не действовали в реальной жизни и скорее носили теоретический характер. Например, цены на сельскохозяйственные продукты определенно колебались в зависимости от их качества и сезона года. Колебания цен зависели также от географического расположения тех или иных рыночных мест, не говоря о спросе и предложении. Например, взрослый раб стоил в среднем 1 мину серебра, но известно достаточно случаев, когда раб стоил от 2 до 4 мин (Дандамаев 1974: 122–125). В среднем плата взрослого наемного работника была 12 сиклей серебра в год, но в действительности она колебалась от 3 до 30 сиклей, а иногда доходила даже до 60 сиклей в год (Dandamayev 1987: 272–274). Если, как полагают некоторые исследователи, наемники имели достаточно продуктов питания со своих участков земли и их работа не была вызвана необходимостью делать приобретения на рынке, то непонятно, почему они стали бы работать на других лиц. Кроме того, в нововавилонское время купцы (тамкары) не только находились на службе у дворца и храмов, но также были заняты внутренней и внешней торговлей, оперируя своим собственным капиталом (Dandamayev 1995: 523–530). Существовали также многочисленные коммерческие товарищества, когда два или несколько человек совместно вели торговлю, деля между собой выручку и убытки. Степень создания излишков продукции в том или ином обществе зависит от динамики экономического роста. В нововавилонское время этот излишек составлял сотни тысяч или даже миллионы гектолитров ячменя и фиников, которые регулярно накапливались в храмовых хозяйствах и у крупных предпринимателей и частично подлежали реализации на стороне. Таким образом, рынок определенно играл большую роль в экономике Вавилонии, по крайней мере в I-м тысячелетии до н. э.

Выше было приведено мнение Ренгера о том, что для функционирования рынков необходимо существование определенных групп населения, которые полностью или по крайней мере в значительной степени удовлетворяли там свои потребности. Но такая постановка вопроса по отношению к традиционным обществам представляется нам не совсем правильной. Положение в действительности было иным: все слои населения в основном жили за счет своих натуральных хозяйств и пользовались рынком, продавая там излишки своей продукции и одновременно приобретая необходимые товары. Таким образом, и для этих

рынков также были характерны спрос и предложение, не говоря о переговорах относительно цен на те или иные товары.

Рассмотренные выше данные позволяют прийти к следующим выводам. В ранние периоды истории Месопотамии (3-е — начало 2-го тысячелетия), когда еще не существовало рыночных отношений и не было возможности использовать наемный труд в сколько-нибудь широких масштабах, ведущая роль в экономике принадлежала всеохватывающим замкнутым и самодостаточным государственно-храмовым хозяйствам, ибо только они оказались способными накапливать все необходимые ресурсы, приобретая также важнейшие сырьевые материалы из-за рубежа. В государственном хозяйстве работали и жили за его счет десятки тысяч людей, большая часть которых оказалась бы обреченной на голодную смерть вне его рамок. В нормальное время, когда не было стихийных бедствий и военных вторжений внешних врагов, пайки, выдаваемые работникам, были вполне достаточны для жизни. Этот тип хозяйства позволял также создать и содержать в образцовом порядке единую ирригационную систему в масштабах всей страны, осуществлять различные строительные проекты и обороняться от вражеского нападения. Например, в период III династии Ура на огромной территории царили мир и порядок. Когда шумерские цари (например, Шульги) заявляли, что они являются миротворцами и благодетелями своего народа, это, вероятно, не вызывало у них чувства неловкости перед богами и даже внутреннего протеста у населения. Во времена, когда срочные государственные депеши доставлялись на осликах, безопасные дороги просигрались на сотни километров, охватывая не только Южную Месопотамию, но также целые районы соседних стран — Элама и Сирии. Существовали идеально организованный транспорт и служба гонцов, которые могли получить причитающееся им питание на любом промежуточном пункте. Сосредоточив все доступные трудовые и материальные ресурсы, государство смогло добиться огромных (вероятно, потрясающих по представлениям того времени) результатов во всех отраслях тогдашнего производства — пахотном земледелии, садоводстве, ремеслах и рыболовстве.

Однако с течением времени стали проявляться недостатки, присущие всем крупным централизованным хозяйствам и делавшие их малоэффективными. С начала 2-го тысячелетия государственное хозяйство заметно уменьшилось в своих размерах. В конечном итоге экономика, основанная на большом бюрократическом аппарате и полусвободном труде, была заменена частновладельческими и храмовыми хозяйствами, применявшими в основном свободный труд, дополненный рабским. Причины нерентабельности огромного государственного хозяйства были совершенно тривиальны. Рядовые работники, лишившиеся прав свободных членов общества, не проявляли интереса к работе и требовали постоянного надзора, особенно в критические моменты, когда вследствие неурожая, вражеского вторжения и т. д. им урезали пайки. Вместе с тем аппарат чиновников и надсмотрщиков постоянно становился непомерно громоздким и дорогостоящим. В периоды ослабления центральной власти чиновники все чаще злоупотребляли своим служебным положением, используя государственное имущество для личного обогащения.

Хотя Законы Хаммурапи требовали многократного возмещения похищенного дворцового и храмового имущества, это не могло предотвратить каждодневного посягательства на него. И через тысячу с лишним лет после смерти Хаммурапи, когда указанная статья относительно храмового имущества все еще продолжала действовать, нововавилонские архивы полны судебными протоколами о 30-кратном возмещении птицы, скота и различного имущества, похищенного у храмов.

Почти все месопотамские цари торжественно заявляли в своих надписях о борьбе против подкупных судей, что, однако, само по себе свидетельствует об обреченности их усилий на неудачу. Если верить Геродоту (V, 25), персидский царь Камбиз велел казнить некоего Сисамна, одного из судей, который, будучи подкупленным, вынес несправедливый приговор. Затем по распоряжению царя содранная с тела казненного кожа была выдублена и из нее нарезаны ремни, которыми было обтянуто судейское кресло Сисамна. На место последнего судьей был назначен его сын, который должен был выносить решения, сидя в том же кресле. Однако этот случай, естественно, не оказал существенного влияния на систему правосудия.

Приведенный эпиграф к этой статье о бесконечных расходах и неисчерпаемых запасах, которые тем не менее никого не делают богатым, прекрасно характеризует распределительную систему при любом общественном строе (см.: Renger 1994: 177). Исторический опыт показывает, что сходные экономические системы, существовавшие в совершенно разные эпохи, обнаруживают в общем и целом те же самые механизмы функционирования. В теории государственное хозяйство имеет много преимуществ и может поддерживать и защищать целые классы населения. Что же касается частновладельческого сектора, он, наоборот, поляризует общество, порождая богатых и бедных и тем самым превращая часть людей в долговых рабов. Однако человеческий фактор с течением времени делает государственное хозяйство неэффективным. Тот же фактор с его умением концентрировать экономические ресурсы в руках конкурентоспособных делает частновладельческие хозяйства предприимчивыми и эффективными.

В течение столетий гуманисты отождествляли частную собственность с огромным злом, порождающим язвы и несчастья общества. Но многократные попытки уничтожить это зло, предпринимавшиеся в различные периоды, оказались обреченными на неудачу, в то время как вечное воплощение этого зла — стремление к приватизации с его духом стяжательства — оставалось непобедимым.

Под приватизацией мы имеем в виду не только прямой захват или иное присвоение государственного или храмового имущества частными лицами с последующим юридическим оформлением права собственности за новым владельцем или, по крайней мере, фактическим признанием этого факта, но также и процессы замены подневольного труда, основанного на системе пайков, грудом свободных, вознаграждаемым по обоюдному добровольному соглашению между работодателем и наемником.

Как отмечает Эдцард, приватизация в прямой, ничем не прикрытой форме происходила редко и вряд ли такое присвоение собственности приобретало вид

официальной продажи (Edzard 1996:114). Исходя из ретроспективного исторического опыта, мы могли бы предположить, что приватизацию начинали те, кто стоял ближе всего к собственности. В действительности же приватизация происходила одновременно на разных уровнях, как на вершине бюрократической лестницы, так и среди рядовых работников. Детали этих процессов нам не известны, ибо в источниках перед нами обычно предстает уже законченная картина результатов приватизации, обычно происходившей в периоды смут, когда оформлением документов вовсе не занимались. Например, когда в самом конце 3-го тысячелетия аморейские племена начали успешно наступать из Сирии на территорию державы Ура, государственное хозяйство рухнуло. Поскольку хорошо известные нам имения этого хозяйства и разного рода его надсмотрщики больше не упоминаются в источниках, логично будет предположить, что распад государственного сектора привел к процессам приватизации его земель. И поскольку как чиновники, так и многие работники владели наделами из государственного фонда, каждый из них захватывал участок земли, находившийся в его пользовании. Таким образом, вместо всеобъемлющего дворцово-храмового хозяйства на прежней государственной земле стали появляться частновладельческие хозяйства. Хотя частный сектор экономики существовал и раньше на общинной части земли, теперь он стал постоянно расширяться и за ее пределы. Ему предстояло пройти долгий путь исторического развития и в конечном итоге стать ведущим сектором экономики и вместе с тем нести основную тяжесть по содержанию армии и государственного аппарата за счет уплаты налогов, ибо государственная экономика постепенно сузилась в своих размерах, фактически превратившись в хозяйство царской семьи, основанное на принципах частновладельческого ойкаса или, другими словами, в приватизированное личное имущество царя. Во вполне законченном виде эти процессы проявляются в нововавилонское время, которое с полным правом можно назвать эпохой приватизации (ср.: Driel 1989: 226) и соответственно беспрецедентного подъема экономики, основанной на труде свободных земледельцев, арендаторов и ремесленников. В этот период в частные руки переходили практически все виды работ и услуг, которые приносили доход (например, сбор арендной платы и взимание государственных и храмовых налогов, пошлин и т. д.).

Как мы видели выше, еще во времена Хаммурапи, в XVIII в., статус наделов, выданных воинам из казенного фонда, был двойственным: они считались царской собственностью, и их нельзя было отчуждать, но вместе с тем они в течение многих поколений передавались по наследству. Однако приблизительно через 13 столетий после Хаммурапи эти наделы уже можно было продавать при условии, что новый владелец будет нести соответствующие повинности. Хотя такую возможность продажи нельзя считать приватизацией, поскольку земля формально все еще принадлежала царю, тем не менее этот пример свидетельствует о присущем эпохе духе приватизации.

Динамика интенсивного экономического развития и быстрый рост товарно-денежных отношений делали положение многих жителей крупных городов неустойчивым, и поэтому даже состоятельные люди нередко теряли свои заложенные за долги дома, земли и рабов и разорялись.

Тем не менее, насколько можно судить по документам повседневной жизни, процессы социального расслоения среди свободных не привели к угрожающей для общества концентрации земли в руках немногих, к массовому разорению и порабощению свободных. Это хотя бы отчасти можно объяснить тем, что лишившиеся своей земли люди могли заниматься наемным трудом или арендовать чужую землю вместе с посевным зерном, тягловым скотом и рабочим инвентарем. Примечательно, что статьи Законов Хаммурапи и других юридических актов 2-го тысячелетия, которые ограничивали долговое рабство несколькими годами, в нововавилонское время уже не действовали. Это легко объясняется тем, что в I-м тысячелетии долговое рабство уже не было распространенным явлением и поэтому не представляло существенной опасности для общества. Именно по этой причине, в отличие от ранних периодов, нововавилонские правители не издавали никаких законодательных актов, которые требовали восстановления погрязших бедняков путем возврата им через определенное количество лет заложенного имущества и аннулирования накопившихся за ними долгов.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВОМ И ХРАМОМ В ВАВИЛОНИИ VI В. ДО Н. Э.¹⁶

В нововавилонский и ахеменидский периоды Эсагила в Вавилоне, Эбббара в Сиппаре, Эзида в Борсиппе, Эанна в Уруке, Э-имби-Ану в Дилбате, Экишнугаль в Уре и Эмеслам в Куте были наиболее важными храмами в Месопотамии. Каждый из них был посвящен своему богу — хранителю и покровителю города, где то или иное святилище было расположено. Так, например, Эсагила была святилищем верховного государственного бога Мардука. Эбббара была посвящена богу Солнца Шамашу, Эзида — покровителю Борсиппы Набу, Эанна — богине Иштар, Экишнугаль — богу Луны Сину, Э-имби-Ану — Урашу и Эмеслам — богу преисподней Нергалу.

В конце VII и в VI в. эти храмы находились в расцвете, имели крупные земельные владения и сотни рабов, большие стада крупного рогатого скота и овец, а также некоторое количество домашней птицы. Они занимались ростовщическими операциями, предпринимательством и торговлей и за излишки своей продукции приобретали товары, которые сами не производили (керамические изделия, строительный лес, металлы и др.), а также накапливали запасы продовольствия на случай наступления голода.

Если судить по некоторым документам, дворцовое и храмовое хозяйства временами были связаны друг с другом, хотя причины таких отношений не всегда ясны. Например, дом, принадлежавший одному человеку, был причислен

¹⁶ Перевод статьи «The Confrontation between State and Temple in Babylonia in the Sixth Century B. C.» (Le temple lieu de conflit. Centre d'Etude du Proche-Orient Ancien, Université de Genève. Actes du colloque de Cartigny 1988. Leuven. 1995. P. 77–88).

к царской собственности, однако передан храму Эанна в Уруке, который затем сдал его в аренду (BIN II: 118). Кроме того, некоторые храмовые чиновники высокого ранга находились в родственных связях с царями и время от времени могли влиять на внутреннюю и внешнюю политику страны. Например, управляющий (*šatammu*) храма Эзида в Борсиппе был женат на дочери царя Нериг-лиссара (Ner 13).

Согласно многочисленным указам новоассирийских, а позднее и нововавилонских царей, храмам даровали различные привилегии, в результате чего они иногда становились почти независимыми от государства (см.: San Nicolò 1949: 323).

Храмовая собственность считалась коллективной собственностью всех граждан той или иной храмовой округи, хотя формально она принадлежала главному богу данного святилища.

Храмы обеспечивали выполнение существенной части своих хозяйственных и культовых потребностей при помощи института пребенды (право на получение доходов за выполнение различных услуг для храма). За выполнение определенных заданий владельцы пребенды имели право пользоваться храмовой собственностью (включая землю), или же им платили натуральные доходы зерном, мясом и т. д. Например, некоторые пастухи, рыбаки, пекари, пивовары и др. работали за определенные доли с храмовых доходов. При этом разрешалось отдавать в аренду или продавать другим гражданам право владения пребендами, не говоря об их передаче по наследству.

Почти всегда храмовые и государственная власти действовали сообща как союзники. Цари опирались на жрецов для укрепления своей власти. В свою очередь, сооружение и содержание храмов считалось обязанностью царей. Последние передавали храмам земельные владения и другие ценные дары, а также военнопленных для использования их в качестве рабов.

По-видимому, время от времени отношения между храмами и царской администрацией становились натянутыми из-за стремления последней ограничить храмовую собственность или же из-за желания храмов стать более независимыми от государства. Однако для ранних периодов месопотамской истории у нас нет прямых свидетельств источников о конфликтах между царской властью и храмовой администрацией. Но, как мне представляется, для 1-го тысячелетия до н. э. у нас имеются определенные свидетельства о противостоянии между вавилонскими храмами и дворцом. Рассмотрим этот вопрос в хронологическом порядке.

В 729 г. до н. э. ассирийский царь Тиглатпаласар III захватил Вавилон, и тогда на целое столетие Вавилония потеряла свою независимость. Однако он не стал превращать ее в обычную провинцию, как это делалось с другими странами. Вавилония формально сохранила статус отдельного царства в составе Ассирийской империи. Тиглатпаласар торжественно короновался как вавилонский царь, приняв собственное имя Пулу и выполнив традиционные священные обряды. При этом страна сохранила значительную независимость в своих внутренних делах. Жрецы, чиновники и купцы вавилонских городов стали прочной опорой ассирийской власти.

Рис. 1. Стела с текстом о перестройке храма Эсагила в Вавилоне. VI в. до н. э.

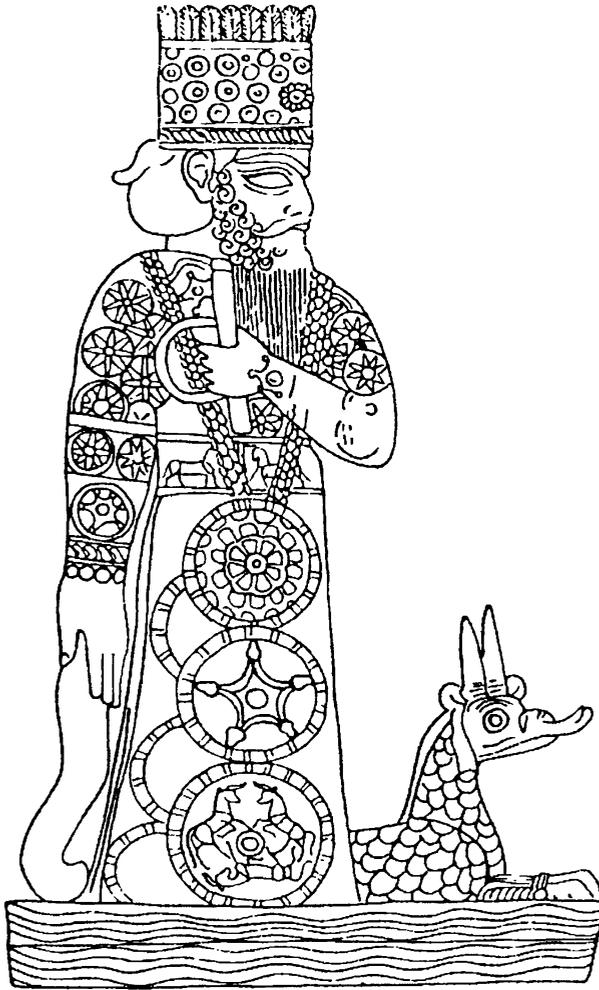

Рис. 2. Оттиск печати с изображением Мардука. VI в до н. э.

В связи с этим необходимо сказать, что самоуправление свободных и формально равноправных членов общества было характерно для месопотамских городов еще с самого начала их возникновения в ранний период 3-го тысячелетия и до конца древности. Граждане (*mār banê*) были объединены в народные собрания (*ruṣṣu*) при главном храме того или иного города. В состав этих собраний входили как высокопоставленные лица (высшие государственные и храмовые чиновники и т. д.), так и большая часть остального свободного населения (ремесленники и земледельцы), включая самые бедные слои. Их статус был наследственным и передавался от отца к сыну.

Граждане принимали участие в выполнении культовых обрядов при местном храме, а также в его празднествах и пиршествах. Все такие люди жили в городах

и владели землей в самом городе или поблизости от него, куда распространялась власть народного собрания (см.: Dandamayev 1988: 63 ff.). В различные периоды царская власть ограничивалась народным собранием, которое могло обладать реальной, а временами и решающей силой (см.: Bottéro 1982: 6 ff.; Diakonoff 1965: 343–349; Jacobsen 1943: 159 ff.). В течение многих веков народное собрание соперничало с царской властью. Это, в частности, можно показать на примере ассирийских царей.

В VIII–VII вв. ассирийские цари создали могущественную мировую державу, которая временами простиралась от Египта до Мидии, и их власть в завоеванных странах была безграничной. Но даже в период апогея своего могущества ассирийские цари испытывали определенные трудности в своей древней столице Ашшуре, где население упорно держалось за собственные традиционные права и привилегии. Граждане ассирийских и вавилонских городов были освобождены от военной службы, повинностей, связанных с ирригационными и строительными работами, от царской юрисдикции и податей; более того, они имели свое самоуправление.

Поэтому ассирийские цари покинули свою столицу и предпочли жить в новых резиденциях — Кальху и Ниневии, где не существовало народных собраний или каких-либо групп населения, имевших гражданские права. Вавилоняне с их неискоренимой борьбой за сохранение своих традиционных привилегий и независимости от царской администрации причиняли много неудобств ассирийским царям, которые, по сложившимся традициям, не имели права нарушать эти привилегии.

Когда ассирийские цари покушались на гражданские права или пытались игнорировать традиционные привилегии древних месопотамских городов, их правление трагически прерывалось, как это случилось в период царствования Синаххериба. Раздраженный постоянными конфликтами с вавилонянами, в 689 г. он решил полностью разрушить Вавилон. Жилища чуждых лиц были разграблены, и значительная часть населения вырезана, а сама Вавилония присоединена к Ассирийской империи в качестве рядовой провинции. Но в 681 г. Синаххериб был убит в результате дворцового переворота. Однако его сын Асархаддон, как только он вззошел на трон, распорядился восстановить Вавилон и вернуть еще оставшихся в живых граждан этого города обратно. Он также восстановил его особый статус.

Вавилонский политический памфлет новоассирийского времени, известный под названием «Совет царевичу», содержит, в частности, следующие предупреждения будущему царю: если он не будет относиться с уважением к своей знати, его жизнь будет короткой; если он несправедливо осудит граждан Сиппара, бог Шамаш установит чужеземное иго в его стране; если он без вины осудит граждан Ниппура, бог Энлиль направит чужеземную армию против него; если он заключит в тюрьму граждан Ниппура, Сиппара или Вавилона, чужеземный враг прорвется туда; если он наложит повинность на людей Сиппара, Ниппура и Вавилона, Мардук передаст его страну его врагу, ибо Ану, Энлиль и Эа, «великие боги... в своем собрании утвердили освобождение (*šubaršu*) этих людей от таких обязанностей»; если он нарушит такие договоры и отправит этих людей в поход

или заставит их заниматься тяжелым грузом, Набу отменит все договоры его страны и враждебный порядок будет установлен там (см.: Lambert 1975: 110–115; Diakonoff 1965: 343 ff.).

Таким образом, «Совет царевичу» является политическим памфлетом, который выражает мнение привилегированных граждан Сиппара, Ниппура и Вавилона. Он предрекает суровую кару за злодеяния несправедливому правителю, который не уважает гражданских прав жителей вавилонских городов. Целью этого сочинения было увековечение исконных прав граждан священных вавилонских городов и внушение их жителям гордости за свои гражданские права. Как замечает Ламберт, «цель текста ясна: защита прав граждан Сиппара, Ниппура и Вавилона от обложения налогом, от принудительного труда и незаконного захвата чужого имущества. Ассирийский царь Саргон II в своих надписях утверждает, что он сделал как раз это для упомянутых городов... Автор текста стремился сохранить привилегии этих трех древних городов» (ibid.: 111). Ламберт считает, что этим автором был «кто-то из царей Вавилона, который правил между 1000 и 700 г. до н. э.» (ibid.). По мнению Дьяконова, «это сочинение было адресовано Синалхерибу в ранний период его правления» (Diakonoff 1965: 345 ff.).

Очевидно, во время продолжительной войны за Вавилонию между халдейскими вождями и ассирийскими царями обе стороны учреждали и подтверждали привилегии священных городов Вавилонии, стремясь привлечь их на свою сторону. В одном письме от вавилонян к ассирийскому царю Ашшурбанапалу и его вассальному правителю Шамаш-шум-укину, посланном где-то между 669 и 652 гг., говорится, что «поскольку Вавилон костяк всех стран, кто бы ни ступил туда, его права гарантированы... (даже) собака, которая вошла туда, не может быть убита» (см.: Waterman 1930 II: 109. N 878). В одном письме от 652 г. Ашшурбанапал клянется именами Ашшура и Мардука, что он вовсе не собирается отменять привилегии вавилонских городов, которые ранее уже были утверждены им самим (см.: Waterman 1930 I: 209. N 301; Oppenheim 1967: 169 f. N 115).

Эти города сумели сохранить свои привилегии и в течение некоторого времени после падения Ассирийской империи в 609 г. Основатель Нововавилонского царства Набопаласар с уважением относился к ним. Значительная часть его жизни прошла в войне с ассирийцами. Само собой разумеется, что любая его попытка урезать привилегии вавилонских городов привела бы их к переходу на сторону ассирийцев. Таким образом, особое положение вавилонских городов не изменилось. Лишь опасением потери традиционных прав можно объяснить тот факт, что жители некоторых городов (например, Ниппура), несмотря на невероятные лишения, оставались лояльными к ассирийским властям, которые не нарушали этих прав, и стали воевать против вавилонской армии Набопаласара.

Сын Набопаласара Навуходоносор II триумфально завоевал все страны к западу от Месопотамии до самых границ Египта. Однако примечательно, что в его многочисленных надписях, как и в надписях его преемников, говорится только о сооружении новых храмов и восстановлении тех, которые пришли в ветхость, и о благочестивых дарах в различные святилища, в то время как многочисленные успешные военные завоевания вообще не упоминаются. Характерно также, что коренные изменения произошли в вавилонском искусстве: в то

время как главной целью новоассирийского искусства было возвеличивание могущества империи и славы царской мощи, побед в многочисленных войнах или успешных охот на львов и т. д., имеются всего несколько вавилонских рельефов I-го тысячелетия до н. э., на которых изображены вавилонские цари. На этих памятниках они показаны в однообразных позах без всяких отличительных признаков, в молитвенной позе перед богами. Это, по-видимому, свидетельствует о том, что царям надо было угождать жречеству, которое играло важную роль в идеологической жизни страны, и представлять его интересы.

После своих победоносных войн Навуходоносор II подарил храмам много тысяч военнопленных и, кроме того, давал им множество ценных даров в виде золота, серебра, земельных владений и т. д. В период его правления жителей завоеванных стран начали широко привлекать для работ в храмовых хозяйствах и в государственном строительстве (сооружение каналов, строительство дорог, храмов и дворцов). Эта политика была в интересах не только чиновников государственной и храмовой администрации, но также и жителей привилегированных вавилонских городов.

После смерти Навуходоносора в 562 г. в Вавилонии разразился политический кризис. Жречество начало активно вмешиваться в политику и возбуждать смуту против царей, которые им были неуютны. В течение нескольких лет на престоле сменилось три царя, пока в 556 г. к власти не пришел Набонид, последний царь местного происхождения. Его деятельность была связана с крупными религиозными реформами, направленными на централизацию культа. Еще в древности ему уделяли много внимания, и до сих пор историки продолжают дискутировать о мотивах его политической деятельности.

В одной из своих надписей Набонид заявляет, что своим восхождением на трон он был обязан Мардуку, который призвал его управлять Вавилонией (Langdon 1912: 276. N 8. V: 8–10). Однако, согласно его более поздним надписям, он был призван на престол богом Луны Сином (Gadd 1958. N 2 I: 10–11). Набонид предпринял восстановление посвященного Сину храма Эхульхул в Харране (город в Верхней Месопотамии). Это было тесно связано с важными религиозными реформами, которые Набонид стал постепенно проводить. Хотя он продолжал почитать традиционных богов Вавилонии Мардука, Шамаша, Набу, Нергала и др. и восстановил храм Шамаша Эбббару в Сиппаре и другие святилища, более всех он стал почитать Сина, называя его «владыкой богов» или «царем богов», и приписывать ему верховную власть, которая, по прежним представлениям вавилонян, принадлежала Мардуку (см.: Langdon 1912: 250. N 4 III: 54. N 5 I: 28 и др.). Будучи убежденным поклонником Сина, Набонид строил и перестраивал посвященные этому богу храмы как в самой Вавилонии, так и за ее пределами (ср.: Lambert 1972: 58).

Проблема относительно религиозной реформы Набонида осложняется тем, что Син, которому он поклонялся, не был подлинным традиционным вавилонским богом Сином, поскольку его символы и формы поклонения в значительной степени напоминали почитание арамейского бога с тем же самым именем. Поэтому жрецы города Ура, где находилось святилище Сина, оказались среди тех, которые враждебно огнеслись к реформам Набонида, хотя он и опекал этот храм

и даже посвятил туда свою дочь в качестве жрицы (см.: YOS I N 45). Из этого можно заключить, что Син, почитаемый Набонидом, в определенной степени отличался от традиционного бога, который считался покровителем Ура.

Эти реформы привели Набонида к конфликту с населением таких древних городов, как Вавилон, Борсиппа, Ниппур, Ларса, Урук и Ур. Однако противники Набонида не были объединены в единый лагерь, и каждый город стремился выдвинуть на передний план своего бога. В своей надписи из Харрана Набонид заявляет, что люди сбились с праведного пути и распространяют ложные слухи и что жители Вавилона, Борсиппы, Ниппура, Ура, Урука и Ларсы грешат против богов и «пожирают друг друга, подобно собакам». Поэтому разгневанные боги посылают на их головы болезни и голод, из-за чего много людей уже умерло. Раздраженный отсутствием благочестия и беззаконием своих подданных, Набонид в период между 3-м и 7-м гг. правления покинул Вавилон и отправился в оазис Тема в северной части Аравии. Он оставался там около десяти лет, о чем свидетельствуют также сохранившиеся отсюда до наших дней надписи на арамейском языке (см.: Gadd 1958: 56–58. N 2 I: 14–24; Beaulieu 1989: 165; Grunfest; Heltzer 2001: 25–30; Röllig 1964: 244; Tadmor 1965: 356).

Постепенно положение Набонида становилось трудным. Стремясь сломить мощь и влияние жречества Мардука, он стал пренебрегать религиозными праздниками в Эсагиле. В результате этого влиятельные жреческие круги, недовольные политикой Набонида, готовы были перейти на сторону его врагов. Поэтому, когда персидский царь Кир напал на Месопотамию, жрецы Мардука приветствовали его как посланца Мардука. Опасаясь перехода вавилонских городов на сторону врага, летом 539 г. Набонид велел перевезти идылы богов из ряда городов, расположенных вне укрепленной зоны, в Вавилон. Когда Месопотамия была завоевана персами, как видно из Вавилонской хроники, «боги страны Аккад, которых Набонид велел доставить в Вавилон, вернулись в свои жилища» (см.: ABC: 110. N 7 III: 21–22).

Еще при жизни Набонида враги считали его сумасшедшим. Согласно вавилонским текстам. Кир освободил вавилонян от тягостного ига Набонида, который был нечестив по отношению к богам и при правлении которого люди были подобны трупам. Памфлет, который получил название «Стихотворный отчет о Набониде», среди его злодеяний упоминает страдания народа, чье имущество он тратил для своих собственных целей, нищету и голод в стране. В этом же сочинении Набонид обвиняется в беззаконии, богохульстве, невежестве и глупости и в том, что «злой демон овладел им», и у него не осталось ничего святого. В том же тексте говорится, что Набонид заявлял, что до завершения сооружения храма Эхульхула он не будет посещать религиозные праздники и поэтому прекратил новогодние торжества (см.: ANET: 312–315).

Как видно из Вавилонской хроники, жрецы Мардука были недовольны Набонидом, поскольку после своего 7-го года правления он не приезжал в столицу, и по этой причине в храме Эсагила много лет не проводился новогодний праздник, который не мог состояться без личного участия царя (см.: ABC: 106–108. N 7 II: 5–7, 10–11, 19–20 etc.). В одном пророческом тексте говорится о царе, имя которого не названо, но определенно имеется в виду Набонид, «который станет

угнетать страну и прекратит празднества в Эсагиле» (см.: ВНЛТ: 32 II:11–16). Если верить Цилиндру Кира, написанному после захвата Вавилона персами, Набонид «увез статуи богов и... враждебным образом прекратил жертвоприношения богам. Он предал полному забвению царя богов Мардука. Он всегда был настроен против его (т. е. Мардука) города» (см.: Berger 1975: 195–198).

Враждебная традиция относительно Набонида сохранилась также в библейской литературе. В Книге Даниила (гл. 5) он назван «сумасшедшим царем», хотя там его личность как последнего вавилонского царя перенесена на более известного Навуходоносора. В фрагментарном арамейском тексте под названием «Молитва Набонида», который сохранился среди свитков Мертвого моря, относящихся к I в. до н. э., говорится, что он подвергся божьей каре за идолопоклонство и поэтому находился в Теме в течение семи лет, где обитал совместно с дикими животными (см.: Milik 1956: 407 ff.). В «Киропедии» Ксенофонта (V. 4. 35; VII. 5. 32) последний вавилонский царь, имя которого, однако, не упомянуто, назван «бесчестным человеком» и «врагом богов и людей».

Однако это пропагандистские сочинения, составленные после захвата Вавилонии персами, и поэтому к ним следует относиться критически. В своих надписях Набонид настаивает, что при нем Вавилония находилась в расцвете (см., например: Landsberger 1947: 118; Röllig 1964: 247 f.). Более 4000 хозяйственных и административных документов его времени свидетельствуют о том, что при нем страна продолжала находиться в благополучии, и вавилонские тексты времени Кира о нем носят явно тенденциозный характер.

Совершенно естественно, что тексты, составленные после падения Набонида, приписывают последнему наряду с действительными и мнимые проступки (ср.: Kuhrt 1991: 146). Само собой разумеется, что вавилонские жрецы рады были угодить Киру, называя его освободителем своей страны, и обвинять Набонида. Однако в данном случае злостная критика не может быть объяснена исключительно неудачами этого царя, ибо его враги слишком преувеличивают эти провалы, вкладывая чрезмерно много негодования в их критику. Поэтому возникает вопрос: что послужило причиной для такого осуждения Набонида, которое существовало много столетий и сохранилось в библейской и древнегреческой литературе? По-видимому, для этого должны были быть серьезные основания, и их следует искать в самих вавилонских текстах.

Прежде всего религиозные и административные реформы Набонида были связаны с его деятельностью, направленной на ограничение влияния жречества и на установление контроля над храмовой собственностью. Как известно, цари халдейской династии редко вмешивались в храмовые дела, и вклад храмов в государственный доход был не очень значительным, в то время они сами получали от царей земельные владения, рабов и т. д. Так, например, Набонид сам одновременно передал в несколько храмов 2850 человек, которые были пленными из других стран (см.: Langdon 1912: 284. N 8 IX: 31–41). Он же передал храму бога Сина в Уре много рабов, а также поля, сады, крупный рогатый скот и овец (см.: YOS I 45). Однако вместе с тем Набонид стал вводить административные и экономические перемены в структуру храмовой организации, в особенности глубокую реорганизацию управления крупных святилищ.

До Набонида и в начале его правления храмовая структура в Вавилонии была следующей. Высший орган храма состоял из наместника города, где данное святилище было расположено, главы административного совета (qīru), управителя храмовым имуществом (šatammu), его заместителя и писца. Функции всех этих чиновников носили хозяйственный и административный характер, а культовой деятельностью были заняты жрецы (ср.: San Nicolò 1941: 24 ff.; Saggs 1959: 29 ff.). Большинство повседневных храмовых дел решалось тремя лицами: управителем храмового хозяйства, его заместителем и главой административного совета. Однако наиболее важные вопросы обсуждались на собрании граждан той или иной храмовой округи.

При Набониде влияние государства на храмы усилилось. В 3-й год своего правления (553 г. до н. э.) он учредил в храмовом административном аппарате должность царского уполномоченного и надзирателя над имуществом. До реформы Набонида такие функции частично выполнял «писец храма». Теперь этот титул потерял свое значение, и так стали называть всех писцов данного храма. Начиная со времени Набонида, большинство храмовых дел решалось тремя лицами совместно: главой храмового административного совета, управителем храмового имущества и царским уполномоченным. Кроме того, в том же 553 г. Набонид ввел в штат храмовой администрации должность заведующего «царской кассой» (qurru ša šarri), который стал финансовым чиновником храма. В эту «кассу» вносилась фиксированная доля различных продуктов храмового дохода (мясо, ячмень, финики, шерсть и т. д.; ср.: San Nicolò 1941: 31, п. 91; Oppenheim 1947: 117). Кроме того, этот же царь установил, что в Эанне норма регулярных жертвоприношений должна быть такой же, как в храмах Эсагила и Эзида, соответственно в Вавилоне и Борсиппе (YOS VI 10).

Царский представитель был независим от храмовых чиновников, и главной его задачей было своевременно и в точности направлять в дворцовое хозяйство определенную часть храмового дохода. В случае необходимости царские чиновники осуществляли также ревизию храмового имущества. Кроме того, храмы должны были нести царские повинности, посылая своих земледельцев, пастухов, садовников, ремесленников и др. для работы в царском хозяйстве в Вавилоне и других городах. В частности, храмовые рабы ухаживали за царским скотом. Государственные чиновники регулярно проверяли работу храмовых работников, направленных для выполнения царских повинностей (см.: Dandamayev 1979: 594 ff.).

Царь и его сановники активно вмешивались в храмовые дела, устанавливая размеры пребэнд для различных профессий, арендные ставки и т. д. Ранее такие прерогативы подлежали юрисдикции храмовых властей. Царь, наследник престола и влиятельные дворцовые чиновники давали различные распоряжения храмовой администрации. Например, правитель дает указание относительно пользования скотом, принадлежавшим Эанне (BIN I 72 и др.). Набонид лично передал двум лицам право возделывания на арендных условиях больших массивов пахотной земли (6000 кур, т. е. 7410 га), снабдив их посевным зерном, 10 талантами (300 кг) железа, 400 земледельцами, 400 волами и 100 коровами. Все это имущество принадлежало храму Эанна (см.: YOS VI 150).

Таким образом, Набонид стремился лишить храмы их слишком большого могущества, а также значительных привилегий и доходов. Как мы видели выше, при нем возникали конфликты между государством и гражданами Вавилона, Борсиппы, Ниппура, Урука, Ларсы и Ура. Представляется очевидным, что отношение государства к гражданским правам и традиционным привилегиям вавилонских городов претерпели значительные изменения при Набониде. Его политика явно ущемляла традиционные привилегии храмов и их прихожан, их права ущемлялись в угоду царской власти. Поэтому трудно согласиться с высказывавшимся в литературе мнением, что во время правления Набонида не было никакой эффективной оппозиции со стороны его подданных (см.: Kuhrt 1991: 135 ff.).

Как выше говорилось, Набонид со времени своего отъезда в аравийскую область Тему в течение многих лет не возвращался обратно в Вавилон. Ученые высказывали различные мнения относительно его долгого пребывания в Теме. По мнению некоторых, Тема представляла значительный интерес для Вавилонии, так как трудно стало пользоваться морским путем из Персидского залива в Южную Вавилонию из-за изменения курса течения Евфрата, что заставляло искать другие маршруты. Отвергнув все ранее высказанные мнения, Ламберт предположил, что Тема была аравийским центром поклонения Луне, и поэтому Набонид отправился туда из-за своих религиозных убеждений (Lambert 1972: 62). Этот аргумент представляется не вполне убедительным, поскольку население Темы и всего Аравийского оазиса враждебно встретили Набонида (см.: Gadd 1958: 60. N 2 II: 1–2). Болъё считает, что пребывание Набонида в Аравии может быть объяснено его полигическими расхождениями со своим сыном Бел-шар-уцуром, который, по мнению этого ученого, был поклонником Мардука. Он же полагает, что после своего возвращения Набонид начал проводить крупную религиозную реформу, в результате чего был отвергнут культ Мардука, чтобы передать верховенство Сину (см.: Beaulieu 1989: 62 f., 184). Однако не имеется никаких документальных свидетельств относительно разногласий между Набонидом и его сыном.

Мне представляется, что одной из основных причин долгого отсутствия Набонида в столице своей державы было его нежелание соблюдать новогодние праздники в храме Эсагила и соответственно подтверждать традиционные привилегии граждан Вавилона и других священных городов. Таким образом, конфликт между ним и населением этих городов был продолжением политики месопотамских царей, которые стремились уничтожить привилегии жителей Вавилона, Борсиппы, Урука и других священных городов. Иными словами, конфликт между Набонидом и населением Вавилона и других самоуправляющихся городов был продолжением многовекового соперничества между царской властью и народным собранием. Поэтому вполне понятно нежелание Набонида соблюдать обычаи новогодних торжеств, поскольку на них он каждый раз должен был подтверждать традиционные права граждан привилегированных городов. Эти права уже были в существенной мере нарушены им самим, и поэтому не было смысла в их торжественном признании. Таким образом, долгая борьба между царской властью и народными собраниями постепенно привела к их поражению, и теперь их юрисдикции подлежали только конфликты между от-

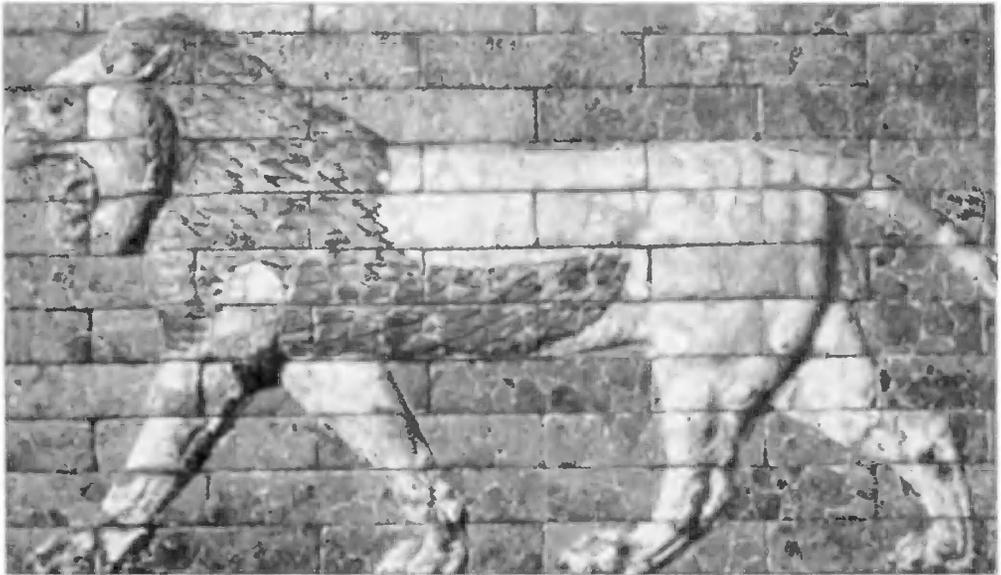
дельными лицами и преступления местного масштаба. Теперь царь стал высшим юридическим авторитетом, хотя в теории он не обладал абсолютной властью и не мог произвольно захватить собственность своих подданных или лишить их жизни. Поэтому становится понятным, почему после захвата Месопотамии Киrom вавилонские жрецы стали обвинять Набонида в различных грехах и преступлениях, вплоть до умопомешательства и захвата чужого имущества.

Рис. 3. Вавилонские надписи

Рис. 4. Цилиндр Кира

Рис. 5. Изображение льва у входа в храм в Вавилоне

Значительные изменения произошли в Вавилонии в ахеменидский период. После ее захвата Кир не стал отменять реформ Набонида, направленных на ограничение храмовой собственности. Более того, если халдейские цари и члены их семей ежегодно доставляли в храмы десятину золотом, серебром, скотом и другими вещами, персидские цари перестали платить ее. Кроме того, теперь вавилонские храмы обязаны были доставлять дворцу значительные натуральные подати скотом, ячменем, финиками, вином, шерстью и другим

имуществом, а также снабжать продуктами питания государственных чиновников. В частности, храмовые рабы в ряде случаев ухаживали за царским скотом, а также формовали кирпичи для дворца (см.: Dandamayev 1979: 594–596).

Вавилонские документы содержат обильную информацию о деятельности Губару (Гобрий), наместника Месопотамии и Заречья (Сирия) при Кире и Камбизе. Важно отметить, что его власть вовсе не ограничивалась собственно административными функциями наместника, а распространялась на деятельность храмов (см., например: AnOr VIII 43; YOS VII 127, 160 etc.). Кроме того, начиная со времени правления Камбиза в храмах появились «писцы царя», которые контролировали имущественные дела.

Рис. 6. Ахеменидский воин. Персеполь. Государственный Эрмитаж

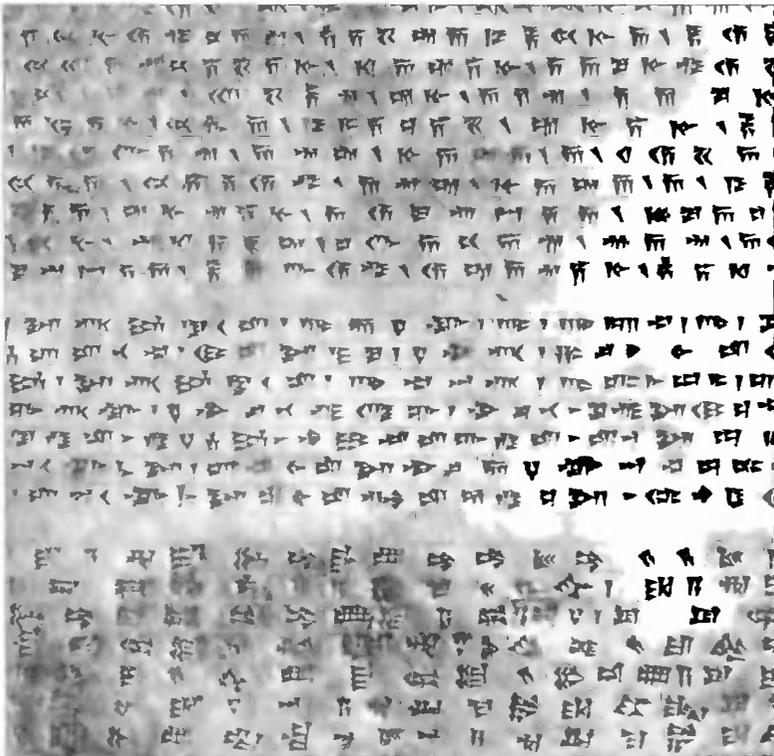

Рис. 7. Ахеменидская надпись из Ирана

Упомянутые выше факты находятся в полном согласии с храмовой политикой ахеменидских царей, которые не ущемляли религиозных чувств покоренных народов, однако стремились лишить храмы их влияния и ограничить их доходы. По-видимому, в канцелярии имперской столицы в Сузах существовал специальный отдел, который осуществлял надзор над храмами.

Тем не менее вавилонские храмы продолжали существовать вплоть до I в. н. э., как и народные собрания при них. Окончательное исчезновение тех и других символизировало полное исчезновение сильного и многочисленного класса граждан.

БАВИЛОНИЯ¹⁷

Политическая история

Вавилония — государство в южной части Месопотамии, существовавшее с начала 2-го тысячелетия до н. э. и завоеванное персами в 539 г. до н. э., когда оно находилось в тесных связях с Мидией и Персией.

В 729 г. Вавилония была захвачена ассирийцами и, за исключением отдельных кратковременных периодов, на целое столетие лишилась независимости. В 626 г. там вспыхнуло восстание против ассирийского господства, возглавленное наместником южной части Вавилонии Набопаласаром. Он возобновил традиционный союз халдейских племен юга Месопотамии с Эламом и в ноябре 626 г. короновался в Вавилоне, основав таким образом халдейскую, или нововавилонскую, династию. Между Ассирией и Вавилонией шла долгая война с переменным успехом, но ее исход решился, когда мидийцы напали на Ассирию. В 614 г. они во главе со своим царем Киаксаром захватили ассирийскую провинцию Аррапху. Затем осенью того же года после ожесточенной битвы они завладели Лашшуром, древней столицей Ассирии. Когда город был уже захвачен мидийцами, туда со своим войском подтянулся и Набопаласар. Мидийцы и вавилоняне заключили союз, скрепив его династическим браком между Навуходоносором, сыном Набопаласара, и Амитидой, дочерью Киаксара. Согласно греческой традиции, восходящей к вавилонскому историку Бероссу, Навуходоносор соорудил в Вавилоне за своим дворцом на террасах, которые имели вид естественных холмов, знаменитые висячие сады, подобные горным садам Мидии, чтобы Амитида не скучала по родной природе.

В августе 612 г. объединенные силы мидийцев и вавилонян захватили крупнейший город Ассирии Ниневию, а остатки ассирийской армии сумели пробиться к городу Харран в Верхней Месопотамии. Египетский фараон Нехо послал в Харран войско для оказания помощи ассирийцам. Тогда Набопаласар, по-видимому, обратился за помощью к мидийцам. В Вавилонской хронике говорится, что в ноябре войско умман-манда выступило на стороне вавилонян против ас-

¹⁷ Сокращенный перевод статьи «Babylonia» (EnIfr III. London; New York, 1989. P. 326–334).

Рис. 8 (справа). Дарий I топчет самозванца Гаумату. Бехистунский рельеф

Рис. 9 (внизу). Схематическое изображение Бехистунского рельефа

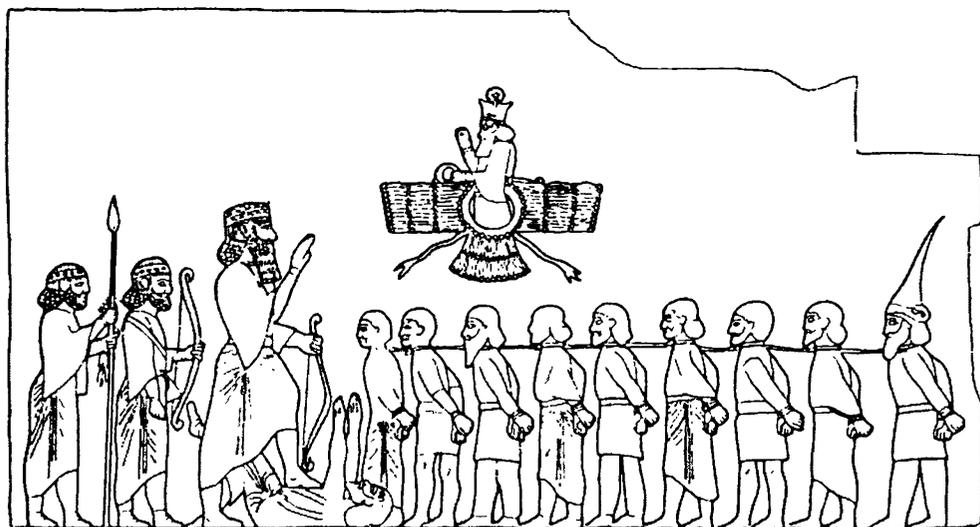

Рис. 10. Бехистунский рельеф с изображением триумфа Дария I. VI в. до н. э.

сирийцев. Судя по одному письму, отправленному царевичем Навуходоносором, эти умман-манда были мидийцами. В тексте говорится, что «вавилонский царь отправился в Харран и большие силы мидийцев пошли вместе с ним» (Thureau-Dangin 1925: 27–29). Мидийцы разгромили ассирийцев и захватили Харран. В штурме города участвовали также вавилоняне, но их роль в захвате Харрана была второстепенной.

Рис. 11. Цилиндрическая печать Дария

В 607 г. Набопаласар передал командование армией своему сыну Навуходоносору. Последнему предстояло овладеть городом Каркемиш на Евфрате, где находился сильный египетский гарнизон. Весной 605 г. вавилонское войско перешло Евфрат и одновременно с юга и севера напало на Каркемиш. Еще за городскими стенами началась жестокая битва, и скоро египетский гарнизон был уничтожен до последнего человека. После этой битвы в 604 г. большая часть Сирии и вся Палестина без сопротивления подчинились вавилонянам.

В августе 605 г. Набопаласар умер, и Навуходоносор II стал царем. Вскоре после этого он захватил и финикийские города. В 598 г. царь Иудеи Иоаким, побуждаемый уговорами Нехо, отпал от Вавилонии. Навуходоносор осадил Иерусалим и в 597 г. взял его. Согласно греческой традиции, Навуходоносор во время похода против Иерусалима просил помощи мидийского царя Кнаксара (Cameron 1936: 220). Позднее Иудея еще раз восстала, и в 587 г. после 18-месячной осады Навуходоносор захватил Иерусалим и увел много тысяч жителей города в вавилонский плен.

Правление Навуходоносора было временем экономического и культурного расцвета Вавилонии. В стране были воздвигнуты мощные фортификационные сооружения, чтобы обезопасить ее от вражеских нападений в будущем. Навуходоносор опасался чрезмерного усиления Мидии и хорошо понимал, что рано или поздно она из союзника превратится в опасного противника. Поэтому он охотно принимал политических беженцев из Мидии, и в вавилонских текстах, составленных между 595–570 гг., отмечается выдача с царских складов продовольствия мидийским беженцам. В тех же текстах говорится также о выдаче продовольствия 713 эламцам и трем выходцам из «страны Парсуаш», т. е. персам (Weidner 1939: 929 f.). Судя по одному письму, адресованному Навуходоносору, в 591 г. отношения между Мидией и Вавилонией стали напряженными. В тексте сообщается, что несколько вавилонян бежало в Мидию. К ним был послан царский гонец с приказом вернуться обратно, но они отказались подчиниться этому приказу (см.: GCCI II 395).

Но, если верить Геродоту (1.74), отношения между Вавилонией и Мидией были достаточно хорошими еще в 585 г., так как в этом году Мидия и Лидия заключили мирный договор при посредничестве царя Киликии Сиеннессия и некоего Лабинета из Вавилона (обычно ученые отождествляют его с будущим царем Набонидом).

После смерти Навуходоносора II в 562 г. в Вавилонии начался политический кризис, который был порожден конфликтом между халдейскими и арамейскими племенами, задолго до того наводнившими Месопотамию, а также противоречиями между жреческой и военной партиями. Жречество стало активно вмешиваться в политику, устраняя неугодных царей. В течение нескольких лет сменилось три царя, пока в мае 556 г. власть не захватил Набонид. В отличие от других царей, он, по-видимому, был не халдейского, а арамейского происхождения.

Когда около 552 г. во время войны между Мидией и Персией мидийское войско было отозвано из Харрана, Набонид восстановил там храм бога Луны Сина. Возрождение этого святилища было неразрывно связано с важными религиозными реформами, которые постепенно стал осуществлять Набонид. В ущерб

Рис. 12. Цилиндрическая печать с изображением пленников Артаксеркса I. Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина

культу верховного вавилонского бога Мардука он стремился выдвинуть на первое место культ Сина. Эти реформы привели Набонида к конфликту с жречеством Мардука в Вавилоне. На целых десять лет он удалился в Центральную Аравию, где захватил обширные области.

К 543 г. окончилось долгое соперничество между Вавилонией и Египтом, поскольку обеим странам предстояло готовиться к войне с персами. Однако в

этот критический момент Набонид остался без союзников. К тому же его войско было истощено в многолетних войнах на Аравийском полуострове и ему предстояло сражаться с огромной и хорошо вооруженной армией. Кроме того, влиятельные жреческие круги, которые были недовольны политикой своего царя, не были его надежной опорой. И многие тысячи пленников из разных стран, которые жили в Месопотамии, ждали персов как своих освободителей. Но персам предстояло одолеть мощные оборонительные сооружения, окружавшие наиболее крупные города и имевшие в периметре 150 км. Особенно хорошо был укреплен Вавилон, обнесенный двойной стеной из сырцовых и обожженных кирпичей. На расстоянии 20 м друг от друга на стенах были расположены укрепленные башни, с которых можно было обстреливать противника.

Согласно Вавилонской хронике, весной 539 г. персидская армия выступила в поход по долине реки Дияла. К этой армии присоединился и наместник области Гутиум (по всей вероятности, имеется в виду Мидия) Угбару. В августе 539 г. у города Описа на Тигре персы разгромили войско, которым командовал царевич Бел-шар-уцур. Переправившись через Тигр к югу от Описа, персы окружили Сиппар. Оборону города возглавил сам Набонид, но вскоре ему пришлось бежать в Вавилон. Через два дня войско Угбару овладело этим городом, и Набонид был взят в плен. Сообщение Вавилонской хроники о взятии столицы без боя подтверждается и археологическими раскопками, поскольку в слое этого периода не обнаружены следы пожаров или признаки насильственного разрушения домов (Reuther 1926: 34–36). 29 октября 530 г. в Вавилон вступил и сам Кир, которому население устроило торжественную встречу (ABC: 109 f.). После этого страна навсегда утратила независимость.

По рассказу вавилонского историка Беросса, отношение Кира к захваченной столице было скорее враждебным, ибо он велел разрушить внешние стены города, который показался ему слишком грозным (FGrII III C: 108 f.). Другие источники рисуют иную картину его падения, утверждая, что он был взят после ожесточенного сопротивления. По Геродоту (I.188–191), вавилоняне тщательно готовились к обороне и запаслись продовольствием на многие годы. Но персы разрушили одну из дамб и затем внезапно проникли в город. При этом Геродот называет вавилонского царя Лабинетом. Согласно Ксенофону, персы прорыли траншею вокруг Вавилона и ночью по руслу реки вошли в город, после чего ворвались во внутренние покои дворца и убили царя, имени которого этот автор не называет (Xenophon, Cyropaed. VII. 5, 7–32 и 58). В Книге Даниила (5. 3–5) об этом эпизоде рассказывается так: вавилонский царь Валтасар во время пира в своем дворце увидел, как огненная рука начертала на стене загадочные слова, возвещающие ему скорую гибель.

Кир сохранил жизнь Набонида, но велел казнить его сына Бел-шар-уцура. Таким образом, вся страна оказалась под персидским господством. Администрация Кира приступила к тщательно организованной пропаганде, изображая его освободителем Месопотамии от гнета правителя, который пренебрежительно относился даже к богам собственной страны, совершал различные преступления и грабил чужое имущество (Soden 1983: 61–68). В Цилиндре Кира говорится, что Мардук велел Киру вступить в Вавилон и вручил ему всю страну, чтобы

Рис. 13. Цилиндрическая печать с изображением ахеменидского царя. Государственный Эрмитаж

обеспечить ее народу мир и процветание. То же самое утверждается и в одной надписи Кира из Ура (UET I N 198). Автор Книги Исаяи, очевидец захвата Вавилона персами, по-видимому, знал общие политические установки персидского царя, и целые главы его произведения по духу своему примыкают к вавилонским текстам, подчеркивающим благочестие Кира и порицающим Набонида. Иосиф Флавий пишет, что выдержки из Книги Исаяи, относящиеся ко времени захвата Вавилона Киrom, были прочитаны перед последним (Bickerman 1967: 62).

Однако все эти тексты носят характер пропаганды и были составлены вавилонскими жрецами после захвата страны персами по заказу их царя или его окружения и по образцу более ранних надписей ассирийского царя Ашшурбанапала. В своих надписях Набонид утверждал, что в период его правления страна находилась в благополучии, и несколько тысяч хозяйственных и частноправовых документов его времени подтверждают это.

По распоряжению Кира идолы богов, отвезенные при Набониде в Вавилон, были возвращены в прежние храмы, как и истуканы чужеземных богов, ранее увезенные вавилонскими царями из Суз, области Гутиум и городов Северной Месопотамии. Пришедшие в упадок храмы Вавилонии и бывшей территории Ассирии были восстановлены. Наместник Угбару получил от Кира распоряжение оградить Вавилон от грабежей и охранять священные места. Чужеземцам, которые ранее были насильственно депортированы в Месопотамию, Кир разрешил вернуться в свои родные страны. Он также формально сохранил Вавилонское царство, придав своей власти характер личной унии с вавилонянами, и не стал менять ничего в социальной структуре общества. Он принял официальный титул «царь Вавилона, царь стран», который сохранялся в течение долгого времени. Кроме того, Вавилон стал одной из ахеменидских резиденций. До начала V в. в экономической структуре не произошло заметных изменений. Старые чиновники сохраняли свое положение в государственном аппарате страны, и персидская администрация приняла традиционные методы управления страной и вавилонское частное право.

После захвата престола в Персии Дарием I в 522 г. наряду с другими народами против него восстали и вавилоняне. Согласно Бехистунской надписи, некий Нидинту-Бел, сын Айнайра, незаконно объявил себя сыном Набонида и стал править под именем Навуходоносора (III). 3 октября он был признан царем. Документы, датированные по его правлению, происходят из Вавилона, Борсиппы и Сиппара. Дарий лично возглавил поход против восставших. Первая битва

произошла 13 декабря 522 г. у реки Тигр и закончилась его победой. Через пять дней он одержал новую победу в местности Зазану у Евфрата. Нидинту-Бел бежал в Вавилон, где был взят в плен и казнен.

Пока Дарий был занят подавлением мятежей в других странах, вавилоняне снова восстали. Если верить Бехистунской надписи, их возглавил армянин по имени Араха, сын Халдита, выдававший себя за Навуходоносора (IV), сына Набонида. Ему удалось захватить всю страну, как это видно из датированных по его правлению документов из Вавилона, Сиппара и Борсиппы на севере и Урука на юге. Самые ранние из них написаны 16 августа 521 г. Для усмирения вавилонян Дарий послал войско во главе с персом Виндафарной. 27 ноября 521 г. Араха потерпел поражение и затем подвергся казни. О восстании вавилонян против Дария рассказывает и Геродот (3.150–160). Он пишет, что Дарий, захватив Вавилон, велел казнить 3000 знатнейших жителей города и разрушить городские стены. Археологические раскопки подтвердили, что внешняя стена Вавилона действительно была разрушена, но внутренняя стена упоминается в документах и спустя много времени после подавления восстания (Wetzel, Schmidt, Mallwitz 1957: 70).

В 484 г. в разных концах Вавилонии приблизительно одновременно вспыхнули два восстания, которые возглавили соответственно Бел-шиманни и Шамаш-эриба¹⁸. Вначале мятежники добились крупных успехов и сумели захватить Вавилон, Борсиппу, Дилбат и другие города. Подавление восстания было поручено зятю Ксеркса Мегабизу. Когда Вавилон пал, городские стены и другие укрепления были срыты. Часть жрецов подверглась казни. Главный храм страны Эсагила также сильно пострадал от разрушений, и многие предметы из ее сокровищницы, посвященные туда ассирийскими и вавилонскими царями, были увезены в Персеполис (Schmidt 1953:174, 179; 1957: 56 ff., 64, 67). Золотая статуя Мардука также была увезена из Вавилона в Персию. Теперь никто из местных жителей не мог провозгласить себя законным царем, ибо, по вавилонским представлениям, для этого надо было получить власть из рук Мардука в Эсагиле во время новогоднего праздника. Тем самым Ксеркс ликвидировал Вавилонское царство и страна была низведена до положения рядовой сатрапии, а ее столица навсегда утратила свое политическое значение и перестала существовать как священный город. Правда, несколько позднее Вавилону удалось до некоторой степени возродить свое значение как экономического центра страны. Что же касается страны в целом, то из «Анабасиса» Ксенофонта видно, что на рубеже V–IV вв. Вавилония оставалась богатой и процветающей страной.

После битвы при Гавгамелах 1 октября 331 г. Александр Македонский направился к Вавилону, и сатрап Мазай без сопротивления сдал ему город. Александр намеревался сделать Вавилон столицей своей империи, но после его смерти в 323 г. этот проект остался неосуществленным. В 321 г. правителем Вавилонии стал Селевк I, один из полководцев Александра и основатель Селевкидского государства, в которое входили Месопотамия, Мидия, Персия, Северная Сирия

¹⁸ См.: Waerzeggers 2003/2004:150–156. где приведены предшествующая литература и ссылки на тексты.

и часть Малой Азии. В 312 г. Селевк основал город Селевкию на Тигре, которая при Антиохе I в 275 г. была официально объявлена столицей. После этого Вавилон был обречен на постепенное вымирание. Митридат I (около 270–139 гг.), создатель Парфянской империи, захватил у Селевкидов Мидию и Вавилонию до Евфрата. Бесконечные войны между парфянскими царями и Селевкидами опустошили Вавилонию. Так, между 161–122 гг. Вавилон девять раз менял правителей. К началу II в. н. э. город был покинут жителями и превратился в руины. Позднее, при Сасанидах (224–651 гг. н. э.), Месопотамия входила в состав их державы.

Вавилонская сатрапия

Высшая административная власть в стране принадлежала персидскому сатрапу. Первым наместником города Вавилона был полководец Кира Угбару, в руках которого находилась фактическая власть и всей Месопотамии. Через три недели после взятия Вавилона он умер. В 538 г. Кир назначил своего сына Камбиза царем Вавилонии, оставив за собой управление всей империей. Однако Камбиз был царем лишь города Вавилона и северной части страны, в то время как Центральная и Южная Вавилония оставались под управлением самого Кира и его чиновников. Но Камбиз царствовал всего лишь около девяти месяцев, и по неизвестным нам причинам в 537 г. Кир отстранил его от власти (San Nicolò 1941: 51–54).

После захвата Вавилонии Кир сначала оставил наместником этой страны вавилонянина Набу-аххе-буллита, занимавшего этот пост еще при Набониде, но в 535 г. он создал единую провинцию из Месопотамии и стран, расположенных к западу от Евфрата (Финикия, Сирия и Палестина), и назначил ее сатрапом перса Губару (Гобрий в греческой традиции). Он пробыл в этой должности по меньшей мере до 525 г. Сама провинция, охватывавшая почти всю территорию бывшей Нововавилонской империи, получила название Вавилония и Заречье. К марту 520 г. ее наместником стал перс Уштану. Но около 516 г. Дарий I разделил эту сатрапию на две. Наместником Вавилонии был назначен Уштану, а Заречья — Татнай, который, однако, в административном отношении был подчинен Уштану. В списке сатрапий Персидской державы, сохранившемся у Геродота (3.91–92), эти страны выступают в качестве различных сатрапий, а именно Вавилония и «прочая Ассирия» составляли девятую сатрапию, а Заречье — пятую сатрапию. Вавилонская сатрапия включала в себя также коренную территорию бывшей Ассирии. Геродот (3.155 и др.) не проводит различия между Ассирией и Вавилонией и называет Вавилон столицей ассирийцев, а иногда и самих вавилонян ассирийцами.

Вавилония была богатейшей сатрапией Ахеменидской державы и ежегодно платила персидским царям 1000 талантов (около 30 т) серебра в качестве дани. Кроме того, вавилоняне ежегодно посылали ко двору персидского царя 500 мальчиков в качестве евнухов. Они также обязаны были содержать расквартирован-

ное в стране войско и в течение четырех месяцев снабжать царя и его окружение продовольствием. На персепольских рельефах вавилоняне изображены среди данников несущими сотканную одежду, вазы и разные другие сосуды.

Ахемениды часть года проводили в Вавилоне и закладывали там сады с павильонами, а в 345 г. Артаксеркс III велел выстроить дворец типа персидского ападаны (Wetzel, Schmidt, Mallwitz 1957: 40, 48 f.).

Хотя в начале персидского завоевания местные административные, экономические и правовые традиции не были прерваны, постепенно произошли значительные изменения как в структуре самого аппарата управления, так и в терминах для обозначения чиновников. Поэтому в вавилонских текстах появляется много заимствованных из древнеперсидского языка терминов административной, правовой, экономической и военной лексики. Среди них можно упомянуть термины для обозначения сатрапа, копыеносца, налогов, закона, судьи, заведующего сокровищницей, счетовода, судебного следователя, парка для отдыха и охоты, наместника и т. д. (см.: Eilers 1940; Hinz 1975).

При Ахеменидах вавилонское частное право достигло наивысшего расцвета и в целом было образцом для правовых норм стран Ближнего Востока. Ахеменидское управление в общении с населением Вавилонии придерживалось местного права, как и персы, а также другие иранцы, которые стали принимать активное участие в деловой жизни страны. Частное право и формуляры документов в течение всего ахеменидского времени существенно не изменились, хотя многие государственные институты подверглись иранскому влиянию. Кроме того, к концу правления Дария I преобразования в экономике и государственном управлении повлекли за собой некоторые изменения и в области частного права (Cardascia 1951: 5–8).

Уже вскоре после завоевания Вавилонии персами в текстах упоминаются «судьи Кира». При Дарии I и его преемниках в качестве судей нередко выступают и персы. Например, в документах из Ниппура во второй половине V в. неоднократно упоминается Иштабузан, судья округа канала по названию Син. Позднее он передал свою должность своему сыну Хумардату. При Дарии I один контракт между двумя вавилонянами относительно денежной ссуды оформлен в присутствии персидского судьи Умардата, сына Удуната, а в другом тексте того же времени упомянут Аммадагу (TCL XIII 193; Dar 435).

Члены царской семьи и некоторые персидские вельможи, владевшие в Вавилонии обширными землями, располагали собственным судебно-административным аппаратом. Например, царица Парисатида, жена Дария II, держала в качестве судьи вавилонянина, который упоминается в документах как «судья имения Парисатиды» (BE X 97 и др.).

После захвата Месопотамии и подавления там нескольких восстаний Ахемениды отобрали у местного населения часть земли и раздали ее большими поместьями в полновластное и наследственное владение членам царской семьи и персидской знати. В частности, поля вокруг города Ниппура были поделены между персидскими вельможами, и в документах предпринимательского дома Мурашу упоминается много таких владельцев. Например, перс Багавир, сын Митридата, в 429 г. сдал в аренду дому Мурашу сроком на 60 лет свое поле и

землю, которые достались ему после смерти его дяди (брата отца) Рушундата. Оба поля были расположены близ Ниппура по берегам двух каналов, рядом с полем другого перса по имени Рушунпатиш. Одновременно Багавир сдал в аренду также «жилые дома» близ Ниппура. Арендатор уже при составлении контракта уплатил всю арендную плату, которая равнялась 1800 га фиников (BE IX 48).

Близ Ниппура были расположены также поля царицы Парисатиды, которые сдавались в аренду дому Мурашу (PBS 2/I 50, 60, 75 и др.). Согласно Ксенофону (Anabasis 2. 4, 27), она владела также «деревьями», расположенными в шести дневных переходах от города Опис. Крупные земельные владения близ Ниппура и в других местах принадлежали также персидским царевичам.

Часть земли находилась в фактической собственности царя, и по сравнению с предшествующим периодом размеры царской земли значительно увеличились. Эти земли, как и поля членов царской семьи, обычно сдавались в аренду. Например, в 420 г. представитель дома Мурашу обратился к управляющему посевами полями царя, расположенными по берегам нескольких каналов близ Ниппура, с просьбой сдать ему в аренду на три года одно поле. При этом арендатор обязался платить ежегодно в качестве платы 33 000 л ячменя, 3000 л пшеницы, 1500 л эммера, а также одного быка и 10 баранов (ТМН 2/III 147).

Близ городов Сиппара, Ниппура и Урука были расположены парадизы (парки с фруктовыми и другими деревьями), принадлежавшие персидским царям. Они владели также крупными каналами, которые царские управляющие сдавали в аренду. В окрестностях Ниппура эти каналы арендовал дом Мурашу, в свою очередь отдававший их в субаренду мелким землевладельцам. Например, в 439 г. семь землевладельцев заключили контракт с тремя арендаторами царского канала, в числе которых был и дом Мурашу. По этому контракту субарендаторы имели право орошать свои поля в течение трех дней ежемесячно водой из этого канала. За это они должны были платить арендаторам $\frac{1}{3}$ часть урожая как «водную подать» с орошаемых полей, а также определенную сумму денег за каждую меру земли (BE IX 7).

При Ахеменидах продолжалась политика правивших до них в Месопотамии вавилонских царей, сажавших на землю своих воинов, которые коллективно, целыми группами обрабатывали выделенные для них наделы, отбывали воинскую повинность и платили определенную денежную и натуральную подать. Эти наделы назывались наделами лука, лошади и колесницы, и их владельцы должны были выполнять военную повинность в качестве лучников, всадников и колесничих. Во время походов владельцы наделов должны были выступать со своим снаряжением. Среди таких воинов были как вавилоняне, так и представители других народов. Наделы нельзя было отчуждать, и они переходили наследнику — воину по мужской линии или при отсутствии таковых возвращались государству.

В ахеменидский период произошли значительные изменения в храмовой политике в Вавилонии. Храмы были крупными землевладельцами и рабовладельцами, занимались ростовщическими операциями, торговлей и т. д. Если халдейские цари и члены их семей отдавали храмам десятину золотом, сереб-

ром и т. д., Ахемениды не стали платить ее. Далее, цари халдейской династии редко вмешивались в храмовые дела, и вклад храмов в государственные доходы был незначительным, наоборот, сами храмы получали в дар от царей земельные владения, рабов и т. д. Правда, такая политика стала меняться при последнем царе местной династии Набониде и ее продолжили Ахемениды, требуя от храмов значительные подати скотом, зерном и т. д. Кроме того, храмы выполняли государственные повинности, посылая своих рабов для работы в дворцовом хозяйстве в Вавилоне и других городах. Для обеспечения выполнения соответствующих обязанностей в храмовое правление были введены царские уполномоченные и фискальные агенты, которые надзирали над своевременным и точным выполнением таких указаний (см.: Dandamayev 1979: 589–596).

Связи с Ираном

Культурные и торговые связи между Месопотамией и Ираном восходят к тому времени, когда мидийцы и персы еще не имели на территории Ирана своих государств (см.: Calmeyer 1982: 339–348). В XII–X вв. существовали тесные связи между Вавилонией и странами к востоку от Тигра. В это время вавилоняне господствовали в Намаре, области на среднем течении реки Диялы, и их влияние распространилось и на Западный Иран (Brinkman 1968: 200 ff.). Области непосредственно у границ Мидии также являлись объектом колонизации вавилонян еще в XII в. Вавилонское влияние заметно также и на ремесленных изделиях Западного Ирана (Calmeyer 1973: 227–232). Среди вещей луристанской бронзы обнаружено 38 предметов оружия (кинжалы, наконечники копий и т. д.) с именами вавилонских царей, правивших в период между 1135–940 гг. Возможно, это было вогивное оружие, посвященное в вавилонские храмы и позднее захваченное вторгшимися в Месопотамию воинами из Ирана. Было также высказано предположение, что это оружие было дано вавилонскими правителями воинам Ирана за их верную службу (Dossin 1962: 149–164; Calmeyer 1969: 161–174). Имеется также много предметов луристанской бронзы с именами частных лиц клинописью на аккадском языке. Но многие из этих надписей являются копиями, выполненными неграмотными ремесленниками из Луристана с более ранних случайных вавилонских вещей, главным образом с печатей (Moorey, Lambert 1972: 161–163).

На территории Западного Ирана найдены также три надписи на аккадском языке. Одна из них, вырезанная на двух сторонах бронзовой пластинки, была обнаружена недалеко от Хамадана и, по всей вероятности, относится к X или IX в. В ней речь идет об освобождении неким Шилисрухом, царем неизвестной нам страны, подданных от определенных натуральных податей (Diakonoff 1978: 51–68). Две другие надписи были найдены во время раскопок в Хасанлу. Одна из них по палеографии, как нам представляется, относится к IX в. или, скорее, к более раннему времени. В ней упоминается дворец Баури, по-видимому, правителя страны Ида. Как видно из ассирийских надписей, Ида была рас-

положена во Внутренней Замуа, одной из областей Западного Ирана. Вторая надпись содержит имя вавилонского царя касситской династии Кадашман-Энлиля и относится к XIV или XIII вв.¹⁹ Но две последние надписи относятся к тем временам, когда территории, где они найдены, не были еще населены мидийцами. Поскольку до сих пор не найдены какие-либо тексты на мидийском языке, можно предположить, что носители этого языка могли пользоваться аккадской клинописью и языком (как это в отдельные периоды происходило на территории Юго-Западного Ирана — Эламе).

В ахеменидский период на территории Вавилонии происходили интенсивные процессы этнических смешений и синкретизма культур и религиозных представлений различных народов. Отчасти эти процессы объясняются тем, что Ахемениды создавали в Месопотамии военные колонии из представителей различных народов и нередко назначали в административный аппарат лиц, которые не были коренными жителями этой страны. Поэтому там жили в значительном количестве иранцы, египтяне, лидийцы, фригийцы, карийцы и др. В документах архива предпринимательского дома Мурашу из Ниппура, составленных во второй половине V в., около $\frac{1}{3}$ всех собственных имен — невавилонские. Среди них встречаются десятки иранских имен, носителями которых большей частью были персы, мидийцы, саки и арейи (см.: Zadok 1977: 89–138).

Персы все больше и больше стали принимать активное участие в деловой жизни страны, обычно действуя через своих агентов вавилонян, арамеев и т. д. Уже царевич Камбиз занимался ростовщическими операциями, отдавая через своего управляющего деньги в рост (Суг 177). Перс Паргамму купил в центре Вавилона дом (Dag 410). В Борсиппе перс Арбатем сдавал в аренду «запирающиеся склады» (NRV 138). В 423 г. дом Мурашу уплатил арендную плату с поля перса Ухейгаму, сына Парнака. Поле было расположено близ Ниппура, а сам владелец его жил в Вавилоне, куда и была доставлена ему арендная плата (PBS 2/I 5). Многие персы, мидийцы, саки и другие иранцы постепенно подвергались вавилонскому влиянию и стали давать своим детям типично вавилонские имена (см.: BE IX 14, 76, 82 и др.).

В ахеменидский период в Месопотамии находилось сравнительно много выходцев со всех концов империи, которые были разбросаны по всей стране, жили бок о бок с коренным населением и постепенно ассимилировались с ним. Естественно, персидские цари широко пользовались в государственном управлении услугами вавилонян с их многовековым административно-хозяйственным опытом. Некоторые вавилоняне на рубеже VI–V вв. работали и в государственном аппарате даже в Юго-Западном Иране на территории Древнего Элама. Например, вавилонянин Бел-этир был занят доставкой государственной почты из Персеполя в Сузы и обратно (PF 81 и др.). В Иране в царском хозяйстве было занято значительное количество вавилонских ремесленников (PF 868, 1811, 1821 и др.). Кроме того, вавилоняне участвовали в возведении дворца Дария I в Сузах, выполняя земляные работы, формуя кирпичи и высекая рельефные изображения (см.: Kent 1953:142–144).

¹⁹ См. издание обеих этих надписей: Dyson 1972: 49 f.

Аккадский язык, на смену которому постепенно приходил арамейский, еще оставался языком литературы, культа и документов повседневной жизни. Параллельно с древнеперсидским и эламским он употреблялся также для составления царских надписей. В Персеполе и некоторых других городах Ирана работали также вавилонские писцы на коже (PF 1807, 1810, 1828).

НАБОНИД²⁰

По-аккадски Nabû-pā'id — последний царь вавилонского происхождения в Месопотамии.

§ 1. Источники. Основными источниками являются следующие произведения: 1) «Хроника Набонида», из которой сохранились выдержки за 1–3, 6–11 и 16–17-й годы (ABC 104–110); 2) официальное сообщение о его правлении (Lambert 1968/69: 1–8; 3) текст, опубликованный Ламбертом, под названием «Nebuchadnezzar King of Justice» (Iraq 27 (1965): 1–11), где, однако, имя царя не сохранилось. Согласно фон Зодену (1983: 63) и Больё (1989: 6–18), этот текст относится ко времени Набонида; 4) царские строительные надписи (см. публикацию всех его надписей с обстоятельной предшествующей библиографией в Schaudig AOAT 256); 5) Цилиндр Кира (см.: там же); 6) «Стихотворный отчет» — памфлет, направленный против Набонида (см. перевод Оппенгейма в ANET: 312–315); 7) пророческий текст, где упоминается царь Харрана: BHLT: 32); 8) юридические, хозяйственные и административные документы, датированные по царствованию Набонида (см. ссылки: Dandamayev 1984: 10–12).

Сохранились также следующие иноязычные источники: 1) греческие тексты, основанные главным образом на отрывках из произведений вавилонского ученого Беросса (см.: Dougherty 1929: 186–200); 2) пятая глава Книги Даниила; 3) фрагментарный арамейский текст, названный «Молитва Набонида», который сохранился среди рукописей Мертвого моря I в. до н. э. (Meuser 1962).

§ 2. Жизненный фон. Об этом нам мало что известно. Он родился около 610 г. Его отец Набу-балассу-икби в надписях Набонида называется rubû («князь») и šakkanakku («наместник»). В одном тексте он назван Нуску-балассу-икби (см.: Donbaz 1991: 11–12). По всей вероятности, он был вождем одного из арамейских племен, осевших в Вавилонии (см.: Beaulieu 1989: 68). Его мать Адда-гуппи известна из ее собственной надписи как поклонница бога Луны Сина в области Харран в Верхней Месопотамии. Она прожила 104 года и умерла после девятилетнего царствования ее сына. В своей надписи она заявляет, что побудила его служить царям Навуходоносору и Нериглиссару. «Что было угодно им, он выполнял» (ibid.: 68–79). По-видимому, до своего восшествия на престол он был важным чиновником при царском дворе. В одном деловом документе от 597 г. в качестве свидетеля упоминается некий Набонид, «который стоял во главе города» (Nbk 70: 9). Многие ученые полагают, что это был будущий царь с тем же

²⁰ Перевод статьи «Nabonid» с некоторыми сокращениями и добавлением более поздней литературы (RIA. 9. 1998: 6–11).

именем. Однако в дубликате того же текста это лицо названо «сыном царя» Навуходоносора. Более того, в то время Набониду было лишь около 14 лет (см.: Röllig 1964: 239; Beaulieu 1989: 82 f). Согласно Геродоту (1. 74), Сиеннесий из Киликии и вавилонянин Лабинет выступили посредниками при заключении мирного договора между Лидией и Мидией в 585 г. Этот Лабинет был тождествен либо Навуходоносору II, либо царю Набониду. Геродот (1. 77 и 188) также называет последнего вавилонского царя Лабинетом. Однако невозможно сказать, был ли последний «Лабинетом вавилонянином» или же имя это носили два различных лица (ср.: Schmitt 1983: 411 f.; Beaulieu 1989: 80).

Когда в конце июня 556 г. Набонид, узурпировав трон, стал царем, он был уже пожилым человеком. По-видимому, он был избран на престол своими сторонниками после военного заговора против правившего тогда Лабаша-Мардука (об этом, основываясь на текстах Беросса, сообщает Иосиф Флавий (*Contra Apionem* 1. 21)). Очевидно, Набонид имеется в виду в одном вавилонском пророческом тексте, согласно которому один мятежный царь создаст династию Харрана (BHLT: 32 II: 11-16). В своей надписи на Базальтовой стеле Набонид заявляет, что сторонники понесли его во дворец и простерлись у ног его, приветствуя как царя (см.: ANET: 309). В той же надписи он говорит, что был возвышен для управления страной по повелению владыки Мардука и что стал исполнителем воли Навуходоносора и Нериглиссара. Но, по утверждению Харранской надписи Набонида, это был бог Син, который призвал его править страной.

§ 3. Военные походы. В первом году своего царствования Набонид совершил поход против страны Хуме (Киликия) в Малой Азии и захватил там в плен 2850 человек. В следующем (554) году он предпринял поход на запад против Амманану (вероятно, область в Сирии). В какой-то период между 3-м и 6-м годами правления он отправился в аравийскую область Тейму, где, согласно Харранской надписи, оставался в течение десяти лет. Его резиденция находилась в Тейме, но он захватил также несколько городов между нсю и Ятрибом (ныне Медина), нанеся поражения арабам. Он также установил колонии для своих подданных в Тейме и в некоторых других оазисах и оставил там военные гарнизоны. Там же он принимал посланцев мира от царей Египта, Мидии и вождей аравийских шейхов.

§ 4. Религиозная политика и храмовые реформы. Как известно, Набонид предпринял восстановление храма бога Сина в Харране, который назывался Эхульхуль. Однако из-за противоречий в источниках пока неясно, когда оно было завершено (см.: Beaulieu 1989: 205-209). Судя по «Тексту о сновидении» в Сиппарском цилиндре, в самом начале правления Набонида (556/5) Мардук велел ему восстановить Эхульхуль. Согласно тому же источнику, в 3-м году правления Набонида (554/3) персидский царь Кир нанес поражение мидийцам, в чьем владении, по-видимому, до того времени находился Харран. После этого Набонид освободил Харран и восстановил там храм. Однако Хроника Набонида датирует поражение мидийцев от Кира не 3-м, а 6-м годом правления вавилонского царя.

Тадмор высказал предположение, что фраза «начало моего царствования» в Сиппарском цилиндре употреблена не в строгом хронологическом смысле для

указания года его восшествия на престол, а в общем смысле «ранние годы». Он также полагает, что «третий год» в том же тексте означает «когда настало время» (AS 16: 352 f.). Возможно, первое предположение Тадмора верно, однако вряд ли возможно согласиться с его трактовкой фразы «третий год» (см.: Lambert 1972: 59). По всей вероятности, война между Персией и Мидией продолжалась три года или более, и мы можем заключить из Хроники, что Набонид захватил Харран между 3-м и 6-м годами его правления. Когда Харранская надпись Набонида еще не была опубликована, предполагалось, что восстановление Эхульхуля имело место около 552 г., т. е. в начале царствования Набонида. Однако эта надпись подразумевает, что реконструкция упомянутого святилища состоялась только после его возвращения из Теймы, где он, как уже говорилось выше, оставался в течение десяти лет. Однако в «Стихотворном отчете» говорится, что Набонид отправился в Тейму только после восстановления указанного храма, «когда настал третий год». По мнению Тадмора, Набонид отбыл в Тейму в 4-й год своего царствования и вернулся обратно в Вавилон в 14-й год и тогда обратился к восстановлению Эхульхуля (AS 16: 356). Хазель предполагает, что это восстановление началось в 4-м году правления Набонида (552 г.) и что фразу «третий год» в «Стихотворном отчете» не следует идентифицировать с 3-м годом царствования Набонида, она скорее указывает на то, сколько времени прошло после начала сооружения храма. В таком случае Набонид отправился в Тейму в 6-й год своего правления (550 г.) и вернулся обратно в Вавилон в 16-й год (540 г.). Такое мнение находится в согласии с указанием Хроники, что в 539 г. новогодний праздник был отмечен в Вавилоне лишь после многих лет перерыва.

В настоящее время эта хронологическая проблема не может быть окончательно разрешена, и мы можем только сказать, что в какое-то время между 3-м и 6-м годами Набонид отправился в Тейму и вернулся в Вавилон между 12-м и 16-м годами (см.: Lambert 1972: 57).

Для восстановления храма в Харране Набонид мобилизовал людей из стран, расположенных между Персидским заливом и Средиземным морем. Изображения бога Сина и его окружения были доставлены в Вавилон и выставлены там. Хотя Набонид продолжал поклоняться Мардуку, Набу и другим вавилонским богам, а также восстановил храм Шамаша Эбббару в Сиппаре и другие древние храмы, он постепенно начал продвигать культ бога Луны Сина на передний план, называя его «владыкой богов» или «царем богов» (см. подробно: Beaulieu 1989: 43–65). Набонид стал приписывать ему высшую власть, которая ранее принадлежала Мардуку. Однако бог Луны, культу которого Набонид покровительствовал, не был традиционным вавилонским богом Сином, а скорее богом, чьи символы и формы поклонения более напоминали арамейского бога с тем же самым именем. Хотя Набонид и покровительствовал храму Сина в Уре и еще во 2-м году своего правления посвятил туда свою дочь в качестве жрицы (см.: YOS I 45), жречество этого города было среди враждебных Набониду сил (см.: Kuhrt 1990). Из этого мы можем заключить, что Син этого правителя в некоторых отношениях отличался от такого же бога в Уре. Преданность Набонида богу Луны привела его к конфликту с жречеством и жителями Вавилона и других древних городов.

В своей Харранской надписи Набонид заявляет, что в какой-то момент в начале его правления жители Вавилона, Борсиппы, Ниппура, Ура, Урука и Ларсы стали грешить против богов и «пожирали друг друга, подобно собакам». Поэтому боги наказали их эпидемией и голодом. Раздраженный святотатством и беззаконием своих подданных, он покинул Вавилон.

Особенно недовольно было Набонидом жречество покровителя Вавилона Мардука, потому что начиная с 7-го года правления он в течение многих лет находился далеко от столицы. Поэтому в храме Эсагила не отмечались годовые праздники, на которых царь обязательно должен был присутствовать, чтобы подтвердить привилегии граждан древних священных городов. Именно это, по-видимому, привело к конфликту между Набонидом и населением Вавилона и других самоуправляющихся городов, что являлось продолжением многовекового соперничества между царской властью и народными собраниями этих городов.

Религиозные и социальные реформы Набонида были связаны с его деятельностью, нацеленной на ограничение влияния храмов и расширение государственного контроля над храмовой собственностью. Он ввел административные и экономические перемены в храмовую организацию, в первую очередь осуществил широкомасштабную реорганизацию административного управления крупных храмов. Например, еще в 1-м году своего правления он сам сдал двум частным лицам для обработки большой земельный массив, принадлежавший храму Эанна (YOS VI 11). До этого времени такого рода функции принадлежали храмовому управлению. Далее, в начале своего правления он установил в Эанне должность царского контролера и надзирателя над храмовым имуществом. Этот чиновник пришел на смену «писцу Эанны», который до этого времени был одним из самых влиятельных членов храмовой администрации. Теперь многие писцы могли одновременно носить титул храмового писца, хотя их полномочия имели рутинный характер. В 3-й год своего правления Набонид установил также должность управляющего царскими доходами («имущественный ящик царя»), который стал финансовым агентом в храме. В этот «ящик» передавали твердо установленную часть храмового дохода в виде мяса, ячменя, шерсти и т. д. По-видимому, Набонид проводил такие же реформы и в других крупных храмах. Он также велел, чтобы регулярные жертвоприношения в Эанне были такими же, как в Эсагиле в Вавилоне и Эзиде в Борсиппе (YOS VI 10; см.: Frame 1991: 59–61).

Ученые высказывали различные мнения относительно продолжительного пребывания Набонида в Тейме (см.: Beaulieu 1989: 178–185). По предположению Доуэрти, Набонид стремился установить свое господство над странами к западу от Месопотамии (Dougherty 1929: 160). Смит полагал, что причины захвата Теймы были экономические, поскольку она находилась на пути пересечения крупных аравийских караванных дорог. Набонид хотел установить господство над торговыми путями на западе, потому что Персидский залив из-за ила становился несудоходным, лишая тем самым Вавилонию морских портов. Кроме того, северные и восточные торговые пути стали недоступными из-за враждебных отношений с Мидией (см.: Smith 1944: 38 ff.). Ламберт считает, что Тейма была

Рис. 14. Израильский царь выражает покорность ассирийскому

арабским центром почитания Луны, и поэтому Набонид отправился туда по причине своих религиозных убеждений. Тот же автор полагает, что, хотя экономические соображения могли составлять один из факторов, влиявших на политику Набонида, для него все же не было необходимости провести десять лет вне Месопотамии для установления контроля над Аравийским оазисом, ибо он мог бы послать для этого кого-либо из своих военачальников (Lambert 1972: 62). Этот аргумент относительно религиозных убеждений представляется не вполне убедительным, поскольку Набонид встретил враждебное к себе отношение со стороны населения Теймы и других аравийских оазисов. Возможно, одной из причин долгого пребывания Набонида вне Месопотамии было его нежелание участвовать в новогодних торжествах, где необходимо было подтвердить священные права граждан Вавилона и других древних городов (в частности, освобождение от повинностей)²¹.

Во время отсутствия Набонида в Вавилонии его обязанности выполнял царевич Бел-шарру-уцур (Валтасар), о чем свидетельствуют «Стихотворный отчет», ряд административных документов и Книга Даниила (см.: Dougherty 1929: 105–137; Beaulieu 1989: 64, 165, 185–203).

§ 5. Строительная деятельность. Надписи и «Хроника Набонида», а также хозяйственные документы из храмовых архивов содержат определенную информацию о его строительных проектах. Изучив все литературные, архивные и археологические свидетельства, Больё пришел к следующим выводам (Beaulieu 1989: 3 ff., 42): в своем 2-м году правления Набонид перестроил храм Шамаша

²¹ Такое предположение высказал автору В. А. Якобсон.

в Сиппаре Эбббару. Во время строительных работ была найдена статуя древнего аккадского царя Саргона и снова положена в фундамент здания. Позднее Набонид восстановил в Сиппаре святилище бога Бунене (между 4-м и 13-м гг.), зиккурат Эбббары (10-й г.) и храм богини Ануниту около Сиппара (вероятно, 16-й г.). В 10-й год правления он перестроил храм Эбббару в городе Ларса, и в то же самое время некоторые строительные проекты были осуществлены и в Уруке. Во 2-м году было отремонтировано святилище Эгипар в Уре. Вероятно, в 16-м или 17-м году было предпринято восстановление зиккурата в Уре. По сообщению Беросса, Набонид построил также защитительные сооружения на берегу Евфрата в Вавилоне, и это подтверждается находкой строительных кирпичей с надписями, хотя у нас нет сведений о времени выполнения этой работы. Наконец, он восстановил храм Сина Эхульхуль в Харране, но дата осуществления и этого проекта не известна (см. § 4).

§ 6. Падение и конечная участь. Согласно Хронике (ABC: 109 f. II:12-13), персы нанесли поражение вавилонской армии, которой командовал Бел-шар-уцур. Затем началась осада Сиппара, где в это время находился сам Набонид. 10 октября 539 г. город пал, и Набонид бежал в Вавилон, где спустя несколько дней был захвачен в плен. Если верить Бероссу, Набонид был захвачен в Борсиппе, и Кир назначил его наместником Кармании, страны к востоку от Ирана (FGH III C: 394, 408). В упомянутом выше пророческом тексте говорится, что царь Вавилона будет низложен эламским царем (очевидно, имеется в виду Кир) и послан в другую страну (BILT: 25 II: 19-21). По-видимому, этот текст подтверждает сообщение Беросса о том, что Набонид не был казнен, в отличие от противоположного мнения, которое содержится у Ксенофонта (Сугораед. 7. 5, 30).

§ 7. Заключение. Еще при жизни Набонида недоброжелатели считали его сумасшедшим. Например, в «Стихотворном отчете», Цилиндре Кира и некоторых других вавилонских текстах, в которых перечисляются его злодеяния, утверждается, что он обрек людей на нищету, пользовался их имуществом в своих корыстных интересах и что страна при нем обнищала и страдала от голода. Однако все эти пропагандистские сочинения, написанные в угоду Киру после завоевания Месопотамии персами, носят явно пропагандистский характер. Враждебную Набониду традицию можно проследить также в греческой литературе и в Библии. Ксенофонт (Сугораед. 5. 4, 35 и 7. 5, 32) изображает последнего вавилонского царя, которого он, однако, не упоминает по имени, нечестивым человеком. В Библии Набонид не упоминается, и в пятой главе Книги Даниила Валтасар (т. е. Бел-шар-уцур) считается последним вавилонским царем. Деятельность Набонида там по ошибке приписана Навуходоносору, поскольку последнего считали отцом Валтасара. В «Молитве Набонида» говорится, что Набонид был наказан богом за его поклонение вавилонским божествам, и, будучи прокаженным, он был обречен жить в течение семи лет в пустыне с дикими зверями.

Некоторые ученые высказывали мнение, что Набонид интересовался археологией и восстановлением пришедших в ветхость храмовых зданий, пренебрегая благополучием своей страны. Но, по-видимому, с помощью религиозных

реформ и военных походов он стремился объединить вокруг себя многочисленные арамейские племена Западной Азии. их самым почитаемым богом был Син.

Как видно из Харранской надписи Набонида, в течение какого-то времени правления Набонида в Вавилонии царил голод. Это подтверждается и вавилонским юридическим текстом, согласно которому голод был в 11-м году царствования Набонида (544 г.), и одна женщина посвятила двух своих малолетних сыновей в храм Эанна в Уруке, чтобы спасти их от голодной смерти (YOS VI 154). В одной царской стеле содержится информация об экономической ситуации в Вавилонии во время правления Набонида. В тексте говорится об изобилии и благополучии в стране после дождей, пришедших на смену долгой засухе, и затем дается перечень цен на ячмень, финики, шерсть и т. д. Эти цены на 30–50 % ниже обычных цен на эти товары (BBSt N 37; ср.: Röllig 1964: 247 f.). В других своих надписях Набонид утверждает, что во время его царствования население Вавилонии находилось в благополучии и что ее внешние враги были усмирены. Более 3000 деловых и хозяйственных документов, датированных периодом его семнадцатилетнего правления (ср., например: 1700 текстов времени Навуходоносора II, правившего 43 года, или 1500 текстов за 36 лет правления Дария I), свидетельствуют о том, что страна под его властью находилась в сравнительно благополучном состоянии.

АССИРИЙСКИЕ ТРАДИЦИИ В АХЕМЕНИДСКИЕ ВРЕМЕНА²²

В конце VII в. до н. э. Новоассирийская империя была разрушена мидийцами и вавилонянами, а ее главные центры разграблены и многие ассирийцы уничтожены. Это была месть государству, которое в течение многих столетий грабило и разрушало страны Ближнего Востока.

Обычно считается, что в результате падения Ассирии мидийцы захватили территорию собственно Ассирии, в то время как вавилонянам достались остальные регионы Месопотамии, а также Сирия, Палестина и Финикия. Как видно из «Анабасиса» (3.4, 7–10) Ксенофонта, в конце V в. до н. э. такие коренные ассирийские земли, как Лариса (Калах) и Меспила, находившиеся недалеко от территории прежней Ниневии, в народной памяти считались мидийскими. Более того, из Бехистунской надписи, составленной около 520 г. до н. э., видно, что прежний ассирийский город Арбела принадлежал Мидии (см.: Calmeyer 1990: 111). По мнению Кальмейера, после падения Ниневии в 612 г. прежние ассирийские земли к востоку от Тигра были присоединены к Мидии, в то время как после битвы при Каркемише в 605 г. прежняя ассирийская территория к западу от той же реки до Иудеи включительно стала вавилонской провинцией под названием Ашшур (ibid.: 118, там же дана и предшествующая литература).

²² Сокращенный перевод статьи «Assyrian Traditions during Achaemenid Times» (Assyria 1995 Proceedings of the 10th Anniversary Symposium of the Neo-Assyrian Text Corpus Project. Eds. by S. Parpola and R. M. Whiting. Helsinki. 1997. P. 41–48).

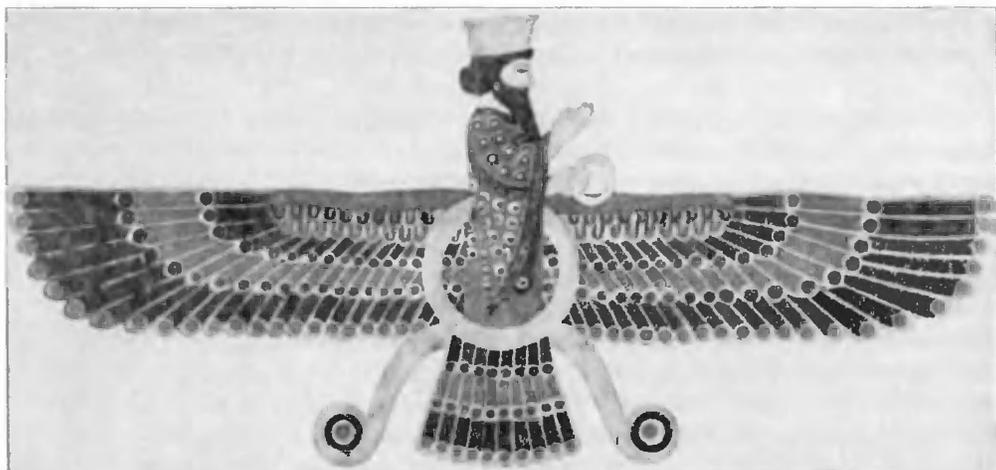

Рис. 15. Изображение бога Ахурамазды

Цадок склонен предполагать, что ареалы вокруг Ашшура и Ниневии до 539 г. н. э., когда Месопотамия была завоевана персами, находились под вавилонским контролем. Такое мнение основано на утверждении, содержащемся в Цилиндре Кира, что Ашшур (возможно, и Ниневия, если восстановление текста в этом месте верно) упоминается среди городов, куда на их старое место Кир вернул людей и идолы богов (Zadok 1984: 1, 13, 6). Однако это спорно, поскольку идолы богов, увезенные из Ассирии, хранились в Вавилоне и, следовательно, не могли быть возвращены обратно до завоевания Месопотамии персами. Что же касается уведенных из Ассирии в Вавилонию военнопленных, их, очевидно, не было в живых задолго до 539 г., когда был написан Цилиндр Кира. Но возможно, что Кир разрешил их детям и внукам вернуться на родину предков.

Как известно, Геродот и Ксенофонт упоминают Ассирию и Вавилонию как одну и ту же страну. Однако в древнеперсидских надписях о них говорится как об отдельных странах. После падения Ассирии ее именем постепенно стала называться Сирия. Например, в вавилонской версии надписи Дария I из Суз (f) Eber-nāri («Заречье», т. е. Сирия, Палестина и Финикия) соответствует персидскому и эламскому Athurā, т. е. Ассирия. Таким образом, последняя была частью региона, известного из клинописных текстов как Заречье (см. Calmeier 1990: 112). Следовательно, в официальном употреблении персидской канцелярии под названием «Ассирия» имелась в виду Сирия (ср.: Steiner 1993: 82; Zadok 1984: 1).

Несколько эламских документов из Персеполя, составленных в конце VI и начале V в. до н. э., упоминают «ассирийских» (Aššuriya) работников царского хозяйства в этом городе и в его округе, которым выдавали пайки мукой и зерном. Их количество колебалось от нескольких десятков до нескольких сотен человек, включая мужчин, женщин и детей (см. ссылки: Hallock 1969: 671). Однако тексты не содержат ясных данных для определения этнического происхождения этих «ассирийцев». Высказывалось предположение, что это были люди из Сирии (см.: Hinz, Koch 1987: 91 f.).

В вавилонских источниках термин «ассириец» (Aššurāja) обозначает людей из Ассирии (см.: Zadok 1984:1). Цадок рассмотрел данные об иммиграции людей из Ассирии в Вавилонию в халдейский и ахеменидский периоды, основываясь главным образом на ономастическом материале. Поскольку вавилоняне не были поклонниками ассирийских богов, имена с ассирийскими теофорными элементами следует считать ассирийскими. Руководствуясь таким подходом, в общем итоге в нововавилонских и ахеменидских документах засвидетельствовано 106 ассирийских имен (ibid.: 11).

Этнический термин Aššurāja содержится только в нескольких из этих текстов. Два из них почти определенно происходят из архивов храма Эбббара в Сиппаре и содержат указания на рационы, выданные нескольким лицам. Один из этих документов упоминает 7 анонимных «ассирийцев» (CT LVI 638: 6 LU aš-šur-a-a) и одного человека из Библа (gu-bu-lu-a-a) и еще несколько других лиц, которые отнесены к храмовым рабам. Второй документ фиксирует выдачу рационов плотникам, включая 9 анонимных «ассирийцев» (CT LVI 758: 5), а также несколько других работников, названных по их собственным именам (ср.: Zadok 1984: 2). Оба эти документа относятся ко времени Набонида. Очевидно, эти ассирийцы занимали низкое социальное положение и, возможно, были храмовыми рабами. Как отметил Цадок, название Aššurāja засвидетельствовано также в текстах из Вавилона, составленных во времена Набонида и Кира, как родовое имя, однако никто из его носителей не имеет типичных ассирийских имен (ibid.). Двое из этих «ассирийцев» были писцами вавилонских юридических документов (Nbn 817: 20; Cyr 48: 16; ср. Zadok 1984: 11).

Падение Ассирийской империи не только привело к драматическим политическим переменам, но также имело значительные экономические последствия. Враги Ассирии стерли с лица земли многие достижения ее административной системы и даже разрушили некоторые важные городские и коммерческие центры, которые были созданы в новоассирийский период. Например, свидетельства VII в. до н. э. указывают, что филистинский город Экрон был «крупнейшим индустриальным центром по производству оливкового масла на Древнем Ближнем Востоке», большой факторией и важной базой для международной торговли (Dothan, Gitin 1992: 420). К настоящему времени раскопано, а также найдено на поверхности 102 установки для выжимания оливкового масла. Эта индустрия оливкового масла являлась прямым результатом Pax Assyriaca, но позднее, в конце VII в., была разрушена вследствие вавилонского завоевания. Вавилоняне разрушили также Аскалон и другие филистинские города (ibid.).

Такая деструктивная политика была характерна для нововавилонских и мидийских царей в ранний период их правления. Это можно объяснить тем фактом, что на смену хорошо организованной Ассирийской мировой империи пришли довольно примитивные государства. Например, Мидия как только сравнительно недавно возникшее государство была основана на племенной конфедерации. Халдейское царство в тот период также было сравнительно примитивной империей, хотя оно охватывало Вавилонию и широкие территории до границ Египта. Несмотря на то, что высшие слои халдейских племен давно приняли традиционную вавилонскую культуру, военная мощь государства в значительной степе-

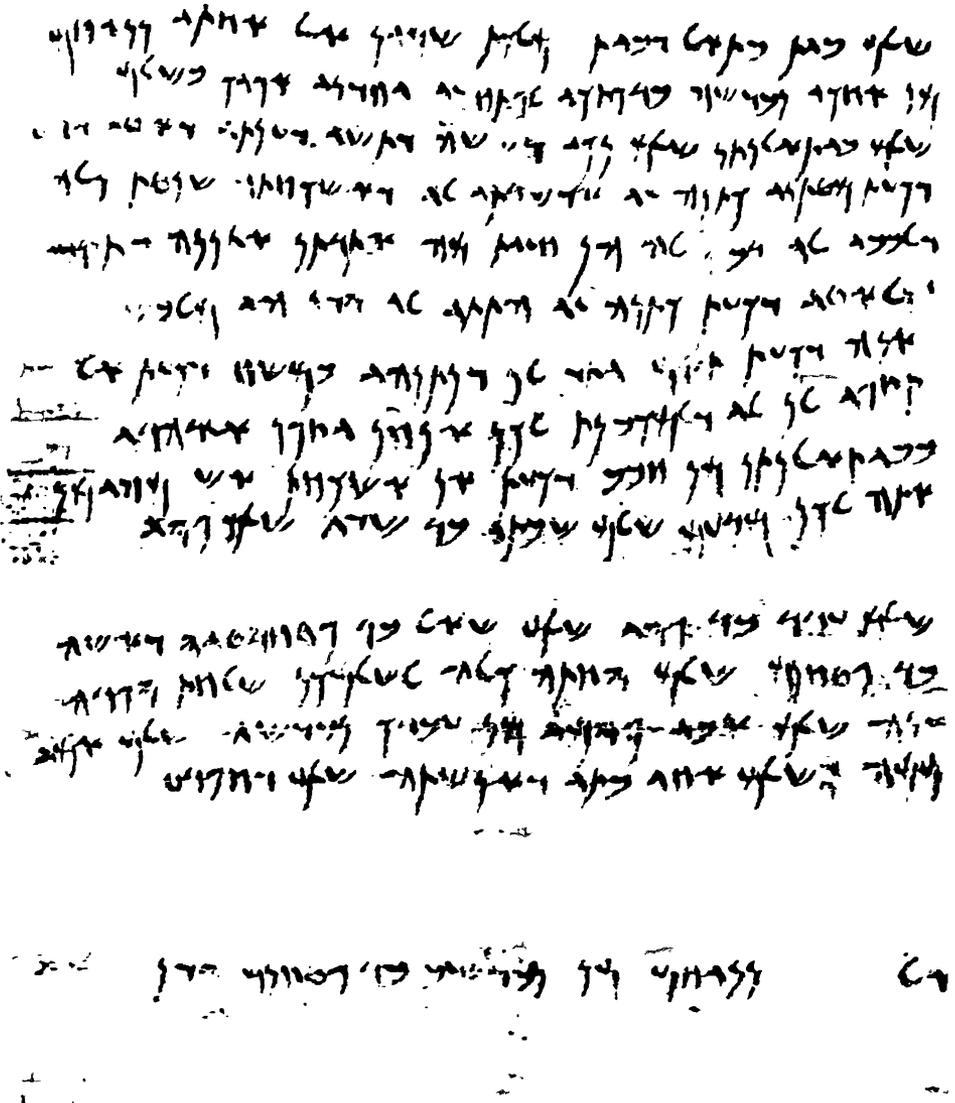

Рис. 16. Арамейское письмо ахеменидского времени

ни была основана на их племенной организации. Поэтому преемники ассирий не нуждались в развитых ассирийских институтах и экономических центрах. Так, например, ассирийская система регулярного сбора податей перестала функционировать и вавилонскому царю Навуходоносору приходилось ежегодно правиться в Палестину и Сирию для получения налогов.

Такая ситуация должна была существенно измениться, когда возникла новая мировая империя. Это было Ахеменидское государство, которое охватывало Иранское плато, Среднюю Азию, западную часть Индии, Малую Азию, Элам, Вавилонию, Сирию, Финикию, Египет и многие другие районы. Основатель этой империи Кир в своих вавилонских надписях настойчиво говорит о собственных культурных традициях, гордо именуя себя «великим царем Аншана» и, таким образом, принимая титул, который существовал более тысячи лет до его появления на свет.

Как хорошо известно, эламские, урартские, египетские и другие традиции были инкорпорированы в ахеменидскую культуру (см., например: Carter 1994: 65 ff.; Seidl 1994: 107 ff., там же имеется и предшествующая литература). Возникают вопросы: могли ли ахеменидские культурные традиции и административные институты восходить к традициям Ассирии, которая была первой мировой империей, и чьи институты складывались в течение многих десятилетий?

Почти никаких прямых свидетельств о культурных связях между Ассирией и Ираном не сохранилось. Однако мидийцы и персы знали Ассирию в течение сравнительно долгого периода. Здесь можно сослаться на несколько примеров. Например, около 677 года три мидийских вождя прибыли в Пиневию с дарами — конями и ляпис-лазурью, чтобы просить помощи и союза ассирийского царя Асархаддона в своей войне с соседними странами. Около 642 года Кир I, правитель ряда персидских племен, послал в Ниневию в качестве заложника своего старшего сына Арукку с дарами и затем в течение некоторого времени признавал главенство Ассирии. Кроме того, несколько мидийских регионов стали провинциями Ассирии.

Как известно, лошади были основной формой подати Ассирии с некоторых иранских областей. Эти области были центрами выращивания коней в Западной Азии, и поэтому представляется очевидным, что ассирийцы заимствовали порядок формирования своей конницы у иранских племен.

Также очевидно, что иранское парадное искусство было многим обязано ассирийским скульптурным мотивам и другим традициям (см.: Calmeyer 1994: 131 ff.). Они, естественно, оказали значительное влияние на ахеменидские элементы искусства, прежде всего путем прямого наблюдения ассирийских памятников и печатей, которые еще можно было видеть в раннеахеменидское время, но также через утерянные мидийские традиции дворцового искусства. Во всяком случае, стиль и элементы изящного искусства в оформлении ахеменидских рельефов имеют точные аналогии в ассирийском искусстве. Оба эти вида искусства стремились символизировать могущество империи и величие царской власти. Ученые уже отмечали некоторое влияние ассирийского искусства на персидское, минуя вавилонское посредство (см.: Postgate 1980: 75). Этот факт легко объяснить. В отличие от ассирийского и ахеменидского искусства, где цари изображаются победителями многочисленных врагов, хищных животных и разных чудовищ, имеется всего несколько нововавилонских царских рельефов, на которых правители изображены лишь в невыразительной позе в качестве адорантов богов.

Очевидно также, что изображение Ахурамазды на Бехистунском рельефе и других древнеперсидских памятниках в крылатом диске является подражанием образу крылатого бога Ашшура (возможно, через промежуточное урартское влияние, см.: Seidl 1994: 122). Стиль прически Дария на Бехистунском рельефе имеет близкое сходство со стилем причесок новоассирийских царей (см.: Root 1979: 215; там же дана и более ранняя литература). Возможно также, что древнеперсидская клинопись восходит к мидийской системе письма, идея о которой была заимствована из Ассирии.

Некоторые элементы ассирийской административной системы должны были сохраниться в прежних мидийских провинциях этой империи и после падения Ниневии. Такие элементы функционировали в течение многих десятилетий и поэтому могли рассматриваться мидийцами как их собственные институты. Когда в течение нескольких десятилетий, между 550 и 512 гг., Персидское государство стало огромной мировой империей, его администрации пришлось создавать новую систему управления провинциями. Для этого персы, по-видимому, использовали опыт Ассирийской империи, на которую в то время уже смотрели как на славное прошлое.

Как обычно полагают ученые, регулярная персидская почтовая служба для административных целей, по всей вероятности, восходила к аналогичной ассирийской почте. Кроме того, персы, подобно ассирийцам, прибегали к массовым депортациям людей с одних концов империи на другие, хотя при Ахеменидах такие перемещения стали сравнительно редкими. Во всей Ахеменидской империи, как и ранее в Ассирии, отряды войск и группы работников были разбиты на более мелкие контингенты, во главе которых стояли десятники. Возможно также, что ахеменидские царские титулы «великий царь, царь царей, царь стран», засвидетельствованные в древнеперсидских надписях в их мидийской диалектной форме, восходят также, через мидийское посредство, к титулам новоассирийских царей, которые использовали их время от времени (см.: Cameron 1955: 82; ср.: Seidl 1994: 114, по мнению которой эти титулы были заимствованы через урартское посредство). Подобно Ассирии, где связь между царем и богом Ашшуром была основополагающей концепцией, в Персии отношения между царем и Ахурамаздой имели такое же большое значение. Как видно из Бехистунской надписи, ахеменидскими царями (по крайней мере, начиная со времени Дария I) ассирийские методы казни мятежников широко использовались. Например, их выставляли в цепях у ворот царской резиденции, затем отрезали им носы и уши, после чего их казнили (см.: Kent 1953: 122, стб. 2, с. 78–91).

Когда вавилонские жрецы бога Мардука составляли текст Цилиндра Кира, в качестве литературного образца они использовали надписи Ашшурбанапала, а не вавилонских царей (см.: Harmatta 1971: 224). Это видно также из BIN II 32, который является обломком от Цилиндра Кира и действительно подходит к сломанному месту в этой надписи. Этот фрагментарный текст говорит, что Кир во время своих восстановительных работ по укреплению Вавилона нашел надпись Ашшурбанапала. В связи с этим Кир заявляет: «Я видел написанным имя моего предшественника, царя Ашшурбанапала» (см.: Berger 1975: 202). Очевид-

но, здесь имеется в виду одна из строительных надписей Ашшурбанапала (см.: Walker 1972: 158 f.).

Вавилонские жрецы имели полное основание использовать надписи Ашшурбанапала в качестве образцов для подобных же текстов, предназначенных Киру. Следуя примеру своего предшественника Саргона II, этот ассирийский царь даровал вавилонским городам местное самоуправление, освобождение от налогов и военной повинности. т. е. привилегии, которые позднее в значительной степени были урезаны и даже ликвидированы последним вавилонским царем Набонидом. После завоевания Вавилона персами жрецы Мардука надеялись, что Кир восстановит привилегии, дарованные им ранее и многократно подтвержденные ассирийскими царями, и старались обратить его внимание на те времена, когда вавилонские города сохраняли свои традиционные права.

Вавилонская административная система значительно отличалась от ассирийской, и Ахемениды в основном сохранили в Вавилонии местные институты, как это до них делали и ассирийские цари. Поэтому персы не могли заимствовать свою административную систему у вавилонян, поскольку провинциальное управление Ахеменидской империи в значительной степени напоминало ассирийское. Персы почти определенно заимствовали некоторые элементы административной структуры через мидийцев, введя в ряде своих провинций систему, установленную ассирийцами в Мидии. Как и в Ассирии, в Ахеменидской империи наместник провинции находился в тесной связи с царем и основной его обязанностью был сбор подати (ср.: Olmstead 1948: 59; Grayson 1992: 747).

Лишь за немногими исключениями, нововавилонские государственные архивы не сохранились до нас, в то время как храмовые архивы характеризуются исключительным обилием и разнообразием документов. По-видимому, в Месопотамии халдейского периода, как и позже при Ахеменидах, государственная администрация в значительной степени пользовалась арамейским языком и документы писали главным образом на папирусе и коже. Но тексты на таких материалах легко разрушались в климатических условиях Месопотамии. Более или менее сходной была ситуация еще в VIII в. до н. э. в западной части Ассирийской империи, где арамейский, наряду с аккадским или вместо него, стал языком дипломатии и административного управления (см.: Tadmor 1982: 451). Далли предполагает, что «ассирийская клинопись совершенно перестала существовать после падения Ниневии» (Dalley 1993: 141). Подобное же мнение высказывал и Цадок, считая, что «разрушение Ассирийской империи привело к исчезновению новоассирийской клинописи, в результате чего арамейский стал единственным письменным языком Ассирии» (Zadok 1984: 12). Однако, как отметил Рёллиг, четыре сравнительно недавно опубликованные клинописные таблички из района Хабура в Телль Шех Хамаде написаны в полном соответствии с новоассирийскими формулярами и тем же самым письмом, а также имеют стандартный вид, характерный для новоассирийских документов, хотя они и датированы по царствованию Навуходоносора II (Röllig 1993: 132).

Арамейские писцы продолжали служить в прежних ассирийских провинциях и, очевидно, стремились сохранить ассирийские традиционные методы управ-

ления. Когда персы появились в Месопотамии, они могли легко использовать опыт таких писцов.

Ассирийская и ахеменидская военные системы также имели много сходства, и обе использовали как постоянное войско, частично состоявшее из наемников, так и людей, выполнявших военную повинность время от времени и размещенных на государственной земле, и, наконец, из тех, которых призывали на службу во время крупных войн (см.: Grayson 1992: 747).

Система земельных владений для несения военной службы, которая существовала в Месопотамии при Ахеменидах, также имела много сходства с соответствующей ассирийской системой. Постгейт обратил внимание, что соответственно ассирийский и вавилонский термины *kiṣru* и *ḫaṭru* обозначали воинские контингенты, выполнявшие сходные функции. Обе системы охватывали не только воинов, но также чиновников и ремесленников (частично из покоренных народов), которые выполняли повинности и платили подати государству, а в необходимых случаях принимали участие и в военных действиях (см.: Postgate 1980: 75).

В заключение можно подытожить рассмотренные выше факты следующим образом: традиции и различные достижения Ассирии широко использовались во время формирования ахеменидской имперской идеологии, а также административной структуры, социальных институтов и военного ведомства.

САТРАП ГОБРИЙ²³

Gubāru (Ugbaru и другие формы) — древнеперсидское имя Gaubaruva, которое засвидетельствовано в ряде вавилонских текстов для нескольких иранских наместников в Месопотамии. В античных источниках оно передается в форме Гобрий (Gobryas), которой и мы будем придерживаться в этой заметке. Ее целью является рассмотреть данные об одном из них, а именно о Гобрии, наместнике Вавилонии и Заречья, в период правления Кира и Камбиза. В 535 г. до н. э. Кир объединил Вавилонию и Заречье (Ebir-Nāri — т. е. Сирию и другие страны к западу от Евфрата) в единую сатрапию и назначил ее наместником Гобрий. Некоторые ученые полагают, что этот Гобрий был тем же самым лицом, который известен под именем Угбару из Гутиума и который руководил захватом Вавилона при Кире. Однако такое мнение должно было быть отвергнуто, так как Угбару умер в тот же 539 г., когда персы завоевали Вавилонию (см. ссылки на источники и литературу: Дандамаев 1985: 45, 272, примеч. 32). Другие идут еще дальше, полагая, что Угбару и Гобрий, наместник Вавилонии и Заречья, а также копьеносец Дария I с тем же самым именем были одно и то же лицо (см. там же).

Гобрий сохранил свой пост сатрапа по меньшей мере до 5-го года царствования Дария I, т. е. до 525 г. или, возможно, даже до 522 г. Он часто упомина-

²³Перевод дословно Gubāru из кн.: *Dandamayev M. A. Iranians in Achaemenid Babylonia // Columbia Lectures on Iranian Studies. N 6. Costa Mesa; New York, 1992. P. 72–79.*

стия в вавилонских документах, которые дают достаточно обильную информацию о его административных функциях. Рассмотрим наиболее важные из этих текстов.

АnOr VIII 45 и 46, составленные в Уруке в 535 г., фиксируют обязательство двух должников храма Эанна отправиться в Вавилон к Гобрю — «наместнику Вавилонии и Заречья». При этом несколько высокопоставленных чиновников Эанна обязаны были сопровождать этих должников в Вавилон. Кроме того, ряд лиц дали поручительство в том, что должники действительно отправятся к Гобрю. В случае нарушения этого предписания должники и их поручители «будут подвергнуты наказанию Гобрю» (см. также: BIN II 114; Stigers 1976: 3 ff., N 43). YOS VII 178 из того же архива фиксирует факт освобождения храмового должника, который содержался в тюрьме в кандалах, когда четыре человека поручились за него. Документ был составлен в Уруке в 525 г. и содержит предупреждение, что они будут подвергнуты наказанию Гобрю, если должник совершит побег. В TCL XIII 168 от того же года содержится гарантия одного человека в том, что четыре поименно названных храмовых итицелова доставят положенный с них оброк дичью в Эанну. В прогивном случае он должен подвергнуться наказанию Гобрю. Когда при проверке скота обнаружилась недостача, управитель и царский уполномоченный в Эанне сказали храмовым пастухам следующее: «Это — распоряжение Гобрю... вы должны вместе с нами отправиться к Гобрю» (АnOr VIII 43; документ составлен в Уруке в 535 г.). В 531 г. Гимиллу, который был влиятельным храмовым рабом Эанна, был направлен во главе группы работников из Урука в Вавилон для работы на наместника Гобрю. Когда все они вернулись обратно, управляющий храмом и царский уполномоченный спросили его: «Какие распоряжения дал Гобрю тебе относительно храмовых рабов... которых ты привел сюда и передал в наше распоряжение?.. Скажи, и мы выполним (его указания)». На это Гимиллу ответил: «Гобрю не дал мне никаких указаний относительно них... Пусть они работают в Эанне до тех пор, пока вы не получите распоряжения Гобрю относительно них» (YOS VII 70)²⁴. «По приказанию Гобрю» в 528 г. 10 земледельцев были посланы управлением Эанна из Урука в Вавилон для выполнения повинностных работ (TCL XIII 152). В другом тексте от того же года отмечается, что если в том же году один чиновник не отправит людей для выполнения повинности на канале по названию Харрикиппи, он будет подвергнут наказанию Гобрю (TCL XIII 150). Как видно из YOS VII 172, составленного в Уруке в 526 г., некий Калбайя получил указание привести в столицу сатрапии (т. е. Вавилон) 20 храмовых рабов, которые были приставлены для ухода за скотом, принадлежавшим царю. Он должен был доставить их, чтобы собрать тростник для «работы в царском дворце», и для этого передать царскому уполномоченному, а иначе он подлежал наказанию Гобрю.

Ряд документов времени правления Камбиза по своему содержанию связаны друг с другом. «В соответствии с письменным распоряжением Гобрю, наместника Вавилонии и Заречья», царский уполномоченный в Эанне обязан был послать 80 взрослых баранов «для царского стола» в городе Аману (GCC I

²⁴ О некоторых распоряжениях Гобрю см. также: Scheil 1921: 32. N 22: 2.

Рис. 17. Алтарь огня в Пасаргадах

II 120). Это место, по-видимому, было расположено недалеко от Урука. Судя по YOS VII 168, сборщик арендной платы в Эанне получил приказание передать к определенному сроку 5000 талантов (т. е. 150 т) дров для потребностей «царского дворца». Кроме того, тот же храм должен был доставить во дворец 100 талантов (3 т) отборных фиников. Следующий документ (Mooge 1939. N 89)²⁵ фиксирует выдачу четырех сиклей серебра для аренды лодки, чтобы доставить «отменное пиво» в Аману. Еще одна лодка была арендована для доставки кирпичей во дворец, расположенный там же. Кроме того, гонцу Гобрива и управителю дворца в Аману было выплачено соответственно 6 и 5 сиклей серебра. Все эти выплаты были произведены по распоряжению Гобрива из храмового имущества.

TCL XIII 142 (Урук, 532 г.) содержит предостережение о том, что, если из кладовой Эанны пропадет какой-либо предмет утвари, Гобрив накажет виновных. Как видно из YOS VII 128 (Урук, 528 г.), один храмовый раб украл овцу из стада, принадлежавшего Эанне. В связи с этим храмовый чиновник напомнил ему свое прежнее предупреждение: «Ты не смеешь зарезать ни одной овцы, отмеченной железной звездочкой» (т. е. заклеивенной символом богини Иштар, святилищем которой была Эанна). В ответ на это раб сделал попытку задушить его. Затем Гобрив и персидский чиновник в администрации Вавилона дали указание, чтобы народное собрание при Эанне, имевшее судебные функции, рассмотрело это дело.

²⁵ Ср. также: Kessler 1992: 468–469, где в строке 6 упоминается Gu-ba-tu. Текст происходит из Урука (дата неизвестна) и представляет собой долговой документ относительно ячменя и соломы. Неясно, имеется ли здесь в виду интересующий нас Гобрив.

Рис. 18. Гробница Кира в Пасаргадах. VI в. до н. э.

Как видно из YOS VII 160 (Урук, 527 г.), трое старших пастухов Эанны поклялись богами Белом и Набу, а также именем царя Камбиза в том, что к определенному времени они пригонят овец, находившихся под их опекой, для жертвоприношений. В противном случае им грозило наказание от Гобрива. Далее, бригадир храмовых пастухов получил указание доставить определенное количество овец для жертвоприношений с уведомлением, что в противном случае он понесет наказание от Гобрива (YOS VII 127; Урук, 528 г.). Пятеро старших пастухов Эанны поклялись богами Белом и Набу, а также царем Кириом в том, что, когда их направят для инспекции храмового скота, они ничего не утаят. Это предупреждение было сделано в присутствии высокопоставленных храмовых чиновников и «гонцов Гобрива» (AnOr VIII 61; Урук, 531 г.).

Одно письмо раннеахеменидского времени из архива Эанны, отправленное царским чиновником Ану-шар-уцуром к управителю Эанны и царскому уполномоченному там же, сообщает о том, что надзиратель продовольственного отдела храма уведомил Гобрива о количестве храмовых работников. Но, как видно из этого письма, информация эта не была полной, и поэтому Ану-шар-уцур предупредил храмовых чиновников, что совершенно необходимо сообщить Гобриву о количестве умерших и беглых рабов. Если же они не сделают этого, он сам сообщит это последнему²⁶.

В 530 г. управитель и царский уполномоченный «внесли в список тех храмовых рабов, которые в центре города будут охранять Эанну... Они должны ох-

²⁶См.: Scheil 1914: 165–174, где текст отнесен ко времени Навходоносор II (604–562 гг.). Однако относительно даты см.: Clay 1921: 466–467. Конец письма отсутствует в издании Шейля. Мной здесь использована автография с полным текстом, любезно предоставленная профессором А. Миллардом.

ранять (и) окрестности Эанны. Тот, кто будет небрежен в охране, будет наказан Гобрисм» (GCC I 103; см. также: BIN I 169).

В 533 г. два человека в Уруке — пришелец из города Киша и один аравитянин — были замсчены во встречах с двумя храмовыми рабынями (упомянуты и их имена; встречи, очевидно, носили любовный характер), и за это им полагалось наказание от Гобрива (YOS VII, 56, 92).

В YOS III 106 и III упоминаются какие-то письменные указания Гобрива чиновникам Эанны.

Как видно из BE VIII 80, «граждане и старейшины» города Хандиди, который, по-видимому, был расположен в районе Ниппура, в 529 г. поклялись богами Белом и Набу, а также царевичем Камбизом в том, что управляющий Гобрива Циллая приказал им передать канал, протекавший поблизости от Хандиди, в пользование «киммерийцам и субарейм». Под киммерийцами, очевидно, имеются в виду среднеазиатские саки, служившие в Вавилонии в персидской армии. Но задолго до ахеменидского времени название «субареи» стало анахронизмом, и поэтому не совсем ясно, о каком народе идет речь в этом тексте.

В 480 г. в Сиппаре один человек отдал своего младшего брата некоему Куцурая, чтобы он вместо последнего «копал канал Гобрива» за соответствующее вознаграждение (TEBR 89). Очевидно, это был канал, названный по имени упомянутого саграпа. В Camb 96 упоминаются «гавань Гобрива» вместе с ее надзирателем (ср.: Röhlig 1971: 671). Наконец, судя по документу, который, по-видимому, относится приблизительно к середине V в., в районе Вавилона была расположена местность под названием «Камыши Гобрива» (Moore 1939. N 14)²⁷.

Рассмотренные документы большей частью происходят из архива храма Эанна в Уруке, а некоторые из них были написаны в Сиппаре, Вавилоне и в других менее известных городах. Тексты, в которых упоминается Гобрив как наместник, датированы от 4-го года правления Кира до 5-го года правления Камбиза, или от 17 марта 535 г. до 28 августа 525 г. (см.: Stolper 1989: 290). Возможно, что Гобрив погиб во время восстаний, которые произошли в Вавилонии против персидского господства в 522–521 гг. Во всяком случае, письмо YOS III 106, где упоминается Гобрив, по-видимому, было написано после смерти Камбиза в 522 г. (см.: San Nicolò 1941: 65).

Как видно из рассмотренных текстов, резиденция Гобрива была расположена в Вавилоне. По его распоряжению управление храма Эанна регулярно посылало значительное количество рабов из Урука в Вавилон для работы в царском хозяйстве и выполнения разных государственных повинностей. Гобрив также неоднократно приказывал чиновникам этого храма снабжать царский дворец в городе Аману овцами, пивом, фишиками и т. д., когда Камбиз со своей свитой останавливался там. В соответствующих документах с такими указаниями отмечается, что виновные в срыве выполнения распоряжений Гобрива будут подвергнуты наказанию.

²⁷ Ср., однако: Zadok 1977: 98, где автор предполагает, что в этом тексте упомянут дом, принадлежавший Гобриву. Мне представляется, что этот дом не принадлежал Гобриву, а был расположен в местности с указанным названием.

Гобрия регулярно информировали относительно умерших и беглых храмовых рабов. Лиц, которые украли и похитили храмовое имущество, посылали в Вавилон, чтобы Гобрий или подчиненные ему люди допросили и наказали их. Наказанию Гобрия неоднократно подвергались также храмовые пастухи, если те не доставляли своевременно скот безупречного качества для жертвоприношений в Эанне. Документы упоминают по именам гонцов, писцов и переводчиков, которые находились в подчинении у Гобрия²⁸. В частности, они были заняты ревизией храмового скота.

Таким образом, Гобрий обладал обширной властью, которая вовсе не была ограничена административными функциями наместника. В частности, она распространялась также на хозяйственную жизнь храмов, которые прежде в течение многих столетий пользовались местным самоуправлением.

Один документ упоминает управляющего Гобрия в Ниппуре²⁹. По-видимому, он владел поместьями в окрестностях этого города. По всей вероятности, у него было имение также поблизости от Вавилона.

В нескольких документах упоминается сын Гобрия по имени Набугу, который также занимал высокое положение (YOS VII 137: 22; 177: 7; 192: 7,11).

Гобрий оставил значительный след в клинописных текстах. Некоторые документы, датированные по царствованию Камбиза, Ксеркса и Аратаксерка (по-видимому, первого из носителей этого имени), упоминают «канал» Гобрия в Сиппаре и «гавань Гобрия» в том же городе, а также местность под названием «Камыши Гобрия» в Вавилоне или около него.

Возможно, что наместник Вавилонии и Заречья Гобрий был тем же самым Гобрием, который упомянут в Бехистунской надписи среди сообщников Дария I в свержении мага Гауматы в 522 г. (Kent 1953:130) и впоследствии занимал должность копыеносца при том же царе (ibid.: 140).

Столетие спустя в Вавилонии был еще один наместник по имени Гобрий, который неоднократно упоминается в документах предпринимательского дома Мурашу из Ниппура, датированных в период между 3-м и 7-м годами правления Дария II (420–417 гг.). Он носил официальный титул «наместник страны Аккад»

Рис. 19. Цилиндрическая печать с изображением персидского царя. Государственный Эрмитаж

²⁸ В дополнение к указанным выше текстам см. также: Roth, 1989: 482 ff.

²⁹ См. также: YOS VII 70: 6, где упоминается «заместитель» Гобрия.

(т. е. Вавилония) или «наместник аккадцев» (BE X 101: 25; PBS 2/1 96: 16, etc.). Очевидно, он был тем же самым Гобрием, который упоминается в «Анабасисе» (I.7, 11) Ксенофонта в качестве одного из военачальников персидского царя Артаксеркса II во время войны с его мятежным братом Киrom Младшим (Stolper 1989: 396–398).

КАМБИЗ – ЦАРЬ ВАВИЛОНА³⁰

Вскоре после захвата Месопотамии в 539 г. до н. э. персидский царь Кир II назначил своего старшего сына Камбиза правителем столицы этой страны Вавилона. Плохо сохранившийся фрагмент Вавилонской хроники содержит сообщение, свидетельствующее о том, что Камбиз для узаконения своего назначения на престол 27 марта 538 г. до н. э. участвовал в предписанном для царя традиционном новогоднем празднике и принял жезл правителя из рук верховного бога Мардука в его храме Эсагила в Вавилоне (Grayson 1975: 111, столбец III: 24–28; Oppenheim 1974: 3497–3502).

Однако Камбиз был царем лишь города Вавилона и северной части Месопотамии, в то время как Южная и Центральная Вавилония была оставлена под непосредственным управлением самого Кира и его чиновников. Например, как видно из документов, составленных в Ниппуре и Уруке, власть Камбиза не распространялась на эти города. В документах этого периода Камбиз назван царем Вавилона, а его отец носит титул царя стран. При этом засвидетельствованы датировочные формулы двух различных типов. Ряд текстов датирован «первым годом Камбиза, царя Вавилона, сына Кира, царя стран». Другие таблички имеют следующую датировочную формулу: «первый год Кира, царя стран, (и) Камбиза, царя Вавилона», или же «первый год Камбиза, царя Вавилона, — в это время Кир, отец его, — царь стран» (ссылки на тексты см.: Petschow 1988: 78–82). Все тексты с указанными датировочными формулами относятся к 1-му году правления Камбиза, т. е. ко времени между февралем 538 и февралем 537 г. до н. э. Несколько десятков других документов датированы «первым годом Камбиза, царя Вавилона», однако они не содержат никакого упоминания имени Кира. По всей вероятности, эти тексты (или часть их) относятся ко времени, когда Камбиз еще не стал царем Ахеменидской державы, т. е. к 538–537 гг. до н. э. Позднее, начиная с 530 г., когда Камбиз стал царем всей державы, в Месопотамии он, как и его отец до этого, носил титул «царь Вавилона, царь стран».

В. Дабберштейн высказывал мнение, согласно которому Камбиз был назначен царем Вавилона не в 538 г., а в 530 г., т. е. непосредственно перед тем, как Кир предпринял окончившийся для него роковым образом поход на массагетов в Средней Азии (Dubberstein 1938: 417–419). Однако такое мнение находится в явном противоречии с датировочной формулой документа Суг 16, которая име-

³⁰ Ранее была опубликована в сб.: Центральная Азия. Источники, история, культура / Антонова Е. В., Мкртчян Т. К. (отв. ред.). М., 2005. С. 292–296.

ет следующий вид: «первый год Кира, царя стран, (и) Камбиза, царя Вавилона». Этот документ определенно относится к 538 г. Поэтому совершенно очевидно, что Камбиз был царем Вавилона еще в 538 г. Кроме того, как на это обратили внимание М. Столпер и Г. Фрейм, документ СТ LVII, N 56, где упоминается 17-й (т. е. последний) год Набонида, правившего до захвата Месопотамии персами, датирован «первым годом Камбиза, царя Вавилона, сына Кира, царя стран» (Stolper 1985: 5. N. 7; Frame 1984: 747–748. N. 11).

В. Шеа сделал попытку пересмотреть мнение относительно времени правления Камбиза в Вавилоне. По его предположению, Кир принял титул царя Вавилона приблизительно через четырнадцать месяцев после захвата этого города, а до этого он носил титул «царь стран». Согласно Шеа, царем Вавилона в этот промежуточный период после захвата Месопотамии персами и до принятия Киrom титула царя Вавилона (в дополнение к титулу «царь стран») был Угбару, полководец Кира, известный нам из Вавилонской хроники (Shea 1971: 102–107). Однако источники не содержат никаких свидетельств в пользу того мнения, что Угбару был вассальным царем Вавилона. Кроме того, как мы видели выше, сохранился документ, датированный «первым годом Кира, царя стран, (и) Камбиза, царя Вавилона» (Сур 16). Этот текст, вне всякого сомнения, свидетельствует о том, что Кир назначил Камбиза, а не Угбару царем Вавилона (San Nicolò 1941: 51–54).

По-видимому, после захвата Месопотамии персами Камбиз проводил большую часть времени в Вавилоне и Сиппаре. Частноправовые документы, составленные в Сиппаре в 536 и 534 гг., упоминают управляющего и переводчика, служивших у «наследника престола» Камбиза (VS V 129: 22; Сур 199: 11). Документы TCL XIII 153 и VS III 71, составленные соответственно в 527 и 523 гг., упоминают управляющего дворцом Камбиза в Борсиппе. Из Сур 270 и 335 известен также управляющий Камбиза в Вавилоне в 532–530 гг. до н. э. Наконец, в Сур 335, происходящем из Вавилона и датированном в 530 г., упоминается еще один чиновник, служивший Камбизу.

Один из рабов Камбиза в Вавилоне был резчиком печатей, который за плату учил других лиц своему ремеслу (Сур 325). Кроме того, Камбиз занимался ростовщическими операциями, ссужая деньги через своего агента в Вавилоне. Так, согласно одному тексту, секретарь Камбиза одолжил одну мину 20 сиклей серебра из имущества Камбиза представителю известного предпринимательского дома Эгиби. Дом должника был объявлен залогом за ссуду, и гретье лицо дало поручительство за платежеспособность должника. Эта долговая расписка составлена в 535 г. (Сур 177; о деятельности Камбиза в Вавилонии ср.: Oppenheim 1985: 554–559).

Когда Камбиз находился в Месопотамии, его постоянная резиденция была в Вавилоне. Однако время от времени он жил и в других регионах страны. В частности, ряд документов свидетельствует о его пребывании в местности Аману, недалеко от города Урука, в Южной Месопотамии. Эти тексты датированы 2-м годом правления Камбиза (528 г. до н. э.). Согласно одному из них, персидский вельможа Фарнак распорядился, чтобы чиновники храма Эанна в Уруке пригнали к 15-му числу месяца арахсамна (октябрь) 200 молочных овец и козочек

«для царского стола во дворце в Аману» (AnOr VIII 67). Другой документ содержит распоряжение Гобрия, наместника Вавилонии и Заречья (т. е. Сирии), управлению Эанны о необходимости доставить к 17-му числу арахсамна того же года во дворец в Аману 80 «больших баранов» (GCC I II 120). Туда же необходимо было доставить также 100 талантов (93 т) фиников (YOS VII 168), а также «первосортное» пиво, пряности, дрова и кирпичи (см. ссылки на тексты: Dandamayev 1992a: 75–76).

До сравнительно недавнего времени документы BE VIII 74 и VS V 42 считались последними известными нам вавилонскими текстами, датированными по царствованию Кира. Первый из них был составлен в Ниппуре в 13-й день месяца абу 9-го года царствования Кира (2 августа 530 г. до н. э.). Второй документ был составлен в Борсиппе в том же году в 23-й день пока точно не установленного месяца, который начертан в тексте неясно. М. Сан-Николо и А. Унгнад читали соответствующий знак как обозначение месяца улулу (см.: San Nicolò; Ungnad 1929–1937: 29). Если принять такое чтение, документ следует датировать 12 сентября 530 г. до н. э. Однако Р. Паркер и В. Дабберштейн отвергли такое чтение, так как из Вавилона сохранился текст, датированный 12-м днем месяца улулу года вступления Камбиза на престол Ахеменидской державы. Здесь необходимо отметить, что при вступлении на престол нового царя в Вавилонии промежуток времени между его фактическим воцарением и новым годом считался годом вступления на престол, а с нового года начинался 1-й год его правления. В указанном выше тексте Камбиз аттестован как «царь Вавилона, царь стран» (Camb I). Последний текст был написан 31 августа 530 г. Поэтому указанные ученые спорный знак в документе VS V 42 читали как обозначение месяца абу, полагая тем самым, что этот текст был написан 12 августа 530 г., когда, по их мнению, Камбиз еще не воцарился и весть о смерти Кира еще не была получена в Вавилоне; лишь к концу того же месяца о его гибели стало известно в Вавилоне, и после этого Камбиз стал царем (Parker, Dubberstein 1956: 14). Такое мнение было принято всеми исследователями, хотя спорный знак несколько не похож на знак, которым изображался месяц абу. Однако в настоящее время оно должно быть пересмотрено в свете документа OECT X 123. Это — долговая расписка, найденная при раскопках древнего города Киша и датированная 19-м днем месяца арахсамна 9-го года правления Кира, царя Вавилона, царя стран. Другими словами, по юлианскому календарю она была написана 4 декабря 530 г. Таким образом, этот текст содержит самую позднюю известную нам дату правления Кира. Дата эта не вызывает сомнения, так как по просьбе пишущего эти строки хранитель Эшмолеум-музея в Оксфорде Стефани Далли произвела коллиацию текста и подтвердила, что текст скопирован верно. Поэтому можно предположить, что Кир и Камбиз оба одновременно носили титул «царь Вавилона, царь стран» — по крайней мере в течение трех месяцев. По-видимому, Кир назначил Камбиза своим соправителем перед вступлением в поход против массагетов. Согласно Геродоту (I, 208), Камбиз сначала принял участие в походе на массагетов, но накануне решающей битвы, в которой Киру было суждено погибнуть, его отослали обратно в Персию, чтобы уберечь как наследника престола.

Таким образом, до сих пор предполагалось, что Кир погиб в Средней Азии в августе 530 г. до н. э., и лишь после этого на престол взошел Камбиз. Но, по всей вероятности, хотя Камбиз и стал царем Ахеменидской державы еще в августе 530 г., Кир погиб лишь спустя несколько месяцев, скорее всего в ноябре того же года.

НОВОВАВИЛОНСКИЙ ТИТУЛ ZAZAKKU³¹

Вавилонские тексты, датированные по царствованию Набонида, упоминают трех чиновников, которые носили титул *zazakku*³².

YOS VI 238, составленный в 547 г. в Уруке и фиксирующий денежные претензии к одному лицу, был заверен в присутствии *zazakku* по имени Бел-убаллит, сына Набу-балассу-икби, потомка Эа-эппеш-или, а также двух высокопоставленных чиновников храма Эанна и наместника Урука.

Согласно AnOr VIII 25 из Урука (546 г.), царский уполномоченный и писцы храма Эанна сказали, что некий Шадуну обязан уплатить 1 мину 29 сиклей серебра в этот храм. Это заявление было сделано в присутствии *zazakku*, наместника Урука, одного из храмовых чиновников и целого ряда других лиц.

В следующем году четыре лица получили предписание от управляющего имуществом (*bēl piqitti*) храма Эсагила в Вавилоне и Бел-убаллита, который в данном тексте носит титул DUB.ZAG (логографическое написание *zazakku*), принять от писца Шамаш-бан-аха «утварь, принадлежащую богу Шамашу», и доставить ее в Сиппар (Nbn 558). Бел-убаллит с титулом DUB.ZAG упоминается еще раз в разбитом контексте того же самого документа, который содержит перечень имущества (металлические скрепки, чан для ферментации пива, некоторые железные орудия и т. д.), принадлежащего храму Эаббара в Сиппаре. Эти предметы, очевидно, были взяты для какой-то цели в храм Мардука Эсагила в Вавилоне и затем возвращены обратно в Сиппар. Место составления документа не указано, однако писец Шамаш-бан-ах известен только из текстов, происходящих из Сиппара. Он был сыном Эриба-Мардука (см., например: Nbn 599: 14; 637: 14 и др.). Очевидно, он был писцом храма Эаббара, который был отправлен в Вавилон для составления описи взятой туда утвари. Бел-аххе-иддин, который

³¹ Перевод (с небольшими сокращениями) «The Neo-Babylonian *zazakku*» (AoF. 21. 1994: 34–40). После публикации этой заметки на английском языке в ответ на нее вышли две статьи, в первой из которых автор, во многом соглашаясь со мной, высказывает мнение, что указанный титул носили советники царя; вторая статья содержит несколько новых документальных свидетельств относительно этого термина (см.: Joannès 1994: 103, MacGinnis 1996: 29).

³² Кроме них известны также еще несколько других лиц с этим же титулом, сведения о которых можно найти в упомянутых в предыдущем примечании сносках. Дополнительно еще можно упомянуть следующие тексты: (Pinches 1893: 417: 10; ср.: San Nicolò. ArOr. VII. 1935: 25–28). В этой табличке оттиск печати должностного лица с указанным титулом приложен к документу, подтверждающему право одного лица быть допущенным ко владению пребендой. В вавилонской версии Бехистунской надписи Дария I упоминается самозванец, который выдавал себя за царя Навуходоносора, а в действительности был *zazakku* по имени Нидигту-Бел (см.: Voigtlander 1978 (CII 1/2:19, с. 31)).

возглавлял Эсагилу, известен также из Nbn 629 от 544 г., который также принадлежит к тому же архиву. В тексте говорится о том, что его посланник доставил 12 кур ячменя на царский склад в Сиппаре для улаживания каких-то расчетов.

TCL IX 136 — недатированное письмо из архива Эанны, направленное наследником престола Бел-шар-уцуром к Набу-шар-уцуру, который занимал должность царского уполномоченного в Эанне в 553–544 гг. Отправитель письма информирует его, что он направляет к нему зазакку по имени Бел-убаллит, и требует передать последнему «сколько бы золота тот не потребовал у тебя» для завершения работы в Экуре. Под последним, очевидно, имеется в виду храм с таким названием в Ниппуре. Этот же Бел-убаллит упоминается также в Nbn 293, который был написан в Вавилоне в 548 г. Как видно из текста, еще в 597 г. поле, принадлежавшее одному лицу, было продано, но лишь через 49 лет понадобилось определить его точные размеры. Это поле граничило, в частности, с владением Бел-убаллита, сына Набу-балассу-икби, потомка Эа-эппеш-или, титул которого, однако, не приводится.

Несколько документов упоминают зазакку по имени Набу-зер-ибни. YOS VI 198 (Урук, 540 г.) содержит обязательство двух высокопоставленных должностных лиц (*šalammi* и *gēš šartī*) и двух писцов Эанны отдать 500 кур ячменя этому чиновнику на берегу царского причала. Они также поручились друг за друга в своевременной уплате ячменя. Этот же зазакку упомянут также в двух документах из Ниппура. В одном из них (BE VIII 42) он совместно с царским чиновником, который занимал должность начальника таможни, и еще несколькими лицами выступил свидетелем, когда наместник Урука и еще один чиновник заявили следующее одному лицу: «Верни дом, в котором ты живешь, обратно Баба-икише и убирайся оттуда». Документ датируется 554 г. Как видно из текста, у этого Баба-икиши возникла тяжба со своим братом Итти-Энлиль-балату, детали которой нам неизвестны. Оба брата появляются и в BE VIII 48, который, по видимому, также происходит из Ниппура. Издатель этого текста Клей (Clay 1908: 77) полагает, что этот текст был написан в 5-м году правления Набонида, но он поврежден, и, вероятно, его надо датировать 15-м годом правления того же царя. В документе отмечается, что эти братья «могут явиться в суд относительно собственности, которой владеют. Если Итти-Энлиль-балату явится, не будет никакого судебного рассмотрения относительно них. Если Баба-икиша не явится, Итти-Энлиль-балату будет свободен (от любых претензий)». Документ был утвержден в присутствии тех же чиновников, включая Набу-зер-ибни, титул которого, однако, на этот раз не приводится. Этот же Баба-икиша упомянут также в BE VIII 20, где отмечается его обязательство уплатить в 568 г. одному лицу 15 сиклей серебра, «остаток предпринимательского капитала».

Третий чиновник, который занимал должность зазакку, нам известен только по его имени — Римут. В Nbn 1055 говорится, в частности, что он через своего агента передал 270 л ячменя в качестве приношения в храм Адада в 539 г. Документ происходит из архива Эаббары в Сиппаре.

Большее переиздал письмо YOS III 91 из архива Эанны в Уруке, где рассматриваемый титул упомянут без собственного имени (Beaulieu 1991: 101 f.). Оно было послано двумя лицами (Мадану-аххе-иддин и Лабашу-Мардук) к управителю и

царскому уполномоченному в Эанне, чтобы информировать их о том, что «в ночь второго дня месяца ташриту молния ударила в храм Нергала. (Затем) зазакку и Набу-нацир явились для расследования этого дела. Благодаря божественному вмешательству ничего в святилище не было повреждено. Мы переместили богов в храм Лугаль-Марада...» Больё с полным основанием идентифицирует зазакку в этом письме с Римутом, «который занимал данную должность в течение последних лет правления Набонида» (Beaulieu 1991: 102). По его мнению, «в предшествующие персидскому вторжению месяцы Набонид велел собрать провинциальных богов Месопотамии в Вавилон, чтобы обезопасить их» (ibid.: 109, п. 32). Упомянутые выше два человека были посланы управлением Эанны в Вавилон для обследования статуи Иштар (ibid.: 103)³³. В течение некоторого времени они оставались в Вавилоне и затем были направлены, чтобы установить, насколько серьезно пострадал храм Нергала в городе Уданну, и в этой поездке зазакку сопровождал их. Как показал Больё, этот же Римут упомянут без всякого титула и в письме YOS III 145 из того же архива Эанны. Как видно из этого текста, Римут был ответствен за доставку идолов богов в Вавилон. В своем письме он ставит в известность управителя и царского уполномоченного в Эанне, которых он называет «мои братья», о том, что статуя Белет Урукской находится в пути из Урука в столицу.

Наконец, этот же самый Римут упоминается и в «Стихотворной оценке Набонида», где говорится, что перед последним «пресмыкается управитель Зерия, (и) зазакку Римут находится рядом с ним» (Beaulieu 1991: 109, п. 32; CAD Z: 75). Судя по некоторым текстам, возможно, что в его семье эта должность передавалась по наследству. Например, некий Римут упоминается как потомок *Zak-za-ku*³⁴, т. е. рассматриваемый титул использовался как родовое имя.

В ряде текстов этот титул упоминается без собственных имен. Например, в документе, составленном недалеко от Вавилона, в местности Банитайя, в 563 г., два человека получили ссуду ячменем, и один из них обозначен как слуга, служивший у зазакку (VS III 35: 4–5: *LÚ la-mu-ta-nu šá LÚ zak-za-ku*). В сильно разбитом тексте упоминается серебро, принадлежавшее зазакку (TEBR 54: 4), и затем говорится о выдаче из храма Эанна для зазакку 180 л фиников или ячменя. В одном недатированном документе из того же храма отмечается распределение продуктов питания во время новогоднего праздника и в связи с этим упоминается «серебро, принадлежащее зазакку» (VS XX 98: 4). Это же выражение встречается и в документе о расходах Эанны, в котором доля для зазакку определяется немногим менее трех сиклей серебра (GCC I II 340: 8). Здесь можно упомянуть также географическое название «Поселение *Bit-Zazakku*», которое, вероятно, было расположено в округе Ниппура. Текст не содержит упоминания места его составления, но он был найден при раскопках в Ниппуре и содержит указание,

³³ По-видимому, собирая идола богов в Вавилоне. Набонид хотел держать города, которые находились под угрозой персидского нападения, в религиозной и политической зависимости от столицы (см.: Weinfeld 1964: 205 f.).

³⁴ Его полное имя было Римут-ниани, см.: Nbk 199: 8: 206: 6. EvM 9. 12; 14: 14. Все эти тексты происходят из Вавилона.

что «ячмень, который является собственностью храма Энлиля, был сдан в амбар» в упомянутом месте в 1-м году правления Дария I (521 г. до н. э.).

Zazakku — шумерское слово, засвидетельствованное со старовавилонского времени. Оно писалось силлабически или логограммой: DUB.SAR.ZAG.GA, а в VI в. — DUB.ZAG (см.: CAD Z: 75). Его точное значение не известно. Составители «Ассирийского словаря» считают, что писцы, носившие этот титул, были причастны к установлению налогов (там же, с указанием литературы). Сходного мнения придерживаются также Эбелинг (Ebeling 1928: 453 f.), фон Зоден (АНW 1517: «ein Katasterdirektor»), Жоаннес (TEBR: 124, 224), Сан-Николо и Унгнад (San Nicolò 1941: 47; Ungnad 1937: 168).

В нововавилонское время все три упомянутые выше лица с этим титулом служили при Набониде, хотя само это слово встречается еще в одном тексте, датированном по царствованию Навуходоносора II. Возникает вопрос: занимали ли должность зазакку один или несколько человек одновременно? Как мы видели выше, Бел-убаллит упоминается в 548 г. как владелец поля, которое было расположено около Вавилона. Но его титул не указан, и поэтому можно было бы полагать, что в то время он был частным лицом. По всей вероятности, тогда он еще не занимал интересующей нас должности. Затем он упоминается с титулом зазакку в двух документах, составленных в Уруке в 547–546 гг. В следующем году он выполнял свою службу в Вавилоне, хотя текст, где он засвидетельствован, происходит из Сиппара.

Набу-зер-ибни известен как зазакку из документа из Нишпура от 554 г., а также из текста от 540 г., написанного в Уруке. Он появляется также в документе из Нишпура, дата которого сохранилась не полностью. Возникает вопрос: занимал ли он эту должность в течение всего периода от 554 до 546 г.? Если это так, по крайней мере два лица могли одновременно занимать эту должность. Но более вероятно, что он занимал ее в 554–548 гг., затем на смену ему пришел Бел-убаллит (547–546 гг., возможно, и несколько позднее), а затем снова заменил его.

Римут был зазакку в последнем году царствования Набонида (539 г.) и известен из текстов, составленных в Сиппаре, Вавилоне и Уруке.

Большинство рассмотренных текстов не содержит существенной информации о функциях зазакку. Вопросы относительно храмовой собственности обычно улаживались в присутствии этого чиновника, а также высокопоставленных храмовых должностных лиц и наместников соответствующих городов. Тяжбы частных лиц также разрешались в присутствии его и других государственных чиновников. Один зазакку через своего агента послал ячмень как собственный дар в один из храмов. Судя по ряду текстов, из храма Эанна отпускались для этого чиновника ячмень, финики и деньги.

Нововавилонские тексты, вопреки мнению некоторых ассириологов (см. выше), не содержат никаких свидетельств в пользу мнения о том, что зазакку занимался установлением урожая с полей и садов, составлением кадастровых документов или сбором налогов. Составители «Ассирийского словаря» отметили, что этот чиновник «по-видимому, занимал высокое административное положение в дворцовой службе и занимался храмовыми делами» (CAD Z: 75). Это

не противоречит мнению Больё о том, что зазакку был «надзирателем над храмовыми делами Вавилонии» (Beaulieu 1991: 103).

Как видно из рассмотренных текстов, один и тот же зазакку был занят служебными делами в разных городах. При Набониде каждый крупный храм страны имел особого чиновника, назначенного туда царем для присмотра за своевременной и точной уплатой определенной доли храмовых доходов дворцу и за выполнением государственных повинностей, наложенных на них. Например, в храме Эанна в Уруке такой чиновник носил титул *ša-gēš šarti bēl riqitti*, «царский чиновник, владыка полномочий». Поэтому зазакку не мог быть чиновником, назначенным в какой-либо один храм. Кроме того, это был очень важный чиновник, который в списках должностных лиц упоминается впереди заместителей городов и ведущих храмовых чиновников. Более того, один из носителей этого титула (Римут) был доверенным лицом самого Набонида.

Зазакку действовал в различных храмах, будучи занят отправлением храмовой утвари из Вавилонии в Сиппар, инспекцией ущерба причиненного храму молнией, доставкой идолов из провинциальных городов в Вавилон. Очевидно, он был царским надзирателем над всеми вавилонскими святилищами и выполнял распоряжения своего повелителя относительно них. Особый интерес представляет текст из Урука, в котором говорится, что Эанна передала ему 90 000 л ячменя в качестве уплаты дворцу.

По-видимому, в Ассирии не существовало службы зазакку, поскольку новоассирийские тексты упоминают этот титул только в случаях, относящихся к вавилонским делам³⁵. Это можно объяснить тем фактом, что отношения между царской властью и храмом в Ассирии и Вавилонии в значительной мере отличались.

Нидинту-Бел, сын Кин-зера, который назван *zazakku* (если верно восстановление слова) в Бехистунской надписи, не упоминается в других текстах. Если можно считать информацию этой надписи о нем как заслуживающую доверия, он, вероятно, занимал эту должность еще до завоевания Вавилонии персами. В любом случае, он пытался выдать себя за сына Набонида. Ни один вавилонский текст ахеменидского времени не упоминает этого титула. Это можно попытаться объяснить случайностью находок текстов, которые имеются в нашем распоряжении, хотя к настоящему времени известно более 5000 текстов периода персидского господства в Месопотамии. Но более вероятно, что должность зазакку при Ахеменидах была упразднена. В таком случае это хорошо согласуется с храмовой политикой персидских царей, которая направлялась из единого центра, а именно из особого отдела государственной канцелярии в столице империи Сузах, осуществлявшего надзор над храмовыми делами. Поэтому персидская администрация в Вавилонии не имела никакой надобности в дальнейшем сохранении должности зазакку (см.: Dandamayev, Lukonin 1989: 366).

³⁵ Ср.: CAD Z: 75. См., например: Unger 1970. N 31 (p. 301); 7, который упоминает зазакку по имени Бел-эриба в связи с восстановлением храма Эсагила около 668 г. до н. э. Ср. также новоассирийское имя *Zazaku*, которое носил один эпоним: Kwassman 1991. N 145, rev. 4.

ТИТУЛ САТРАПА В НИППУРЕ³⁶

Хотя после персидского завоевания Месопотамии местные административные традиции не были прерваны, постепенно в вавилонских документах появляется значительное количество иранских административных, юридических и других терминов. Они в определенной степени отражали изменения, которые происходили в административной структуре этой страны.

Слово *aḥšādrapānu* — один из терминов административной лексики, который является вавилонской транскрипцией древнеперсидского титула *xšaça-rāvan* (дословно «защитник царства»), который греки передавали как *satrapēs* (см.: CAD A/1. 1964: 195; Hinz 1975: 136). Это слово засвидетельствовано еще с мидийских времен, а в ахеменидский период встречается в эламском (*šatrabama*), арамейском (*ʾḥšdrpnʾ*) и некоторых других древних языках (Schmitt 1976: 373–390). В вавилонских текстах оно встречается только несколько раз в документах архива предпринимательского дома Мурашу, составленных во второй половине V в. до н. э., и в одном письме из того же города, а также в табличке из Урука селевкидского времени. Перейдем к рассмотрению этих текстов.

В PBS 2/1 21, который датируется 423 г., содержится просьба некоего Зимы к видному представителю предпринимательского дома Мурашу Энлиль-шум-иддину освободить из долговой тюрьмы человека по имени Ах-иддин с обещанием, что последний уладит свои счета с кредитором в той мере, в какой он будет платежеспособен. Поручитель также попросил кредитора простить Ах-иддину остаток долга, обязавшись при этом, что должник после своего освобождения не будет обращаться с судебным иском против дома Мурашу «перед царем, сатрапом³⁷ или судьей». В случае нарушения этого обязательства поручитель обязан был уплатить кредитору 5 талантов серебра без всякого судебного решения.

Как видно из сильно поврежденного юридического документа, в 424 г. один из рабов Аршама (по-видимому, имеется в виду персидский царевич) обратился в Ниппуре к сатрапу (имя его не указано или не сохранилось) и несколькими другим лицам, чьи титулы не приведены, с жалобой. Она состояла в том, что упомянутый выше Энлиль-шум-иддин, его рабы и слуги, а также люди Ниппура разграбили его имущество. Затем был подсчитан ущерб, который понес истец, и суд решил, что Энлиль-шум-иддин и его люди должны уплатить 500 кур (90 000 л) ячменя (Stolper 1985, N 109).

PBS 2/1 2, написанный в районе Ниппура в 413 г., фиксирует арендную плату с полей работников царского хозяйства (гарда). Эти надельные участки были сданы в аренду дому Мурашу. Уплата была произведена финиками «в соответствии с письменным распоряжением» сатрапа³⁸ по имени Циха, а также надзирателя над гарда Ахушуну (см.: Stolper 1985: 58, 94).

³⁶ Перевод заметки «The Title *aḥšādrapānu* in Nippur» (Nippur at the Centennial. Philadelphia, 1992. P. 29–32).

³⁷ Строка 11: LÚ aḥ-šā-ad-ra-pa-nu.

³⁸ Строка 7: aḥ-šā-da-ra-pa-nu.

Как видно из письма ROMCT II 48, которое было написано в 429 г. в Ниппуре, два храмовых чиновника получили указание выдать 5 сиклей серебра человеку с титулом, значение которого точно не известно. Судя по тексту, эта уплата была санкционирована известным сатрапом³⁹ Месопотамии по имени Белшуну.

Наконец, согласно BRM II 56, который происходит из архива храма Эанна в Уруке и относится к селевкидскому времени, храмовый чиновник дал «перед сатрапом»⁴⁰ (имя его не приводится) свидетельство относительно пайков одного плотника.

Из рассмотренных текстов можно сделать следующие выводы. В PBS 2/I 21 сатрап упоминается дважды после царя, но перед судьей. В PBS 2/I 2 арендная плата с земли царских работников была произведена по распоряжению следующих людей: сатрапа, надзирателя упомянутых работников и некоего Ардия. Этот сатрап вряд ли мог быть наместником Вавилонии. Прежде всего он носил вавилонское имя Циха. Как известно, после административных реформ Дария I функции наместника в Вавилонии и других крупных странах, как правило, доверялись в основном персам (правда, в конце V в. наместником Месопотамии был человек местного происхождения Белшуну, см. ниже). Кроме того, выдача арендной платы не требовала никакой санкции наместника страны. Но еще важнее следующее: из различных источников известно, что титул сатрапа носили не только наместники больших административных округов, но также главы маленьких поселений, которые входили в состав более крупных административных областей (см. подробно: Dandamayev, Lukonin 1989:103).

Термины *šaknu ša māti* и *paqu ša māti* («областеначальник») были синонимами титула *bēl reḫāti* («владыка области»). В ахеменидский период титул *šaknu*, который раньше обозначал ассирийских наместников в Вавилонии, стал обычно применяться по отношению к старшинам различных ремесленников, военных подразделений и этнических групп, которые были в подчинении у царской администрации. Однако и в ахеменидский период наместники города Ниппура носили тот же титул *šaknu*. Поэтому представляется маловероятным, что в документах архива Мурашу титул «сатрап» мог применяться по отношению к наместнику этого города⁴¹. Как мы видели из двух рассмотренных выше текстов, люди могли обращаться с жалобами относительно противозаконных действий тех или иных людей к «царю, сатрапу или судье». В этих случаях «сатрап», очевидно, был синонимом слова *bēl reḫāti* («областеначальник»), т. е. наместник Вавилонии. Что же касается Цихи, он, по-видимому, был чиновником административного аппарата в регионе Ниппура. Столпер обратил внимание на то, что этот же Циха упоминается также в PBS 2/I 3, однако на этот раз без титула. Согласно этому документу, в 424 г. он вместе с еще одним человеком был уполномочен собрать царскую подать с наделов, принадлежавших группе писцов, писавших на арамейском языке (*serīru*). По мнению Столпера, он был рядовым чиновником с полномочиями местного масштаба (Stolper 1985: 58).

³⁹ Строка 4: *aḫ-šá-ad-ra-pa-nu*.

⁴⁰ Строка 19: *aḫ-šá-da-ra-pá-an-nu*.

⁴¹ См.: Рогон 1917. где утверждается, что Циха был наместником Ниппура.

По всей вероятности, сатрап Белшуну, упомянутый в ROMST II 48, был тем же самым лицом, которое известно нам из произведения Ксенофонта «Анабасис» (1.4, 10) (см.: Stolper 1987: 389). В некоторых вавилонских текстах он назван сыном Бел-уцуршу, «наместником Вавилона» (reḫāt Bābili). Как отметил Столпер, этот Белшуну был наместником области Вавилона в период между 429–414 гг. Позднее, в 407–401 гг., он занимал должность наместника Заречья, т. е. Сирии (reḫāt ēbir-nāri) (ibid.: 392, 400 (с ссылками на более раннюю литературу)).

В BRM II 56, который относится к селевкидскому периоду, титул «сатрап», вероятно, употреблен для обозначения наместника Урука. Таким образом, этот термин обозначал чиновников различных рангов, начиная с наместников крупных стран и кончая старшинами государственных служащих низших рангов.

НАМЕСТНИК БИБЛА В СИППАРЕ⁴²

Документ CT LV 435 из Сиппара представляет значительный интерес, поскольку там содержится упоминание о финикийском городе Библа. В тексте говорится следующее: «...12 сиклей белого серебра, 1 мина 50 сиклей красной пурпурной шерсти, 1 мина 24 сикля голубой пурпурной шерсти, 2 сосуда вина, один ствол кедрового дерева являются десятиной наместника Библа Рикис-калам-Бела».

Табличка эта происходит из региона Сиппара, и десятина, очевидно, была уплачена главному храму этого города Эбббаре, который был посвящен богу Солнца Шамашу. Текст датирован по царствованию Дария I (522–486 гг.), но год его составления не сохранился. Из других источников нам ничего не известно об упомянутом наместнике, титул которого в рассматриваемом тексте дан в следующем виде (строка 10): LU.NAM šá^{URU}gub-ba-al^{KI} («наместник города Библа»). Последнее написание является греческой формой финикийского названия Gebal (современное Jebail), которое в ассирийских текстах передается как Gubla. Наместника этого трудно отождествить с кем-либо из носителей данного титула, поскольку его отчество и родовое имя не указаны.

Имея в виду особенности аккадской клинописи, название упомянутого города можно читать также Dubal (Du-ba-al) вместо Gubbal. Именно такое чтение было предложено некоторыми исследователями (см., например: Zadok 1985:120), которые считают это более поздней формой названия Tum-ba-al, известного нам из шумерских текстов времени III династии Ура (XXIII–XXI вв. до н. э.). Однако не имеется никаких свидетельств о существовании такого топонима в I-м тысячелетии до н. э. Цадок уже отверг идентификацию Dubala, которое было древнеперсидским названием одной из вавилонских областей, с Dubal в рассматриваемом здесь тексте. Заслуживает упоминания также тот факт, что финикийский Библ упоминается в новоассирийских текстах как Gub/gu-ub-la/li (Hrouda, Röllig

⁴² Перевод заметки «A Governor of Byblos in Sippar» (Immigration and Emigration within the Ancient Near East Festschrift E. Lipiński (OLA 65 1995). P. 29–31). Транслитерация клинописного текста в русском переводе пропущена, как и мелкие замечания лингвистического характера

1968–1971 3: 673). Еще больше интереса представляет тот факт, что, за исключением серебра, все упомянутые предметы, составлявшие десятину, были товары, которые вавилоняне приобретали из чужих стран и в первую очередь из Финикии (ср. Oppenheim 1969: 253–254). Прежде всего стволы кедровых деревьев могли происходить лишь оттуда. Кроме того, хорошее вино, а также красная и голубая шерсть были импортными товарами, которые также доставлялись из других стран, и прежде всего из Финикии. Поэтому предположение, что Губбал был городом, расположенным в районе Сиппара в Вавилонии и названным так по имени людей, депортированных туда из финикийского Библа (см. ссылки на документы: Zadok 1985: 142, s.v. Gublu), представляется неубедительным.

Рикис-калам-Бел, по-видимому, был вавилонянином, назначенным наместником Библа персидской администрацией. По всей вероятности, он был жителем Сиппара и поклонником бога Солнца Шамаша. Возможно, что именно во время службы в Библе он доставил в Сиппар свои экзотические подарки.

Если идентификация Губбала с Библом верна, рассматриваемый документ бросает новый свет на стагус финикийских городов в ахеменидский период. Из античных источников известно, что в финикийских городах продолжали править местные династии, хотя их власть ограничивалась персидской администрацией. Финикия была включена в пятую сатрапию Ахеменидской державы, и резиденция персидского сатрапа была расположена в Сидоне (Elayi 1980: 19–25), который был одним из самых важных финикийских городов. Со ссылкой на архитектурные остатки ахеменидского стиля, найденные в Библе, Элайи высказала предположение, что персидская администрация назначала наместников в финикийские города (ibid.: 26). По-видимому, рассмотренный выше документ свидетельствует в пользу такого мнения.

КАЗНОХРАНИТЕЛЬ БАГАСАР⁴³

В пяти вавилонских хозяйственных текстах времени Дария I упоминается иранец по имени Багасар⁴⁴, который, очевидно, был мидийцем или персом. В самом раннем из этих текстов, датированном 4-м годом царствования Дария (518 г. до н. э.), он носит титул *rab-kāširi* (Dar 105, о значении см. ниже). Однако в документах Dar 296 и 527, составленных соответственно в 511 и 501 гг., он выступает с титулом *ganzabara* («начальник сокровищницы»). Это же самое лицо упоминается еще в Dar 534 и 542⁴⁵, которые являются дубликатами, написанны-

⁴³ Сокращенный перевод статьи (с пропуском транслитераций клинописных текстов): «Bagasar ganzabara» (Studien zur Sprachwissenschaft und Kulturkunde, Gedenkschrift für Wilhelm Brandenstein. Innsbruck, 1968. P. 235–239).

⁴⁴ Об этимологии этого иранского имени с элементом *bagā-* («бог»), которое встречается также в арамейских текстах ахеменидского времени, см.: Eilers 1936: 169, n. 2; AfO 17 (1954/1956): 332. См. также: Dandamayev 1992: 60–62.

⁴⁵ Ср. также: VS VI 302: 6, где это имя (*ba-ga-⁴-sa-ru*) сохранилось в почти полностью разрушенном тексте. О других упоминаниях этого имени в вавилонских документах см.: Dandamayev 1992: 62. Однако упоминаются в цих .поди не имели никакого отношения к интересующему нас лицу.

ми в 500 г., но здесь он появляется без титула. Возникает вопрос: был ли Багасар из указанных документов одним и тем же лицом, который сначала носил первый из упомянутых титулов, а потом стал казнохранителем, или это совершенно разные люди? Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, рассмотрим сначала сами документы в их основной части без дальнейшей информации, которая не имеет прямого отношения к интересующему нас лицу.

Dar 105: «70 связок чеснока — одна треть арендной платы с поля, составляющая долю казнохранителя Багасара, получил раб Багасара Бел-этир по поручению Пишшия, (другого) раба Багасара... (документ составлен в) Бит-раб-кацир» (местность около Вавилона). В Dar 296, составленном в Вавилоне, два лица обязуются доставить 170 кур ячменя, 4 кур пшеницы и еще 4 кур какого-то другого продукта (слово не сохранилось), всего 32 040 л, в качестве арендной платы с поля Багасара в 10-м году правления Дария. При этом за них дает поручительство Мардук-нацир-апли, глава предпринимательского дома Эгиби. По свидетельству Dar 527, 60 кур фиников составляли арендную плату с земли упомянутого Мардук-нацир-апли, которой он распоряжался совместно со своими братьями. Однако им полагалось получить только две трети указанной платы, а остальная часть предназначалась Багасару, которому в данном случае даны оба титула, т. е. *rab-kāširi* и *ganzabaru* (см. строки 2 и 5). Документ был составлен в предместье Вавилона Бит-таб-Бел. Арендатором выступает некий Набу-ах-иттанну, который обязался доставить финики к оговоренному сроку в один прием мерой самого Мардук-нацир-апли. Как видно из этого текста, дом Эгиби арендовал у Багасара его землю с условием, что последнему будет выплачена треть урожая. Однако члены дома Эгиби не стали сами обрабатывать эту землю, а сдали ее третьему лицу. Следующий документ (Dar 542) был написан через восемь месяцев после предыдущего. В нем говорится, что финики — арендную плату в 21-й год правления Дария, составлявшую долю Багасара от общего совместного дохода Мардук-нацир-апли и его братьев, Набу-галлиби, посыльный Пишшия, управляющего домом Багасара и его раба, получил из рук одного из рабов дома Эгиби. В данном случае доля Багасара составляла 15 кур (2700 л).

Рассмотренные тексты не оставляют сомнений в том, что фигурирующий в них Багасар во всех приведенных случаях был один и тот же человек, который в течение 18 лет, от 518 до 500 г. до н. э., в Вавилоне занимал должность *rab-kāširi* или *ganzabaru*. Он владел земельными наделами близ Вавилона и сдавал их различным лицам, в особенности дому Эгиби, получая от арендаторов чеснок, финики, пшеницу и другие продукты. Как известно, после завоевания Месопотамии персами в 539 г. до н. э. иранец по имени Митридат был назначен заведующим царской казной (*gzbr*). Он по указанию Кира выдал представителю иудеев в вавилонском плену Шешбациру сосуды, разграбленные за полвека до этого вавилонянами из Иерусалимского храма (см.: Ezra 1, 7–11). Очевидно, приемником этого Митридата и был Багасар.

Как мы видели выше, в двух документах он носит титул *rab-kāširi*, а в следующих двух — *ganzabara*, но оба эти выражения использованы в Dar 527: 2–5 как синонимы (арендная плата для *rab-kāširi*, а именно для *ganzabara* Багасара). Это наблюдение позволяет нам установить значение первого из этих слов, кото-

рое до сих пор оставалось без убедительного объяснения и в толковании которого в литературе высказывались совершенно противоположные мнения, а также уточнить функции носителя второго титула⁴⁶. Вопреки мнению некоторых ассириологов⁴⁷, в I-м тысячелетии до н. э. титул *gab-kāšir* не имел никакого отношения к военачальникам, и люди этой сферы занимались приемом, хранением и уплатой денег, а также выдачей шерсти и продуктов питания. Другими словами, такие люди выполняли те же обязанности, что и заведующие сокровищницей (*ganzabara*). Само слово *ganza* было взято ахеменидской канцелярией из мидийского языка (см.: Henning 1963:197), а потом было заимствовано почти всеми семитскими языками, а также эламским, греческим, ликийским, санскритом и многими другими языками со значением «сокровищница» (позднее оно вошло в русский язык в форме «казна») (Schaefer 1930: 245; Eilers 1940: 43, 123–124; Cameron 1948: 42; Koehler, Baumgartner 1958: 120, 1062). Но первоначально слово это имело значение «роскошный» и обозначало не только богатство, выраженное в драгоценных металлах. Альтгейм и Штиль, рассмотрев документы Сокровищницы Персеполя, а также данные Библии и арамейских папирусов, показали, что царское казначейство ахеменидского времени распорядилось не только золотом и серебром, но также зерном, вином, маслом, одеждой и т. д. (Altheim, Stiehl 1961:162 ff.). Подобные же функции выполняла также царская сокровищница парфянского времени в I в. до н. э. Как свидетельствуют документы из Нисы, в эту сокровищницу (*gnz' mlk*) в качестве подати доставляли, в частности, и вино (Дьяконов, Лившиц 1966: 147. № 100).

ДРЕВНЕИРАНСКОЕ ARAZAPANATA⁴⁸

Титул *arazapanata* встречается дважды в документе TCL XIII 218⁴⁹: один раз с детерминативом *LÚ*, употребляемым для обозначения профессий или служебных должностей, а второй раз без него. Текст содержит имена и патронимию различных лиц с указанием, где каждый из них жил. Документ не датирован и, по всей вероятности, был составлен в городе Кише, который упоминается в нем. Два лица с типичными вавилонскими именами и патронимией (Итти-Набу-балату и Бел-иддин) носят в тексте этот титул. Там же упомянуто и несколько других лиц, включая одного «писца гавани», но никто из них не назван рассматриваемым здесь титулом. Один из этих *arazapanata* жил в доме писца-переводчика (*serīru*) по имени Бел-нацир. Оба носителя указанного титула находились в подчинении у двух разных лиц, а именно у некоего Буллуту и Набу-буллису, последний из которых назван *raqu* («назначенец»). Однако ни Итти-Набу-балату, ни Бел-ид-

⁴⁶ С рядом других аналогичных соответствий вавилонских и иранских обозначений титулов чпатель может ознакомиться в немецком оригинале данной статьи (с. 237, примеч. 14).

⁴⁷ Об этом с ссылками на соответствующие тексты см.: там же, с. 238.

⁴⁸ Перевод статьи «The Old Iranian *arazapanata*» (Textes et mémoires. Vol. XVI. Iranica Varia: Papers in Honor of Professor Ehsan Yarshater. Leiden, 1990. P. 60–61).

⁴⁹ TCL XIII 218: 4: *LÚ a-ra-za-pa-na-ta-šû*; 22: *a-ra-za-pa-na-ta-šû*.

дин не упоминаются в других текстах, и поэтому просонография не помогает в установлении значения рассматриваемого здесь слова.

«Ассирийский словарь» с ссылкой на М. Майрхофера возводит это слово к др.-перс. *gaza-rāna («виноградарь») (CAD A/II (1968): 239 (со ссылкой на: Mayrhofer, Die Sprache 8 (1962): 121, п. 1)). Та же этимология была предложена Хинцом (Hinz 1975: 204; см. также: АНв.: 66). Однако в связи с таким предположением Цадок отметил, что в этом случае трудно объяснить начальное а- и конечное -ta-šú. Также, по его мнению, трудно объяснить множественное число (т. е. «его виноградари»), хотя в обоих случаях титул этот относится только к одному лицу (Zadok 1981: 549. Прим. 25).

Кроме того, вино в Вавилонии производилось в очень ограниченных количествах, и этот факт, возможно, заслуживает еще большего внимания, ибо маловероятно, что два жителя в Кише имели каждый по своему виноградарию.

Мне представляется, что рассматриваемый термин состоит из двух др.-иранских слов, а именно harəz — «посылать» (см.: Bartholomae 1904:1792) и ran-tay — «дорога»⁵⁰. Таким образом, arazapanata могло значить «посылать в дорогу», т. е. «вестник». Такое значение подходит к контексту рассматриваемого документа, поскольку один из носителей этого титула находился в подчинении чиновника. В этом случае arazapanata является эквивалентом аккадского allāku, «курьер» (производное от alāku — «идти») или māṛ šurri с тем же значением.

Как было сказано выше, документ TCL XIII 218 не содержит даты. Однако на основании просопографических данных его можно отнести к началу ахеменидского периода (см.: Zadok 1981: 549. Прим. 25).

ХРАМ ЭБАББАРА И ИРАНСКИЕ МАГИ⁵¹

Как известно, иранские маги упоминаются в нескольких вавилонских текстах ахеменидского времени (см.: CAD M/I: 48–49). Одно из таких упоминаний содержится в VS III 138, который был составлен в Вавилоне в 26-м году царствования Дария I (496 г. до н. э.). По свидетельству этого документа некий Бел-ремани, сын Мушебши-Мардука из рода жреца Шамаша, должен был выдать 86 кур (15 480 л) фиников в качестве продовольствия (kurummatu) для gardu (работники царского хозяйства), магов (строка 2: LU ma-gu-še-e) и ряда дворцовых работников. Все они находились в подчинении у писца-переводчика (serīru) по имени Бел-этир. Упомянутый выше Бел-ремани поклялся именами бога Бела и царя Дария, что уладит свои имущественные расчеты с Бел-этиром в скором будущем.

Возникает вопрос: почему Бел-ремани обязан был снабжать работников царского хозяйства и дворцовых людей продуктами? Рассматриваемый документ не дает на это ответа, и чтобы попытаться ответить на поставленный вопрос, необходимо обратиться к просопографическим данным.

⁵⁰ Ibid. Col. 847. Я признателен В. А. Лившицу, с которым имел возможность обсудить эти термины.

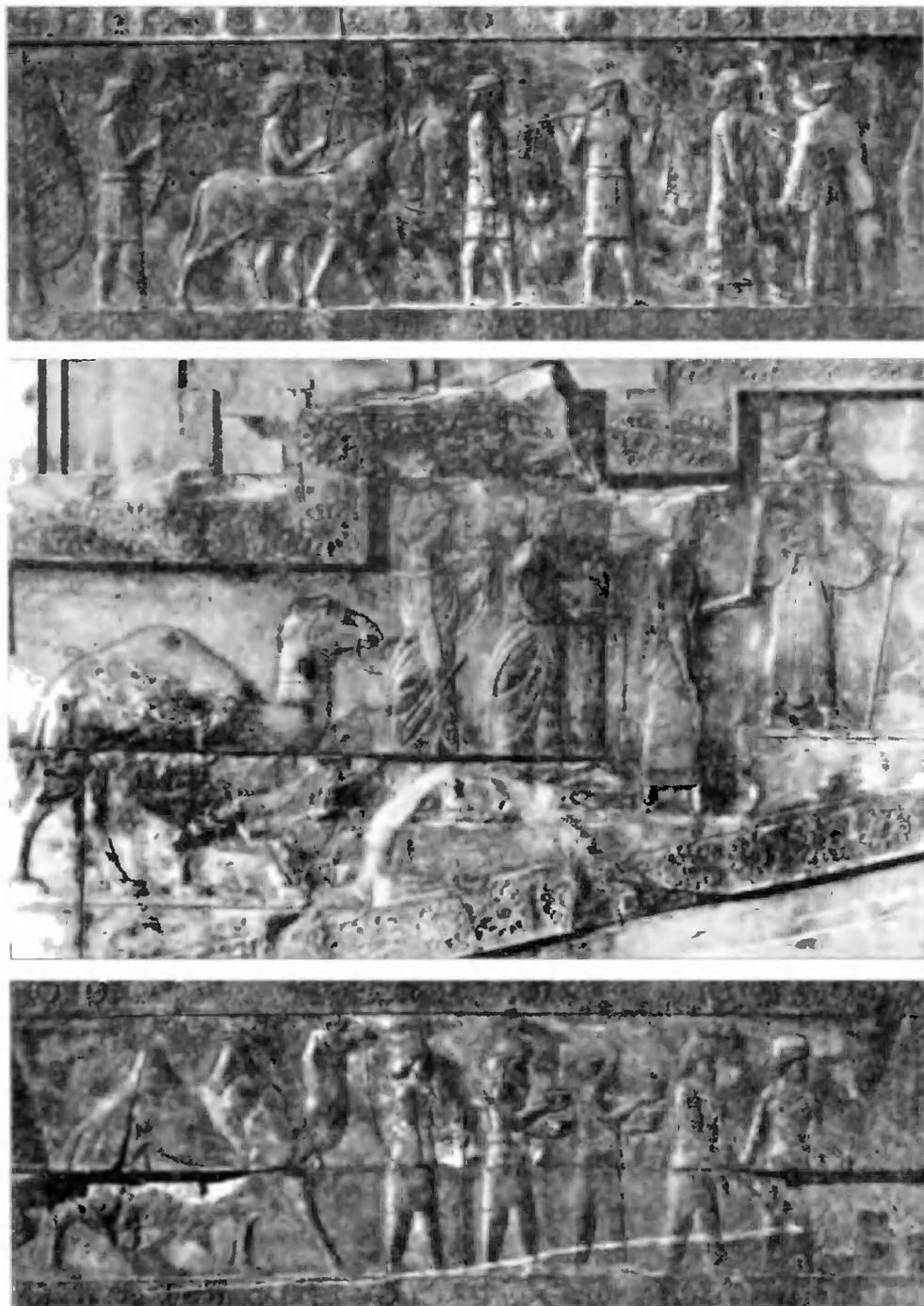
⁵¹ Перевод статьи «The Ebabbar Temple and Iranian Magi» (AoF 22 (1995): 34–36).

Рис. 20. Доставка податей и подарков. Персеполь

Деятельность Бел-реманини может быть прослежена в документах из Сиппара и Вавилона в течение 45 лет (532–487 гг.), где он упоминается как писец и контрагент. Основная часть документов, где он появляется, происходит из архива храма Эбббара в Сиппаре. Как видно из Сул 260, ему было передано определенное количество зерна, которое названо «ячменем десятины», а также сезам для храмовых жертвоприношений (*sattukku*). Текст был записан самим Бел-реманини. Таким образом, он здесь функционирует в качестве храмового чиновника. В СТ LVI 194 ему выдаются две чаши для совершения культовых возлияний (строка 15: *šalam bīti*). В Camb 288 отмечается выдача ему с храмового склада десяти мер эммера в качестве его собственного дохода. В BRM I 70 он упомянут как должник того же храма. Эта расписка также была написана им самим и содержит клятву именами бога Набу и царя Дария в том, что он приведет несколько овец, которые числятся за ним как долг. В СТ II 2 он появляется среди граждан (*māg banē*), перед которыми было сделано заявление о пропаже куска полотна из храма Эбббары (см. строку 30).

В остальных текстах Бел-реманини упоминается как частное лицо. В двух документах он выступает арендатором пребенды пивовара в Эбббаре. В VS IV 200 записано его обязательство уплатить 22 сикля серебра и проценты на эту сумму некоему Шапик-зеру, который был владельцем пребенды. Кроме того, он должен был отдать 25 чанов пива тому же Шапик-зеру. Наконец, Бел-реманини принял на себя ответственность за своевременную и точную доставку пива хорошего качества в храм. Писцом и этого документа был он сам. В VS V 109 он также арендует пребенду пивовара у некоего Убару, взяв на себя ответственность за пунктуальную доставку отличного пива в храм, а также за уплату одного кур (180 л) тому же Убару. Контракт содержит оговорку, что последний

Рис. 21. Даиники ахменидских царей. Персеполь

Рис. 21. Данники ахеменидских царей. Персеполь

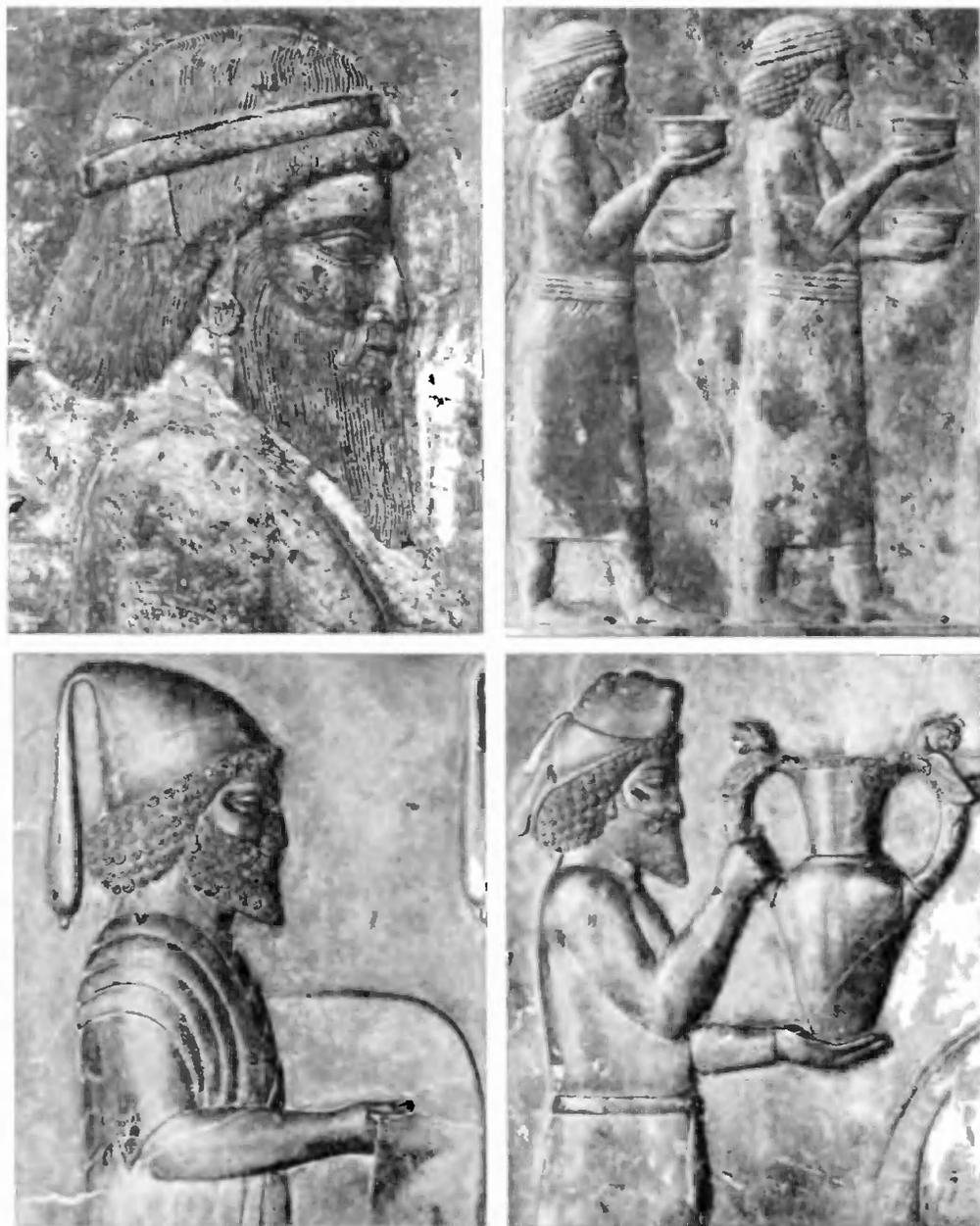

Рис. 21. Данники ахеменидских царей. Персеполь

обязан отдать Бел-реманный весь доход с пребнды, за исключением специально оговоренной части (*pappasu*).

В VS VI 121 один должник обязался отдать Бел-реманный 3 сут (18 л) сладкого вина (*kaḡānu ṭābu*), которое предполагалось доставить в течение трех месяцев из Суху (район на Среднем Евфрате). Очевидно, Бел-реманный снабдил его деньгами для приобретения вина.

В ряде документов из Сиппара Бел-реманный упоминается как должник. VS III 99 — долговая расписка на ячмень, который необходимо было отдать Бел-убаллиту, сыну Икишайя. Полная сумма долга не указана, но отмечается, что 40 кур зерна Бел-реманный уже выплатил. VS III 89 — долговая расписка на 4 кур фиников, которые последний обязался уплатить некоему Шамашиддину и его матери Нуптайя. По свидетельству VS IV 135, Бел-реманный обязался доставить одному лицу мину и 28 сиклей серебра как остаток прежнего долга, а также проценты на эту сумму по тарифу 1 сикль на мину за каждый месяц. В другом документе (VS III 135a) Бел-реманный берет ссуду ячменем на срок до полугода. Согласно VS III 154, Бел-реманный уплатил 1 кур ячменя как часть своего долга одному из контрагентов. В тексте также отмечается, что в эту сумму не входят «прежние долговые обязательства», которые еще подлежали погашению. Документ был составлен на берегу канала Губу, в районе Вавилона (см.: Zadok 1985: 371). VS III 208 — долговая расписка на ячмень, который Бел-реманный обязался доставить некоему Кинайя в гавани Сиппара.

VS V 60 — документ из частного архива о продаже одного дома в Сиппаре, написанный Бел-реманный.

Кроме того, он вместе со своим братом по имени Шамаш-нацир уплатил в Сиппаре 12 (?) сиклей серебра в качестве арендной платы за судно некоему Ремут-Шамашу, сыну Мардук-нацира, который действовал по поручению сиппарского жреца Гузану (VS IV 145). Шамаш-нацир, брат Бел-реманный, упомянут также в VS IV 113, по свидетельству которого он через посредничество последнего уплатил своему кредитору 20 сиклей серебра.

Как видно из рассмотренных выше документов, Бел-реманный был храмовым писцом, который также составлял документы для частных лиц и по поводу различных своих сделок. Рассмотренные выше тексты отражают его деятельность как писца в Эбббаре, так и предпринимателя в личных целях. По-видимому, именно в качестве храмового писца и из имущества Эбббары он снабжал продуктами магов, гарду и дворцовых служителей. В этом отношении VS III 138 не является уникальным документом, поскольку из ряда текстов ахеменидского времени видно, что время от времени вавилонским храмам приходилось снабжать продуктами питания государственных чиновников (см.: Dandamayev 1979: 589 ff.). В рассматриваемом случае вполне ясно: к магам потому был назначен переводчик, что они не знали местного языка.

В заключение уместно упомянуть о нескольких ссылках на магов, которые сохранились в письмах архива Занна, написанных в раннеахеменидский период. Например, из YOS III 66 видно, что одному магу было поручено проверять хранение муки, в другом письме написано, что маг и храмовый писец назначены

для надзора над работниками Эанны (BIN I 40). Таким образом, контакты между иранскими магами и вавилонскими храмовыми чиновниками происходили на уровне административных отношений и, по-видимому, не касались религиозных дел.

PS: После публикации данной статьи на английском языке в распоряжение ученых поступили новые важные данные. Это прежде всего книга M. Jursa «Das Archiv des Bēl-gēmanni» (Leiden, 1999), в ней издано много ранее неизвестных хозяйственных и административных документов из архива Бел-ремани, которые оказались разбросанными по различным музеям мира. Вторая публикация — издание 88 медицинских текстов из Британского музея, которые являются ученическими упражнениями. Они составляют лишь часть более обширного архива того же Бел-ремани, которому принадлежат и упомянутые хозяйственные документы. Таким образом, выясняется, что он наряду с писцовой и предпринимательской деятельностью содержал также школу и занимался медициной (см.: Finkel 2000: 137–223).

ПОДАТИ И ПОВИННОСТИ В ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ В VII-IV ВВ. ДО Н. Э.⁵²

Как по характеру источников, так и по совокупности конкретных исторических и социально-экономических особенностей рассматриваемое время можно разделить на два периода: конец VII — первая половина VI в. до н. э. и вторая половина VI–IV в. до н. э. В течение первого периода, после падения Ассирии в 612 г. до н. э., на всем Ближнем Востоке осталось всего три крупных государства: Египет, Нововавилонская держава и Мидия. Кроме того, в Малой Азии существовали хотя и более мелкие, но независимые царства Лидия и Киликия. Что же касается Сирии и Палестины, они были завоеваны вавилонянами и включены в созданную ими державу. Документальных данных и иных свидетельств о податях и повинностях в течение этого периода чрезвычайно мало, если не считать большого материала вавилонских архивов относительно храмовой десятины.

Второй период характеризуется возникновением, расцветом и падением огромной Ахеменидской державы, созданной персами и простиравшейся от Египта до Средней Азии и северо-западной части Индии, охватывая, таким образом, почти все регионы тогдашнего культурно-исторического мира. Для этого периода имеются сравнительно многочисленные и весьма разнообразные источники по исследуемой теме: богатые архивы из многих городов Вавилонии, документы из Персеполя, свидетельства античных авторов и т. д.

⁵² Ранее была опубликована в сборнике «Подати и повинности на Древнем Востоке». СПб., 1999. С. 64–81.

Рис. 22. Серебряный ритон. Государственный Эрмитаж

Рис. 23. Золотой ритон. V в. до н. э.

I. Государственные погаты

Царские, или государственные, подати шли на содержание армии, администрации и царского двора. Однако вопрос об этих налогах в течение периода, непосредственно предшествовавшего ахеменидскому, пока остается малоисследованным и неясным. Из Египта мы практически не имеем почти никаких свидетельств о таких податях. Известно только, что в саисский период (как и позднее, при персидских правителях) арендаторы царских и храмовых земель платили государству в качестве налога десятую часть своих доходов (см.: Gyles 1959: 83).

Что же касается сирийско-палестинского региона, то мы располагаем лишь весьма скудными свидетельствами Библии о налогах. По крайней мере, в некоторые периоды израильско-иудейского общества десятая часть доходов населения отчислялась в качестве обязательного налога царю для содержания двора и государственного аппарата. Например, пророк Самуил предостерегал своих соотечественников, когда последние захотели избрать царя, что тот будет собирать с них десятину зерном, вином и скотом, дабы кормить своих чиновников и слуг (I Sam. 8: 15, 17). Иосиф Флавий в «Иудейских древностях» (XIV, 203) пишет, что в Израиле государственный налог составлял до 1,5% дохода с сельскохозяйственного урожая, за исключением юбилейного, т. е. каждого седьмого года, когда земля не подлежала обработке.

В Месопотамии документы государственного архива в нововавилонское время, по-видимому, составлялись на коже или папирусе на арамейском языке и в условиях местного климата не могли долго сохраняться. Поэтому мы не располагаем сколько-нибудь достоверными свидетельствами о размере царских налогов в Вавилонии доахеменидского периода. Можно высказать предположение, что такие налоги составляли десятую часть доходов земледельцев, арендаторов и ремесленников (ср. ниже, в разделе о храмовой десятине). По мнению исследователей, десятина в качестве царской подати была традиционна для Ближнего Востока (см.: Zaccagnini 1989: 200). Известно также, что гораздо позднее, при Селевкидах, в Сирии десятина была налогом, взимавшимся для содержания государственного аппарата (см.: I Macc 10: 31; 11: 35). После этих предварительных замечаний перейдем к ахеменидскому периоду.

В период между 550–512 гг. до н. э. персы захватили Мидию, Малую Азию, среднеазиатские области, Вавилонию, Египет, долину Инда и ряд других стран. Вначале, до захвата власти Дарием I (522 г. до н. э.), еще не существовало твердо установленной системы податей, основанной на учете экономических возможностей стран, входивших в состав Ахеменидской державы. Если верить Геродоту (III, 90 и 87), подвластные персам народы доставляли подарки или же платили подати. Геродот (III, 89) также пишет, что в Персидской державе налоги были введены впервые при Дарии I, а при его предшественниках, т. е. Кире II и Камбизе, подданные обязаны были доставлять лишь подарки. Хотя это утверждение и не соответствует действительности, в нем нашел отражение тот факт, что именно в период правления Дария I была проведена крупная налоговая реформа.

Рис. 24. Персидские золотые и серебряные монеты

Однако у нас нет прямых свидетельств относительно того, когда эта реформа была претворена в жизнь. Если исходить из сообщения Геродота (III, 89), она была проведена в начале правления Дария I, когда он подавил восстания покоренных народов против персидского господства в 522–521 гг., но более конкретной даты он не приводит.

Мне представляется, что вавилонские тексты дают возможность более точно датировать реформу Дария. Сравнительно недавно были опубликованы 70 поздневавилонских планов полей. Это — прямоугольные и треугольные таблички, которые содержат информацию о посевной площади, количестве финиковых пальм, объеме урожая, размерах всех четырех сторон полей, статусе земли и

площади зданий, сооруженных на полях. Из этих табличек лишь 26 датированы, в том числе 9 между 3-м и 25-м годами царствования Дария I. Кроме того, его имя упоминается еще в 5 других табличках, хотя датировочная формула в них разрушена. Следует учесть, что некоторые лица, упомянутые в планах, известны и из синхронных деловых документов, датированных временем Дария I (см. подробно: Dandamayev 1985: стб. 28). Таким образом, преобладающее большинство этих планов относится к периоду правления Дария I. По крайней мере, многие из них датированы по его царствованию, а даты других устанавливаются по просопографическим данным. Поэтому можно высказать предположение, что такие планы стали составлять при Дарии I и его преемниках.

Возникает вопрос: с какой целью составлялись эти планы? По мнению их издателя, это были графические изображения к деловым документам и представляли собой записи, необходимые при продаже земли (см.: Nemet-Nejat 1982: 312 f.). Но такое мнение не представляется убедительным, поскольку информация о границах и посевной площади содержится в самих контрактах о продаже земли. Кроме того, землю продавали еще задолго до персидского завоевания Вавилонии, однако планы полей с указанием количества фруктовых деревьев, величины урожая и статуса земли появляются начиная лишь с 3-го года правления Дария I. То-видимому, составление планов было связано с административно-финансовыми реформами этого царя. В частности, в соответствии с его налоговой реформой все сатрапии обязаны были платить строго зафиксированные денежные подати, установленные с учетом количества обрабатываемой земли и степени ее плодородия на основе среднего урожая за несколько лет в соответствии с кадастрами по отдельным областям. Для этого земля была точно измерена и классифицирована (ср.: Herod. VI, 42). Очевидно, указанные планы являются кадастрами, и, если это так, налоговая реформа Дария относится к 519 г. до н. э., т. е. к 3-му году его царствования. Отметим попутно, что французский ученый Р. Деска, исходя из греческих источников (прежде всего из так называемой Хроники Паскале), относит реформы Дария приблизительно к 518 г. до н. э. (см.: Descat 1989: 77), что в общем и целом совпадает с предложенной выше датой.

Как показал Р. Деска, обычно тариф налогообложения, установленный в Ахеменидской державе с частновладельческих полей и садов и с пожалованных из государственного фонда наделов, равнялся $\frac{1}{12}$ годового дохода (см.: Descat 1985: 97 f.; Descat 1989: 77; см. также: Zaccagnini 1989: 200). Возможно также, что нередко налог с землевладельцев и арендагоров равнялся десятой части их доходов. Основное отличие налоговой реформы Дария от традиционной ближневосточной налоговой системы заключалось в том, что теперь подати необходимо было платить не натурой, а соответствующим денежным эквивалентом, а именно нечekanенным серебром, которое принималось по весу и с учетом степени чистоты пробы. Уплата податей осуществлялась серебром довольно хорошего качества. Для обеспечения необходимого единообразия серебро направлялось в храмовые и государственные мастерские для очищения и переплавки в литки стандартного веса и качества, после чего эти слитки поступали в сокровищницы. Среди табличек из Персеполя сохранился один документ, написанный на аккадском языке и фиксирующий уплату государственных податей в 19/20-м

финансовом году царствования Дария I (502 г. до н. э.). Внесенное серебро было оценено по чистоте и весу, и после такой оценки был произведен окончательный подсчет и установлено, какую сумму еще необходимо было внести указанным налогоплательщикам, исходя из того, что налоги уплачивались серебром определенного стандарта. Согласно этому документу, 4 налогоплательщика уплатили серебро трех видов, и в зависимости от качества металла внесенные суммы были уценены от 0,416 до 10% (см.: РТТ 85).

Из сказанного не следует, что подати натурой были совершенно отменены Дарием I (ср. ниже).

Все подвластные ахеменидским царям страны платили ежегодно в общей сложности около 7740 вавилонских талантов серебра (232 200 кг), не считая Индийской сатрапии, которая вносила подать золотым песком. При этом большую часть этой суммы уплачивали такие экономически развитые страны, как Египет (700 талантов), Вавилония (1000), Сирия, Палестина и Кипр (350) и области Малой Азии (1620 талантов, из них Лидия — 500 и Иония — 400).

Народы, жившие на границах Ахеменидской державы (арабы, некоторые кочевые племена Средней Азии, колхи и эфиопы), вместо податей доставляли подарки натурой (слоновой костью, благовонными смолами, самородным золотом, конями и т. п.), точный размер которых также был твердо зафиксирован (о таких податях см.: Sancisi-Weerdenburg 1989: 129 f.).

Однако и народы, платившие денежные подати, не были освобождены от доставки продуктов сельского хозяйства и ремесленных изделий своих стран (кони, фрукты, вино, золотые и серебряные предметы и т. д.). На персепольских рельефах изображены представители всех подвластных Ахеменидам народов, которые ведут различных животных или несут разнообразные сосуды. Как полагает большинство ученых, на этих рельефах изображена доставка подарков или дани натурой персидскому царю по случаю новогоднего праздника (см. подробно: Дандамаев, Луконин 1980: 189, 192 сл.).

Афиней (Deipnosoph. IV, 145) со ссылкой на греческого историка Феоппа пишет, что всякий раз, когда персидский царь прибывает в какую-либо подвластную ему страну, ее жители собирают на обед двадцать и более талантов серебра, так как издревле для каждого города пропорционально его населению установлены помимо подати также и расходы на царский обед. Согласно Псевдо-Аристотелю (Оес. II, 3--5), персидский царь получал от наместников областей не только серебро, но и подать натурой. Еще больший интерес представляет сообщение Феоппа, что все имеющиеся в Ахеменидской державе продукты природы и ремесленные изделия (ковры, одежда, палатки, мебель художественной работы, золотые и серебряные сосуды, оружие), а также выючные животные и убойный скот, пряности, шелк и т. д. доставлялись персидскому царю в качестве подарков (см.: FrGrH II: 526 f. N 125).

Таким образом, вопреки утверждению Геродота, только часть ежегодной дани персидскому царю уплачивалась нечеканенным серебром, а остальное — оружием, драгоценными сосудами, скотом и т. д. Кроме того, Геродот (III, 91–92) сам отмечает, что Египет и Вавилония сверх денежных податей обязаны были выделять также значительное количество зерна для обеспечения

продовольствием войска, расквартированного в этих странах, а вавилоняне еще дополнительно снабжали царский двор евнухами. Ксенофонт (Оес. Г'У, 5) пишет, что наместники областей обеспечивали содержание размещенному в данной стране гарнизону и царь определял размеры продовольствия, которое каждая обложенная податью страна должна была выделять для прокормления воинов.

Согласно Геродоту (III, 94), Индийская сатрапия должна была ежегодно платить персидскому царю в виде дани 360 талантов (10,8 т) золотого песка. Но, по мнению Тарна, эта сатрапия никогда не была в состоянии платить такую громадную сумму (см.: Тамп 1938:108). Фогельзанг полагает, что под Индийской сатрапией у Геродота имеются в виду не только регионы среднего и нижнего течений Инда, но и вообще весь крайний северо-запад Индийского субконтинента (см.: Vogelsang 1989: 166 f.). Попутно отметим: в строительных надписях Дария I из Суз указано, что золото, которое использовалось для украшения царских дворцов в столице Ахеменидской державы, доставлялось из Бактрии (см.: Kent 1953: 142 f.). Вероятно, Бактрия была лишь промежуточным пунктом в транзитной доставке золота с востока на запад.

Кроме землевладельцев и арендаторов подати платили также ремесленники с доходов со своих изделий, а также другие лица. Например, один вавилонянин, получивший из храма определенную долю доходов, обязан был уплатить налог ячменем и финиками, «наложенный на него дворцом» (NRV 590).

За сбор податей были ответственны наместники областей, градоначальники и сельские старосты, а в провинциях, расположенных на границах державы, племенные вожди.

Поскольку подать надо было платить серебром, землевладельцам часто приходилось занимать деньги у ростовщиков, закладывая свои земли, и это в конечном счете приводило к разорению налогоплательщиков. Этот процесс особенно отчетливо проявляется в документах архива делового дома Мурашу, функционировавшего во второй половине V в. до н. э. в Ниппуре и на прилегавших к нему территориях. Дом Мурашу выдавал ссуду под залог земли, и если должник не в состоянии был погасить взятую им сумму, кредитор распорядился землей и платил государству налог с этой земли. Таким образом, дом Мурашу постепенно сосредоточил в своих руках уплату податей в значительной части Центральной Вавилонии. Но ахеменидская администрация вовсе не стремилась к такой практике, и дом Мурашу платил подати за других лиц на чисто частноправовой основе по просьбе самих налогоплательщиков и при этом не непосредственно в государственную казну, а выдавая соответствующие суммы налогоплательщикам, чтобы они сами вносили подати в казну. При этом Мурашу получал необходимое для уплаты налогов серебро, продавая продукты сельского хозяйства. Однако Мурашу и другие подобные ему дельцы не выполняли функций откупщиков податей, и в Ахеменидской державе откупа податей не существовало. Как известно, римские и другие откупщики податей собирали налоги по поручению центральной власти, приобретая у государства монополию на откуп. Они выплачивали государству заранее установленную сумму и лишь затем взимали ее с налогоплательщиков (см.: Cardascia 1951: 189–198).

Ряд вавилонских документов свидетельствует о том, что для уплаты государственных налогов приходилось продавать дома или землю (см., например: BIN I 118; Dar 323; UET IV 60). Часто должники не в состоянии были выкупить их и становились безземельными наемными работниками.

Иногда налогоплательщикам приходилось занимать деньги под залог членов семьи. Как свидетельствует Книга Неемии (V: 3–5), в Иудее многие занимали серебро для уплаты податей персидскому царю, отдавая своих сыновей и дочерей в рабство. Жители Иудеи жаловались, что они не имеют возможности выкупить своих детей из рабства, а также виноградники и поля у кредиторов.

Подати, установленные Дарием, были довольно умеренные, однако произвол провинциальных чиновников разорял налогоплательщиков. Кроме того, суммы этих податей оставались неизменными до конца существования Ахеменидской державы, несмотря на значительные экономические изменения, которые происходили в подвластных персам странах. Например, Геродот (VI, 42) пишет, что жители Малой Азии начиная с 492 г. до времени, когда он писал свой труд (приблизительно 425–415 гг.), платили тот же налог, который был установлен Артафреном, персидским сатрапом Лидии, еще в период правления Дария I. Когда в IV в. до н. э. афиняне захватили некоторые малоазийские города, они оставили размер податей без изменений. Подобным же образом поступил позднее и Александр Македонский, покорив страны Ахеменидской державы.

Еще необходимо сказать несколько слов об одной специфической группе налогоплательщиков, а именно о царских колонистах и о зависимых от государства группах населения. При Ахеменидах широко применялась (по крайней мере, в Вавилонии) такая система землепользования, когда царь сажал на землю своих воинов, которые обрабатывали выделенные для них наделы коллективно, целыми группами, отбывали воинскую повинность и платили определенную денежную и натуральную подать (мукой, пивом, овцами и т. д.).

Такая организация землепользования называлась *хатру*. Кроме военных колонистов ею были охвачены также некоторые группы ремесленников (например, кожевники, плотники и т. п.), пастухов, купцов, писцов и т. п., равно как и работники царского хозяйства и имений царской семьи. В документах архива дома Мурашу (вторая половина V в. до н. э.) в окрестностях Ниппура упоминаются 67 хатру, охватывавших в каждом случае много наделов. Во главе хатру стояли специальные чиновники, которые управляли территорией, где была размещена та или иная группа воинов или зависимого от государства населения, собирали царские подати и сдавали их в казну.

Денежные подати особенно отрицательно сказывались на хозяйствах рядовых воинов, так как последним для их уплаты приходилось прибегать к помощи ростовщиков.

Как отмечено выше, некоторые народы Ахеменидской державы были освобождены от повинностей, но обязаны были доставлять персидским царям подарки. По утверждению Геродота (III, 97), персы как господствующий народ были освобождены от уплаты податей. Хотя среди данников на персепольских

рельефах персы и не изображены и они не платили денежных налогов, тем не менее они обязаны были вносить натуральные подати. Так, некоторые документы, составленные в Персеполе в правление Дария I, фиксируют прием мелкого скота и ячменя, сданных в качестве государственных податей на территории самой Персии. Среди податей в этих документах упоминается также вино (см.: Koch 1989: 121 f.). По мнению Визехёфера, в рассказе Геродота о податях Персия не упоминается по той причине, что уплата налогов символизировала признание верховной персидской власти народами державы (см.: Wiesehofer 1989: 184). Херреншмидт полагает, что древнеперсидский термин *bāji-*, обозначающий подать, имел два различных оттенка, а именно: «доля царя», которая причиталась ему с собственно персидской территории, и «подать» покоренных народов (см.: Herrenschildt 1989: 107 f.). Само собой разумеется, что имения, принадлежавшие персидскому царю и его семье, были освобождены от уплаты налогов. Как мы видели выше, с земельных наделов, которые выделялись ахеменидской администрацией для воинов, зависимых групп населения и гражданских чиновников из государственного фонда, необходимо было платить подати.

Остается сказать еще несколько слов о статусе имений персидских вельмож. По мере захвата новых земель ахеменидская администрация отбирала у покоренного населения часть земли и притом, по-видимому, самую плодородную. Эту землю Ахемениды раздавали большими поместьями в полномочное и наследственное владение членам царской семьи, друзьям и сотрапезникам царя и другим представителям персидской знати. Источники сохранили сведения о многих крупных земельных владениях, принадлежавших персидской знати в Египте, Сирии, Финикии, Вавилонии, Малой Азии и др. Как мне представляется, собственники этих земельных владений были освобождены от уплаты государственных податей, но во время войн они обязаны были поставлять определенное число вооруженных воинов (ср.: Хен., Сувор. VIII, 8, 20). Столпер высказал мнение, что имения в Вавилонии, пожалованные персидским царем его придворным, не были освобождены от податей хотя бы потому, что такие имения включали наделы воинов и государственных работников, с которых уплата налогов была обязательной (см.: Stolper 1985: 68). Однако вряд ли поместья, пожалованные царем персидской знати, облагались налогами. Во всяком случае, из Вавилонии сохранились сотни квитанций об уплате царских податей, и в них нет даже намека относительно того, что персидская знать вносила какие-либо налоги. Правда, некоторые персидские царевичи и чиновники высокого ранга имели под своим надзором земли, принадлежавшие тем или иным хатру. Однако хотя владельцы наделов в этих хатру и были подчинены управляющим персидских чиновников, сами наделы тем не менее не составляли органической части их имений. Другими словами, подать уплачивалась лишь с земли хатру, находившейся в ведении представителей персидской знати, а не с имений последних.

Огромные земельные владения (иногда целые области) с правом наследственной передачи получали и так называемые благодетели царя, оказавшие последнему важные услуги. Трудно с полной уверенностью сказать, были ли такие территории освобождены от уплаты царских податей или же население этих

городов и деревень содержало своих владельцев сверх уплаты дани царю (наряду с поставкой определенного числа вооруженных воинов).

Кроме прямых податей царь получал также пошлины и другие налоги деньгами и натурой (портовые, рыночные пошлины и т. д.). Например, «египтянин Бел-иддин (однако имя его вавилонское. — М. Д.), инспектор по пошлине», взыскал с одного вавилонянина 4 мины 5 сиклей серебра (NRV 575). За пользование причалом была уплачена пошлина в 70 кур (12 600 л) ячменя (Dag 268). В другом случае «пошлина дому царя» за пользование причалом «по закону царя» составила 17 кур (3060 л) ячменя, 3 кур 3 пан (648 л) эммера и 2 пан 2 сут (84 л) горчицы (NRV 681). Эту сумму уплатили несколько лиц. Пошлину необходимо было платить также за проход кораблей по судоходным каналам, за пользование некоторыми мостами и т. д. (Peek 18; TCL IX 147; TCL XIII 196, 232 и др.).

Псевдо-Аристотель (Оес. II, 4) пишет, что государственные доходы в Персидском государстве складывались, в частности, из пошлин, продуктов скотоводства и других источников, хотя самым значительным из них был налог с земли. Далее в том же трактате упоминаются портовые сборы, ввозные пошлины, рыночные пошлины, десятина со скота, подушный налог и налог на ремесленные изделия.

В IV в. до н. э. в период многочисленных восстаний против персидского господства сбор налогов иногда превращался в прямой грабёж и насилие. Согласно египетским источникам, в саисский и персидский периоды подати были настолько тяжелы, что земледельцы, не будучи в состоянии их платить, бежали в города, но царские чиновники захватывали их и насильственно возвращали обратно (см.: Seidl 1968: 31). Согласно так называемой Демотической хронике из Египта, после захвата этой страны «мидийцами» (т. е. персами; по-видимому, имеется в виду покорение Египта Артаксерксом III в 342 г. до н. э.) страна и острова наполнились плачем, в египетских домах не осталось людей, «мидийцы» отбирали дома египтян и жили в них (см.: Spiegelberg 1915: стб. III, 18–23; IV 1–13; V, 1). Хотя в Египте налоговое бремя всегда было велико, до захвата страны персами фараоны тратили собственные средства на месте, а Ахемениды стали увозить их в Иран.

Однако, возможно, что египетские источники значительно преувеличивают «ужасы» персидских контрибуций. Во всяком случае, лучший знаток ахеменидского Египта Брешиани считает, что в персидское время суммы податей в Египте не были слишком тяжелыми и не являлись причиной восстаний в этой стране в V в. до н. э. (см.: Bresciani 1989: 29 f.). Как полагали в течение долгого времени ассириологи, Вавилония при Ахеменидах была разорена из-за налогового пресса, и одним из результатов такого разорения было отсутствие в стране достаточного количества серебра, игравшего роль денег. Однако недавно Столпер пришел к выводу, что экономическое развитие Месопотамии продолжалось и в позднеахеменидское время, восстанавливались давно запущенные земли и сооружались новые каналы для ирригации, и нет также оснований говорить о недостатке в стране серебра (см.: Stolper 1989:150).

II. Храмовая десятина

Самым распространенным видом храмовой подати была десятина, которая существовала во многих странах Ближнего Востока и античного мира, хотя египетские, ассирийские, древнегреческие свидетельства, библейские упоминания и документы из дохалдейской Вавилонии, а также раннесредневековые источники содержат о десятине довольно скудные данные, не дающие достаточно ясного представления об этом налоге.

Согласно Библии, ежегодно десятую часть всех продуктов земли (зерно, вино, растительное масло и т. д.), а также крупного и мелкого скота надо было отчислять в качестве храмовой подати (*ma'āsēr*) на содержание культа в Иерусалимском храме и для благотворительных целей (см.: Num XVIII: 21, 24, 26, 28; Lev XXVII: 30–33; Deut XIV: 12; XXII: 23; Ezra XX: 37; XXXIV: 12 и т. д.; ср.: Weinfeld 1971: col. 1156 f.). Но в некоторые периоды истории Древнего Израиля десятина, по-видимому, взималась царем и расходовалась частично или преимущественно на содержание государственного аппарата (I Sam. VIII: 15–17). Неясно, платили ли ремесленники десятину со своей продукции, и если платили, то в какой форме.

Египетский царь Нектанеб (378–360 гг. до н. э.) издал декрет, согласно которому храм богини Нейт в Саисе, столице страны, стал получать десятину золотом, серебром, шерстью, строительным лесом и ремесленными изделиями, а также импортными товарами, вводя, таким образом, десятину в ее наиболее законченном виде. Но сын Нектанеба Тахос превратил эту десятину в налог в пользу государства (см.: Olmstead 1948: 403 f., 418).

Южноарабские надписи II–III вв. до н. э. из Мариба сообщают, что десятая часть доходов с финиковых рощ и пахотной земли расходовалась для изготовления бронзовых статуй богам (см.: Jamme 1962: 112, 118, 154 и 161. N 615, 650, 696).

Перейдем к рассмотрению данных о храмовой десятине, которые содержатся в вавилонских документах. Пока издано немногим более двухсот документов, содержащих сведения об этом виде налога (часть их дана в транслитерации и переводе в статье (Дандамаев 1965: 17 сл.). Преобладающая часть их относится к VI в. до н. э., когда наблюдался наибольший расцвет храмовых хозяйств Вавилонии. В этот период храмы стали крупными рабовладельцами, землевладельцами и домовладельцами. Кроме того, храмы владели большим количеством скота и птицы. Наконец, храмы вели ростовщические операции и занимались торговлей.

В вавилонских текстах храмовая десятина называется «*ešrū*». Эти тексты были составлены в городах Сиппаре, Уруке, Уре, Борсиппе, Вавилоне и еще в ряде более мелких населенных пунктов. Наибольшее количество документов происходит из Сиппара и Урука, откуда сохранились огромные архивы храмов Эббара и Эанна. Кроме того, десятину получали храмы богов Энлиля в Ниппуре (Экур), Сина в Уре (Экишнугаль), Мардука в Вавилоне (Эсагила), Набу в Борсиппе (Эзида) и другие более мелкие святилища.

Десятина уплачивалась ячменем, эммером, финиками, сезамом, вином, растительным маслом, чесноком, шерстью, одеждами, мелким и крупным рогатым скотом, овцами, птицей, рыбой, деревьями (например, кипарисом), металлическими изделиями и серебром. Насколько можно проследить по документам, десятину золотом платили лишь цари и то только в нововавилонский период, т. е. до захвата страны персами в 539 г. до н. э. Иногда одно и то же лицо платило десятину одновременно ячменем, финиками, скотом и льном. В ряде случаев десятина ячменем и финиками заменялась денежным эквивалентом (см., например: Суг 53; Nbn 384) или скотом (Nbn 659), вероятно, по соглашению между налогоплательщиком и соответствующим храмом. Но, кроме того, нередко приходилось покупать за деньги ячмень, финики и откормленный скот, чтобы отдать их в качестве десятины. В некоторых документах указывается, что десятина должна быть уплачена меркой соответствующего храма или же меркой определенного объема.

Ряд документов содержит сведения о том, для каких целей храмы использовали поступавшую к ним десятину. Ячмень, финики и другие продукты расходовались в качестве продовольствия для храмового персонала, на финансирование различных храмовых предприятий, а также на содержание храмовых тюрем и на жертвоприношения. Иногда храмы давали ячмень и другие продукты, полученные в качестве десятины, займы под проценты или же передавали купцам и ремесленникам для торговых и кредитных операций.

Десятину собирали специальные лица, которые носили титул «человек по десятине» и были значительными чиновниками. Их назначали из представителей храмовой администрации пожизненно или, по крайней мере, на значительный период времени (например, некий Цилла работал сборщиком не менее одиннадцати лет, с 540 по 529 г. (см.: Nbn 985; Camb 76). Документы упоминают более сорока сборщиков десятины, причем некоторые из них имели в своем распоряжении определенное количество работников.

По-видимому, право храма на взимание десятины распространялось на значительную территорию. Например, один документ свидетельствует о том, что три человека, которые были посланы из Урука в область Пукуду для сбора десятины серебром, получили в качестве дорожного продовольствия 18 л муки, т. е. по 6 л на каждого. Вероятно, эта область была расположена на расстоянии нескольких дней ходьбы или езды от Урука, в храм которого надо было сдать десятину. Хотя обычно в каждой области были свои сборщики десятины, старейшины, наместники городов и областей следили за своевременной и точной уплатой десятины, давали в необходимых случаях свои указания и принимали участие в установлении размера этого налога.

Десятину платили все жители страны, в том числе до завоевания страны персами также цари и члены их семей. Каждый уплачивал ее со своих доходов тому храму, близ которого он жил. Во всяком случае, документы показывают, что десятину платили землевладельцы, арендаторы, пастухи, садовники, а также пекари, рыбаки, различные чиновники, счетоводы, надзиратели над каналами, наместники областей (см., например: СТ LV 315) и, наконец, жрецы (СТ LV 610).

К сожалению, документы содержат очень мало сведений об уплате десятины ремесленниками. Но все же, судя по скудным и не всегда хорошо сохранившимся

ся данным, десятину платили также кузнцы, ткачи (Nbk 278) и гончары. Правда, согласно документам, гончар уплатил десятину с поля, арендованного у храма (Суг 204), а кузнец, кажется, внес десятину за другое лицо (Самб 327). Остальные жители страны платили десятину с садов и полей, с пастбищ, с приплода скота, овечьей шерсти, с арендованных участков земли и с других доходов. Если арендованная земля принадлежала храму, последний кроме десятины получал, само собой разумеется, также и арендную плату.

Большой интерес представляет вопрос о том, уплачивалась ли десятинна с любой земли или же имелась специальная категория земли, которая облагалась таким налогом. Если учесть, что, во-первых, при аренде земли часто оговаривается необходимость уплаты десятины, а, во-вторых, ее платили и с наделов, принадлежавших царским военным колонистам, и с земли тех или иных жителей страны, то напрашивается вывод: десятину необходимо было платить с любой земли, которая находилась в собственности отдельных лиц, а также с доходов, получаемых арендаторами частновладельческих и храмовых полей. Однако в некотором противоречии с таким выводом находится факт, что три документа упоминают специальную десятинную землю *bit ešrū* (BE IX 45: 25–26; TCL XII 73: 3; UET IV 138: rev. 5–7). Согласно двум первым из них, земля была отдана в аренду, причем в одном случае она принадлежала частному лицу, а в другом — храму. Третий документ сохранился плохо, и из него можно только понять, что речь идет о выдаче зерна пекарям. При аренде земли в документах не всегда оговаривается необходимость уплаты десятины. Это, вероятно, можно объяснить тем, что такая уплата, хотя и была обязательной, производилась, как правило, после снятия урожая, когда он был уже подсчитан. Однако нередко землевладельцы или сами арендаторы настаивали, чтобы размер арендной платы был определен заранее. В таких случаях заранее фиксировался и размер десятины.

Пока еще не полностью ясно, соответствовала ли десятинна в действительности десятой части урожая, приплода скота или других доходов или же носила более условный характер. Во всяком случае, та скромная подать, которую платили храмам цари (от 8 мин серебра до 6 мин золота; см.: Nbn 2 и 521) и их сыновья (1 вол и 6 овец или 1 мина серебра; см.: GCC I 322; Nbk 372, 393; YOS VI 233; Nbn 272, 1043), вряд ли составляла десятую часть их имущества. По отношению к арендной плате с полей десятинна составляла от 9 до 15% и, вероятно, соответствовала приблизительно десятой части доходов арендаторов.

Упомянутые в документах лица (преимущественно земледельцы) платили в денежном исчислении от 8 сиклей до 2 мин серебра. Арендаторы платили в среднем от 7 (1260 л) до 70 кур (12 600 л) ячменя или фиников (в денежном исчислении от 17 сиклей до 3 мин серебра). Согласно документу TCL XIII 163, пять поименно названных рыбаков поклялись перед чиновниками храма Эанна в Уруке в том, что они будут приносить богине Иштар десятую часть рыбы, которую они выловят в каналах Урука.

В тех случаях, когда можно проверить, размер десятины одних и тех же лиц в разные годы, если не брать во внимание царей, значительно не различался (см., например: Nbn 362 и 741, соответственно от 547 и 544 гр.).

Уплата десятины, как правило, производилась в конце или начале года по вавилонскому лунному календарю, т. е. в месяцы аддар (февраль—март) или нисан (март—апрель), хотя нередко шерсть, финики и ячмень вносили осенью, т. е. после стрижки овец и сбора урожая. Десятина скотом уплачивалась весной, т. е. после появления приплода.

Иногда десятину вносили, судя по документам, и в середине года, но это, по-видимому, объясняется тем, что уплата не была произведена в установленный срок. Когда те или иные лица не в состоянии были своевременно уплатить десятину, они, по крайней мере иногда, получали отсрочку. Так, один человек не смог уплатить полностью свою десятину за два года, поэтому был составлен документ, где зафиксировано его обязательство погасить задолженность храму через восемь месяцев (BIN I 109). За несвоевременное внесение десятины храмовая администрация взыскивала проценты. Часто для уплаты десятины приходилось занимать финики, ячмень и деньги, закладывая дома или сдавать их в аренду, продавать рабов и т. д. (см., например: Nbk 430). Иногда десятину уплачивал кредитор, который затем взыскивал эту сумму с должника. Нередко должникам, не уплатившим десятину в установленный срок, приходилось искать поручителей, которые взяли бы на себя определенную ответственность за то, что к новому сроку, указанному администрацией храма, десятина будет внесена. В тех же случаях, когда то или иное лицо оказывалось вообще не в состоянии уплатить десятину, ему приходилось отдавать младших членов семьи в храм, где они обращались в храмовых рабов или, по меньшей мере, работали там до полного погашения задолженности (GCC I II 113).

Рассмотренные выше данные находятся в явном противоречии с мнением Олмстеда, согласно которому в Вавилонии VI в. до н. э. ежегодная десятина уплачивалась государству, а не храму (см.: Olmstead 1948: 75). Мейсснер со ссылкой на документы Nbn 119, 185 и 290 (все они относятся ко времени правления Набонида) также полагал, что от урожая земли государство получало десятину (см.: Meissner 1920: 130). В двух последних документах нет ни слова о царе, и толкование Мейсснера вызывает сомнение. Оба документа происходят из храмового архива в Сиппаре, и в № 185 говорится, что сборщик десятины Цилла сдал налог на храмовый склад в Сиппаре, а не на дворцовый. Ксгати, гот же самый Цилла упоминается как сборщик десятины в храме Эбббара и в других синхронных текстах (Camb 76 и др.). Документ № 290 свидетельствует о выдаче одежды сборщиком десятины, но оснований видеть здесь государственный налог нет. Сложнее обстоит дело с интерпретацией документа № 119, где говорится о десятине царя с ячменя в городе Хабуру. Однако здесь, судя по контексту документа, речь идет о десятине, которая была уплачена царем храму Эбббара в городе Сиппаре. В тексте говорится, в частности, о том, что царь выдал 37 мин серебра для работы в храме Эбббара (с. 12–13) и что два поименно названных лица внесли 8 мин 30 сиклей серебра в качестве десятины царя за ячмень в городе Хабуру (с. 13–14), и наконец, в документе отмечается поступление 1 мины 10 сиклей серебра в качестве пошлины за вход в ворота указанного храма (с. 19). И в конце текста подводится итог: всего поступило в доход храма 50 мин серебра (с. 20). Следовательно, десятина была уплачена в сокро-

вищницу храма, а не царя. В этой связи гораздо большего внимания заслуживает другой документ, также относящийся ко времени Набонида, а именно Nbn 899, хотя Мейсснер и не ссылается на него. Согласно этому тексту, сборщик десятины сдал ячмень на царский склад. Но здесь, по всей вероятности, речь идет не о собственно царской десятине, а о части доходов, которые отчислялись с храмовых поступлений дворцу, уплата же их в данном случае была поручена сборщику десятины.

Как полагал Сан-Николо, правом устанавливать налоги пользовался лишь царь, а храмы собирали налоги с определенных земель только по его разрешению (см.: San Nicolò 1928: 7 сл.). Мне представляется, что в период наивысшего расцвета при халдейских царях вавилонские храмы получили право сбора десятины как обязательного налога, причем сами цари и члены их семей также не уклонялись от ее уплаты. Но позднее в структуре храмовых податей произошли значительные изменения. Уже при последнем халдейском царе Набониде в храмах была создана специальная «касса царя», куда отчислялась часть храмовых доходов. За поступлением этих налогов в царскую казну следили специальные государственные чиновники, которые при Набониде были введены в состав храмовой администрации. После захвата Вавилонии персидский царь Кир II не отменил реформ Набонида, направленных на ограничение храмовой собственности. Кроме того, хотя размер десятины с частных лиц оставался прежним, сами персидские цари не стали платить ее. При Ахеменидах храмы должны были нести повинности и платить государству подати, посылая своих рабов для выполнения царских работ и отдавая часть своих доходов для содержания царского двора (см. подробно: Дандамаев 1966: 20 сл.). Имеются основания полагать, что по всей Ахеменидской державе храмы, как правило, платили подати и выполняли государственные повинности, но некоторые храмы получали от царей привилегии и занимали особое положение. Как известно, к числу привилегированных святилищ относился и Иерусалимский храм (ср. Ezra V). Сохранился также эдикт Дария I с повелением не взимать налоги с храма Аполлона в Марнесии (Малая Азия) и не привлекать земледельцев этого храма для обработки царской земли, поскольку оракул этого бога предсказал персам победу, очевидно, во время их войны с лидийцами (см.: Dittenberger 1915. N 22).

После выхода в свет данной статьи была опубликована работа М. Юрсы о храмовой десятине в Вавилонии (Jursa M. 1998). Его выводы значительно расходятся с моими. Я предполагаю в дальнейшем вернуться к рассмотрению этой темы.

III. Государственные повинности

На протяжении всей древней истории Ближнего Востока подданные привлекались для выполнения общественных и государственных работ (сооружение каналов и уход за ними, строительство дорог, храмов, дворцов и т. д.). В Вавилонии в первой половине VI в. до н. э. (при Навуходоносоре II и Набониде) для

таких работ стали широко привлекать и жителей покоренных стран. В одной из своих надписей Набонид говорит о созыве вавилонян для ремонта храма Эбб-бара в Сиппаре (см.: Langdon 1912: 234 сл.). В библейском «Плаче Иеремии» (V: 5, 8, 13) рассказывается о том, что иудейские юноши, будучи в вавилонском плену, не знали отдыха и были обречены молотить зерно и стонать под тяжестью вязанок дров.

Кроме уплаты податей подданным Ахеменидской державы приходилось отдавать своих детей для выполнения домашних работ на персидских царей, например в качестве пекарей, поваров, виночерпиев, евнухов и т. д. Существовали также различные другие повинности. Например, в вавилонском контракте, составленном в 525 г. до н. э., отмечается, что владелец «зерновых полей (обязан нести) царскую повинность» (ЕКВК 31). Документ из Ниппура, фиксирующий раздел поля между несколькими лицами, содержит оговорку о том, что «каждый (из землевладельцев) будет служить царю со своей доли» земельного участка (TCL XIII 203). Если в обоих этих текстах повинность выражается термином *ікк*, в других вавилонских документах употреблены выражения «работа на дворец», «работа на царя» или «служба царю» (см., например: BE X 15; CT XXII 244).

Во время важнейших военных походов все народы Ахеменидской державы обязаны были выделять определенное число воинских контингентов. Например, в труде Геродота (VII, 61–88) содержится достоверный перечень войска Ксеркса во время его похода на Грецию, в котором участвовали представители многих десятков народов державы. Наглядную картину таких военных повинностей дает письмо одного вавилонянина, который жалуется, что он стар и уже в течение двух лет болеет, а всех его сыновей царь взял в поход (BIN I 83).

Другие клинописные документы свидетельствуют об отправлении вавилонян для несения военной повинности в соседние страны. Например, в 510 г. до н. э. один вавилонянин взял в долг 30 кур (5400 л) фиников и 30 сиклей серебра, заложив зерновое поле и финиковую рощу. При этом «серебро было дано для (выполнения) военной повинности в Эламе» (Dar 308). Мать другого вавилонянина, который должен был отправиться из Сиппара в Элам, внесла начальнику своего сына определенную сумму денег, предназначенную для расходов во время службы в Эламе в 513 г. до н. э. (NRV 559). Один из членов известного делового дома Эгиби, который должен был отправиться из Вавилона для несения военной повинности в качестве колесничего в Элам, нанял вместо себя другого человека, уплатив ему за выполнение 6-месячной службы 50 сиклей серебра (Dar 154). Далее, три вавилонянина выдали другим лицам деньги, осла, 12 одежд, 12 панцирей и 24 пары обуви, чтобы те несли за них военную повинность в течение трех лет (Dar 253). В 516 г. до н. э. один вавилонянин занял 25 сиклей серебра для снаряжения в «царский поход» (Dar 156).

По свидетельству Геродота (III, 97), персы как господствующий народ в Ахеменидской державе занимали особое, привилегированное положение и были освобождены от принудительных работ. Это подтверждается и ахеменидскими надписями, в которых Персия не включена в перечень стран, выполнявших государственные повинности. Особенно наглядно это видно из надписей Дария I

о сооружении нескольких дворцов в Сузах, столице его державы. Согласно этим надписям, вавилоняне были заняты на земляных работах, формовали кирпичи и высекали рельефные изображения, сирийцы и ионийцы доставляли кедр с ливанских гор, ионийцы тесали камень, египтяне и мидяне выполняли ювелирные работы, лидийцы и египтяне тесали дерево (см.: Kent 1953:142 f.). В отличие от этих и других народов персы были освобождены от строительных работ.

БАВИЛОНСКИЙ НАЛОГОВЫЙ ДОКУМЕНТ ВРЕМЕНИ БАРДИИ⁵³

Как известно, с 11 марта до 29 сентября 522 г. до н. э. в Персии и подвластных ей странах Ахеменидской державы царская власть находилась в руках Бардии. Согласно Бехистунской надписи, это был самозванец, а именно мидийский маг по имени Гаумата, который выдавал себя за Бардию, сына персидского царя Кира, и который позднее был убит Дарием I и его сообщниками (Schmitt 1991: 50–53). По версии Геродота (III, 61–63), самозванца звали Смердис и он был очень похож на сына Кира, носившего то же самое имя Смердис. Геродот (III, 67) также пишет, что во время своего 7-месячного правления Смердис сделал много добра подданным, и в частности освободил их на три года от военной повинности и налогов. Из Вавилонии известны 36 документов, датированных по его царствованию. В этих текстах он назван «Барзия, царь Вавилонии, царь стран». Таким образом, он носил официальный титул ахеменидских правителей. О его личности и политике в научной литературе написано достаточно много, и поэтому нет необходимости останавливаться здесь на этом. Однако вне поля зрения исследователей остался вавилонский документ BE VIII 100, изданный еще в начале XX века (Clay 1908; транскрипцию и перевод см.: Graziani 1991:32–33) и проливающий определенный свет на сообщение Геродота об отмене Смердисом военной повинности и налогов. Ниже этот текст дан в переводе.

«3 сикля серебра (являются) налогом за 1-й год Барзии, царя Вавилонии и стран, (за период) от месяца улулу 1 года до улулу 2 года. Налог, подлежащий с Белии, сына Мушезиба, получил Шамаш-эриба, сын Нинурта-ах-иддина, из рук Арад-Гулы, сына Шамаш-икиши.

Свидетели (имена двух человек). Писец: Шамаш-эриба, сын Нинурта-ах-иддина. Ниппур, 13-й день месяца улулу 1 года Барзии, царя Вавилонии (и стран)».

Рассмотренный документ был составлен в Ниппуре, по юлианскому календарю, 3 сентября 522 г. до н. э., т. е. за 26 дней до убийства Бардии Дарием и его сподвижниками. Как видно из текста, некий Белия для уплаты своего годового налога прибег к помощи Арад-Гулы, сына Шамаш-икиши. Деньги (3 сикля серебра) были выданы последним Шамаш-эрибе, сыну Нинурта-ах-иддина. Как следует из текста, этот Шамаш-эриба был писцом данного документа и, по-видимому, выполнял официальную роль. Белия, сын Мушезиба, нам не известен

⁵³Заметка ранее не публиковалась.

из других источников, но его кредитор Арад-Гула, сын Шамаш-икиши, упоминается в ряде текстов из Ниппура и его окрестностей, составленных в период от 17-го года правления Набонида до 1-го года правления Барзии (539–522 гг.). Рассмотрим кратко эти тексты в хронологическом порядке.

По свидетельству BE VIII 55, некий Гимиллу, сын Балассу, получил от Арад-Гулы, сына Шамаш-икиши, 30 сиклей серебра. Эта уплата была произведена по поручению наместника (*šandabakku*) Ниппура Ширикти-Нинурты, и указанные 30 сиклей серебра являлись остатком долгового обязательства на 120 кур (1 кур = 180 л) [ячменя] за 10-й [+6?]F год правления Набонида. По-видимому, ячмень предназначался для уплаты какого-то налога. Ширикти-Нинурта был наместником Ниппура начиная с последнего года правления Набонида вплоть до вступления на престол Дария I (539–521 гг.) (Stolper 1988:129–130). В BE VIII, 87 Арад-Гула назван агентом (*mār šipri*) этого Ширикти-Нинурты (527 г.), по распоряжению которого он задержал какого-то человека.

BE VIII 60 фиксирует выдачу Арад-Гулой двух кур фиников для оплаты долгового обязательства третьего лица. BE VIII 71 — сильно разрушенный текст, в котором Арад-Гула выступает кредитором. В BE VIII 88 он является должником 20 кур ячменя, который необходимо было уплатить меркой кредитора (см. также плохо сохранившийся BE VIII 89). Согласно BE VIII 99, Арад-Гула уплатил 5 сиклей серебра в качестве годового налога (*ilku*) другого лица (имя его частично разрушено). Уплата была сделана через некоего Куддая, сына Талима.

Наконец, BE VIII 101 содержит обязательство некоего Нинурта-аххе-иддина привести к определенному сроку в Ниппур Иддин-Набу, сына Иштар-надин-ахи, и передать его Арад-Гуле, сыну Шамаш-икиши, а в противном случае погасить полностью долг, числившийся за самим Нинурта-аххе-иддином, Иштар-надин-ахи, отцом Иддин-Набу, и еще за одним должником. Как видно из текста, кредитором являлся не сам Арад-Гула, а некий Нидинту, а Арад-Гула, очевидно, находился в деловых отношениях с последним. Документ был составлен в Ниппуре 15 улулу 1-го года правления Барзии, т. е. через два дня после рассмотренного выше BE VIII 100.

Как можно судить из рассмотренных текстов, Арад-Гула был не только кредитором, который по просьбе других лиц уплачивал их государственные налоги, но также, по крайней мере в течение какого-то времени, и агентом наместника Ниппура и, таким образом, занимал вполне официальное положение.

Точно определить значение термина *ilku*, который выше переведен как «налог», трудно. В более ранние периоды истории Вавилонии это слово обозначало повинность, которую должны были выполнять люди, владевшие земельными наделами, полученными от царской администрации (CAD 1960: 73, 80). В арамейской приписке к одному вавилонскому документу V в. до н. э. аккадское *ilku* передано как *halāka*, которое в более позднее время обозначало «налог»⁵⁴. По-видимому, такое переосмысление термина произошло еще в ахеменидское время. Во всяком случае, исследуя документы архива известного дома Мурашу

⁵⁴ Ibid: 80. Там же приведены ссылки на более раннюю литературу.

(Ниппур, вторая половина V в. до н. э.), Столпер переводит *ilku* как «налог» (*tax*) (Stolper 1985: 25, 62, 114).

Очевидно, рассмотренный выше документ BE VIII 100 не подтверждает сообщение Геродота об отмене налогов и военной повинности на три года, а скорее заставляет относиться критически к этому сообщению. Поэтому при оценке рассказа отца истории о Смердисе не следует упускать из виду свидетельство этого вавилонского текста.

ТАМОЖЕННАЯ ПОШЛИНА В ВАВИЛОНИИ 1-го ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.⁵⁵

Наши документальные свидетельства о налогах в Месопотамии до ее захвата персами в 539 г. до н. э. очень скудны, а их виды и размеры остаются почти полностью не известными нам (см. Orpenheim 1964, reprint 1977:103). Начиная с ахеменидского времени наша информация о вавилонских налогах становится более разнообразной и пространной. В этой статье рассматриваются таможенные пошлины в нововавилонское и ахеменидское время. Они обозначаются терминами *mīksu* и *mašīru*. Первый из них засвидетельствован еще с ранних периодов месопотамской истории. В старовавилонское время им обозначали долю урожая с поля, а также «пошлины, уплачиваемые с различных товаров», включая «десятипроцентный налог на коммерческую деятельность» (Ellis 1976:149). В новоассирийских текстах пошлина обозначается словами «плата за пересечение причала и восторг» (см., например: Kataja, Whiting 1995 35, rev. 23). В вавилонских документах 1-го тысячелетия *mīksu* обозначало таможенные пошлины (см.: CAD M/I: 65). Что же касается слова *mašīru*, оно было заимствовано из арамейского языка и обозначало пошлину за прохождение судов через понтонные мосты (Soden 1966:19; CAD M/I: 232).

Теперь рассмотрим вавилонские юридические, хозяйственные и административные документы.

В ряде текстов, составленных между 39-м годом правления Навуходоносора II (566 г.) и 1-м годом правления Набонида (555 г.) в пригородах Вавилона Бит-таб-Бел и Тил-Гула, упоминается чиновник царского таможенного участка⁵⁶ Гимиллу, сын Шамаш-зер-ибни из рода Син-шадуну. В Nbk 357 отмечается, что некий Ширигту, сын Нуреа из рода Даннеа, обязан уплатить в месяце симану 566 г. 6 (?) сиклей серебра упомянутому Гимиллу в качестве таможенной пошлины на чеснок. По свидетельству Nbk 358, два человека должны были уплатить этому Гимиллу в месяце симану 565 г. пошлину в 9 сиклей серебра. Как видно из Nbk 389, с другого человека (Набу-ушаллим) причиталась пошлина в 28 сиклей серебра, которую необходимо было внести в аддару 564 г. В том же самом году Гимиллу получил в Вавилоне с двух лиц 6000 связок чеснока (Liverpool. N 21),

⁵⁵ Перевод «Customs Dues in First-Millennium Babylonia» (R. Dittmann et al. (eds.), *Variatio Delectat: Iran und der Westen. Gedenkschrift für Peter Calmeyer* (AOAT 272, 2000). P. 215–222).

⁵⁶ *Rab kāri ša šarri*. См., например: AOATS 4, N 59: 3–4; ср.: CAD K: 239. О текстах относительно этого Гимиллу см.: CM III/1, к которым следует добавить FCL XII 63 (см. ниже).

а в следующем году предполагалось доставить ему еще 5500 связок. Уплату необходимо было произвести в месяцу ду`узу в Вавилоне, но сам документ об этом был составлен на Борсиппском канале в Бит-таб-Бел (Nbk 397). В 563 г. еще одна партия чеснока была передана Гимиллу в Тил-Гула другим плательщиком (Waerzeggers 2005: 135. N 1). В нисану 561 г. этому же таможеннику было вручено 50 сиклей серебра упомянутым выше Набу-ушаллимом. Кроме того, последний был обязан доставить еще 3500 связок чеснока «хорошего качества» как пошлину с судна своего контрагента Бунене-ибни (AOATS IV 59).

В нисану того же года некий Курбанни-Мардук уплатил Гимиллу 17 сиклей серебра (AOATS IV 59). Как видно из AOATS IV 29 (ср.: СМ III/2: 54), Лабаши, раб того же надзирателя над таможней в Бит-таб-Бел, обязан был передать 80 кур (14 400 л) ячменя, 25 000 связок чеснока и 30 сиклей серебра упомянутому выше Набу-ушаллиму и Мадану-шум-иддину, сыну Зерия из рода Набая. Очевидно, Гимиллу инспектировал судно, принадлежавшее этим людям, и принял полагающуюся пошлину, а затем Лабаши вернул этим предпринимателям их товар. ТСЛ XII 63 фиксирует обязательство некоего Шузубу уплатить Гимиллу 23 сикля серебра до конца месяца симану 555 г. Последний раз Гимиллу упоминается в Nbn 30, составленном в Тил-Гула в 555 г., где содержится подтверждение, что упомянутые Мадану-шум-уцур и Набу-ушаллим уже уплатили пошлину в 32 сикля серебра. В этом тексте у Гимиллу появляется титул «надзиратель над царской таможней в Алу-ша-цилли-Эа», которая, очевидно, была расположена около Тил-Гула (СМ III/2: 80).

По-видимому, следующим начальником царской таможни в Тил-Гула был Шум-укин, сын Аплайя из рода Строителей, который упоминается лишь в одном тексте с несохранившейся датой (см.: СМ III/2: 377). Можно предполагать, что документ этот относится к 2-му году правления Набонида (Ibid.: 312). В нем отмечается, что Шум-укин совершил необходимые действия для установления размера пошлины и позволил судам Мадану-шум-иддина и Набу-ушаллима пройти через таможню.

Преемником Шум-укина в Тил-Гула был некий Набу-ах-реманни (СМ III/1: 37). Впервые упоминание о нем содержится в Nbn 106 от 553 г., согласно которому он должен был 1 мину 2 сикля серебра известному предпринимателю Иддин-Мардуку, сыну Икишайя из рода Нур-Сина. В тексте не указывается, идет ли речь о частном обязательстве или это относилось к служебным делам. В этом документе он назван не только начальником таможни, но также и рабом какого-либо лица (имя разбито).

Дата и место составления следующего текста не сохранились. Но опираясь на просопографические свидетельства⁵⁷ и ссылку на 5-й год правления не названного по имени царя, его можно отнести к 5-му году правления Набонида (551 г.). В нем говорится об уплате 20 сиклей серебра в качестве таможенной пошлины с судов, груженых чесноком и принадлежащих Иддин-Мардуку (см.: СМ III/2: 219).

⁵⁷ Например, в документе упомянуты Мадану-Бел-уцур и Набу-айялу, рабы Иддин-Мардука из рода Нур-Сина.

В 11-й год правления Набонида (545 г.) управление царской таможенной в пригородах Вавилона находилось в руках Набу-рем-шукуна, сына Шузубу, кому глава предпринимательского дома Эгиби и в то же время и царский судья Набу-аххе-иддин должен был уплатить 30 сиклей серебра в качестве пошлины (СТММА III 55).

Судя по плохо сохранившемуся документу из Шахрину, пригорода Вавилона, в 543 г. Нергал-рецуа, раб упомянутого выше Иддин-Мардука, совместно с двумя другими лицами занимался предпринимательской деятельностью, и все они должны были уплатить у Борсиппского канала 1000 связок чеснока со своего судна Набу-рем-шукуну (СМ III/2: 219). Последний раз этот таможенник упомянут в документе от 539 г., за три месяца до захвата Вавилона персами. В тексте отмечается уплата пошлины в Тил-Гула некоему Римуту (дана полная его филиация), который обозначен как чиновник (*bēl piqitti*), находящийся в подчинении у инспектора царской таможни Набу-рем-шукуна (СМ III/2: 251). Этот же Римут появляется также и в СТММА III 79, написанном в Вавилоне в 545 г. и свидетельствующем о выдаче ему из общего имущества нескольких лиц 20 сиклей серебра. Он долго занимал свою должность, и в 4-й год правления Камбиза (526 г.) ему была передана определенная сумма серебра в качестве пошлины (*miksu*) для прохождения «судна с чесноком» в Тил-Гула, которое принадлежало одному из рабов предпринимателя Иддин-Мардука из рода Нур-Сина (СМ III/2 339: 6).

В Camb 272 тот же Иддин-Мардук платит «пошлинный тариф стандартной суммы» (*mašīhu*, т. е. около 36 л) таможеннику Бел-реманни за разрешение провести свое судно через таможню. Документ был написан в Вавилоне (ср. Shiff 1987: 601f.). Как видно из Dag 268, Ширку из семьи Эгиби в 512 г. уплатил в Вавилоне пошлину за 70 кур (12 600 л) ячменя таможеннику по имени Бел-кацир. В 487 г. в Даммаре (место расположения неизвестно) два человека с иранскими именами уплатили пошлину за 17 кур (3060 л) ячменя, 648 л эммера и 84 л пряностей за провоз своих товаров через таможню. Однако их действительным получателем был царский дворец⁵⁸. Документ относится ко времени Дария I. Уплата была произведена «в соответствии с законом (*dāta* — др.-иран. слово) царя». Следующий документ времени того же царя происходит из Вавилона и фиксирует, что царский лодочник по имени Аплайя доставил некоторые товары «до таможни у Син-канала» и затем Ширку из дома Эгиби уплатил пошлину «инспектору царской таможни» Рима-или (Peek 19).

В следующих двух документах таможенный инспектор носит титул *gab mik-si* («главный таможенный инспектор»). Первый из них был написан в местности Шушан, недалеко от Вавилона (см.: Biggs 1994: 300, 304) в 1-м году правления Ксеркса (485 г.), и в нем говорится, что некий Аххе-иддин получил от Бел-этира 4 мины 5 сиклей серебра и выдал ему расписку на эту сумму. В тексте также содержится уточнение, что Аххе-иддин действовал по распоряжению «Бел-иддина, египтянина (*miširaja*), надзирателя таможни» (VS IV 194).

⁵⁸ VS III 159:11 *bīl šarri* («дом царя»).

Второй документ происходит из архива Мурашу в Ниппуре и был составлен в 7-м году правления Дария II (417 г.). В нем отмечается, что «главный таможенный инспектор города Описа» Ахунуа заявил о том, что в месяце аддару (последний месяц года), 6-й год правления Дария Римут-Нинурта, один из членов предпринимательского дома Мурашу, получил урожай за 4, 5 и 6-й годы правления Дария с полей, расположенных в пяти поселениях, названия которых даны в тексте. Однако Римут-Нинурта поклялся на собрании граждан Урука, что не он, а Ахунуа получил урожай с полей, общая сумма которого оценивалась в 1 мину 52 сикля серебра. В ответ на это Ахунуа поклялся, что в действительности не он, а Римут-Нинурта получил ячмень и финики за указанные три года, но последний лишь недавно вручил ему 1 талант 52 мины серебра. В заключение текст содержит предписание, что начиная с нисану (первый месяц) 7-го года правления Римут-Нинурта обязан уступить указанные поля Ахунуа, который и будет собирать урожай с них (PBS 2/I 140). Этот документ был переведен и изучен Оппенгеймом (Oppenheim 1946:171–176), однако его предположение о том, что он бросает свет на отношения «между двумя сборщиками подати» (см.: *ibid.*: 175), вряд ли верно, поскольку Римут-Нинурта не занимался сбором подати. Как известно, в ахеменидский период земля в округе Ниппура была разделена на наделы и распределена между группами воинов, а также между людьми других профессий. Воины и ремесленники часто сдавали свои поля за арендную плату фирме Мурашу, которая, кроме того, вносила в царскую казну соответствующие налоги. Очевидно, один из таких случаев и зафиксирован в рассматриваемом тексте. В любом случае, Римут-Нинурта был одним из ведущих членов дома Мурашу и не занимал какого-либо места в государственном аппарате.

Три фрагментарных документа V в. из различных вавилонских городов также упоминают «царский дом пошлины» (см., например: ROMCT II 35:15 É mi-ik-su šá LUGAL). Это контракты о продаже рабов, которые содержат оговорку о том, что продавец обязан доставить рабов в царское налоговое управление и затем передать их покупателю. Изучив эти тексты, Столпер пришел к выводу, что «Ахемениды ввели практику регистрации и обложения налогом сделок по продаже рабов» (Stolper 1989: 92).

Дата и место составления VS VI 307 не даны в тексте. В нем говорится, что Набу-иттанну, сыну Лабашн, было выдано одним чиновником (qīru) 2 мины 35 (?) сиклей серебра. Цель этой выдачи в документе не указывается, но отмечается, что часть этой суммы необходимо было уплатить в качестве таможенной пошлины. Этот же человек появляется в VS V 95 среди свидетелей при продаже раба в 23-м году правления Дария I (499 г.). Название места составления документа не сохранилось.

Следующий текст, который относится к 496 г. и происходит из Вавилона, хотя и не упоминает таможенню, имеет прямое отношение к рассматриваемой теме. Если моя интерпретация правильна, в нем говорится, что один мост в Вавилоне был доверен⁵⁹ наместнику этого города Гузану совместно с неким Мурану, сы-

⁵⁹TCL XIII 196: 2 É qīr-tum — «доверенная должность» Согласно CAD Q: 263, значение этой фразы неизвестно.

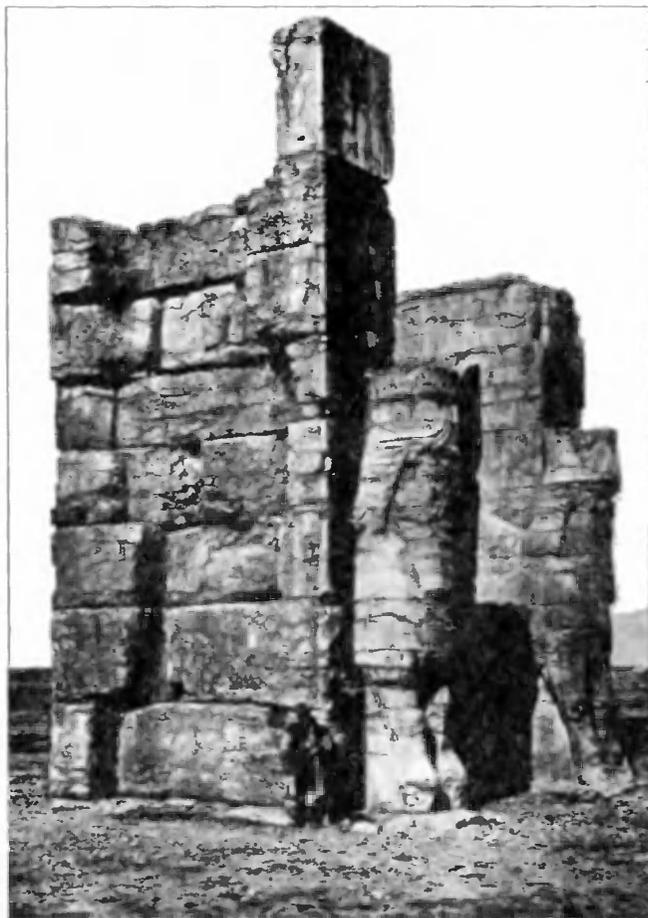

Рис. 25. «Врата всех стран». Персеполь

ном Набу-мукин-апли. Как видно из документа, суда, «следующие вниз и вверх по течению», подлежали уплате пошлины (см.: CAD Q: 263). Охраной моста занималось несколько лиц, упомянутых по именам. Гузану сдал этот мост в аренду Ширку, сыну Иддинайя из дома Эгиби. «за половинную долю дохода». Затем Ширку и Мурану, в свою очередь, сдали мост в аренду за 15 сиклей серебра двум другим лицам с условием, что они не будут тратить «доход с моста»⁶⁰ без согласия Ширку.

СТ XXII 44 — письмо, место отправления которого неизвестно. В его основной части содержится напоминание адресату о необходимости уплатить пошлину за перевозку 200 кур (36 000 л) фиников (ср.: CAD K: 148).

Все рассмотренные выше тексты происходят из частных архивов предпринимателей, а следующие документы принадлежат архиву храма Эанна в Уруке.

⁶⁰Строка 16: ir-bi ša gi-iš-ri.

Рис. 26. Персидский царь в сопровождении копьеносца

Опись доходов этого храма за 544 г., в частности, отмечает, что 1 кур (180 л) ячменя были получены в качестве пошлины за мост⁶¹. YOS III 71 — письмо двух храмовых чиновников к управителю Эанны, информирующее его о том, что они везли 220 кур (39 000 л) фиников по каналу, но в местности Бит-кациру их задержал чиновник таможни. Поэтому они просят своего начальника срочно послать письмо инспектору пошлины с просьбой разрешить им пройти через таможенный участок, ибо иначе им необходимо будет платить ежедневно по половине сикля серебра за аренду судна и сикль серебра в качестве платы наемным работникам. YOS III 74 — также письмо, в котором отправители жалуются

⁶¹ YOS VI 171: 20 gi-iš-ri u ma-ši-ra-nu. См.: CAD G: 108, где gišru толкуется как «пошлина (за прохождение судна через пловучий мост)». Ср. также: CAD M/I: 332, где слово mašīru объяснено как «один из видов пошлины». Согласно TCL XIII 216: 6, в одном случае этот вид подати составил 2 сут (12 л) фиников.

управителю и другим храмовым чиновникам Эанны, что во время осмотра ячменя у входа в канал ночью к ним явился таможенник вместе с 20-ю помощниками и, поднявшись на борт судна, взял силой железный кинжал, несколько предметов одежды и 3 сикля серебра.

Несколько документов из архива храма Эаббары в Сиппаре также содержат определенную информацию о пошлинах. СТ LVI 31 — расписка относительно доставки в 542 г. зерна, предназначенного для различных целей, где пошлина упоминается в разбитом контексте (строка 20). Samb 96 — документ о храмовых расходах за 1-й год правления Камбиза (529 г.), где, в частности, упоминается Бел-этир, сын Шамаш-ах-иддина, который занимал должность «надзирателя гавани (*gab kāri*) имени Гобрива, т. е. хорошо известного сатрапа Вавилонии и Сирии при Кире и Камбизе. Текст несколько поврежден, но тем не менее из него ясно, что этому надзирателю было выдано определенное количество фиников в обмен на ячмень. СТ XXII 5 — также частично поврежденное письмо, отправленное двумя чиновниками Эаббары царскому уполномоченному в том же храме и двум писцам с просьбой разрешить их судну пройти через таможенный участок, приняв соответствующую пошлину за это.

Наконец, UET IV 133 — фрагментарный документ, дата и место написания которого не сохранились. Судя по его содержанию, он происходит из архива храма Экишнугаль в Уре. В перечне пайков для ремесленников и чиновников там отмечается также расход 18 л ячменя для уплаты пошлины и еще о выдаче 24 л того же продукта «надзирателю таможенного моста» (*Rab gišir*, см.: CAD M/I: 332).

Среди синхронных документов из других стран Древнего Ближнего Востока один арамейский документ, составленный в 475 г. до н. э., представляет значительный интерес. Это папирус с острова Элефантина в Египте, где зафиксированы таможенные пошлины (*mndt'*), предназначенные для ахеменидской царской сокровищницы, которые были взысканы с ионийских и финикийских кораблей, доставлявших товары в Египет и оттуда. Среди различных товаров упомянуты также вино из Сидона и бревна кедра, импортированные в Египет. Пошлина, уплаченная с ионийских кораблей, составляла около $\frac{1}{5}$ части ввозимого товара, в то время как финикийцы заплатили десятину (*Yardeni* 1994: 67 ff.).

Здесь уместно будет также упомянуть литературные свидетельства о таможенных пошлинах в Ахеменидской державе, одной из сатрапий которой и была Вавилония. Псевдо-Аристотель в своей «*Oecopomica*», написанной в последней четверти IV в. до н. э., рассказывает, что помимо прямых налогов государственный доход Персидского царства складывался, в частности, из таможенных пошлин, и упоминает среди них портовые, рыночные и импортные налоги (см.: Groning 1933: 4).

Суммируя рассмотренные выше документальные свидетельства, можно прийти к следующим выводам. Документы из Вавилона и его пригородов, а также из Ниппура, Сиппара, Урука и некоторых других городов показывают, что пошлинные налоги уплачивались государству и состояли из податей за перевозку фиников, чеснока, ячменя и других товаров через таможенные участки, а также за пользование причалами и за проход судов под мостами, а в ахеменидский период, возможно, также за отчуждение рабов. Тексты фиксируют различные денж-

Рис. 27. Гробница Дария I в Накши-Рустаме

Рис. 28. Дарий I на троне в Персеполе

Рис. 29. Столонный зал и ападана в Персеполе

Рис. 30. Персидский царь в сопровождении сановника

Рис. 31. Памятник Дарию I в Накши-Рустаме

ные суммы (от 6 до 50 сиклей серебра, но в одном случае — 4 мины 5 сиклей) или количество чеснока, обычно от 1000 до 6000 связок, уплаченные в качестве пошлины. Было бы логично предположить, что пошлины на такие товары, как чеснок, ячмень и подобные, уплачивались деньгами. Но в одном тексте ясно говорится, что предприниматель обязан отдать 3500 связок чеснока «прекрасного качества» (Waerzeggers 2005:135. N 1: bab-ba-nu-ú).

Надзиратели участков по сбору пошлин были государственными чиновниками, которые могли занимать свои должности в течение продолжительного времени. Например, один из них (Гимиллу) занимал ее в течение одиннадцати лет. Эти чиновники имели в своем подчинении других лиц более низшего ранга, а также сторожей. Судя по одному письму (YOS III 74), иногда надзиратели таможен злоупотребляли своей властью, незаконно присваивая с осматриваемых ими судов различные предметы.

Обычно плательщиками пошлин были видные предприниматели, как, например, Иддин-Мардук из рода Нур-Сина или члены дома Эгиби, а также их слуги и агенты.

Храмы платили государственной казне таможенные пошлины также за провоз своих товаров (ячмень, финики и др.) через каналы, принадлежавшие государству. Но, по-видимому, храмы имели и собственные таможенные участки, доходы с которых тратили на свои нужды.

Судя по имеющимся текстам, ахеменидская администрация не ввела какие-либо важные изменения в систему пошлин по сравнению с предшествующим временем. Один документ времени Дария I фиксирует, что пошлина была уплачена «в соответствии с законом царя» (при этом для обозначения закона употреблено иранское слово). Как видно из другого документа, который относится к 417 г., «главному таможенному надзирателю» была уплачена крупная денежная сумма в качестве пошлины с урожая за три года с принадлежавших государству наделов земли различных ремесленников. Поэтому возможно, что в позднеахеменидский период таможенные надзиратели собирали не только таможенные пошлины, но также и государственные налоги (во всяком случае, в округе Ниппура).

К сожалению, наши источники не уточняют, какой процент уплачивался с товаров в качестве пошлины. Как отмечалось выше, в старовавилонский период пошлина на товары составляла 10 %. Один арамейский текст из ахеменидского Египта указывает, что таможенная пошлина, уплаченная ионийскими купцами, составляла пятую часть ввозимых в Египет товаров, в то время как финикийцы платили только десятую часть. Такой различный подход, возможно, объяснялся тем, что финикийцы были подданными персидского царя. Термин же «ионийцы» в восточных источниках использовался для обозначения не только Ионии, но также и материковой Греции, которая была независима от Персии. Можно полагать, что в Вавилонии пошлина составляла десятую часть стоимости любых товаров.

ДВОРЦОВОЕ ХОЗЯЙСТВО И ХРАМОВАЯ ЭКОНОМИКА

ДВОРЦОВОЕ ХОЗЯЙСТВО В АХЕМЕНИДСКОЙ ДЕРЖАВЕ¹

Как известно, дворцовое (т. е. царское) хозяйство, которое в различные периоды представляло также государственную экономику, имело далеко не одинаковое значение в разные периоды истории Древнего Ближнего Востока. Например, в Египте и Передней Азии в 3-м и в начале 2-го тысячелетия оно было ведущим. Правда, по характеру источников мы не всегда можем уверенно судить о масштабах и роли частновладельческих хозяйств в экономике ранних периодов истории Ближнего Востока. Так, например, около 90% всех клинописных документов, относящихся к 3-му и 2-му тысячелетиям, происходит из государственных и храмовых архивов. Но из тех же и иных источников известно, что и в указанный период была также земля, принадлежавшая частным лицам. В 1-м тысячелетии до н. э. царское хозяйство в большинстве ближневосточных обществ было организовано по

---

¹ Перевод статьи «Royal Economy in the Achaemenid Empire» (Stato, Economia, Lavoro nel Vicino Oriente antico. Milano, 1988. P. 145–155; с добавлением ссылок и на более поздние исследования).

образцу частновладельческих хозяйств и не играло значительной роли. В этот период ведущее место принадлежало частновладельческим и храмовым хозяйствам. Однако в ряде стран (например, в Урарту) дворец (или государство) владел обширным земельным фондом, и, таким образом, и в I-м тысячелетии продолжали сосуществовать различные типы экономики.

Между 550–510 гг. до н. э. возникла мировая Ахеменидская держава, существовавшая два столетия и объединявшая более 80 народов и племен, начиная от Средней Азии и Северо-Западной Индии и кончая Нубией к югу от Египта, в единое государство. Естественно, в этой державе существовали различные политические системы управления (монархические, олигархические, аристократические, демократические и теократические). Постепенно произошли значительные изменения и в экономике державы.

У нас очень мало свидетельств о хозяйствах рядовых персов. Но народ, войско которого в течение всего нескольких десятилетий завоевало десятки стран, естественно, в большинстве своем представлял свободных общинников, владевших землей и пастбищами. Разумеется, процессы социального расслоения становились более интенсивными в результате мировых завоеваний, поскольку львиную долю добычи присваивала себе верхушка общества, прежде всего высокопоставленные военные и гражданские чиновники. Однако и о хозяйствах таких крупных землевладельцев в самом Иране — опять-таки по характеру источников — нам мало что известно. Гораздо больше у нас сведений о крупных хозяйствах персов в Малой Азии, Вавилонии и Египте.

Имеющиеся в нашем распоряжении документы из Древнего Ирана в основном освещают только один сектор экономики этой страны, а именно царское, или дворцовое, хозяйство. Это так называемые документы крепостной стены и сокровищницы, составленные на эламском языке и найденные в Персеполе, хотя большей частью они были написаны в различных поселениях и городах Юго-Западного Ирана. Документы крепостной стены датируются 509–494 гг., т. е. с 18-го по 28-й год царствования Дария I. Среди них сохранилось около 8000 текстов, поддающихся изданию, из которых к настоящему времени опубликовано немногим более 2100. Часть текстов фиксирует доставку различных продуктов с одного места на другое в соответствии с хозяйственными потребностями и для создания государственных запасов, а другие таблички являются ведомостями о распределении продуктов работникам (курташ) царского хозяйства и чиновникам различных рангов (PF; Hallock 1978: 109–136). Документы сокровищницы датируются 492–458 гг., т. е. от 30-го года правления Дария I до 7-го года правления Артаксеркса I, и фиксируют выдачу серебра и натуральных продуктов главным образом для работников царского хозяйства в Персеполе и его окрестностях. Из них пока издано немногим более 140 текстов (P.T.T.; Cameron 1958: 161–176; 1965: 167–192).

Из персепольских документов перед нами предстают контуры огромного царского хозяйства, охватывавшего большую территорию Персии и Элама, подобного которому в I-м тысячелетии до н. э. нигде на Ближнем Востоке не существовало. Например, в течение только одного года (500 г.) на царские склады, по далеко не полным данным, поступило 796 730 л зерна и муки, 10 900 л раз-

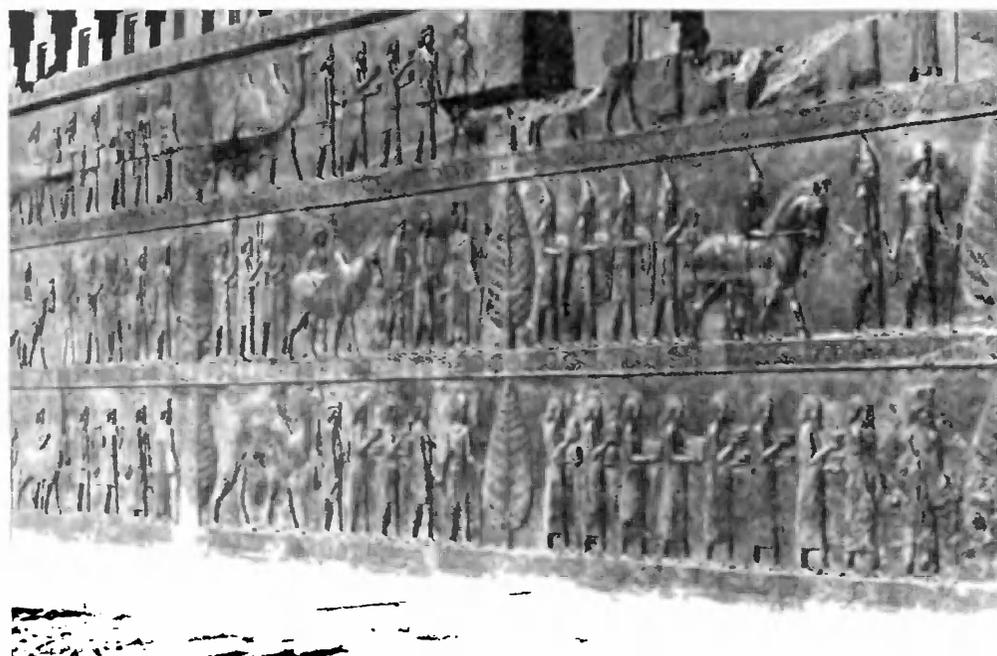

Рис. 32. Праздничные шествия в Персеполе

личных фруктов и 28 570 л вина. Из этого количества 38 180 л ячменя было израсходовано на содержание птицы и скота, включая 27 620 л для лошадей, и не менее 162 177 л ячменя в качестве рационов для работников царского хозяйства (см. подробно: Дандамаев 1972: 3 сл.). По свидетельству одного лишь документа, в 501 г. 126 100 л муки было отпущено по личному распоряжению Дария I. Хинц полагает, что эта мука была предназначена для новогоднего праздника и приготовленного из нее хлеба хватило бы на 10 000 гостей царя в течение десяти дней (Hinz 1971: 289).

По свидетельству древнегреческих авторов Ктесия и Гераклида из Киме, ежедневно при дворе персидских царей обедало 15 000 человек и на такой обед тратили 400 талантов (1 талант = 30 кг) серебра (см.: Cameron 1958: 172). Согласно Полиэну (*Strategemata* 4.3, 32), для обеда царского двора наряду с другими продуктами ежедневно расходовались 1000 артаб (1 артаба = 56 л) пшеничной муки, 1000 артаб ячменной муки, 200 артаб ячменя и 10 артаб тончайшей ячменной муки. Тот же автор сообщает, что войско, охранявшее царя, ежедневно получало 500 артаб пшеничной муки, 2000 артаб ячменной муки, 500 — полбы, 20 000 фуражного ячменя и т. д.

Царское хозяйство в Юго-Западном Иране обслуживалось работниками, которые назывались «курташ». Среди них были различные ремесленники, пастухи, виноделы, пивовары, пахари и мельники. Эти работники были распределены по царским имениям в 108 поселениях и городах. В 509–494 гг. в таких имениях находилось более 16 000 курташ (мужчин, женщин и детей обоего пола). Среди них, по-видимому, был и незначительный процент из низших слоев персидского общества, но основная масса их состояла из представителей покоренных персами народов: египтян, вавилонян, лидийцев, ионийцев, капподокийцев, карийцев и др. Часть из них были военнопленные, а другие — свободные подданные, которые выполняли государственные повинности в дворцовом хозяйстве в течение длительного периода времени. Царский административный аппарат относился ко всем слоям курташ как к равноправным в экономическом отношении. Все они использовались не как рабы (хотя оставить работу курташ, кроме, возможно, свободных наемников, конечно, не могли), т. е. получали плату в соответствии с выполненной ими работой независимо от своего юридического статуса (см. подробно: Дандамаев 1973: 3 сл.).

В ряде документов крепостной стены определенные виды имущества (зерно, финики, скот и т. д.) отнесены к царской собственности. Возникает вопрос: кто владел имуществом, которое упоминается в тех же текстах без указания владельца? Можно предположить, что в документах крепостной стены представлены два вида имущества: лично царское и государственное. Однако это маловероятно. Очевидно, все имущество, упомянутое в этих текстах, было царским, и в большинстве случаев его собственник не указан, поскольку это было совершенно очевидно. По-видимому, в Ахеменидской державе не существовало четкого разграничения государственного и царского имущества, а также государственных и царских доходов. Другими словами, все государственные доходы, включая подати и пошлины, считались царской собственностью в той же мере, в какой и доходы с земли, принадлежавшей лично царю. Об этом, в част-

ности, свидетельствуют арамейские папирусы с Элефантины, которые фиксируют выдачу жалованья из «царского дома» воинам-наемникам. Под «царским домом» имеется в виду сокровищница на Элефантине, которая была всего лишь небольшим складом натуральных продуктов. В текстах отмечается, что лица, взявшие ссуду зерном, должны вернуть ее из пайков, которые будут выданы им из «сокровищницы царя». Далее в документах в качестве синонима того же выражения употреблены слова «дом царя» (Cowley 1923. N 2). В другом папирусе отмечается, что ссуда в 4 сикля серебра должна быть погашена должником из жалованья, которое он получит из «сокровищницы» (ibid.: N 11). По свидетельству вавилонского документа времени Дария I, два лица должны были уплатить «дому царя» определенное количество ячменя в качестве пошлины (VS III 159). Некий Иддин-Набу обязан был уплатить со своих доходов определенное количество ячменя и фиников в качестве налога, «наложенного на него дворцом» (VS V 72). По свидетельству документов архива предпринимательского дома Мурашу, в Ниппуре и его округе государственные подати уплачивались «царскому дому» (BE X 97 и др.).

Налоги составляли весьма значительную сумму царских доходов. По сообщению Геродота (3.90–95), подвластные персам народы платили в общей сложности около 7740 вавилонских талантов (232 200 кг) серебра, не считая Индийской сатрапии, которая вносила свою подать золотым песком. Если конкретные цифры, приводимые Геродотом, верны, при пересчете золота, поступавшего в качестве подати, на серебро, общая сумма налогов равнялась 12 480 вавилонским талантам, или более 400 т.

Как видно из табличек крепостной стены, из греческих, вавилонских и арамейских источников, члены семьи персидского царя имели собственные хозяйства. Например, по рассказу Ксенофонта (Anab. 2. 4. 27), близ города Опписа в Вавилонии были расположены деревни, принадлежавшие Парисагиде, жене Дария II. В окрестностях Ниппура были также принадлежавшие ей поместья, которые сдавались в аренду дому Мурашу (PBS 2/I 50, 60, 75; ГМН 2/III 185 и др.).

Крупными земельными собственниками были также персидские царевичи. Например, Камбиз еще до вступления на престол владел недвижимым имуществом в Вавилоне и Сиппаре, которые находились в ведении его управляющих (Суг 270, 335; VS V 129). Один из его рабов был резчиком печатей и учил других лиц своему ремеслу (Суг 325). Камбиз занимался также ростовщическими операциями, ссужая деньги через своего управляющего (Суг 177).

Крупными собственниками земли в округе Ниппура были, в частности, царевич Ахемен и его сын Фрадат². В V в. в районе Ниппура управляющие персидских царевичей сдавали земли своих хозяев в аренду (BE X 95; PBS 2/I 90, 202 и др.).

Аршам, сатрап Египта во второй половине V в., который был одним из ахеменидских царевичей, владел большими имениями в Нижнем и Верхнем Египте, а также в областях на пути из Суз в Египет (Driver 1965 1, 6, 12). Эти

²См. в этом сборнике статью автора «Имена Ахемена в Вавилонии».

имения, как и другие владения персидской знати, были освобождены от податей.

Как видно из персепольских документов, хозяйства членов царской семьи были довольно тесно связаны с дворцовым хозяйством, и кургаш, принадлежавшие членам царской семьи, могли быть направлены для выполнения государственных работ. Из дворцового имущества в ряде случаев отпускали продукты для потребностей членов царской семьи, и наоборот, в особых случаях из имений последних выдавали пайки государственным чиновникам (см. подробно: Дандамаев 1972:15). Например, Дарий I велел выдать в распоряжение своей жены Ирташдунь³ сто овец (Cameron 1942: 216) и 2000 л вина (см.: Дандамаев 1972:15). Примечательно также, что документы (или часть их), фиксирующие работу в имениях членов царской семьи⁴, хранились в архиве дворцового хозяйства.

По мере захвата новых земель персидская администрация отбирала у коренного населения часть земель, которую Ахемениды не только оставляли себе, но и раздавали большими поместьями в полномочное и наследственное владение членам царской семьи и представителям персидской знати.

Этот процесс перераспределения части земельной собственности хорошо прослеживается по вавилонским источникам. В вавилонских документах, относящихся ко времени захвата Месопотамии персами, данные о дворцовом хозяйстве чрезвычайно скудны. Согласно одному документу, «поле, принадлежавшее царю» Навуходоносору II и расположенное близ Вавилона, было сдано в аренду «навечно» предпринимательскому дому Эгиби, чтобы разбить там финиковую рощу (Nbk 115). По другому документу, дом частного лица был продан дворцу (Nerg 9). В тексте времени Набонида фиксируется, что утки, составлявшие часть «царского имущества», были сданы внаем птичьему пастуху храма Эбббара в Сиппаре (CIS I/2 61).

Мы не располагаем никакими свидетельствами источников о существовании ремесленных мастерских, принадлежавших халдейским царям. Правда, некоторые документы упоминают царских плотников, пекарей и других ремесленников. По всей вероятности, это были свободные люди, которые за плату работали на дворец постоянно или в течение длительного времени. Во всяком случае, в текстах регулярно указывается пагронимия этих лиц в отличие от рабов, которые, как правило, упоминаются без отчества. Кроме того, царские ремесленники нередко выступают собственниками, арендаторами и арендодателями полей (Nbk 364; EvM 23 и др.). Что же касается рабов, они вообще не упоминаются как работники дворцового хозяйства в Месопотамии как при халдейских царях, так и при Ахеменидах.

³ Геродот (3. 88 и др.) называет ее Артистоной.

⁴ О личном имуществе персидских цариц см.: Herod. 3.130; Plut., Art. 4. Согласно Ксенофону (Hellen. 2. 1. 14), часть подати с городов Малой Азии шла на покрытие личных расходов царевича и сатрапа Кира Младшего. О личной собственности персидских царевичей см. также: Xenoph., Hellen. 1. 5, 3; Plut., Iysandr. 9. Плутарх (Alex. 21) пишет, что для содержания дочерей персидского царя отпускалась определенная сумма денг. По свидетельству Геродота (7. 24), когда Дарий женился на дочери собственного брата Артана, последний передал все свое имущество зятю, поскольку у него не было других детей.

Часть земли находилась в фактической собственности царя, и по сравнению с предшествовавшим периодом в ахеменидское время размеры царской земли значительно увеличились. В Вавилонии эти земли, как и поля членов царской семьи, сдавались в аренду. Например, согласно контракту, заключенному в 420 г. близ Ниппура, представитель дома Мурашу арендовал царские поля, расположенные по берегам нескольких каналов, на три года за ежегодную плату в 220 кур (около 39 600 л) ячменя, 20 кур (3600 л) пшеницы, 10 кур (1800 л) полбы и т. д. (ТМН 2/III 147).

Поля, принадлежавшие персидским царям, были расположены не только в округе Ниппура (BE IX 32а, 67, 90; BE X 15, 34, 46; PBS 2/I 31, 32, 34, 36, 39, 41, 123, 124, 130, 150, 158, 172, 178; TCL XIII 203 и др.), но также близ Вавилона, Сиппара, Ура, Дилбата и других месопотамских городов⁵.

К категории царских земель относилась также и земля *uzbarru* (иранское слово, по-видимому, означавшее «подлежащий обложению»). Эти земли были расположены по берегам царских каналов, отдавались в аренду и засеивались зерновыми культурами (BE IX 67; PBS 2/I 124 и др.).

При Ахеменидах (а отчасти и до них) в Месопотамии существовали различные типы служебных наделов, принадлежавших царским воинам. Владельцы таких наделов должны были нести военные повинности в качестве лучников, всадников и колесничих (см. литературу: Cardascia 1983: 547–550; Driel 2002: 226–272). Эти наделы выделялись из царского или государственного земельного фонда⁶.

Наконец, при Ахеменидах в Вавилонии были различные группы полусвободных государственных работников (ремесленников, земледельцев и т. д.), которые были посажены на царской земле (см.: BE X 6, 99 и др.). Имеются также археологические свидетельства о царских ремесленных мастерских в ахеменидской Вавилонии (см. литературу: Дандамаев, Луконин 1980: 185). Кроме того, сохранилась обильная информация письменных и археологических источников о царских ремесленных мастерских в Иране, Египте и Арахосии в ахеменидский период (см.: там же).

Как можно предположить, исходя из приведенного материала, существовало определенное разграничение собственно царской и государственной земли, которой также распоряжался царь. Однако источники не содержат сколько-нибудь достаточных свидетельств в пользу неоднократно высказывавшегося мнения, что при Ахеменидах вся земля считалась царской (см. литературу: Cardascia 1951: 6).

Царю принадлежали также многие крупные каналы, которые сдавались в аренду за высокую плату. В окрестностях Ниппура царские каналы арендовал дом Мурашу, который отдавал их, в свою очередь, в аренду мелким землевладельцам. Например, в 439 г. семь лиц заключили контракт с тремя арендаторами царского канала, в числе которых был и дом Мурашу. По этому контракту суб-

⁵ BRM I 63; Dar 81, 244, 299, 321; TCL XIII 190; UET IV 50, 194. VS VI 171, составленный в Дилбате, содержит гарантию в том, что отчуждаемое поле не принадлежит царскому имуществу.

⁶ См., например, VS V 55, где «надел лука» назван «царской собственностью»

арендаторы получили право орошать свои поля «водой из канала — собственности царя» за треть урожая (BE IX 7; см. также: BE IX 6, 65, 73, 90; Dar 411; PBS 2/I 59, 150 и др.).

Персидским царям принадлежали также ирригационные сооружения на реке Акес в Средней Азии, за пользование которыми население вносило высокую плату (Herod. 3.117), рудники в Кармании к востоку от Ирана, где добывали золото, серебро, медь и т. д. (Strabo 15. 3, 14), леса в Сирии (Nehemiah 2. 8) и доходы от ловли рыбы в Меридовом озере в Египте (Herod. 2.149). В Вавилонии были также птичьи фермы, принадлежавшие персидским царям (BE X 128; PBS 2/I 63,76,133).

В древности широко славилась так называемые парадизы, т. е. парки для отдыха и охоты с фруктовыми и другими деревьями и дикими зверями. По свидетельству древнегреческих авторов, персидские цари проводили много времени в таких парках и заботились о том, чтобы подобные парадизы были во всех местах, куда они наезжали (см.: Xenoph., Oec. 4.13; ср.: Xenoph., Anab. 1. 2, 7–9; Plut., Art. 25). Персепольские документы содержат обильную информацию о парадизах в Юго-Западном Иране (см. ссылки в: PF: 742). Такие парки были расположены и в других странах державы, в частности в Малой Азии и Финикии, а также в Месопотамии близ Сиппара, Урука и Ниппура⁷.

Государственные повинности, которые обязаны были выполнять подданные державы, включали также работу в царском хозяйстве. В частности, они были заняты сооружением царских дворцов и их украшением. Из персепольских документов и ахеменидских надписей достаточно хорошо известно о возведении дворцов в самом Персеполе и в Сузах. Еще раньше были построены дворцы в Пасаргадах. Дворцы ахеменидских правителей были расположены также в столице Мидии Экбатанах, Вавилоне (где был сооружен дворец типа ападаны) и в других городах Месопотамии (см. литературу: Schmidt 1953: 28). В частности, ряд тестов упоминает дворец Кира и Камбиза в городе Аману, в Южной Вавилонии (AnOr VIII 67; GCCI II 126; YOS VII 123)⁸.

В Вавилонии между дворцом и храмами существовали тесные экономические связи. Например, в период правления Кира дом частного лица в Уруке по какой-то причине был причислен к «царскому имуществу», но фактически находился в ведении администрации храма Эанны, которая сдала его в аренду третьему лицу (BIN I 118).

Потребности царского хозяйства частично удовлетворялись и храмами, по крайней мере в Месопотамии и, вероятно, в некоторых других странах. Вавилонские храмы обязаны были отдавать дворцу из своих доходов часть скота, ячменя и фиников и т. д. Кроме того, храмы посылали своих земледельцев и ремесленников для работы в царском хозяйстве (см.: Dandamayev 1979: 594–596).

⁷ См. подробно статью автора «Царские парадизы в Вавилонии» в этом сборнике

⁸ Ср. также географическое название, которое дословно переводится «город перед дворцом» (PBS 2/I 137).

Дворцовое хозяйство, которое составляло единое целое в масштабах всей Ахеменидской державы, управлялось большим штатом чиновников. Главным среди них при Дарии I (но, возможно, и еще при Камбизе) был Фарнак, сын Аршама, управляющий царским хозяйством. О его деятельности персепольские архивы содержат обильную документацию. Гонцы с его распоряжениями посылались в различные страны, начиная от Египта и кончая Индией. В его подчинении было много эламских, вавилонских и арамейских писцов. По всей вероятности, этот же Фарнак упоминается в документе из Урука, составленном в 528 г., т. е. еще при Камбизе (AnOr VIII 67). Этот текст содержит повеление Фарнака⁹ чиновникам Эанны пригнать к определенному времени 200 молочных ягнят и коз «для царского стола» в городе Аману.

В заключение необходимо отметить, что существование огромного царского хозяйства в ахеменидском Иране было обусловлено слабой развитостью товарно-денежных отношений. В стране вообще не было рынков (Herod. I. 53). Золотые и серебряные монеты, которые чеканили персидские цари, не имели обращения в самом Иране. Даже самые высокопоставленные чиновники (включая и управляющего дворцовым хозяйством Фарнака) получали жалованье натурой (овцами, вином, мукой и т. д.) и нечеканным серебром (см. подробно: Дандамаев 1972:19–21).

Хотя ахеменидские цари владели обширным земельным фондом в Месопотамии и некоторых других экономически высокоразвитых странах Ближнего Востока, частновладельческие (а в некоторых из этих стран также храмовые) хозяйства продолжали играть решающую роль в общей системе экономических отношений. В I-м тысячелетии до н. э. обширное царское хозяйство было бы аномальным явлением. Возникновение всеобъемлющего царского хозяйства в Южной Месопотамии и в ряде других стран Ближнего Востока в начале 3-го и во 2-м тысячелетии было неизбежным и естественным процессом в силу чисто экономических причин, а именно трудностей, связанных с обеспечением сырьем и с отсутствием развитых рынков (Oppenheim 1977: 80). Однако гигантское царское хозяйство, основанное на большом бюрократическом аппарате и эксплуатации гряда полусвободного населения (но определенно не на рабском труде), в конечном итоге оказалось неэффективным. Поэтому на смену царскому хозяйству пришли частновладельческие и храмовые хозяйства, основанные в определенной степени на труде рабов, но в еще более значительной мере на труде свободных земледельцев, арендаторов и ремесленников.

⁹ См. строку 6: *ši-pir-tum ša ra-ar-na-ak-ka* (дословно «приказание Фарнака»; однако детерминатив, который обычно ставится перед собственным мужским именем, здесь отсутствует). Сан-Николо с ссылкой на Э. Эбелина переводил это выражение «послание величества» («Botschaft der Majestät»), вводя его к авестийскому *xv agrañ* (San Nicolò 1949: 326). Такое же толкование принято и в словаре АНУ (р. 834, *pañakku*). Однако я не вижу никакой связи между указанными словами и поэтому не могу принять толкование, предложенное этими авторами. Очевидно, мы здесь имеем собственное имя, которое в вавилонских текстах того же времени встречается в следующих формах: *pañ-nak*, *pañ-nañ-ku*, *pañ-nañ-ak*. В текстах того же времени засвидетельствовано также совершенно аналогичное выражение *šipirtum ša Gubarū* («приказание Гобрия»). В эламских документах из Персеполя имя Фарнака пишется *Pañakka*, а в арамейских *pnk*.

ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ В ОКРУГЕ СИППАРА В НОВОВАВИЛОНСКИЙ И АХЕМЕНИДСКИЙ ПЕРИОДЫ¹⁰

Город был важнейшим и, может быть, самым стабильным институтом месопотамской социальной структуры. Хотя клинописные тексты часто упоминают пастушеские районы, противопоставляя их городу, жители Древней Месопотамии (и, вероятно, других частей Древнего Ближнего Востока) не проводили различия между городом и деревней в современном значении этих слов. Аккадское обозначение города *ālu* (всегда пишется URU) было термином, под которым подразумевалось почти всякое обитаемое место, независимо от того, было оно городом или деревней. При этом основополагающее значение имела политическая и культурная роль города, а не размер или численность населения. Под городом имелось в виду любое постоянное поселение с кирпичными домами, которое представляло собой определенную административную единицу (см.: CAD A/I: 379; Oppenheim 1977: 115; Orlin 1975: 34; Hallo 1971: 59; Cardascia 1951: 2, п. 2). В нововавилонское и ахеменидское время маленькие города Вавилонии были размером от 9,6 до 22,5 га, а крупные же имели протяженность от 22,6 до 60 га. Приблизительно 32 % обитаемой части страны были заняты маленькими городами (Brinkman 1969: 347).

В древности город доминировал над сельской местностью, однако само городское население занималось главным образом также сельским хозяйством. При этом поля, сады и пастбища находились как внутри города, так и за его стенами. Земля за городом рассматривалась как продолжение городской территории и находилась под юрисдикцией городских властей. Сельская территория прилегал к городу во всех направлениях на расстоянии 5–6 км, и эта земля обрабатывалась в основном населением, которое жило за городскими стенами. Таким образом, города были одновременно сельскохозяйственными и ремесленными центрами.

По свидетельству Курция Руфа (5.1, 25–27), Вавилон охватывал 365 стадиев (1 стадий = около 185 м). При этом строения домов занимали 80 стадиев, а остальная часть территории засеивалась или была занята садами. Клинописные тексты упоминают поля, расположенные даже «в центре города». Например, в документе, составленном в 618 г. до н. э., фиксируется продажа поля (*eqlu*), расположенного «во внутренней части» (*qerbu*) Вавилона (BE VIII 87: 2). Другой документ отмечает, что в 592 г. поле, расположенное «в середине города» Урука было отдано за невестой как ее приданое (TCL XII 32: 6). Примечательно, что, хотя поле было расположено в Уруке, документ относительно него был написан в Вавилоне.

Обычно город состоял из храмовых зданий, царского дворца и резиденции наместника, а также домов горожан, расположенных внутри стен. Города, сто-

¹⁰Перевод статьи «Land Use in the Sippar Region During the Neo-Babylonian and Achaemenid Periods» (M. Hudson; B. A. Levine (eds.). *Urbanization and Land Ownership in the Ancient Near East* (Peabody Museum Bulletin 7. Cambridge MA 1999. P. 363–389)). Дискуссия по этому докладу, данная на с. 380–386, здесь не приводится, и в случае необходимости читатель может обратиться к оригиналу статьи.

явшие на берегу рек, имели гавани, где, в частности, совершались различные сделки.

Начиная с ранних времен юридически равноправные горожане для различных мероприятий собирались на территории храмов. Такие общины граждан, вероятно, первоначально состояли из землевладельцев, т. е. собственников полей и садов (см.: Oppenheim 1977: 113). Однако, как отмечает Оппенгейм, социальная и административная структура месопотамских городов в значительной степени остается нам неизвестной (Oppenheim 1985: 579, п. 4). Что касается сельских районов, расположенных далеко от городов и заселенных зависимыми сельскими жителями, на них структура городского самоуправления вообще не распространялась.

Вавилонские храмы были центрами общественной и религиозной жизни. Главное святилище города располагалось на высокой террасе и считалось домом самого важного городского бога. Административный аппарат города состоял из гражданских чиновников, которые вообще не выполняли сакральных функций, являвшихся делом профессиональных жрецов.

В нововавилонский период развитие техники, ремесленного производства и рыночных отношений привело к более интенсивному строительству городов как административных, ремесленных и культурных центров. Это особенно относится ко времени Навуходоносора II, когда чрезвычайно интенсивно строился Вавилон. Он превратился в прямоугольник, площадью около 404 га, который вмещал четверть миллиона людей. В городе было девять ворот, которые вели к улицам, ширина части которых равнялась пяти метрам или более. Большинство домов были двухэтажные. Дома бедных занимали около 30 кв. м, а дворцы богачей простирались до 1600 кв. м (Reuther 1926: 96–105, 120 ff.).

Существенное увеличение городского населения требовало расширения импорта пищи и других предметов широкого потребления, которые доставлялись в Вавилон предпринимателями. Одним из них был Иддин-Мардук, сын Икишайя из рода Нур-Сина, торговые сделки которого отражены приблизительно в 400 документах, составленных в 557–517 гг. Его агенты покупали большие партии чеснока, ячменя и фиников из окрестностей Вавилона и других сельских мест и доставляли их по каналам для продажи в Вавилон. Иддин-Мардук торговал также скотом и шерстью (Wunsch 1993 I :19–61).

Два города — Урук и Сиппар — рассматриваемого времени могут быть обозначены как храмовые. Последний состоял из двух частей. Из них Сиппар богини Ануниту (городище Тель-ед-Дер) в этот период не играл существенной роли (см.: Joannès 1988: 74, 77), и отсюда у нас имеется лишь ограниченное количество документов. Второй город с этим именем именовался Сиппар Шамаша (современное городище Абу-Хабба), или «Великий Сиппар» (см.: Zadok 1985: 271; например, в 541 г. одна рабыня взяла займы 10 «пустых чанов» с обязательством вернуть их в Великом Сиппаре, см.: VS VI 87). Там находился храм бога Шамаша Эбббара, откуда сохранился колоссальный архив (около 30 тыс. документов).

Богатые документальные данные из архивов Эанны в Уруке, посвященной богине Иштар, и Эбббары в Сиппаре позволяют воссоздать всеобъемлющую

картину о храмовом хозяйстве рассматриваемого периода. К сожалению, наша информация о частновладельческих хозяйствах в этих городах очень ограничена, но что касается других районов страны, почти вся информация оттуда происходит именно из частных архивов. Это создает много трудностей в попытке получить полную картину нововавилонского города. Кроме того, возможно, что наши представления о различиях между храмовыми и другими городами объясняются лишь характером наших источников. Тем не менее, в отличие от других храмов I-го тысячелетия до н. э. (включая даже Эсагилу в Вавилоне, которая была святилищем верховного бога Мардука), Эанна и Эаббара владели исключительно большими массивами земли и другим имуществом.

Оба эти святилища были экономическими центрами данных городов и их сельской округи. Эанна владела сотнями рабов, а также была вовлечена в предпринимательскую деятельность, включая внутреннюю и международную торговлю. Этот храм владел также большими стадами крупного рогатого скота и овец и стаями птиц. Например, на его 12 923 кур (около 16 000 га) земли приходилось 5000–7000 голов крупного скота и 100 000–150 000 голов овец и коз (Jursa 1995:194; San Nicolò 1948: 285).

В этой статье делается попытка представить основные контуры экономической жизни вавилонских городов, опираясь главным образом на документы из Сиппара, но также привлекая и данные из других городов. К настоящему времени опубликовано более 7000 экономических, административных и юридических документов, охватывающих период с конца VII в. приблизительно до 475 г. до н. э. и происходящих оттуда (в основном из архивов Эаббары).

Сиппар был одним из древних центров вавилонской культуры и сохранял свою роль и в I-м тысячелетии до н. э. В частности, нам известна библиотека, которая хранилась в храме Эаббары. Таблички были найдены в хорошем состоянии, расставленными в маленькой комнате на глиняных полках. Согласно предварительной оценке, там было обнаружено около 2000 табличек, включая гимны, мифы, омина, а также астрономические, математические и исторические тексты и копии ранних царских надписей (см.: al-Jadir 1987: 18 ff.).

Этот храм охватывал три следующих святилища: главного бога Сиппара Шамаша, а также его супруги Айя и его визиря Бунене. Сохранились топографические тексты об их размерах, включая вход в ворота внутреннего помещения святилища Шамаша, высота которого достигала 15 м (George 1992: 215–219).

Административная структура Эаббары отличалась от структуры других вавилонских храмов, главный управитель которых носил титул шатамму. Титул же верховного управляющего Эаббары был шангу (дословно «жрец») Сиппара. Несмотря на такой титул, он не выполнял каких-либо специфически культовых обязанностей. К тому же он, по-видимому, нес обязанности наместника Сиппара (ср.: MacGinnis 1995: 114–116). В качестве такого должностного лица он председательствовал в местном царском суде, рассматривая различные тяжбы частных лиц (см., например: Sur 328; Camb 412 и др.).

Второе место в администрации данного храма принадлежало кипу (qīru — «доверенный»), чьей прямой обязанностью было представлять интересы царя в храме. Он получал от царя различные распоряжения и командовал воин-

ми, размещенными в Сиппаре. Кроме того, он нес ответственность за работу храмовых работников, направленных в царские имения (см.: MacGinnis 1995:117f.).

В Сиппаре, как и в других вавилонских городах, вопросы местного масштаба, особенно имущественные тяжбы, рассматривались старейшинами (*šibūtu*) и гражданами (*mār-banê*) (СТ II 2; Camb 412; Cyr 281 и др.).

Эбаббара играла большую роль в экономике Сиппара и всего его региона. Прежде всего она располагала большим штатом работников. Его сельскохозяйственный контингент состоял из земледельцев и садоводов. Сохранились списки приблизительно 120 работоспособных храмовых земледельцев (*ikkaru*). Известны также около 60 садовников. Храм в состоянии был обрабатывать с помощью своих земледельцев только около $\frac{1}{3}$ земли и поэтому вынужден был сдавать в аренду остальную часть ее арендаторам (*errēšu*). Последние не принадлежали к храмовому персоналу и работали за определенную долю урожая.

В обработке своей земли Эбаббара в значительной степени зависела от учреждения, во главе которого стояли люди, носившие титул «владыка арендной платы» (*rab/bēl sūti*). Это были сборщики арендной платы, которые арендовали большие земельные массивы с обязательством платить храму определенную долю урожая. Размер этой доли устанавливался заранее, еще при заключении договора. При этом храм снабжал сборщиков земледельцами (*ikkaru*), рабочим инвентарем и тягловым скотом.

Первый такой сборщик, который был назначен самим царем Набонидом, и осуществлял это в 557–539 гг. Царь сдал ему практически все финиковые плантации, которые принадлежали храму Эбаббара, за 10 000 кур (18 000 гл или 1 350 000 кг) фиников ежегодной платы. При этом ее надо было отдавать самому храму. Как видно из других текстов, эта сумма составляла приблизительно весь годовой доход финиками Эбаббары. Что касается зерновых полей, при Набониде они оставались в руках храмовых землепашцев и арендаторов, которые вместе доставляли храму ежегодно 5000 кур (9000 или 558 000 кг) ячменя. Позднее при ахеменидских царях зерновые поля также стали сдавать сборщикам арендной платы (см.: Jursa 1995: 85 ff.).

Наиболее распространенной зерновой культурой был ячмень. Но как это видно из многих документов, землю часто сдавали в аренду для превращения ее в финиковые плантации. Таким образом, интенсивное землепользование было типично для сиппарского храма, который владел приблизительно 330–430 кур (412,5–537,5 га) плантаций финиковых пальм и около 1000 кур (1250 га) полей под зерновым урожаем, часть которых оставляли под паром (см.: *ibid.*:192 f.).

Один из складов Эбаббары находился в гавани Сиппара, куда ячмень и финики доставляли по Евфрату, и еще по крайней мере один склад был расположен в центре города (*ina qabalti āli*). В том же центре были расположены также хлева для скота и загоны для домашней птицы (см.: *ibid.*: 4).

Письма из архивов содержат распоряжения выдать со складов ячмень, финики и растительное масло в качестве пайков храмовым рабам и платы ремесленникам и чиновникам. Значительное количество текстов фиксирует выдачу рога того скота, овец, уток и рыбы для жертвоприношений богам.

В дополнение к земледельцам и садовникам храмовый персонал состоял еще из ткачей, отбельщиков, носильщиков, кузнецов, медников, плотников, ювелиров, кожевников, строителей, пивоваров, пекарей, птичников и г. д. Эбббара имела в своем постоянном штате по меньшей мере 125 квалифицированных ремесленников (см.: MacGinnis 1995: 160). Имея в виду всю доступную нам информацию, можно сказать, что постоянный храмовый персонал состоял приблизительно из 1000 человек. В дополнение к ним храм часто пользовался также и услугами других квалифицированных ремесленников, даже нанимая их из разных городов, включая Вавилон. Например, один только текст упоминает 123 наемных работника, которые трудились на этот храм (CT LVI 665). Кроме того, некоторые ремесленники работали в течение определенного периода времени за постоянный доход (пребенда), который уплачивался главным образом лицам, имеющим право входа во внутренние части святилища, чтобы выполнить там обязанности, относящиеся к культовым делам и жертвоприношениям (мясники, пекари, пивовары и т. д.).

Такие пребенды можно было сдавать в аренду. Например, в 487 г. один владелец храмовой пребенды нанял некоего Бел-ремани (приводятся его отчество и родовое имя) для выполнения обязанностей пивовара в Эбббаре в течение четырех дней месяца шабату. При этом пребендарий должен был отдать ему хлеб и пиво для храмовых жертвоприношений, кроме того, еще 1 кур ячменя (VS VI 109). Согласно другому документу (VS IV 200), тот же самый Бел-ремани должен был заплатить другому лицу 22 сикля серебра за выполнение обязанностей пребендаря по пивоварению в «доме Шамаша в Сиппаре» (т. е. в Эбббаре). Он упоминается еще во многих документах в течение 45 лет (532–487 гг., см.: BRM I 70; Суг 260; VS III 99, 135 и др.). Он также часто появляется в качестве должника, беря ссуду деньгами и натурой (см., например: VS III 89, 99, 208 и др.). В течение некоторого времени он работал и храмовым писцом (BRM I 70 и др.). В CT LVI 196 говорится, что в 527 г. ему было выдано храмовой администрацией 5 сиклей серебра, чтобы купить дильмунские финики (т. е. с территории современного Бахрейна) для жертвоприношений. Как видно из Суг 260, в 532 г. пекий Нидинту должен был передать через Бел-ремани около 950 л ячменя в качестве арендной платы Эбббаре. Документ этот был написан самим Бел-ремани (см. также: Camb 288). В VS IV 145 Бел-ремани совместно со своим братом Шамаш-нациром передает некоему Ремут-Шамашу 12,5 сикля серебра за аренду лодки. Уплата эта была произведена по распоряжению Сиппарского жреца. По свидетельству VS VI 121, предприниматель по имени Мушезиб-Мардук обязался доставить Бел-ремани 18 л «хорошего вина из области Суху» на Среднем Евфрате, очевидно, в качестве его доли в совместной торговле (ср.: Dandamayev 1995: 34 f.).

Храмовые пребенды использовались не только для культовых потребностей. Например, право пользоваться доходом от ремесла лодочника было передано в аренду одному лицу (Суг 304).

Среди рабов храма в Сиппаре было лишь ограниченное число ремесленников. Документ Camb 398 фиксирует обязательство раба Эбббары, который был ткачом, сдать несколько платьев в храм. Но большинство храмовых рабов были

неквалифицированными работниками, которые использовались в качестве носильщиков, охранников и т. д. Основная роль в храмовом ремесле принадлежала свободным лицам, которые работали за плату или долю храмового дохода в виде пребенды. Многие документы бросают свет на деятельность ткача по имени Набу-нацир, который вместе со своими рабами трудился в Эбаббаре в течение по меньшей мере 21 года (552–531) за денежную и натуральную плату (см.: Dandamayev 1984: 290 ff.; сейчас к приведенным там текстам можно добавить еще СТ LVII 168 и 344). Другой ткач, который часто упоминается в текстах из того же архива, был Набу-бел-шумати. Например, в 551 г. ему было уплачено из храмовой кассы 5 сиклей серебра и 1 кур ячменя (СТ LVII 164). Ткач с тем же именем упоминается и в VS VI 16, составленном в Сиппаре в 606 г., т. е. за 55 лет до этого. Как видно из этого текста, ему было выдано 14 мин 51 (?) сикль серебра за изготовление различной шерстяной одежды для одной из богинь. По всей вероятности, эта сумма предназначалась не только для этого ткача, но и для людей, работавших вместе с ним. Известны также и другие ткачи, трудившиеся за плату, которые принадлежали к прослойке свободных граждан Сиппара (см., например: СТ LV 408; СТ LVI 194, 629, 668 и др.).

Из Сиппара сохранилось три контракта об обучении ремеслам, два из которых происходят из архива Эбаббары. Согласно одному из них, храмовый раб был отдан для обучения ремеслу изготовителя мешков (Nbn 172). Другой храмовый раб был определен к охотнику для обучения ремеслу последнего (Wongenaar, Jursa 1993: 31 ff.). Контракт Cug 313 происходит из частного архива и свидетельствует о том, что одна супружеская пара отдала своего раба для обучения в течение шести лет профессии отбельщика. Как видно из текста, после завершения срока обучения хозяева собирались подарить этого раба тому же храму.

Ремесленники заключали контракты с клиентами за определенную плату. Из Сиппара об этом сохранилось немного документов, но характер таких взаимоотношений хорошо прослеживается в текстах из других городов. В нескольких документах из Вавилона Итти-Мардук-балату из предпринимательского дома Эгиби упоминается в качестве заказчика. Например, сапожник сделал для него 4 пары обуви (Nbn 566). Этот же заказчик выдал 23 кур фиников пивовару для приготовления 25 чанов первосортного пива (Nbn 600). Он также уплатил мину серебра кожевеннику для дубления кожи (Cug 148). TCL XII 101 свидетельствует о том, что тот же предприниматель заказал у ювелира ожерелье из 303 камешек «красивого вида». Подобные же контракты известны также из архива предпринимательского дома Мурашу в Ниппуре. Например, один представитель этой фирмы заказал себе колечко с драгоценным камнем с гарантией, что он не выпадет оттуда в течение 20 лет (BE IX 41).

У нас нет документальных свидетельств о продаже вавилонскими ремесленниками своих изделий на рынке, хотя косвенные данные подтверждают это. Обычно такие сделки не совершались в письменном виде.

Из Сиппара сохранился контракт, заключенный в 480 г., согласно которому некий Улуая отдал своего младшего брата, чтобы копать канал, за 9 сиклей серебра в месяц и питание (см.: Joannès 1982: 89).

Среди различных профессиональных групп Сиппара были также купцы (*tamkāru*). Некоторые из них были наняты храмом, а остальные были профессиональными торговцами, занятыми внутренней и международной торговлей на свой риск и страх. Например, некий Шамаш-икиша упоминается во многих документах времени Набонида как продавец быков и овец для храмовых жертв (CT LV 68, 692, 699). Другой тамкар продал Эбаббаре двух баранов и трех овец за 20,5 сикля серебра (CT LV 608). Согласно CT LV 823, главный тамкар Сиппара преподнес богу Шамашу в качества подарка кусок полотна.

Коммерческие товарищества двух и более лиц, совершавших деловые операции, деля между собой прибыль и убытки, имели большое значение для торговли. Например, житель Сиппара Набу-этир вместе с двумя компаньонами вложил мину серебра в коммерческое предприятие, из доходов которого следовало платить ему ежегодно 10 сиклей «хорошего серебра» (см.: MacGinnis 1994: 119. N 2). Camb 412 — судебный протокол относительно двух мин серебра от совместной коммерческой деятельности двух лиц в течение времени между 559 и 530 гг. Решение по этому делу было вынесено сиппарским жрецом и «старейшинами города».

Торговая деятельность ряда жителей Сиппара может быть прослежена на следующих примерах. Мардук-шум-уцур (в текстах приводятся его отчество и родовое имя) упоминается в документах в течение 32 лет (между 539–507 гг.). В 539 г. он взял у некоего Шулайи в качестве ссуды 30 сиклей серебра. Сумма эта была взята не в самом Сиппаре, а в пригороде Вавилона Бит-шар-Бабили (CT LV 117). В 523 г. он в Сиппаре одолжил деньги (сумма не сохранилась) одному из своих контрагентов (CT LV 120). В следующем году он упомянут в списке свидетелей обязательства некоего Таттанну отдать храму Эбаббара 20 уток. Последний выступает также поручителем за одного храмового птичника, который во время проверки не смог предъявить числившихся под его опекой уток (Camb 407/408). В 522 г. в присутствии Мардук-шум-уцура и нескольких других горожан одному ювелиру было выдано 2 мины 40 сиклей золота для изготовления золотого сосуда, который предназначался храму (Graziani 1991 11). В 518 г. он уплатил часть своего долга (около двух мин) одной женщине и ее дочери (CT LV 95). В 517 г. он упоминается среди свидетелей одной долговой расписки (Dag 417).

Его сын Икишайя также известен из ряда документов, составленных между 515 и 497 гг. В 515 г. он взял ссуду в 50 сиклей серебра у одного жителя Сиппара с обязательством погасить ее в течение трех месяцев (Stevenson 1902 34). В 511 г. (?) он упоминается как должник пяти сиклей серебра (CT LV 93). CT LV 104, составленный в 504 г. в Вавилоне, отмечает его долг в 10 сиклей серебра некоему Адад-аттану, и третье лицо выступает в качестве поручителя. В 506 г. он упомянут среди свидетелей долговой расписки (Dag 433). Судя по документу от 503 г. из Вавилона, этот Икишайя взял в аренду пребенду, принадлежавшую одному из своих родственников, уплатив за это сыну последнего (MacGinnis 1991/92 11). В одном из текстов он несет ответственность поручителя при купле рабыни, некоей Кабтаи, женой Ардии, у Ринду, дочери Римута. Позднее Ринду продала эту рабыню самому Икишайя (CT IV, pl. 47. N 1). Наконец, в CT LV 192

он принимает предметы, изготовленные упомянутым выше Ардия из одного галанта (30 кг) бронзы по указанию сиппарского жреца. Судя по этому тексту, Ардия был ремесленником, который работал на Эбббару, и Икишайя, возможно, занимал какую-то должность в этом храме.

Другой представитель того же дома, а именно Икишайя-Мардук, известен из сиппарских текстов, датированных 514–489 гг. Он и еще один храмовый чиновник выступают свидетелями при передаче барана храму в качестве десятины (CT LV 745). По свидетельству Dar 365, 12 (?) сиклей серебра составляли остаток цены за дом, который он купил. В Dar 433 он ссужает 5(?) кур фиников одному из своих контрагентов. Он упоминается также среди свидетелей в документе о сдаче в аренду двум лицам права на орошение земель Эбббары (Jursa 1995. N 53; см. также CT II 2).

Население Сиппара, как и других городов страны, включало в свой состав некоторое количество свободных лиц чужеземного происхождения. Например, в 503 г. в Эбббаре обнаружили утрату куска полотна, и об этом было сообщено храмовому начальству. Затем кусок египетского полотна был обнаружен в вещах одного представителя храмового персонала, и чиновники допросили его, откуда у него эта ткань. Тот ответил, что купил ее у одного египтянина, который жил в городе, и свидетели подтвердили этот факт (CT II 2).

Основная часть населения страны владела сравнительно небольшими участками земли, от половины до двух-трех га. Поэтому было выгодно заниматься садоводством (главным образом выращиванием финиковых пальм). Как указывает ван Дриль, «расширение садоводства за счет пахотной земли было характерной чертой этого периода» (Driiel 1988:132). В дополнение к храмам и царю некоторые предприниматели и другие богатые люди также были крупными землевладельцами. Сохранился документ об обмене полями между царем Навуходоносором II и частным лицом по имени Халтику, сыном Аххешайи. Поля были расположены вдоль берега Евфрата в районе Сиппара, и каждое из них было площадью в 120 кур, т. е. по 162 га. Документ этот был написан в Вавилоне в 599 г. (см.: Bruschiweiler 1989:153 ff.).

Хотя большая часть земли в сельской округе Сиппара принадлежала Эбббаре, частное землевладение также продолжало существовать там, как об этом свидетельствует и вышеупомянутый документ. Однако мелкие участки земли обычно не упоминаются в текстах, поскольку их владельцы обрабатывали эти участки сами, не прибегая к помощи других лиц.

Возникает важный вопрос, жили ли ремесленники за счет своего ремесла или же с доходов с земли. По-видимому, такие ремесленники, как упомянутый выше ткач Набу-нацир-апли, получали достаточный для существования доход от храма, но тем не менее почти все свободные люди владели земельными наделами либо в городской территории, либо же в сельской местности.

Некоторые ремесленники известны и как арендаторы земли, в том числе и храмовой. В Samb 57 говорится о сдаче в 538 г. земли Эбббары в аренду одному плотнику, а также пяти земледельцам (ikkaru) и ряду других лиц, упомянутых по именам. Сумма арендной платы составила 52 668 л фиников, из которых 1980 л было уплачено плотником по имени Нергал-ремани. Он упоминается

как арендатор земли у того же храма от 542 до 518 г. Например, в СТ LVII 2 (строка 11) сумма его арендной платы финиками составила 25 кур (см. также СТ LVII 204: 4, 886: 9; Dar 136: 11 и т. д.).

Ткач по имени Гимиллу был арендатором финиковой рощи Эбаббары в 487 г. (см.: Jursa 1995: 218 f.; там же дана и ссылка на текст). Он упоминается и в нескольких других документах из Сиппара. Из Nbn 1072 видно, что ему было выдано 24 мины (12 кг) шерсти для окраски (дата разрушена). В 529 г. он снова получил 23 мины шерсти для изготовления одежды для храмовых богов (Camb 90; см. также Camb 256). Эта информация может быть дополнена и документами из других городов. Например, GCSI II 178 из архива Эанны в Уруке упоминает одного кузнеца как арендатора поля.

В EvM 23 из Вавилона упоминается царский плотник по имени Мардук-аххе-уцур, который купил поле в 10 800 кв. м и дополнительно еще одно поле с финиковыми деревьями, получив при этом право орошать их из близлежащего канала. Как видно из текста, эти поля были взяты им в залог за ссуду, выданную 13 лет до этого, но должник оказался не в состоянии расплатиться с ним. Наш документ составлен в 560 г., и цена поля обозначена как 3 мины 41 (?) сикль серебра, включая 5 ¼ сикля в качестве подарка бывшему владельцу земли (ср.: Sack 1972: 76, где дается копия текста).

Нет надобности говорить о том, что государственные и храмовые чиновники также были собственниками земельных владений. Например, в Dar 194 говорится о продаже поля, которое граничило с финиковой рощей наместника города Киш.

Основным источником доходов многих писцов была государственная и храмовая служба. Например, храмовые писцы получали от одного до трех кур ячменя или фиников в месяц (YOS VI 32, 96; YOS VII 110 и др.), но они имели также собственные земельные владения. Иногда они также арендовали храмовые поля и занимались торговлей и ростовщическими операциями. Согласно одному документу, составленному в 552 г. в Борсиппе, один царский писец продал свое зерновое поле и финиковую рощу за 1 мину 1 сикль серебра. Как видно из текста, эту сумму предполагалось использовать для оплаты долга Эзиде, храму бога Набу. Контракт был написан самим писцом (BE VIII 44).

Набу-эреш, сын Табнеа из рода Аху-бани, известен как писец частных контрактов из Вавилона времени Набонида (Nbn 336, 501, 605 и др.). Он начал свою писцовую карьеру, будучи достаточно состоятельным человеком, но несудачи постоянно преследовали его и, по-видимому, полностью разорили. У него были по меньшей мере поле и десять рабов, но он постепенно утратил все это имущество.

Значительные документальные свидетельства о крупных земельных владениях сохранились в архивах некоторых предпринимательских домов, включая Эгиби. Его глава Набу-аххе-иддин покупал поля, сады и финиковые рощи, расположенные в регионе Вавилона и граничившие с его собственными владениями (Nbn 178, 193, 203, 418, 477, 1111). Он обычно эти поля сдавал в аренду, как и дома (Nbn 47, 309, 353, 623 и др.). Его сын Итти-Мардук-балату жил в Вавилоне в «большом доме» (Nbn 1047). Он покупал и продавал дома, поля, рабов и

т. д. в Вавилоне, Борсиппе, Кише, Уруке и других городах (Самб 217, 226, 375; Суг 172, 264 и др.). Некоторые документы о его коммерческих операциях были составлены в столице Мидии Экбатанах и в других городах Элама и Персии (Суг 15, 29, 60 и др.).

Нергал-ушезиб, другой член семьи Эгиби, был писцом в Вавилоне в 517–502 гг. (Dag 166, 488), а также сдавал в аренду поля и финиковые рощи, принадлежавшие роду Эгиби, другим лицам (Dag 465–467 и др.). Мардук-нацир-апли из того же рода обменял поле в 2 кур (1 кур = 13 500 кв. м), расположенное в районе Дилбата, на поле в 6 кур близ Вавилона, которое граничило с его собственной землей, уплатив при этом 4 мины серебра за разницу в размере (Dag 265). Затем эти владения были сданы в аренду (Dag 172–175, 350 и др.). Он и его братья также владели полем вблизи Вавилона совместно с персидским чиновником Багасаром и платили последнему аренду чесноком, финиками, ячменем и пшеницей (Dag 527, 534 и др.). В одном случае арендная плата составила 170 кур ячменя (Dag 296; подробно об имущественных операциях Эгиби см. теперь: Wunsch 2000).

Могущественная семья Эгиби представляла лишь одну из многих предпринимательских фирм, которые занимались продажей, приобретением и обменом домов, полей и другого имущества. Такие предприниматели принимали деньги на хранение, давали и принимали векселя, уплачивали долги своих клиентов, а также вкладывали капитал в коммерческие предприятия. Однако эти люди не пользовались доверенными им деньгами для кредитных операций, которыми они занимались за счет собственных ресурсов. Таким образом, деятельность вавилонских предпринимателей в какой-то степени имела характер профессиональных банковских операций, хотя они не прибегали для этого к данным им на хранение чужим деньгам.

Еще задолго до нововавилонского времени земля стала частной собственностью и свободно продавалась, отдавалась в залог и потом могла быть отнята в случае неплатежеспособности владельца. Это был один из путей, которым храмы и частные лица приобретали землю. Храмовая земля не могла быть отчуждена, однако земля частных лиц давно стала предметом купли-продажи.

Некоторые люди прибегали к долгам, чтобы купить землю в надежде выгодно использовать ее. Например, согласно TCL XIII 193, Мардук-нацир-апли из семьи Эгиби занял в долг 45 мин серебра у одного царского чиновника сроком на 3 месяца под залог восьми рабов, а также финиковой рощи и посевного поля около Вавилона. Если долг мог быть не погашен в срок, все 8 рабов и земля должны были стать собственностью кредитора. Из этого текста, по-видимому, можно заключить, что должник срочно нуждался в деньгах, чтобы купить еще больше полей, домов, рабов или другого имущества. Документ о разделе имущества дома Эгиби упоминает более 100 рабов, 16 домов и других строений в Вавилоне и Борсиппе, 12 мин серебра. Однако поля, крупный рогатый скот, ослы, лошади и часть другого имущества были оставлены в общем владении (Dag 379). Некоторые дома, принадлежавшие семье Эгиби, сдавались в аренду для извлечения доходов (см.: Krecher 1970: 75 f.).

Насколько нам известно, в опубликованных документах из Сиппара рассматриваемого времени не имеется контрактов о продаже земли. Однако большое количество текстов из многих других городов свидетельствует, что земля свободно продавалась, закладывалась или отчуждалась каким-либо другим способом. Из Урука, который подобно Сиппару был храмовым городом, имеются документы о продаже земли. Например, в 611 г. поле площадью 15 625 кв. м, расположенное близ Урука, было продано за 1 мину 20 сиклей серебра (BIN I 130). Финиковая роща (около 10 га), расположенная около Урука, в 603 г. была продана за 32 мины серебра (см.: Joannès 1982. N 78; см. также из того же города: AnOr VIII: 8,23; AnOr IX 7; BIN I 127; BIN II 131; TCL XII 33).

Район Вавилона

Рассмотрим несколько документов из разных городов о продаже посевных полей и садов. В 535 г. было продано поле и финиковая роща площадью 64 575 кв. м. Та часть, где росли деревья, имела площадь 5625 кв. м и стоила 1 мину 15 сиклей, а остальная часть — поле, которое лишь недавно начали обрабатывать, и цена его была 45 сиклей. Общая площадь всей земли (64 575 кв. м) была продана за 5 мин 49 сиклей (см.: Cuy 160/161; Wunsch 1993: N 292). В 583 г. земля в 17 550 кв. м, на котором росли финиковые пальмы, была куплена за 1 мину 2 сикля (Nbk 135). По документу (VS V 7/8) от 586 г., 2 мины составляли цену поля в 18 900 кв. м. Как видно из VS V 105 (490 г.), 16 200 кв. м поля и сада были оценены в 2 мины 2 сикля, поле площадью 15 750 кв. м с финиковыми пальмами стоило 6 мин 29 сиклей (Dalley. N 75; 519 г.; из региона Вавилона см. также: BE VIII 7; BRL IV:69; Dar 321, 466; EvM 14; Sack 1972 13; TCL XII: 19; VS V 20; Weissbach, Mis. (WVDOG 4), pl.15, N 2).

Борсиппская зона

В 452 г. земля с полем и садом в 2700 кв. м была продана за 1 мину 1 сикль. Как видно из текста, это отчуждение состоялось по претензии храма Эзида к отцу владельца данной земли (BE VIII 44). В 545 г. земля в 9000 кв. м, где «находятся финиковые пальмы», была куплена за 6 мин 30 сиклей (TCL XII 30), а подобный участок в 1350 кв. м — за 30,5 сикля (NBC 8395, см.: Joannès 1989: 350). В 502 г. поле в 4050 кв. м было куплено за 2 мины 50 сиклей (VS V 97; из того же ареала см. также: Böhl 1936:118 ff., N 886).

Район Дилбата

В 490 г. поле в 16 200 кв. м. было продано за 2 мины серебра (VS VI 157).

Ниппурский ареал

В 514 г. поле и сад площадью 900 кв. м были проданы за 28,5 сикля (BRM I 73; см. также BE VIII 58).

Район Ура

UET IV 14 (523 г.) содержит запись о продаже финиковой рощи в 210,5 × 120,5 локтей за 3 мины 10 сиклей. UET IV 17 (497 г.) фиксирует продажу поля и финиковой рощи соответственно в 150, 127, 60, 60 локтей за 20,5 сикля (см. также UET IV 12, 13, 18–21).

Несколько других документов также бросают свет на цены на недвижимость. Согласно Dag 321, поле было продано «по тарифу 6 *акалу* за сикль серебра» (строка 12). Сам документ был написан в 510 г. в Вавилоне, и в нем речь идет о продаже 6 кур (81 000 кв. м) поля и рощи с финиковыми пальмами за 32 (около 16 кг) серебра. По свидетельству VS V 4 (Вавилон, 628 г.), поле было продано «по тарифу 6 $\frac{1}{3}$ *акалу*» (за сикль). Как отметил Поувелл, этот текст показывает, что «4 кур земли (7200 *акалу*) было продано по тарифу 1 сикль серебра за 6 $\frac{1}{3}$ *акалу*. Общая цена составляет 19 мин (= 1140 сиклей)» (см.: Powell 1984: 37, N. 18; ср. Powell 1990: 483, где сказано, что 1 *акалу* равняется около 6,9444 кв. м). Наконец, если судить по упомянутому выше EvM 23, посевное поле было продано «по тарифу 6 $\frac{2}{3}$ *акалу* за сикль». Следовательно, согласно этим текстам, около 41,664 кв. м стоили 1 сикль серебра, или цена 1 га земли составляла приблизительно 4 мины серебра. Другими словами, в этих случаях цена гектара земли была эквивалентом наемной платы взрослого работника в течение 20 лет (ср. ниже). Это исключительно высокая цена. Но, как мы видели раньше, гектар земли мог стоить и 2 мины серебра или еще меньше. Минимальная цена гектара земли обычно равнялась около 1 мины серебра, т. е. эквиваленту пятилетней наемной платы работника. Само собой разумеется, что цена земли зависела от ее качества, места расположения и других факторов, о которых мы можем только строить предположения (ср. перечень цен на землю в: Driel 1988: 152–158).

Столпер (1994: 337 сл.) отметил, что среди юридических текстов, составленных между временем Ксеркса и Александра Македонского (485–330 гг.), известно только 6 документов о продаже пахотной земли и садов. По его мнению, такая скудость, по крайней мере частично, может быть объяснена тем, что документы о продаже земли держали отдельно от долговых расписок и других рутинных текстов, поскольку первые были документами, удостоверяющими право собственности на землю, и поэтому они были предназначены для постоянного хранения. Относительно такого мнения также могут иметь значение следующие соображения. Прежде всего документальных свидетельств позднеахеменидского времени мало. Кроме того (и это гораздо важнее), в традиционных обществах земля была основным ресурсом для жизнеобеспечения, и к ее отчуждению прибегали лишь в самых исключительных случаях.

Здесь нет возможности обстоятельно рассмотреть цены на различные услуги и товары, но, не вдаваясь в детали, можно сделать несколько замечаний. Средняя арендная плата за дома колебалась от 5 до 20 сиклей серебра. Однако в 559 г. один дом в Сиппаре был арендован за 1 (?) сикль в год (Ner 29). В 493 г. дом в 288,75 кв. м, расположенный в Сиппаре, был продан за 2 мины 18 сиклей (VS V 103). Дом в 22,5 × 21,5 локтя (около 193,5 кв. м) был продан в Уруке за 1 мину 36 сиклей (YOS XVII 322; подробно см.: Joannès 1982: 289 f.).

Само собой разумеется, что цены на дома и разные услуги зависели не только от размеров и месторасположения, но также и от других обстоятельств, которые часто нам неизвестны. Например, засвидетельствован случай чрезвычайно высокой ставки арендной платы за дом на короткий срок времени. Арендуемый дом был расположен «на скате бога Бела» в Вавилоне и был сдан главе дома Мурашу Эллиль-шум-иддину, который прибыл в столицу из Ниппура, чтобы остановиться там «до отбытия царя» (время отъезда не указано). Вся арендная плата, которая составляла 1 мину 30 сиклей, была выдана заранее, в феврале 423 г. (BE X 1 = TMH 2/III 29). Причина такого исключительно высокого тарифа во время визита царя в Вавилон более или менее понятна. Очевидно, арендатор стремился показать свою преданность Дарию II, который после серьезной борьбы только что взшел на престол.

Цены на сельскохозяйственные продукты, естественно, зависели от сезона года. 1 кур ячменя или фиников обычно стоил 1 сикль серебра, 1 кур сезама — 7,5–9 сиклей, талант (30 кг) соли — 1 сикль. Цена мины (около 500 г) шерсти была 0,25 сикля, 5 мин ткани для полотна — 1 сикль, платье — 2 сикля, куртка — 8 сиклей, 5 пар обуви — 1 сикль. Вол или корова стоили от 7 до 37 сиклей, цены на ослов колебались от 28 до 52 сиклей. Обычная цена за овцу была 2 сикля (см. подробно: Dandamayev 1988: 54 f; Dubberstein 1939: 20 ff.).

Жизненный уровень в Вавилонии рассматриваемого времени был сравнительно высоким. Паевная плата взрослого работника составляла около 12 сиклей в год, или около 6 л ячменя или фиников в день (см.: Dandamayev 1988: 54 f.). В течение нововавилонского периода цены постепенно повышались и к концу ахеменидского времени увеличились в полтора раза, однако заработная плата также росла. Можно привести следующие данные о жизненном уровне в VII–IV вв. Согласно Nbn 113, написанному в Сиппаре в 553 г., некий Наид-Мардук при разводе обязан был ежедневно платить своей жене в качестве алиментов 4 ка (около 4 л) хлеба и 3 ка пива, а также ежегодно 15 мин (около 7,5 кг) шерсти, 1 пан (36 л) сезамного масла и столько же соли и 4 сут (24 л) салатной травы. Это обязательство было возложено на него в присутствии сиппарского жреца. Перед ним же был составлен СТ LV 133, по которому разведенной жене полагалось выдавать ежедневно какое-то количество (цифра разрушена) хлеба, 4 ка хорошего пива, а также ежегодно 2 сут (12 л) соли и т. д. В Сур 339 одна женщина отпускает своего раба на свободу с условием, что он будет снабжать ее ежедневно 6 л хлеба и таким же количеством хорошего пива, а также определенным количеством салата и соли в месяц и ежегодно 30 кг шерсти для

одежды и, наконец, 3 баранами. Этот документ также был составлен при сиппарском жреце.

Один ремесленник (*umtānu*) получал в качестве пищевого рациона 4 сут муки в месяц (Сур 106), т. е. приблизительно 0,8 л в день, а сторож судебной палаты — 4 пан ячменя за 6 месяцев (GCC I II 65), т. е. те же 0,8 л в день. 55 работникам было выдано 123 кур ячменя и фиников в качестве годового рациона (Nbn 469), т. е. приблизительно по 1,26 л на человека в день. Другому лицу было выдано 60 л ячменя и такое же количество фиников в месяц (Сур 296). Таким образом, средний пищевой рацион взрослого свободного человека колебался между одним и двумя литрами зерна, но обычно составлял около 1 л. Такое же количество пищи выдавалось также и рабам (см.: Dandamayev 1984: 239 ff.).

Безземельные люди могли стать наемными работниками или арендовать чужую землю вместе с инвентарем и тягловым скотом. Группы наемных работников иногда по несколько сот человек упоминаются в храмовых документах. Такие люди не соглашались работать за низкую плату и отказывались трудиться, когда им не платили вовремя или же происходили перерывы в выдаче пищи (см. подробно: Dandamayev 1984: 302 ff.).

Самопродажа стала исключительно редким феноменом, возможным только при катастрофических обстоятельствах. Практика самозаклада исчезла, и обнищание и порабощение свободного населения не носило массового характера. Именно по этой причине, в отличие от всех предыдущих периодов истории Месопотамии, долговое рабство занимало лишь незначительное место в жизни общества и не представляло ему серьезной угрозы. По этой же причине ограничение долгового рабства определенным периодом времени, установленное Законами Хаммурапи, перестало действовать. Кроме того, в рассматриваемое время уже не действовали акты *mīšarum* и *andurārum*, по которым вавилонские цари 2-го тысячелетия до н. э. возвращали земли их первоначальным владельцам, провозглашали свободу от долгового рабства, а также отменяли долги. Также совершенно очевидно, что, в отличие от ранних периодов, не существовало никаких санкций в отношении отчуждения земель в сельской местности.

Как известно, Карл Поляний неоднократно высказывал мнение, что рыночной экономики не существовало на Древнем Ближнем Востоке. Такая модель была принята выдающимся ассириологом Оппенгеймом, утверждавшим, что древние ближневосточные типы экономики не носили рыночного характера, а вслед за ним и многими другими историками. Но представленные выше документальные свидетельства о свободном отчуждении земли, о значительной роли свободного наемного труда, а также документальные данные массового характера об оживленных рыночных отношениях в вавилонской экономике 1-го тысячелетия показывают, что структура этого времени отличалась от таковой в 3-м и во 2-м тысячелетиях. По-видимому, не существовало никаких фундаментальных различий в рыночной экономике Вавилонии и античных обществ интересующего нас времени. Поэтому теория Поляния о самодостаточном характере древних типов экономики вряд ли применима к поздней Вавилонии.

ИМЕНΙΑ АХЕМЕНА В ВАВИЛОНИИ¹¹

В результате административных и финансовых реформ Дария I около 518 г. до н. э. небольшая часть населения Египта, Сирии, Вавилонии, Малой Азии и, возможно, других стран Ахеменидской державы лишилась некоторой доли своей земли. Эти земли большими поместьями были распределены в полное и наследственное владение членам царской семьи, представителям персидской знати и высокопоставленным чиновникам. Например, сатрап Египта Аршам владел обширными имениями в Египте и некоторых других странах (Driver 1965 I, 6, 12). Такие имения персидской знати были освобождены от уплаты налогов.

Многие персы владели в Месопотамии значительными имениями. В частности, им были переданы земли в округе города Ниппура (Eilers 1940:12. 65). Такая же ситуация существовала и в некоторых других местах этой страны. Особенно крупные имения принадлежали сыновьям и женам персидских царей. У них были собственный аппарат управления, охрана и даже судебные исполнители. Обычно эти земли, как и имения, принадлежавшие царю, сдавались в аренду предпринимательскому дому Мурашу и другим арендаторам. Персидские сановники часто жили в больших городах на доходы с владений, забота о которых лежала на их управляющих.

Как видно из документов архива Мурашу, некий Ахемен (Ahiāmanuš) (ibid.: 50, rem. 3)¹² и его сын Фрадаг (Iradātu, др.-перс. *Frādāta) принадлежали к персидской знати, владевшей землей в округе Ниппура. Оба они носили титул māṛ bīti (дословно «сын дома»), обозначающий сыновей ахеменидских царей (см.: Eilers 1962: 56–57)¹³.

Как известно, после подавления восстания в Египте в 484 г. до н. э. Ксеркс назначил своего брата Ахемена сатрапом этой страны. Этот же Ахемен командовал египетским флотом во время вторжения армии Ксеркса в Грецию (Herod. 7.97). Позднее, когда египтянин Инар поднял новое восстание против персидского господства, в битве при Папремисе в 459 г. Ахемен погиб и его место сатрапа Египта занял Аршам (см.: Driver 1965: 93).

По всей вероятности, владелец земельных владений в окрестностях Ниппура Ахемен был внуком одноименного сатрапа Египта. Во всяком случае, имя это было очень редким, и его носили, насколько нам известно, только члены царской династии, основателем которой в отдаленные времена был мифический или реальный Ахемен.

Обратимся теперь к текстам, в которых речь идет о землях Ахемена, сдававшихся в аренду.

¹¹ Сокращенная версия (без транслитерации) статьи «The Domain-Lands of Achaemenes in Babylonia» (AoF I. 1974. P. 123–127).

¹² Указанная вавилонская форма передает др.-иранское Naχāmaniš (др.-греч. Λαχίμηνης).

¹³ В арамейских текстах ахеменидского времени это же самое др.-иранское выражение передается bar bāitā, «сын дома» (см.: Driver 1965: 40–41; там же приводятся и другие значения рассматриваемого аккадского термина).

BE X 85: «30 кур ячменя, 1 чан пива отменного качества, 2 овцы, 1 пан 4 сут муки составляют полную арендную плату за 4-й год царя Дария, с зерновых полей царевича Ахемена в местности Хамбанай, которые находятся в управлении Манну-икаби, назначенца Ахемена, и сданы Римут-Нинурте. погомку Мурашу. Назначенец Ахемена Манну-икаби получил из рук Римут-Нинурты, потомка Мурашу, этот ячмень, а именно 30 кур (1 чан пива), 1 пан 4 сут муки — установленную арендную плату с полей (за 4 г.) царя Дария. Свидетели (*имена семи человек*), писец (*имя*). Ниппур, 13 день месяца ду'зу 4-й год Дария, царя стран. Печати (отгиски печатей четырех свидетелей и Манну-икаби)».

PBS 2/1 201: «1 мина серебра — цена фиников за 4-й год Дария с поля... которое принадлежит Фрадату, сыну Ахемена, и находится в распоряжении Римут-Нинурты, потомка Мурашу. По поручению Фрадата Циха и Нинурга-этир, рабы Фрадата, получили это серебро, а именно 1 мину, цену этих фиников за 4-й год, из рук Римут-Нинурты, потомка Мурашу; им уплачено, они вместе с Фрадатов должны составить расписку и вручить ее Римут-Нинурте, потомку Мурашу. Свидетели (*имена восьми человек*), писец (*имя*), 28 день месяца улулу 4-й год Дария, царя стран. (Отгиск) печати Цихи; отпечаток ногтя Нинурга-этира; отпечатки печатей (*шести свидетелей*)».

PBS 2/1 103: «1 мина серебра — полная арендная плата с поля за 5-й год царя Дария, со всей земли с финиковыми насаждениями и зерновыми полями, расположенными в пригороде Ниппура, (с полей), которые принадлежат Фрадату, сыну царевича Ахемена, (и) находятся в распоряжении Римут-Нинурты, потомка Мурашу. Царевич Фрадат получил это серебро, 1 мину, установленную арендную плату с этих полей за 5-й год царя Дария, из рук Римут-Нинурты, потомка Мурашу; ему полностью уплачено. (Документ составлен) в присутствии Иштабузану и Хумардату, судей (округа) канала (по имени) Нур-Син. Свидетели (*имена пяти человек*); писец (*имя*). Ниппур, 16 день месяца симану 5-й год Дария, царя стран. (Отгиск) железного перстня царевича Фрадата; (отгиск) печати Хумардату, судьи (округа) канала Нур-Син; (отгиск) печати Иштабузану, судьи (округа) канала Нур-Син; (отгиски) печатей (*двух свидетелей*)».

Все три переведенные выше документа являются расписками об уплате аренды с полей, сданных хорошо известному предпринимательскому дому Мурашу в Ниппуре. BE X 85 фиксирует уплату в 420 г. с поля Ахемена, расположенного в местности Хамбанай, 4500 л ячменя, а также пива, овец и муки (около 50 л). Определенный интерес представляет тот факт, что в том же месте были расположены поля, принадлежавшие царевичу Дуидана (BE X 82: 4-5 (m)dun-da-na-a' LÜ māṛ bīti), которые также были в том же 420 г. сданы дому Мурашу за годовую плату в 200 кур ячменя. Кроме того, наделы царских воинов, включая «киммерийцев» (анахронизм для обозначения скифов и среднеазиатских саков), также были расположены в той же местности Хамбанай (BE X 81: 4, 11; 90: 4, 8; 97: 7; 122: 4; PBS 2/1 220: 3; ТМН 2/1 145: 3, 4). Из этого можно сделать вывод, что земли в этом округе были отняты у покоренного населения и распределены среди персидской знати и царских воинов.

Из BE X 85 видно, что чиновник Ахемена Манну-икаби принял по его указанию арендную плату. Это же лицо упоминается как свидетель в документе

BE X 84, составленном в тот же самый день, что и BE X 85, но здесь он назван рабом (*ardu*) Ахемена.

PBS 2/I 201 является так называемой абстрактной долговой распиской, как как писец не упоминает существо дела, а именно факт, что деньги (одна мина) составляли арендную плату. Но это легко понять в контексте параллельных текстов (см.: Cardascia 1951:121). По этому документу деньги были выплачены арендатором двум рабам Фрадата по его поручению. Но в PBS 2/I 103 он сам получает плату.

Ахемен выступает в качестве арендодателя только в BE X 85 (420 г.) В PBS 2/I 201, составленном спустя два месяца, и в PBS 2/I 103 от 419 г. Фрадат является арендодателем. Возможно, что Ахемен умер в 420 г. и затем его сын Фрадат унаследовал имения в окрестностях Ниппура.

ЦАРСКИЕ ПАРАДИЗЫ В ВАВИЛОНИИ¹⁴

Персидский царь Артаксеркс II заявляет в одной из своих надписей из Суз следующее: «Это — дворец (*hadīš*), который я построил как *paradaidām*» (вместо **paridaida-*). Надпись эта составлена на трех языках, однако в эламской версии вместо *paradaida-* написано слово [*da-š*)]*a-ra-um*, т. е. *tačara* — другое слово для обозначения дворца, которое было заимствовано из древнеперсидского. В вавилонской версии надписи слово, соответствующее *paradaidā-*, разрушено (надпись A² см.: Scheil 1929: 92–93; см. также: Kent 1953:154–155). Еще первый издатель этого текста В. Шейль высказал мнение, что *paradaidā-* соответствует греческому *παράδεισος* (Scheil 1929: 93; см. также: Kent 1953:195; Gershevitch 1964: 34)¹⁵. По мнению Бенвениста, *partetaš*, встречающееся в персепольских табличках сокровищницы, было заимствованным словом из др.-персидского **paridaida-*, которое греки передавали как *παράδεισος*, т. е. «парк с дичью» (Benveniste 1954: 309, 246; 1958: 58; см. также: Brandenstein, Mayrhofer 1964:137). Слово *partetaš* засвидетельствовано также в персепольских документах крепостной стены, согласно которым там хранились различные товары. В текстах упоминаются 9 обозначенных этим словом мест (в одном случае оно использовано в качестве собственного названия топонима) (Hallock 1969:15). Халлок полагает, что *partetaš* был скорее складом для хранения продуктов, чем «парком для отдыха» (*pleasure park*). Он также ссылается на устное сообщение И. Гершевича, который выразил сомнение в идентичности указанных греческого и др.-персидского слов, а также на письмо Бенвениста, где говорилось, что вопрос относительно *partetaš* нуждается в пересмотре (*ibid.*: 15). Однако Хинц обратил внимание на то, что в нескольких вавилонских текстах ахеменидского времени

¹⁴ Перевод статьи (с некоторыми изменениями) «*Royal Paradeisoi in Babylonia*», опубликованной в: *Acta Iranica. Hommages et Opera Minora. Vol. IX. Orientalia J. Duchesne-Guillemin Emerito Oblata. Leiden. 1984. P. 113–177.*

¹⁵ Как известно, в христианской и мусульманской литературе это слово употреблялось для обозначения «рая» (или Эдема).

засвидетельствовано слово *pardēsu* (ср. также др.-еврейское *pardēs*) (Hinz 1975:179; Soden 1959–1981: 833). Это слово заимствовано из др.-персидского. Тот же автор считает, что др.-перс. **paridaida-*, эламское *partetaš* и греч. *παράδεισος* являются идентичными словами и в Древнем Иране так обозначалась «государственная земля» (*Domäne*) (Hinz 1975:179).

Обычно парадизы были парками с разного рода деревьями и дикими животными, предназначенными для охоты. Ксенофонт рассказывает, что персидские цари проводили много времени в таких парках и заботились о том, чтобы эти царские сады с наилучшими растениями и деревьями были разбиты во всех местах, куда они направлялись. Этот же автор дает описание парадиза в столице Лидии Сардах, который принадлежал Киру Младшему (Оес. IV, 13 сл.). Царский парадиз был расположен также у Келена во Фригии (Хен., *Anab.* I, 2, 7–9). Плутарх упоминает прекрасные парки Артаксеркса II, разбитые в первоначально безлесной и пустынной местности (Art. 25). Известно также, что Дарий I похвалил Гадату, который, по-видимому, был хранителем парадиза около Магнесии у реки Меандр в Малой Азии, за его усердие в посадке деревьев, доставленных из района за Евфратом (Сирия) в Нижнюю Азию (Dittenberger 1915 22; см. также: Voffo 1979: 267 ff.). Царские парадизы были разбиты также в Финикии, Сирии и некоторых других странах Ахеменидской империи (см., например: Clermont-Ganneau 1920). Целью данной статьи является обратить внимание на вавилонские тексты с упоминанием слова *pardēsu*, которые до сих пор оставались неизученными.

СТ 22. N 198 является письмом чиновника храма Эбаббара в Сиппаре Римута к наместнику этого города, который одновременно был там и главным управляющим храмовой администрации (*šangû*). Оно было переведено Эбелингом, однако слово *pardēsu* было им неверно прочитано (Ebeling 1949: 108). Судя по тексту, который, однако, разбит в его существенной части, Римут сообщает своему адресату, что он направляется, чтобы разбить «*pardēsu* для виноградника» (строка 16: *par-de-sa-a-na (iṣ) kaṛāni*, см.: Soden: 833), и поэтому просит отправить в его распоряжение не менее пятнадцати работников. Письмо не датировано, но, как и основная часть архива, оно относится к VI в. до н. э. Исходя из просопографических данных, Эбелинг считал, что оно было написано в конце правления Набонида (Ebeling 1949: 109). По той же самой причине его, конечно, можно отнести и ко времени, когда Кир покорил Вавилонию.

Тот же термин для обозначения парка содержится и в документе Сур 212, который имеет следующее содержание¹⁶. «В присутствии Аплая, сына Табнеа, и третьего воина колесницы Надина, Шапик-зер получил 1 сикль серебра из рук Мардук-ремани для оплаты смены работников *pardēsu*. 22-й день месяца тебе-ту 5 г. Кира, царя Вавилона, царя стран» (534 г. до н. э.). Насколько мне известно, имя Аплая, сына Табнеа, не встречается в пока известных вавилонских текстах второй половины VI в. до н. э. В тексте также не указано место его составления и не даны отчества Шапик-зера и Мардук-ремани. Однако в административных текстах архива Эбаббары они часто упоминаются как храмовые

¹⁶Транскрипцию клинописного текста см. в английском варианте данной статьи.

чиновники. В отличие от частнопровых документов, где патронимия контрагентов почти всегда указывается, отчества храмовых чиновников обычно не даются, поскольку они были в своей общине хорошо известными людьми. По свидетельству ряда документов времени Набонида, Кира и Камбиза, Шапик-зер собирал арендную плату с полей Эбббары и выдавал рационы храмовым работникам (Nbn 350, 664, 690, 754, 938, 1061; Cug 187, 367; Camb 79 etc.). Как видно из других текстов, Мардук-ремани выполнял подобные функции в том же храме и в тот же период (Nbn 795; Cug 377; Dar 408 etc.).

Поэтому можно полагать, что рассмотренный выше документ Cug 212 принадлежал архиву храма Эбббара в Сиппаре. Судя по его содержанию, администрация Кира велела разбить «парадиз» близ Сиппара, и в соответствии с храмовой политикой ахеменидских царей (ср. ниже) выполнение этой задачи было возложено на Эбббару. Жители Сиппара и храмовые рабы были направлены на эту работу, и Шапик-зер выдал один сикль серебра одной из этих групп, вероятно для приобретения продуктов. По всей вероятности, в СТ XXII 198 и Cug 212 имеется в виду один и тот же парк.

Эбеллинг дал транслитерацию и перевод YOS III 133, но в строке 11 он неверно читает *ud-di-e-su* вместо *par-de-e-su* и полагает, что первое из этих слов является шумерским и имеет значение «ежедневно» (Ebeling 1930: 106; 1953: 15). Это письмо от храмового чиновника по имени Иннин-алик-пани к управляющему (имя его разбито) Эанны в Уруке и Набу-ах иддину. Титул последнего не дан в тексте, но он известен из десятков документов архива того же святилища как царский уполномоченный в этом храме от 17-го года времени Набонида (539 г. до н. э.) до 4-го года времени Камбиза (526 г.) (San Nicolò 1941: 19–20).

Иннин-алик-пани информирует своих начальников о том, что он является ответственным за «работу дворца» (строка 8: *dul-lu šá ekalli*). Судя по содержанию письма, он был занят посадкой финиковых пальм, заготовкой кирпичей и «работой в парке» (строки 10–11: *dul-lu šá par-de-e-su*). Далее отправитель письма продолжает, что работа его тяжелая, работники провсряются два-три раза в день и из 50 человек 20 уже убежали. В заключение он просит прислать ему деньги, чтобы купить хлеб и воду для своих подчиненных.

Из рассмотренного текста видно, что управление храма Эанна получило распоряжение разбить «парадиз» недалеко от Урука и для этой цели послало туда своих работников. Как известно, при Ахеменидах вавилонские храмы обязаны были выполнять государственные повинности, посылая своих рабов (сельскохозяйственных работников, пастухов, садовников, плотников и других людей) для работы в царских имениях. Храмы также должны были передавать часть своих доходов государству. Например, в 538 г. Эанна получила распоряжение послать 200 голов овец и коз «для царского стола во дворце, который расположен в городе Аману» (AnOr VIII 67). Через два дня после этого тот же храм должен был послать туда же 80 «взрослых овец» (GCCI II 120). Но этого оказалось недостаточно, так как царский пир, по-видимому, продолжался еще долго. Через 13 дней пастухи Эанны получили приказание дополнительно доставить новое количество овец и коз (сколько именно, не указано), чтобы зарезать в том же

дворце, хозяином которого был персидский царь Камбиз. Более того, в том же году из Эанны во дворец в Аману было послано 200 чанов пива (YOS VII 129), а через несколько лет и пряности (YOS VII 86). По всей вероятности, город Аману находился близ Урука¹⁷. Не исключено, что «парадиз», упомянутый в YOS III 133, был ахеменидской резиденцией, расположенной в Аману, где время от времени пребывали Кир и Камбиз.

Наконец, упомянем еще фрагмент одного долгового документа относительно фиников, составленного в 464 г. до н. э., где, в частности, говорится о «верхнем парадизе»¹⁸. Текст этот происходит из архива предпринимательского дома Мурашу в Ниппуре. Как известно, ахеменидские цари владели обширными имениями в регионе этого города (BE IX 6, 7, 14, 46 и др.).

Таким образом, из указанных текстов видно, что в Вавилонии было по меньшей мере три «парадиза», которые принадлежали персидским царям и находились в окрестностях Сиппара, Урука и Ниппура.

ДРЕВНЕИРАНСКОЕ PASA'DU¹⁹

Слово *pasa'du* является *haxax legomenon*, которое встречается лишь в одном документе ахеменидского времени. Ученые уже высказывали мнение, что это древнеиранское слово, однако не смогли предложить какой-либо удовлетворительной этимологии. В двух фундаментальных словарях аккадского языка оно предположительно переведено «касса» (*eine Kasse?*) или «для службы» (*for service?*) (АНУ р. 838; CAD Q: 156). По мнению Цадока, указанное слово обозначало определенную «дань» (*impost*), и его второй компонент, может быть, содержит *yāta-*, засвидетельствованное в слове *urraīāta* (Zadok 1984: 36). Последнее означало какой-то натуральный налог (Stolper 1977: 254–259). Жоаннес полагает, что рассматриваемое слово, возможно, имеет отношение к др.-перс. *pašti(š)*, которое он переводит «пехотинец (?)» (Joannès 1982: 22–23). Однако, насколько мне известно, такое слово не засвидетельствовано в древнеперсидских текстах.

Рассмотрим текст VS IVб 126, где встречается интересующее нас слово. Оно написано (строка 4): *pa-sa-a'-du*. Документ этот был переведен Сан-Николо и Унгнадом (NRV 559: 481), однако не поняли ими, поскольку значение искомого слова не было известно. В тексте говорится, что некая Инба, дочь Набу-шумиддина, уплатила 20 сиклей серебра начальнику лучников (*rab qašti*) Набу-шумишкуну в качестве *pasa'du* ее сына Нидингу-Мардука в Эламе в 9-й год царствования Дария I (513 г. до н. э.). Каждому из контрагентов было выдано по одной копии документа, который был составлен в городе Сиппаре в Вавилонии в том же 513 г.

¹ Эти тексты были обстоятельно рассмотрены в: San Nicolò 1949: 323–330.

¹⁸ Строка 9 документа CBS 13039: *pa-ar-de-c-su e-le-nu-ù*; см.: Stolper 1974.

¹⁹ Перевод статьи «The Old Iranian Pasa'du», опубликованной в: *Archaeologia Iranica et Orientalis. Miscellanea in Honorem Louis Vanden Berghe. Vol. I. Gent. 1989. P. 563–566.*

Как видно из рассмотренного текста, в 513 г. Нидинту-Мардук должен был отправиться в Элам вместе с начальником лучников, которому его мать уплатила 20 сиклей серебра. Очевидно, он был обязан нести военную повинность в этой стране, и, по всей вероятности, деньги были предназначены для закупки необходимого военного снаряжения, а также для дорожных расходов.

Сохранилось много вавилонских документов относительно выполнения военной повинности, и, если высказанное выше предположение верно, они должны содержать аккадский эквивалент для *paša'du*. Рассмотрим некоторые из этих текстов. По свидетельству Dar 308, в 511 г. в Шахрину (один из пригородов Вавилона) некий Бел-иддин, сын Набу-зер-ушабши, взял ссуду в 30 кур (5400 л) фиников и 30 сиклей серебра под залог поля с зерновым урожаем на корню и финиковыми пальмами. В тексте отмечается, что «серебро было выдано для (приобретения) военного снаряжения (*riqis qabli*, см.: CAD Q:11; ANw. 887 (с более ранней литературой)) для несения (службы)» в Эламе. Тот же самый Бел-иддин (в тексте приводится и его отчество) упоминается также еще в двух текстах из Шахрину. Согласно одному из них (Dar 430), он должен был служить в качестве запасного воина в войске в 506 г., поскольку был владельцем надела лука, пожалованного царем для выполнения повинности (см. также Dar 400). Другой текст (Dar 481) упоминает «серебро для военного снаряжения» некоего Набушум-уцура, который назван «воином царя» (*LU šāb šarri*). Документ был составлен в Вавилоне в 503 г. По свидетельству Dar 164, некий Набу-баку-уцур взял в долг 30 сиклей «серебра для военного снаряжения в 5-й год царствования Дария, чтобы отправиться в местность Шеладу». Сам текст был написан в Шахрину в 517 г. В Dar 167 также фиксируется долг в 50 сиклей серебра, выданных для той же цели в том же самом году. Но дата и место составления текста отломаны, однако, по всей вероятности, он также происходит из Шахрину. Что же касается местности Шеладу, нам не известно, где она находилась.

Dar 253 содержит перечень предметов военного снаряжения и продовольствия для всадников в течение трех лет. Кроме того, эти люди потратили 50 сиклей серебра на приобретение осла и 36 сиклей на его корм. Они также купили 12 платьев, 12 грудных панцирей, 12 остроконечных шапок (*karballatu* — др.-иранское слово), 12 сосудов и 24 пары обуви. По всей вероятности, эта группа состояла из 12 всадников. Среди продуктов для этих людей упоминаются также растительное масло, соль и т. д. Документ относится к 513 г., однако место его составления не указано. В заключение можно упомянуть также VS IV 139 из Боргиппы, в котором говорится «о серебре для снаряжения лодочников».

Все тексты, рассматриваемые здесь, относятся ко времени правления Дария. Выражение *riqis qabli*, означающее «военное снаряжение», встречается также в аналогичных текстах времени его предшественника Камбиза (см., например: Camb 276, 292 и др.). Однако практика приобретения снаряжения и продовольствия самими призванными для несения службы воинами существовала еще в халдейские времена, и в этом отношении никаких новшеств не произошло, по крайней мере при ранних Ахеменидах. Например, как видно из Nbn 103, написанного в Шахрину в 3-м году царствования Набонида (553 г. до н. э.), некий Набу-апла-иддин вместе со своей матерью взяли ссуду в одну мину серебра под

залог поля. В тексте отмечается, что серебро предназначалось «для снаряжения воинов вавилонского царя».

Из упомянутых здесь текстов видно, что иранское *pasa'du* было эквивалентом аккадского *riqis qabli*, которое означало «военное снаряжение», *aes militare*. Как мы выше видели, до сих пор для *pasa'du* не была предложена удовлетворительная этимология. Мне представляется, что это слово восходит к др.-иран. *patsād, *pati-sād (a) — «вооружение», «панцирь», которое могло произноситься *passādu*, *pasa'du*. В. А. Лившиц обратил мое внимание на слово *pts'δ*, которое в одном документе с горы Муг встречается в выражении *'spwδ pts'd*, «конское снаряжение» (?). Первое слово в этом выражении означает «покрытие лошади» (Лившиц 1962: 209). Такое толкование подтверждается и словом *pts'd* в христианских фрагментах сирийского перевода Псалтыри. Форма написания этого слова в согдийских христианских текстах свидетельствует о том, что оно произносилось *patsād*. М. Шварц перевел *pts'd* в согдийско-христианских текстах как «щит», отметив при этом, что это слово встречается в выражении *pšt' q't pts'd* — «оружие и щит» (Schwartz 1967: 141–142 (дис.; указано В. А. Лившицем)).

Таким образом, *pasa'du*, очевидно, имело такое же значение, как и аккадское *riqis qabli*, «снаряжение», т. е. необходимые для воина вещи.

АХЕМЕНИДСКИЕ ИМЕНΙΑ В ЛАХИРУ²⁰

Как известно из арамейских и греческих источников, ахеменидский царевич Аршам был сатрапом Египта в V в. до н. э. и владел обширными имениями в Нижнем и Верхнем Египте. В одном из писем на арамейском языке он дает распоряжение управляющим имениями в Ла'ре, Арзухине, Арбеле и некоторых других пунктах на пути из столицы Элама Суз до Дамаска в Сирии выдавать ежедневно муку, вино или пиво и корм для лошадей из его «имущества, которое в ваших провинциях», группе работников под руководством управляющего его имениями в Нижнем Египте Нехтихора, отправленного из Суз в Египет. Аршам, однако, предупреждает, что, если эти люди будут пребывать более одного дня в какой-либо местности, «за эти дни не давайте им лишних пайков». Управляющим в Ла'ре был некий Набудалани, судя по его имени, вавилонянин (Driver 1965: 27f. N VI; см. также: Grelot 1972: 310–312; Porten, Yardeni 1986: 114f.).

Еще Драйвер, первый издатель рассматриваемых здесь арамейских писем, идентифицировал указанный топоним с *Laḥīru*, городом в Восточной Вавилонии недалеко от границы с Эламом (Driver 1965: 57). Тот же автор отметил также, что Лахиру упоминается и в Библии среди городов, завоеванных ассирийцами еще до царствования Синаххериба (*ibid.*: 57, n. 1; со ссылкой на II Kings 19:12–13 = Isaiah 37: 12–13).

²⁰ Сокращенный перевод статьи «Achaemenid Estates in Laḥīru» (*Iranica Antiqua* XXVII (1993). P. 117–123. Сокращения сделаны в основном за счет пропуска транслитераций клинописных текстов, а также и ссылок на некоторые работы.

Датировка новоассирийских источников относительно Лахиру была рассмотрена Бринкманом (Brinkman 1968: 178). И в ассирийских и в вавилонских источниках этот топоним написан с детерминативом для обозначения города (URU) или страны (KUR)²¹. В начале X в. до н. э. Лахиру находился под властью ассирийцев, но в то время их господство над этим городом было скорее эфемерным. Позднее Тиглатпаласар III включил его в состав Ассирии. В 712 г. Саргон II принял от Лахиру дань лошадьми, мулами, крупным рогатым скотом и овцами. Мать ассирийского царя Асархаддона владела в этом городе или около него недвижимостью. Хотя Лахиру имел своих шейхов (*nasīkâte*), при преемниках Саргона им управляли ассирийские наместники (*bēl pīḫati*), которые также несли военные функции. В 673 г. наместник Лахиру был эпонимом Ассирии (Brinkman 1968: 178, п. 1093). Один документ о продаже какой-то деревни содержит оттиск печати наместника Лахиру (Kwasman, Parpola 1991 287: 1). В текстах упоминается также управитель (*LÚ gabû*) этого города (*ibid.*: 255:1–2). В одном письме говорится о «караване, который прибыл из Лахиру» (Waterman 1930 781: 6–7).

Ряд текстов фиксирует выполнение в Лахиру «царских повинностей» (*ibid.*: 1, 286: rev. 3 (ARAD-ú-tu šo LUGAL); см. также N 543, 558, 1108 и 1214). Особый интерес представляет письмо с сообщением Саргону II о том, что в области (NAM) Лахиру сделаны запасы зерна для корма лошадей и для провизии царских воинов в течение месяца, которые составляли 38 490 ослиных вьюков (около 1 387 200 л) (Lanfranchi, Parpola 1990 II. N 250).

В одной из своих надписей Навуходоносор II заявляет, что ремесленники «от Верхнего моря до Нижнего моря», включая области Агаде, Аррапха и Лахиру, были направлены для сооружения башни Этеменанки в Вавилоне (Langdon 1912: 146. N 17: col. II, rev. 1–14). Остальные вавилонские источники о Лахиру происходят из частных и храмовых архивов. Один фрагментарный документ фиксирует факт покупки рабыни «в стране Лахиру» (ГМН 2/III 267: 6: AŠ.KUR La-ḫi-ri) с последующим посвящением ее в храм в качестве рабыни. Документ был составлен в период правления Син-шар-ишкуну.

Частный документ из Сиппара от 530 г. содержит обязательство двух лиц, которые были братьями, нести повинность с надела лука, пожалованного им царем с условием снаряжать лучника. «Всякий раз, когда они отправятся в город Лахиру, они должны уплатить налог *telitu*, наложенный на их надел лука, и выделить воина для царя. Начиная с месяца кислиму года вступления Камбиза на престол серебро (уже) уплачено... Набу-бел-шуну, их царский воин, получил 33 сикля серебра... Его дорожное продовольствие выдано» (Camb 13). Как видно из этого текста, держатели надела наняли профессионального воина для выполнения своей военной повинности. Очевидно, эти люди сами тоже происходили из Лахиру (см. подробно: Dandamayev 1983: 58).

Следующие два документа происходят из архива храма Эбаббара в Сишаре. обстоятельный отчет о храмовых расходах за ряд лет содержит, в частности, указание на то, что в 611 г. «15 мер (540 л) ячменя (внесены) в долговую распис-

²¹ Parpola 1970: 222f.; Zadok 1985: 208. Ср. собственное имя La-ḫi-ra-a-a: Kohler, Ungnad 1913 61: 244; ср. также: LÚ (URU) La- ḫi-ra-a-a («жители города Лахиру»); Waterman 1930 1214, rev. 5.

ку относительно ячменя, доставленного в город Лахиру (и) переданного в распоряжение Эрибы, сына Циллы» (Strassmaier 1889:145–147). Согласно следующему документу (СТ LVI 772), «12 кур ячменя — пайки за месяцы симану и ду'зу для двенадцати работников, выполняющих повинности (по поручению) храмового чиновника (qīru) и посланных в город Лахиру. (выданы) гонцам (этого) чиновника Набу-аххе-иддину, Базузе и Мардук-итганну». Документ был составлен в 1-м году правления Камбиза (529 г.). Как видно из этого текста, по одному кур ячменя было выдано каждому из 12 работников в течение двух месяцев, т. е. 180 л на 60 дней, или по 3 л на день.

Остальные тексты с упоминанием Лахиру относятся к административной переписке храма Эанна в Уруке. YOS III 45 было послано неким Иннина-аххе-иддином управляющему имуществом (šatammu) Эанны. Прежде всего он просит его посмотреть в бухгалтерских отчетах времени Нергал-шар-уцура, Набонида и Кира относительно пайков для работников в Лахиру. Он также просит послать ему 1000 кур (180 000 л) фиников и отправить в его распоряжение 5 мин серебра с двумя поименно упомянутыми лицами. В заключение отправитель письма информирует адресата о том, что царский чиновник надзирает над его работой.

YOS III 81 было послано тем же самым Иннина-аххе-иддином четырем чиновникам Эанны с просьбой отправить к нему 5 мин серебра для оплаты определенной работы и для выдачи пайков. Он также сообщает своим адресатам, что в округе, где проходит его работа, ячмень стоит дороже фиников: 1 кур 1 пан 4 сут (240 л) фиников стоят 1 кур (180 л) ячменя и за 40 кур ячменя надо платить мину серебра. Поэтому чиновникам Эанны необходимо будет купить ячмень, а в противном случае — послать 10 мин серебра, чтобы отправитель письма сам мог приобрести его, чтобы соблюсти рационные нормы «для работников города Лахиру», которые были установлены Нергал-шар-уцуром и Набонидом, а позднее утверждены Киром. Поскольку 40 кур ячменя стоили мину серебра, 400 кур (72 000 л) этого продукта могли быть приобретены за 10 мин. Если каждому работнику в день выдавали по 3 л (как это засвидетельствовано в СТ LVI 772), такого количества серебра хватило бы для содержания 400 работников в течение двух месяцев.

TCL IX 121 — письмо, адресованное двум чиновникам Эанны с информацией о том, что возложенная на его отправителя «работа очень тяжела» и должна быть завершена в течение десяти месяцев. Насколько можно судить по содержанию текста, речь в нем идет о сооружении амбара для хранения муки в Лахиру. В заключение автор письма также просит послать ему 5 мин серебра, чтобы купить продовольствие для работников.

YOS III 76 — письмо с отчетом о разных имущественных делах Эанны. В частности, его отправитель просит адресата послать ему долговую расписку некоего Арад-Наная, который первоначально был жителем Лахиру, а теперь живет в Борсиппе, чтобы заставить его погасить свой долг.

Рассмотренные выше тексты не содержат значительной информации о Лахиру, но тем не менее бросают свет на содержание рассмотренного выше письма Аршама. Согласно СТ LVI 772, во время правления Камбиза храм Эаббара

послал 12 работников в Лахиру для повинностной работы там в течение двух месяцев. Эти работники были в подчинении у чиновника, который был царским назначенцем в Эбббаре. YOS III 45 упоминает предписание Кира относительно пайков «для работников в городе Лахиру». Общее количество этих пайков составляло 72 000 л ячменя, которых было бы достаточно для 24 000 рабочих дней одного человека. Почти без всяких сомнений, оба письма относятся ко времени правления Камбиза. Судя по TCL IX 121, одно рабочее задание в Лахиру предполагалось завершить в течение десяти месяцев, и работникам необходимо было выдать такое количество ячменя, за которое надо было уплатить 5 мин серебра, т. е. около 36 000 л.

Возникает вопрос: какую повинность выполняли работники Эбббары и Эанлы в Лахиру? Попытаемся ответить на этот вопрос, основываясь на аналогичных вавилонских документах. Согласно CT LVI 193, написанному в Сиппаре в 513 г., 116 кур ячменя и фиников было израсходовано для пайков в течение девяти месяцев для работников, которые находились в распоряжении царского уполномоченного в Эбббаре и выполняли «повинность страны Элам»²². CT LVI 762 фиксирует выдачу в 516 г. пайков «для работников, которые находятся в Эламе» под надзором чиновника того же храма Шарру-лу-дари.

Как хорошо известно, в ахеменидский период работники царского хозяйства в Эламе и Персии были представителями многих народов империи, включая вавилонян. По крайней мере часть из них после некоторого периода работы в царских имениях получала возможность вернуться на родину (см. Dandamayev, Lukonin 1989: 159, 174). Очевидно, таким же образом труд храмовых работников, направленных в Лахиру, использовался там для возделывания имений, принадлежавших царю.

Как мы видели, в своем письме Аршам повелевал своим управляющим в Лахиру и других местах обеспечивать работников продовольствием. Высказывалось предположение, что Аршам сам был собственником имений, расположенных вдоль пути от Суз до Сирии, и, следовательно, его распоряжение было адресовано управляющим его собственными имениями. Однако, по мнению Столпера, «Уайтхед (Whitehead) показал убедительно, что текст отражает административную практику, многократно засвидетельствованную в персепольских архивах. Арамейское письмо уполномочивает управляющих имениями других членов знати снабжать продовольствием находившихся в пути людей и предъявлять счет к имуществу самого Аршама; такие счета передавались и затем погашались по системе отчетности, действовавшей через посредство имперского правительства» (Stolper 1985: 53).

Если судить по вавилонским документам времени правления Камбиза, можно предполагать, что люди Аршама получали свои пайки, в частности, с царских складов, которые были расположены в Лахиру. Как видно из персепольских документов на эламском языке, хозяйство членов царской семьи было тесно

²² Строка 12: e-piš dul-lu ša KUR.ELAM.RI. См. также строку 17, согласно которой другая группа работников несла повинность в той же стране под надзором царского уполномоченного в Эбббаре и получила 6 кур фиников и 7 сосудов растительного масла.

связано с дворцовой экономикой, и работники, принадлежавшие членам царской семьи, могли быть направлены для выполнения заданий дворцового хозяйства. В ряде случаев продукты с дворцовых складов использовались для нужд членов царской семьи, и нередко запасы с имений последних направлялись для содержания царских работников (см. подробно: Dandamayev, Lukonin 1989: 147).

ХРАМОВЫЕ ЛУЧНИКИ В НОВОБАВИЛОНСКОМ СИППАРЕ²¹

Предметом настоящей заметки является рассмотрение документа Camb 93, который был составлен в Сиппаре в 539 г. до н. э. Сначала представим его перевод.

«1750 стрел, 32 футляра для луков, 32 лука, 32 железных копья являются собственностью бога Шамаша и числятся за Итти-Шамаш-балату, сыном Мардука. Убаррия, сын Иддия, является залогом для Бунене-ибни. Он должен доставить их в конце месяца аддару, наряду с серебром, которое числится за Итти-Шамаш-балату.

Свидегели (*имена трех человек*), писец (*имя*). Сиппар, 13-й день месяца аддару 1-го года Камбиза, царя Вавилона, царя стран.

Из них Бунене-шар-уцур уже сдал 4 лука (и) 2 копья; Арад-Бел сдал три лука; Шамаш-иддин сдал два лука (и) три копья».

Оружия, упомянутые в этом тексте, названы собственностью Шамаша, что указывает на факт их принадлежности храму Эбббара, чьим главным богом был Шамаш. Об этом же свидетельствует и то, что в этом тексте упоминаются лица, которые, судя по другим документам, работали в указанном храме. Например, среди свидетелей документа упомянут Тирик-шаррусу, который был царским контролером в Эбббаре (см. ссылки: Jursa 1995: 260). Бунене-ибни, которому Убаррия должен был сдать оружие, известен также из других документов, где он выступает писцом Эбббары (см.: MacGinnis 1995: 105). Кроме того, еще три человека, упомянутые в этом тексте (Аххе-иддин-Мардук, Бел-иддин и Набу-аххе-шуллим), известны из других текстов с их патронимией как писцы упомянутого святилища (Jursa 1995: 254, 256; MacGinnis: 104, 107).

Однако текст вовсе не является распиской, фиксирующей взятие в долг оружия: это так называемая абстрактная долговая расписка, которая нередко имеет в виду кредит для торговли, арендную плату, изготовление разных предметов и т. д. Поэтому можно было бы предположить, что упомянутый Итти-Шамаш-балату занимался изготовлением оружия для храма и уже заранее получил плату за свою работу. Такую трактовку текста, очевидно, имел в виду Ликти, когда он характеризует его как «контракт (на изготовление) оружия (см. в: Leichty, Finkelstein, Walker 1988: 37. N 7538). Однако, хотя мы располагаем значительными документальными свидетельствами о ремесленниках, которые работали

²¹ Сокращенная версия (с пропуском грамматических и некоторых деталей) заметки «Temple Archers in the Neo-Babylonian Sippar» (Historical, Epigraphical and Biblical Studies in Honor of Prof. M. Heltzer, Tel Aviv-Jaffa, 1999. P. 95-98).

по приказам Эбббары, упомянутое лицо вовсе не засвидетельствовано в качестве ремесленного мастера. Кроме того, как это видно из дополнения к тексту, гри человека еще до его составления уже сдали часть оружия в храм. Поэтому мне представляется, что упомянутое оружие было отдано в распоряжение одного из членов храмового персонала на время исполнения его служебных обязанностей, а позднее частично возвращено в Эбббару подчиненными ему лицами. Попытаемся проверить это предположение, пользуясь просопографическими данными.

Итти-Шамаш-балату, сын Мардука, упоминается еще в двух документах из Эбббары. СТ LV 69 фиксирует выдачу продовольствия для храмовых пастухов и земледельцев в течение 11-го и 12-го годов правления Набонида (545–544 г.). В списке получателей появляется и интересующее нас лицо (строка 8). Текст уточняет, что продукты были отпущены со склада управлением и писцами Эбббары. Там же в разбитом контексте упоминается и лук (строка 2). СТ LVI 558 сохранился только частично, и дата его разрушена. В тексте отмечается, что [x]8 чехлов для лука, 840 стрел и 50 головных уборов (*karballatu*) для воинов были отданы в распоряжение Итти-Шамаш-балату, сына Мардука (строка 5).

Судя по рассмотренному выше СТ LV 69, Итти-Шамаш-балату был храмовым пастухом. Он упоминается также в ряде других текстов со своим титулом, однако без патронимии. Рассмотрим эти тексты в хронологическом порядке.

СТ LVII 337 был составлен во время правления Нериглиссара (год разбит) и фиксирует, что Итти-Шамаш-балату, «пастух бога Шамаша (строка 3), передал что-то (здесь текст сильно разбит) храмовому чиновнику. Судя по Pinches AJA 8 (1893), с. 190, человек с тем же самым именем сдал на склад Эбббары 5 шкур. Документ был составлен в 16-м году правления Набонида (540 г. до н. э.). В СТ LVI 554 этот же пастух получает от надзирателя над храмовым садом (*gugallu*) 2388 л фиников, чтобы распределить их среди лучников. В этом документе его официальный титул дан в следующем виде: LÚ. GAL 10-tim šá LÚ. SIPA. MEŠ (строки 4–5), т. е. «десятник пастухов». Документ этот был составлен в 6-м году царствования Кира (533 г.). В СТ LVI 193 от 9-го года правления Дария I (513 г.) отмечается выдача фиников в качестве продовольствия за предыдущий год различным группам храмового персонала, включая 2160 л для Итти-Шамаш-балату «из хлева для овец». Продукты, очевидно, предназначались для пастухов, находящихся в его подчинении. В сильно разбитом СТ LVII 113 это же лицо упомянуто в связи с продажей чиновниками Эбббары ста овец.

Таким образом, деятельность этого человека может быть прослежена в течение 43 лет, от 556 до 513 г. Он начал свою карьеру как рядовой храмовый пастух и позднее стал бригадиром группы из десяти пастухов.

Как мы видели выше, некоторые предметы оружия, находившиеся в распоряжении этого человека, были позднее возвращены в храмовый арсенал через Бунене-шар-уцура, Арад-Бела и Шамаш-иддина. Первый из этих лиц упоминается также среди пастухов Эбббары, которым в 507 г. были выданы финики для их провизии за 15 г. Дария I (СТ LVII 5: rev. 5; см. также: СТ LVI 651: 26 и 690: 8).

Арад-Бел также может быть прослежен в качестве пастуха Эбббары в ряде документов. В СТ LV 600 (552 г.) он доставил 5 овец для храмовых жертвоприно-

шений, а также передал стриженную с них шерсть. В этом тексте он назван сыном Мардука (строка 8), и возможно, что он был братом рассматриваемого здесь Итти-Шамаш-балагу. В СТ LV 640 он сдает храмовым чиновникам 10 овец и молоко. Судя по СТ LVII 840, в его распоряжении было по меньшей мере 77 овец (текст несколько поврежден). Наконец, как это видно из СТ LV 200, ему и еще одному храмовому пастуху был выдан ячмень в качестве их пайков (строка 10).

Таким образом, становится ясно, что Итти-Шамаш-балагу и грем подчиненным ему пастухам луки, копья и другое оружие было выдано для охраны храмового скота от нападения диких животных и грабителей²⁴. Как видно из многих текстов, такая практика стала рутинным делом. Например, в Nbn 702, который происходит из того же архива в Сиппаре, отмечается, что старшему пастуху крупного рогатого скота были выданы 2 железных кинжала и 14 футляров для лука.

Особенно богатая информация о храмовых лучниках содержится в архивах храма Эанна в Уруке, который имел около 6000 голов крупного рогатого скота и более 100 000 голов овец и коз. Например, по свидетельству TCL XIII 140, «29 лучников среди храмовых пастухов, которые находились в подчинении у надзирателя над стадом баранов и овец», были размещены в сторожевых заставах вдоль Тигра. TCL XII 110 отмечает, что 4 мины 40 сиклей серебра были выданы 40 лучникам для приобретения провизии на 6-месячный период. YOS VI 116 упоминает список с перечнем имен лучников Эанны. YOS VII 65 также содержит список 39 лучников Эанны²⁵.

Некоторые из этих лучников были храмовыми рабами (*širku*). Например, в YOS VII 154 отмечается, что 50 храмовых рабов были расставлены на сторожевой заставе. GCCI II 103 свидетельствует о том, что управитель Эанны и царский контролер того же храма распределили храмовых рабов в центре Урука для охраны территории Эанны.

ПАЙКИ БОЛЬНЫМ ХРАМОВЫМ РАБАМ В ВАВИЛОНИИ VI В. ДО Н. Э.²⁶

Документ YOS XVII 142 отмечает выдачу ячменя пятнадцати или более больным (строка 2: *taḡ-šu-tu*), несколько имен разрушены. Эта выдача была произведена в 25-й день месяца аяру 18-го года царствования Навуходоносора II (587 г. до н. э.). Каждый из них получил по 5 сут (30 л) ячменя в качестве своих пище-

²⁴ О лучниках того же храма см. также: AnOr VIII 35; GCCI I 371; YOS III 170; YOS VI 127; YOS VII 267–269, 271. О лучниках Эаббары см. еще СТ LVI 558; Nbk 332; Nbn 661.

²⁵ Ср. СТ LVI 551, где упоминаются «лучники в распоряжении купца» (*tamkāru*). Они сопровождали этого торговца во время его поездки по поручению управления Эаббары для приобретения необходимых товаров.

²⁶ Перевод заметки «The Sick Temple Slaves' Rations in Babylonia in the Sixth Century BCE» (Eretz-Israel. Archaeological, Historical and Geographical Studies. Vol. 24 (1993). P. 19–21 (с небольшими сокращениями и добавлением нового документального материала)).

вых пайков (*kurummatu*), вероятно за месячный период. Хотя документы, опубликованные в указанном томе, большей частью происходят из Урука, точно место составления рассматриваемого текста неизвестно. Его издатель Д. Вейсберг пишет, что «в настоящее время нет возможности определить, происходит ли этот текст из Урука или нет» (YOS XVII: XIX). Последнее слово первой строки разбито, и Жоаннес восстанавливает его <LÚ.RIG> (MEŠ), т. е. *širkū* («храмовые рабы») (см. рец. Жоаннеса на указанный том Вейсберга (RA 76 1982: 84)).

Некий Ардия, потомок Набу-рем-ишкуна, упоминается во многих текстах среди получателей ячменя. Возможно, что это лицо (но без патронимии) упомянуто и в GCS I 59, согласно которому ему было выдано 36 л ячменя, предназначенного для больных (строка 2: LÚ GIG.ME (= *maršūtu*)) наряду с гравировщиками, ювелирами и другими ремесленниками храмового персонала Эанны в Уруке. Документ датирован 22-м годом правления Навуходоносора (583 г.).

YOS XVII 142 упоминает Инна-цилли-Нанайя, потомка Набу-эпуша, как получателя ячменя (строка 20). Он же (но без патронимии) появляется и в N 362 того же издания в списке выдачи ячменя больным рабам в 591 г. Лично ему было выдано 8 л (строки 14–15).

Пан-Набу-адагал, потомок Аплайя, получает паяк в N 142 в том же томе (строка 16). Он упоминается и в N 40 того же собрания, где в 584 г. он совместно с Нанайя-иддином, потомком Бел-лейи, дает поручительство за некоего Набу-ушабши. Текст, по всей вероятности, происходит из архива Эанны и содержит список людей, которые обязаны были охранять какое-то имущество. Возникает вопрос: какой статус имели все эти люди? В N 40 Ина-цилли-Бел, потомок Зер-Бабили, вместе с одним человеком несет ответственность за некоего Итти-Шамаш-балату (строка 7). Как видно из N 143, этот Ина-цилли-Бел был храмовым рабом. Документ принадлежит архиву Эанны и датируется 584 г. В нем говорится о выдаче ячменя ряду работников (*šābē*), среди которых упоминается и Ина-цилли-Бел. В заключительной части текста (строка 18) все эти работники определены как храмовые рабы (*širkū*). Таким образом, люди, упомянутые в N 40 и 142, были рабами храма Эанна в Уруке.

Еще два документа из того же архива упоминают больных храмовых рабов. Один из них — UCP 9/I 1, N 29, где отмечается выдача четырех сиклей серебра для Иннин-рицуа, погомка Циллайя, Набу-шар-уцура, египтянина (строка 3: LÚ *mī-šir-a*), Мукин-зера, потомка Аххешайи, и Инна-цилли-Нанайя, потомка Бел-лейи, все они названы «больными храмовыми рабами» (строка 7: LÚ *ši-ra-ku maḡ-šu-tu*). Документ был составлен в 588 г. Этот Иннин-рицуа, возможно, является тем же человеком, которому, как видно из YOS XVII 250 (строка 3), в 587 г. было выдано верхнее платье из имущества Эанны. GCS II 271 (текст не датирован) содержит список одиннадцати работников (*šābē*) Эанны, среди которых числится и Иннин-рицуа (строка 4). AnOr IX 8, составленный в Уруке в 553 г., регистрирует выдачу продуктов питания (*kurummatu*) рабам Эанны. В частности, некий Нанайя-иддин, потомок Дидийя, который был болен (строка 4: LÚ *maḡ-šu*) получил 378 л ячменя за 2-месячный период, т. е. приблизительно по 6,3 л в день. Наконец, из того же архива сохранились еще два документа относительно боль-

ных, которым в 546 г. было выдано «хорошее» пиво. Один из них назван храмовым рабом (YOS XIX 182), а статус второго не указан (YOS XIX 179).

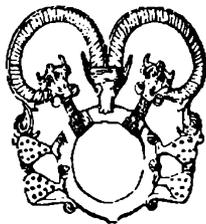
Здесь уместно будет вкратце остановиться на нескольких документах из архива Эбббары в Сиппаре, где фиксируется выдача денег или продуктов питания больным людям храмового персонала.

Согласно Ner 53, кожевенник (aškāru) по имени Набу-иддин был болен (строки 2–3: AŠGAB maḡ-ša; ср.: CAD M/I: 292) и во время болезни в 557 г. получил $\frac{1}{5}$ сикля серебра. Он же упоминается и в Lab. 1, по свидетельству которого в 562 г. 30 вязанок тростника были отданы в его распоряжение, чтобы остановить течь в судне. Согласно Nbn 31, этот же кожевенник в 555 г. получил 10 сиклей серебра для изготовления чехлов, предназначенных для одежды богини Ануниту. Жизнь его, по-видимому, была продолжительной. Так, через двадцать с лишним лет, в 534 г., ему была выдана $\frac{1}{3}$ сикля египетских квасцов и 3 шкуры для дубления (CT LV 368: 5). Вероятно, он был свободным человеком, который работал на храм за плату. Когда он заболел, ему была выдана небольшая сумма денег.

CT LVII 283 (начало разбито) фиксирует выдачу фиников (?) в 545 г. некоему Ки-Шамашу во время его болезни. Он был в подчинении у чиновника храма Эбббара. Выдача была санкционирована тем же самым чиновником и еще одним лицом. По всей вероятности, этот больной был рабом Эбббары. Здесь можно упомянуть также CT LVII 93, где отмечается выдача управлением того же храма «одного сикля серебра на мед и растительное масло кузнецу по имени Либлут, который болен» (строка 3: maḡ-ši). Этот больной, очевидно, был особенно ценным работником, и его болезнь требовала повышенного внимания.

Как видно из рассмотренных текстов, вавилонские храмы обеспечивали своих больных рабов пищевыми рационами. В AnOr IX 8 одному человеку было выдано зерна на два месяца из расчета по 6,3 л в день. По всей вероятности, у него была семья, которую надо было кормить. К сожалению, другие тексты не указывают продолжительности периода, на который были рассчитаны пайки. YOS XVII 142 фиксирует, что каждый больной храмовый раб получил около 30 л ячменя. Эти выдачи, по-видимому, представляли месячные рационы. В VI в. до н. э. в Вавилонии дневная квота пайков частновладельческих рабов колебалась между 0,8 и 1 л ячменя или фиников в день (см.: Dandamayev 1984: 239 ff.). Как видно из Nbn 1010 и 1037, 50, рабы храма Эбббара получали по 1 кур (около 180 л) ячменя в качестве рационов в течение двух месяцев, т. е. по 3 л в день. Иногда вместо пищи выдавались деньги. Например, по свидетельству UCP 9/I. 1, 29, каждый из четырех больных храмовых рабов получил по одному сиклю серебра, что являлось ценой 180 л ячменя или фиников.

По-видимому, храмы поддерживали пайками также ремесленников из сословия свободных, когда те были наняты на работу на постоянной основе. Но возможно, что в таких случаях выданное им во время болезни продовольствие позднее удерживалось из их заработка.

СВОБОДА И РАБСТВО

ВАВИЛОНСКОЕ НАРОДНОЕ СОБРАНИЕ В VII-IV ВВ. ДО Н. Э.¹

От редакции. В сентябре 1998 г. исполняется 70 лет члену-корреспонденту РАН Мухаммеду Абдулкадыровичу Дандамаеву, одному из крупнейших исследователей Древнего Востока. Редколлегия и редакция присоединяются к поздравлениям и пожеланиям коллег Мухаммеда Абдулкадыровича в Санкт-Петербурге и Москве, а также в США, Франции, Италии, Венгрии и других странах, где он избран членом известных востоковедных академий, обществ и центров.

Отмечая эту знаменательную дату, мы публикуем статью юбиляра, написанную им по нашей просьбе.

Еще со времен Аристотеля в исторической литературе укоренилось мнение, что народы Древнего Востока совершенно не знали демократии. Однако, начиная с ранних периодов месопотамской истории (4-го тысячелетия до н. э.) и до конца древности, для

---

¹ Данная статья написана в рамках исследования автора о вавилонском народном собрании, проведенного в 1993/94 академическом году в Annenberg Institute в США (в настоящее время — Center of Judaic Studies, University of Pennsylvania). Опубликовано в журнале «Восток» (1988. 4. С. 93–103).

городов Двуречья было характерно самоуправление равных по своему юридическому статусу граждан, объединенных в народные собрания (*puḫru*) при главном храме того или иного города (Evans 1958:1 ff.; Szlechter 1970: 3 ff.). Город был и оставался самым важным и самым стабильным социальным институтом Месопотамии на всем протяжении ее древней истории.

Когда на рубеже 4–3 тысячелетий до н. э. возникли первые шумерские государства, царская власть еще не играла решающей роли и лишь много столетий спустя стала деспотической (Якобсон 1989: 20; там же дана библиография работ по этому вопросу). Первоначально цари были первыми среди равных и в соответствии с законами и устойчивыми традициями были обязаны уважать права различных групп населения. Кроме того, царская власть была ограничена народным собранием, порою (особенно в ранние периоды) располагавшим реальным и даже решающим влиянием, что составляло предмет гордости свободной части населения.

В течение последних двух-трех десятилетий ассириологи, опираясь в основном на документальные свидетельства 2-го тысячелетия до н. э., пытались установить, существовала ли в Месопотамии демократия или общественная оппозиция царской власти. На этот вопрос в общем и целом следует ответить отрицательно, если под демократией иметь в виду либо прямое правление большинства, либо же систему представительства путем свободных выборов, что характерно соответственно для древних греков и современных демократических государств². Однако в истории Месопотамии засвидетельствовано немало конфликтов между центральными и местными элитами, а также между царской властью и народным собранием.

Ниже будут рассмотрены документальные свидетельства о функциях народного собрания и составе его членов в течение нововавилонского и ахеменидского периодов, т. е. в VII–IV вв. до н. э. Определяющими политическими событиями этого времени были следующие: в 626 г. вавилоняне восстали против ассирийцев, захвативших их страну в 729 г., и в течение немногим более десяти лет добились полной победы и подчинили себе всю Месопотамию; в 539 г. Вавилония была завоевана персами и стала сатрапией мировой Ахеменидской империи, которая через два столетия пала под ударами греко-македонской армии Александра.

Даже могущественные ассирийские цари, которые в VIII–VII вв. до н. э. создали первую мировую империю и располагали неограниченной властью в завоеванных странах, не имели права нарушить древние священные привилегии вавилонских городов. Этими привилегиями были местное самоуправление, освобождение от налогов, принудительных работ и военной повинности, а также гарантия против незаконного (т. е. без суда) заключения в тюрьму. В тех случаях, когда цари нарушали эти привилегии, их правление оканчивалось трагически. Например, Синаххериб, нарушивший традиционные права граждан Вавилона, был убит в результате заговора. В этой связи особого интереса заслуживает сочинение, известное под условным названием «Советы царевичу». Оно,

² Finet 1973: idem. 1982: см. также рецензии на эти сборники: Zaccagnini 1984:126 ff.

в частности, содержит следующие предостережения ассирийским правителям. «Если царь несправедлив, его страна будет разорена. Если он несправедливо обвинит граждан города Сиппара, бог Шамаш установит чужеземное правление в его стране. Если он без оснований обвинит в чем-нибудь граждан Ниппура, бог Энлиль направит против него чужеземную армию. Если он присвоит серебро жителей Вавилона, бог Мардук передаст его имущество врагу. Если он заключит в тюрьму граждан Ниппура, Сиппара или Вавилона, чужеземная армия проникнет в тюрьму. Если он установит военную или трудовую повинность для жителей Сиппара, Ниппура или Вавилона, Мардук передаст его страну врагу» (Lambert 1975:110–115).

Таким образом, это сочинение является политическим памфлетом, предостерегающим различные бедствия правителям, которые нарушат привилегии и права вавилонских городов. Сохранилось также письмо граждан Вавилона ассирийскому царю Ашшурбанапалу (668–629 гг.), в котором говорится, что Вавилон — центр мира и всякий, кто вступает в него, является свободным человеком и что «даже собака, которая вошла туда, не может быть убита» (Waterman 1930 II 878).

Когда в 609 г. Ассирийская держава перестала существовать, вавилонские города сохранили свои традиционные привилегии. Основатель Нововавилонского царства Набополасар, очевидно, не собирався, да и не мог нарушить их, ибо такие действия заставили бы население вавилонских городов перейти на сторону ассирийцев. Его сын Навуходоносор II, который покорил все страны к западу от Вавилонии вплоть до границ с Египтом, оставил многочисленные надписи, которые, однако, даже не упоминают его триумфальные военные победы, но подробно рассказывают о сооружении новых храмов и восстановлении старых и посвящении в них многочисленных благочестивых даров. Кроме того, в резком контрасте с произведениями новоассирийского искусства, где цари изображены победителями бесчисленных врагов, сохранилось лишь небольшое количество нововавилонских царских рельефов, и на них цари изображены в молитвенной позе перед богами. Это, очевидно, объясняется значительным влиянием верхних слоев вавилонского жречества на своих правителей. Храмы получали от последних ценные подарки в виде земель, скота, рабов, золота и т. д. В Вавилоне и других крупных городах осуществлялись важные строительные проекты, на которых широко использовался труд ремесленников из покоренных стран. Такая политика была в интересах не только узкого круга жрецов, но и широких слоев городского населения, поскольку храмовое имущество представляло значительный источник их доходов, хотя считалось собственностью богов.

Однако с течением времени влияние государства на регулирование хозяйственной деятельности храмов стало возрастать. Это влияние стало особенно значительным при последнем царе халдейской династии Набониде (556–539 гг.). Одновременно он стал также активно покушаться на привилегии вавилонских городов. В частности, он учредил в храмах специальную «кассу царя», в которую необходимо было отчислять часть храмовых доходов, а также требовал, чтобы храмовые земледельцы и ремесленники в определенные периоды работали в дворцовом хозяйстве. Для наблюдения за своевременным точным отчислением

части храмовых доходов дворцу и выполнением царских повинностей в храмы были назначены специальные государственные чиновники. Все это являлось существенным нарушением традиционных прав граждан, поскольку храмовое самоуправление было ограничено в пользу царской администрации.

Однако Набонид не остановился на этом. Он отправился для завоевания области Темы в Центральной Аравии и провел там много лет. Тем временем в главном вавилонском храме Эсагиле не могли отмечать Новый год, который был основным государственным праздником, поскольку для этого необходимо было личное участие царя. По давней традиции во время этого праздника царь должен был заверить бога Бела в том, что он в течение истекшего года не нарушил прав граждан, а также заново подтвердить привилегии граждан вавилонских городов. Однако эти привилегии были в существенной степени нарушены самим Набонидом, и поэтому он, очевидно, не видел смысла в их новом торжественном провозглашении.

После завоевания Месопотамии персами вавилонские жрецы стали обвинять Набонида в различных преступлениях, включая и присвоение чужого имущества, и нанесение оскорблений богам. Но надежды жрецов на то, что персидский царь Кир восстановит права вавилонских городов, не оправдались. Наоборот, в период персидского господства роль народных собраний вавилонских городов стала уменьшаться в еще большей степени и постепенно ограничилась рассмотрением имущественных тяжб граждан и преступлений местного характера.

Остановимся на некоторых типичных решениях народных собраний различных городов Вавилонии. В 538 г. собрание граждан Урука рассмотрело дело о многочисленных преступлениях одного храмового раба. Обвинительное заключение состояло из 12 пунктов. В частности, ему инкриминировали кражу коров и овец и присвоение денег, принадлежавших храму Эанна. Кроме того, за взятку он выпустил одного заключенного из храмовой тюрьмы. Ввиду неопровержимых вещественных доказательств и показаний многочисленных свидетелей ему пришлось признать свою вину. Собрание обязало его восстановить ущерб, нанесенный Эанне, в 30-кратном размере, а именно передать в этот храм 92 коровы, 302 овцы и 1 мину 10 сиклей серебра (YOS VII. N 7). Согласно другому документу, пастух храма города Борсиппы сознался в том, что продал вола и овцу из храмового стада. Один из покупателей также признал этот факт. Хотя проданное имущество принадлежало борсиппскому храму, дело было рассмотрено в Уруке, так как покупатели (во всяком случае, один из них) были жителями Урука (TCL XIII. 133). Как видно из документов, когда в различные преступления были вовлечены жители двух или нескольких городов, собрание состояло из представителей граждан соответствующих городов.

Собрание Урука допросило четырех человек, которые зарезали двух уток, принадлежавших храму Эанна, и спрятали их, чтобы позднее сварить и съесть. Все они сознались в своем проступке, и собрание постановило, что они должны восстановить нанесенный храму ущерб в 30-кратном размере (Figulla 1951: 95 ff.).

Некий Бел-гимиланни заявил чиновникам Эанны, что хотел бы арендовать определенную часть храмовой земли и согласен доставлять в качестве годовой

арендной платы 1,8 млн л ячменя и 2,16 млн л фиников. Это предложение было поставлено на обсуждение народного собрания, которое согласилось с предложенными условиями и уполномочило храмовую администрацию заключить соответствующий контракт сроком на пять лет (TCL XIII 182).

Одна вдова заявила в том же собрании: «Мой муж умер, а в стране царит голод. Поэтому я заклеила двух своих малолетних сыновей... звездочкой (т. е. символом богини Иштар, главного божества Эанны. — М. Д.) и передаю их Иштар Урукской. Сохраните их живыми, и пусть они будут рабами Иштар Урукской». Таким образом, во время голода вдова передала своих сыновей в храм в качестве рабов, чтобы спасти их от голодной смерти. Однако до своего совершеннолетия дети должны были оставаться у матери, а еду для них предполагалось доставлять из храма (YOS VI 154).

Надзиратель над храмовой тюрьмой в Уруке заявил на собрании граждан, что два заключенных напали на служащего в тюрьме и, угрожая ножницами, сказали ему: «Мы проделаем брешь в стене тюрьмы, чтобы убежать отсюда, забрав с собой всех людей». Оба обвиняемых были приведены в собрание, где они признались в своем преступлении. Кроме того, они указали еще на двух лиц как на своих сообщников. Как отмечается в документе, «собрание осмотрело железные ножницы, которые были отняты (у преступников), перевязало и опечатало их» как материальную улику. Рабыня, принадлежавшая отцу одного из обвиняемых, призналась в том, что это она принесла ножницы в тюрьму и передала сыну своего хозяина (YOS VII 97).

Утверждение соискателя храмовой пребанды в должности и допущение его к выполнению своих обязанностей и получению соответствующих доходов были проведены после внимательного рассмотрения в собрании биографии кандидата и вынесения решения, которое гласило: «Он годен для занятия искомой должности» (AnOr VIII 48; YOS VII 167).

Один документ фиксирует спор между гражданскими чиновниками Урука и администрацией храма Эанна. По какой-то причине чиновники отказались посылать городскую стражу для охраны Эанны, и в ответ на это управители последней решили не направлять храмовых рабов для несения охраны в центр города. Об этом решении было объявлено членам народного собрания (BIN I 169).

В 503 г. была обнаружена пропажа куска полотна в храме Эаббары в Сиппаре. Храмовые чиновники распорядились произвести обыск в вещах, принадлежавших персоналу Эаббары, в результате чего кусок египетского полотна был найден среди имущества одного ремесленника. Когда его спросили, откуда у него это полотно, он ответил, что купил его у какого-то египтянина, жившего в Сиппаре, в обмен на муку и финики. Свидетели подтвердили это заявление, и вскоре в одном из храмовых помещений было обнаружено пропавшее полотно. Документ относительно всех этих обстоятельств был зачитан в присутствии членов народного собрания (CT II 2).

Два человека судились в Вавилоне по поводу денежной суммы, которую один из них должен был уплатить другому в Сиппаре. При этом ответчик утверждал, что уже погасил требуемую сумму, а истец отрицал это. Дело было рассмотрено

в народном собрании Вавилона, которое решило, что ответчик должен клятвенно подтвердить в храме факт уплаты, подвергнувшись специальным ордалиям (Actes... 1893: 281. N 4).

Следующие документы были составлены в Дильбате. Один истец заявил «в собрании граждан Вавилона и Дильбата», что он не получил от своего контрагента 27 голов скота, за которые он уже заплатил деньги (San Nicolò 1951: 145. N 85). Другой документ из того же города фиксирует имущественную тяжбу, решение по которой, вынесенное гражданами Дильбата, никто не имел права оспаривать в будущем (TCL XII 4).

Несколько документов происходят из архива делового дома Мурашу, функционировавшего в Ниппуре в V в. до н. э. Некий Ударна обратился к членам «собрания ниппурцев» с жалобой на главу фирмы Мурашу, утверждая, что рабы и агенты последней совместно с некоторыми жителями Ниппура ворвались в его дом и унесли оттуда разное имущество. Ответчик согласился возместить весь ущерб, нанесенный истцу, который, в свою очередь, обязался не предпринимать в дальнейшем никаких действий против него (BE IX 69). В другом документе речь идет о том, что фирма Мурашу претендовала на дом, который был продан третьему лицу. Иск этот был рассмотрен в «собрании граждан Ниппура» (Stolper 1985 106).

Наместник Куты и собрание этого города рассмотрели имущественный спор между членами одной семьи. Она состояла из мужа, жены и их сына и дочери. После смерти мужа его вдова и дочь забрали себе все его имущество, не оставив ничего сыну. Последний обратился с жалобой в собрание, но его мать и сестра заявили, что он был усыновлен неким Шамаш-этиром и поэтому не имеет права на долю собственности в своей прежней семье (BRL II, 1891: 16 ff.).

В Уруке на собрании обычно председателем был наместник этого города, а в Вавилоне и остальных городах собрания возглавляли управляющие соответствующими храмами.

Как мы видели выше, члены народных собраний, судя по сохранившимся документам, чаще всего выполняли судебные функции, рассматривая различные преступления, имевшие отношение к храмам, или имущественные тяжбы между отдельными гражданами. Однако следует отметить, что были также профессиональные судьи, которые назывались царскими и рассматривали преступления более серьезного характера (например, убийства).

Члены народного собрания назывались *mār banê* (ед. ч. — *mār banî*). Как будет показано ниже, термин этот следует переводить «гражданин». Ассириологи обычно считают, что эти люди составляли высший слой вавилонского общества, т. е. принадлежали к знати или были высокопоставленными чиновниками (см., например: Moore 1935: 298). Чикагский словарь аккадского языка предлагает следующие значения для этого термина: «свободный человек, гражданин» и «благородный» (CAD M/I: 256). Значение «благородный» составителями указанного словаря отнесено только к контекстам вавилонских версий трехязычных надписей ахеменидских царей. Это прежде всего Бехистунская надпись персидского царя Дария I, составленная около 520 г. до н. э. на древнеперсидском и эламском языках и на вавилонском диалекте аккадско-

го языка. Кроме того, сохранились и фрагменты арамейской версии этой же надписи.

Таким образом, известны три эквивалента вавилонского *mār banī*. При исследовании значения древних терминов мы редко располагаем таким количеством коррелятов одного и того же слова. Важно также отметить, что эти корреляты засвидетельствованы в тщательно отредактированных царских надписях. Более того, один из этих эквивалентов сохранился в отрывках Бехистунской надписи на арамейском языке, лексика которого хорошо известна. Имея в виду все эти обстоятельства, можно было бы предположить, что значение указанного вавилонского термина легко можно было установить давно и без особого труда. Однако этого не произошло по следующим причинам.

Древнеперсидским коррелятом соответствующего вавилонского слова выступает *amāta-*, которое, однако, упомянуто только два раза и то лишь в совершенно идентичных контекстах. Со времен первой публикации вавилонской версии Бехистунской надписи в 1851 г. ассириологи переводили *mār banī* в этом тексте как «аристократы» или «благородные», основываясь как на этимологии самого термина (дословно: «сыновья хороших людей»), так и на контексте. Поскольку значение др.-перс. *amāta-* было не известно иранистам и поскольку они считали, что «перевод его вавилонского коррелята точно установлен», им оставалось только искать подходящую иранскую этимологию. Много десятилетий спустя составители Чикагского словаря, в свою очередь, исходили из предположения, что *mār banī* в Бехистунской надписи необходимо переводить иначе, чем в многочисленных синхронных вавилонских юридических и хозяйственных документах. Другими словами, перевод др.-перс. *amāta-* как «благородные» был основан лишь на этимологии его вавилонского коррелята, а не установлен из независимых источников.

В вавилонской версии Бехистунской надписи Дарий заявляет: «Искони мы являемся *mār banī*, искони (мужи из) нашего рода были их (т. е. персов. — *М. Д.*) царями» (Voigtlander 1978: 11). Лишь в этом единственном случае *mār banī* является эквивалентом др.-перс. *amāta-*, и во всех остальных местах указанной надписи ему соответствует др.-перс. *framāta matiyā* («выдающиеся мужи») или *framāta anusiya* («выдающиеся соратники»). В одной из Накширустамских надписей Дария I *mār banī* выступает эквивалентом др.-перс. *tunuvant* — «могущественный» (Herzfeld 1938: 330).

В эламской версии Бехистунской надписи *amāta-* и *mār banī* переведены *šalu* (Grillot-Susini, Herrenschildt, Malbran-Labat 1993: 20). В течение длительного времени эламский язык оставался слабоизученным и не мог помочь в установлении значения *mār banī*, и поэтому *šalu* обычно переводят «благородный». Однако оно часто встречается в персепольских хозяйственных документах, составленных по-эламски в конце VI и первой половине V в. до н. э. В этих текстах указанным словом часто обозначены получатели продовольствия — ячменя, пива и т. д. — во время их служебных поездок (PF:753). Как правило, это были мелкие чиновники и получаемое ими дорожное продовольствие было скромным. Очевидно, то были свободные люди, которые в тех же текстах противопоставлены работникам царского хозяйства, обозначенным термином *kurtaš*.

В арамейской версии Бехистунской надписи *mār banî* переведено словом *hr'*. В сравнительно недавнем издании указанной версии оно, со ссылкой на его вавилонский коррелят, переведено «благородный» (Greenfield, Porten 1982:12). Но такой перевод является лишь данью традиции, поскольку *hr'* обозначало свободных людей (Blois 1985: 9), т. е. полноправных членов общества в их противопоставлении рабам.

Мы точно не знаем, что Дарий имел в виду, заявляя о принадлежности его рода к *amāta-*. Очевидно, он хотел сказать, что происходил из выдающегося или знаменитого рода. Стремясь понять структуру древневосточных обществ, современные ученые часто пользуются европейскими социальными терминами. Однако представляется, что в странах Древнего Ближнего Востока не существовало общего понятия о благородном происхождении. Конечно, в древних обществах четко осознавали различие между людьми низкого и высокого происхождения, но выражали его указанием на принадлежность к той или иной социальной группе (например: «свободный», «раб» или «ремесленник», «земледелец», «торговец» и т. д.). Поэтому нет оснований полагать, что термин *mār banî* обозначал человека благородного происхождения. Чтобы установить точное значение этого слова, необходимо обратиться к данным вавилонских документов.

Всего 297 мужчин в текстах один или много раз отнесены к *mār banê* (ниже оно заменяется его русским переводом «граждане»). К ним можно добавить еще около двух десятков старейшин (*šibūtu*), которые составляли часть указанной группы. В ряде случаев в текстах приводятся также служебные титулы или указываются профессии граждан, однако, как правило, они упоминаются лишь по именам, при этом включаются собственные имена, отчества и родовые обозначения. Но многие из таких лиц часто выступают в других документах как контрагенты, писцы, свидетели и т. д., хотя обычно без указания на их принадлежность к гражданам. Поэтому можно проследить деятельность граждан на протяжении многих лет (иногда более 40) и установить их экономическое положение, профессии и социальный статус.

Анализ всех доступных вавилонских текстов показывает, что среди граждан были следующие профессиональные группы и чиновники: арендаторы и арендодатели земли, жрецы различных категорий, золотых и серебряных дел мастера, купцы, лучники, надзиратели над храмовыми каналами и рабами, наместники городов и областей, пастухи, переводчики, писцы (дворцовые, храмовые и частнопровых контрактов), пивовары, повара, резчики по металлу, сборщики храмовой арендной платы, сторожа, судьи, храмовые чиновники различных рангов и ряд других групп (см., например: Dandamayev 1997: 135–147).

Таким образом, понятие «граждане» охватывало самые различные слои свободного населения страны, включая всех ремесленников и земледельцев свободного происхождения и, по крайней мере, часть воинов. Среди граждан были различные социальные слои населения: крупные государственные и храмовые чиновники, жрецы, купцы, торговцы и т. д., а также пастухи, арендаторы земли и ремесленники, включая бедную часть населения (например, несостоятельные должники). С юридической точки зрения все они считались равными между

В арамейской версии Бехистунской надписи *mār banī* переведено словом *hr'*. В сравнительно недавнем издании указанной версии оно, со ссылкой на его вавилонский коррелят, переведено «благородный» (Greenfield, Porten 1982:12). Но такой перевод является лишь данью традиции, поскольку *hr'* обозначало свободных людей (Blois 1985: 9), т. е. полноправных членов общества в их противопоставлении рабам.

Мы точно не знаем, что Дарий имел в виду, заявляя о принадлежности его рода к *amāta-*. Очевидно, он хотел сказать, что происходил из выдающегося или знаменитого рода. Стремясь понять структуру древневосточных обществ, современные ученые часто пользуются европейскими социальными терминами. Однако представляется, что в странах Древнего Ближнего Востока не существовало общего понятия о благородном происхождении. Конечно, в древних обществах четко осознавали различие между людьми низкого и высокого происхождения, но выражали его указанием на принадлежность к той или иной социальной группе (например: «свободный», «раб» или «ремесленник», «земледелец», «торговец» и т. д.). Поэтому нет оснований полагать, что термин *mār banī* обозначал человека благородного происхождения. Чтобы установить точное значение этого слова, необходимо обратиться к данным вавилонских документов.

Всего 297 мужчин в текстах один или много раз отнесены к *mār banē* (ниже оно заменяется его русским переводом «граждане»). К ним можно добавить еще около двух десятков старейшин (*šibūtu*), которые составляли часть указанной группы. В ряде случаев в текстах приводятся также служебные титулы или указываются профессии граждан, однако, как правило, они упоминаются лишь по именам, при этом включаются собственные имена, отчества и родовые обозначения. Но многие из таких лиц часто выступают в других документах как контрагенты, писцы, свидетели и т. д., хотя обычно без указания на их принадлежность к гражданам. Поэтому можно проследить деятельность граждан на протяжении многих лет (иногда более 40) и установить их экономическое положение, профессии и социальный статус.

Анализ всех доступных вавилонских текстов показывает, что среди граждан были следующие профессиональные группы и чиновники: арендаторы и арендодатели земли, жрецы различных категорий, золотых и серебряных дел мастера, купцы, лучники, надзиратели над храмовыми каналами и рабами, наместники городов и областей, пастухи, переводчики, писцы (дворцовые, храмовые и частноправовых контрактов), пивовары, повара, резчики по металлу, сборщики храмовой арендной платы, сторожа, судьи, храмовые чиновники различных рангов и ряд других групп (см., например: Dandamayev 1997: 135–147).

Таким образом, понятие «граждане» охватывало самые различные слои свободного населения страны, включая всех ремесленников и земледельцев свободного происхождения и, по крайней мере, часть воинов. Среди граждан были различные социальные слои населения: крупные государственные и храмовые чиновники, жрецы, купцы, торговцы и т. д., а также пастухи, арендаторы земли и ремесленники, включая бедную часть населения (например, несостоятельные должники). С юридической точки зрения все они считались равными между

собой, хотя в действительности чиновники высоких рангов и другие богатые люди, несомненно, играли ведущую роль в народных собраниях.

Юридический статус граждан был наследственным и переходил от отца ко всем его взрослым сыновьям. Отцы, их братья и сыновья названы гражданами в синхронных документах (см. подробно: AnOr VIII 21: VS VI 127).

Предположение некоторых ученых о том, что граждане принадлежали к храмовым организациям и представляли высшие слои вавилонского общества (Renger 1971: 494, 498), вряд ли может быть согласовано с документальными свидетельствами. Правда, многие граждане были держателями храмовых пребенд, которые можно было отдать в аренду или продать другим гражданам. По закону все граждане, а не только высшие слои общества могли стать пребендариями, хотя фактически многие из них не имели никаких пребенд.

Можно уверенно сказать, что все лица мужского пола, упомянутые в документах по их собственным именам и отчествам (не говоря о родовых именах, т. е. фамилиях), принадлежали к категории граждан. Последний термин в общем и целом был синонимом таких выражений, как «сыновья Вавилона», «сыновья Урука» и т. д., которыми обозначались граждане соответствующих городов. Таким образом, термин «граждане» включал в себя всех свободных мужчин страны, которые были постоянными жителями того или иного города и обычно владели недвижимостью в его сельской округе.

Наша информация о гражданах ограничена главным образом указаниями на их деятельность, вытекающую из их юридических полномочий. Это легко объясняется тем, что термин «граждане» употребляется применительно к тем или иным лицам только в тех случаях, когда они официально заседали в народных собраниях, которые были органами местного самоуправления и судопроизводства. А в своей повседневной деятельности они, естественно, выступали как частные лица, и поэтому в этих случаях не было надобности обозначать их гражданами, если только этого не требовал контекст заключаемых ими сделок.

По свидетельству ряда документов некоторые жители Вавилона были членами народного собрания Урука или других городов. Например, Пабу-белшуну, сын Бел-ах-ушабши из семьи Амель-Эа, начал свою карьеру писцом в Вавилоне (TCL XII 60), но впоследствии упоминается среди урукских граждан (AnOr VIII 47). Или другой пример: некий Син-ах-иддин, который был выходцем из области Бит-Амукани в Южной Месопотамии, упомянут среди граждан Урука (YOS VII 30). Очевидно, свободные люди, которые переезжали на постоянное жительство из одного города в другой или были переведены туда для несения царской службы, также могли стать членами местного народного собрания.

Конечно, могут возникнуть сомнения относительно того, действительно ли все члены перечисленных выше групп свободного населения были гражданами и не относится ли этот термин лишь к отдельным индивидуумам из этих групп. В этой связи необходимо отметить, что слово *mārbanūtu* входит в гарантийную формулу контрактов о продаже рабов. Этим термином обозначался статус свободного человека. Другими словами, рабовладелец давал поручительство в том, что продаваемые им люди не принадлежали к сословию свободных. То же самое слово упоминается также в связи с отпуском рабов на свободу. Например, дочь

царя Навуходоносора II освободила одного из своих рабов, выдав ему навечно «документ о свободе». В тексте (MacGinnis 1993: 97–106) говорится, что «он свободен и будет принадлежать (только) самому себе». В одном протоколе судебного заседания зафиксирован допрос беглого раба несколькими царскими судьями. Последний утверждал, что он является «свободным человеком». Однако, когда судьи потребовали: «Покажи нам (документ относительно) твоей свободы», он признался в том, что бежал от своего хозяина (Nbk 1113). Поэтому возникает вопрос: все ли свободные, включая отпущенных на волю рабов, могли принимать участие в народных собраниях? Как отмечается в Чикагском словаре, термин *mārbanūtu*, очевидно, применялся по отношению не только к свободнорожденным лицам, но и к рабам после их манумиссии (CAD M/1: 257). По мнению Рот, «нет никаких свидетельств о том, что статус какого-либо индивидуума как *mār banī* определялся его рождением, поскольку этот статус мог относиться и к прежнему рабу» (Roth 1989: 487).

Но не имеем никаких документальных свидетельств о том, что отпущенные на свободу рабы могли принимать участие в народных собраниях. Однако, поскольку эти люди получали документ о гражданском статусе, очевидно, они, по крайней мере *de jure*, могли стать членами народного собрания. Рот опубликовала очень важный документ, который дает дополнительную информацию о статусе *mār banī*. Согласно этому тексту, царские судьи рассмотрели в городе Уруке иск бывшего раба Иштар-аб-уцура. Он утверждал, что в 538 г. хозяева женили его на свободной женщине и передали ему документ с печатью, удостоверявший, что как он, так и его дети, которые могут родиться в будущем, имеют статус свободных людей. В то же время по условиям этого документа хозяева посвятили его в храм Эанна. Тем временем в течение восьми лет, истекших после его манумиссии, у него родилось трое детей. Но в 530 г., после смерти прежнего хозяина, его вдова продала Иштар-аб-уцура третьему лицу, чтобы погасить какой-то долг. После изучения всех необходимых документов суд принял решение восстановить Иштар-аб-уцуру и его детям статус свободных людей, посвященных в храм.

Таким образом, раб, получивший документ о свободе, мог одновременно находиться в зависимости от храма. В связи с этим Рот пишет, что *mār banī* не был свободным человеком в западном или античном значении этого слова, поскольку он мог находиться в подчинении у храма (*ibid.*). Однако документ этот свидетельствует не о статусе обычного *mār banī*, а фиксирует случай, когда отпущенный на свободу раб одновременно был посвящен в храм. Хотя документ этот сам по себе и уникален, статус, о котором говорится в нем, вовсе не был исключительным, поскольку в Вавилонии были социальные слои населения, бравшие на себя обязательства, ограничивавшие их свободу. Среди таких групп, в частности, были лица, посвященные в храм, которые, однако, в отличие от настоящих храмовых рабов, не подвергались клеймению и зависели от храмовых властей лишь в незначительной степени (Dougherty 1923: 37, 88).

Наиболее влиятельную и авторитетную часть граждан составляли старейшины, которые, вероятно, были главами видных семей. В ряде случаев, не прибегая к созыву народного собрания, они могли решать дела, имевшие отношение к

храмовому имуществу (например, сбор храмовой десятины) или к искам частных лиц. Так, некая Бунаниту предъявила иск, что после смерти мужа ее пасынок Бел-агла-иддин присвоил 4 мины (около 2 кг) серебра, составлявшие часть ее приданого. «Наместник Вавилона, судьи и старейшины города» допросили ответчика, изучили все предъявленные документы, посоветовались между собой и вынесли решение. Два документа, составленные в Сиппаре в 531 г. до н. э., содержат иск кредитора по поводу того, что родственники одного мальчика, взятого в долговой залог, ворвались в его дом, взломав дверь, освободили заложника, а также прихватили с собой 1 мину серебра.

Эта жалоба была изложена перед главным жрецом Сиппара, который, в свою очередь, созвал «старейшин города» для вынесения решения (Сур 328, 329).

Старейшины также могли выступать представителями местного городского населения в переговорах с царем или с его высокопоставленными чиновниками. Подобным же образом царские приказы и распоряжения наместников предварительно сообщали старейшинам, которые затем знакомили с ними все население.

Очевидно, характерная для вавилонских городов структура самоуправления не распространялась на сельские районы, где жили преимущественно различные группы зависимого населения, занимавшего промежуточное между свободными и рабами положение.

В рассматриваемое время в Вавилонии временно или постоянно жило значительное число чужеземцев, которые составляли часть свободного населения страны. Среди них были царские чиновники и воины, а также торговцы, бывшие военнопленные, которые не были обращены в рабов, и т. д. Но не имеется никаких свидетельств о том, что такие люди могли стать членами народных собраний, по крайней мере в первом поколении. Важно иметь в виду, что собрания функционировали на храмовой территории и поэтому только те, кто принадлежал к общине того или иного городского святилища, могли обладать полными гражданскими правами. Формально говоря, чужеземцы были лишены гражданских прав, потому что они не владели землей в сельской округе того или иного города и не имели доступа в местные храмы. Возможно, письмо одного из ассирийских царей адресатам, названным им «невавилонянами», бросает некоторый свет на статус таких чужеземцев. Царь пишет, что он даже не открыл их письма, ибо «вы выдаете себя за вавилонян» (Waterman 1930 I. N 403). Как полагает Фрейм, эти «невавилоняне», вероятно, были людьми, которые приобрели земли в Вавилоне или поблизости от него после того, как этот город был разрушен в 689 г. по приказанию ассирийского царя Синаххериба. Позднее, приблизительно через десять лет, когда Вавилон был уже восстановлен, они требовали для себя статуса его граждан (Frame 1992: 80).

Однако, по-видимому, дети и внуки таких чужеземцев могли стать гражданами³. Например, некоторые лица египетского происхождения (*miširaja*), которые уже носили вавилонские имена, занимали разные должности в вавилонских

³Ср. Второзаконие 23: 8, согласно которому в третьем поколении чужеземцы могли стать членами общин израильтян.

храмах, а также владели землей. Один из таких «египтян» заведовал складом храма Эббара в Сиппаре (Dar 321). Очевидно, он и подобные ему люди были членами народных собраний.

Наконец, чужеземцы, жившие компактно в том или ином городе Вавилонии, могли образовать свое собственное народное собрание. Например, один документ, составленный в 529 г., упоминает «собрание египетских старейшин» в Вавилоне, которое в спорном деле вынесло решение относительно полей, которыми египтяне владели поблизости от этого города (Camb 85). Из Книги Иезекииля (8:1; 14:1; 20:1) можно заключить, что вопросы внутреннего управления еврейского населения, уведенного в вавилонский плен Навуходоносором II, решались их старейшинами. Такие органы местного самоуправления, существовавшие бок о бок с народными собраниями вавилонских городов, явились предтечей политемы эллинистического периода, когда последняя представляла интересы соотвествующих этнических меньшинств и решала их внутренние вопросы.

Одно из последних упоминаний народного собрания в вавилонских документах относится к 187 г. до н. э. (BRM 88). В общем и целом вавилонское народное собрание оказалось жизнестойким институтом, который пережил империи шумерских, вавилонских, ассирийских, персидских и македонских царей. Окончательное исчезновение народного собрания, вероятно в начале нашей эры, одновременно ознаменовало потерю гражданских прав жителями вавилонских городов и конец древних месопотамских традиций.

НОВОВАВИЛОНСКИЕ ДОКУМЕНТЫ ОБ УСЫНОВЛЕНИИ⁴

Усыновление — один из древнейших социальных институтов, который появился вместе с возникновением семьи и до настоящего времени не утратил своего значения. Древнейшие сведения об усыновлении в Месопотамии сохранились в шумерских правовых текстах. Особенно обильные данные о нем содержатся в старовавилонских документах (первая половина 2-го тысячелетия до н. э.). Их рассмотрению посвящен ряд исследований (David 1927; Driver, Miles 1952 I: 383–405; Schott 1913; Stone, Owen 1991: 1–33), основные выводы которых кратко можно охарактеризовать следующим образом. Обычно к усыновлению прибегали, когда не было собственных детей, для продолжения семьи по мужской линии и содержания приемных родителей в старости, а также для выполнения по отношению к ним религиозных обрядов после их смерти. В ряде случаев детей усыновляли также и для приобретения рабочей силы. Иногда усыновители возмещали родителям приемного сына расходы по его воспитанию и содержанию. Лишь в единичных случаях происходили усыновления, несмотря на наличие родного сына. Приемный сын терял имущественные права в

⁴ Статья была опубликована в «Scripta Gregoriana: Сб. в честь семидесятилетия академика Г. М. Бонгард-Левина» (М., 2003. С. 60–72). После ее публикации появилось важное исследование К. Вунш под названием «Найденыши и усыновление по нововавилонским источникам», где представлен ряд ранее неизвестных документов (Wunsch 2003–2004: 174–244).

своей родной семье и приобретал их в новой. В нескольких контрактах делается оговорка, что, если в будущем у усыновителя родится собственный сын, приемный тем не менее будет считаться старшим сыном, которому полагалось значительно больше наследства, чем остальным детям. Одна из статей Законов Хаммурапи ставит присмного сына на равную ступень с родным (§ 190). В другой статье предусматривается, что, если у усыновителя впоследствии родятся собственные сыновья и он захочет избавиться от приемного, необходимо отдать последнему $\frac{1}{3}$ причитавшейся ему доли имущества, но не сад и не дом (§ 191). Среди различных типов усыновлений можно отметить также усыновление сирот, а также детей от предыдущего брака новым супругом или супругой. Рабы могли быть освобождены и усыновлены с условием содержания бывших хозяев до конца их жизни. Иногда тексты из города Ниппура указывают месячные или годовые нормы пайков, которые необходимо было доставлять усыновителям.

Характер усыновления отличался в зависимости от региона и исторического периода. Например, в Аррапхе (территория современного Киркука на севере Ирака в середине 2-го тысячелетия до н. э.) землю можно было передавать лишь членам семьи. Поэтому для приобретения земли прибегали к фиктивным усыновлениям, когда покупатель «усыновлялся» и получал землю в «наследство» в обмен за равноценный «подарок», т. е. фактически покупал ее. При этом «усыновленный», естественно, полностью сохранял связи со своей старой семьей. Что же касается девочек, их усыновляли, чтобы потом выгодно выдать замуж (Cassin 1938). Для передачи собственности в Эламе наряду с усыновлением прибегали к принятию в «братство», приобретая таким образом право наследования в новой семье (но иногда и без такого права) (Юсифов 1968: 125–135). В Древнем Израиле усыновление часто происходило в среде родственников (Knobloch 1992: 76–79). Упомянем также арамейский папирус об усыновлении в среде еврейских колонистов на острове Элефантина в Южном Египте. Согласно этому тексту, в 416 г. до н. э. некий Заккур отпустил на свободу своего раба с последующим его усыновлением третьим лицом. Последний обязался не обращаться снова в рабство усыновленного, а в противном случае должен был уплатить большой штраф. Вероятно, этот раб был сыном самого Заккура от рабыни (Kraeling 1953. N 8; ср.: Yaron 1961: 40–41).

Наконец, значительный интерес представляют новоассирийские документы об усыновлении детей (Radner 1997: 137–143), близкие по времени к тем вавилонским текстам, которые будут подробно рассмотрены ниже. В них усыновляются мальчики в качестве наследников имущества, а девочки как рабочая сила с перспективой выдать их затем замуж. Например, в 658 г. до н. э. одна супружеская пара усыновила отнятого от груди мальчика у его отца. В другом случае усыновитель платит отцу мальчика 15 сиклей серебра. Девочка, отнятая от груди, была отдана в усыновление за 3 сикля серебра с условием, что впоследствии отец мог выкупить ее обратно за 1 мину серебра.

Перейдем теперь к рассмотрению вавилонских документов VII–IV вв. до н. э. В них акт усыновления обозначается фразами *ana māriṭi nadānu/leqê*, «отдавать/брать в сыновья» (AHw: 617; CAD M/I 1977: 319–321).

В 30-х гг. XX столетия, когда известный историк клинописного права Сан-Николо опубликовал две статьи об усыновлении в нововавилонское время (San Nicolò 1930: 445–455; 1936: 16–25), было известно лишь несколько таких текстов. К настоящему времени их количество увеличилось во много раз, однако еще не было сделано попытки собрать и анализировать их данные. Это является целью настоящей статьи. Сначала остановимся на контрактах об усыновлении, а затем перейдем к текстам, которые содержат определенную информацию об этом институте, хотя сами они не являются договорами об усыновлении.

8. Kongr 2⁵. «Шумая, потомок Плотника, сказал Этир-зеру, потомуку Эду-илу-этира, следующее: ‘Возьми моего сына Бел-аххе-эрибу, пусть он будет твоим сыном’. Этир-зер сказал так Шумая: ‘Отмерь долю Бел-аххе-эрибы и передай мне’». Далее в частично разрушенном тексте указывается, что Шумая добровольно выделил в качестве доли своего (бывшего) сына два участка земли общей площадью 8 мер «тростника» (14 кв. м), предназначенные для строительства, а также 3 пан 2 сут (9000 кв. м) посевного поля, где росли и финиковые пальмы. Текст содержит также проклятия на голову того, кто нарушит этот договор. Он был скреплен печатями в присутствии пяти человек и писца, составившего его, в Вавилоне в 3-м году правления ассирийского царя Шарру-укина (707 г.).

АпОг VIII 14⁶. «Иннин-шум-ибни, сын Набу-аххе-шуллима, предстал перед Балтайя, дочерью Набу-аххе-шуллима, своей сестрой, и сказал следующее: ‘Отдай мне твоего сына Илу-данну-аххе-ибни, семнадцатидневного ребенка, и я его воспитаю, он станет моим сыном’. Балтайя услышала его и отдала ему в усыновление своего сына Илу-данну-аххе-ибни, ребенка семнадцати дней. Он записал его в качестве своего младшего сына после (родного) сына Лабашни. До тех пор пока Балтайя выполняет обязанности иеродулы (harīmtu), Илу-данну-аххе-ибни будет находиться при ней. Когда она выйдет замуж за свободного человека, он (Иннин-шум-ибни) должен уплатить ей 20 сиклей серебра (за) кормление и воспитание Илу-данну-аххе-ибни, (за) еду, питье, соль, салат, растительное масло (и) одежду Балтайи. Иннин-шум-ибни поклялся богом Ану и богиней Иштар: ‘Воистину, в соответствии с добрыми (намерениями) и брагством я не отдам Илу-данну-аххе-ибни моему брату Набу-зер-лиширу или моей сестре Эширту’. Илу-данну-аххе-ибни и Лабашни должны совместно служить Владычице Урука (т. е. богине Иштар) и царю.

Свидетели (далее следуют имена пяти свидетелей и писца). Амагу, 8-й день месяца ду’узу 32-го года Навуходоносора, царя Вавилона.

Пусть того, кто изменит это решение, погубят Ану, Иштар, а также клятва Навуходоносору, царю Вавилона».

Документ был составлен в одном из поселений близ Урука в 573 г. Балтайя ставит условие усыновителю, чтобы он не отдавал ее ребенка их общему брату или сестре.

⁵ См. транслитерацию, перевод и комментарий: San Nicolò 1951: 1–3.

⁶ См. транслитерацию, перевод и предшествующую литературу: San Nicolò, Petschow 1960: 6–7.

В связи с этим текстом определенный интерес представляет СТ LV 154 из архива храма Эбббара в Сиппаре, составленный в 547 г.⁷ В этом документе зафиксировано поручение управителя указанного храма и главного жреца Сиппара, данное одной женщине, чтобы она вырастила и воспитала трехмесячного сына своей дочери, которого последняя родила, будучи иеродулой.

YOS VI 2⁸: «Иштар-шум-лишир, сын Экур-закира, передал добровольно $\frac{2}{3}$ (?) своего раба, египтянина (по имени) Набу-ина-кари-лумур в усыновление (другому) своему рабу, (а именно) Иштар-аб-уцуру, храмовому рабу Владычицы Урука. Кем бы ты ни был — наместником или (другим) начальником, — кто нарушит это решение, пусть боги Бел и Набу, (а также богиня) Нанайя изрекут его гибель. Набу-ина-кари-лумур должен ежегодно платить Иштар-аб-уцуру 5 сиклей серебра (в соответствии) со своей $\frac{2}{3}$ (?) (долей). Когда Иштар-аб-уцур умрет, Набу-ина-кари-лумур будет принадлежать Владычице Урука.

Свидетели (имена трех человек и писца). Урук, 10-й день месяца улулу года вступления Набонида на престол царя Вавилона» (556 г.).

Если чтение « $\frac{2}{3}$ » верно, Иштар-шум-лишир отдал своего раба в частичное усыновление другому своему рабу, который был завещан храму Эанна. Но усыновление должно было продолжаться только в течение жизни его усыновителя, а затем приемный сын должен был перейти в собственность храма Эанна. Другими словами, контракт этот является договором об усыновлении одного раба другим с последующим посвящением в храм (*ibid.*: 9). В тексте, по-видимому, речь идет об усыновлении в определенной квоте, хотя другие такие аналогии из клинописных документов нам неизвестны. Но в сасанидском Иране и Ираке были лица, которые считались рабами только наполовину, на $\frac{1}{4}$ и т. д. (см.: Dandamaev 1984: 552, n. 122).

BRL I:10 — документ об усыновлении сына своей дочери одним жителем Вавилона, составленный в 536 г. В нем, в частности, говорится: «Мардук-надин-ах, сын Нергал-убаллита, потомка Бел-этира, сказал Кидин-Мардуку, сыну Иддин-Набу, потомка Бел-этира, и Рамуа, своей дочери, жене Кидин-Мардука, следующее: 'Отдайте мне в усыновление Мардук-ремани, вашего маленького, трехлетнего сына; он станет моим сыном'. Кидин-Мардук и его жена Рамуа услышали Мардук-надин-аха и отдали своего маленького сына Мардук-ремани в усыновление Мардук-надин-аху... Мардук-надин-ах добровольно передал Мардук-ремани на вечные времена (свою пребенду в храме...), а именно голову барана... поле, на котором имеются финиковые пальмы, площадью 1 кур 1 пан 4 сут» (около 16 650 кв. м) (ср.: San Nicolò 1930: 446; 1936:16; Driel 1998 14:162–163).

ОЕСТ X, 110⁹. Насколько можно понять из этого текста, начало которого сильно разрушено, одно лицо обратилось к некоему Забаба-эришу с просьбой отдать ему в усыновление Набу-нацира. Как полагает Рот, последний был рабом (*ibid.*: 63). Одновременно текст отмечает, что Забаба-эриш отдал усы-

⁷ См. перевод этого текста: Joannès 1997 22:124.

⁸ См. транслитерацию и перевод: San Nicolò, Petschow 1960: 8–9.

⁹ См. транслитерацию, перевод и комментарии: Roth 1989: 61–64.

новленному «свою дочь, девицу Ахату-акрат в жены. Ахату-акрат является женой Набу-нацира, сына Забаба-эриша». Далее, по-видимому, говорилось о возможных в будущем претензиях на Набу-нацира со стороны его бывшего хозяина, но из-за повреждений смысл текста остается неясным. Документ составлен перед свидетелями в Ухуду (местонахождение точно не известно) в 544 г.

СТММА III 53¹⁰. «Шум-укин, сын Му[шаллиму?], добровольно отдал своего сына Калбайя — сына сестры Набу-аххе-иддина, [которого] Набу-аххе-иддин вырастил, начиная еще с малолетства, и обучил его читать и писать табличку, в усыновление Набу-аххе-иддину, сыну Шулайи, потомка Эгиби. Калбайя (отныне) является сыном Набу-аххе-иддина.

Свидетели (имена трех свидетелей и писца). Вавилон, 4-й день месяца арах-самна 10 года Набонида, царя Вавилона» (546 г.).

Здесь речь идет об усыновлении главой предпринимательского дома Эгиби Набу-аххе-иддином своего племянника. Как указывают издатели этого документа И. Спар и Е. фон Дассов, Калбайя не упоминается ни в одном из документов о разделе имущества между тремя родными сыновьями его приемного отца (*ibid.*). Очевидно, с самого начала существовала договоренность о том, что Калбайя ничего не получит в наследство, и поэтому ему было дано писцовое образование, чтобы он мог зарабатывать себе на жизнь. В трех текстах, составленных до 10-го года царствования Набонида, Калбайя идентифицируется как сын своего родного отца. Однако еще за восемь лет до рассматриваемого здесь документа Калбайя выступает писцом контракта Nbn 71, где он называет себя сыном Набу-аххе-иддина. Следовательно, к 554 г. он уже был взрослым человеком и писцом. Таким образом, приведенный выше текст лишь придает формальный характер отношениям между Калбайя и его приемным отцом (*ibid.*).

AnOr VIII 48 (ср.: San Nicolò 1934 6: 191–194) содержит имена чиновников управленческого аппарата храма Эанна в Уруке и многих лиц персонала этого святилища, в присутствии которых в 534 г. один владелец пребенды «скрепил печатью документ об усыновлении Даян-Мардука, сына брата своего отца... и передал ему (право) на доходы от пребенды за службу перед богиней Канишурра». Присутствовавшие при утверждении этого документа лица храмового персонала заявили, что в биографии Даян-Мардука им ничего порочащего его неизвестно и поэтому он годен к службе в святилище.

BM 82696 (MacGinnis 1999: 10–13. N 3) — документ, составленный в 532 г. в Борсиппе, в котором некий Набу-мушетик-урри заявляет одному своему родственнику следующее: «У меня нет сына, и я не в состоянии выполнять в полной мере свои обязанности по пастушеской пребенде в течение сорока дней в Эзиде, святилище бога Набу. Поэтому давай я составлю заверенный печатью документ, передающий (часть доходов от пребенды) в твоё распоряжение. И ты возьмешь на себя ответственность за доставку (жертвоприношений) на стол (Набу) и за дежурство».

¹⁰ О более ранних изданиях этого текста см.: *ibid.*: 110.

Тот принял такое предложение и получил право на доход от пастушеской пребнды в течение восьми дней в году. Оба контрагента должны были отвечать за своевременную доставку качественных жертвоприношений.

OLZ VII:7 (Peiser 1904 VII: 40–43). «Мушаллим-Мардук, сын Шакин-шума, потомка начальника строителей, добровольно составил документ с печатью об усыновлении на вечные времена Набу-ах-иддина и его малолетнего сына Набу-кишира. Набу-ах-иддин и Набу-кишир являются сыновьями Мушаллим-Мардука. [Пока] их отец Мушаллим-Мардук жив, [они должны содержать] своего отца Мушаллим-Мардука, (а именно) отдавать (ему) пищу, елей и одежду». Далее текст сильно разбит, и в нем, в частности, содержатся проклятия богов и царя Навуходоносора на возможных нарушителей контракта. Затем приводятся имена многих лиц, которые присутствовали при скреплении документа печатями в Вавилоне в 575 г. Издатель текста склонялся к мнению, что усыновленные в прошлом были рабами и поэтому опасались повторного порабощения (*ibid.*: 43). Однако из-за плохой сохранности контракта невозможно подтвердить или отвергнуть такое предположение.

Nbn 626 — документ из Хурсагкаламмы (другое название города Киша) от 544 г. большая часть которого разбита. В нем говорится о предоставлении женщиной по имени Дамкайя «таблички усыновления» (*tupru māg-ū-tu*) рабу и рабыне. Это выражение было истолковано автором настоящей статьи как отпуск рабов на свободу путем усыновления их хозяйкой (Dandamaev 1984: 439). Однако редактор упомянутой книги автора о рабстве в Вавилонии (см. примеч. 25) М. Поувелл высказал предположение, что здесь речь идет о манумиссии и что писец имел в виду написать *tupru māg- <ban>-ū-tu* («документ о предоставлении свободы») (*ibid.*: 470). Недавно К. Вунш проверила оригинал таблички в Британском музее и подтвердила его старое чтение, но тем не менее она полагает, что предложенное Поувеллом исправление верно и в тексте речь идет о манумиссии, а не об усыновлении рабов (Wunsch 1997–1998: 82–83. N 12). Для суждения об этом документе до некоторой степени может помочь и Nbk 359, составленный в той же Хурсагкаламме в 565 г., т. е. за 21 год до рассмотренного выше текста. В Nbk 359 муж упомянутой выше Дамкайя Арад-Гула обращается к ней со словами: «с 28-го года Навуходоносора, царя Вавилона (577 г.), когда я взял тебя в жены, у нас нет ни сына, ни дочери совместных. И когда мы вместе составили документ и наше имущество (...)». Далее текст разрушен (см. переиздание этого текста: *ibid.* N 10:81).

UEI IV 1/2 — сохранившийся в двух экземплярах документ, составленный в городе Уре в 396 г. перед свидетелями в форме диалога между женой и мужем. Последнего звали Лабаш-Сином, и он был «рабом» (*ardu*) высокопоставленного персидского вельможи Митридата. Жена, очевидно, принадлежала к сословию свободных. Она не имела своих детей и обратилась к мужу с просьбой разрешить ей усыновить его сына и дочь от прежнего брака и получила такое согласие. В документе подчеркивается, что все имущество родителей будет принадлежать их детям «на вечные времена», а также оговаривается, что, если у этой пары родятся совместные дети, они будут иметь такое же право на наследование, как усыновленные супругой. Все эти дети «должны вечно служить богам и царю за своих отца и мать», г. е., по-видимому, выполнять обязанности, связанные с храмовой

пребендой и царскими повинностями, которые обычно несли свободные люди (ср.: San Nicolò 1950 19: 221–222). Не исключено, что Лабашин-Син был в действительности не рабом, а лишь зависимым от Митридата лицом. Но в любом случае после усыновления его дети, очевидно, становились свободными людьми.

VS V 129 (Сиппар, 536 г.), начало которого не сохранилось, содержит, по-видимому, предсмертное распоряжение некоего Бел-иддина относительно раздела своего имущества между женой и двумя сыновьями. В тексте, в частности, отмечается, что ею был усыновлен его старший сын (очевидно, от прежнего брака). Она получает дом в Сиппаре, который в последующем может передать кому захочет. Кроме того, в течение всей своей жизни она может пользоваться урожаем с одного из полей, принадлежавших семье. Старший сын также получает поле и доходы от пребенды, а младшему досталось только одно из полей.

Наконец, ван Дриль упоминает документ от 8-го года правления Кира (531 г.) о манумиссии раба и его усыновлении, в результате которого он стал младшим сыном в семье. По мнению ученого, здесь речь идет об узаконении положения сына хозяина от рабыни (Driell 1998: 184). Однако приведенный им для этой таблички инвентарный номер Британского музея BM 78543 на самом деле является номером старовавилонского письма (Leichty, Finkelstein 1988 VIII: 157). Как сообщил нам нидерландский ассириолог А. Бонгенаар, ван Дриль имел в виду BM 74543¹¹.

Два следующих документа являются актами фиктивного усыновления.

VS VI 188. «Бел-шум-иддин, сын Патту, добровольно взял на вечные времена в усыновление Забина, сына Идарни-Бела, раба (ardu) Таттанну, сына Напсанна, а также его (т. е. Забина) сына Таб-Урука на $\frac{1}{3}$ посевого поля с деревьями, расположенного наверху Канала Иштар... (т. е.) своей доли (поля), которым он владеет совместно с Арад-Мардуком и Бел-эришем, сыновьями Белет-бит-эриша, и Зумбой, сыном Сукайя, совладельцами его надела лука. Забин и Таб-Урук должны совместно нести царскую повинность. Это поле и расположенный там дом являются также долей Забина, сына Идарни-Бела, и Таб-[Урука], (приемных) сыновей Бел-шум-иддина. Они могут пользоваться $\frac{1}{3}$ этого поля.

Свидетели (имена пяти свидетелей¹² и писца). [...] год Артаксеркса, (царя стран)».

Как видно из этого текста, владелец надела лука, обязанный служить в войске в качестве лучника, усыновил другое лицо вместе с его сыном с условием, что они будут нести царскую повинность (ilku ša šarri) на этой земле. В качестве вознаграждения они могли пользоваться доходом с части повинностного поля. Очевидно, усыновитель не имел собственных сыновей и был не в состоянии сам нести повинность из-за пожилого возраста. Чтобы не возвращать надел в государственный фонд земли, он усыновил другое лицо вместе с его сыном (ср.: Petschow 1956: 16).

¹¹ Если в этом документе речь действительно идет об усыновлении, то информация о нем, содержащаяся в каталоге вавилонских табличек Британского музея, как о контракте о продаже дома в Сиппаре, очевидно, является ошибочной.

¹² В основном это были совладельцы упомянутого в тексте надела лука.

УСР 9/III¹³. «Гадал-яма, сын Рахим-или, сказал добровольно Римут-Нинурте, потомку Мурашу, следующее: 'Посевное поле с деревьями и урожаем на корню, сколько составляет долю Барики-или, который взял твоего брата Энлиль-шум-иддина в усыновление к Рахим-или, передай мне, (а также отдай) одну лошадь вместе со снаряжением и вооружением (а именно:) уздечкой, платком от пота, железным панцирем, остроконечной шапкой, бронзовым футляром, 120 стрелами, 2 железными копьями и 1 миной серебра на дорожное пропитание, чтобы я мог по желанию царя отправиться в Урук для выполнения повинности с надела лука, сколько составляет твою долю'.

Затем Римут-Нинурта услышал его и 1 лошадь и все снаряжение и вооружение, сколько сейчас записано, и 1 мину серебра на дорожное пропитание отдал ему, чтобы он согласно желанию царя мог отправиться в Урук и выполнить повинность с надела лошади.

За то, что это поручение не будет наложено (на другого), поручается Гадал-яма. Гадал-яма должен отметить при Забине, начальнике писцов-переводчиков при войске, и передать (свидетельство об этом) Римут-Нинурте, потомку Мурашу.

Свидетели (имена десяти свидетелей и писца). Ниппур, 12-й день месяца тебету 2-го года Дария, царя стран» (т. е. Дария II, 422 г.).

Как видно из этого документа, член предпринимательского дома Мурашу в Ниппуре был усыновлен западносемитским владельцем надела лошади Барики-или — отцом Рахим-или, дедом Гадал-ямы. Таким образом, Энлиль-шум-иддин из дома Мурашу стал совладельцем надела лошади, с которого необходимо было нести военную службу в качестве конника. Гадал-яма согласился выполнять эту службу при условии, если дом Мурашу даст ему коня с соответствующим снаряжением и вооружением, а также деньги на дорожные расходы во время несения повинности. Как известно, военные наделы нельзя было отчуждать, и при отсутствии наследников по мужской линии они возвращались государству. Поэтому в данном случае кредитор стал фактическим владельцем заложенного и невыкупленного надела под видом усыновления.

Рассмотрение следующей группы документов начнем с Nbn 356, который сохранился в двух экземплярах¹⁴. Он был составлен в Вавилоне в 547 г. и содержит протокол тяжбы одной вдовы с ее деверем. Она обратилась в суд не только от своего имени, но также представляя интересы своей дочери и приемного сына. Суть ее иска заключалась в том, что до своей смерти ее муж передал ей все свое имущество, включая одного раба и дом в Борсиппе, купленный частично за счет ее собственного приданого. Затем брат ее покойного мужа стал претендовать на этот дом и раба, а также на «все, что было передано по документу, заверенному печатью». В частности, она заявила: «В 5-м году Набонида (551 г.) я и мой покойный муж усыновили Аппладду-абара и составили документ о его усыновлении. Кроме того, мы назначили приданое для моей дочери Нуп-

¹³ См. транслитерацию и перевод: Cardascia 1951: 179–182; Ebeling 1952 50: 203–213.

¹⁴ Документ этот вызвал появление большого количества литературы и был переиздан: Wunsch 1993: 137–140. N 167. См. там же более раннюю литературу.

ты (а именно) 2 мины 10 сиклей серебра и домашнюю утварь». Истица также представила документы, подтверждавшие ее заявление. Суд, состоявший из шести человек, удовлетворил ее иск, а также права приемышного сына. Высказывалось вероятное предположение, что Аппладду-абар был усыновлен с намерением выдать за него замуж свою дочь. Так можно было обеспечить положение дочери, поскольку при отсутствии наследников по мужской линии ее дядя становился законным наследником значительной части семейного имущества (Driel 1998a: 190, п. 55).

В BRL II:16–17 (начало текста и дата отломаны)¹⁵ Набу-кишир, сын Бел-этира, обращается к наместнику Куты и народному собранию этого города с жалобой, что мать его отца Дамкайя и Бурашу, сестра отца и жена некоего Бел-иддина, забрали себе все имущество его отца, не оставив ему ничего. Наместник и собрание Куты приняли к сведению заявление Набу-кишира и спросили обеих этих женщин: «Почему вы обращаетесь с Набу-киширом, как если бы он не был сыном Бел-этира?» На это те ответили: «Но ведь он пришел в дом Бел-этира со своим семейным достоянием». Набу-кишир возразил на это: Бурашу и ее муж «взяли одну девочку (в усыновление), составив документ с печатью для нее. А Дамкайя, мать моего отца, говорила: ‘Запишите моего внука Набу-кишира в качестве (простого) свидетеля’, и они записали меня в этом документе для свидетельствования». Наместник и собрание Куты расследовали это дело, опросив свидетелей и изучив относящиеся к нему документы, и установили статус Набу-кишира в качестве сына Бел-этира. Кроме того, они решили, что Бурашу может до конца жизни пользоваться урожаем с поля, принадлежавшего ее покойному мужу, но без права его продажи. Конец текста не сохранился, но, очевидно, после ее смерти поле должно было перейти в собственность Набу-кишира.

Усыновление упоминается и в Суг 368, начало и конец которого разрушены. В нем говорится о том, что некая Мицату, мать Набу-надин-ипри, «составила заверенный печатью документ об усыновлении» и передала его Бел-ушаллиму, сыну Набу-шум-ибни. Но затем она по какой-то причине (здесь текст разбит) уничтожила этот документ. По-видимому, возникли какие-то разногласия между Мицату и ее родным сыном, и в конце концов было достигнуто соглашение, что Набу-надин-ипри откажется от части семейного имущества в пользу Бел-ушаллима, а последний не будет оспаривать его статуса как родного сына¹⁶.

СТММА III 102, составленный в Вавилоне в 547 г.¹⁷, рассказывает о семейной истории Бел-кацира, сына Надина, который женился на вдове с ребенком. Однако она не родила ему «ни сына, ни дочери». Поэтому он обратился к своему отцу с просьбой: «Разреши мне усыновить Бел-усата, сына моей жены Зуннайи, которого она родила моему предыдущему мужу... Пусть он будет моим сыном. Пожалуйста, присутствуй при составлении документа о его усыновлении и переведи на него наши пребенды и (другое) наше имущество, сколько его имеется,

¹⁵ См. переиздание этого текста: Joannès 1996: 62–63.

¹⁶ Ср. перевод и толкование: BRL IV: 14–15.

¹⁷ Текст неоднократно издавался, поскольку он оказался в различных музеях. О более ранних публикациях см.: *ibid.*: 214.

скрепив документ печатью. Пусть он будет сыном, который станет поддерживать нас». Однако его отец не согласился на это и, чтобы сорвать планы сына, составил завещание, в котором говорилось: «Когда Надин умрет, если у его сына (т. е. Бел-кацира) к тому времени появится родной сын, последний может взять пребенды и (другое) имущество Надина... Если у него не будет родного сына, Бел-кацир должен усыновить своего брата и сонаследника. Пребенды и имущество Надина, его (т. е. Бел-кацира) отца, будут принадлежать ему. Бел-кацир не может усыновить никого другого, кроме своего брата».

Из VS V 47, составленного в Вавилоне в 527 г., мы узнаем об усыновлении довольно состоятельной бездетной супружеской парой (Гимиллу и Таппашар) своего родственника Иддин-Набу из семьи Кузнеца¹⁸. В этом тексте Гимиллу передает своему приемному сыну семь долговых расписок на общую сумму 3 мины 35 сиклей серебра. В свою очередь Иддин-Набу обязался «за свое усыновление» ежегодно доставлять приемному отцу 360 (?) л ячменя, 4 чана «отменного» пива и одну верхнюю одежду в год. В тексте также отмечается, что, пока Гимиллу жив, проценты с денег, отданных в рост, будут принадлежать ему самому. Позднее Гимиллу передал Иддин-Набу и другое свое имущество, а именно храмовую пребенду, приносящую доход хлебом и пивом (см.: VS V 57–58; VI 117). Но вскоре усыновитель умер, и через два с половиной года после рассмотренного выше VS V 47 Иддин-Набу вступил в переговоры с Таппашар, чтобы уладить имущественные разногласия с нею (ср.: NRV: 34). Таппашар клятвенно заверила своего приемного сына в том, что с нее ему причитается лишь 30 сиклей серебра: «Воистину я ничего не взяла себе, кроме домашней утвари». Она также обязалась не требовать от него содержания (VS IV, 78). Примечательно, что Иддин-Набу не принял патронима своего усыновителя. Очевидно, это усыновление в основном было имущественной сделкой, в результате которого Иддин-Набу получил наследство своих приемных родителей в обмен на их содержание до конца жизни¹⁹. Но очевидно, Иддин-Набу не считал себя обязанным содержать свою приемную мать после внезапной кончины ее мужа. Правда, контракт о его усыновлении пока не обнаружен, и поэтому его условия нам точно не известны.

VS VI 184. «[Ханна...] передала на вечные времена семь рабов (Гигиту...), жене Амурру-натана, раба Цихайя, и Бел-ибни, сыну Амурру-натана, которого [Гигиту ему родила?] и которого Ханна усыновила. Пока Ханна жива, эти рабы, (именно) семь (человек) будут в ее распоряжении, затем эти семь человек будут принадлежать Бел-ибни и его матери Гигиту. По одному экземпляру (документа) они получили».

Свидетели (*имена десяти свидетелей и писца*). (Местность) Бит-Напсанну, 11–1 день месяца кислиму 39-го года Артаксеркса, царя (стран)» (т. е. 426 г., если имеется в виду Артаксеркс I).

Таким образом, некая Ханна передала семь рабов своему приемному сыну Бел-ибни и его матери с условием, что до своей смерти она сама будет распоря-

¹⁸ О его деятельности см.: Дадамаев 2001: 3–16.

¹⁹ См. комментарий А. Спара и Е. фон Дассов: СТММА III: 195.

жаться ими. Бел-ибни был сыном Гигиту, жены раба по имени Амурру-натана. Сама она, вероятно, была свободной женщиной.

Как видно из СМ XX 59, около 525 г. некий Мушезиб-Мардук умер, не успев уладить свои имущественные отношения с двумя кредиторами. Когда последние предъявили счет его сыну Бел-аххе-иддину, он заявил: «Я (более) не являюсь сыном Мушезиб-Мардука. Брат моего отца Римут-[Гула] усыновил меня». Он также посоветовал кредиторам разузнать про наследство Мушезиб-Мардука и восстановить из него свой долг. Очевидно, у Римут-Гулы не было своих детей (во всяком случае, сына), и поэтому он усыновил племянника (см.: Wunsch 2000:103).

В связи с этим документом определенный интерес представляет и TCL XIII, 138, в котором приводится следующее заявление женщины по имени Этирту, сделанное перед целым рядом граждан города Урука в 534 г.: «Мой сын Набу-уцуршу говорит: 'Мой отец — Мардук-шум-уцур'. Однако Мардук-шум-уцур не взял меня в жены. Набу-уцуршу является моим старшим сыном; он рожден для Набу-зер-укина, и ни для кого бы то ни было другого. Он — старший сын Набу-зер-укина». После этого сам Набу-уцуршу заявил: «Я перепишу все свои документы на имя моего отца Набу-зер-укина».

Определенный интерес представляет и Dag 43 из архива храма Эбббара в Сиппаре (520 г.). В нем отмечается, что три поименно упомянутые женщины (по всей вероятности, это были храмовые рабыни) обязаны были ежегодно доставлять в святилище бога Шамаша определенное количество одежд. Далее в тексте содержится предостережение, что ни одна из этих женщин не может отдать своих детей в усыновление к свободным людям.

Наконец, документ о разделе имущества в Уре в 410 г. между тремя братьями содержит клаузулу о том, что если впоследствии у кого-либо из них будут обнаружены «документы, которые касаются либо усыновления, либо воспитания (детей), или же оплаты работы серебром, а также документы относительно даров, приданого и залогов, то они — недействительны» (UET IV: 55; ср. CAD M/I: 321).

В ряде случаев родители, не будучи в состоянии кормить своих малолетних детей, бросали их в ямы или в корзинах в реку, а также подкидывали на улице, чтобы любой желающий мог подобрать и вырастить их для усыновления или обращения в рабство. В этом отношении большой интерес представляет нововавилонское имя *Ša-rî-kalbi*, которое переводится «тот, кто (был вырван) из пасти собаки». Было высказано предположение, что это имя обязано своим происхождением обычаю подкидывания детей на улице и последующего воспитания их другими лицами, как бы спасшими их от пожирания собаками (Stamm 1939: 320–321). В 3-м и 2-м тысячелетиях родители, которые были не в состоянии кормить своих малолетних детей, иногда оставляли их на стенах города или в корзинах около реки или бросали их на улицах, где любой желающий мог подобрать их и вырастить либо для усыновления, либо для обращения в рабов.

В связи с этим Оппенхейм обратил внимание на документ Nbk 439, согласно которому одна женщина в присутствии свидетелей держала своего сына перед «пастью собаки», а некий Нур-Шамаш выхватил его оттуда. Оппенхейм полагал, что мы имеем здесь дело с обрядом подкидывания детей с последующим усыновле-

нием другими лицами (Oppenheim 1943 91: 36–39; Driver, Miles 1952: 390, n. 5; Joannès 1977: 124). Эти два символических акта обозначены юридическими формулами «бросить в пасть собаки» (т. е. оставить на улице на пожирание собаками) и «отнять из пасти собаки». Подобных детей часто ожидала участь рабов. Об этом, в частности, свидетельствует документ Nbn 990, в котором упоминается «выращенная» девочка, которая позднее была включена в приданое (San Nicolò 1930: 452).

Другое аналогичное свидетельство содержится в VS VI, 116, согласно которому в 530 г. в присутствии нескольких представителей из сословия свободных некая Цирайя и ее муж заявили, что много лет назад она подобрала на одной из улиц Вавилона малолетнюю девочку и вырастила ее. Это заявление было сделано для того, чтобы узаконить статус найденыша в качестве рабыни. Но совершенно очевидно, что в других аналогичных случаях дети могли быть усыновлены подобранными их лицами.

Приведенные выше документальные свидетельства можно подытожить следующим образом. В отличие от старовавилонского и среднеассирийского периодов истории Месопотамии, нововавилонских контрактов об усыновлении сравнительно мало, что, однако, судя по сохранившейся разнообразной информации, не свидетельствует об упадке этого института. Обычно к усыновлению прибегали, когда не было собственных детей для продолжения семьи по мужской линии, но иногда также для приобретения рабочей силы. Можно выделить следующие типы контрактов: усыновление родственников (например, сына дочери дедом, племянника дядей и т. д.); усыновление одним из супругов детей другого от прежнего брака; усыновление с целью выдать в последующем свою дочь за приемыша (иногда для этого усыновляли и рабов, которые при этом получали свободу); усыновление детей посторонних (по-видимому, это происходило довольно редко); усыновление сирот и подкидышей (последних также могла ожидать участь рабов) и, наконец, усыновление рабов свободными с одновременным предоставлением им свободы. Такие приемные дети обязаны были снабжать своих бывших хозяев пищей и одеждой до конца их жизни. К усыновлению девочек, по-видимому, прибегали сравнительно редко. Храмовым рабам, вероятно, запрещали отдавать своих детей в усыновление к свободным, поскольку такие дети потом могли требовать предоставления им свободы.

Присмный сын терял имущественные права в своей родной семье и приобретал их в новой. Лишь в одном случае родной отец отдает сына в чужую семью, выделив при этом полагающуюся ему имущественную долю. Но это случай исключительный, и его причина нам не известна. Естественно, приемыши должны были выполнять сыновний долг по отношению к своим новым родителям, снабжать их в старости едой и одеждой, а после их смерти выполнить принятые религиозные обряды.

Иногда в контрактах оговаривается, что усыновленный станет старшим сыном, если в будущем у его приемных родителей появятся собственные дети. А если у таких родителей еще до усыновления уже был родной сын, он, как правило, считался старшим в семье. Такое урегулирование пытались сделать заранее, чтобы впоследствии избежать возможные тяжбы, поскольку дети могли чувствовать себя ущемленными в своих правах. Дело в том, что согласно нововавилонским

законам доля наследства старшего сына была значительно больше, чем остальных сыновей. В тех случаях, когда в семье не было собственных или приемных сыновей, но были дядя (братья отца), имущество переходило к ним, а не к дочерям, которым при наличии других наследников полагалось лишь приданое.

Допускалось также усыновление без выделения приемышу наследственной доли. Во всяком случае, один присмыш в известной семье Эгиби, который был племянником усыновителя, не получил, в отличие от родных сыновей, наследства. Приемный отец дал ему писцовое образование, которое должно было обеспечить безбедное существование.

Своеобразной формой усыновления было усыновление в определенной квоте для выполнения культовых обязанностей, связанных главным образом с кормлением и одеванием богов за соответствующее вознаграждение. Так, например, один пожилой пребендарий, который не справлялся в полной мере со своими обязанностями, усыновил молодого родственника для выполнения $\frac{1}{3}$ части работы.

Подобным же образом к усыновлению прибегали, когда владельцы наделов, пожалованных царской администрацией для несения военной повинности в качестве соответственно лучников, кошиков и колесничих, не справлялись со своими обязанностями ввиду пожилого возраста или по другим причинам. В противном случае им пришлось бы вернуть свои надель в государственный фонд земли. Например, один владелец надела лука усыновил одновременно отца и сына для совместного несения вместо него военной службы. Усыновление было сделано на $\frac{1}{3}$ поля, которая принадлежала владельцу надела (остальные $\frac{2}{3}$ находились в распоряжении двух других лучников). В качестве вознаграждения приемные сыновья могли пользоваться доходами с указанного поля, а также домом, принадлежавшим их фиктивному отцу. Наконец, как видно из другого документа, один воин был обременен долгами и его надел был заложен. Поэтому владельцу последнего пришлось усыновить своего кредитора, который был членом крупного предпринимательского дома Мурашу в городе Ниппуре. Естественно, этот кредитор не был воином и поэтому никак не мог служить в армии. Таким образом, это было фиктивное усыновление, так как не было какого-либо другого способа захвата заложенного поля, которое было государственной собственностью и не подлежало отчуждению. Поэтому фактический владелец надела нанял внука его первоначального хозяина, снабдив его лошадью, а также необходимым снаряжением, вооружением и деньгами для пропитания на время несения повинности.

РАБСТВО НА ДРЕВНЕМ БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ²⁰

Рабство — институт, посредством которого человек располагает правом собственности над другим лицом. На Древнем Востоке этот институт приобрел формы, которые совершенно не были характерны для американского рабства в XVIII–XIX вв.

²⁰ Перевод статей «Slavery in the Ancient Near East» и «Slavery: Old Testament» (The Anchor Bible Dictionary. New York, etc., 1992. Vol. 6. P. 58–65).

Типы рабского труда

Общество на Древнем Ближнем Востоке состояло из трех больших социальных групп: свободные, зависимые и рабы. Хотя чрезвычайно разнообразные формы социально-экономических отношений были присущи древней эпохе, тем не менее существовали три основных типа труда: свободных земледельцев и ремесленников, рабов и различных групп полусвободного (или зависимого) населения.

Независимые или свободные производители работали на своей земле и в своих мастерских. Существовал также свободный наемный труд, который засвидетельствован начиная с ранних периодов месопотамской истории, а также в Хеттском царстве, Палестине и многих других странах Древнего Ближнего Востока. Такой тип труда был особенно характерен для Вавилонии I-го тысячелетия до н. э., когда храмы и частные лица прибегали в широких масштабах к использованию свободного наемного труда в ремесле и в сельском хозяйстве. Такие многочисленные группы в основном состояли из малоземельных и безземельных людей.

Полусвободные группы, которых можно обозначить терминами «зависимые», «илоты» или «крепостные», подвергались внеэкономическому принуждению и из поколения в поколение работали на земле, принадлежавшей дворцу и храмам. В этническом отношении они состояли из представителей местного населения, а также военнопленных, посаженных на земле. В зависимости от специфических исторических условий илоты могли быть лишены права на средства производства или могли владеть ими. Другими словами, часть таких людей владела участками земли, а также недвижимым и движимым имуществом, включая даже рабов. Часть времени они работали на себя, в остальное же время на дворец или в храмовых хозяйствах. Другие группы илотов не имели собственной земли и работали постоянно на других.

Такие зависимые были по своему положению близки к рабам и занимали промежуточное положение между свободными и рабами. Они составляли основную рабочую силу в государственных и храмовых хозяйствах Египта, Малой Азии, Месопотамии (гуруш в ранние периоды, шушану в I-м тысячелетии до н. э.), в Древнем Иране (курташ) и в других странах Ближнего Востока. В поздние периоды роль этих групп в производстве и социальной структуре заметно уменьшилась по сравнению с 3-м и 2-м тысячелетиями, а рабский труд, наоборот, стал играть более значительную роль.

Рабство было самой значительной формой личной зависимости и внеэкономического принуждения. Раб был лишен средств производства и представлял собой просто вещь, принадлежащую своему хозяину. по отношению к которому у него были только обязанности и никаких прав. Институт рабства, по-видимому, возник в конце 4-го тысячелетия и развивался различными путями в разных странах, в зависимости от конкретных исторических условий. Формы его также менялись в одной и той же стране с течением времени.

Обычным термином для раба в Месопотамии был *wardum*, который в то же время употреблялся не только для обозначения настоящего раба, но также зави-

симости в широком смысле слова или рабской покорности, соответствуя таким образом др.-еврейскому 'ebed, арамейскому 'abdā, др.-перс. bandaka, греч. doulos и т. д. На Древнем Ближнем Востоке все подданные царя, включая чиновников высокого ранга, считались рабами царя. В Вавилонии I-го тысячелетия появляется много терминов, которые вообще не были известны в ранние периоды или же использовались в иных значениях (например, qallu, который буквально можно перевести «малый», «незначительный», или amēlūtu — абстрактный собирательный термин для обозначения рабов обоих полов, который буквально значит «люди»). Кроме того, во многих странах существовали храмовые рабы, чей статус также был наследственным. В Месопотамии основным термином для обозначения таких рабов был širku.

Источники рабства

По всей вероятности, рабы первоначально были лицами чужеземного происхождения, главным образом военнопленные. В течение всей древности египетские, месопотамские, хеттские, персидские и другие восточные правители после своих победоносных войн уводили в плен большое количество людей. Однако лишь незначительную их часть обращали в рабов, а всех остальных сажали на землю в качестве дворцовых или храмовых илотов. В поздние периоды труд военнопленных более широко использовался на ирригационных сооружениях, на строительстве дорог, дворцов и храмов.

Многих рабов доставляли из других стран. Например, в конце 3-го и начале 2-го тысячелетия рабы из Субарту в Северной Месопотамии высоко ценились в Вавилонии и Ассирии.

В старовавилонский период делали различие между рабами местного и чужеземного происхождения. Например, по Кодексу Хаммурапи (§ 280) граждане, которые были уведены в другие страны, подлежали выкупу. Но в I-м тысячелетии такое различие не проводилось ни в Вавилонии, ни в Ассирии.

Начиная с ранних периодов долговое рабство было одним из основных источников для пополнения рабского населения. Однако временами должники добивались освобождения из рабства. Так, например, вавилонский царь Аммицадука в XVII в. издал эдикт, согласно которому все жители его царства, впавшие в долговое рабство, подлежали освобождению вместе со своими семьями.

В ранние месопотамские периоды долговое рабство обычно ограничивалось законом определенным сроком, обычно до трех или шести лет. Например, Кодекс Хаммурапи (§ 117) устанавливает, что долговое рабство не должно длиться более трех лет, однако в Ассирии не существовало такого ограничения. В Нузи долговое рабство было широко распространено, и время, требуемое для отработки долга, иногда длилось до пятидесяти лет. Однако в Вавилонии I-го тысячелетия уже не было никакого ограничения долгового рабства каким-либо определенным периодом. Более того, в этот период долговое рабство вовсе не было широко распространено и уже не имело большого значения. Кроме того, кредитор уже не мог продать должника в рабство третьему лицу. Обычно должник отрабаты-

вал свою ссуду антихрезой (бесплатной работой на кредитора), сохраняя при этом свою свободу.

Самопродажа разоренных свободных засвидетельствована в документах из Ура времени III династии и из Ларсы периода, предшествовавшего воцарению Хаммурапи. В староассирийский период один житель продал себя в рабство вместе с женой в Канише, и в Нузи самопродажа для добывания пищи и одежды была широко распространена. В Вавилонии I-го тысячелетия самопродажа стала исключительно редким явлением. Например, около 648 г. во время осады Вавилона Ашшурбаналом, одна женщина продала себя в рабство с условием, что хозяин будет кормить ее. Документ содержит условие, что после снятия осады муж, сын, брат или любой другой родственник может выкупить ее, предложив равноценную сумму (Weidner 1952/1953: 37).

Продажа детей свободных людей в рабство разрешалась в Шумере, Вавилонии и Ассирии в 3-м и 2-м тысячелетиях. В Ассирии I-го тысячелетия родители могли продать своих детей и братья могли продать своих сестер. В Нузи продажа детей широко практиковалась. Из Нишшура сохранились 9 нововавилонских контрактов относительно продажи детей свободными. В 626 г., когда войско вавилонского царя Набопаласара осадило Ниппур, сохранявший верность ассирийцам, некоторые родители продавали своих детей ростовщикам (Oppenheim 1955: 69–89). Кодекс Хаммурапи регулирует юридический статус таких детей (§ 185–187, 192).

В ранние периоды месопотамской истории свободные могли быть обращены в рабство за нарушение законов. Например, в Шумере воров могли обратить в рабов те, от которых они пострадали. Жена и дети убийцы, осужденного на смерть, также обращались в рабство. Согласно шумерским законам, если сын отрекся от отца, последний мог заклеить его рабским клеймом (Driver, Miles 1968 I: 306). Кодекс Хаммурапи (§ 141) позволял мужу продать свою бесчестную и расточительную жену в рабство. Согласно тому же Кодексу (§ 54), мужчина, по вине которого поле соседа было затоплено, должен был компенсировать ущерб, а если он был не в состоянии сделать это, то подлежал продаже.

В Вавилонии I-го тысячелетия рабам разрешалось жить семьями, и их естественное воспроизводство из поколения в поколение имело большое значение, будучи основным источником пополнения состава невольников.

Важным источником храмового рабства было посвящение частновладельческих рабов в храмы их благочестивыми хозяевами. Такая практика посвящения рабов восходит еще к старовавилонскому периоду и была известна также в Ассирии. При халдейских царях одним из основных источников храмового рабства было посвящение военнопленных. Другими источниками были: передача в храм несостоятельных должников, естественное воспроизводство храмовых рабов и передача в храм детей свободных людей по экономическим причинам. Например, по свидетельству документа времени Набонида, во время голода в стране одна женщина, чей муж умер, посвятила двух своих малолетних сыновей в храм Эанна в Уруке, заклеив их. В тексте отмечается, что дети были переданы в храм, чтобы спасти их от голодной смерти (YOS VI 154).

Рабский труд

Документальные свидетельства содержат мало информации о применении частновладельческих рабов в сельском хозяйстве, за исключением тех случаев, когда они становятся арендаторами полей. Например, в I-м тысячелетии рабы арендовали у своих хозяев и других лиц поля вместе с посевным зерном, тягловым скотом и инвентарем. Крупные землевладельцы предпочитали сдавать поля в аренду земледельцам вместо применения рабского труда, поскольку последний требовал постоянного надзора и соответственно увеличивал издержки.

Сравнительно большое количество рабов трудилось в храмовых имениях. Однако эти рабы причиняли много беспокойства своими частыми побегами и поэтому требовали постоянного надзора. Письма храмовых чиновников нововавилонского периода полны жалоб на то, что рабы ленивы и плохо работают. Поэтому храмам часто приходилось прибегать к найму сезонных работников и временами сдавать землю в аренду свободным арендаторам. Кроме того, значительная часть храмовых имений обрабатывалась зависимыми земледельцами.

На Древнем Ближнем Востоке не было ремесленных мастерских, основанных на рабском труде. Ремесленные профессии в значительной степени передавались свободными членами общества по наследству от отца к сыну. Таким образом, в древних восточных обществах труд свободных земледельцев и арендаторов представлял основу сельского хозяйства, и их труд также доминировал в ремесленном производстве.

В Вавилонии рабский труд достиг своей высшей точки развития в I-м тысячелетии до н. э. Состоятельные люди владели несколькими рабами, а некоторые семьи (как, например, предпринимательский дом Эгиби) имели более ста рабов. Нередко люди среднего достатка имели от трех до пяти рабов. Тем не менее количество рабов не превышало половины свободного населения.

Возникает вопрос, почему значительную часть военнопленных не обращали в рабов. Рабство представляло максимальную степень зависимости, и часто не было недостатка в военнопленных. Кроме того, не существовало никаких юридических или этических норм, которые препятствовали бы обращению таких людей в рабство. Но это происходило лишь в незначительной степени, а в преобладающих случаях пленных поселяли на специально отведенных для них землях, обязав платить подати и нести повинности, включая военную службу.

Причина была в том, что дворцовая экономика из-за своего низкого уровня развития не могла быть основана на рабском труде, да и государственный аппарат был слишком слаб, чтобы установить эффективный надзор над массами рабов (см.: Gelb 1973: 91). Другими словами, сектор рабского труда на Древнем Ближнем Востоке, в отличие от греко-римской античности, оказался неспособным поглотить большие массы военнопленных из-за сравнительно слабого развития экономики и товарно-денежных отношений и, следовательно, по причине отсутствия достаточно развитых методов производства, где можно было бы широко применять рабский труд. По этой причине труд рабов прежде всего

использовался в выполнении домашних работ, которые не требовали обучения и дорогостоящего надзора, т. е. там, где его можно было применять круглый год, а не сезонно.

Юридический статус рабов

Рабы, подобно живому инвентарю, составляли основную форму движимого имущества. Их отдавали в долговой залог, включали в приданое, передавали по наследству и т. д.

Рабов часто клеймили с целью идентификации их статуса. Такое клеймение заключалось в татуировке или выжигании раскаленным железом имени хозяина раба на руке последнего. В Ассирии иногда прокалывали уши рабов. Законы Хаммурапи (§ 282) позволяли хозяину непослушного раба отрезать ему уши. Начиная с конца 3-го тысячелетия в Месопотамии на многих рабах ставили метку, которая называлась *abbuttum*. Это, вероятно, был специальный знак, который наносился на бритую голову профессиональным брадобреем (Szlechter 1949: 404). По Законам Хаммурапи (§ 226), если цирюльник сбреет метку с головы раба без уведомления и согласия его хозяина, то следовало отрезать руку такому мастеру.

Бегство рабов было весьма распространенным явлением. Беглых рабов ловили, заключали в оковы и возвращали на работу. Еще Законы Эшнунны (§ 49–50) определяют 2-кратное наказание стоимости раба в случае его кражи или укрытия беглого раба. Законы Липит-Иштара (§ 12) обязывают людей, которые дают приют беглым рабам, вернуть их хозяину в течение месяца или уплатить последнему 25 сиклей серебра. Кодекс Хаммурапи (§ 15–16) определяет смертный приговор за кражу или укрывательство беглого раба.

При продаже раба в некоторых случаях его хозяин должен был гарантировать, что в течение ста дней этот раб не убежит от своего нового господина или не умрет внезапно. Кроме того, необходимо было дать гарантию в том, что раб не был подвержен припадкам эпилепсии. Кодекс Хаммурапи (§ 278) ограничивает такую гарантию месячным сроком, а новоассирийские документы в аналогичных случаях оговаривают срок в сто дней после продажи (Driver, Miles 1968 2: 279–280).

Средняя цена раба или рабыни в период династии Аккада и Ур III колебалась между 10 и 15 сиклями серебра, а в старовавилонский период она равнялась 20 сиклям. В поздней Ассирии рабов продавали приблизительно за 50–60 сиклей и рабынь за 40 сиклей. В период халдейской династии взрослый раб стоил 50–60 сиклей, а рабыня несколько меньше. При Ахеменидах цены на рабов постепенно поднялись в полтора раза (Dandamaev 1984: 181–206).

Естественно, что жизнь раба ценилась меньше, чем свободного. По Кодексу Хаммурапи, убийство чужого раба наказывалось только уплатой компенсации его хозяину за понесенный им материальный ущерб (§ 116), а когда рабу нанесли телесные увечья, необходимо было уплатить его покупную цену (§ 199).

Хотя с точки зрения закона раб представлял лишь движимое имущество, действительное положение его значительно варьировалось даже в пределах одного и того же общества и в один и тот же исторический период. Часть рабов подвергалась жестоким формам угнетения, а другие находились в сравнительно хороших условиях.

Во многих странах Древнего Ближнего Востока разрешались браки между свободными и рабами. Согласно старовавилонским законам, дети рабыни и ее господина во всех случаях считались свободными. Как видно из Кодекса Хаммурапи (§ 175), дети от брака между рабом и свободной женщиной также считались свободными.

Иногда рабам позволяли владеть различного рода имуществом (пекулий). Разумеется, раб мог получить право на пекулий только в тех случаях, когда его хозяин был заинтересован в этом. Такие рабы самостоятельно платили фиксированный оброк. Размер последнего зависел от имущества раба и в Вавилонии I-го тысячелетия в среднем в денежном подсчете достигал 12 сиклей серебра в год. Такая сумма равнялась средней годовой плате взрослого наемного работника независимо от того, был ли он свободным или рабом. Иногда оброк заменяли работой на господина. Храмовые рабы, которые вели независимое экономическое существование, должны были платить денежный оброк или же отдавать в храм готовые продукты, исходя из установленных норм.

В Вавилонии I-го тысячелетия предприимчивые рабы владели землей, домами и значительным движимым имуществом. Они активно участвовали во всех сферах экономической жизни, занимались торговлей, владели тавернами и мастерскими, учили других лиц разным ремеслам, отдавали в залог свое имущество и сами принимали чужое имущество в залог до уплаты ссуды.

В юридической сфере такие рабы могли выступать в суде свидетелями, истцами и ответчиками. Они также могли иметь свои личные печати и принимать присяги. Более того, по-видимому, не было разницы в защите интересов рабов и свободных, хотя, конечно, рабы не могли судиться со своими хозяевами. В сделках с третьим лицом раб мог заложить только пекулий, но не самого себя.

Иногда рабы даже покупали других рабов или нанимали свободных для работы в своих хозяйствах. Однако такие богатые рабы все равно оставались собственностью своих хозяев, по прихоти которых они могли лишиться своего имущества и влияния.

Манумиссия рабов

Право на отпуск раба на свободу зависело исключительно от хозяина раба. По шумеро-вавилонским законам манумиссия раба могла состояться либо в суде, либо в форме соглашения между рабом и его хозяином, либо же путем ритуального очищения раба. Судебные протоколы еще периода III династии Ура упоминают манумиссии рабов. Освобождение раба производили перед судьями с записью в документе официального характера, и затем не могло быть оспорено прежним владельцем или его наследниками (Driver, Miles 1968 I: 221–230).

Иногда акт манумиссии оформлялся как контракт о продаже между хозяином и его рабом. В ряде случаев освобождение раба совершалось путем усыновления его хозяином с условием, что он будет содержать последнего до конца его жизни. Иногда господин выдавал свою рабыню замуж за свободного человека с условием, что тот купит ее и в дальнейшем будет содержать и ее хозяина. Ассирийский документ около 1800 г. отмечает, что свободный человек освободил своего раба и усыновил его с условием, что он будет содержать своего хозяина и его жену до конца их жизни, а также будет слушаться их. После их смерти он мог получить участок земли и вола. Если прежний хозяин будет обращаться со своим усыновленным как с рабом, он обязан уплатить ему 2 мины серебра. Если же после манумиссии раб отвергнет своих приемных родителей и совершит побег, то он подлежит продаже на том самом месте, где будет пойман (Veenhof 1982: 359–385). Другой ассирийский документ, составленный около 1115 г., отмечает, что один раб выкупил себя из рабства за 1 мину 55 сиклей серебра. По всей вероятности, это был долговой раб. Текст также содержит оговорку, что прежний владелец и его наследники не имеют права возбуждать иск относительно данного случая (Янковская 1989: 82–85).

Как видно из нововавилонских документов и арамейских папирусов V в. до н. э. из Египта, иногда рабов освобождали с условием, что они будут служить своему бывшему хозяину и кормить его до конца его жизни (Dandamaev 1984: 438–450). Таким образом, отпуск рабов на свободу ограничивался главным образом теми случаями, когда рабовладелец, будучи в пожилых годах и бездетным, старался заинтересовать раба перспективой будущей свободы. Засвидетельствована и такая форма манумиссии, когда свободный человек (либо хозяин самого раба или другое лицо) усыновляет раба. Обе эти формы существовали в Месопотамии в течение двух тысячелетий, и их юридический характер оставался тем же самым начиная со старовавилонского времени.

Ветхий Завет

Термины для обозначения рабов

Самым распространенным термином для обозначения рабов в Ветхом Завете является *'ebed*, которое является производным от *'abad* («работать»). В Септуагинте оно переведено через *doulos*, которое является наиболее атрибутивным обозначением раба, а иногда *oiketês*, т. е. домашний раб. Еврейское *n'r* (в женском роде *n'rh*), дословно «юноша», тоже употребляется в Ветхом Завете для обозначения молодых рабов. Его греческий эквивалент *pais* в Септуагинте обозначает прислугу, юных рабов, но также юношей из сословия свободных. Кроме того, слово *amāh* встречается в др.-еврейском для обозначения рабыни.

Однако слово *'ebed* обозначало не только настоящих рабов, занятых в сельском хозяйстве или домашними работами, но также лиц подчиненного положения (главным образом по отношению к царю и его высшим чиновникам).

Поэтому термин 'ebed иногда переводится «слуга». Кроме того, он употреблялся для выражения услужливости при обращении к лицам более высокого ранга. Наконец, тот же термин использовался в образном значении «раб (или слуга) бога». Например, патриархи Авраам, Исаак и Иаков, пророки, Давид, Соломон и другие цари постоянно называются рабами Яхве (Exod 32:13; Lev 25: 55; I Sam 3: 9; Ezra 9: 11 и др.). Подобным же образом все подданные Израиля и Иудеи называются рабами царей этих государств, включая даже их жен, сыновей и братьев (I Sam 17: 8; 29: 3; II Sam 19: 5 и др.). Обращаясь к Моисею и пророкам, израильтяне также называли себя их рабами (Num 32: 25; I Sam 12: 19 и др.). Руфь называет себя рабыней своего родственника Воаза (Ruth 3: 9). Будучи вассалом филистинского царя Ахиша, Давид называет себя его рабом (I Sam 28: 2). Естественно, нечеткая и неясно сформулированная социальная терминология, присущая для стран Древнего Ближнего Востока, используется и в Библии по отношению к подданным чужеземных правителей. Например, посланцы арамейского правителя или воины вавилонского царя Навуходоносора считали себя рабами своих царей (2 Царств 6: 11; 24: 10–11). Поэтому совершенно естественно, что цари Иудеи, зависевшие от более могущественных правителей соседних стран, считались их рабами. Например, об Ахазе говорится как о рабе ассирийского царя Тиглатпаласара III (2 Царств 16: 7). В современных переводах Библии слова для обозначения зависимости переводятся как «раб» и как «слуга». Однако такие переводы могут создать путаницу и неправильное представление о специальных терминах для обозначения слуг и рабов в Библии.

Но выбор верного значения среди таких метафорических применений термина, обозначающего зависимость, обычно не представляет большой трудности. Например, царь Герара Абимелех созвал своих рабов и рассказал им о своем сне (Gen 20: 8). Очевидно, эти «рабы» были царскими придворными и сановниками. Авраам собрал 318 своих доморожденных рабов, чтобы с их помощью освободить своего родственника Лота, который был захвачен тремя месопотамскими царями и еще одним лицом (Gen 14: 14). По крайней мере, часть этих людей, очевидно, были свободными из семьи самого Авраама. При вступлении на трон Иудеи Амасия казнил своих рабов, убивших его отца, который до него правил (2 Chr 25: 3). Эти рабы определенно были царскими сановниками. Когда царь Иудеи Иосия был убит при Мегиддо, его тело было доставлено на колеснице в Иерусалим слугами (2 Хроника 23: 30). Здесь совершенно ясно, что это были царские воины. Однако в ряде случаев определение точного значения двусмысленного 'ebed может быть спорным. Например, управитель домом Авраама, который отвечал за все его имущество, назван рабом (Gen 24: 2). Его статус только предположительно может быть интерпретирован как рабский, однако он, конечно, мог быть свободным.

Народы, подвластные израильтянам, считались рабами. Однако они не были рабами в настоящем значении этого термина, хотя обязаны были платить царю подати и выполнять повинностные работы. Например, во время захвата Ханаана жители Гибсона и трех других городов избежали поражения от израильтян с помощью хитрой уловки и заключили мирный договор. Когда стало известно об

их хитрости, договор все же был сохранен, но население этих городов было обращено в «вечных рабов» и обязано колоть дрова и таскать воду для алтаря (Josh 9: 23). Когда Давид подчинил себе филистимлян, эдомитян, моавитов и арамеюв, они стали платящими подать рабами (2 Sam 8: 2, 14; 1 Chr 18: 2, 6, 13). Соломон произвел перепись всех людей, которые не принадлежали Израилю, и обратил их в «рабство», сделав этот статус наследственным. Он также наложил на них повинности во время сооружения Иерусалимского храма и царского дворца (2 Chr 2: 17; 8: 7–9). Идеологический фон такой зависимости можно найти в истории Хама, отца Ханаана, который увидел своего родителя Ноя обнаженным после его опьянения. Поэтому Ной проклял Ханаана и обрек его стать рабом своих братьев (Gen 9: 25–27). Можно также упомянуть, что филистимлинский борец Голиаф вызвал израильтян решить исход битвы между обоими народами в единоборстве. Условием этого единоборства было следующее: если израильтянин победит Голиафа, филистимляне станут рабами израильтян, и наоборот (1 Sam 17: 8–9). Тогда израильтяне стали говорить, что царь даст большую награду тому, кто одолеет Голиафа и тем самым добьется свободы для дома своего отца, т. е. избавит свою семью от уплаты налогов и несения повинностей (1 Sam 17: 25).

Согласно Библии, израильтяне были в рабстве в Египте (Exod 13: 3, 14; Deut 5: 15 и др.). Однако в точном значении этого слова они не были рабами, а были только обязаны выполнять повинности для фараонов.

Наша информация о вавилонском плене евреев очень значительна. Библейские источники рисуют это пленение как иго жестокого рабства (1 Chr 36: 26; 47: 6 и др.). Если судить по этим источникам, пленникам не давали никакого отдыха, молодые люди должны были молотить зерно и спотыкались под грузом дров. Однако этих людей с юридической точки зрения не следует считать рабами, поскольку они не были переданы в дворцовое или храмовое хозяйства, а были лишь поселены в специально для них отведенных местах, в частности в районе Ниппура. Вначале эти люди, по-видимому, не имели права покинуть места своего обитания. Ссылаясь на волю Яхве, Иеремия убеждал этих страдальцев в том, что пленение будет долгим, и призывал их строить дома и разводить сады, создавать семьи и растить детей (Jer 29: 4, 7, 28). Позднее, после захвата Вавилона персами, часть евреев вернулась домой, взяв с собой своих собственных рабов (Ezra 2: 64–65; Neh 7: 66–67). Статус же оставшихся в Месопотамии в основном был такой же, как у местного свободного населения, как об этом можно судить по документам из архива Мурашу.

Источники рабства

Начиная с ранних периодов долговое рабство было одним из основных источников пополнения рабского состава населения. Кроме того, закон позволял продажу детей родителями, которые сами были свободными. Однако таких рабов кредиторы не могли продавать третьим лицам. Должники продолжали работать на кредитора, чтобы оплатить ссуду.

Второзаконие делает четкое различие между рабами еврейского и чужеземного происхождения. Еврейских должников и лиц, продавших себя из-за крайней нищеты, можно было держать в рабстве только в течение шести лет, после чего их следовало отпустить на свободу без всякой платы (Exod 21: 2; Deut 15: 12; Jer 34: 14). Если раб еврейского происхождения женился во время своей вынужденной неволи, его жена после 6-летнего срока могла вместе с ним приобрести свободу (Exod 21: 3; Lev 25: 40–42). Однако, если хозяин дал ему жену, она с детьми должна была остаться с ним и освобождению подлежал только сам раб (Exod 21: 4). Но, если раб был доволен своим пребыванием у хозяина и предпочитал остаться у него вместе со своей семьей, рабовладельцу предписывалось привести такого раба к дверному косяку и проколоть его ухо шилом, и тогда он становился в законном порядке пожизненным рабом (Exod 21: 6; Deut 15: 16–17). Если еврей продал свою дочь в рабство, она не могла приобрести свободу даже после шести лет работы. Однако ее хозяин не имел права продавать ее чужеземцу. Если он не желал обходиться с ней как с наложницей или выдать ее замуж за своего сына, а также лишал ее пищи, одежды и супружеских прав, она могла уйти от него без всякой платы (Exod 21: 7–11).

Закон также требовал, чтобы статус продавшего себя раба еврейского происхождения другому еврею был таким же, как и статус наемного работника, и после шести лет он мог вернуться к своей семье (Lev 25: 39–41). Другими словами, такая самопродажа не приводила к настоящему рабству. Если же еврей продал себя чужеземцу, последний должен был освободить его, как только сам раб или его родственники соглашались уплатить выкуп (Lev 25: 39–41). После этого рабу необходимо было компенсировать ущерб своему бывшему хозяину работой на него или уплатой суммы выкупа (Lev 25: 47–52). Если же раб был не в состоянии выкупить себя, ему необходимо было трудиться в качестве наемного работника до субботнего года, когда он подлежал освобождению вместе со своими детьми (Lev 25: 53–54).

Согласно Второзаконию (15: 13–14, 18), при манумиссии рабу необходимо было дать некоторое имущество, чтобы он мог вести свое хозяйство, поскольку в течение 6-летней работы он возместил в 2-кратном размере плату наемного работника.

Однако эти законы не всегда соблюдались. Например, в период правления Седекии решено было провозгласить акт освобождения рабов еврейского происхождения, и никто не возражал против этого. Но несколько позднее рабовладельцы изменили свое решение и продолжали пользоваться трудом лиц, которые считались освобожденными (Jer 34: 8–11, 14–17). Как видно из Книги Неемии (5: 3–5), в Иудее V в. некоторые свободные вынуждены были закладывать свои поля, виноградники и дома, чтобы спастись от голодной смерти, или брать в долг серебро для уплаты царской подати, отдавая своих сыновей и дочерей в рабство. Жители Иудеи жаловались, что им приходится продавать своих сыновей и дочерей в рабство и что они не в состоянии выкупить их. Подобные же жалобы встречаются также в некоторых других книгах Библии. Например, согласно Книге 2 Царств (4: 1), свободнорожденная иудейка жаловалась на то, что после смерти мужа его кредиторы захватили ее сыновей в рабство. В Притчах (22: 7)

говорится, что богатый властвует над бедным и должник становится рабом займодавца.

Таким образом, несостоятельные должники и их семьи представляли один из основных источников пополнения состава частновладельческих рабов. Чужеземцы, попавшие в долговое рабство, могли стать полными рабами. Кроме того, самопродажа была разрешена законом. Свободные имели право продавать своих детей или использовать их в качестве долгового залога.

Еще в ранние периоды были известны случаи похищения свободных с целью их порабощения. Закон, однако, предусматривал смертную казнь за похищение израильтян (Deut 24: 7; 21: 16). В некоторых библейских книгах содержится призыв не возжелать иметь рабов, рабынь и другое имущество, принадлежащее соседу (Exod 20: 17).

В ранние периоды, когда израильтяне вели успешные войны против соседних народов, военнопленные представляли существенный источник рабства. Как и в других ближневосточных обществах, захваченные в плен мужчины, дети и даже женщины подвергались убийству и лишь девочек обращали в рабство (Num 32: 9–18). Например, во время одной военной кампании было захвачено 67 500 голов овец, 72 000 голов крупного рогатого скота, 61 000 ослов и 32 000 девочек (Num 31: 32–35).

Второзаконие (20: 11–14) содержит указание, что при приближении к чужому городу для его захвата необходимо сделать предложение о мире. Если оно будет принято и городские ворота открыты, обитатели этого города должны платить подать и выполнять повинностные работы. Если же такое предложение отклонялось, все мужчины подлежали убийству мечом, а женщины и дети, а также движимое имущество становились добычей победителей. Однако, если какой-либо воин женился на пленнице, которая ему очень понравилась, а позднее у него возникло намерение развестись с ней, он не мог продать ее, а должен был отпустить на свободу (Deut 21: 10–14).

В более поздние периоды поток военнопленных в израильское общество иссяк, и по этой причине основным источником рабства стало естественное воспроизводство. Но определенным источником рабства было также приобретение рабов путем купли из соседних стран. Это всячески поощрялось в библейских наставлениях (Lev 25: 44–46 и др.). Такие рабы с точки зрения закона рассматривались как полная собственность своих владельцев, и их статус был постоянным: их продавали, передавали по наследству, закладывали и клеймили, подобно скоту (ср.: Isa 44: 5).

Очевидно, цены на рабов были разные в зависимости от периода, их возраста, способностей, пола и т. д. Известно, что мадианские купцы продали Иосифа исаильтянам за 20 сиклей серебра (Gen 37: 28). Судя по Книге Левит (27: 3–7), взрослый раб стоил 50 сиклей, а рабыня — 30 сиклей, мальчики и юноши до пяти лет — около 20 сиклей, а девочки того же возраста — около 10 сиклей; грудные дети и младенцы мужского пола — 5 сиклей и женского 3 сикля, старики и старухи — 15 и 10 сиклей соответственно.

Были также случаи, когда свободных людей обращали в рабов за правонарушением. Во всяком случае, воров могли объявить рабами (Gen 43:18).

Рабский труд

Упомянутые в Библии рабы в преобладающем количестве случаев были частновладельческие. Естественно, существовало также царское хозяйство, которое, однако, было организовано по принципу частновладельческих имений, и, вероятно, статус рабов обоих типов не очень отличался.

По-видимому, в израильском и иудейском обществах вообще не было храмового хозяйства. Другими словами, Иерусалимский храм не владел собственными полями и скотом. Поэтому Библия не упоминает рабов, трудившихся в храмовом хозяйстве. Основным источником храмовых доходов были разнообразные налоги, самым значительным из которых являлась десятина. В некоторых библейских текстах упоминается группа людей под названием *netîmîm* (1 Chr 9: 2; Ezra 8: 20 и др.). Ученые высказывали различные мнения относительно проблемы, были ли эти люди храмовыми рабами или они составляли группу культовых служителей.

Как видно из Книги Иова (7: 2), жизнь раба ассоциировалась с изнурительным трудом и раб изображается человеком, который жаждет тени в отличие от наемника, ожидающего своей платы.

Однако у нас нет почти никакой информации о применении рабского труда. В этом отношении можно сослаться всего только на несколько примеров, и даже в таких случаях мы не можем быть уверены в том, имеется ли здесь в виду действительно рабский или наемный труд. Пастухи Якова названы его рабами (Gen 32: 16). Рабы Авраама и Исаака были заняты рытьем колодцев (Gen 26: 15, 19); один из рабов Саула, эдомит, был пастухом (1 Sam 21: 7). Наша информация о применении труда рабов в земледелии также очень ограничена (2 Sam 9: 10; Ruth 2: 5). При сооружении стен Иерусалима Неемия (4: 22) велел, чтобы каждый человек вместе со своим рабом сторожил ночью и работал днем. Количество таких рабов нам не известно, но, согласно тому же источнику (4: 16, 18), все взрослое население Иерусалима было занято в его строительстве.

Для любого периода израильско-иудейского общества (так же, как и для общества Древнего Ближнего Востока) нам даже приблизительно не известно соотношение свободных и рабов. Библия, однако, дает некоторую информацию, которую можно использовать в сравнительных целях (Ezra 2: 64–65; Neh 7: 66–67). Когда наступил конец вавилонскому плену и иудеи вернулись домой после персидского завоевания Месопотамии, состав взрослого населения репатриантов был следующим: из 423 600 лиц (30 000 были мужчины) число рабов и рабынь равнялось 7337, т. е. около $\frac{1}{5}$ или $\frac{1}{6}$ численности свободного населения.

Нет сомнений в том, что количество рабов было намного меньше свободного населения. В любом случае, косвенная информация свидетельствует об этом. Например, в течение всего периода грандиозного сооружения Иерусалимского храма, а также дворца Давида и Соломона нам ничего не известно об использовании рабского труда. Источники, конечно, прямо свидетельствуют об использовании свободных подданных для этих целей. По свидетельству Книги I Царств (5: 13–14) Соломон установил повинность для населения Израиля. В частности, 10 000 мужчин посылали каждый месяц в Ливан, чтобы доставить оттуда кед-

ровые и сосновые стволы. Он также мобилизовал 70 000 носильщиков и 80 000 каменотесов (1 Царств 5: 15; 2 Царств 2: 2, 18). По-видимому, эти работники были завербованы в основном из ханаанского населения, которое находилось в зависимости от израильтян, но не было в рабстве. По библейским источникам, лишь потомки подвластного населения использовались Соломоном для постоянного принудительного труда для строительных работ, а израильтяне служили лишь в качестве воинов (1 Царств 9: 21; 2 Chr 2: 17-18; 8: 7-9). Однако это вряд ли может соответствовать действительности, поскольку мы знаем, как после смерти Соломона израильтяне жаловались его сыну Ровоаму, что его отец наложил на них тяжелое иго. Они также стали просить его улучшить их положение. Однако по совету молодых людей из своего окружения он сказал, что сделает их ярмо еще более тяжелым (1 Царств 12: 4, 14; 2 Царств 10: 4, 14). По-видимому, труд свободных израильтян стал широко применяться для выполнения повинностей. Здесь можно также упомянуть, что пророк Самуил предупреждал своих соотечественников о том, что, если они изберут царя, он будет отнимать их сыновей для обработки своих полей и уборки урожая, а дочерей возьмет в качестве кухарок, а также будет пользоваться их рабами и рабынями для работы на себя (1 Sam 8: 11-16).

Даже после сооружения храма многие искусные ремесленники должны были заниматься его ремонтом. Однако среди них не было рабов. Это были свободные плотники, строители, каменотесы и каменщики, нанятые за плату храмовой администрацией (2 Царств 12: 11-12; 22: 5-6 и др.).

Юридический статус и фактическое положение рабов

Рабы неизраильского происхождения считались движимой собственностью своих хозяев, которые могли распоряжаться ими по своему желанию. Рабам внушалось, что они должны бояться своих хозяев (Mal. 1: 6). В ряде библейских произведений рабы перечисляются как часть движимого имущества наряду со скотом, золотом, серебром и т. д. (Gen 12: 16; 20: 14; 24: 35 и др.).

Сохранились также поговорки и афоризмы, демонстрирующие презрительное отношение к рабам: для раба неприлично господствовать над князьями (Prov 19: 10); словами невозможно научить раба слушаться, поскольку он хотя и слушает их, однако не понимает (Prov 29: 19); если раба баловать с детства, он вырастет неблагодарным (Prov 29: 21). Случай, когда раб может стать царем, рассматривается как непереносимый землей (Prov 30: 22). Таким же образом немислимо, чтобы рабы ездили верхом на лошади, а знатные шли пешком (Eccl 10: 7).

Тем не менее рабы были не только объектом закона. Например, четвертая заповедь содержит запрет на принуждение раба трудиться в субботу (Exod 20: 10; 23: 12; Deut 5: 14). Однако, по-видимому, такие запреты часто нарушались, так как некоторые библейские поучения осуждают нарушение субботы (Ezek 23: 38 и др.). Именно в Библии содержится самый ранний в мировой литературе призыв обращаться с рабами как с человеческими существами ради них самих, а не только в интересах их хозяев. Например, рабы, как рожденные дома, так и куп-

ленные, должны были быть обрезаны, как и свободные, чтобы участвовать в культовой жизни и вкушать пасхальную пищу (Сеп 17: 13, 23, 27; Еход 12: 44 и др.). Еврейский закон также ограничивал власть хозяина над рабами. Предумышленное убийство раба рассматривалось как преступление и наказывалось законом в тех случаях, когда раб умирал сразу после побоев, хотя в этом случае мера наказания в тексте не указывается (Еход 21: 20). Но хозяин не подлежал наказанию, если раб после побоев прожил день или два (Еход 21: 20). Если хозяин выбил глаз или зуб рабу, последнего надо было освободить в порядке компенсации за увечье (Еход 21: 26–27).

В отличие от законов всего Древнего Ближнего Востока Второзаконие (23: 15–16) запрещало выдачу беглого раба, который искал убежище от своего господина. Закон вменял последнему позволить рабу остаться там, где он предпочтет жить. Наша информация о беглых рабах очень скудна. Например, современник Давида Набал говорил, что многие рабы бежали от своих хозяев (1 Sam 25: 10). В Книге 1 Царств (2: 39–40) говорится, что два раба одного израильтянина бежали к царю филистийского города Гат Ахишу и их господину пришлось отправиться туда, чтобы затребовать их.

Призыв к гуманному обращению с рабами можно видеть также в совете не клеветать на раба его господину, чтобы раб не избличал клеветника (Prov 30: 10). В Книге Иова (3: 19) говорится, что после смерти хозяина его рабов надо освободить. У Исаии (24: 2) говорится, что, когда Всевышний разрушит землю, участь раба и его господина будет одна и та же. Иов (31: 13) утверждает, что он никогда не отвергал просьб рабов, когда они жаловались ему. Он же (19: 15–16) жаловался на то, что его собственные рабыни относились к нему как к постороннему и рабы не отвечали на его зов.

Согласно еврейскому закону, как представляется, браки между свободными и рабынями, а также между свободными женщинами и рабами считались законными. Например, некий Шешан, у которого не было сыновей, выдал свою дочь за раба египетского происхождения (1 Chr 2: 34–35). Книга Левит (19: 20) содержит предписание, что, если рабыня была предназначена для свободного человека, но еще не освобождена или не выкуплена, ее соблазнитель и она сама не подлежали смертной казни.

Естественно, существовало и некоторое количество привилегированных рабов. Например, раб семьи Саула Зибя имел 15 сыновей и 20 рабов (2 Sam 19: 17). Судя по Книге Левит (25: 47–50), некоторые рабы еврейского происхождения могли накопить средства, чтобы купить себе свободу.

Различие в защите интересов свободных и рабов отмечается в Книге Исход (21: 29, 32), согласно которой, если кто-либо был предупрежден своими соседями, что его бык бодлив, но он не установил над ним должного контроля и бык задал свободных мужчину и женщину, которые умерли, его владелец подлежал смерти. Однако, если бык задал раба или рабыню, хозяин быка должен уплатить только 30 сиклей господину этих рабов.

Рабство оказывало глубокое влияние на социальную структуру, идеологию, законодательство и на социальную психологию древневосточных народов. Однако в течение всей истории Израиля и Иудеи, как и других стран Ближнего

Востока, рабский труд не имел решающего значения в сельском хозяйстве и по сравнению с трудом свободных использовался лишь в ограниченной степени. Как видно из Ветхого Завета, ремесленники также в преобладающей степени были свободными (см., например: 1 Chr 4: 14, 23; Jer 37: 21; Neh 3: 8). Поэтому не существовало ремесленных мастерских, основанных на рабском труде, и решающая роль в ремесленном производстве принадлежала свободному труду, особенно в сфере, требовавшей высокого мастерства. Таким образом, ни в одной отрасли экономики не было преобладания рабского труда, и последний главным образом применялся там, где не требовалось большой квалификации или дорогостоящего надзора, т. е. там, где его можно было использовать в течение круглого года, а не сезона.

В отличие от многих древних доктрин еврейский закон был сравнительно мягким по отношению к рабам и признавал их человеческими существами, которые подлежали защите от невыносимых действий, хотя и не в такой степени, как свободные. Раннехристианская идеология подрывала институт рабства, провозглашая равенство всех перед Богом.

СВОБОДА И РАБСТВО НА ДРЕВНЕМ БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В НОВОБАВИЛОНСКОЕ И ПЕРСИДСКОЕ ВРЕМЯ²¹

Свобода и рабство — два антагонистических социальных института, борьба между которыми в течение нескольких тысячелетий постоянно влияла на социальную структуру, идеологию, психологию, культуру, мораль и этику всех обществ. В правовых документах различных регионов древнего и средневекового периодов рабство и свобода неизменно противопоставляются друг другу. Однако нередко эти термины различно интерпретируются в научной литературе.

Как отметил Сте Круа, Аристотель употреблял слово *eleutheros*, означающее «свободный», по отношению к «человеку, полностью свободному от всякого принудительного труда» (Croix 1981: 111 f, с ссылкой на: Arist., Rhetoric I. 9. 1367a, 28–32). Согласно дефиниции, которая была принята в греческом мире в античности, «свобода» означала право «делать, что хочется» (см.: Arist. Pol. 5. 9. 1310a; ср.: Jones 1992: 856). Известный знаток классической древности М. Финли полагал, что термин «свободный» не следует применять к древневосточным обществам, поскольку, по его мнению, «невозможно переводить слово “свобода”, *eleutheria* в греческом, *libertas* в латинском... на любой древневосточный язык... или на любой дальневосточный язык» (Finley 1979: 28). Этот же автор полагает, что в классических обществах Греции и Рима «среди необходимых условий для свободы были личная независимость и досуг» (*ibid.*: 40). Андреев, другой знаток античной Греции, настаивал на том, что в древневосточных обществах не было никакой свободы, поскольку, по его мнению, там все люди были при-

²¹ Перевод статьи «Freedom and Slavery in the Ancient Near East During the Neo-Babylonian and Persian Periods» (Von Sumer bis Homer. AOAT. Vol. 325. Münster, 2005. P. 219–229).

креплены к местам их обитания и, следовательно, в этих обществах вообще не существовало даже самого понятия о человеческих правах (Андреев 1988: 48, 137, 159 и др.).

С такими крайними взглядами, конечно, невозможно согласиться. Мимоходом можно отметить, что граждане Вавилона в одном из своих писем ассирийскому царю Ашшурбанапалу писали следующее: «Вавилон является связующим звеном для всех стран, и кто бы ни вступил туда, его привилегированный статус (*kidinnūtu*) гарантируется, и даже собаку, которая войдет туда, нельзя убить» (Waterman 1930 2. N 878). В свою очередь Ашшурбанапал заверяет вавилонян, что у него нет никаких намерений упразднить их привилегии (*ibid.*: 1. N 301). Вряд ли правильно будет утверждать, что эти люди не имели никакого четкого понятия о свободе.

Рассмотрев термины для обозначения понятия «свобода» на Древнем Ближнем Востоке, Вейнфельд пришел к заключению, что и в аккадском и древнееврейском языках они были «связаны с идеей свободы передвижения. Аккадское слово *mīṣagum* является производным от *ešēru*, т. е. глагола, имеющего, в частности, значение «идти вперед» (Weinfeld 1995:159). Таким же образом в Египте «концепция» свободы выражалась словом *wstn*, которое означало «двигаться несвязанным»²². В ближневосточных языках, конечно, были слова для обозначения свободы. Например, аккадское *mārbanūtu* означало статус свободного человека (CAD M/I: 257; ср.: *ibid.*: B, *banūtu* — «хорошие манеры») и *mār banī* имело значение «свободный человек» и «гражданин» (*ibid.*: M/I: 256) точно так же, как др.-еврейское *ḥupša* (Jones 1992: 855), др.-иран. *āzāta*- (см. ниже) и т. д.

В различных странах статус свободных людей не был одинаковым. Но у нас имеется обширная документальная информация об этом только из Вавилонии. Свободное население там состояло из граждан с полными гражданскими правами, и такие люди были членами народных собраний, которые функционировали в городских храмах. Эти собрания были правомочны в решении дел относительно права собственности и семейного права. В состав таких людей входили не только лица высокого ранга, но также ремесленники, земледельцы и другие слои свободного населения. Их статус был наследственным. С юридической точки зрения все эти граждане считались равноправными. Все они жили в городах и владели землей в пределах сельской округи соответствующего города, на территорию которой распространялась власть народного собрания.

Другая большая группа свободного населения была лишена гражданских прав. Это были царские военные поселенцы и чужеземные гражданские чиновники на государственной службе, а также различные группы государственных работников и агентов (включая даже купцов), которых государство снабжало средствами производства, поселив их на царской земле. Все эти люди не являлись гражданами, потому что у них не было собственных владений в пределах городского земельного фонда, и поэтому они не могли стать членами народных собраний.

Ученые разошлись в своих мнениях относительно критериев понятия рабства в древних обществах. Это легко можно объяснить тем фактом, что, хотя ин-

²² *Ibid.* P. 33.

ститут рабства возник более пяти тысяч лет тому назад, даже и в настоящее время он еще существует в различных формах в некоторых странах. Кроме того, в ряде стран этот институт был слабо развит, а в других достиг высокого уровня. Естественно, рабство развивалось различными путями в разных странах в зависимости от конкретных исторических условий. Автор этих строк руководствуется следующей дефиницией: в юридическом отношении рабы были собственностью своих владельцев и их статус был постоянным, за исключением тех случаев, когда они были отпущены на волю своими хозяевами. Следовательно, рабы, подобно живому инвентарю, составляли органическую часть движимого имущества, и их можно было продавать, передавать по наследству, закладывать, включать в состав приданого и клеймить с целью идентификации их социального статуса. Рабов, которые стремились уклониться от работы, заковывали в кандалы или держали в тюремных условиях.

Наряду с частновладельческими рабами отдельную группу этого класса составляли храмовые рабы. Основным источником храмового рабства было их посвящение благочестивыми хозяевами, а также военнопленных царями. Другим источником для пополнения этой социальной группы была передача рабов в храмы несостоятельными должниками, а также дети самих храмовых рабов и, наконец, дети свободных людей, отданные туда по экономическим причинам (например, когда родители были не в состоянии кормить детей). В отличие от частновладельческих рабов храмовые рабы не могли быть освобождены или отчуждены каким-либо образом. Довольно часто храмовые рабы, как и частновладельческие, причиняли много забот своими побегами и нежеланием работать и поэтому требовали постоянного надзора.

Наряду с указанными группами существовали также царские рабы в прямом смысле этого слова. Однако в отличие от более ранних времен в Вавилонии I-го тысячелетия до н. э. и других крупных странах Ближнего Востока царское хозяйство было организовано по образцу частновладельческих хозяйств и не играло ведущей роли в экономике. Поэтому количество собственно царских рабов было невелико.

Во многих странах Древнего Востока разрешались браки между свободными и рабами, и их естественное воспроизводство из поколения в поколение было существенным источником пополнения количества рабов.

Присущая многим странам Древнего Востока социальная терминология не была четко выработана. Например, обычный в Месопотамии термин для раба *wardum* в то же самое время употреблялся не только по отношению к действительным рабам, но также и в более широком смысле (например, для обозначения подчиненного лица). В странах Древнего Ближнего Востока все подданные царя, включая даже высокопоставленных людей, считались царскими рабами. Подобным же образом др.-еврейское *'ebed*, др.-персидское *bandaka*, греч. *doulos* и т. д. обозначали не только настоящих рабов, но также зависимых от царя и его высших чиновников людей. Но в I-м тысячелетии до н. э. в Вавилонии употреблялось много терминов для обозначения рабов, и они имели различные оттенки (например, *qallu* — дословно «маленький», *amēlūtu* — абстрактный собирательный термин для рабов обоего пола, буквально — «люди» и др.).

В старовавилонский период делалось различие между рабами местного и чужеземного происхождения. Такое же различие проводили и в Иудее, где евреев можно было держать в рабстве только в течение шести лет. Кроме того, закон требовал, чтобы с евреями, которые вынуждены были продаться в рабство, обращались как с наемными работниками (Deut. 15: 12–14; см. также: Lev. 25: 39–42). Но в 1-м тысячелетии такое различие не делалось в Вавилонии и во многих других странах Ближнего Востока, где обращение с рабами уже не зависело от их этнического происхождения.

Начиная с ранних периодов долговое рабство было одним из основных источников пополнения зависимого населения. Но в раннее время такое рабство было ограничено определенным периодом, обычно тремя или шестью годами. В 1-м же тысячелетии до н. э. в Вавилонии уже не существовало такого ограничения (см.: Petschow 1951: 51. N 1). Кредитор мог арестовать несостоятельного должника и заключить его в долговую тюрьму, однако не имел права продать его в рабство третьему лицу. Обычно должник погашал долг антихрезой (бесплатной работой на должника), тем самым сохраняя свою свободу. Практика самозаклада, по-видимому, совершенно не имела места в Вавилонии рассматриваемого времени. В отличие от ранних периодов теперь самопродажа стала исключительно редким явлением, возможным лишь при катастрофических условиях или при абсолютной степени обнищания.

Родители, которые были не в состоянии прокормить своих малолетних детей, иногда оставляли их на улице, и любой желающий мог подобрать их и вырастить либо для обращения в рабов, либо для усыновления. Кроме того, люди из сословия свободных имели право продать своих детей или отдать их в долговой залог. Но родители лишь в чрезвычайно редких случаях прибегали к таким продажам или использованию детей в качестве залога. Тем не менее в случае непогашения долга в течение назначенного времени кредитор мог обратить их в рабов.

Таким образом, хотя разрешалось обращение долговых рабов, составлявших промежуточную социальную группу, в рабов в точном значении этого слова, в Месопотамии в 1-м тысячелетии до н. э. долговое рабство уже не было распространено и не играло значительной роли. Это же самое можно сказать и относительно некоторых других регионов Ближнего Востока. Например, арамейские папирусы V в. до н. э. вообще не упоминают детей в качестве долгового залога, однако такое использование их допускалось в Иудее и Египте. Как видно из Книги Иеремии (5: 3–5), многие жители Иудеи отдавали своих детей, чтобы достать себе пропитание, и не могли выкупить их обратно. Некоторые египетские документы VI в. до н. э. свидетельствуют о том, что мужчины и женщины продавали себя в рабство за деньги. По условиям таких контрактов эти люди вместе со своими детьми и уже накопленным имуществом и тем, что они приобретут в будущем, становились «вечными» рабами тех, кто купил их, и никто другой не мог иметь никакой власти над ними (см.: Pirenne 1948: 581–593).

Документальные свидетельства содержат мало информации об использовании частновладельческих рабов в сельском хозяйстве, за исключением тех случаев, когда они выступают в качестве арендаторов полей. Крупные землевладельцы предпочитали сдавать землю в аренду другим лицам вместо использования для

этого своих рабов, поскольку рабский труд требовал постоянного надзора и поэтому обходился дорого. В тех случаях, когда землевладельцы прибегали к помощи своих собственных рабов, они либо обеспечивали их участками земли в качестве пекулия, либо же в большинстве случаев сдавали ее им в аренду. Подобным же образом царские земельные владения в Вавилонии отдавали в аренду через государственных чиновников. Хотя многие рабы известны в качестве ремесленников различных профессий, в Вавилонии и других странах Древнего Ближнего Востока не существовало ремесленных мастерских, основанных на рабском труде. Таким образом, он не имел решающего значения в ремесленном производстве и особенно для выполнения квалифицированных видов работы.

Совершенно очевидно, что основой сельского хозяйства в Вавилонии и других странах Востока был труд свободных земледельцев и арендаторов. Таким же образом в ремесле доминировал труд свободных, чьи профессии передавались по наследству от отца к сыну. Храмы и частные лица в широких масштабах прибегали к использованию свободного наемного труда для выполнения ремесленных и сельскохозяйственных работ и в особенности их квалифицированных видов. Широкое использование рабского труда в базовых отраслях производства оказывалось невозможным. Он находил лишь ограниченное применение и в любой отрасли экономики не мог конкурировать с трудом свободных производителей. Поэтому этот труд использовался в первую очередь для выполнения домашних видов работы, где он не носил сезонного характера, где его труд можно было использовать в течение всего года. К этому еще можно добавить, что даже в греко-римском мире в течение всего древнего периода сельскохозяйственное и ремесленное производство было основано на свободном, а не рабском труде. Как замечает Финли, «свободных людей можно было найти в любых видах занятий... либо в качестве издольщиков или арендаторов земли, либо же независимых ремесленников» (Finley 1979: 73).

Как хорошо известно, в древности обращение военнопленных в рабов было широко распространенным феноменом. Например, в Вавилонии продавали рабов, которых доставляли из Египта, Киликии, Бактрии и других стран. Особенно много таких рабов было в дворцовом и храмовых хозяйствах. В ахеменидское время значительное число военнопленных использовали в имениях персидских царей и вельмож, а остальных сажали на землю, чтобы они вели собственное хозяйство, платили государственные налоги и выполняли различные повинности, включая военную службу. Например, часть работников царского хозяйства в Иране (*курташ*) были насильно уведенные в Персию люди. Но лишь незначительный процент пленников обращали в рабов. Сектор рабского труда оказался неспособным поглотить массу пленных из-за сравнительно слабого развития экономики и товарно-денежных отношений и, следовательно, из-за отсутствия достаточно продвинутых методов производства, где широко можно было бы использовать этот вид труда. Например, захватив после продолжительной осады Иерусалим, Навуходоносор II депортировал в Вавилонию более 10 000 жителей этого города, однако тем не менее не стал обращать их в рабство. Они были посажены на землю в отведенных им местах, в первую очередь в регионе Нип-

пура. Сектор принудительного труда в Вавилонии в отличие от античного Рима оказался неспособным поглотить такую массу пленных.

Наряду с рабами, работавшими под надзором своих хозяев и не владевшими никаким имуществом, в нововавилонский и ахеменидский периоды было сравнительно большое количество рабов, которые находились в благоприятном положении, так как имели свои семьи, владели домами и значительным движимым имуществом. Рабы, которые трудились на свой страх и риск независимо от хозяев и ежегодно платили оброк, оказывались более выгодными для их владельцев, чем те, кто работал из-под кнута и готов был бежать. Поэтому рабовладельцы довольно часто наделяли своих предприимчивых рабов пекулием (ремесленными мастерскими, наделами земли, капиталом для торговых операций) и позволяли им самостоятельно вести свои имущественные дела. Обычный размер их оброка доходил до 12 сиклей серебра в год, что равнялось средней годовой плате взрослого наемного работника. Другими словами, такие рабы нередко были богаче, чем многие свободные земледельцы и ремесленники. Подобным же образом существовал контраст между основной группой храмовых рабов, которые жили на пайках, и храмовыми рабами, которые, по существу, были экономически независимы и пользовались значительной свободой. Они должны были платить денежный оброк или снабжать храм готовой продукцией в соответствии с установленными нормами. Такие предприимчивые рабы принимали активное участие во всех сферах экономической жизни. Они распоряжались своей собственностью таким же образом, как и юридически вполне правомочные люди, отдавая деньги в рост и совершая деловые операции с другими рабами и со свободными. Кроме того, некоторые рабы имели собственные корчмы и мастерские, а также учили других людей различным ремеслам. Они заключали сделки от собственного имени, арендовали поля, тягловый скот и инвентарь у своих хозяев и других лиц. Иногда они даже покупали себе других рабов или нанимали свободных людей для работы в своих хозяйствах. Подобно свободным людям, рабы давали свидетельские показания относительно преступлений, совершенных другими рабами и свободными, включая даже своих хозяев. Как и свободные люди, они давали клятвы по поводу разных происшествий. Иногда они могли выполнять и обязанности мелких чиновников. Более того, раб нес ответственность за погашение долга своим хозяином, если они вместе брали заем. Таким образом, в юридической сфере такие рабы были так же (или почти так же) правоспособны, как и свободные люди, выступая в суде в качестве свидетелей, истцов и ответчиков. Они также могли судиться между собой и со свободными. Более того, по-видимому, не делалось никакого различия в юридической процедуре между интересами свободных и рабов, если, конечно, не считать, что последние не могли вступать в тяжбу со своими хозяевами. В сделках с другими лицами раб мог заложить свой пекулий, но не свою личность. Такие богатые рабы оставались собственностью своих хозяев, по прихоти которых они могли лишиться всего своего имущества и влияния. Но все это не следует считать исключительным для Древней Месопотамии явлением, поскольку римские рабы, подобно месопотамским, также могли распоряжаться своим пекулием.

Таким образом, подобно свободным людям, рабы также занимали неоднородное положение в социально-экономической структуре. Другими словами, они не составляли однородного социального класса, поскольку некоторые их группы подвергались жестоким формам угнетения, а другие находились в сравнительно благоприятных условиях. Процессы социальной стратификации происходили не только среди свободных, но также и среди рабов. Поэтому правильно будет противопоставлять рабов как сословие сословию свободных людей, которое также включало различные социальные группы.

Как известно, согласно юридическим нормам, принципиальное различие между рабами и свободными заключалось в том, что рабы были лишь объектом права и находились в абсолютной власти своих хозяев, в то время как свободные были субъектом права. Имеется достаточно оснований, чтобы придерживаться такого мнения. Например, в Книге Иова (7: 2) жизнь раба ассоциируется с изнурительным трудом и говорится, что он жаждет тени, как наемник жаждет окончания работы, чтобы получить свою плату. Сохранился целый ряд поговорок и афоризмов разных народов и периодов, которые демонстрируют презрительное отношение к рабам. Такие представления были основаны на концепции, что раб — исключительно презренное, подлое, безнравственное и низкое по своей натуре существо. Поэтому легко понять, почему идеология древних обществ не содержала никакого осуждения рабства или протеста против него.

Старовавилонский принцип: за убийство раба необходимо наказывать только уплатой соответствующей компенсации его хозяину за нанесенный материальный ущерб (Driver, Miles 1968: 47, § 116 — Кодекс Хаммурапи) — продолжал находиться в силе также во многих других обществах в течение нескольких тысячелетий. Например, приблизительно через 3400 лет после смерти Хаммурапи такой же закон действовал и в Кодексе Умму-хана в горной части Дагестана, на Северном Кавказе, в XVI–XVIII вв. (Хашаев 1965: 268). Можно также отметить, что, согласно законам многих обществ, рабовладелец имел право распоряжаться жизнью и смертью своего раба, хотя в античных Афинах и некоторых других государствах убийство раба его хозяином считалось преступлением и подлежало наказанию (см. ссылки: Dandamayev 1984: 460 f.). В Древней Иудее преднамеренное убийство раба наказывалось смертью в том случае, если раб умирал сразу после побоев (Exodus 21: 20).

Очевидное противоречие между юридическим статусом части рабов и их фактическим положением легко объясняется тем фактом, что представление о рабе как исключительно объекте права и лице, находящемся вне нормального общества, было до определенной степени чуждо не только древневосточным законам, но также и греко-римскому обществу. Более того, в позднеавилонские времена с рабами, находившимися в привилегированном положении, общество в основном обращалось как со свободными людьми, но за одним исключением: они оставались собственностью своих хозяев. И разумеется, они не могли принимать участие в народном собрании или владеть храмовой пребендой. Таким образом, с точки зрения закона рабы оставались вещью или одушевленным предметом, их фактическое положение варьировалось даже в одном и том же обществе и в течение одного и того исторического периода. Кроме того, по существовавшим представ-

лениям, в глазах богов рабы были человеческими существами, и в своей религиозной жизни они почитали те же божества, что и их хозяева. Это противоречие между юридическим статусом и фактическим положением раба Финли охарактеризовал как «двойной аспект», создававший двусмысленность, поскольку раб «был одновременно и личностью и собственностью» (Finley 1979: 63).

Наряду с независимым трудом свободных земледельцев и ремесленников, рабами разных групп (включая сюда и должговых рабов) существовал также сектор труда зависимых (или полусвободных) людей, которые из поколения в поколение работали на земле. Их можно назвать илотами, поскольку они работали в силу внеэкономического принуждения, однако с точки зрения закона не считались рабами и поэтому не могли быть проданы. Такие зависимые люди составляли главный источник труда в государственных и храмовых имениях Египта, Малой Азии и Месопотамии. В этническом отношении они состояли из представителей местного населения и уведенных в плен чужеземцев, которые были посажены на землю. Некоторые из них владели участками земли, а также недвижимым и движимым имуществом, включая даже рабов. Такие люди часть времени работали на своих участках, а в основном в дворцовых и храмовых хозяйствах. В 1-м тысячелетии до н. э. роль таких групп в производстве и социальной структуре общества заметно уменьшилась по сравнению с 3-м и 2-м тысячелетиями, в то время как рабский труд стал играть более значительную роль.

Некоторые ученые считают, что в древневосточных обществах не существовало четкой демаркационной линии между свободным и рабом и что переход от свободы к рабству и, наоборот, от рабства к свободе происходил легко и часто²³. Однако мы можем говорить о переходе от одного социального статуса к другому на Древнем Востоке только в тех случаях, когда несостоятельные должники временно работали на своих кредиторов, а также в довольно редких случаях, когда рабы отпускались на свободу своими хозяевами. Но вряд ли можно приравнивать статус должговых рабов, который был ограничен определенным периодом времени, к статусу действительных рабов. Поэтому нет оснований полагать, что рабы могли легко стать свободными людьми. В связи с этим вопросом здесь будет уместно остановиться на случаях отпуска рабов на свободу.

Как известно, в Древней Греции и в некоторых других странах рабы могли купить свою свободу за деньги (см., например: Hopkins 1978:133–171; Samuel 1985: 221–311). Из Вавилонии у нас нет свидетельств о такой практике. Во второй четверти 2-го тысячелетия до н. э. там единственным способом манумиссии было усыновление (Welles 1949: 517; Stone, Owen 1991: 1–33). Однако даже самые богатые рабы не имели никакого права приобрести свободу, поскольку это целиком зависело исключительно от его хозяина. Из Вавилонии 1-го тысячелетия известно лишь несколько документов об отпуске рабов на свободу. Из них, а также из арамейских папирусов V в. до н. э., происходящих из Египта, видно, что иногда рабов освобождали с условием, что они будут служить своим хозяевам и до конца жизни последних снабжать их пищей. Известен также способ манумиссии путем усыновления раба либо его хозяином, либо другим лицом.

²³ О различных дефинициях понятия рабства см.: Dandamayev 1984: 67–80.

Обе эти формы отпуска раба на свободу существовали в Месопотамии в течение двух тысячелетий, и их юридическая процедура оставалась неизменной.

Теперь возникают вопросы: какой статус приобретал раб после своего освобождения? Мог ли он стать гражданином? У римлян был специальный термин для обозначения рабов, отпущенных на свободу (*libertus*), отличавший их от свободнорожденных (*liber*). В нововавилонских документах не засвидетельствован глагол для обозначения акта манумиссии, а лишь имеется выражение *ṭupri mārbanūti*, т. е. «документ свободного человека». Например, в тексте, составленном в 543 г. до н. э. в Вавилоне (Nbn 697), говорится о приобретении рабом статуса *mār-banī*, т. е. «свободного человека», «гражданина». Следовательно, «термин *mārbanūtu*, по-видимому, служил не только для обозначения свободнорожденных людей» (см.: CAD M: 257). Однако возможно, что в Вавилонии отпущенные на свободу рабы в отличие от свободных по своему рождению не могли стать владельцами храмовых пребэнд (см. подробно: Dandamayev 1984: 454 f.).

В арамейских папирусах V в. до н. э. засвидетельствованы следующие формы манумиссии. 1. Свободный человек отдает своего раба «в усыновление» другому, а последний клянется, что ни он сам, ни его наследники не будут обращаться с ним как с рабом и не будут клеймить его (Kraeling 1953: 8). 2. Хозяин освобождает своего раба с условием, что тот будет служить бывшему хозяину до конца жизни последнего. Например, царский воин на Элефантине отпускает на свободу рабыню, на правой руке которой было клеймо с именем ее владельца, вместе с дочерью, которую она родила последнему, с условием, что обе они будут служить ему до его смерти. Кроме того, и после его смерти они должны были служить его сыну (*ibid.*: N 5). В этом документе для обозначения «свободного (человека)» употреблен термин *āzāta*-. Как отмечает де Блуа, этот термин обозначал «полноправного члена агнатической группы в качестве противопоставления рабу, который находился вне классовой системы» (Blois 1985: 7). Таким образом, здесь слово *āzāta*- соответствует термину *mār-banī*. Очевидно, отпущенные на свободу люди пользовались определенными гражданскими правами. Однако в других обществах такие же люди были лишены всяких гражданских прав. Например, согласно упомянутому выше Кодексу Умму-хана, действовавшему в Дагестане в XVI–XVIII вв., отпущенным на свободу рабам и даже свободным наемным работникам не разрешалось давать клятвы в качестве свидетелей (Хашаев 1965: 268).

НЕРАБСКИЕ ФОРМЫ ЗАВИСИМОСТИ В ДРЕВНЕЙ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ²⁴

Интенсивная работа по изучению социальной истории Древнего Востока, которая велась советскими учеными в течение многих десятилетий, способствовала формированию всестороннего суждения об особенностях социально-

²⁴ Эта статья была опубликована в сборнике «Проблемы социальных отношений и форм зависимости на Древнем Востоке» (М., 1984. С. 5–25).

экономической структуры древневосточных обществ, о характере рабства и других форм зависимости и эксплуатации. Однако непрерывный приток в обиход науки нового материала клинописных документов и более внимательное изучение давно известных текстов заставляют постоянно вносить существенные уточнения в наши представления о конкретных путях социально-экономического развития древневосточных обществ. В настоящее время нет никаких сомнений, что для древности было характерно исключительное разнообразие форм общественно-экономических отношений, вызванное конкретными историческими условиями в той или иной стране. Очевидно также, что эти отношения менялись в различные периоды и в пределах одной и той же страны.

Главной особенностью древних обществ на Ближнем Востоке (во всяком случае, в Месопотамии, Египте, Хеттском царстве и Эламе) в 3–2-м тысячелетиях до н. э. было наличие обширного царского, или государственного, хозяйства, обладавшего громадным земельным фондом. В указанный период существовала и земля, которая не являлась государственной или храмовой (например, известно, что Маништусу, вавилонский царь в XXIII в. до н. э., купил землю). Однако, как на это неоднократно обращал внимание И. М. Дьяконов, по характеру источников не всегда мы можем уверенно судить относительно масштабов и роли частного сектора экономики в этот период.

Но в 1-м тысячелетии до н. э. в Месопотамии и большинстве других стран Ближнего Востока царское хозяйство уже не имело большого удельного веса в экономике той или иной страны и по своей структуре не отличалось от крупных частновладельческих хозяйств. В это время ведущая роль принадлежала частновладельческим и храмовым хозяйствам. Например, в Вавилонии товарно-денежные отношения получили дальнейшее развитие, продажа земли стала обычным, повседневным явлением. Однако тем не менее в ряде стран Ближнего Востока (например, в Урарту) и в 1-м тысячелетии до н. э. царское хозяйство продолжало играть значительную роль. В ахеменидском Иране на рубеже VI–V вв. до н. э. в царском хозяйстве было занято по меньшей мере более 20 000 человек. Товарно-денежные отношения были развиты слабо, в стране не было рынков, а золотые и серебряные монеты, которые чеканили персидские цари, в самом Иране вовсе не циркулировали (ими главным образом выдавали жалованье наемным воинам), и даже самые высокопоставленные государственные чиновники, включая управляющего царским хозяйством, получали свою плату натурой и нечеканенным серебром. Эти факты, засвидетельствованные обильным документальным материалом, говорят о том, что и в 1-м тысячелетии до н. э. в масштабах единой Ахеменидской державы продолжали существовать отличные друг от друга типы хозяйства. Разумеется, это в еще большей степени относится к более древним периодам.

Как отмечалось выше, в 3–2-м тысячелетиях во многих ближневосточных обществах существовало два отдельных, независимых экономических сектора: государственный и частный, хотя в разных странах качественное и количественное соотношение их не было одинаковым. Именно параллельное существование различных секторов экономики обусловило социальное деление общества на «царских людей» (мушкенум) и свободных общинников-граждан (авилум). По-

следние в отличие от «царских людей» были членами народного собрания, являвшегося основным органом местного самоуправления. Кроме того, в государственных, храмовых и частных хозяйствах работали рабы и другие зависимые социальные слои населения (ср. ниже).

В Месопотамии в I-м тысячелетии до н. э. общество состояло из полноправных граждан городов, свободных, не имеющих гражданских прав, и различных слоев зависимого населения, отдельной прослойкой которого были рабы.

Граждане (мар-бане) являлись членами народного собрания храмово-городской округи, которое решало в судебном порядке семейные и имущественные дела. К числу полноправных граждан относились как знать (высшие государственные и храмовые чиновники, купцы и т. д.), так и основная часть трудового населения, т. е. земледельцы и ремесленники, включая беднейшие слои населения. В юридическом отношении все они считались равноправными, хотя, разумеется, их экономическое положение было далеко не однородным.

К свободным людям, лишенным гражданских прав, относились царские военные колонисты и различные группы государственных чиновников и работников (например, купцы, писцы, сборщики налогов, ремесленники и т. д.), наделенных средствами производства и сидевших на царской, или государственной, земле. Однако необходимо отметить, что в этот период большинство писцов, ремесленников и купцов не были связаны с царским хозяйством и не находились в прямой зависимости от царских чиновников. В ахеменидское время к свободным, лишенным гражданских прав, принадлежали также все персидские чиновники, включая сатрапа страны, начальники гарнизонов и т. д. Все эти люди были лишены гражданских прав ввиду того, что они не владели землей в пределах городского общинного фонда, и поэтому не могли стать членами народного собрания.

Переход из одной социальной группы в другую в течение всей древней истории Месопотамии был настолько затруднен, что известны лишь очень редкие случаи такого перехода. Например, отпуск рабов на свободу юридически допускался, но практически это имело место чрезвычайно редко.

По мнению И. М. Дьяконова, в 3-2-м тысячелетиях в Месопотамии внеэкономической эксплуатации подвергались следующие категории лиц, лишенных собственности на средства производства: 1) рабы; 2) патриархально-зависимые лица, т. е. младшие родичи, клиенты; 3) должники; 4) царские работники, или государственные илоты. Всех этих людей И. М. Дьяконов объединяет в один класс под общим названием «древние подневольные люди рабского типа» — один из двух типов антагонистических классов древнего общества. Рабы работали преимущественно в частновладельческих хозяйствах, илоты — в государственных и храмовых. Другими словами, рабы и подневольные работники государственного сектора экономики составляли две различные прослойки единого эксплуатируемого класса. Общим для всех этих групп населения, подвергавшихся внеэкономическому принуждению, как полагает И. М. Дьяконов, было отсутствие собственности на средства производства. Илоты, продолжает И. М. Дьяконов, были совершенно лишены собственности на средства производства и принуждались к труду внеэкономическими средствами. Именно в этом видит он отличие

илотов от средневековых крепостных или феодально-зависимых земледельцев, эксплуатация которых основывалась на собственности феодала лишь на землю, и считает, что илоты были типологически близки к рабам (Дьяконов 1971: 132 сл.; Дьяконов 1973: 3 сл.).

Таким образом, как полагает И. М. Дьяконов, различные группы зависимых людей, которые он объединяет под общим названием «илоты», были лишены собственности на средства производства. Но известно немало случаев, когда илоты владели землей. По мнению И. М. Дьяконова, во всех этих случаях земля являлась не собственностью, а лишь пекулием илотов. Римские юристы определяли собственность как право владеть, пользоваться и распоряжаться. Несомненно, некоторые группы зависимого населения древности (или отдельные их представители) пользовались этим правом в не меньшей степени, чем свободные. Во всяком случае, должники, которых И. М. Дьяконов относит к числу лиц, лишенных собственности на средства производства и эксплуатируемых внеэкономически (Дьяконов 1971: 136), как правило, владели собственностью и имели на нее право и с точки зрения закона. Далее И. М. Дьяконов, поясняя свою мысль, оговаривается, что илоты не имели собственности на средства производства, по крайней мере в государственном секторе экономики. Следовательно, вне этого сектора они могли создать свое хозяйство и купить землю. Г. Г. Гиоргадзе пишет, что некоторым из зависимых людей, работавшим в государственном хозяйстве хеттских царей, удавалось приобрести «за свои средства участок вне государственного фонда» земли (Гиоргадзе 1973: 94). Следовательно, среди зависимых были и такие, которые имели средства для приобретения земли, и юридическая практика не препятствовала им в этом. Как указывает И. М. Дьяконов, государственные илоты «в сословном отношении не отделялись от других царских людей, вплоть до возможности сделаться царскими служащими и занять высокие посты» (Дьяконов 1971: 137). Безусловно, такие люди могли купить землю, пусть вне царского хозяйства, и стать ее собственниками. Более того, эти зависимые люди могли купить себе рабов и даже нанимать свободных для работы в своем хозяйстве. Поэтому представляется неоправданным отнесение всех илотов к классу эксплуатируемых, ибо определенная их часть сама эксплуатировала чужой труд. Что же касается юридического статуса илотов, они не имели гражданских прав, так как не являлись членами народного собрания.

Г. Г. Гиоргадзе, рассматривая положение работников царского хозяйства в Хеттском государстве, пришел к следующим выводам. В храмовых и государственных хозяйствах рабский труд применялся лишь «в качестве дополнительной рабочей силы». Основной рабочей силой в этих хозяйствах были зависимые мелкие местные земледельцы; они самостоятельно вели хозяйство и несли повинности, имели семьи и недвижимое и движимое имущество, включая рабов (Гиоргадзе 1973: 9 сл.). Другими словами, зависимые люди (пахари, садовники, пастухи и др.) сами могли иметь рабов в своих хозяйствах. Статус их зависимости выражался в том, что они были лишены полной свободы и не могли самовольно покинуть свое местожительство, а также обязаны были работать на других лиц (в данном случае на царя). Кроме того, зависимые люди были лише-

ны собственности на землю, хотя, как выше было отмечено, они могли купить себе землю вне государственного фонда и стать ее собственниками.

Несмотря на то что положение работников государственных и храмовых хозяйств в Хеттском государстве было неодинаковым в экономическом отношении, с правовой точки зрения, по мнению Г. Г. Гиоргадзе, все эти люди вместе с рабами составляли единый эксплуатируемый класс.

Многие современные ученые относят зависимых людей, или илотов (по выражению И. М. Дьяконова), к классу рабов, но некоторые исследователи, наоборот, полагают, что эти социальные группы следует строго различать. Остановимся на этом вопросе более подробно.

Дефиниция понятия «раб» находится в прямой зависимости от дефиниции «свободный». Как считает известный специалист по древней истории Греции М. Финли, в отношении древневосточного рабства обычный подход, согласно которому раб не имел свободы и личных прав, ошибочен. По его мнению, в странах Древнего Востока и в ранние периоды истории Греции и Рима один социальный статус незаметно переходил в другой, и поэтому бесполезно спрашивать, где провести линию раздела между свободным и рабом. Для Греции и Рима традиционное деление на рабов и свободных удачно, но, чтобы попытаться понять рабство в других странах, не надо противопоставлять тех и других. Далее, по М. Финли, в отличие от греков времени Перикла и римлян времени Цицерона для большей части человечества «свобода» — понятие, которое не имело значения (например, продолжает он, в Китае не было даже слова для обозначения «свободы»; однако отметим попутно, что Е. И. Кычанов указал нам на существование в Китае, во всяком случае в III–V вв. н. э., термина «лян», которым обозначались свободные). И после появления понятий «рабство» и «свобода» осталось много социальных групп, которые нельзя назвать свободными или рабами и состояние которых было промежуточным между теми и другими (Finley: 236 ff., 248 ff.). Сходного мнения придерживается и известный западный историк античного рабства В. Л. Вестерманн, который считает, что в восточных языках не было даже точных терминов для обозначения рабов (Westermann 1955: 43 и 45).

Вопрос о понятиях «свободный» и «раб» обстоятельно обсуждался на конференции о свободных на Древнем Востоке, которая состоялась в Ленинграде в 1975 г. (см. довольно подробный отчет об этой дискуссии: ВДИ 1976 1: 184–209). Основным докладчиком по этой теме выступил И. М. Дьяконов, который высказал предположение о необходимости пересмотреть принятое в нашей науке понятие «свободные» применительно к Древнему Востоку. Как полагает И. М. Дьяконов, в подавляющем большинстве обществ Древнего мира вообще не было свободных в полном смысле этого слова, и поэтому Геродот был прав, называя всех персов, за исключением царя, рабами. По мнению И. М. Дьяконова, древневосточные языки не имели эквивалента для понятия «свободный» и само такое понятие могло сложиться только в греческих городах-государствах с их демократическим или олигархическим строем. На Древнем Востоке, согласно предположению И. М. Дьяконова, были только «освобожденные», т. е. освобожденные от тех или иных обязанностей. Если для античных государств было характерно противопоставление рабства свободе, то для остального Древ-

него мира верно будет только противопоставление рабства господству (ВДИ 1976 1: 184 сл.).

Позволим себе не согласиться с таким мнением. Отметим попутно, что, согласно выступившему на той же конференции А. А. Вигасину, в «Артхашастре» Каутильи, созданной в начале нашей эры на основе более древней традиции, и в ряде других индийских источников содержится четкое противопоставление свободных и рабов (там же: 197 сл.). Предположение И. М. Дьяконова, что в древневосточных языках не было терминов для обозначения свободных, по меньшей мере нельзя считать безусловно верным. Например, в Вавилонии I-го тысячелетия до н. э. был термин *mār-banûtu* («свобода» — статус гражданина), который всегда четко противопоставлялся термину *ardûtu* («рабство»). При этом большинство лиц, относившихся к статусу свободных, вовсе не имели рабов и, таким образом, не являлись хозяевами других, т. е. они не находились в отношениях господства и подчинения. Относительно значения *mār-banûtu* можно сослаться на два следующих примера. Согласно судебному протоколу, один беглый раб утверждал, что он свободный. Судьи обратились к нему с требованием: «Покажи нам свой документ о свободе». Как рассказывается в другом тексте, один раб был отпущен на свободу своим господином, человеком преклонного возраста, с условием, что он будет снабжать бывшего хозяина пищей и одеждой. Однако, получив документ о свободе, раб бежал и таким образом уклонился от выполнения взятых на себя обязанностей. Позднее он был пойман, а документ об отпуске его на свободу уничтожен (подробнее см.: Дандамаев 1974: 255 сл.).

Если смотреть на Древний Восток глазами греков или римлян, то можно согласиться с мнением о существовании там поголовного рабства. Однако такой подход не позволяет выяснить социальную структуру общества. Во многих странах Древнего Востока царь мог считать любого подданного своим рабом, но фактически царские подданные, конечно, не являлись рабами, а, наоборот, в сборниках законов противопоставлялись рабам, и в экономическом отношении они вовсе не выполняли рабских работ в хозяйстве царя. Такие подданные, которых мы называем свободными, могли при желании менять свое местожительство и даже ездить из одного города в другой на заработки, и плата за их труд устанавливалась по взаимному соглашению между работодателем и наемным работником (см.: Дандамаев 1964: 31 сл.).

Правда, подданные привлекались к выполнению государственных и общественных повинностей (строительство и ремонт ирригационных сооружений, дорог и т. д.), но эти повинности отнюдь не носили характера рабских, так как именно свободные, и только они (в том числе царские и храмовые чиновники, писцы и др.), привлекались к ним. В одном письме новоассирийского времени писцы города Кальзу сообщают царю, что из-за необходимости выполнить государственные повинности они не могли осуществить указание царя о постоянном наблюдении за небесными светилами и даже временно пришлось прекратить обучение учащихся (Parpola 1970: 58. N 185). Необходимо также отметить, что общественные повинности существовали и в античных государствах, поэтому такие повинности не следует считать специфически «восточными» или особой формой зависимого труда.

В любом обществе, и не только в древние периоды, понятие о рабстве неизменно противопоставляется понятию о свободе, и, если при рассмотрении социальных структур древневосточных обществ мы откажемся от термина «свободный», логично будет отказаться также и от термина «раб» (а это, конечно, совершенно невозможно), ибо свобода и рабство неразрывно связаны друг с другом и не могут существовать друг без друга.

На упоминавшейся выше конференции о свободных И. М. Дьяконов высказал предположение, что класс эксплуатируемых в древних обществах состоял из лиц, лишенных собственности на средства производства и эксплуатируемых внеэкономическим путем, которые могут быть, но могут и не быть собственностью представителей господствующего класса. В древних обществах число эксплуатируемых, которые не являлись собственностью других лиц, было весьма значительным. И. М. Дьяконов называет этот класс эксплуатируемых «древними подневольными людьми рабского типа» и склонен согласиться с теми советскими историками, которые называют таких эксплуатируемых «рабами в широком смысле слова». Исходя из этого он считает возможным дать следующее определение раба. Раб — «всякое лицо, лишенное собственности на средства производства в том хозяйстве, где оно эксплуатируется, и эксплуатируемое путем внеэкономического принуждения» (ВДИ 1976 1:185).

Необходимо сказать, что еще В. В. Струве в своих капитальных трудах о шумерском обществе исходил именно из такого определения раба. Считая определенную группу работников, называемых «гуруш», рабами, В. В. Струве полагал, что еще в период III династии Ура (XXII–XXI вв. до н. э.) в Шумере существовали настоящие рабовладельческие латифундии, которые не только имели место, но являлись основой экономики страны (Струве 1934: 32 сл.). Подобным же образом он считал рабами поденщиков в Египте эллинистического времени (Струве 1962: 67 сл.). Другими словами, В. В. Струве отнес к числу рабов многочисленные слои зависимых людей, лишенных средств производства и работавших в силу внеэкономического принуждения, а также тех, кто имел средства производства и работал по экономическим причинам. По словам М. А. Коростовцева, В. В. Струве, «хотя этого он, кажется, нигде точно не сформулировал, рабов древневосточного типа, т. е. рабов еще полностью не обезличенных, рассматривал, по сути дела, как рабов, еще не вполне созревших до типа античных рабов» (Коростовцев 1975: 170).

Приведенная цитата действительно дает возможность понять взгляды В. В. Струве на характер древневосточного рабства. Однако такой подход, по существу расширивший и преобразовавший определение раба, трудно считать неузким с точки зрения теоретической постановки вопроса, поскольку зависимые люди в отличие от рабов не являлись полной собственностью хозяина и строго отличались от рабов самими древними (особенно в текстах законодательного характера), такое же различие проводится в марксистской исторической науке.

2500 лет тому назад древнегреческие мыслители проводили различие между рабами и зависимыми социальными группами (см.: Finley 1964: 233 f.), но многие современные исследователи считают, что в действительности такого различия не существовало, и включают в состав рабов разные группы зависимого

населения, занимавшего промежуточное положение между свободными и рабами. В приведенной выше цитате М. А. Коростовцев говорит о «рабах древневосточного типа... не вполне созревших до типа античных рабов». Как нам представляется, так называемых рабов древневосточного типа никогда не было. В различных странах в зависимости от конкретных исторических условий рабство развивалось неодинаковыми путями, да и в одной и той же стране формы его менялись. Кроме того, в одном и том же обществе, в один и тот же исторический период фактическое положение рабов могло быть неодинаковым: одна часть их жестоко угнеталась, а другая находилась в сравнительно хороших условиях. Но во всех странах и во все периоды юридический статус рабов был идентичным. И. М. Дьяконов пишет о «двоём употреблении термина “раб” в узком и широком смысле или “в экономическом, а не в юридическом смысле”» (Дьяконов 1973:10, 17 и др.). Как известно, раб — собственность, вещь другого лица, и его статус был закреплён в действующих в данном обществе законах. Это не просто юридическое определение, ибо в нём отражена вся суть экономических отношений. Поэтому вряд ли правильно будет говорить о рабстве в юридическом и экономическом смысле. Примером такой нечеткости является и высказывание В. Н. Никифорова о том, что «в экономическом отношении (а также, вероятно, в правовом) они (т. е. гуруш. — М. Д.) не отличались от рабов», или когда он говорит о «рабах типа илотов» (Никифоров 1975:72 и 261). В таком случае возникает вопрос: если гуруш в действительности не отличались от рабов, почему все же сами шумеры строго отличали их от рабов?

Г. А. Меликишвили справедливо отмечает, что положение работников государственных хозяйств на Ближнем Востоке в 3–2-м тысячелетиях до н. э. определено не было рабским, так как гуруш и подобные им работники жили семьями и являлись не только объектом, но и субъектом права. Кроме того, как указывает Г. А. Меликишвили, в отношении древневосточных работников эксплуатация не всегда была внеэкономической. Это, в частности, относится к обедневшим общинникам, вынужденным работать по экономическим причинам (Меликишвили 1975: 18 сл.).

В теоретическом плане неправомерность отнесения различных групп зависимого населения к рабам убедительно обосновал К. К. Зельин. Он показал, что для древности характерно «необыкновенное обилие и разнообразие форм социально-экономических отношений» и рабство было только одной из форм личной зависимости и внеэкономического принуждения (Зельин, Трофимова 1969: 6 сл., 23). По мнению К. К. Зельина, «в древности раб мог оказаться в иных условиях, в таких же или даже еще лучших условиях, чем свободный. И наоборот: человек мог быть юридически свободным и в то же время находиться в тяжелой зависимости, подвергаться принуждению и угнетению» (там же: 23). «Зависимый человек мог находиться в полном порабощении у... господина индивидуального или коллективного, к нему могли быть применены все средства физического принуждения, но при этом он мог и не быть рабом» (там же: 43). Как полагает К. К. Зельин, «то определение раба, которое встречается в советской историографии: раб — человек, лишенный средств производства и подвергавшийся внеэкономическому принуждению, — неправильно, поскольку раб обладал

нередко средствами производства, а человек, положение которого характеризуется признаками, указанными в приведенном определении, мог быть совсем не рабом» (Зельин, Трофимова 1969: 61). Далее автор поясняет, что под рабами он имеет в виду «людей, принадлежащих к сословию рабов, т. е. признаваемых таковыми действующим правом, являющихся собственностью других людей... но... не обязательно лишенных средств производства и даже правоспособности, не обязательно жесточайшим образом угнетаемых» (там же: 29).

Это определение, как нам представляется, нуждается в уточнении. Рабы действительно могли владеть средствами производства, но, насколько это можно проследить по клинописным текстам, юридически они не были собственниками этих средств. Все имущество рабов считалось лишь пекулием, и с точки зрения закона оно в конечном итоге принадлежало хозяевам рабов (подробнее см.: Дандамаев 1974: 181 сл.).

В силу изложенных выше соображений единственно правильным определением раба является следующее: раб — лицо, лишенное собственности на средства производства, работающее внеэкономическим путем и являющееся чужой собственностью.

В настоящее время для исследования проблемы рабства в Древней Передней Азии имеются многочисленные, вполне надежные источники. Но даже самое исчерпывающее исследование проблемы рабства не дает возможности понять механизм общества, его социально-экономическую структуру. В древности существовали различные социальные слои населения, которые не были свободными, в зависимости от конкретных исторических условий они либо наделялись средствами производства, либо были лишены их. В обществе такие люди занимали промежуточное место между рабами и свободными. В производстве их труд имел большое значение (ср. ниже), многие из них работали в силу внеэкономического принуждения, но с точки зрения действующих законов они не считались рабами. Лица, принадлежавшие к этим слоям, не являлись полной собственностью других лиц, и их, например, нельзя было продавать. Очевидно, таких людей мы также не должны считать рабами.

Таким образом, проблема зависимых слоев — это не только вопрос терминологии, а прежде всего первостепенная и вместе с тем самая трудная проблема социальной истории Древнего Востока, еще ждущая своего исследователя. Отнесение зависимых людей к рабам ведет не только к терминологической путанице, но и к смешению достаточно выясненных институтов с теми, происхождение, природу и эволюцию которых мы еще не знаем. Если нам хорошо известно, почему раб трудился на своего господина (он был его собственностью), то еще предстоит установить, в силу каких социальных причин зависимые люди работали на других лиц — как на коллектив собственников, так и на индивидуумов. Нет также уверенности в том, что во всех случаях земля, на которой сидели зависимые люди, и орудия труда, которыми они пользовались, не принадлежали им самим. Прежде всего необходимо выделить различные группы зависимого населения, установить сходство и отличие в их статусе, а также изучить их роль в производстве. Возникает также вопрос: могли ли какие-либо группы зависимого населения бросить работу на своих хозяев.

одновременно отказавшись, разумеется, от связанных со своим статусом выгод? Наконец, мы также не знаем еще, в силу каких экономических причин образовались социальные слои, близкие к рабам, но, по сути дела, не являвшиеся рабами.

К сожалению, на эти вопросы мы получим ответ лишь после того, как будут проведены фундаментальные исследования социально-экономических отношений различных регионов Передней Азии на протяжении древности с использованием всех не поддающихся в настоящее время учету источников разнообразного характера. Ниже мы попытаемся осветить вопрос, какую роль играли различные социальные слои населения в производстве, главным образом в сельском хозяйстве и ремесле.

Прежде всего какова была роль рабского труда?

Как показали исследования советских ученых в 60–70-х гг., труд рабов не занимал ведущего места в экономике Передней Азии (Дьяконов 1971: 136 сл.; Меликишвили 1975: 18 сл.). Этот же вывод с полным основанием можно распространить также и на некоторые другие страны Древнего Востока, например на царство хеттов, Палестину, ахеменидский Иран и Индию (см.: Гиоргадзе 1973: 9 сл.; Вейнберг 1974: 65 сл.; Дандамаев, Луконин 1980: 162 сл.; Бонгард-Левин 1973: 140). Рабский труд ни в сельском хозяйстве, ни в ремесле не был преобладающим и не мог конкурировать с трудом свободных общинников.

Можно уверенно сказать, что по сравнению со всеми предыдущими периодами истории Месопотамии применение труда рабов достигло апогея в 1-м тысячелетии до н. э. Но и в это время рабский труд использовался главным образом для выполнения тех видов работ, которые не требовали высокой квалификации или дорогостоящего надзора, т. е. там, где рабы могли трудиться в течение круглого года, а не сезонно. Крупные землевладельцы предпочитали обращаться к услугам свободных арендаторов, сдавая им землю небольшими участками, так как применение рабского труда требовало постоянного надзора и вызывало большие расходы. Поэтому в Вавилонии не было латифундий, за исключением храмовых, и наличие крупного землевладения сочеталось с мелким землепользованием. В тех случаях, когда крупные землевладельцы прибегали к помощи своих рабов, они либо выделяли им землю для самостоятельного ведения хозяйства на правах пекулия, либо сдавали ее в аренду. Поэтому в крупных частновладельческих хозяйствах Месопотамии рабский труд в пахотном земледелии находил ограниченное использование.

Мы не располагаем никакими сведениями о применении рабского труда в царском земледельческом хозяйстве Вавилонии в 1-м тысячелетии до н. э. Как правило, царские земли сдавались в аренду, а также обрабатывались полусвободными земледельцами. В храмовых хозяйствах рабский труд использовался в значительно больших масштабах, но и в них он не играл решающей роли. В ремесле рабский труд в еще меньшей степени был в состоянии вытеснить труд свободных, особенно в области квалифицированного ремесленного производства (подробнее см.: Дандамаев 1974: 148 сл.).

Приблизительно такая же картина наблюдается и в остальных странах Древнего Востока, в которых рабство никогда не достигало такой степени развития,

чтобы можно было говорить о господствующей роли труда рабов в экономике. Рабский труд являлся только одним из типов производительного труда, и притом далеко не самым значительным по своей роли. Другими словами, рабы составляли лишь часть класса подневольных лиц, лишенных собственности на средства производства и эксплуатируемых внеэкономическим путем.

Чем это объяснить? Ведь рабство было оптимальной формой зависимости, а недостаток в военнопленных, которых можно было обратить в рабов, часто совсем не ощущался. Кроме того, не существовало никаких правовых или этических норм, которые помешали бы обращению десятков тысяч военнопленных, увезенных с их родных мест ассирийскими, вавилонскими или персидскими царями, в рабов.

Например, в 772 г. до н. э. ассирийский царь Саргон II угнал в плен 27 000 жителей с территории Древнего Израиля, большинству которых была отведена земля для самостоятельного ведения хозяйства с обязательством внесения в казну определенной части урожая. Забивая новые территории, вавилонские цари нередко уводили местных жителей (особенно квалифицированных ремесленников) в плен. Например, в 597 и 587 гг. из Иерусалима в Вавилонию было угнано около 12 000 мужчин, не считая женщин и детей. Среди этих пленников имелось не менее 1000 ремесленников и 7000 воинов. Источники характеризуют этот плен как рабское иго (II Chron. 36: 20; Jes. 44: 22; Esr. 37:11). Однако в действительности пленники в массе своей не были включены в дворцовое или храмовое хозяйство, а поселены в специально отведенных местах, в частности близ Ниппура. Сначала эти люди не имели права покинуть свое местожительство. Но постепенно многие из них стали вести самостоятельные рабовладельческие хозяйства. Позднее, после захвата Вавилонии персами, часть этих пленников вместе со своими рабами вернулась в Иерусалим, а оставшаяся часть по своему статусу уже не отличалась от других свободных людей Вавилонии. Возвращение пленных иудеев на их родину было возможно, конечно, потому, что они не были рабами, так как Персидское государство ахеменидского периода никогда не освобождало рабов. По приказу ахеменидских царей в плен уводили население ряда областей, а иногда и целые народы, когда они поднимали восстания против персидского господства. Большая часть таких пленников в рабство, однако, не обращалась.

Таким образом, лишь ничтожный процент пленных становился рабами, а преобладающее большинство их сажалось на государственной земле, самостоятельно вело хозяйство, платило государственные подати и несло повинности, включая даже военную службу. При этом часть таких военнопленных имела собственных рабов. Почему же древневосточные цари не обращали основную массу военнопленных в рабов? Ведь, например, у ахеменидских правителей, имения которых были разбросаны по всему Ирану, Эламу и даже по Вавилонии, было достаточно возможностей установить эффективный надзор над работниками и эксплуатировать их как рабов. Но сектор рабского труда на Древнем Востоке в отличие от античного мира в период наивысшего экономического развития оказался не в состоянии поглотить массы военнопленных. Причина этого заключалась в сравнительно слабом уровне развития экономики и товарно-

денежных отношений, в отсутствии достаточно развитого производства, в котором можно было бы применить рабский труд в широких масштабах. К. Маркс писал: «В лице раба похищается непосредственно орудие производства. Однако затем производство той страны, для которой он похищается, должно быть организовано так, чтобы допускалось применение рабского труда, или (как в Южной Америке и т. д.) должен быть создан соответствующий рабскому труду способ производства» (Маркс. Т. 12. С. 724).

На Древнем Востоке не наблюдается развития института рабства в сторону неизбежного, неуклонного повышения удельного веса рабского труда в основных отраслях хозяйства. И дело не в том, что не было преобладания рабского труда в какой-либо отрасли производства, а прежде всего в том, что основой сельского хозяйства являлся труд свободных земледельцев и арендаторов и в ремесле доминирующим также был труд свободных. Ведь труд рабов был неэффективным и требовал постоянного надзора. Раб всячески стремился уклониться от порученной ему работы, не проявлял инициативы и не был заинтересован в результатах своего труда и особенно в качестве работы. Установить эффективный контроль было трудно, так как основным типом хозяйства являлось мелкое, а крупных ремесленных мастерских не существовало. Поэтому, вероятно, мы вряд ли найдем на Древнем Востоке хотя бы изолированные общества, где рабский труд был бы преобладающим в экономике или, по крайней мере, приближался бы по своему удельному весу к труду других зависимых групп населения или свободных.

Возникает вопрос: почему в течение нескольких десятилетий в нашей науке господствовало мнение о решающей роли рабского труда во многих странах Древнего Востока?

Еще во время дискуссий о социально-экономической формации на Древнем Востоке, состоявшихся в 30-х гг. в Ленинграде, при анализе клинописного материала, отчасти в силу неизбежного тогда уровня науки, были допущены две значительные ошибки, которые с тех пор часто повторяются нашими востоковедами. В своем докладе 1933 г. и в последующих трудах В. В. Струве убедительно показал, что рабский труд широко применялся в древневосточных обществах. Однако, изучая проблему рабства изолированно, ассириологи тогда мало интересовались вопросом о соотношении рабского труда и труда свободных в том или ином обществе и масштабами применения труда рабов в производстве по сравнению с трудом свободных и различных слоев зависимого населения. Это привело ассириологов к подмене вопроса о применении рабского труда вопросом о его преобладающей роли на Древнем Востоке. Проблема рабства касается всех сторон экономической и общественной жизни, поэтому невозможно правильно оценить значение рабства, если его изучать изолированно, особенно в отрыве от труда свободных. Но именно такой подход был характерен для большинства работ наших востоковедов в течение целых десятилетий.

Весьма значительную роль в производстве играли те зависимые слои населения, которые не являлись рабами, но тем не менее часто были лишены средств производства. Они находились в личной зависимости от царя, отдельных лиц и

коллектива собственников (т. е. храма) и в большинстве случаев работали в силу внеэкономического принуждения. В 3-м и начале 2-го тысячелетия до н. э. на Ближнем Востоке именно труд таких зависимых людей играл решающую роль в государственном, или царском, хозяйстве, являвшемся в тот период ведущим сектором экономики. Работники государственного хозяйства трудились круглый год, обрабатывая землю или занимаясь ремеслами, получая от государства семена, тягловый скот, орудия труда и ремесленное сырье, а также продовольствие для себя. Часть таких работников вело хозяйство самостоятельно, но большинство — трудилось под надзором надсмотрщиков. В том и другом случае земля, на которой они сидели, являлась государственной собственностью. Такие работники, как правило, имели семьи, недвижимое и движимое имущество, включая и рабов (см.: Струве 1934: 32 сл.; Дьяконов 1973: 3 сл.; Меликишвили 1975: 18 сл.; Гиоргадзе 1973: 9 сл.; Козырева 1975: 3 сл.).

В Вавилонии в 1-м тысячелетии до н. э. по сравнению с 3-м и началом 2-го тысячелетия роль труда зависимых слоев населения заметно уменьшилась ввиду увеличения значения рабского труда.

В вавилонских документах 1-го тысячелетия до н. э. мы встречаем три основных слоя зависимого населения — *иккару*, *шушану* и *гарда*.

Тексты дают обильные сведения об иккару. Часто они упоминаются совместно с работниками, которые назывались *эррешу*. Относительно социального положения этих слоев высказывались различные мнения. Обычно оба отмеченных термина переводят примерно одинаково: «земледелец», «пахарь», иккару же переводят еще как «пахарь», «сельскохозяйственный работник», а эррешу — как «земледелец», «сельскохозяйственный арендатор». В словарях отмечается также, что ясно установить социальное и юридическое положение, а также функции иккару и эррешу невозможно (АНw: 203; CAD 4: 304 сл.; 7: 49 сл.).

Судя по документам из храмовых архивов, эррешу получали для обработки только те земли, которые были не в состоянии возделывать иккару, когда последних не хватало (YOS III 84; YOS VI 40, 150). Следовательно, храмам выгодно было, чтобы земли обрабатывали иккару. Поэтому в распоряжении эррешу было гораздо меньше земли, чем у иккару, да и условия пользования землей были иные, так как иккару отдавали храму часть урожая по твердой норме, а эррешу — в зависимости от урожая: приблизительно $\frac{1}{3}$ общего урожая, что являлось нормальным размером арендной платы. Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что члены комиссий, которые назначались для определения доли урожая, которую иккару и эррешу должны были платить храму, давали клятву не устанавливать с эррешу плату, которую следовало получать с иккару, и наоборот (BIN II 108). Если иккару и эррешу отличались друг от друга по роду занятий, а не по своему социальному положению, такая клятва была бы лишена смысла. Другое дело, если они обрабатывали землю на различных условиях, хотя и те и другие возделывали главным образом поля под зерновые.

Судя по документам, эррешу были свободными арендаторами, получавшими в ряде случаев от землевладельца (храма и частных лиц) волов, посевное зерно, а иногда и продовольствие (BIN I 156; Camb 402; Dar 350, 370 и др.).

Вавилонские храмы в I-м тысячелетии до н. э. имели большие земельные владения, часть которых они сдавали в аренду, а остальную землю обрабатывали многочисленные храмовые земледельцы. Последние делились на рабов-иккару и просто иккару, которые не считались рабами.

В храмовых архивах имеются списки с подробными перечнями десятков, а иногда и нескольких сотен имен иккару (BIN I 157; Nbk 452, 458; ср. также: Nbd 1069, 1080, где в перечни работников наряду с иккару включены также пастухи, садовники и ремесленники). В этих перечнях они разбиты на мелкие группы по три-четыре человека, представлявшие большей частью отдельные семьи. В такие группы входили отец и его сыновья, а в ряде случаев и другие, по-видимому, не родственные лица. Во главе этих групп стояли «начальники над иккару» (GCC I II 161; Nbk 287 и др.).

Иккару получали из храмового хозяйства волов, плуги, семена для посева, а нередко и продовольствие для себя (BIN I 68; GCC I II 161, 328; Nbd 250, 718, 1069; NRV 845; YOS III 9, 34, 110; YOS VII 139). По окончании сельскохозяйственных работ иккару возвращали скот в храм (Nbd 202 и др.). В ряде случаев иккару получали из храмового хозяйства и корм для скота (Camb 296; см. также: Nbd 841). В одном письме содержится распоряжение храмовому чиновнику выдать для иккару лопаты и все необходимое для обработки поля, расположенного на берегу реки (BIN I 60).

Храмовые чиновники периодически устраивали ревизии скота и посевного зерна, которые находились у иккару (BIN I 112; Cyr 117; Nbd 459; YOS III 47 и др.).

Документы содержат данные о рационах для иккару. Автор одного письма сообщает храмовому чиновнику, что 50 иккару не получили полностью свой ячмень и могут умереть с голоду (YOS III 168). Как отмечается в другом письме, некий Мурану выдал иккару продовольствие, а для иккару, которые находятся в распоряжении Шум-укина, надо отпустить продовольствие в том же размере, как и в прошлом году (CT XXII 116). Таким образом, эти иккару, очевидно, находились на постоянном довольствии у храма (см. также: BIN I 7; CT XXII 119; Dag 420; Nbk 16, 421; Nbd 642, 841, 986 и др.). Иногда иккару выдавали также пиво и растительное масло (BIN I 35; GCC I 103).

Перейдем к вопросу о работе иккару в храмовом хозяйстве. Согласно одному письму, храмовый чиновник получил предписание заставить всех иккару отремонтировать каналы и охранять их (TCL IX 109). Некий Агрива должен направить для работы на одном канале 10 иккару, а в противном случае он будет наказан, поскольку на этом канале необходимо заменить работающих иккару новыми (TCL XIII 150, далее о работе иккару на каналах см.: Camb 19; TCL IX 129; YOS VI 246).

Некий Син-иддин сообщает в храм, что начальник над иккару не следит за работой, и советует назначить на земли, принадлежащие храму Эанна, новых начальников над иккару, иначе последние не обработают поля (YOS III 84). В документе из города Борсиппа, составленном в 495 г. до н. э., отмечается, что от месяца нисанну 26-го года царствования Дария I до конца аддару 27-го года «для работы на плугах» направлена смена иккару (NRV 564). Таким образом, эти люди

должны были работать на храм в течение двух лет (далее о работе иккару в храмовых хозяйствах см.: BIN I 81; CT XXII; 212; GCCI II 387; Nbk 452; YOS III 143, 170 и др.; иногда речь идет о партиях иккару по 20–30 человек и более).

Большой интерес представляет письмо, в котором храмовый чиновник по имени Калба сообщает, что к нему приведены закованные в кандалы иккару, так как многие иккару уже бежали (YOS III 146).

Как видно из большого количества текстов, храмы Эанна и Эбаббара в Уруке и Сиппаре сдавали значительные массивы земли в аренду так называемым сборщикам арендной платы, а размер последней устанавливался уже при заключении контракта. Сборщик арендной платы сам землю не обрабатывал, а передавал ее субарендаторам и отвечал перед храмовой администрацией за ежегодный взнос определенного количества сельскохозяйственной продукции. В тех случаях, когда сборщики арендной платы вместе с храмовой землей получали в свое распоряжение иккару, последние были ответственны перед сборщиками за урожай с той земли, которую они обрабатывали.

Нередко храмы отдавали своих иккару внаем сборщикам арендной платы наряду с землей, орудиями труда и скотом, предоставляя при этом части иккару продовольствие. Сборщики несли ответственность за целостность и сохранность инвентаря, скота и иккару. Как видно из документов, храм выдавал на определенную арендуемую площадь земли соответствующее количество волов и иккару (TCL XIII, 182).

Согласно арендному контракту, заключенному в 555 г. до н. э. в Ларсе, храм Эанна сдал в аренду двум сборщикам 6000 кур (7410 га, или 74 кв. км) посевной площади. На первый год арендного срока сборщики получили 3000 кур (450 000 л) ячменя для посева и 10 талантов (300 кг) железа для лемехов. Кроме того, они получили 400 иккару, 400 волов и 100 «больших» коров, которые должны были заменить волов, негодных для работы. В качестве арендной платы сборщики должны были доставлять в храм ежегодно по 25 000 кур (2 750 000 л) первосортного ячменя и 10 000 кур (1 500 000 л) отборных фиников (YOS VI 11).

Таким образом, на 15 кур земли сборщики имели в своем распоряжении по одному иккару и на 12 кур — вола или корову, другими словами, на каждого иккару приходилось по 18,5 га земли. По условиям контракта только половина арендованной земли должна была обрабатываться, а половина оставаться под паром. Следовательно, один иккару должен был обработать около 9 га (такое же соотношение наблюдается и в документах YOS VI 103 и 150). Что же касается арендной платы, то один иккару в среднем должен был доставить по 6875 л ячменя и 3750 л фиников, т. е. по 743 л ячменя и 405 л фиников с 1 га реально обработанной им земли. Приблизительно такое же соотношение характерно и для других контрактов (ср.: YOS VI 45, 47 и 55), по свидетельству которых сборщик арендной платы из расчета на одного иккару получал около 8–10 га земли и с каждого иккару должен был платить храму в среднем 10 000 л ячменя или фиников, или по 10 гектолитров с 1 га.

По свидетельству контракта, заключенного в Уруке в 545 г. до н. э., один сборщик получил в аренду 625 кур (812 га) пахотной земли, принадлежавшей храму Эанна. В его распоряжение были отданы также 100 иккару, 100 волов,

50 «больших» коров, а на первый год арендного срока еще 625 кур (93 750 л) ячменя для посева, 5 талантов 20 мин (160 кг) железа для лемехов и 120 кур (18 000 л) ячменя в качестве продовольствия для 30 иккару (YOS VI 150). Таким образом, каждый иккару обрабатывал 8 га земли, и с 1 га земли храм получал 944 л ячменя. Особый интерес представляет свидетельство документа о том, что 30 из 100 предоставленных храмом в распоряжение сборщика арендной платы иккару на первый год арендного срока получают с храмовых складов в качестве продовольствия 120 кур ячменя, т. е. по 600 л в год на человека, или около 1,6 л в день (ср. сходные условия в контракте: YOS VI 103).

Согласно одному контракту, заключенному храмом Эбббара в Сиппаре, некий Шула взял в аренду 60 кур (около 79 га) земли, а также получил в свое распоряжение 12 волов, 8 иккару, продовольствие для последних и корм для скота до конца года, зерно для посева и сельскохозяйственные орудия (Суг 26). Следовательно, каждый иккару в среднем должен был обработать почти по 10 га земли.

Иккару, отданные храмами в распоряжение сборщиков арендной платы, обязаны были сдавать с отведенной им земли определенную часть урожая соответственно размерам поля и величине дохода. Сборщик арендной платы, собрав со всех иккару причитающийся с них урожай, рассчитывался с храмом, отдав ему арендную плату в заранее установленном размере. Для примера можно отметить, что один сборщик арендной платы в течение 553 г. до н. э. собрал с иккару, находившихся в его распоряжении, и сдал в храм Эанна 10 136 кур (1 520 400 л) ячменя (TCL XIII 227; YOS VI 45, 47, 55, 78, 98).

Что же касается размера арендной платы с одного и того же иккару за разные годы, характерна следующая картина. Иккару по имени Аппану доставил в храм Эбббара в разные годы соответственно 170, 123 и 133 кур ячменя (Nbd 525; Ner 18, 70). За все эти годы он обрабатывал одно и то же поле, и разница сдаваемого им в храм урожая, вероятно, объяснялась колебаниями урожая.

Из ряда документов видно, что иккару платили храмовую десятину (СТ XXII, 8; Nbk 220 и др.).

Тексты свидетельствуют о том, что иккару составляли сословие зависимых земледельцев. Так, некий Иддина-ах назван «постоянным иккару» (YOS III 110). Согласно другому документу, один «человек и пять сыновей (его) причислены к иккару» (GC II 387; см. также: СТ XXII 116; TCL XII 20).

В документах из города Ниппура, относящихся к V в. до н. э., упоминаются государственные иккару, которые трудились на государственной земле под присмотром надзирателей, несли повинности и платили царские подати (BE IX 81, 82; PBS 2/1 224 и др.). Частные лица также владели иккару, груд которых они использовали для обработки своей земли (BE IX 60; X 29; BRM I 101; TMH 2/III 146; UET IV 59 и др.). Например, согласно одному документу, владелец поля сдал его в аренду вместе с иккару (BE X 29; см. аналогичные документы: GCS II 246; Nbn 445, 576, 577 и др.).

Как видно из рассмотренных документов, в I-м тысячелетии до н. э. в Вавилонии существовало сословие зависимых земледельцев, которые назывались иккару. Они принадлежали храмам, дворцу и частным лицам. Иккару не считались рабами и в отличие от последних жили с семьями и платили подати; их не

продавали. Однако иккару находились во внеэкономической зависимости от своих хозяев и были прикреплены к земле. Иккару не могли без разрешения хозяев оставить свое местожительство. В тех случаях, когда они бежали, бросив работу, их ловили, заковывали в кандалы и возвращали.

По документам пока трудно проследить, как возникло сословие иккару. Можно высказать гипотезу, что это были разорившиеся люди, которые лишились своей земли, не могли прокормиться за счет сезонной наемной работы и не имели возможности арендовать землю. В таком случае они могли добровольно, в силу экономических причин, обрабатывать чужую землю и постепенно терять свои права свободных членов общества. Вероятно также, что первоначально определенная часть иккару (или даже большинство) состояла из военнопленных, посаженных на царскую землю и подаренных храмам.

Нередко иккару не имели ни рабочего скота, ни орудий труда. Часть этих земледельцев работала круглый год под надзором своих хозяев или их агентов и находилась на постоянном довольствии. Иногда храмы отдавали своих иккару внаем партиями по несколько сот человек вместе с арендовавшейся землей, орудиями труда и рабочим скотом.

Некоторые иккару получали от своих хозяев семена, волов и инвентарь (плуги, мотыги и т. д.) и обрабатывали выделенную для них землю, отдавая ее владельцу часть урожая.

Иккару, принадлежавшие дворцу, составляли часть зависимого населения, которое называлось *шушану*. Они сидели на государственной земле и работали под надзором особых чиновников. Среди шушану кроме земледельцев были и ремесленники различных специальностей. Шушану нельзя было продавать. Это видно хотя бы из того, что в контрактах о продаже рабов оговаривается, в частности, что продаваемое лицо не является шушану.

Шушану не могли произвольно оставить работу, и беглых шушану ловили, заковывали в кандалы и заключали в тюрьму.

Согласно документам архива Мурашу, государственные шушану по своему юридическому статусу не отличались от других держателей царских наделов и составляли различные группы по профессиональному признаку; они коллективно платили подати, отбывали повинности, а в случае необходимости несли и военную службу, по-видимому в обозе.

Статус шушану был наследственным: в перечни с именами шушану включены родители с детьми и другими родственниками.

Особую группу царских работников составляли *гарда*, прикрепленные к царскому хозяйству и к имениям знатных персов. Гарда работали под надзором чиновников (BE X 95, 118 и др.). Часть гарда, которая была посажена на землю, жила за счет урожая с нее, а другая находилась на довольствии (BE X 95, 127, PBS 2/1 204 др.). Судя по собственным именам, гарда состояли из вавилонян-чужеземцев, например египтян (подробно см.: Дандамаев 1973: 3 сл.).

Чтобы картина была более или менее полной, необходимо сказать несколько слов и о значении труда свободных.

В настоящее время нет никаких сомнений, что в течение всего периода древности на Ближнем Востоке труд свободных общинников играл исключительно

важную роль, определенно гораздо большую, чем рабский труд или труд других зависимых слоев населения. Свое значение свободный труд сохранил и в Вавилонии I-го тысячелетия до н. э., хотя в этот период конкуренция рабского труда стала гораздо более ощутимой, чем в предшествующие эпохи. Труд свободного земледельца и ремесленника все еще оставался основой производства.

В Вавилонии в I-м тысячелетии до н. э. труд свободных наемных работников играл весьма значительную роль в общей структуре экономики. Храмы и частные лица вынуждены были прибегать в широких масштабах к использованию квалифицированного труда свободных в ремесле, сельском хозяйстве и особенно для выполнения тяжелых видов работ. При этом иногда нелегко было найти необходимое число работников, и в таких случаях приходилось их труд оплачивать по высоким ставкам (см.: Дандамаев 1964: 31 сл.).

И. М. Дьяконову принадлежит следующая глубоко верная мысль. Линия раздела между древностью и Средними веками лежит не в прекращении ведущей роли рабского труда в производстве, а в исчезновении самоуправления свободных, и, следовательно, эксплуатация прежде свободного земледельца становится ведущей в производстве (Дьяконов 1973:10 и сл.).

В. Н. Никифоров называет «принципиально важной мыслью» следующее утверждение А. И. Неусыхина: «В классовых общественных формациях непосредственные производители никогда не являются (да и не могут являться) собственниками средств и орудий производства, ибо они лишены собственности на них в силу самого классового антагонистического характера общественной структуры» (Никифоров 1975: 62, там же содержится ссылка на работу А. И. Неусыхина). Несмотря на категорический тон этого утверждения и упрек В. Н. Никифорова, что советские историки, изучающие Древний мир, в своих работах не руководствуются указанным определением, оно неприменимо к древности. С начала 3-го тысячелетия до н. э. до наступления феодальной эпохи большая часть непосредственных производителей (а именно свободные земледельцы-общинники) в Передней Азии и в большинстве других стран были собственниками средств производства и орудий труда.

После всего сказанного неизбежно возникает вопрос: какая общественно-экономическая формация господствовала на Древнем Востоке? Здесь нет необходимости подробно останавливаться на этом вопросе. На наш взгляд, правы те исследователи, которые считают, что термин «рабовладельческая формация» — лучшее из существующих в нашей науке определений классовых обществ на Древнем Востоке (см., например: Никифоров 1975: 274). Прежде всего рабство являлось оптимальной формой зависимости. Существование института рабства накладывало глубокий отпечаток на социальные отношения, идеологию, право и психологию общества, и классовый антагонизм в наиболее неприкрытой и типичной форме проявился между рабами и свободными. Правда, труд рабов использовался главным образом для выполнения тех видов работ, которые не требовали высокой квалификации или дорогостоящего надзора. Однако и такое использование труда рабов имело большое значение в древних обществах, так как это освобождало свободных для выполнения наиболее сложных процессов производства. Кроме того, Г. Ф. Ильин совершенно прав,

когда он подчеркивает, что такие виды работ, как помол зерна, уход за скотом, прядение, ткачество и т. д., имели для древних обществ большое производственное значение. Как отмечает Г. Ф. Ильин, важны не цифры и не тот момент, вытеснил ли труд рабов труд свободных, а то, что отношения между рабами и рабовладельцами определяли характер общества, его идеологию, политику и мораль (Ильин 1971:164 и сл.).

СВОБОДНЫЙ НАЕМНЫЙ ТРУД В ВАВИЛОНИИ В VI-IV ВВ. ДО Н. Э.²⁵

Вавилонские документы VI-IV вв. до н. э. содержат ценную, а в ряде случаев и полную информацию о различных типах труда. Однако в настоящее время еще невозможно представить исчерпывающую картину всех этих типов, ибо они, за исключением рабского труда (см.: Dandamayev 1984), остаются малоизученными. Данная статья посвящена роли свободного труда и в то же время стремится дать в общих чертах целостную картину вавилонской экономики указанного времени.

Литература, посвященная этой проблеме, в основном состоит из работ историков клинописного права, где свободный наемный труд рассматривается прежде всего как проблема юридического характера контрактов о найме (Oppenheim 1936: 20-23; San Nicolò 1931: 242-244, 1950: 10 f.; NRV 182 f. 4; Petschow 1956: 28, 56, 111). Лишь один Мендельсон попытался дать общую оценку свободного труда в поздневавилонском обществе (см.: Mendelsohn 1940: 68-72; 1943: 25-29; 1949: 106, 115, 119 сл.). Однако в его работе использован лишь незначительный документальный материал. В настоящей статье сначала рассмотрены основные выводы историков права, которые изучали контракты о труде, а затем изучены и сами тексты.

Термин «свободный наемный труд» здесь применяется к тем членам свободного населения, которые работали наемниками в силу экономических причин. В правовом отношении они в отличие от рабов и других зависимых групп были полноправными членами общества. Иногда даже лица, имевшие одного и более рабов, могли оказаться среди наемников. Фактически социальное положение таких наемников не всегда было устойчивым, и иногда некоторые из них попадали даже в слой долговых рабов.

Количество нововавилонских контрактов о найме труда сравнительно невелико. Это можно объяснить тем, что такие сделки не всегда оформлялись письменно. По мнению Оппенгейма (1936: 20 f.), эти контракты заключались в письменном виде только при особых обстоятельствах. Документы содержат специальные правовые формулы, указывающие как на обязательства работников, так и на их права. Это следующие выражения: «перейти в распоряжение (нанимателя) за наемную плату»; «находиться на службе (у нанимателя)». Иногда один

²⁵ Перевод статьи «Free Hired Labor in Babylonia During the Sixth through Fourth Centuries B. C.» (Labor in the Ancient Near East (American Oriental Series). Vol. 68; ed. by M. A. Powell. New Haven, 1987. P. 271-279). При переводе в текст внесены некоторые сокращения.

и тот же документ содержит обе эти фразы. В одном тексте (Dag 158) говорится о «работе за свою наемную плату». В некоторых текстах (Nbn 299 и др.) используется обычное при сдаче в аренду имущества выражение: такой-то отдал наемного работника такому-то за его наемную плату.

Контракты о труде обычно заключались на период от одного месяца до одного года, но иногда и на несколько месяцев или даже на два года, при этом оговаривалась точная продолжительность рабочего периода. В текстах также отмечается, что в течение всего указанного периода наемник не имеет права оставить работу и искать другую. Если по каким-то причинам наемник вынужден был пропустить определенные дни, он должен был найти себе замену, уплачивая при этом соответствующую денежную сумму, а также снабжая работника необходимой пищей. Если наемник был рабом, его хозяин не имел права продать его или назначить на другое занятие до окончания оговоренного контрактом срока. Нарушители контракта обязаны были возместить нанесенный ими вред.

Для обозначения наемной платы как раба, так и свободного человека применяется слово *idu*. В тех случаях, когда внаем отдают раба или младших членов семьи свободного человека, часто используется также термин *mandattu*, которым обозначался эквивалент их труда или компенсация, уплачиваемая нанимателем.

Наемные работники обычно получали свою плату по окончании наемного труда, но нередко также в два срока: половину в начале и остальное в конце оговоренного срока. Иногда всю плату давали еще в самом начале найма. Как правило, оплата производилась серебром, но иногда также частично или полностью шерстью, ячменем и финиками. В документах отмечается, что либо плата была заранее согласована обеими сторонами, либо была такой же, как у других работников данной классификации. Кроме платы наемники получали также пищу в доме нанимателя, а иногда и одежду. Иногда месячную норму пищи выдавали работнику сразу, но нередко она составляла лишь часть всей платы, когда производился окончательный расчет.

Сумма наемной платы колебалась между 3 и 20 сиклями серебра в год, но иногда достигала 30 или более сиклей. Для сравнения можно отметить, что за сикль серебра можно было купить 1 кур (около 180 л) ячменя или фиников, которые стоили приблизительно одинаково. Лодочники и лица, занятые земляными работами, получали особенно высокую плату. Дневная плата взрослого работника независимо от того, был ли он свободным или рабом, составляла около 6 л ячменя в день, или 12 кур в год, а в денежном исчислении 12 сиклей. подростки получали около 6 сиклей серебра в год. Как правило, наемная плата в расчете на месяц составляла от 1 до 3 сиклей, а в редких случаях достигала и 8 сиклей.

Нововавилонские документы иллюстрируют следующие три типа найма: 1) родители отдают внаем своих детей или старшие братья младших; 2) работодатели отдают своих рабов, получая плату за них; 3) свободные лица нанимаются сами. В двух первых случаях формуляры документов не отличаются друг от друга. Ниже будут рассмотрены контракты о найме свободных людей (1-й и 2-й типы).

Наемный работник обозначается термином *arḡu*, а глагол «нанимать» — *arāgu* (АНw:16; CAD A/I:146 ff., 151 ff.). Остановимся сначала на отдаче подростков внаем. В Суг 278 отец отдает сына внаем одной женщине за 4 сикля серебра в год. В контракте оговаривается, что в аяру и ташириту (2-й и 7-й месяцы года) он должен работать в доме своего отца. По условиям VS V, 15, один подросток должен был работать на другое лицо в течение двух месяцев за 2 мины (около 1 кг) шерсти и около 90 л ячменя. В другом случае старший брат отдал младшего на месяц за полсикля (VS V 17). В обоих этих текстах отмечается, что нарушитель контракта должен уплатить 30 сиклей серебра. В нескольких документах говорится о найме девочек. В частности, родители отдают дочь внаем, но сумма ее платы в тексте разрушена, однако сохранилось указание, что наниматель должен был дать ей одежду (VS VI 92). Далее, отец отдает свою дочь внаем в качестве няни за сикль серебра в месяц с выдачей ей также питания. При этом половина платы выдается в момент заключения контракта (BE VIII 47). Согласно следующему документу, мать отдает дочь внаем на два года за 12 сиклей серебра в год, заранее получив всю плату. Контракт содержит оговорку, что в течение указанного срока дочь не может оставить работу (VS V 125; см. также: Nbn 843).

Следующие тексты содержат информацию о найме взрослых свободных людей. Владелец храмовой пребнды (*isqu*) нанимает другого человека для выполнения обязанностей, связанных с обслуживанием храма в течение месяца за полтора сикля серебра (ТМН 2/III 205 = BE VIII 8; см. также: BE VIII 36). В местности Кар-Нанайя близ Урука 5 человек нанялись к частному лицу, чтобы таскать воду за плату и пайки, установленные для данной категории работников. Если кто-нибудь из них пропустит хотя бы день, то он должен найти другое лицо для замены (YOS VI 4). Документ из Ура также свидетельствует о найме 9 человек для регулярной доставки воды. В частности, в качестве продовольствия они получили 54 л ячменя и 180 л фиников. Продолжительность наемного периода в тексте не указана (UET IV 51).

Некий Балассу нанялся, чтобы вспахать поле, и в качестве $\frac{2}{3}$ своей платы получил 60 л ячменя. Нарушитель контракта должен был уплатить 10 сиклей серебра. Продолжительность наемного периода не может быть установлена из-за плохой сохранности текста (VS VI 46). Документ времени Набонида позволяет прийти к заключению, что некий Мардук-эриба вместе со своим сыном и рабом были заняты сезонной наемной работой по уборке урожая ячменя (VS VI 82). Далее, взрослый работник получил сикль серебра в месяц, а подросток половину такой же суммы (UCP IX/I, 1 N 54). За месячную работу другому наемнику также был выдан сикль серебра (Camb 162).

Однако в ряде текстов месячная плата значительно выше. Например, некий Забаба-иддин за 4 месяца получил 10 сиклей серебра. При этом половина платы была выдана ему в самом начале наемного периода, а остальное предполагалось выдать за 10 дней до окончания найма (Nbn 210). Один лодочник нанимается, чтобы водить лодку в Вавилон за 8 сиклей в месяц и продовольствие (оно включало также растительное масло), и получает 10 сиклей уже при найме. Нанимателем был Мардук-нацир-апли, глава известного предпринимательского дома Эгиби (Dar 158). Другой лодочник нанимается к тому же предпринимателю за

30 сиклей, из которых 20 получает еще при заключении контракта (Dar 215). Согласно одному тексту, корабельщику, «который отправится с лодкой», было выдано 15 сиклей, а сопровождавшим его чегырем лодочникам — 30 сиклей (Nbn 913; см. также: Cug 55).

Некий Ардия нанимается сроком на 40 дней, чтобы откормить трех быков, предназначенных в дар (nāmurtu) царю. Тариф его составлял сикль серебра в месяц, и при этом такую сумму он получил уже при составлении контракта (AnOr IX 10).

Римут-Нинурта, член предпринимательского дома Мурашу в Ниппуре, заключил контракт с несколькими сельскохозяйственными работниками на доставку зерна в амбар (BE X 29). Другой документ свидетельствует о найме сторожей для охраны рыбных прудов, принадлежавших тому же дому Мурашу (PBS 2/1 112). От последнего некий Ах-иддин получает 100 кур (1 кур = 180 л) фиников, 100 пустых чанов и другие необходимые вещи, а также двух наемных работников, чтобы сварить 100 чанов «сладкого» пива (BE IX 43).

Наемник, занятый сооружением дамбы, получал два с половиной сикля серебра в месяц (VS VI 84). Два контракта из Ура фиксируют наем мальчиков, чтобы доставить подарки на прощальную церемонию с персидским царем, который собирался покинуть Вавилонию (UET IV 48 и 49). Третий документ оттуда же свидетельствует о найме сельскохозяйственного работника для обработки поля (UET IV 50). Другой предприниматель берет ссуду из 50 сиклей серебра, чтобы уплатить наемникам (GCC I 58; см. также: VS V 148 и VS VI 36).

Рассмотренные выше тексты относятся к использованию наемного труда в частновладельческих хозяйствах. У нас нет сведений о применении наемников в царских имениях в I-м тысячелетии до н. э. Как правило, земля, принадлежавшая лично царю, сдавалась в аренду. При этом надо отметить, что объем царской земли в указанный период не был велик. Ведущую роль в экономике играли частновладельческие и храмовые хозяйства. Обратимся теперь к использованию наемного труда храмами.

В храме Эанна в Уруке работали мельники, ювелиры и другие ремесленники, которые за свой труд получали, в частности, муку (UCP 9/I I, N 99: 2 ana agrūtu — «за наемную работу»). Десять наемников упоминаются в качестве строителей в храме Гула в Сиппаре (Nbn 804). В одном тексте отмечается выдача платы сорока пастухам за 7-месячную работу на храм Эанна — каждому по одному сиклю в месяц (TCL XII 110). В другом документе говорится об уплате более 16,5 мины серебра за 7436 рабочих дней в течение одного месяца, т. е. приблизительно 200 работников получили по 4 сикля каждый (VS VI 261).

Довольно большое число текстов (CT IV, N 14d; SAKF 140; GCC I 268, 270, 282, 284, 295, 317, 323, 369, 370, 376; Nbn 770, 1080; UCP 9/II 65) свидетельствует об уплате денег наемным работникам, копавшим и очищавшим каналы, которые принадлежали храму Эанна или находились в его ведении. Согласно одному из этих текстов, каждый из четырех работников выкопал по 110 локтей земли и получил 3,5 сикля серебра, а люди, копавшие другой канал, — по 4,5 сикля (GCC I 268). Тексты из архива храма Эбббара в Сиппаре также упоминают выдачу пицци наемникам, соорудившим каналы (Cug 187, 209).

Другие документы (GCC I 8, 280, 291, 306, 334, 352, 355, 393; NBD Mich 17; ср.: YOS VI 34) отмечают уплату денег и выдачу пайков (в частности, пива) наемным работникам Эанны, которые были заняты обжигом и глазуровкой кирпичей и их доставкой на строительные мостки. Корабельные мастера и лодочники также работали на Эанну в качестве наемников (GCC I 379; YOS VI 99; TCL XII 74; XIII 232). Другие работники буксировали лодки²⁶, охраняли храмовые имения (YOS VII, 154), трудились в «загонах для быков» (GCC I 255), готовили почву для посадки деревьев (GCC I 408) и собирали солому²⁷.

Два следующих примера дают наглядное представление о количестве наемных работников в хозяйствах храмов Эаббары в Сиппаре и Эанна в Уруке. 138 наемников, разделенных на группы по 15–18 человек, под надзором своих надсмотрщиков работали, убирая урожай в амбары Эаббары (VS VI 27). В другом тексте говорится, что каждый из двух бригадиров наемников по 100 человек получил деньги для распределения среди последних (GCC I 408).

Административная корреспонденция храмовых чиновников также содержит ценную информацию о наемном труде. В одном письме (YOS III 33) храмовый чиновник жалуется, что на нем лежит тяжелая ответственность, поскольку необходимо выкопать 4000 мер земли, а к моменту написания письма готовы только 200 мер. К тому же не хватает пайков для работников и все деньги уже выплачены наемникам. Далее отправитель письма просит послать в его распоряжение «100 наемных работников» с деньгами и пайками для них, а именно: 10 талантов (более 300 кг) шерсти, 10 сиклей серебра и 5 кур (900 л) муки. В заключение он настоятельно подчеркивает, что наемные работники нуждаются в пище, и добавляет, что в местности его пребывания 2 пана (около 72 л) ячменя стоят целый сикль серебра (т. е. в 2,5 раза больше нормальной цены).

В другом письме (YOS III 19) храмовый чиновник пишет управителю Эанны, что необходимо выкопать тысячу мер земли и работе нет конца, так как выделенная ему земля трудно поддается обработке. Все деньги и шерсть, которые были в его распоряжении, уже отданы наемным работникам, а они требуют 3 сикля серебра за каждую меру земли. Далее в письме говорится, что наемникам необходимо выплатить деньги, ибо среди них циркулируют «злые разговоры» против храмовых чиновников. Поэтому отправитель письма просит срочно прислать к нему кого-нибудь с 20 минами серебра и шерстью на 10 мин. Таким образом, общая сумма требуемой платы равнялась 30 минам серебра (около 15 кг), за которые при нормальных ценах можно было купить 1800 кур (около 324 000 л) ячменя или фиников! Из этого можно заключить, какая большая сумма требовалась для оплаты работникам, занятым на храмовой земле.

Одно письмо содержит просьбу прислать плату для 200 наемных работников, так как храмовые рабы копают только часть канала, а на остальную часть тре-

²⁶ GCC I 255: «наемные работники, которые буксировали лодки (из Урука) в Сиппар»; см. также: Nbn 913.

²⁷ GCC I 364; об использовании наемного труда в храмовых хозяйствах см. также: CT LVI 573–603, 795; CT LVII 79, 86; Cyr 10, 24; SAKF 144; GCC II 131, 160, 179, 235, 283, 312, 338, 358, 365, 377, 414; UCP 9/II 60; YOS VI 32, 109, 244; YOS VII 184.

буются наемники. Поэтому «пусть будут наняты работники!» (TCL IX 129; ср.: YOS III 17). Автор другого письма жалуется, что ни одного наемного работника не осталось с ним; все ушли, оставив работу, поскольку им надо было платить 6 сиклей в месяц. Один наемник, который был нанят на целый месяц, проработал всего 5 дней и бежал (YOS III 69). Другой надзиратель жалуется, что у него нет достаточного количества наемников и что один ткач бежал, а остальные 8 человек не справляются с объемом работы, и поэтому он нанял дополнительных людей (YOS III 58; см. также: YOS III 39, 71, 166).

Письма их храма Эбббара также показывают сходную ситуацию. Один документ содержит сообщение о том, что наемники собрались около храмового чиновника и требуют платы. Это требование необходимо выполнить, так как иначе работа остановится (СТ XXII 133). Отправитель другого письма докладывает своим коллегам в том же храме, что у него нет людей, чтобы установить забор, и просит прислать наемников, чтобы убрать урожай в амбары и построить забор (СТ XXII 196).

Из приведенных выше документальных свидетельств можно сделать следующие выводы. Ремесленники из сословия свободных в основном работали в своих мастерских и заключали контракты с заказчиками на изготовление различных предметов (ср.: San Nicolò 1931: 249). Они принимали заказы на производство мебели, сосудов, одежды и других вещей (см.: Dandamayev 1984: 279 сл.). По всей вероятности, часть таких ремесленников производила товары также для рынка. Относительно того, что это были свободные люди, не возникает никаких сомнений. Они работали добровольно, по контракту и за свою работу получали плату деньгами и продуктами питания.

Храмы располагали определенным количеством своих ремесленников, но их было совершенно недостаточно для удовлетворения нужд храмового хозяйства. Поэтому администрации приходилось в течение круглого года прибегать к труду свободных ремесленников. Документы свидетельствуют о найме храмами ювелиров, пивоваров, пекарей, дубильщиков, кузнецов, медников, плотников, ткачей, прачечников, гончаров и т. д. (см.: там же: 302–303). Храмы нередко обращались также к услугам ремесленников из других городов, очевидно потому, что не всегда легко было найти нужных работников в своей округе. Например, некоторые документы из архива Эбббары в Сиппаре фиксируют выдачу пищи «мастерам и ремесленникам, которые прибыли из Вавилона» (см. ссылки: там же: 302–303). Таким образом, рабский труд не играл решающей роли в ремесленном производстве и был не в состоянии заменить труд свободных людей, особенно в тех случаях, когда требовались квалифицированные мастера.

Информация о найме рабов довольно скудна. Это свидетельствует о том, что к их найму прибегали неохотно и редко. Плата за труд раба была такой же, как и за труд свободного наемника, но, в отличие от последнего, раб стремился избежать работы и не был заинтересован в ее качестве, потому что не он сам, а его хозяин получал плату. Кроме того, наниматель мог диктовать свои условия наемному работнику, когда последний оказывался в трудных экономических условиях. Поэтому было более выгодно нанимать свободных людей (см.: Mendelsohn 1943: 25 ff.). Свободные работали большей частью на сезонных сельскохозяйст-

венных видах труда и на сооружении каналов, а также выполняли различные домашние работы.

Документы практически не содержат никакой информации об использовании частновладельческих рабов в сельском хозяйстве, за исключением тех случаев, когда рабы упоминаются в качестве арендаторов. Можно было бы предполагать, что рабский труд широко использовался на земле крупных землевладельцев и храмов, а также в царских имениях и что такое применение не фиксировалось в документах, поскольку отношения между рабом и его господином не затрагивали интересов третьих лиц. Такое предположение, однако, приходится отвергнуть не столько потому, что оно не находит подтверждения в текстах рассматриваемого периода, а скорее из-за того, что оно находится в прямом противоречии с косвенными свидетельствами. Крупные землевладельцы предпочитали арендаторов из сословия свободных и отдавали им в аренду свою землю мелкими участками (см.: Mendelsohn 1949: 111 ff.). Это легко можно объяснить тем, что рабский труд требовал постоянного надзора и соответственно значительных расходов. В тех же случаях, когда крупные землевладельцы прибегали к услугам своих рабов, они обычно либо передавали им землю на условиях пекулия для самостоятельной обработки, либо же (и это происходило чаще) сдавали ее им на условиях аренды (Dandamayev 1984: 252 f.).

Правда, сравнительно много рабов трудилось на храмовых землях. Однако эти рабы не могли в должной мере удовлетворить хозяйственные потребности храмов, поскольку с их помощью обрабатывали лишь незначительную часть земли. Кроме того, храмовые рабы причиняли много забот своими частыми попытками бежать, нежеланием работать и необходимостью устанавливать над ними постоянный надзор. Например, рабы, которые пасли крупный рогатый скот и овец на храмовых имениях, нередко совершали побеги и угоняли при этом с собой скот. По этой причине храмовое управление стремилось по возможности прибегать к услугам пастухов из сословия свободных. Преимущество такого ведения хозяйства заключалось в том, что наемным пастухам необходимо было компенсировать весь ущерб, причиненный храму, из собственного имущества. Поэтому храмовой администрации приходилось пользоваться трудом свободных работников для обработки земли и доставки урожая, а также для ведения скотоводства. Зависимые земледельцы, которые назывались иккару, также работали на храмовых полях. Иногда таких земледельцев числом по несколько сот человек передавали крупным арендаторам вместе с посевным зерном, инвентарем, тягловым скотом и сдаваемой в аренду землей.

Таким образом, на крупных сельскохозяйственных имениях Вавилонии VI–IV вв. до н. э. рабский труд применялся только в ограниченных масштабах и не мог представлять значительной конкуренции труду свободных наемников.

Хотя процессы социальной стратификации имели место среди свободных, их обнищание и порабощение не приобрели широких масштабов. Очевидно, этот феномен можно объяснить сравнительно высоким уровнем жизни в Вавилонии и значительными возможностями для малоземельных людей трудиться в качестве наемных работников, арендовать чужую землю вместе с необходимыми орудиями производства и тягловым скотом или же поступить на государственную

службу, а также наняться к другим лицам. Именно по этим причинам свидетельств о долговом рабстве в рассматриваемый период очень мало, и это легко можно объяснить увеличением роли свободного наемного труда.

Храмам и частным лицам приходилось в широких масштабах прибегать к наемному труду как квалифицированных ремесленников, так и сельскохозяйственных работников, особенно для выполнения тяжелых видов работ. Более того, иногда трудно было найти их в достаточном количестве. В таких случаях их приходилось нанимать по очень высоким ставкам. В этом отношении типичными являются письма храмовых чиновников к своим начальникам с просьбой прислать деньги для наемников, ибо иначе они оставят работу. Характерно, что при этом надзиратели над рабами просят прислать также кандалы для рабов, которые совершают побеги. Этим объясняется бросающийся в глаза факт динамики труда: наемники были заинтересованы в своей работе, когда им вовремя выдавали плату. Что же касается рабов (особенно когда они выполняли трудные работы, такие как сооружение ирригационных каналов), они делали все возможное, чтобы увильнуть от труда.

Переписка храмовых чиновников красноречиво и убедительно свидетельствует о большой роли наемного труда в вавилонской экономике I-го тысячелетия до н. э. Партии наемников нередко состояли из нескольких сот людей. Они отказывались работать, когда им своевременно не выдавали плату и когда наблюдались перебои в снабжении пищей. Они не соглашались работать за низкую плату, а иногда даже угрожали расправой своим нанимателям. Из переписки храмовых чиновников видно, что те понимали необходимость удовлетворить требования наемников, ибо их невозможно было заменить храмовыми рабами (ср.: Mendelsohn 1949:106). Эти массы наемников в значительной степени состояли из обнищавших людей, которые были не в состоянии выкупить заложенные за долги участки земли, а также из мелких земледельцев. Характерно, что термин для обозначения наемного работника агри постепенно в ряде случаев стали употреблять как родовое имя профессиональных наемных работников (см.: AnOr VIII 4: 3; BIN I 101: 18; Camb 319: 4; Nbk 69: 13, 142: 13; TMH II/III 139: 6; VS III 25: 5 и др.: ср.: UET IV 95: 13, где один из свидетелей контракта обозначен как наемник).

ДРЕВНЕПЕРСИДСКОЕ *āmāta*- И ВАВИЛОНСКОЕ *mār-banī*²⁸

Термин *mār-banī* часто встречается в вавилонских документах I-го тысячелетия до н. э. Чикагский «Ассирийский словарь» (CAD M/I 1977: 256) предлагает для него следующие значения: 1) «свободный человек, гражданин»; 2) «благородный» («nobleman»); ср.: там же: 257: *mārbanūtu* — «статус свободного человека». Термин «благородный» отнесен составителями словаря только к контекстам

²⁸ Перевод статьи «The Old Persian *āmāta*- and the Babylonian *mār-banī*», опубликованной в кн.: Anreiter P., Ölberg H. M. (eds.) Wort-Text-Sprache und Kultur. Festschrift für Hans Schmeja zum 65. Geburtstag. Innsbruck, 1998. P. 17-21.

ахеменидских царских надписей. Такому переводу он обязан Бехистунской надписи Дария I. Начиная с 1851 г., когда Г. Раулинсон опубликовал вавилонскую версию этой надписи, ассириологи стали переводить *mār-banī* в этом тексте как «благородный», «аристократ», основываясь на этимологии самого слова (дословно «сын прекрасного») и на контексте, где оно употреблено (см. литературу: Koschaker 1911: 177, примеч. 9; см. также: Rössler 1938: 22; Eilers 1955: 232, примеч. 4; Voigtlander 1978: 59).

Āmāta-, древнеперсидский эквивалент вавилонского *mār banī*, является *haraḫ legomenon* и встречается лишь дважды в совершенно идентичном тексте Бехистунской надписи (см.: Schmitt 1911: 27, 77; строки 7, 11). Поскольку действительное значение этого слова не было известно иранистам и поскольку последние были убеждены, что значение его вавилонского эквивалента не вызывает сомнений, они стали искать подходящую этимологию этого персидского слова. А несколько десятилетий спустя составители Чикагского словаря предположили, что *mār-banī* Бехистунской надписи следует переводить иначе, чем в многочисленных синхронных административных, юридических и экономических документах из Вавилонии. Другими словами, по-видимому, уже было забыто, что перевод *āmāta-* как «благородный» был основан на его вавилонской этимологии, а не установлен независимо от других источников.

В вавилонской версии Бехистунской надписи относительно своего рода Дарий заявляет следующее: «Издrevле мы были *mār-banī* (мн. ч.). Издревле (люди) нашего рода были их (т. е. персов) царями» (см.: Voigtlander 1978: 54, § 3). Только в этом единственном случае указанное слово является эквивалентом др.-перс. *āmāta-*, а во всех контекстах оно употреблено для перевода др.-перс. *fratamā martiyā*, «самые первые люди», или *fratamā anušiuyā*, «первейшие последователи» (см.: Voigtlander 1978, строки 23, 61, 77, 83, 88, 89; Schmitt 1991, столбец I, строки 57–58; II: 77; III: 48–51, 74, 90). В Накши-рустамской надписи в *mār-banī* является эквивалентом др.-перс. *tunuvant-*, «могущественный» (см.: Herzfeld 1938: 330, строки 6 и 10).

Кент переводил *āmāta-* (или, как он читал, *āmātā-*) словом «благородный», однако этимология *ā+mā-* «простира́ться» (*extend*), предложенная им, далека от такого значения. Согласно Хинцу, указанное слово происходит от *ama-* «сильный», отсюда и «благородный» (см. также: Brandenstein; Mayrhofer 1964:102). По мнению Гершевича, его следует переводить «выдающийся» (Gershevitch 1969:177). То же самое слово засвидетельствовано и в эламских текстах из Персеполя в качестве собственного имени в форме *Am-mad-da* (см.: там же).

В эламской версии Бехистунской надписи *āmāta-* и его вавилонский эквивалент *mār-banī* в одном случае переведены *šalu* (Grillot-Susini et. al. 1993: 20, § 3), а в остальных случаях *mār-banī*, когда оно является переводом др.-перс. *fratamā*, передано как *hatarrimannu* (Hallock 1969: 694). В эламских документах из Персеполя, составленных в конце VI — первой половине V в. до н. э., слово *šalu* встречается часто. По мнению Халлока (с. 753), оно первоначально обозначало представителей «высшего социального класса». Но в одной из своих ранних работ он писал, что это слово имело широкий круг значений и в некоторых текстах обозначало не более чем просто «свободный человек» (Hallock 1950: 248;

ср.: Cameron 1960: 62, где оно переведено «*благородные...* или, может быть, лучше *свободные люди*»). Согласно Хинцу и Кох, *šalu* тоже обозначало «свободный», «благородный», «господин» (Hinz, Koch: 1128).

В эламских текстах из Персеполя *šalu* часто являются получателями пайков ячменем, пивом и т. д. во время их поездок по государственным делам. Как правило, это были чиновники низшего ранга и их дорожные пайки были скромными (см., например: Hallock 1969. Nos. 1341, 1346, 1369 и др.). Очевидно, это были свободные государственные чиновники, обозначенные словом *šalu* в отличие от *kurtaš*, которые являлись работниками царского хозяйства.

Что касается *hatarrimannu*, Халлок переводит его «передовой» (дословно «идуший первым», см.: *ibid.*: 694; ср. также: Grillot-Susini et al. 1993: 44, note 119). Но, по мнению Хинца, это мидийское слово **haθra-manya-*, «последователь» (Hinz 1973: 55).

В фрагментарной арамейской версии Бехистунской надписи *mār banī* переведено *ḥr'*. Ссылаясь на его вавилонский эквивалент, Гринфильд и Портен переводят это слово «благородный», основываясь скорее на контексте надписи и установившейся традиции. Согласно де Блуа, в сирийском и других поздних арамейских языках *ḥērā* значит «свободный по рождению» и «отпущенный на свободу», а также «благородный» (Blois 1985: 9). Он также ссылается на древнее юж.-арав. *ḥr*, означавшее «свободный» (*ibid.*: 10). Мимоходом можно также отметить, что в Коране это слово имеет значение «свободный», т. е. член свободного общества в противопоставлении рабу (ср. ниже).

Вавилонский переводчик Бехистунской надписи, по-видимому, чувствовал трудности в передаче различных оттенков др.-перс. *āmātā-*, *frātama-* *tunuvant-*, переводя все эти слова как *mār banī*. Однако в надписи Дария I Susa e (строка 43) *tunuvant-* переведено на аккадский как *kabtu*, «почтенный», «влиятельный» (Herzfeld 1938: 305). Когда Дарий заявляет, что его род представлял собой *āmātā-*, он, по всей вероятности, имел в виду, что он принадлежал к древней благородной и знаменитой семье. Стремясь понять структуру древневосточных обществ, ученые обычно пользуются европейскими социальными терминами. Однако, по-видимому, в ахеменидской Персии, как и в других древних обществах Древнего Ближнего Востока, не было никакого общего термина для выражения идеи о благородном происхождении. Например, слово «благородный» не засвидетельствовано даже в аккадском языке, обширный словарный запас которого накапливался в течение более чем двух тысяч лет. В древневосточных обществах люди, конечно, проводили различие между индивидуумами благородного и низкого происхождения, но они выражали это различие, указывая на принадлежность этих людей к различным социальным группам.

В заключение здесь можно упомянуть слово **āzāta-*, которое, в частности, засвидетельствовано в форме *ʾzt* в одном арамейском документе из Египта, составленном в 427 г. до н. э. По свидетельству этого текста, рабыню, на правой руке которой было клеймо с именем ее хозяина, предполагалось освободить вместе с ее дочерью после смерти хозяина, служившего в военном гарнизоне на Элефантине (см.: Kraeling 1953. N 5: 4). Относительно указанного термина было высказано мнение, что это мидийское слово для обозначения свободного или

знатного человека (Benveniste 1966: 26). Второе из этих определений вряд ли можно считать удовлетворительным по контексту, поскольку бывшего раба вряд ли могли относить к знатым людям. Ссылаясь на одну глоссу у Гезихия, де Блуа высказывает мнение, что слово *āzāta*- имело два различных оттенка, а именно «свободный» и «благородный» (Blois 1985: 5). Мне представляется, что этот термин вряд ли имел значение «благородный», но де Блуа, по-видимому, прав, полагая, что указанное древнеиранское слово обозначало «полноправного члена любой агнатической группы в противоположность рабу, который находился вне клановой системы» (ibid.: 7). Это слово имело приблизительно такое же значение, как *uzdan* в дагестанских горских языках, где оно обозначало свободных по рождению людей в отличие от рабов. В тех краях люди все еще и теперь помнят, что их предки принадлежали к сословию *uzdan*, и гордятся таким своим происхождением, хотя в Дагестане рабство было отменено еще полтора века тому назад. Однако это слово там никогда не обозначало «благородный», а также не было там какого-либо общего слова для обозначения такого понятия.

По мнению де Блуа, поскольку слово **āzāta*- в др.-перс. служило одновременно для понятий «свободный» и «благородный», вавилонский переводчик Бехистунской надписи мог употребить термин «свободный» для обозначения перса благородного происхождения (ibid.: 8). Однако вряд ли вавилонский переводчик вообще знал слово **āzāta*-, поскольку оно вообще не встречается в древнеперсидских версиях ахеменидских надписей.

Таким образом, Бехистунская надпись не содержит никакого указания на то, что *māg-baṇī* имело значение «благородный». Поэтому нет оснований переводить это слово иначе, чем в синхронных вавилонских документах, где оно употребляется для обозначения свободных людей, которые были гражданами вавилонских городов. Что же касается *āmāta*-, его точное значение и этимология остаются неизвестны нам.

IV

ЧАСТНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

ВАВИЛОНСКИЕ ТАМКАРЫ 1-го ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.¹

Деятельности тамкара в 3–2-м тысячелетиях до н. э. в Шумере, Вавилонии, Ассирии, Угарите и Канише посвящено довольно большое количество обстоятельных работ². Исследователи, занимавшиеся этой проблемой, приходят к следующим выводам.

¹ Настоящая статья является значительно сокращенной версией трех работ автора, которые содержат информацию вавилонских документов 2-го и 1-го тысячелетий до н. э. о торговых агентах (тамкар) в Месопотамии: «Роль тамкара в Вавилонии II и I тыс. до н. э.» (в сб.: Древний Восток. Города и торговля. Ерван, 1973. С. 65–77); «Die Rolle des tamkārūm in Babylonien im 2. und 1. Jahrtausend v. u. Z.» (Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orients 1: Beiträge zur Sozialen Struktur des Alten Vorderasien. Berlin. 1971. S. 69–78; текст этих двух публикаций в основном совпадает); «The Neo-Babylonian tamkārū» (Solving Riddles and Untying Knots. Biblical, Epigraphic, and Semitic Studies in Honor of J. Greenfield. Winona Lake, Indiana, 1995. P. 523–530). В двух первых статьях были рассмотрены документы, опубликованные до 1970 г., а третья статья содержит анализ текстов, ставших известными после указанного периода. Сокращения в первую очередь касаются транслитераций клинописных текстов, которые здесь полностью пропущены, но читатель может найти их в упоминаниях выше статей автора.

² Литература до 1950 г. учтена в кн.: Leemans 1950. Из более поздних работ см.: Гельцер 1964: 3–16; там же приводится и предшествующая литература: Vogaert 1966: 83–92, 127–129; Янковская 1968: 14 сл.

В Шумере при Лугальанде и Урукагине тамкар являлся государственным чиновником, в руках которого была сосредоточена внешняя торговля. При III династии Ура тамкар выполнял функции торгового агента храмов и правителей. Однако в этот период, наряду с выполнением своих официальных обязанностей, он стал заниматься и частной торговлей в собственных интересах, а также имел большие земельные владения (см.: Leemans 1950: 113). В начале 2-го тысячелетия тамкары постепенно превратились в самостоятельных профессиональных купцов. В Ларсе до захвата этого города Хаммурапи тамкары часто упоминаются в документах в качестве свидетелей при заключении различных деловых сделок. Кроме того, некоторые тамкары выступают как контрагенты, покупая и продавая дома, сады, луга, рабов и т. д. (*ibid.*: 53).

Но во время царствования Хаммурапи торговля снова была сосредоточена в руках государства и богатых купцов в этот период, по-видимому, уже не было (*ibid.*: 122). Тамкары вели торговлю по поручению дворца (т. е. царя), хотя продолжали заниматься и частной торговлей. Они либо являлись странствующими купцами, либо же торговали через своих агентов. Во главе тамкаров стояли специальные чиновники, которые носили титул *wakil tamkāgū*. Кроме того, в старовавилонский период деятельность тамкаров имела большое значение для развития кредита, так как они играли роль ростовщиков, и в некоторых статьях Законов Хаммурапи слово *tamkāgum*, по-видимому, значит просто «кредитор», хотя для обозначения кредитора как такового употреблялся термин *bēl hubullim* (*ibid.*: 15, 21, 125; ср.: Vogaert 1966: 127). Таким образом, в период правления Хаммурапи тамкар являлся: 1) странствующим купцом, 2) маклером, который продавал свои товары через агентов, 3) человеком, который финансировал торговые операции и, наконец, 4) ростовщиком, дававшим ссуду деньгами. Однако гермин *tamkāgum*, по-видимому, мог быть применен не только по отношению к профессиональному купцу или ростовщику, но также и по отношению ко всякому человеку, который давал ссуду деньгами (Leemans 1950: 36).

С середины 2-го тысячелетия до н. э. институт тамкаров известен и из касситской Вавилонии. В этот период они также находились на царской службе (*ibid.*: 122). В Угарите тамкары также составляли категорию царских служащих, которые были зависимы от дворца (Гельцер 1964: 6–14). Большой материал о деятельности тамкара дают и документы из Кюль-тепе в Малой Азии, где капишское объединение купцов было международной коммерческой организацией (Янковская 1968: 65, 90).

На Древнем Ближнем Востоке купцы никогда не составляли автономной замкнутой организации наподобие средневековых корпораций, состоявших из определенного количества членов, ставивших перед собой цель монополизировать ту или иную отрасль торговли (Leemans 1950: 68; Cardascia 1955: 57).

Что же касается роли тамкара в Вавилонии 1-го тысячелетия, вопрос этот оставался неисследованным. В упомянутой выше книге Лееманса, посвященной главным образом деятельности тамкара в старовавилонский период, привлекается материал и из других эпох, за исключением нововавилонской. Кроме того, по словам автора, ему не известны упоминания о тамкаре в текстах, происходящих из самого города Вавилона (с. 109). В цитированной выше книге Богерта

содержится утверждение, что даже само слово tamkāgum исчезает из нововавилонских текстов (с. 128). Однако тем не менее оно встречается приблизительно в 50 опубликованных текстах 1-го тыс. до н. э.

Перейдем к рассмотрению этих текстов и попытаемся определить, какие изменения произошли в функциях тамкаров по сравнению с предшествовавшими периодами.

ТМН 2/III 251: «[...] 54 мины [...] квасцов Зер-Бабили получил из рук тамкара Мура. 20-й день месяца нисана. Из них 18 корзин (квасцов) [...] (за?) 3 ¼ мины сиклей серебра [...], 4 корзины из них...»

Nbn 612. «68 кур фиников, дар царя, проданы со склада за 2 мины серебра тамкару по имени Набу-уцуршу, сыну Набу-бан-зери. Из них 1 мина за 6 кур сезама отданы жителю (города) Ларсы Никуду. Из них 5 кур сезама из рук Мурану, сына Римута, и Бел-кацира [...] отданы. 1 кур сезама [...] остаток. 1 мина за квасцы. 24-й день месяца ду'uzu 12 года Набонида, царя Вавилона (544 г. до н. э.). 1 пан 4 сут фиников на пиво за месяц абу получил плотник Нуску-ле'у, два раза больше (?) дано выжимальщику (масла) Мукинну, 1 сикль (получили) Мушаллим-Мардук (и) Бел-убаллит».

Nbn 887. «1 мину серебра за 70 кур фиников получил торговец финиками Буру-зер-иддин. 3-й день ташриту 15 года Набонида, царя Вавилона» (541 г. до н. э.).

Dar 141. «1 мина и 2 ½ сикля серебра отдано торговцу (тамкару) овцами Хабациру в качестве цены его волов и овец» (518 г.). Далее, 2 кур 2 пан (около 360 л) ячменя было уплачено за 4 овцы другому «торговцу овцами» (NRV 832)³. Судя по содержанию письма, отправленного чиновником храма Эбббара своему начальнику, храмовые пастухи, по-видимому, тайно продали овец купцам (тамкар), и затем и пастухи, и купцы были задержаны в городе Описе и доставлены в Сиппар для следствия (СТ XXII 3).

Как видно из YOS VII 151 (Урук, 527 г.), один тамкар занимался торговлей рыбой, а по свидетельству другого текста (Dar 19), и продажей смоквы. Далее, люди этой профессии были причастны и к работоторговле (например, в TCL XII 32 говорится о выдаче 4 мин серебра для приобретения рабов: строки 37–38: «купи из рук тамкара и отправь мне рабов»).

Значительный интерес представляет GCCI II 39 (606 г.), в котором говорится о приобретении храмом Эанна в Уруке различного количества золота у ряда лиц, в том числе 6 мин у одного тамкара, исходя из расчета 1 талант 1 мина 3 сикля серебра за 4 ½ мины 5 сиклей золота, т. е. приблизительно по курсу 13,6 сикля серебра за 1 сикль золота. Nbk 127 — документ из Урука, составленный в Вавилоне в 584 г., в котором говорится, что 10 ¼ сикля «серебра царя» было уплачено «царскому купцу» Ина-эше-этиру, сыну Надина, за золото, огданное этим тамкаром в ссуду третьему лицу на определенный срок под залог имущества должника. Следующий текст также происходит из архива Эанны, но был составлен в Вавилоне в 560 г. В нем отмечается, что храм должен отдать 80 талантов (2,6 т) шерсти Либлуту и Уппайя, «царскому купцу» (титул, по-видимому, отно-

³ Таким образом, в данном случае одна овца стоила 90 л ячменя

сится только к последнему из них). Храмовые чиновники (управитель, счетовод и др.) поручились друг за друга в том, что шерсть будет доставлена указанным лицам к определенному времени (Sack 1977: 286). Другой тамкар продал тому же храму 12 кур ячменя за 12 сиклей серебра (Joannès 1982: 246 ff. N 60).

По свидетельству UET IV 104, одна женщина получила ссуду ячменем и растительным маслом на полгода, отдав в залог своего сына. Она обязалась погасить ссуду «в Уре, в амбаре мерой тамкара»⁴. Как видно из Nbn 17, составленного в предместье Вавилона Шахрину в 556 г., некий Набу-куцаранни купил 1800 пучков чеснока по цене 660 пучков за одну мину серебра. Покупатель должен был уплатить цену чеснока двум кредиторам, один из которых был его собственным братом, а другой — царским купцом (тамкар)⁵.

Еще один царский купец выступает в NRV 400 (568 г.), согласно которому он сдает свое поле в аренду. Однако арендатор обязался рассчитаться не натурой, а деньгами по курсу рыночных цен на финики в месяце ташриту. Далее, в окрестностях Урука в 528 г. было сдано в аренду поле, принадлежавшее двум «главным купцам (tamkāgū rabūti) за 60 кур фиников» (GCC I 407:1–2). Согласно другому документу, арендатор должен был уплатить владельцу поля арендную плату ячменем «мерой тамкара»⁶. По-видимому, последний и был владельцем поля. В Nbn 464 упоминаются 4 сикля серебра, предназначенные для «хлеба — продовольствия “купцов царя”, а также 2 сикля для «начальника купцов (rab tamkāgū) (царя)»». Судя по этому лишь частично сохранившемуся тексту, где говорится о строительных работах, за службу на царя тамкары в ряде случаев получали продовольствие⁷. О служебном положении некоторых тамкаров свидетельствует и NRV 885, где в перечне государственных чиновников упоминаются, в частности, «купец царя» и «купец наместника» (šaknu) (см. также: UCP IX/2 57:16). Судя по UET IV 184 (около 626 г.), тамкары могли владеть и служебным наделом.

В ряде текстов из архива Эбаббары в Сиппаре упоминается царский тамкар Син-ах-иддин, сын Инитая, деятельность которого относится ко времени Навуходоносора II и Набонида. В одном из этих текстов отмечается, что он совместно с неким Набу-зер-укином купил у упомянутого храма 20 мин шерсти (130 кг) за одну мину серебра (CT LV 763). В другом документе фиксируется выдача ячменя (количество частично разрушено) для предпринимательской деятельности этого тамкара. Кредитором выступает частное лицо, а получателем ссуды один из участников в предпринимательской деятельности Син-ах-иддина (CT LV 173). В третьем документе он совместно с еще одним лицом (Шамаш-икиша,

⁴ Ср. также сильно разрушенный документ о расходах храма Эбаббара в Сиппаре Nbn 749, где так же говорится о приобретении овец у тамкара.

⁵ Строки 4–5: ina KÁ ka-lak-ku ina (iṣ) ma-ši-hu šá LÚ DAM. GAR.

⁶ LÚ DAM.LUGAL вместо обычного написания LÚ DAM.GAR I UGAL. Ср. слоговое написание LÚ tam-ká-ar LUGAL в NRV 400.

⁷ UET IV 46 (Ур, 380 г.), строки 8–9: «mandattu... ina mašihu ša tamkāgū». В сильно разрушенном TМН 2/III 266 (402 г.) говорится о выплате тамкару цены за недвижимость. Ср. также документ из архива Мурашу, написанный близ Ниппура в 423 г., в котором упоминаются «зерновые поля артели (haṭru) тамкаров» (BE X 54: 4).

сын Шамаш-ах-иддина) выступает кредитором 5 кур (900 л) ячменя. Их должниками были два человека (мужчина и женщина), которые поручились в платежеспособности друг за друга (СТ LV 96). Тексты эти относятся ко времени между 569–544 гг. Царским тамкаром он назван только в двух последних текстах, а в 569 г., по-видимому, не носил еще такого титула. Син-ах-иддин (без отчества) упомянут и в VS VI 287 (текст не датирован), где совместно с другим лицом уплатил своему контрагенту 145 кур фиников (эквивалент 2 мин 25 сиклей серебра) за 75 баранов. Место составления расписки не указано, но, по всей вероятности, здесь имеется в виду интересующее нас лицо. Упомянутый выше Шамаш-икиша, один из товарищей по торговле этого тамкара, известен и из других синхронных документов из Сиппара. Например, он неоднократно продавал храму волов для жертвоприношений и других целей (СТ LV 68, 692, 699; Dar 186), а также овец (СТ LVII 118; Nbn 249). В одном случае он выдает денежную ссуду под 20% годовых и залог раба вместе с его женой (СТ LV 99). Попутно можно отметить, что Эбббара приобретала скот и у других тамкаров (СТ LV 483, 608 и др.). Значительный интерес представляет СТ LV 823, по свидетельству которого «главный тамкар»⁸ передал кусок полотна для одсжды бога Шамаша храмовому портному (СТ LV 823). Другой документ из того же архива фиксирует выдачу различных денежных сумм для приобретения одежды, предназначенной «лучникам, которые находятся в распоряжении тамкара» (СТ LVI 551). Очевидно, эти лучники должны были сопровождать торговца (или торговцев), которые были направлены храмовым управлением для приобретения или продажи каких-то товаров. Наконец, СТ LVII 23 представляет обстоятельный отчет о храмовых расходах, куда также включены 12 сиклей серебра, выплаченных одному тамкару.

Среди эламских табличек сокровищницы Персеполя сохранился документ, написанный на аккадском языке и фиксирующий уплату государственных податей четырьмя лицами в 19/20 финансовом году Дария I (502 г. до н. э.). Внесенное этими лицами серебро было оценено по чистоте и весу, и после такой оценки был произведен окончательный подсчет и установлено, какую сумму еще необходимо внести указанным налогоплательщикам исходя из того, что налоги должны были уплачиваться серебром определенного стандарта. Среди этих налогоплательщиков упомянута и женщина по имени Индукка, «мать Туту, старшины купцов»⁹. Издатель текстов персепольской сокровищницы Кэмерон полагает, что этот документ был составлен не в Иране, а, скорее всего, в каком-нибудь вавилонском городе (РТТ: 201).

Сохранился также документ времени Камбиза, написанный в 523 г., где говорится, что некие Разамарма, сын Разамумарга, и Аспуметан, сын Аспутатика, продали своих рабынь Кардару и Патизу некоему Иддин-апле, который жил в арендованном доме. По этому делу, по-видимому, производилось следствие, в ходе которого «старшина купцов» Артаруш заявил, что покупатель рабынь

⁸ Ср. более ранний текст, датированный 8-м годом правления Навуходоносора I (1138 г.). BRM I 1–2, по свидетельству которого тамкар наряду с другими лицами получил зерно из храма.

⁹ Строка 2: LÚ GAL DAM.GAR.

«половину серебра принес». Документ был составлен в присутствии трех писцов (один из них был писцом сокровищницы) и эламита по имени Нириабигна. К купчей приложена печать Артаруша. Как видно из этого текста, два иранца продали двух рабынь, которые, судя по их именам, также были иранского происхождения, одному вавилонянину. Когда позднее возникла тяжба по этому делу, старшина купцов иранец Артаруш подтвердил, что продавцы действительно получили половину покупной цены рабынь. По всей вероятности, сделка была совершена на территории Ирана (скорее всего, в его эламской части), куда вавилоняне, как это видно из других текстов, ездили по торговым делам.

В ряде текстов тамкары выступают при решении и других спорных дел. Например, в 540 г. в Сиппаре 2 человека заявили перед поименно упомянутыми лицами, среди которых назван и тамкар, что некий Нидинту является храмовым рабом (Nbn 958). Далее перед несколькими полноправными свободными (*mārbanū*), включая царского купца (*tamkār šarri*), был установлен срок погашения долгового обязательства (NRV 709). Другой царский купец выступает в качестве свидетеля в долговом документе, составленном в Описе в 558 г. (CIWA V, pl. 67, N 3:11). Упомянутый выше в Nbk 127 царский купец Инна-эше-этир, сын Надина, через 17 лет выступает наряду с другими лицами свидетелем в документе Nbk 334 (Вавилон, 567 г.), фиксирующем дарение имущества, хотя на этот раз он и не назван тамкаром. Большой интерес представляет тот факт, что старшина купцов (*rab tamkāū*), который являлся высокопоставленным царским чиновником при Навуходоносоре II, судя по его имени *Naūnu* (Hanno), по своему происхождению был финикийцем (Unger 1970: 290; Oppenheim 1964: 94).

Рассмотренные документы происходят из архивов Вавилона, Сиппара, Ниппура, Ура, Урука, Описа и некоторых других городов и датируются временем царствования Набопаласара, Навуходоносора II, Набонида, Камбиза, Дария I и Артаксеркса II (VII–IV вв. до н. э.).

В документах упоминаются не просто тамкары, но также тамкары царя и областеначальника, «артели» тамкаров, «главные тамкары», старшины и начальники тамкаров, купцы, торговавшие финиками и скотом, что свидетельствует о специализации торговли в Вавилонии VII–IV вв. и о том, что по крайней мере часть купцов была объединена в определенные корпорации.

Некоторые тамкары занимались и международной торговлей, в частности вывозом квасцов из Египта и продажей их в Вавилонии, где они употреблялись для отбелки шерсти и одежды, а также для производства стекла и медицинских целей. Внутри страны тамкары занимались работоторговлей, куплей-продажей скота, фиников, ячменя, рыбы, золота и т. д. Кроме того, они были ростовщиками и ссужали деньги, ячмень, финики, растительное масло и т. д. за проценты и под залог детей должников (это происходило редко) и имущества. Далее, некоторые тамкары были крупными землевладельцами и сдавали свои земли в аренду. В таких случаях оплата аренды, как и погашение ссуды, обычно производилась мерой тамкара. Наконец, они выступали свидетелями при заключении различных сделок.

Царские тамкары занимались продажей товаров, принадлежавших царю (в частности, золота) и приобретением необходимых дворцу предметов, а также

ростовщицеством в интересах царя. Иногда тамкары царя, как и другие государственные чиновники, за свою службу получали продовольствие. По-видимому, аналогичным было положение и тамкаров областеначальников. Титул «тамкар царя» не встречается в документах ахеменидского времени. Но, судя по текстам V в. до н. э. из Ниппура, в ряде случаев тамкары были объединены в отдельные корпорации, во главе которых стояли начальники, назначенные царской администрацией. Точные функции таких тамкаров в текстах не указаны. Вероятно, они были заняты торговлей в качестве царских служащих. Они получали из государственного земельного фонда «наделы лука» и поэтому должны были нести службу на царя или же откупаться деньгами.

На первый взгляд может показаться, что в нововавилонское и ахеменидское время в положении тамкара не произошло сколько-нибудь значительных изменений по сравнению с предшествующим тысячелетием. Однако на роль купца в вавилонском обществе рассматриваемого времени значительное влияние оказали большие изменения в экономической жизни страны, происшедшие к нововавилонскому периоду. Теперь торговлей могли заниматься не только профессиональные купцы и их агенты, но также и любые частные лица. Это особенно относится к внутренней торговле в Вавилонии, о которой мы располагаем весьма обильной информацией. Оживленной стала торговля и между различными частями страны, которая главным образом осуществлялась по рекам на лодках.

Для экономики Вавилонии VII–V вв. было характерно значительное влияние крупных предпринимательских фирм, которые владели большими земельными массивами, десятками (а иногда и сотнями) рабов и домами, расположенными в разных городах. Одну из таких фирм составлял дом Эгиби, который функционировал еще до персидского завоевания и продолжал свою деятельность в ахеменидское время, продавая, покупая и обменивая дома, поля, рабов и т. д. Наряду с этим Эгиби занимались и банковскими операциями (кредитование, прием вкладов на хранение и уплата векселей, погашение долговых обязательств своих клиентов, организация и финансирование коммерческих предприятий — см.: Vogaert 1966: 105–108).

Дом Эгиби играл большую роль не только во внутренней, но и во внешней торговле¹⁰, особенно в ахеменидское время, когда на всем Востоке наступило сравнительно спокойное время, торговые пути стали безопасными, деньги получили широкое распространение и оживленные контакты между различными регионами империи стали регулярными. Особенно оживленной стала торговля Вавилонии с Египтом, Сирией, Эламом и Малой Азией, где вавилонские купцы приобретали железо, медь, олово, золото, серебро, строительный лес, полудрагоценные камни, вино, фрукты и т. д.¹¹ Вавилония наряду с Египтом являлась

¹⁰ Ср.: там же: 128–129. Например, Dag 154 и 575 свидетельствуют о торговле агентов Эгиби на территории Элама. Ср. также: Суг 60 и 227, из которых можно сделать вывод о том, что сфера торговой деятельности Эгиби распространялась и на Мидию.

¹¹ Среди работ о международной торговле в этот период особенно важна статья: Oppenheim 1969: 236–254.

поставщиком хлеба в страны Ахеменидской державы, во всяком случае в Элам (см., например: *Dag* 442). Кроме того, вавилонские города являлись крупными центрами по изготовлению шерстяной одежды, которая пользовалась большим спросом в Эламе¹².

Что же касается дома Мурашу, который функционировал в Ниппуре во второй половине V в. до н. э., то он не играл значительной роли в международной торговле, а занимался ростовщическими и торговыми операциями в Южной и Центральной Месопотамии. Представители этой фирмы продавали поступавшие к ним продукты земледелия (финики, ячмень и др.) внутри страны (*Cardascia* 1951: 195–198). Ни Мурашу, ни их предшественники Эгиби ни разу в документах не названы тамкарами, очевидно, именно потому, что их деятельность не ограничивалась торговлей, а была разносторонней.

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА И ЦЕНЫ В ВАВИЛОНИИ В VI-V ВВ. ДО Н. Э.¹³

Вавилонские тексты содержат обильную информацию о заработках и ценах. Однако вся эта информация не может быть рассмотрена здесь, и целью этой статьи является лишь определение общих тенденций в колебаниях заработной платы и цен в рассматриваемый здесь период¹⁴. Контракты на работу заключались обычно на период от месяца до года. Однако лишь часть таких контрактов указывают продолжительность найма. В некоторых текстах отмечается, что работники будут получать вознаграждение, установившееся для лиц данной квалификации (см., например: *YOS* VI 4). Плата производилась в конце наемного периода, или же половину ее выдавали при составлении контракта, а остальную часть после окончания работы. Иногда всю плату выдавали авансом (например, *VS* V 125). Обычно платили серебром, а иногда частично или полностью шерстью, ячменем и финиками (*VS* V 15 и др.). Кроме того, наемники получали в дополнение к своей плате также пищу, а иногда и одежду (*BE* VIII 47; *VS* VI 92 и др.).

Обратимся теперь к документам. Молодая женщина в 551 г. работала кормилицей за 1 сикль в месяц (*BE* VIII 47). В 498 г. другая женщина была нанята для той же цели за 12 сиклей в год (*VS* V 125). Один мальчик был нанят для работы за 4 сикля в год (*Суг* 278). Подросток служил в 561 г. за полсикля в месяц (*VS* V 17). В 574 г. взрослый наемник получил сикль серебра в месяц, а подросток — полсикля (*UCP* IX 54). Другой человек в 552 г. был нанят на 40 дней, чтобы откормить быков, предназначенных в дар царю. Ему предполагалось выплатить

¹² См.: *Dag* 569: 2–3 о посылке кораблей, нагруженных одеждой, в Элам. См. также: Юсифов 1963: 221: 206, где приведены документы, в которых вавилоняне выступают поставщиками одежды для царского склада в Сузах.

¹³ Перевод статьи (с некоторыми изменениями и добавлением нового материала) «Wages and Prices in Babylonia in the 6th and 5th Centuries B. C.» (*AoF* 15 (1988). P. 53–58).

¹⁴ Издан первый том капитального труда моего ученика Петера Вардьяша, посвященного ценам в Вавилонии I-го тысячелетия до н. э.: Vargyas 2001. Эта работа содержит обстоятельную информацию о ценах в Вавилонии в I-м тысячелетии до н. э.

вознаграждение по тарифу сикль серебра в месяц (AnOr IX 10). Человек, нанятый для сооружения дамбы в 444 г., получал в месяц 2,5 сикля (VS VI 84). Другой наемник, занятый сооружением канала, в 480 г. в течение месяца получил 9 сиклей (TEBR 89). В 551 г. один человек нанялся на 4 месяца за 10 сиклей (Nbn 210). В 472 г. один человек был нанят за 2 сикля в месяц (OECT X 179). В 517 г. лодочник, который водил судно в Вавилон, за месяц получал 8 сиклей серебра (Dag 158). В 516 г. другой лодочник нанялся на целый год за 30 сиклей серебра в год (Dag 215; о лодочниках см. также: CT LVII 79, 86).

Большое количество документов фиксирует уплату денег наемным работникам, которые были заняты сооружением и очисткой ирригационных каналов, принадлежавших храмам Эанна и Эаббары в Уруке и Сиппаре¹⁵. Отправитель одного письма административного характера из архива Эанны жалуется, что приходится платить слишком высокую плату наемным работникам, а именно 6 сиклей в месяц (YOS III 69).

Свободные наемники большей частью выполняли сезонные сельскохозяйственные работы, а также сооружали каналы и выполняли различные домашние работы. Храмам и частным лицам приходилось пользоваться трудом наемников в широких масштабах часто в течение круглого года.

Рабовладельцы часто отдавали своих рабов внаем, и при этом плата за услуги последних была такой же, какую получали свободные люди за такую же работу (Dandamayev 1984:113 ff.). Но эти деньги, разумеется, выдавались хозяевам рабов, а не им самим. Размер платы наемника колебался между 3 и 12 сиклями в год, но в некоторых случаях был и выше. Заработная плата взрослого наемника в среднем равнялась 12 сиклям в год, или 6 л ячменя или фиников в день. Лодочники и люди, занятые земляными работами, получали особенно высокую плату. Подросткам выдавали около 6 сиклей в год.

В халдейский период взрослый раб стоил в среднем от 50 до 60 сиклей, а рабыня несколько ниже. При Ахеменидах цены постепенно повышались и увеличились в полтора раза по сравнению с предшествующим временем (ibid.: 186 ff.).

Цены на продукты питания находились на следующем уровне. При халдейских царях 1 кур (180 л) ячменя обычно стоил около сикля (8,4 г) серебра (AnOr VIII 19; YOS VI 133; ср. также: AnOr VIII 12; GCCI I 379; GCCI II 264). Однако временами наблюдаются значительные колебания в ценах на ячмень. Так, 38 ²/₃ сикля было уплачено за 5472 л, т. е. около 142 л стоили сикль (TCL XII 53), или 1 сикль был уплачен за 198 л (Nbn 279), за 1 мину 12,5 сикля было куплено 20 кур (т. е. 50 л стоили 1 сикль) (Nbn 936; см. также: BIN I 143; BRM I 49; GCCC II 264; Nbn 642; YOS III 33, 81 и др.). Когда денежный долг не погашался своевременно, после уборки урожая его необходимо было уплатить по пропорции 2 кур (360 л) за сикль (GCCC II 344 и др., ср.: NRV: 291). Во время долгой осады города Ниппура вавилонской армией в 616 г. 6 л ячменя стоили 1 сикль (Oppenheim 1955: 69 ff.).

¹⁵ См. ссылки на тексты: Dandamayev 1984: 301–303. Из более поздних изданий текстов см.: CT LVI 573–603; YOS XVII 241, 243.

В течение ахеменидского периода цены на ячмень постепенно удвоились, и 1 кур стоил 2, иногда даже колебался между 3 и 5 сиклями (BE VIII 158; СТ XXII 157; Суг 160 и др.). Весьма высокую цену на ячмень (5 сиклей за 108 л) в документе Суг 33 можно объяснить тем, что это зерно было предназначено для жертвоприношений в храме Эбббара. По свидетельству документов из архива Мурашу, во второй половине V в. средняя залоговая цена на ячмень составляла 1 мину за 15 кур (ср.: Cardascia 1951: 4–5), т. е. 1 сикль за 45 л.

Разумеется, цены на ячмень, как и на другие сельскохозяйственные продукты, зависели от его качества и сезона года. Были также колебания цен в зависимости от местности. Например, в некоторых документах содержится указание на то, что в течение ряда месяцев цены будут в соответствии с тарифами в Вавилоне (Nbk 176; Суг 60 и др.) и даже с тарифами в его пригороде Шахрину или в сельской местности (AfO 15 (1945–1951): 42, N 8).

Эммер был значительно дороже, чем ячмень. Например, 675 л этого продукта стоили 2,5 сикля, т. е. за 1 сикль можно было купить 270 л (GCC I 362). В одном случае 22 кур эммера были эквивалентом 3 кур пшеницы (Nbn 656), т. е. пшеница стоила в 7,333 раза дороже эммера. Цена муки хорошего качества была довольно высокой: между 12 и 15 сиклями за 5 кур (Nbn 551; VS XX 49).

Цена на финики обычно была такой же, как на ячмень, т. е. 1 кур стоил 1 сикль (Nbn 753, 905, 919 и др.). Согласно одному документу, 100 кур ячменя были обменены на такое же количество фиников (TCL XII 68). Однако нередко финики были дешевле ячменя. Например, следующие цены на финики засвидетельствованы в VI в.: 30 сиклей за 62 кур, т. е. 372 л за 1 сикль (Nbk 382); 2 мины за 140 кур, т. е. 210 л за сикль (Nbn 452; см. также: BE VIII 39; СТ XXII 173; Nbn 3, 382, 384, 430, 917; TCL XII 74 и др.). В письме, отправленном из какой-то местности в Урук, говорится, что там, откуда послано это письмо, ячмень был дороже фиников, а именно 1 кур 60 ка (240 л) фиников были эквивалентом 1 кур ячменя¹⁶. В 458 г. человек, который срубил финиковую пальму, должен был уплатить компенсацию в 1 мину серебра (TCL XII 89).

В начале персидского периода цены оставались на том же уровне, как и прежде (см.: Суг 35, 180, 331 и др.). Однако цены на финики постепенно поднимались и через полвека, в начале V в., уже повысились два раза. Во второй половине того же столетия мина серебра стала эквивалентом 20 или даже 40 кур фиников¹⁷.

1 кур сезама стоил в среднем 7,5–9 сиклей (Nbk 287; Nbn 748; см. также: Camb 404; GCC I 21, 393, 329, 349; TCL XIII 227), 1 талант (30 кг) соли — 1 сикль (Nbk 447). Чеснок продавался не по весу, а в связках, поэтому трудно определить его цену. Например, 1300 связок были куплены за 2 мины (Nbn 130). 30 л «белого» меда стоил 7 сиклей (Nbn 428). Трудно установить также цену пива, которое варили из ячменя или фиников и продавали в чанах. На-

¹⁶ YOS III 81. Ср.: YOS III 79, где говорится, что в Уруке 1 пан (36 л) фиников стоит 1 сикль, в то время как в местности, откуда это письмо послано, 2 пан ячменя или фиников стоят 1 сикль.

¹⁷ Ср.: Cardascia 1951: 4–5; ср. также: BE VIII 138, согласно которому 5 кур фиников были проданы за 2 мины, т. е. 75 л стоили 1 сикль.

пример, 5 чанов стоили 2,5 сикля и 50 чанов — 1 мину (Nbn 173; Cug 331 и др.). Виноградное вино было главным образом импортным, из Сирии, и продавалось в кувшинах, вместимость которых нам неизвестна. Например, 30 кувшинов стоили 6 сиклей (Nbn 279; см. также: Nbn 1013; NRV 856, 862, 900; YOS VI 58 и др.). Судя по документу 485 г., 2 кувшина, содержащие 3 л вина, были проданы за 32,5 сикля, т. е. по 10 сиклей за литр, что является чрезвычайно высокой ценой (AfO XIX [1959–1960]: 79, N 33). За 2 таланта (60 кг) шерсти было уплачено 30 сиклей серебра (GCC I 389), или 1 талант 40 мин шерсти составляли эквивалент 20 кур ячменя (TCL XII 102). 34 таланта 41 мина козлиной шерсти стоили 1 мину 54 сикля серебра (TCL XIII 224). Однако к середине V в. цена шерсти увеличилась в два раза (ROMCT II 48 и др.). Пурпурная шерсть была намного дороже (BIN I 4; Camb 404; CT LV 360; Dar 139; Nbn 428, 558, 1101).

10 и 24 барана были проданы соответственно за 1 и 2 сикля (GCC I 285, 310; о ценах на различные виды шкур см. также: AnOr VIII 35; CT LVII 255; Nbn 661, 1000, 1034 и др.). За 5 мин материала из полотна был уплачен сикль серебра (Nbk 291). В халдейское время цены на одежды варьировались между 1 и несколькими сиклями (CT LV 789; GCC I 114, 290 и др.) и 4 куска ткани стандартного размера стоили 5 сиклей (YOS VI 91). В ахеменидский период платье стоило от 2 до 7 сиклей (Cug 258, 313; Camb 27, 254, 340). Телогрейка стоила около 8 сиклей (NRV 254), туника — от 2 и 3 сиклей (GCC I 299; Nbn 661; NRV 154, 823), нижняя одежда — от 1 до 5 сиклей (NRV 269; ROMCT II 50), 5 пар обуви были проданы за сикль серебра (Nbd 566; см. также NRV 863).

Цены на быка, вола и корову колебались между 7 и 37 сиклями в зависимости от возраста и упитанности (BIN I 144; CT LV 677, 678, 681, 688; Dar 282; GCC I 277, 320, 363; GCC II 2, 96, 98. и др.). Волон и коров часто отдавали внаем приблизительно за 10 сиклей в год. Баран стоил от половины до трех сиклей, а обычно 2 сикля (BIN I 25, 174; CT LVII 255; Cug 75; GCC I 65, 192, 272, 330 и др.). В 524 г. 50 сиклей было уплачено за двух баранов (NRV 99). Этот единичный пример можно объяснить тем фактом, что они были предназначены для жертвоприношений богам и их надо было откормить особенно гцательно (ср.: Cug 273, где цена четырех ягнят составляет 2 мины). В 497 г. 5 овец были оценены за 20,5 сикля (CT LV 608). В 406 г. цена 200 голов овец составила 15 мин, т. е. по 4,5 сиклей за каждую (ZA V: 279). Судя по документам из архива Мурашу, во второй половине V в. обычная цена барана или овцы составляла 5 сиклей (см. Cardascia 1951: 4 f.). Цены на ослов колебались от 38 до 52 сиклей (GCC II 326; Dar 255; Nbn 323; NRV 103, 104 и др.). Особый случай составляет, когда «осел для каравана» стоил 50 сиклей (GCC I 294). В одном случае мул стоил исключительно дорого — 6 мин (Wilhelm 1973: 35 ff.), и цена лошади, разумеется, была высока, а именно около 4 мин (GCC I 269). Гусь стоил 2,3 сикля (Nbn 913), утка — около 1 сикля (CT LV 715 и др.).

Здесь невозможно детально рассмотреть обильную информацию о продаже и аренде домов, полей и садов. Остановимся лишь на некоторых примерах. Дом в 121 кв. м был продан в Уруке в 596 г. за 1 мину 36 сиклей (YOS XVII 322. Ср.:

BIN I 324; YOS XVII 2, 3 и др.)¹⁸. Средняя годовая арендная плата за дом колебалась от 5 до 20 сиклей (CT LV 54; YOS XVII 5 и др.). Поле, засеянное зерном, и финиковая роща общей площадью 15 625 кв. м, расположенные около Урука, в 611 г. были проданы за 1 мину 20 сиклей (BIN I 130), и земля площадью в 694 кв. м близ Борсиппы стоила 25 сиклей (NRV 670). Финиковая роща в 10 га близ Урука в 603 г. была приобретена за 32 мины (TEBR 78).

Судно грузоподъемностью в 120 кур стоило 20 сиклей (BIN I 100). Арендная плата за лодку (или судно) колебалась от 3 до 12 сиклей в месяц (GCC I 100; YOS XVII 32 и др.).

Соотношение между серебром и золотом было 9–14 : 1 (GCC I 324; GCC I 39; YOS VI 106, 112, 115; YOS XVII 230 и др.). При Ахеменидах это соотношение стало 13 : 1 (ср.: Herod. III 95). Золотая цепочка из 48 бусин была эквивалентна 8 кур ячменя (NRV 658; текст относится к 585 г.). 30 сиклей и 37 мин олова были соответственно эквивалентны 1,5 и 55,5 сикля серебра (GCC I 336; YOS VI 168). Следовательно, соотношение между этими металлами составляло 40 : 1 и 20 : 1. Другие металлы, хотя они и были импортными, стоили гораздо дешевле. Например, 30 мин 35 сиклей железа были проданы за 8 сиклей (Nbn 428), 1 талант 34 мин — 10 сиклей (BIN I 162), 2 таланта — за 8 $\frac{2}{3}$ сикля (TEBR 59). Среднее соотношение между железом и серебром равнялось 400 : 1. 10 талантов бронзы стоило 3 мины 20 сиклей серебра (YOS VI 168) (см.: Oppenheim 1967: 237). Таким образом, соотношение бронзы и серебра было 180 : 1. 10 мин квасцов, доставленных из Египта и Сирии, стоили от 6 до 12 сиклей серебра (CT LV 364; Nbn 214 и др.).

2 железные лопаты стоили 1,5 сикля серебра (Nbn 752), 50 корзин — 2 сикля (Nbn 604), 10 чанов для хранения пива — 3 $\frac{1}{3}$ сикля (Nbn 244), 10 бокалов — 10 сиклей (Nbn 661). 500 талантов битума — 20 сиклей (Nbn 428).

Строевой лес был очень дорогим. Например, 35 бревен были проданы за 10 мин 12 сиклей серебра (BRL IV: 77). 5 талантов 17 мин кедровой древесины стоили 30 сиклей (BIN I 4) и 90 л можжевельника — 5 сиклей (BIN I 162). Две деревянные двери от дома были проданы за 5 мин серебра (PBS 2/I 173), 6000 связок тростника были обменены за 1 талант 10 мин шерсти (GCC I 237). 10 000 обожженных кирпичей были изготовлены за мину серебра (YOS VI 34) и 370 кирпичей за 1 сикль (NRV 627).

Как уже было сказано, в рассмотренный здесь период заработная плата и цены постепенно повышались. После завоевания Вавилонии персами цены на продукты питания и различные товары сначала оставались на том же уровне, но постепенно увеличились в полтора раза. Такое повышение цен было характерно для Вавилонии в течение всей ее истории и само по себе не свидетельствует об экономическом спаде или снижении уровня жизни. С повышением цен пропорционально или даже еще более ускоренно росла и заработная плата. Жизненный уровень в VII–V вв. в Вавилонии был сравнительно высоким, и безземельные люди могли заниматься наемным трудом, арендовать землю или наниматься на службу.

¹⁸ См. цены на дома в: TEBR: 290: дом площадью 73,5 кв. м в Борсиппе был продан за 3 мины; дом в 25 кв. м в Уруке — 32,5 сикля; дом в 288,75 кв. м в Синшаре — за 2 мины 8 сиклей и т. д. (в указанной работе также даны ссылки на издания текстов).

СЕМЕЙНЫЙ АРХИВ ИДДИН-НАБУ ИЗ ВАВИЛОНА (570–485 гг. до н. э.)¹⁹

Как известно, экономическая жизнь Месопотамии нововавилонского и ахеменидского времени богато представлена в документах повседневной жизни. Однако эти документы, взятые сами по себе, изолированно от других подобных текстов, часто не представляют большого интереса. Лишь изучив целые архивы, относящиеся к жизни одного и того же человека или одних и тех же семей, можно проследить судьбы этих людей на протяжении нескольких поколений и составить представление об их имущественном положении во всей динамике. В этой статье делается попытка анализа документов семейного архива жителя Вавилона Иддин-Набу (иногда встречается и сокращенное написание этого имени в форме Иддина), сына Набу-бан-зера, потомка Кузнеца (Nappāhu). Он и члены его семьи упоминаются приблизительно в 250 уже опубликованных текстах, составленных в Вавилоне и его окрестностях в VI — первой четверти V в. до н. э.²⁰

Таблички этого архива, найденные при подпольных раскопках, были куплены различными музеями Европы и Америки у торговцев антикварными вещами начиная с 80-х гг. XX в. При этом иногда обломки одной и той же таблички попадали в совершенно различные коллекции. Например, в музее Монтсэрратского монастыря близ Барселоны находится верхняя часть таблички, одна треть которой попала в Переднеазиатский музей в Берлине, а дубликат этого же документа хранится в Британском музее (см.: AuOr 15. S. 148).

В своем ценном, хотя и кратком, обзоре текстов этого архива и соответствующей библиографии Корнелия Вунш отметила, что в целом он до сих пор остается неизученным с точки зрения содержащейся в нем информации об экономике Вавилонии (AoF 24: 231–233, Anm. 4). Настоящая статья имеет своей целью хотя бы частично восполнить этот пробел.

В отличие от обычных семей у Иддин-Набу было два отца: родной и приемный. Его родной отец Набу-бан-зер, сын Набу-кацира, потомка Кузнеца, упоминается в одном документе, составленном в 570 г. в Вавилоне. Согласно этому тексту, некий Бел-аххе-иддин взял в долговой залог дом Набу-шум-лишира и передал его своему кредитору, а именно упомянутому выше Набу-бан-зеру на два года в антихрезу (как поясняется в документе, «нет арендной платы за дом и нет процентов на серебро»). Сумма долга в обоих случаях составляла 1 мину 20 сиклей серебра. Далее в тексте отмечается, что, как только Набу-шум-лишир погасит свою ссуду, Бел-аххе-иддин передаст указанную сумму Набу-бан-зеру,

¹⁹ Впервые была опубликована: ВДИ 2001 2: 3–16. После публикации данной статьи в 2004 г. вышел труд Н. D. Baker «The Archive of the Nappahu Family» (AoF. Beiheft 30), где представлены 267 текстов (без учета дубликатов), самый ранний из которых относится к 573 г. до н. э. Среди них много новых интересных текстов, которые, однако, не влияют на наши общие выводы, а лишь дополняют их.

²⁰ Большинство опубликованных текстов издано в серии «Vorderasiatische Schriftdenkmäler der Königl. Museen zu Berlin» (Bd. III–VI. Berlin. 1907–1908). Перевод этих текстов и комментариев к ним см.: San Nicolò. Ungnad 1929–1935. Использованы документы и других архивов.

который, в свою очередь, должен освободить заложенный дом и вернуть его первоначальному владельцу. Как отмечается в тексте, эти деньги составляли приданое Зуннайи, дочери Адад-зер-ибни, и были отданы ее мужем Набу-бан-зером в рост²¹. Нет никаких сомнений в том, что Набу-бан-зер, сын Набу-кацира, был отцом интересующего нас Иддин-Набу, поскольку Зуннайя была женой первого и матерью последнего (см. ниже документ Nbn 990). Однако в одном контракте, составленном в Вавилоне в 565 г., упоминается Набу-бан-зер, сын Бел-кацира, потомка Кузнеца, в связи с тем, что он купил овцу за 1 $\frac{1}{4}$ сикля серебра. Среди свидетелей этой сделки был и Гимиллу, сын Мардук-шум-ибни, потомка Кузнеца, который позднее усыновил своего дальнего родственника Иддин-Набу (VS VI 49). Сан-Николо и Унгнад отождествляют этого Набу-бан-зера с лицом того же имени в рассмотренном выше VS IV 25 (см. NRV: 239, 278). Такое предположение представляется вполне правдоподобным. Однако следует отметить, что в первом из этих текстов Набу-бан-зер назван сыном Бел-кацира, а во втором — Набу-кацира, причем указанные авторы никак это не комментируют.

Набу-бан-зер, по-видимому, умер в 12-й год правления Набонида (544 г.), когда состоялся раздел доходов от храмовой пребенды (isqu) между двумя его сыновьями. Пребенда заключалась в приготовлении в определенные дни трапезы для богини Ишхары и бога Карибу в святилище Мардука в Вавилоне. Старший брат Мардук-шум-иддин получал 4 л²² хлеба и 4 л пива, а Иддин-Набу — по 3 л хлеба и пива в определенные дни каждого месяца, на которые приходилось их дежурство в храме. Как видно из текста, они также поделили рабов, которые принадлежали их отцу (BV 91²³, AfO 38–39. N 9). Очевидно, разделу подлежало и другое семейное имущество, но соответствующий документ не сохранился или еще не опубликован. Впервые Мардук-шум-иддин упоминается в качестве контрагента в 555 г. в Бит-таб-Бел, близ Вавилона, где он вместе с одним из своих родственников купил двух рабынь за 50 сиклей серебра (Nbn 40).

Кроме упомянутых сыновей у Набу-бан-зера была еще дочь по имени Цирайя. В одном документе в качестве поручителя за уплату долга третьим лицом упоминается некая Шидату, которая названа дочерью Набу-бан-зера (VS V 123). Однако, проследив генеалогию семьи последнего и связи с другими родственниками, Унгнад пришел к заключению, что Шидату было вторым именем Цирайи (Ungnad 1935: 321–322).

Сохранился документ, согласно которому в 540 г. братья выдали Цирайю замуж за Набу-надин-шума, сына Мушезиб-Мардука, обещав дать за нею следующее приданое: 1 курру поля, расположенного на берегу канала близ Вавилона, 1 рабыню, кроме рабыни по имени Шепитайя, которая уже принадлежала ей, а также кровать, стол и стул, 3 верхних платья, 3 кубка и еще какие-то предметы домашней обстановки, названия которых разбиты (Nbn. 990; см. перизд.:

²¹ VS IV 25: см. комментарий к этому тексту М. Сан-Николо и А. Унгнада в NRV: 278.

²² Исходя из того, что один qa равнялся 1 л и соответственно 1 kurru — 180 л.

²³ Знаком «/» отмечены переиздания текстов, «=» указывает на дубликаты, а «+» обозначает составление единого документа из фрагментов.

Roth 1989. N 18). При этом в тексте отмечается, что предназначенное для Цирайи поле принадлежало ее матери по имени Зуннайя. Хотя в контракте содержится оговорка: «Пусть бог Мардук и богиня Зарпаниту изрекут гибель того, кто нарушит это соглашение», — братья не спешили в полной мере выполнить его, поскольку обещанную рабыню Цирайя получила от Иддин-Набу только в 532 г., т. е. через восемь лет после заключения контракта (VS V 40; ср. также Roth 1989:12; idem.: 1991:37). Цирайя выступает также в одном весьма интересном документе, составленном в 530 г. В присутствии нескольких полноправных граждан (*mār banī*) Вавилона она и ее муж заявили, что много лет назад Цирайя подобрала на улице бездомную девочку по имени Шепитайя и вырастила ее (VS VI 116). Как полагает Ф. Жоаннес, это заявление было сделано для того, чтобы официально узаконить статус найденныша в качестве рабыни, принадлежащей указанной супружеской паре (Joannès 1989 4: 81–82).

Сохранился весьма незаурядный документ, составленный в 12-м году царствования Набонида (544), т. е. вскоре после смерти отца Иддин-Набу, когда последний был еще молодым человеком, только начинавшим свою карьеру предпринимателя и еще не был усыновлен Гимиллу. Этот документ содержит судебное решение относительно возмещения за телесное повреждение, нанесенное Иддин-Набу некоему Икише. Иддин-Набу обязан был уплатить последнему 30 сиклей серебра за то, что «битьем бил» его, нанес ему рану и причинил увечье лицу. За этим приговором в табличке следуют имена шести судей и оттиски их печатей (AoF 24: 235). Указанная денежная сумма составляла плату взрослого наемного работника за два с лишним года, или за нее можно было купить приблизительно 5400 л ячменя или фиников, которые обычно стоили одинаково (180 л за сикль). Таким образом, за свой горячий темперамент Иддин-Набу пришлось дорого заплатить.

Как отмечалось выше, Иддин-Набу был усыновлен своим родственником Гимиллу. Дата усыновления нам не известна (см.: NRV:12). Имущественные операции Гимиллу и его жены прослеживаются почти на протяжении четверти века, от 546 до 522 г. (см.: Roth 1991–1993:11; там же приведены ссылки на тексты). В частности, он присутствовал при скреплении печатью документа о приданом Ина-Эсагил-рапат, дочери Балату из семьи Эгиби, которая вышла замуж за Иддин-Набу (BV 121; дата разрушена). В ряде текстов Гимиллу выступает контрагентом. Например, в 528 г. он выдал в долг одному лицу мину серебра под залог дома. Ссуда была процентной, исходя из расчета один сикль на мину в месяц, т. е. 20 % в годовом исчислении, что было нормой для Месопотамии на протяжении всей древности (VS IV 73). Два документа, составленные в 16-м году правления Набонида (540 г.), являются соответственно квитанцией о взыскании процентов с одного должника и долговой распиской о выдаче ему же в ссуду 30 сиклей серебра (VS IV 53, 54). В последнем документе среди свидетелей упомянут и Иддин-Набу. По-видимому, ко времени Набонида относится и купчая о приобретении Гимиллу раба за 40 сиклей серебра²⁴.

²⁴ VS V 150. См. также плохо сохранившийся документ VS III 87, где Гимиллу выступает контрагентом.

Контракт об усыновлении Иддин-Набу пока неизвестен, но нет сомнений в том, что оно состоялось после смерти родного отца, когда усыновленный был взрослым человеком, уже занимавшимся различными деловыми операциями (ср.: Roth 1991:13. N 62).

Не имея наследника и оставшись на старости лет без помощи, Гимиллу и его жена решили усыновить своего родственника. О факте усыновления мы узнаем из документа, составленного в 527 г. (VS V 47). В этом тексте говорится о том, что Гимиллу передает своему приемному сыну следующие семь долговых расписок на общую сумму в 3 мины 35 сиклей серебра: 70 сиклей составляли долг за неким Бел-ашла-иддином, дом которого был взят в залог — антихрезу, т. е. без уплаты арендной платы кредитором и процентов на ссуду дебитором; 15 сиклей — долг за одним ткачом; 35 сиклей, которые находились в обороте, были имуществом, выделенным Гимиллу своей жене Таппашар, а также еще несколько долговых расписок. В свою очередь, Иддин-Набу обязался «за свое усыновление» ежегодно доставлять приемному отцу 360 (?) л ячменя, 4 чана «отменного» пива и 1 верхнюю одежду. Далее в тексте отмечается, что, пока Гимиллу жив, проценты с денег, отданных в рост, будут принадлежать ему. Оба контрагента «получили по одному экземпляру» данного документа. Гимиллу передал Иддин-Набу и другое свое имущество (VS V 57/58, см. ниже). Но вскоре усыновитель умер, и в 525 г., приблизительно через два с половиной года после рассмотренного выше контракта VS V 47, Иддин-Набу вступил в переговоры со своей приемной матерью Таппашар, чтобы уладить имущественные разногласия с ней (ср. NRV:34). Марта Рот проследила ее безрадостную судьбу после смерти мужа (Roth 1991–1993:11–13). По-видимому, последний при своей жизни назначил Иддин-Набу своим единственным наследником и не позаботился об обеспечении жены, вероятно, полагаясь на порядочность приемного сына или, может быть, надеясь на свое долголетие. Став вдовой, Таппашар клятвенно заверила Иддин-Набу в том, что с нее ему причитается лишь 30 сиклей серебра: «Воистину я ничего не взяла себе, кроме домашней утвари». Она также обязалась не требовать от него содержания (VS IV 78). Как видно из следующего документа, составленного в тот же день, Таппашар продолжала жить в доме, взятом еще при жизни мужа в залог за ссуду в 70 сиклей. После погашения ссуды 30 сиклей предполагалось отдать вдове покойного на ее пропитание, а остальная часть предназначалась их приемному сыну. При этом оба они договорились о том, что до уплаты долга дебитором Таппашар будет занимать часть дома, а другой частью будет распоряжаться Иддин-Набу. Очевидно, он подозревал Таппашар в утаивании какого-то имущества или долговых расписок, и она вынуждена была поклясться Иштар Урукской: «Воистину нст ничего в моем владении из домашней обстановки, принадлежавшей моему мужу Гимиллу, кроме одного бронзового котла, кровати, стола и стула» (VS IV 79; ср.: NRV: 44). Таким образом, кроме нескольких предметов домашней обстановки, очевидно, входивших в состав ее приданого, Таппашар досталось всего 30 сиклей серебра. К тому же она жила в чужом доме, откуда должна была выехать после погашения ссуды его владельцем (ibid.:13).

Выше упоминался документ BV 121, где говорится о приданом Эсагил-рапат (ее полное имя было Ина-Эсагил-рапат, как это видно из ряда других текстов),

жены Иддин-Набу, которая относилась к боковой линии знаменитого рода Эги-би. Согласно этому тексту, ее отец Балату выделил ей приданое, состоявшее из финиковой рощи в 4 пан (10 800 кв. м), расположенной в местности Кар-Ташмету близ Вавилона, одного раба, стула, лампы и 2 чаш²⁵. Среди свидетелей упомянут, в частности, Мардук-шум-иддин, старший брат Иддин-Набу. Дата этого документа не сохранилась. Вероятно, он был составлен до 530 г., от которого также сохранился документ, в котором Кашша, мать Эсагил-рапат, распоряжается своим имуществом. Из своей финиковой рощи в один курру (т. е. 13 500 кв. м), расположенной в местности Набату, 3 пан 2 сут (9000 кв. м) она завещала «старшей дочери» Эсагил-рапат вместе с одним рабом по имени Силим-Бел, а 1 пан 4 сут (4500 кв. м) — другой дочери (Амат-Нинлиль). В тексте содержится оговорка о том, что, пока Кашша жива, она сама будет пользоваться указанным имуществом. Можно было бы предположить, что здесь и в BV 121 речь идет об одной и той же земле, но места их расположения не совпадают (VS V 43/44). Роща в Набату упоминается также в одном более раннем документе (время Набонида, год разрушен), согласно которому Балату, муж Кашши, взял из ее денег 4 мины серебра, предоставив в ее пожизненное распоряжение землю в один курру (VS VI 90/91). Однако несколько позднее завещание Кашши было изменено. Так, в 529 г. она передала раба Силим-Бела одному из своих сыновей, сделав в документе оговорку о том, что дочери не имеют на него права (VS V 45/46; ср.: NRV: 32).

Перейдем к рассмотрению имущественных сделок Иддин-Набу.

Документы о купле-продаже рабов

В 521 г. Иддин-Набу продал раба за 2 мины 15 сиклей серебра некоему Хабациру. Последний передал этого раба «в дом» какого-то «перса» (Parsaja), но тот ночью бежал оттуда. Дело рассматривалось в суде, по решению которого Иддин-Набу должен бы вернуть Хабациру цену раба вместе с процентами на эту сумму. В свою очередь, Хабациру передал Иддин-Набу контракт о продаже раба (VS IV 87 = 88). Поскольку в рассматриваемый период раб стоил в среднем немногим больше одной мины, проданный Иддин-Набу раб, вероятно, был квалифицированным ремесленником. Решение суда объясняется тем, что продавец раба давал гарантию, в частности, в том, что последний в течение определенного периода (обычно первых ста дней после заключения контракта) не совершит побега от своего нового хозяина.

Иддин-Набу купил раба по имени Аткал-ана-Бел за 1 мину 20 сиклей (VS V 149; дата разрушена). За такую же цену в 502 г. он купил еще одного раба (Итти-Бел-гузу). Последний принадлежал жене продавца (она присутствовала при составлении документа) (VS V 93). Это был заложенный раб, проданный позднее

²⁵ О приданом Ина-Эсагил-рапат, ее матери и дочерей см.: Roth 1991: 36–37. О ее имущественных сделках см.: Wesselé 1994: 132–137. Она выступает контрагентом в сорока двух документах, составленных между 537–497 гг.

из-за непогашенного долга в 65 сиклей. Через девять дней после заключения контракта о продаже хозяева выкупили обратно своего раба и потребовали, чтобы Иддин-Набу вернул им долговую расписку на 65 сиклей (VS IV 155; ср.: NRV:120).

В 537 г. Иддин-Набу судился с одним своим тезкой, сыном Шулы, из-за раба, за которого было уплачено 72 сикля серебра и 180 л ячменя. Детали этой виндикации нам не известны, поскольку в тексте только отмечается, что два поименно названных лица должны были привести к определенному времени Иддин-Набу, сына Шулы, в суд, а в противном случае уплатить указанную выше цену раба (VS VI 97).

Несколько документов свидетельствуют о приобретении рабов Эсагил-рапат, женой Иддин-Набу. В 538 г. она купила у Нупты, дочери На'ид-Мардука, рабыню Нана-бел-уцур и ее месячного сына за 1 мину 12 сиклей (VS V 35). Позднее, в 533 г., в одном документе указывается, что при продаже этой рабыни присутствовал старший сын Нупты (VS VI 101 = 102). В 512 г. Эсагил-рапат купила еще одну рабыню (Ша-Нинлиль-уддэ) за 2 мины 52 сикля (VS V 73). Хотя в документе отмечается, что цена была полностью уплачена, через два месяца был составлен другой документ, согласно которому Иддин-Набу, муж Эсагил-рапат, должен был отдать бывшему хозяину этой рабыни 32 сикля серебра, остаток ее цены, который необходимо было уплатить в течение двух недель (VS IV 133). Десять лет спустя эта рабыня была отдана Иддин-Набу в приданое за своей дочерью Таблуту (Dag 522; ср.: NRV:116). В 503 г. последняя купила рабыню за 2 мины 30 сиклей (VS V 90). В одном случае Иддин-Набу получил ссуду (сумма не сохранилась) под залог вышеупомянутой рабыни Нана-бел-уцур (VS IV 207).

Документы о пребенге

Как мы видели выше, Иддин-Набу унаследовал часть пребенды своего родного отца в храме Эсагила в Вавилоне с соответствующими доходами ячменем и пивом. Обязанностью пребендаря в данном случае было приготовление трапезы для богов. Но для этого можно было нанять других лиц (даже рабов), однако ответственность за пребенду нес сам ее владелец. Иддин-Набу досталась также пребенда своего приемного отца, доход с которой состоял из $\frac{1}{2}$ л хлеба и такого же количества пива, а также куска говядины за каждый день дежурства в храме. Об этом говорится в двух документах, составленных в период кратковременного царствования Бардии (522 г.). В первом из этих текстов отмечается, что, если Иддин-Набу решит продать эту пребенду или отдать ее в аренду, он должен пригласить в свидетели некоего Шакин-шума, сына Надная, потомка Кузнеца. Вероятно, он состоял в каком-то родстве с Гимиллу и намеревался оспаривать принадлежность данной пребенды Иддин-Набу (VS V 57 = 58; см. также: VS VI 117; ср.: NRV: 39).

Насколько можно понять из одного недатированного текста, Иддин-Набу нанял двух человек вместо себя для охраны храма, однако не уплатил им. Этот

факт был зафиксирован в присутствии ряда лиц из сословия полноправных, очевидно, для дальнейшего рассмотрения в судебном порядке (VS VI 247).

В ряде случаев Иддин-Набу нанимал других лиц для несения обязанностей, связанных с пребендой. Например, в 537 г. он нанял за 480 л ячменя одного раба для обеспечения в течение двух лет жертвенных обедов для богини Ишхары. Арендатор был ответствен за своевременную доставку в храм Эсагила хлеба и первосортного пива. Каждый из контрагентов получил по одному документу (VS VI 96).

В двух контрактах отмечается, что сданная в аренду пребенда принадлежала Иддин-Набу и его «старшему брату» Мардук-шум-иддину. Ее арендодателем выступает Иддин-Набу. Согласно первому тексту, арендатор обязан был обеспечивать для «стола» бога Карибу по пять сладких лепешек ежемесячно в течение семнадцати дней, с 1-го по 17-й день. Документ был составлен в 510 г. (VS VI 129). В 503 г. Иддин-Набу снова сдал эту же пребенду в аренду (VS V 87 = 88).

Но иногда он сам нанимался для выполнения обязанностей по пребендам других лиц. Например, некий Набу-убаллит передал ему свою пребенду на хлебопечение и пивоварение. Арендатор обязан был ежемесячно в течение трех дней, от 21-го по 23-й день, доставлять в храм «безупречный» хлеб, «отменное» пиво, уголь, а также нес ответственность за чистоту чанов. Его вознаграждение составляло 120 л «отборных» фиников и 12 талантов (360 кг) дров в год. Контракт был заключен в 531 г. на три года, и в случае его нарушения виновный обязан был уплатить 10 сиклей серебра (VS VI 104; см. также: VS VI 324).

В 520 г. Иддин-Набу продал одну из своих пребэнд. Ее цена неизвестна, но покупатель оставался должен еще 15 сиклей, которые он обещал уплатить через шесть недель (VS IV 92 = 93; см. также ниже в разделе о налогах).

Сдача земли в аренду

Иддин-Набу и его жена владели земельными участками (главным образом финиковыми рощами), расположенными близ Вавилона в Кар-Ташмету, Набату и Кар-Набу, и сдавали их в аренду. В ряде текстов отмечается, что земли в Кар-Ташмету и Кар-Набу находились в общей собственности Эсагил-раMAT, ее брата Набу-табни-уцур или сестры Гигиту (ее еще звали АMAT-Нинлиль, см. NRV: 431).

Среди арендаторов в Кар-Ташмету несколько раз упоминается Арад-Нергал, сын Набу-мукки-элипа. В 531 г. он должен был доставить 3636 л фиников меркой в 1 пан (36 л). При этом $\frac{2}{3}$ земли принадлежала Эсагил-раMAT, а $\frac{1}{3}$ — ее сестре Гигиту (VS III 67; см. также: AuOr 15, N 4). В 530 г. арендная плата, внесенная им, составила 1584 л фиников (не считая пальмовых субпродуктов). Из них $\frac{1}{3}$ была долей Гигиту, а $\frac{2}{3}$ предназначались для Иддин-Набу (VS III 69). Писцом этого документа был Набу-табни-уцур, сын Балату, потомка Эгиби, т. е. брат Эсагил-раMAT и Гигиту (см. NRV: 432). В одном случае Арад-Нергал поклялся доставить к определенному сроку 90 л, остаток арендной платы за прошлый год (VS VI 126; ср.: NRV: 583). Судя по другому тексту, после уплаты

различных налогов и сборов арендная плата с одного курру роши составила 2880 л фиников (VS III 223). Наибольшая сумма, уплаченная им с участка в Кар-Ташмегу, равнялась 5400 л, не считая определенного количества полужрелых фиников, различных субпродуктов и 15 талантов дров, т. е. сухих веток пальм (VS III 75; о том же арендаторе см. еще VS III 78).

В 532 г. арендная плата с роши Эсагил-рапат составила 3060 л фиников. В тексте арендатор назван «садовником». Часть платы по ее поручению была уплачена кредитору (VS III 66; ср.: NRV: 431. О других арендаторах того же участка см.: VS III 110, 122 + 123).

Среди арендаторов был также Хабациру, сын Бел-ремани из семьи Эгиби, которому в 517 г. Иддин-Набу сдал один курру земли, приданое своей жены, на 10 лет. Годовая плата составляла 1530 л фиников, 10 талантов дров и т. д., которую необходимо было доставлять в месяце арахсамна (октябрь–ноябрь). По условиям контракта его нарушитель обязан был уплатить 20 сиклей штрафа (VS V 66).

Одним из арендаторов роши в Кар-Ташмету был Иддин-Набу, сын Забаба-иддина. В 512 г. он уплатил 900 л фиников (VS III 108), а в 498 г. — 1080 л того же продукта (VS III 134а; см. также VS III 137, 173, 215).

В следующих документах арендатором выступает Балату, сын Набу-балти-или. Два текста относятся к 509 г., и в первом из них он обязуется отдать Иддин-Набу 396 л фиников и 10 талантов дров — остаток арендной платы за 511 г. (VS VI 130). Владельцем финиковой роши, расположенной в Кар-Набу, во втором тексте названа Эсагил-рапат, но арендная плата была вручена ее мужу (VS III 134; см. также VS III 170, 207, 230).

Арад-Бел, сын Римута, и Либлуг, сын Арад-Гулы, в 520 г. обязались доставить 360 л фиников — остаток арендной платы с роши в Кар-Набу (VS III 90; см. также VS III 175). В 519 г. арендатором той же роши был Эриб-Мардук, сын Римута, который обязался доставить 1440 л фиников и ряд субпродуктов (VS III 94 = 95). Несколько раз, начиная с 500 г., среди арендаторов в Кар-Набу упоминается еще одно лицо (Никуд)²⁶.

Сдача домов в аренду

Самый ранний документ о сдаче домов Иддин-Набу в аренду относится к 521 г. Арендный период равнялся трем месяцам, а плата немногим превышала ½ сикля серебра в месяц, которую надо было вносить ежемесячно равными долями. Арендатор, как и в других аналогичных контрактах, брал на себя ответственность заботиться о капитальных стенах и крыше и в дополнение к арендной плате отдать также «подарок». Документ составлен за три дня до начала арендного срока (VS V 59).

²⁶ VS III 131 = 132, 171, 211, 231. Об арендаторах в Кар-Набу см. также: VS III 83, 86, 112, 114, 169, 200, 205, 226, 227, 230; в Набату — VS III 76, 170, 172. Ср. еще фрагментированные VS III 82; VS VI, 321, 330.

В следующем году был сдан дом, расположенный рядом с домом известного предпринимателя Таб-цилли-Мардука, за 15 сиклей в год. Половину платы надо было вручить в начале, а остальную часть в середине года. Кроме того, арендатор должен был в течение года доставить три подарка. Контракт был записан через две недели после фактической сдачи дома в аренду (VS V 61). Этот же дом упоминается и в 506 г., когда он был отдан в аренду за 13 сиклей еще одному арендатору (VS V 81; см. также AuOr 15 N 5). В 518 (?) г. дом, расположенный у дороги, по которой проходила процессия, посвященная празднику почитания бога Набу и богини Инанна, был сдан за 18 сиклей ежегодной платы (наряду с подарками) сроком на 5 лет некоему Бел-этир-Набу. Нарушитель контракта должен был уплатить 1 мину серебра (VS V 64). В 509 г. тот же дом, будучи сданным на три года некоему Мурану, приносил хозяину 18 сиклей год (VS V 78). В 506 г. арендная плата за этот дом стала 20 сиклей (VS V 82). В одном случае арендатором этого дома был раб третьего лица. Сумма арендной платы в тексте не сохранилась, но она равнялась 20 сиклям, поскольку Иддин-Набу уже при заключении контракта получил 10 сиклей серебра — «за первую половину года» (VS V 84. Об аренде этого же дома см. также VS V 131, 151; VS VI 201).

В 517 г. Иддин-Набу сдал один из своих домов за 25 сиклей Бел-супе-мухуру (VS V 68). Самая высокая годовая арендная плата, полученная Иддин-Набу за один дом, составила 30 $\frac{1}{4}$ сикля (VS IV 138; см. также VS IV 110, 129, 146, 182).

Покупка недвижимости

В дополнение к тем нескольким домам, которыми уже владел Иддин-Набу, он покупал новые. Сохранилась долговая расписка на 1 мину 52 $\frac{1}{2}$ сикля серебра, которую Иддин-Набу выдал в 529 г. Икише, сыну Шум-иддина. Эта сумма являлась «остатком цены за дом». Должник обязался уплатить ее через три месяца. Примечательно, что продавец был братом Кашши, матери Эсагил-рамат, и, следовательно, тещи Иддин-Набу (VS IV 71; ср.: NRV: 207).

В 520 г. он приобрел два дома. Один из них был ранее заложен в обеспечение ссуды в 30 сиклей. Кредитором был некий Набу-шум-лишир. Очевидно, должник оказался не в состоянии погасить ссуду, и Иддин-Набу купил дом, и при этом кредитор присутствовал при заключении контракта (VS IV 197; см. также VS IV 72, 106).

Второй дом (или, возможно, это был участок для застройки) был расположен недалеко от одних из городских ворот Вавилона и имел площадь 61,25 кв. м. Его владельцами были три сына Бел-балассу-икби, одного из должников Гимиллу, приемного отца Иддин-Набу. Тем временем Гимиллу умер, а долг все еще не был уплачен, и поэтому пришлось продать дом за 70 сиклей. Если кто-нибудь из контрагентов нарушит эту сделку, он обязан уплатить указанную сумму в 12-кратном размере. Кроме того, контракт содержит оговорку, что «если локтей (г. е. площади) будет больше или меньше, они (контрагенты) в соответствии с ценой

уравниют счет между собою» (Dag 37). Этот контракт был заключен в 520 г. и имеет интересное продолжение в документе, составленном в следующем году или позднее (дата не полностью сохранилась). Здесь проданное помещение названо «рыночной палатой» и отмечается, что ее площадь оказалась больше, чем предполагалось, и поэтому один из продавцов получил с Иддин-Набу разницу в цене (VS V 113; ср.: NRV: 39–40).

Дата следующего документа не сохранилась. В нем зафиксирована покупка Иддин-Набу еще одного дома площадью 63, 75 м², также расположенного в Вавилоне, в районе, носившем название Шуанна. За него было уплачено 3 мины 11 сиклей. Нарушитель контракта обязан был уплатить эту сумму в 12-кратном размере (BV 117).

В одном документе от 520 г. зафиксировано обязательство продавца в течение месяца передать Иддин-Набу контракт об обмене какого-то дома на участок земли, принадлежавший третьему лицу, или же дать клятвенное объяснение относительно этого документа (VS VI 120; ср.: NRV: 150).

Ростовщические операции

Значительная часть документов архива семьи Иддин-Набу относится к характерным для нововавилонского времени абстрактным долговым распискам. Они обыкновенно были документами о выдаче ссуды, но нередко предметом их появления являлись арендная плата за землю или дома, неоплаченный остаток за различные товары или услуги, кредит для торговли, для открытия ремесленных мастерских и т. д. Например, в ряде случаев отмечается, что определенные лица должны были Иддин-Набу какое-то количество фиников, но в действительности в таких случаях речь идет о недоимках по арендной плате, и, как известно из других текстов, эти должники были арендаторами. Поэтому здесь будут рассмотрены только ростовщические операции Иддин-Набу, а также полученные им ссуды. Иногда в документах отмечается, что выдаваемые в ссуду деньги принадлежали его жене Эсагил-рагат. Нередко в документах говорится, что все имущество должника, находившееся «в городе и степи», является залогом кредитора (см., например: VS VI 328).

В 531 г. Эсагил-рагат ссудила 1 мину 20 сиклей серебра трем братьям, и их дом был передан в антихрезу на два года. Среди свидетелей выступает Гимиллу, приемный отец Иддин-Набу (VS IV 66). В 502 г. она ссудила одному из этих братьев 24 сикля под залог земли (VS IV 90). В 529 г. Иддин-Набу ссудил 50 сиклей серебра одному своему тезке и его матери под залог пребенды в храме Эсагила. В тексте отмечается, что прежние долговые расписки были погашены. Среди свидетелей первым упоминается тот же Гимиллу (VS IV 69). В 504 г. Иддин-Набу дал в ссуду некоему Шакин-шуму 32 ½ сикля серебра. Как и в других случаях, проценты исчислялись исходя из пропорции один сикль на мину в месяц, т. е. 20 % в год (VS IV 147). В одном случае ссуда составила всего 5 сиклей серебра, но в расписке отмечается, что тот же должник ранее получил 10 сик-

лей (VS IV 62)²⁷. В документе времени Камбиза (год разрушен) отмечается, что 15 сиклей было выдано Гимиллу, приемным отцом Иддин-Набу, в ссуду некоему Набу-ушаллиму. Тем временем должник умер, и два его сына обязались возместить указанную сумму Иддин-Набу (VS IV 84).

В ряде случаев Иддин-Набу по поручению своей сестры Цирайи собирал долги и проценты с них (см., например: VS IV 61). Кроме того, он выступал поручителем в долговых сделках третьих лиц (см., например: VS IV 155) или свидетелем (VS IV 96; VS V 38, 134).

Но иногда и сам Иддин-Набу упоминается в качестве должника. Так, например, в 533 г. он взял в ссуду сроком на семь месяцев 18 сиклей (VS IV 63). В одном документе от 512 г. отмечается, что Иддин-Набу уплатил 12 ½ сикля из общей ссуды в 44 ½ сикля (VS IV 131; см. также VS IV 82, 117, 120, 190 и 207). В частности, кредитором Иддин-Набу был и его старший брат Мардук-шум-иддин. Ссуда составляла 22 сикля и была выдана в 537 г. (VS IV 59).

В одном документе от 501 г. говорится о долге в 1800 л фиников из «имущества бога Бела», выданном третьим лицом Иддин-Набу сроком на месяц. Среди свидетелей упомянут Шеллиби, сын должника (VS III 127). Суть дела в тексте не объясняется. Еще менее понятен документ, составленный в 517 г. и фиксирующий уплату Иддин-Набу 2 мин серебра одному своему тезке, чтобы уладить расчеты с третьим лицом. Возможно, что здесь имеется в виду кредит для каких-то торговых сделок (VS IV 108).

Заказ ремесленных изделий

Согласно одному документу от 529 г., Иддин-Набу должен был своему брату Мардук-шум-иддину 1 мину 12 сиклей серебра, которые необходимо было уплатить в течение 9 месяцев в капитале, т. е. без процентов. В тексте содержится оговорка о том, что, когда Иддин-Набу уплатит указанную сумму, он может взять у своего брата «золотые петли и колечки», т. е. определенные ювелирные изделия (Camb 45). По всей вероятности, они были заказаны у какого-то ювелира для Иддин-Набу, а оплату произвел его брат.

Иддин-Набу заказал одному рабу третьего лица 110 кирпичей, которые надо было доставить ему в течение месяца с небольшим (VS VI 122). В 527 г. он также заказал одно верхнее платье у какого-то ткача. Если оно не будет готово через 6 дней, последний должен уплатить 8 сиклей серебра (VS VI 110). По-видимому, сюда включена не только цена одежды, но и штраф за невыполнение контракта в оговоренный срок (ср.: NRV: 248). Кроме того, Иддин-Набу оплатил стоимость одного бронзового сосуда весом около 2 кг (VS VI 112).

²⁷ Далее о выдаче денежных ссуд или получении процентов с них см.: VS IV 61, 80, 81, 86, 102, 119, 128, 132, 186, 316.

Налоги

Значительный интерес представляет документ, по свидетельству которого ячмень, хлеб, пиво, мясо и финики, полученные Иддин-Набу в качестве дохода с его пребенд, были обложены налогом в пользу «дворца». Обложению подлежали доходы, полученные за период от месяца симапу 4-го года правления Дария I (518 г.) до клисиму 6-го года (516 г.), хотя соответствующая квитанция была написана в месяце симапу 9-го года правления того же царя, т. е. через три года после оплаты соответствующих доходов (VS V 72).

В нескольких других документах времени Дария I также фиксируется уплата налога (*ilku*) Иддин-Набу, но интерпретация этих текстов связана со значительными трудностями ввиду их плохой сохранности. Сумма налога колебалась от 5 до 30 сиклей в зависимости от периода обложения (VS IV 109, 115 = (116), 123, 125, 127). В одном случае Иддин-Набу платит налог совместно «со своим поваром», который готовил жертвенные обеды для богов в соответствии с обязанностями по пребенде. Оба они вместе уплатили 3 сикля (VS IV 122).

Документы о приданом

У Иддин-Набу кроме сыновей была еще и дочь по имени Таблуту, и он выделил ей весьма щедрое приданое. Оно состояло из 9 мин серебра, одной рабыни и домашней утвари. Если верить документу, составленному 5-го дня месяца симапу 21-го года правления Дария I (501 г.), это приданое было уже отдано Нидинту-Мардуку, мужу Таблуту, и при этом присутствовала ее мать Эсагила-рагат (Dar 522). Однако, как это часто случалось, передача приданого в указанный срок не состоялась, и для окончательного расчета потребовалось еще 8 месяцев и 5 дней. 10 улулу того же года, т. е. через 3 месяца и 5 дней, Нидинту-Мардук дал расписку в том, что он получил из рук Иддин-Набу 5 мин 50 сиклей «из 9 мин, приданого Таблуту». Среди свидетелей на первом месте упомянут один из братьев Эсагил-рагат. В тексте также отмечается, что «по одному документу они (т. е. отец и муж Таблуту) получили» (BV 100). Ровно через пять месяцев после этого был составлен еще один документ, сохранившийся в двух экземплярах. В нем указывается, что Нидинту-Мардук получил от Иддин-Набу 9 мин серебра, двух рабов (раньше речь шла только об одном рабе), стол, стул, 3 бронзовых кубка, подставку для кувшина, скамеечку для ног и ряд других предметов²⁸.

Трудно установить, когда Иддин-Набу умер, но к 23-му году царствования Дария I (497 г.) его, по-видимому, уже не было в живых, поскольку его сын Шеллиби получил плату с рощи в Кар-Ташмету, сданной в аренду его отцом (VS III 137). В следующем году Шеллиби взыскал с одного должника своего отца 1 ½ мины серебра (BV 102).

²⁸Dar 530 = BV 101+122. Текст переиздан Pot. см.: AfO 36-37: 52. N 8; см. также: idem 1991: 36; Marx 1902: 24.

Много документов интересующего нас архива освещают предпринимательскую деятельность Шеллиби, сына Иддин-Набу (см.: *ibid.*: XLVI–XLVIII). Остановимся на них лишь выборочно. Они, подобно рассмотренным выше текстам, являются документами о пребенде (BV 154; VS V 136; VS VI 152 = (153). 168, 179), уплате арендной платы с земли (VS III 125, 135, 147, 176) и за дом (VS IV 151), ростовщических операциях (обычно выдача ссуд под проценты и залог земли, пребенд и рабов)²⁹. В двух текстах Шеллиби выступает поручителем за разных должников (BV 111; VS IV 188)³⁰.

Самое раннее упоминание о нем относится к 522 г., когда его отец Иддин-Набу передал гонцу одного храмового чиновника (вероятно, Эсагила) серебро (сумма не указана) — вотивное приношение своего сына (VS IV 85). Вероятно, в то время Шеллиби был еще несовершеннолетним (ср.: NRV: 37). В 511 г. один вавилонянин заявил Иддин-Набу в присутствии ряда полноправных следующее: «У меня нет долга за Шеллиби, твоим сыном, и я не имею к нему иска» (VS VI 127). В 501 г. Шеллиби упоминается среди свидетелей расписки, в которой его отец фигурирует как должник (VS III 127).

Шеллиби, естественно, унаследовал пребенду своего отца в храме Эсагила. По свидетельству одного документа, управляющий этим храмом заявил, что Шеллиби должен нести дежурство с 1-го по 5-й день каждого месяца, доставляя для трапезы богини Ишхары по 18 л пива и хлеба (VS VI 273). Кроме того, он купил еще одну пребенду, уплатив за нее весьма высокую цену. Об этом свидетельствует ряд связанных между собой текстов. Первый из них относится к 496 г. и фиксирует приобретение Шеллиби у Ана-Бел-эреша, сына Набу-апла-иддина, пребенды мясника быков и овец в храме Ишхары для праздничных и вечерних трапез. Она была приобретена за «полную цену» — 3 мины серебра (BV 107, AfO 38–39. N 7). Затем женщина по имени Кабтая уведомила Шеллиби о том, что проданная ему пребенда была заложена для обеспечения ссуды в 3 мины серебра, предоставленной ею в распоряжение Ана-Бел-эреша. Предъявив долговую расписку, она также заявила, что собирается оспаривать законность продажи этой пребенды. В конечном итоге ей удалось стать совладелицей данной пребенды совместно с Шеллиби (BV 108, AfO 38–39. N 8). Однако еще один кредитор (некий Бел-иддин) предъявил претензию на эту пребенду, и в 494 г. Кабтайи пришлось уплатить ему мину серебра, а он обязался не судиться с нею³¹.

В 504 г. Шеллиби купил у Мардук-ремани, сына Кидинну, «пребенду певчего перед богиней Ишхара на восьмой день месяца нисанну», дававшую право на одну голову быка, голову барана и «посредственный» кусок мяса. В контракте не указана цена этой пребенды, но отмечается, что сверх «полной цены» Шеллиби уплатил дополнительно еще 2 сикля серебра (AfO 38–39. N 5). Но, как

²⁹ Он выступает кредитором также в BV 116, 120, 124; VS IV 151, 159, 165, 166, 175; VS VI 154, 323 и должником в LuOg 15, N 6; BV 104, 105, 106, 109, 110, 114; Dar 399, 407; VS IV 142, 143, 164, 169, 171, 172.

³⁰ Ср.: VS VI 165 — фрагмент с клятвой, где Шеллиби выступает свидетелем.

³¹ BV 113 = 118/AfO 38 – 39. N 8; см. также BV 119. Ср.: BV: 289–291; MacGinnis. AfO 38–39: 78.

видно из другого документа от того же года, эта цена равнялась 16 сиклям (BV 97 = Dag 463). Однако окончательный расчет был произведен лишь в следующем году (Dag 487)³². В 494 г. Шеллиби заложил одну из своих пребенд за ссуду в 63 сикля (AuOr 15. N 6 = BV 112).

Странным может показаться контракт, согласно которому Шеллиби взялся отремонтировать дом, принадлежавший некоему Эриба-Мардуку. Но впоследствии оба контрагента согласились аннулировать эту сделку и предоставить владельцу дома возможность передать заказ другому лицу (VS V 99). Очевидно, Шеллиби не был строителем, и в данном случае он собирался стать лишь подрядчиком, но в конечном итоге ему пришлось отказаться от заказа.

В одном тексте Шеллиби вместе с неким Арад-Бау выступает арендатором земли Багасара, заведующего сокровищницей персидского царя Дария I (Dag 296). Площадь арендованного поля не указана, но его владелец должен был получить 30 600 л ячменя. Обычно владельцу земли платили $\frac{1}{3}$ урожая. Очевидно, Шеллиби не сам обрабатывал арендованное поле, а прибегал к наемному труду (см. также AuOr 15, п. 7). Судя по одному недагированному тексту, в течение определенного времени Шеллиби выполнял какую-то работу для «дома царевича» (вероятно, имеется в виду будущий царь Ксеркс) и доставил туда 1800 л ячменя (VS III 210).

Среди ростовщических операций Шеллиби можно отметить выдачу им 1 мины серебра под залог рабыни должника и поручительство третьего лица (VS IV 170).

В ряде случаев Шеллиби прибегал к услугам различных ремесленников. Так, в 499 г. он заказал «новую превосходную» одежду у некоего Аплы, уплатив за нее 1 сикль серебра (VS IV 141). В 495 г. он договорился с одним из своих контрагентов, что тот доставит ему в Кар-Ташмету три «безупречные» балки. При этом Шеллиби обязался уплатить контрагенту 36 л ячменя. По всей вероятности, здесь речь идет об остатке цены за балки (см.: NRV: 259). Из одного документа от 496 г. видно, что Шеллиби владел судном, которое находилось в распоряжении нанятого им корабельщика, но было отдано последним в аренду за 1 сикль серебра в день. Эта плата вручалась непосредственно Шеллиби (VS V 98).

В нескольких документах нашли отражение взаимоотношения между Шеллиби и его женой, которую звали Хибтая. Из документа от 513 г. видно, что по крайней мере за пять лет до этого они были разведены или жили отдельно друг от друга. В тексте отмечается, что она не получала от Шеллиби одежды в течение пяти лет и накопившаяся за ним сумма денег уже равнялась 2 минам серебра, которые он обязался уплатить ей (BV 95). Однако в документе от 498 г. снова упоминается долговая расписка на 2 мины — «цену одежды Хибтайи» (BRM I 80). По-видимому, здесь речь идет о вновь накопившемся долге. Сохранилась также расписка Хибтайи в получении от Шеллиби 90 л ячменя в качестве продовольствия за три месяца 33-го года правления Дария I (489 г.) (VS VI 161). Приблизительно за четыре месяца до этого Хибтая дала расписку в получении от Шеллиби 630 л ячменя, продовольствия за 21 месяц, от шабату 31-го до кон-

³² Шеллиби выступает пребендарием в храме Ишхарты и в VS VI 143.

ца ташриту 33-го года правления Дария, т. е. по 1 л в день. По-видимому, отношения между (бывшими ?) супругами были напряженные, поскольку алименты выплачивались через третье лицо и каждая сторона получала по экземпляру документа (BV 115).

У Шеллиби был также брат, которого звали Эриба. Вероятно, он был младшим в семье и получил только $\frac{1}{3}$ имущества (без учета приданого сестры). Его имя встречается лишь в трех документах, составленных в 500 и 498 гг. Возможно, он рано умер, но также не исключено, что свои документы держал отдельно от семейного архива. Отношения этих людей друг к другу не покажутся нам братскими в свете расписки, по свидетельству которой в 500 г. Шеллиби дал в долг Эрибе 40 сиклей серебра сроком на три месяца. Ссуда, правда, была беспроцентной, однако для ее обеспечения Эрибе пришлось заложить дом (VS IV 158). В то время как Шеллиби сдавал земли в аренду, судя по одному документу, Эриба сам нанимался в арендаторы к другим лицам (VS III 136). Он упоминается также среди свидетелей документа, в котором некий Бел-иддин обязуется внести арендную плату для Шеллиби (VS III 135).

Приведенные выше документальные свидетельства можно подытожить следующим образом. Иддин-Набу, по-видимому, происходил из семьи с довольно скромным достатком, которая кроме родителей состояла из двух сыновей и дочери. Нам точно не известно, какое имущество имела эта семья, но размер его можно представить себе, исходя из следующих данных. После смерти Набу-банзера в 544 г. его сыновья выдали свою сестру Цирайю замуж, выделив для нее следующее приданое: курру (13 500 м²) земли, одного раба, 3 платья, кровать, стол и стул. Храмовая пребенда приносила лишь незначительный доход — по 7 л хлеба и пива в определенные дни в году. Все имущество семьи (включая приданое), вероятно, состояло приблизительно из 3 га земли, нескольких рабов, указанной пребенды и домашней обстановки. Поскольку Иддин-Набу был младшим сыном, доля его наследства, по-видимому, была меньше доли его брата, которому полагалось отдать $\frac{2}{3}$ всего имущества, не считая приданого сестры. Раздел имущества состоялся в 544 г.

В том же году Иддин-Набу пришлось по приговору суда выплатить огромную компенсацию (30 сиклей серебра) некоему Икише, которого он зверски избил.

О старшем брате Иддин-Набу, которого звали Мардук-шум-иддин, мало известно. В двух случаях он выступает как кредитор Иддин-Набу. Сесгра Цирайя редко упоминается в документах. По-видимому, она жила в достатке, располагая приличным приданым и будучи замужем за состоятельным человеком.

Дата брачного контракта Иддин-Набу и Эсагил-рагат не сохранилась. По всей вероятности, его женитьба на ней состоялась в 537 г., когда Эсагил-рагат купила рабыню с месячным ребенком за 1 мину 12 сиклей, или еще до этого. Представляется невероятным, что она могла заниматься крупными имущественными сделками до замужества, когда еще не получила приданого. Эсагил-рагат принадлежала к одной из боковых линий влиятельного рода Эгиби. Женившись на ней, Иддин-Набу значительно улучшил свое имущественное положение. Ее приданое состояло из финиковой рощи в 10 800 кв. м, расположенной близ Вавилона в Кар-Ташмету, одного раба и разных предметов домашней обстановки.

Позднее, после смерти своей матери, она получила еще одну рощу в 9000 кв. м, расположенную в Набату.

Весьма существенным источником обогащения Иддин-Набу стало усыновление его бездетным родственником, состоятельным ростовщиком Гимиллу. В результате этого усыновления, которое состоялось до 527 г., Иддин-Набу получил долговые расписки на общую сумму 3 мины 35 сиклей, а также пребенду, приносящую некоторый доход хлебом, пивом и мясом. Когда к 525 г. Гимиллу умер, все остальное имущество его тоже перешло к приемному сыну. В то же время последний освободился от необходимости доставлять определенное количество продуктов и одежды своему усыновителю. Кроме того, Иддин-Набу не захотел поддерживать в старости свою приемную мать, муж которой не предусмотрел, что может умереть раньше жены, и он поэтому не позаботился о ее обеспечении. Иддин-Набу позволил ей оставить себе кроме ранее выделенных ей мужем 30 сиклей серебра лишь несколько предметов скудной домашней обстановки, которые, очевидно, составляли часть ее приданого, а также разрешил ей временно, до погашения ссуды, жить во взятом в антихрезу доме.

Пытаясь определить имущество Иддин-Набу к концу его жизни, следует иметь в виду прежде всего приданое его дочери Таблуту, которая наряду с предметами домашней обстановки получила 9 мин серебра и двух рабов. Такую большую денежную сумму, на которую можно было купить 3 хороших дома, получали лишь немногие вавилонские невесты. Максимальная денежная сумма приданого, выделенного в рассматриваемое время, насколько нам известно, равнялась 24 минам серебра. Это было приданое Нунгты, дочери известного богача Иддин-Мардука из рода Нур-Сина, которая вышла замуж за Итти-Мардук-балату, старшего сына главы дома Эгиби Набу-аххе-иддина (Суг 129 = 130).

Как мы видели выше, Иддин-Набу владел несколькими домами и сдавал их в аренду. Определить точное количество этих домов трудно. Среди них, по топографическим данным, можно выделить по меньшей мере два дома площадью соответственно 61 и 63 кв. м. Один из них граничил с домом известного предпринимателя Таб-цилли-Мардука, а другой был расположен у дороги, по которой проходила процессия к одному из вавилонских храмов. Кроме них Иддин-Набу сдавал в аренду и другие дома (см.: NRV: 158). Сохранились также контракты о приобретении Иддин-Набу еще двух домов. Один из них стоил 3 мины 11 сиклей. Весьма примечательно, что, имея столько домов, сам Иддин-Набу жил в доме, который был взят его приемным отцом в антихрезу. Обычно дома сдавались в аренду на один год, но иногда на 3 года или даже на 5 лет. Арендная плата за год колебалась от 15 до 20 сиклей, но иногда доходила до 25–30 сиклей.

Иддин-Набу и его жена Эсагил-рамаат владели финиковыми рощами, расположенными в Кар-Ташмету, Кар-Набу и Набату, и сдавали их в аренду примерно за 2800–5400 л фиников в год, не считая разных субпродуктов финиковых пальм, с 1 курру земли. Установить общую сумму годовой арендной платы трудно, так как архив пока опубликован не полностью. Земля обычно сдавалась им в арен-

ду на год, но в одном случае — на 10 лет. Нам известны по их именам восемь арендаторов этих рощ за разные годы.

Примечательно также, что Иддин-Набу часто нанимал других лиц (иногда и рабов) для выполнения обязанностей, связанных с его храмовыми пребендами.

Он и его жена занимались также работоторговлей. Например, он продал раба за 2 мины и 15 сиклей и купил по меньшей мере трех рабов. Кроме того, его жена купила трех рабынь. Эти рабы и рабыни стоили от 1 мины 12 сиклей до 2 мин 52 сиклей за одного человека.

Ростовщическая деятельность занимала существенное место в жизни Иддин-Набу и Эсагил-рапат. Они ссужали деньги (обычно от 30 до 80 сиклей) под 20 % годовых и под залог полей, пребенд и т. д., а также под антихрезу домов и рабов.

В тех случаях, когда семья Иддин-Набу нуждалась в ремесленных изделиях, он заключал контракты с соответствующими мастерами на их изготовление.

Сохранилось также несколько документов об уплате государственных налогов Иддин-Набу. Последнее упоминание о нем в опубликованных текстах относится к 500 г. до н. э. (Dag 530). Он, по-видимому, умер до 497 г., поскольку начиная с этого года его старший сын Шеллиби собирал плату с арендаторов финиковых рощ и проценты с должников своих родителей. Поскольку Иддин-Набу упоминается в документах с 544 г. как взрослый и правоспособный человек, он, вероятно, прожил более 70 лет.

После смерти Иддин-Набу большая часть его состояния перешла к Шеллиби. Самое раннее упоминание о нем относится к 522 г., когда его отец внес за него votивный дар в храм. В 501 г. он выступает свидетелем документа, в котором его отец упомянут в качестве должника.

Деятельность Шеллиби мало чем отличалась от таковой его отца. В 499 г. он заказал себе у одного ткача «превосходную» одежду. Он также купил пребенды певчего и мясника, хотя, очевидно, сам не мог выполнять функции ни того, ни другого. Кроме того, он владел судном и на службе у него состоял наемный корабельщик. В одном случае это судно было сдано в аренду за сикль серебра в день.

Вероятно, Шеллиби развелся с женой, так как обязан был доставлять ей одежду, цена которой в течение пяти лет составила 2 мины серебра, а также содержание, исходя из расчета 1 л ячменя в день.

Одно из последних упоминаний о Шеллиби относится к 35-му году правления Дария I (487 г. до н. э.), когда он купил пребенду (VS VI 165). После 1-го года правления Ксеркса (485 г., см.: VS VI 179) нам ничего о нем не известно. Таким образом, его предпринимательская деятельность прослеживается с 522 по 485 г.

Доля наследства Эрибы, младшего брата Шеллиби, вероятно, составила $\frac{1}{3}$ семейного имущества без учета приданого сестры. В одном случае Шеллиби ссудил ему 40 сиклей серебра под залог дома. В отличие от своего брата, сдававшего землю, Эриби сам нанимался арендатором к другим лицам. В период правления Ксеркса (486–465 гг.) и последующих ахеменидских царей количест-

во текстов из Вавилона резко уменьшается, и поэтому трудно проследить дальнейшую судьбу семьи Иддин-Набу. Возможно, семья сильно пострадала в ходе подавления вспыхнувших в Вавилоне в 484 и 482 гг. восстаний против персидского господства.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОДНОЙ ПИСЦОВОЙ СЕМЬИ ИЗ ВАВИЛОНА³³

Как известно, писец³⁴ был центральной фигурой вавилонской цивилизации. Именно ему мы обязаны созданию и сохранению сотен тысяч клинописных текстов. Однако наша информация о социальном и имущественном положении месопотамских писцов очень ограничена. Но такую информацию зачастую можно получить, привлекая данные о тех или иных писцах из разрозненных документов и сопоставляя эти данные между собой. В этой статье делается попытка проследить деятельность членов одной писцовой семьи, которая жила в Вавилоне в VI в. до н. э. В сохранившихся документах засвидетельствованы члены трех поколений этой семьи. Ее старшим представителем был Набу-шум-иддин³⁵, сын Набу-зер-укина из семьи Надин-ше'има (в переводе: «торговец зерном»). Он упоминается лишь в двух текстах, которые были составлены им самим в Вавилоне с интервалом в 36 лет, соответственно в 28-м году правления Навуходоносора II (577 г. до н. э.) и 15-м году Набонида (541 г.)³⁶. Оба документа являются долговыми расписками о выдаче денежных ссуд под проценты из расчета 1 сикль серебра на мину в месяц, т. е. 20 % в годовом исчислении, что являлось обычной практикой в Древней Месопотамии. При этом во втором тексте кредитором выступает Итти-Мардук-балату, член известной семьи Эгиби, который в данном случае выдает 1 1/2 мины серебра в ссуду одному храмовому рабу.

Одного из сыновей этого писца звали Бел-аххе-икиша, он известен нам лишь из нескольких документов, где упоминается в качестве писца (см. ниже).

Более шестидесяти документов свидетельствуют о деятельности Мардук-шапик-зера³⁷, другого сына упомянутого Набу-шум-иддина. Эти тексты охватывают период в 24 года, от 2-го года правления Набонида до года вступления Камбиза на престол (554-530). Он был жителем Вавилона, откуда и происходят почти все документы с его упоминанием. По своей профессии он был писцом частноправовых документов, и около тридцати сохранившихся текстов составлено им. Кроме того, он занимался предпринимательской деятельностью.

³³ Лившиц В. А., Медведская И. Н., Якобсон В. А. (ред.). История и языки Древнего Востока: памяти И. М. Дьяконова. СПб., 2002. С. 53-57.

³⁴ Обычно пишется LU UMBISAG, что по-аккадски читается [ur̄ṣaḡtu].

³⁵ В двух документах это имя написано: Набу-зер-иддин (см.: Nbn 400:16; 442:16), что, очевидно, является опиской писца или издателя.

³⁶ Nbk 185:18; Nbn 945:18. Во втором из этих текстов его имя сохранилось не полностью, ср.: Tallqvist 1906:144.

³⁷ В ряде случаев это имя написано сокращенно: Шапик-зер (см., например: CM 3. N 137: 21).

В большинстве этих текстов Итти-Мардук-балату из дома Эгиби выступает кредитором различных сумм серебра (Nbn 372, 433, 566, 585, 1120; Cug 148, 254, 261) или получателем арендной платы (иногда вместе со своими братьями) фини-ками (Nbn 346; Cug 140, 316; Camb 3), или покупателем рабов, полей и т. д. (Nbn 77, 372, 391 (= TCL 12, 94), 903; Cug 120, 261; CM 3. N 137; см. также Nbn 623, 724, 787). В одной долговой расписке кредитором выступает Ина-Эсагил-рамаг, жена крупного предпринимателя Иддин-Мардука, потомка Нур-Сина (Cug 321). Этот же писец составлял документы также для других лиц (Nbn 390, 587, 603, 956 и др.). Кроме того, в 25 контрактах он упоминается в качестве свидетеля. Один из этих документов составлен в Борсиппе (Cug 358), а остальные происходят из Вавилона. Как правило, в них члены дома Эгиби и семьи Нур-Сина, а реже и другие лица являются контрагентами (Nbn 71, 392, 395, 400, 434, 470, 509, 533, 602, 669, 675, 687, 760, 1111; Cug 143, 228, 268, 322, 323, 328, 335, 346; Liverpool 1; CM 3. N 209).

Кроме своей профессиональной деятельности писца Мардук-шапик-зер занимался также предпринимательством. Для нововавилонского и ахеменидского периодов, к которым относятся рассматриваемые здесь документы, были характерны коммерческие товарищества, когда два или несколько человек совместно вели торговлю, деля между собой выручку и убытки. Документы не уточняют, какие торговые операции имеются в виду. Очевидно, это было приобретение продуктов и товаров в других городах, в ряде случаев даже в других странах, где они стоили дешево, и дальнейшая их продажа по более высоким ценам (см. подробно: Lanz 1976; MacGinnis 1994). Рассмотрим эти тексты.

Moldenke I 15. « $\frac{1}{3}$ мины серебра, принадлежащая Шапик-зеру, сыну Набу-шум-иддина, потомка Надин-шеи'ма, за Набу-этиром, сыном Циллая, потомка Данниза. (Эти деньги отданы) для предпринимательства (Ana harráni). Всем, что Набу-этир выручит на это в городе или сельской местности, он вместе с Шапик-зером будет пользоваться в равной мере. Набу-этир должен ежегодно платить 2 сикля серебра из предпринимательской выручки вместо процентов. За капитал ответственность несет Бел-(...), сын Набу-шум-уцура, потомка Бания. Свидетели (имена двух человек), писец (имя). Вавилон, 11-й день месяца арахсамна 6-го года Набонида, царя Вавилона» (т. е. 549 г.).

Часто Мардук-шапик-зер занимался коммерческим предпринимательством совместно с Итти-Мардук-балату из семьи Эгиби. Они вкладывали средства, чтобы финансировать различные торговые сделки. Ниже эти контракты даны в хронологической последовательности.

Nbn 199 (ср. перевод: BRL II: 56). «... (относительно) 1 мины серебра, которую Итти-Мардук-балату, сын Набу-аххе-иддина, потомка Эгиби, и Шапик-зер, сын Набу-шум-иддина, погомка Надин-ше'има, вложили в совместное дело. Все, что они выручат из этого, они (поделят) поровну между собой. Свидетели (имена трех человек). Писец (имя)³⁸. Вавилон, 3-й день месяца арахсамна 5-го года Набонида, царя Вавилона» (т. е. 551 г.).

³⁸ Писцом выступает некий Мардук-шум-иддин, сын Апплая, потомка Бел-этера, хотя оба контрагента сами получили писцовое образование и были составителями многих документов. См. также и другие рассматриваемые в этом разделе тексты, где писцами являются третьи лица.

Nbn 572 (ср. частично устаревший перевод: BRL II: 58). «5 мин серебра и 130 пустых чанов, принадлежащие Итти-Мардук-балату, сыну Набу-аххе-иддина³⁹, потомка Эгиби, и Мардук-шапик-зеру, сыну Набу-шум-иддина, потомка Надин-ше'има, за Курбат-Набу-цаббит (?), рабом Набу-аххе-иддина и Набу-дину-ипушем, рабом Мардук-шапик-зера, для предпринимательства. Все, что они выручат на этот (капитал) в городе и сельской местности, Итти-Мардук-балату и Мардук-шапик-зер (поделят) поровну между собой. Во время (выполнения) этого поручения Курбат-Набу-цаббит (?) и Набу-дину-ипуш могут питаться и одеваться из этого (капитала). (Кроме всего этого), за ними числится (еще) утварь, которая находится в их распоряжении. Свидетели (*имена двух человек*). Писец (*имя*). Вавилон, 7-й день месяца аддару 11-го года Набонида, царя Вавилона» (545 г.).

Nbn 652 (ср. Lanz 1976: 24). «²/₃ мины серебра, принадлежащие Итти-Мардук-балату, сыну Набу-аххе-иддина, потомка Эгиби, и Шапик-зеру, сыну Набу-шум-иддина, потомка Надин-ше'има, за Пуптой, дочьерью Мардук-бел-илани, для предпринимательства. Одну треть из выручки получит Пупта. Она также [несет ответственность] за капитал. Свидетели (*имена двух человек*), писец (*имя*). Вавилон, 2-й день месяца тебету 12-го года Набонида, царя Вавилона» (г. е. 544 г.).

Nbn 653 (ср.: BRL II: 58). «1 мина серебра, принадлежащая Итти-Мардук-балату, сыну Набу-аххе-иддина, потомка Эгиби, и Шапик-зеру, сыну Набу-шум-иддина, потомка Надин-ше'има, за Набу-дину-ипушем, рабом Шапик-зера, для предпринимательства. Все, что он выручит в городе или сельской местности, Итти-Мардук-балату и Шапик-зер поровну поделят между собой. Итти-Мардук-балату должен отдать одного раба Набу-дину-ипушу для выполнения поручительств по предпринимательству. Свидетели (*имена двух человек*), писец (*имя*). Вавилон, 2-й день месяца тебету 12-го года Набонида, царя Вавилона» (544 г.).

Следующие два документа относятся к категории так называемых абстрактных долговых расписок (*u'iltu*), причиной которых обычно была ссуда, но нередко также и кредит для торговли, арендная плата, неуплаченный остаток долга и т. д.

Nbn 335 (ср. перевод Корнелии Вунш: СМ III 164). «11 ¹/₂ сиклей серебра, принадлежащие Шапик-зеру, сыну Набу-шум-иддина, потомка Надин-ше'има, за Набу-тултани-лишарем, сыном Бел-зер-ибни, потомка Наппаху. В месяце симану⁴⁰ он должен уплатить. Кроме того, за ним числятся три старых пустых чана. Свидетели (*имена трех человек*), писец (*имя*). Вавилон, 23-й день месяца аяру 9-го года Набонида, царя Вавилона» (547 г.).

Nbn 504. «...кур 1 (*пан*) 2 сут фиников, принадлежащих Шапик-зеру, сыну Набу-шум-иддина, потомка Надин-ше'има, за Бел-ушаллимом, сыном Шумукина, потомка Син-шадуну. Он должен доставить (эти финики) в месяце арахсамна в ограде его поля... [вместе с ...вя]занками дров (от финиковых пальм). Свидетели (*имена двух человек*), писец (*имя*). Вавилон, 14-й день месяца аяру 11-го года Набонида, царя Вавилона» (545 г.).

³⁹ Очевидно, имеется в виду вышеупомянутый отец Итти-Мардук-балату.

⁴⁰ То есть через месяц после составления данного документа.

По свидетельству Nbn 388, в 547 г. он купил у одного работорговца рабыню, «старуху» по имени Ли'иту, за 14 сиклей серебра (см. перевод: Дандамаев 1974:117). Следует отметить, что нормальная цена рабыни в рассматриваемое время составляла около одной мины серебра.

Как видно из Nbn 1031, составленного в 539 г., Мардук-шапик-зер купил участок земли в 3 сут (1200 кв. м) у человека, который владел этой землей совместно с Итти-Мардук-балату из семьи Эгиби и его братьями. Полная цена поля неизвестна, поскольку рассматриваемый документ фиксирует лишь ее остаток, составлявший 14 1/2 сикля. Сделка была заключена через посредство Итти-Мардук-балату. Далее в тексте говорится, что если продавец, «его братья и мачеха (дословно: «жена отца»)» предъявят заверенный печатью документ, то Шапик-зер должен уплатить Итти-Мардук-балату эти 14 1/2 сикля». Здесь, очевидно, имеется в виду оригинал настоящего документа, который после оплаты цены поля должен был перейти в распоряжение покупателя (ср.: Krecher 1970: 199 f.; там же приведена и более ранняя литература).

В текстах из Вавилона упоминаются также два сына Мардук-шапик-зера. По свидетельству Camb 174, от 527 г., 6 кур фиников составляли арендную плату с финиковой рощи, расположенной на берегу канала по названию Хазузу. Получателями арендной платы были Итти-Мардук-балату из семьи Эгиби, а также Мардук-ушаллим и Набу-мушетик-уддэ, сыновья Шапик-зера, потомка Надин-ше'има. Арендатор должен был доставить финики в один прием мерой в один пан. Далее в тексте отмечается, что за тем же арендатором числились более ранние недоимки по арендной плате. Среди свидетелей этого документа упоминается Бел-аххе-икиша, сын Набу-шум-иддина, потомка Надин-ше'има (см. строку 13). Он, очевидно, был дядей (брагом отца) арендодателей из семьи Надин-ше'има (ср. выше). Это же лицо выступает среди свидетелей внесения арендной платы финиками еще в двух документах (Nbn 435: 11; Camb 179: 14).

Согласно TCL 13. N 192 с финиковой рощи на берегу канала, название которого не сохранилось, три арендатора должны были уплатить 11 кур фиников вышеупомянутому Набу-мушетик-уддэ и Мардук-нацир-апли, сыну Итти-Мардук-балату из дома Эгиби. Документ составлен в 506 г., и возможно, что к тому времени второго брата уже не было в живых.

Dag 194 является долговой распиской относительно 12 сиклей серебра, которые Набу-мушетик-уддэ обязан был уплатить в 512 г. Мардук-нацир-апли, сыну Итти-Мардук-балату из семьи Эгиби. Поле должника, граничившее с землей кредитора, было объявлено залогом. Далее в тексте отмечается, что указанная сумма была «ценой за финики» урожая прошлого года. Как полагает Крехер, в этом документе речь идет об арендной плате, и Набу-мушетик-уддэ, вероятно, был либо арендатором, либо же занимался сбором арендной платы и доставкой ее к Мардук-нацир-апли.

По свидетельству одного документа, составленного в 522 г., Мардук-ушаллим был должником женщины по имени Инбая, и из взятой им ссуды оставалось уплатить еще 1 мину 50 сиклей серебра. Для обеспечения этого долга он отдал в залог одного раба и небольшой участок земли. Залог был антихрезой, т. е. кредитор не получал процентов, но и не платил за услуги раба. Однако, если раб

«уйдет в другое место», его хозяин должен был платить кредитору в порядке возмещения процентов 1 сут ячменя ежедневно до полного погашения ссуды (Liverpool 22; см. также переиздание этого текста: Graziani 1991 26).

Приведенная выше информация носит отрывочный характер, и это легко объясняется тем, что рассмотренные документы в массе своей происходят из архива дома Эгиби, и поэтому в них могли быть отражены лишь те сделки, которые имели отношение к имуществу Эгиби. Что же касается собственно архива Мардук-шапик-зера и его сыновей, документы из него либо не сохранились, либо же пока остаются неизданными.

Насколько можно судить из рассмотренного выше материала, интересующая нас семья, обязанная своим фамильным именем предпринимателю, который занимался торговлей зерном, по-видимому, была семьей среднего достатка. Набушум-иддин, первый документально засвидетельствованный представитель этой семьи, был писцом частноправовых документов, и мы не располагаем никакой другой информацией о нем. Его сын Мардук-шапик-зер регулярно занимался не только составлением деловых документов, но также и предпринимательской деятельностью. Имущественные интересы этого писца и его сыновей часто были связаны с интересами членов дома Эгиби. Они совместно вкладывали средства, чтобы финансировать различные торговые сделки, и соответственно делили выручку поровну между собой. Агенты, которые фактически занимались предпринимательством, часто были рабами, выполнявшими распоряжения своих хозяев, получая за это пищу и одежду. Для таких услуг прибегали также к свободным, которые за свою работу обычно получали $\frac{1}{3}$ выручки. Кроме того, Мардук-шапик-зер и его сыновья совместно с Эгиби владели финиковыми рощами, которые сдавались в аренду. Размер арендной платы колебался от 6 до 11 кур фиников.

Можно полагать, что предпринимательская деятельность, а не профессиональная работа писца была основным источником его доходов. Нам не известно, дал ли он писцовое образование своим детям или нет. Поскольку такое образование уже стало традиционным в их семье, по всей вероятности, они также были грамотными людьми.

СЕМЕЙНЫЙ АРХИВ ШАДДИННУ ИЗ БОРСИППЫ (552–482 гг. до н. э.)⁴¹

VI век и первая половина V в. до н. э. в Вавилонии характеризуются исключительным обилием хозяйственных и юридических документов из храмовых и семейных архивов частных лиц. К их числу относится и архив жителя Бурсиппы Шаддинну, сына Балассу из рода Белиа'у. Он был старшиной группы пекарей в Эзиде, храме бога Набу в Бурсиппе, а также занимался хозяйственной и предпри-

⁴¹ Ранее статья была опубликована в кн.: У истоков цивилизации: Сб. статей к 75-летию В. И. Сараниди. М., 2004. С. 163–167.

нимательской деятельностью. В документах упоминаются и его жена Нанайя-дамкат (или сокращенно Дамка), а также брат Набу-мукин-агли и сын Набу-убаллит. Несколько десятков документов этого архива находятся в Переднеазиатском музее в Берлине, а большая часть (165 табличек) в Британском музее. Документы из Переднеазиатского музея были опубликованы в клинописной автографии А. Унгнадом в начале XX в. (VS III–VI) и три десятилетия спустя переведены тем же ассириологом совместно с М. Сан-Николо (NRV). Что же касается документов из Британского музея, некоторые из них изданы Р. и Т. Цадоками (Zadok 2002: 63–66; Zadok R., Zadok T. 2003: 57–60), а содержание остальных текстов пока нам известно только в самом общем виде из каталога этого музейного собрания (Sigrist, Figulla, Walker 1996.)⁴². Архив в целом до сих пор не был предметом специального исследования, и поэтому мы попытаемся рассмотреть документы из него, распределив их по определенным группам.

Долговые документы

В 502 г. Шаддинну ссудил одному лицу 50 сиклей серебра, получив за это в антихрезу (пользование без арендной платы) на два года дом должника. Последний по условиям контракта обязан был платить проценты на ссуду только с части кредита, а именно с 15 сиклей из расчета 12 сиклей на мину серебра в год (NRV 307). По свидетельству другого текста, в 495 г. один поручитель должен был привести некоего Либлута в Борсиппу и передать там его Шаддинну, а в противном случае погасить его долговые обязательства. Как видно далее из документа, Шаддинну удалось получить из рук поручителя и жены Либлута 226 л ячменя (NRV 679)⁴³.

Сделки с землей

Самый ранний известный нам документ из этой группы относится к 520 г. и фиксирует уплату 8280 л фиников с рощи у канала по названию Мишари. Этот урожай предназначался не только Шаддинну, но и нескольким другим лицам, владевшим землей совместно с ним. Финики необходимо было отдать Шаддинну в Борсиппе, как и в других случаях, в месяце арахсамна (октябрь–ноябрь). В тексте также отмечается, что инспектору еще не уплачена пошлина с этого урожая (NRV 424).

В 513 г. арендатор по имени Иддин-Набу должен был уплатить 720 л фиников, не считая 180 л ползурелых фиников. Их надо было доставить в дом Шаддинну

⁴² См. рецензию Р. Цадока на это издание в AfO 44–45 (1997–1998): 293–306 и его же статьи: Zadok 1998: 271–272.

⁴³ Из других текстов, где Шаддинну выступает кредитором, см.: NRV 197, 253; Zadok 2002: 65 (BM 85 009).

в Борсиппе, предварительно измерив царской меркой (NRV 431). В следующем году последний получает 3060 л фиников. Теперь арендатором выступает некий Набу-бултанни. Как видно из текста, в его распоряжении находилось также и зерновое поле, принадлежавшее Шаддинну (NRV 441). В 511 г. последнему совместно с другим лицом (Мушезиб-Бел) предполагалось уплатить 21 600 л фиников. На этот раз арендаторов было двое, и они поручились друг за друга. Финики надо было отдать в доме Шаддинну меркой царя (NRV 435). В 504 г. арендатор должен был уплатить Шаддинну 990 л фиников вместе с талантом полузрелых фиников. В документе отмечается, что речь идет об урожае с местности Бит-Хабцирти (NRV 440). В тексте от 501 г. говорится об арендной плате тем же продуктом (936 л) с местности в Шарбанну. Как и в других случаях, финики необходимо было отдать в Борсиппе в дом Шаддинну (NRV 443). От того же года сохранился еще один документ, согласно которому с роши у канала Михирту необходимо было уплатить 3600 л фиников. На этот раз арендатор (его звали Дигирия) должен был отдать их меркой самого Шаддинну. В тексте также отмечается, что железные лопаты и две кирки, принадлежащие Шаддинну, находятся в распоряжении арендатора (TEBR 74). Следующий текст относится к 496 г. и фиксирует уплату 1008 л фиников с урожая в местности Бит-Маситу. В документе отмечается, что арендатор (его имя было Лабаши) должен был Шаддинну и «другое имущество» (NRV 450). Самый последний известный нам документ об аренде относится к 491 г., когда Шаддинну получил 3960 л фиников с местности Бит-апла-иддина (NRV 453).

Сохранилось также несколько документов об арендной плате, которые оформлены как абстрактные долговые расписки. В таких текстах обычно не указывается причина возникновения долга. Один из этих документов является долговой распиской относительно фиников из роши, которая была расположена у Борсиппского канала (см.: Zadok 2003: 57, со ссылкой на BM 21976). В 524 г. Шаддинну выступает кредитором 540 л фиников (NRV 256). В 502 г. некая Нуггая обязалась доставить Шаддинну 240 л смоквы, и за уплату этого долга поручилось третье лицо (NRV 328). Наконец, в 497 г. еще один арендатор должен был уплатить Шаддинну 120 л ячменя (NRV 272).

В 507 г. Шаддинну купил за 20 сиклей серебра у некоего Набу-иттанну участок земли, который находился «перед степью у Ворот Моря», одна из сторон которого граничила с его собственным полем (NRV 29). В 502 г. Шаддинну купил участок посевной площади в 4050 кв. м, на котором росли финиковые пальмы. Земля эта была расположена в округе Борсиппы, и ее «полная цена» составляла 2 мины 50 сиклей серебра (NRV 51). Сохранился также документ от 507 г. о продаже поля, принадлежавшего Шаддинну, некоему Белидину. Общая цена этого участка не указывается в тексте, так как последний содержит лишь напоминание о том, что покупатель должен был рассчитаться за остаток цены, который равнялся 2 (?) $\frac{1}{2}$ мины серебра (NRV 199). Другой контракт свидетельствует о продаже поля, которое было расположено у Ворот Иштар в Борсиппе (Zadok. AFO 44-45: 299, со ссылкой на BM 21938). Кроме того, в контракте от 519 г. упоминается участок земли Шаддинну, граничивший с проданной третьим лицом землей (NRV 37). Наконец, из текста, датированного 508 г., известен «хутор Шаддинну, сына Набу-

балассу-икби», который указан как граница поля одного жителя Борсиппы (ТМН 2/III, 168). Возможно, здесь имеется в виду интересующий нас Шаддинну, отчество которого в данном случае дано в сокращенном виде.

Сдача зомов в аренду

Выше был упомянут контракт, по свидетельству которого Шаддинну собирался жить в течение двух лет в доме, арендованном в счет уплаты процентов на долг (NRV 307). Было бы ошибочно делать из этого вывод, что он не имел собственного дома. Наоборот, он владел несколькими домами, которые сдавал в аренду. Так, в 517 г. его дом, «находившийся в тупике» и граничивший с домом его брата Набу-мукин-апли, был сдан в аренду на два года некоему Балассу за ежегодную плату в 13 сиклей серебра, не считая полсикля серебра «на пиршество бога Энлиля», т. е. на какой-то магарыч (NRV 120). Хотя дом первоначально был арендован лишь на два года, много лет спустя тот же Балассу продолжал оставаться там и в 509 г. уплатил 9 сиклей серебра за проживание в нем (NRV 125, ср. комментарий там же на с. 166). В 507 г. упомянут еще один арендатор (Иддина). Документ частично разрушен, но из него видно, что этот дом был продан его хозяином Шаддинну, и таким образом прежний владелец превратился в арендатора (NRV 676). Судя по частично сохранившемуся тексту, Шаддинну купил еще один дом за 12 сиклей серебра (Jursa Iraq 59: 135. N 55). Последний документ из этой группы относится к 486 г. и свидетельствует о том, что Шаддинну передал участок земли другому лицу для возведения там дома (NRV 635). Сохранился также документ о сдаче им в аренду склада (BM 96 243, см.: Zadok 2003: 67).

Приобретение рабов

Два документа являются контрактами о покупке рабов. В 504 г. Шаддинну купил раба у некоего Кидин-Мардука за 2 мины серебра. Продавец должен был нести ответственность за любые претензии, которые могли возникнуть относительно этого раба. Далее в тексте отмечается, что «цена поля (уже) получена» (NRV 78). Очевидно, в силу каких-то обстоятельств владельцу раба пришлось продать и свое поле тому же Шаддинну. Второй текст фиксирует приобретение раба у другого контрагента за 50 сиклей серебра, а сама сделка была заключена в присутствии жены продавца (Zadok. AfO 44–45: 299, со ссылкой на BM 21978).

Документы о пребенде

Шаддинну владел пребендой (доходной должностью) в храме Эзида в Борсиппе и выполнял там за соответствующее вознаграждение обязанности старшины пекарей по приотворению ритуальных обедов для богов. Старшиной

пекарей Эзиды он назван в двух текстах, составленных соответственно в 516 и 517 гг. (о них см.: Zadok 2002: 63–66). Он получал продукты, необходимые для выполнения пребнды, от храмового управителя (см., например: Zadok 2003: 63, со ссылкой на BM 29087). Однако по причине своей занятости многочисленными и более выгодными делами он часто нанимал других лиц для выполнения указанных обязанностей, заключив с ними трудовые соглашения. В частности, в 513 г. он предоставил одному контрагенту финики для приготовления угощения в храме (NRV 589). В 509 г. он расплатился с другим контрагентом за службу в храме, которая заключалась в приготовлении обедов для богини Нанайи (NRV 593). Один из исполнителей обязанностей пребндария по поручению Шаддинну каждый месяц снабжал богов Набу и Нанайя двумя кусками мяса, а также доставлял жертвы для бога Адада (см.: Zadok 2002, со ссылкой на BM 29447). Один из документов составлен в 497 г. и отмечает, что исполнитель несет ответственность перед Шаддинну за «непрерывность стола» богов в определенные дни (NRV 599).

Предпринимательская деятельность

Важное место в многогранной деятельности Шаддинну играло предпринимательство. В 533 г. он выдал 1 мину серебра двум компаньонам для извлечения прибыли. В документе отмечается, что независимо от суммы прибыли, которую получают контрагенты «в городе и сельской местности» (т. е. где бы то ни было), они должны вернуть Шаддинну мину серебра, и в этом они поручились друг за друга. Что же касается прибыли, половина ее будет принадлежать Шаддинну, а остальная часть обоим его контрагентам. Любопытно отметить, что писцом документа выступает один из контрагентов (см. Zadok 2003: 57–58, со ссылкой на BM 96246).

В документе от 531 г. отмечается, что 30 сиклей серебра составляли цену 20 чанов пива, принадлежащих некоей Куннабату, дочери Балассу. Эта сумма числилась как долг за Шаддинну и неким Набу-эрба. Они кроме уплаты денег должны были также вернуть все 20 пустых чанов их владелице (Scheil 1929: 17). Очевидно, этот текст свидетельствует о предпринимательской деятельности Шаддинну и его компаньона. В 510 г. некий Нидингу получил от Шаддинну 2934 л фиников, цену 32 1/2 сикля серебра, чтобы уладить какие-то счета, связанные с деловыми операциями (Zadok 2003: 59–60, со ссылкой на BM 96181; NRV 552, 782). Имеется информация и о его связях с дворцовыми властями в Вавилоне, где он, в частности, совершал различные сделки по продаже движимого имущества (*ibid.*: 57).

Относительно Нанайя-дамкат, жены Шаддинну, известно, что она имела раба и владела финиковой рощей (см. ссылки на тексты: *ibid.*).

Некоторые сведения сохранились и о Набу-мукин-апли, брате Шаддинну. Он, по-видимому, был старшим братом, так как начало его деятельности, судя по известным нам данным, относится к 567 г., в то время как Шаддинну появляется в текстах начиная с 552 г., т. е. на пятнадцать лет позднее. Одна квитанция от

567 г. фиксирует выдачу им двум поименно названным лицам 108 л ячменя «без присутствия Булты» (NRV 526). Через шесть дней была составлена квитанция, согласно которой он уплатил 216 л ячменя еще одному лицу опять «без присутствия Булты», и при этом отмечается, что «остаток не забьт» (NRV 527). Булта, очевидно, находился в каких-то деловых контактах с Набу-мукин-апли. Эти контакты продолжались и гораздо позднее, при сыне Булты. Так, в 544 г. некий Римуг, сын Этеллу, и Белшуну, сын Булты, жили в доме, принадлежавшем Набу-мукин-апли, и должны были ежемесячно вносить арендную плату, общая сумма которой в течение года составляла 10 сиклей серебра, «не считая подарка». В контракте также отмечается, что арендаторы не должны отдавать денег без присутствия женщины по имени Куннабату (NRV 113). Как полагают издатели текста, последняя была женой арендодателя и владелицей дома (см.: NRV: 156). Последний текст, в котором Набу-мукин-апли появляется, был составлен в 531 г., и в нем он упомянут среди свидетелей контракта, заключенного его братом (Scheil 1929: 17).

Известен также составленный в 508 г. брачный контракт Набу-убаллига, сына Шаддинну, с некоей Амти-Нанайя (Zadok 1998: 271, со ссылкой на BM 26 483).

Из рассмотренных выше документальных данных можно прийти к следующим выводам. Шаддинну был постоянным жителем Вавилона, землевладельцем, домовладельцем, храмовым пребендарием и предпринимателем. Его жизнь в общих чертах прослеживается в течение 70 лет, с 552 по 482 г. Поскольку он в самом начале своей карьеры упоминается как взрослый, правоспособный человек, которому не могло быть меньше двадцати лет, даже по современным нашим представлениям, его жизнь была очень долгой, более 90 лет. При нем сменилось более десяти царей, произошло несколько дворцовых переворотов, страна подверглась персидскому нашествию и три раза восставала против чужеземного господства. Однако, судя по сохранившимся данным, все это мало коснулось Шаддинну, и он вряд ли пострадал от драматических событий своего времени. О его деятельности свидетельствует архив, состоящий приблизительно из двухсот текстов, включая также документы его жены, брата и сына. Почти все они составлены в Вавилоне и лишь немногие тексты — в Вавилоне.

Его внимание всецело было поглощено заботой о сохранении и приумножении своего имущества. Его недвижимая собственность состояла из нескольких домов, склада, полей и финиковых деревьев, расположенных в Вавилоне и в ее сельской округе. Многочисленные долговые расписки свидетельствуют о его разнообразных сделках. Все это имущество он сдавал в аренду нескольким арендаторам, которые доставляли ему домой урожай фиников и ячменя, а также платили деньги. Арендная плата колебалась от нескольких сотен до нескольких тысяч литров фиников в год. Иногда одни и те же лица арендовали его имущество в течение многих лет. В начале предпринимательской деятельности его арендную плату оценивали царской меркой, а впоследствии он завел собственную мерку. Временами он жил не у себя, а в доме, взятом за долги в антихрезу (аренда за счет процентов с ссуды). Он также покупал недвижимое имущество и рабов у своих несостоятельных должников. Значительное место в его жизни занимала предпринимательская деятельность. В частности, он выдавал деньги для тор-

говли разным лицам с условием раздела вырученной прибыли и неукоснительного возврата основного капитала; он сам вместе со своим компаньоном занимался продажей пива; он также ездил в столицу страны Вавилон и заключал там различные имущественные сделки.

Наконец, он играл видную роль в храме Эзида в Борсиппе, где имел приносившую ему постоянный доход пребенду старшины группы пекарей, готовивших жертвенные обеды для богов. Однако разносторонняя деятельность Шаддинну не оставляла ему достаточного времени для работы пребендаря, и поэтому он нанимал для выполнения этих обязанностей в храме других лиц, уплачивая им соответствующее вознаграждение.

Один из его домов граничил с домом брата. Последний также занимался предпринимательской деятельностью и сдавал дом в аренду. Его деятельность в самом общем виде может быть прослежена в течение 36 лет, с 567 по 531 г. О Набу-убаллите, сыне Шаддинну, пока мало что известно, однако сохранился его брачный контракт, заключенный в 508 г.

Но было бы преувеличением относить Шаддинну к высшему слою вавилонских предпринимателей (таких как, например, Эгиби или Мурашу). В отличие от последних, имевших в своем распоряжении десятки тысяч литров фиников или ячменя и десятки мин серебра, размах деятельности Шаддинну был более скромным, ограничиваясь несколькими тысячами литров продуктов и не очень значительной суммой денег.

ХОЗЯЙСТВО ВАВИЛОНЯНИНА ТАБИИ (VI В. ДО Н. Э.)⁴⁴

Табия⁴⁵, сын Набу-апла-иддина из рода Син-или, упоминается во многих документах, составленных между 583–545 гг. в Вавилоне, Борсиппе, Сиппаре, Кише, Марада и в некоторых других городах. После смерти в 544 г. ему наследовали его сыновья (VS III 54, 62, 92 и др.). Только в одном контракте он упомянут как свидетель (VS V 146), а в других текстах как писец и контрагент (арендодатель, кредитор и т. д.). Но в качестве писца он упоминается только в тех документах, где одновременно выступает контрагентом в качестве арендодателя, кредитора и т. д. (VS III 8, 9, 13, 59 и др.).

Часто он сдавал в аренду поля. Например, в 573 г. он сдал поле в 3,5 га, расположенное в местности Кар-Ташмету, чтобы превратить его в сад (VS V 11). В том же году два арендатора доставили ему 19 800 л фиников в качестве арендной платы с садов, расположенных в той же местности. Через два года он сдал поле в другом месте четырем арендаторам, один из которых (Набу-киллани) был его собственным рабом. Они должны были уплатить 21 960 л ячменя, 234 л пряностей, а также доставить ему всю солому. Писцом контракта был он сам (VS III 13). В 583 г. Табия одолжил мину серебра «для семян» некоему Мушезиб-

⁴⁴ Перевод статьи «Economy of Tābiya, a Babylonian of the Sixth Century B.C.» (Oikumene 5 (1986). P. 51–53).

⁴⁵ Его полное имя было Tābiya-šilli-Marduk, но обычно оно пишется в сокращенной форме.

Белу. Последний должен был уплатить кредитору одну треть урожая с поля в местности Бит-эпеш-или, а также оросить это поле (VS IV 17). В 576 г. этот же человек доставил Табии 4500 л ячменя с полей, расположенных там же (VS III 3–9). В 574 г. Табия сдал в аренду поле на берегу канала недалеко от Вавилона сроком на пять лет, чтобы насадить там сад (VS V 10). В 569 г. два человека из местности Марада уплатили Табии 18 000 л фиников (VS III 14), и два года спустя арендатор из Вавилона доставил ему арендную плату ячменем (VS III 19). В 558 г. три арендатора уплатили ему в Вавилоне 6300 л фиников (VS III, 41, 43). В 563 г. ему доставили 216 л фиников как арендную плату с местности Банитайя (VS III 35), и в 559 г. он сдал в аренду еще одно поле, расположенное там же (VS V 19). В 556 г. два человека (Арраби и Ша-Набу-шалим), которые были рабами самого Табии, уплатили ему соответственно 900 и 540 л фиников за аренду и еще два свободных — 720 и 2160 л того же продукта (VS VI 60). Упомянутый раб Ша-Набу-шалим уплатил Табии 18 000 л фиников с поля в Банитайя (VS III 50). В 551 г. Табия сдал поле близ Вавилона своему рабу Арраби сроком на десять лет, чтобы превратить его в финиковую рощу. По условиям контракта Табия должен был отдать арендатору «новые железные лопаты». Арендатор должен был часть поля возделывать без всякой платы вместо уплаты оброка (VS V 24). В том же году Табия получил в Вавилоне 8556 л фиников с двух лиц (VS III 49). Спустя два года он сдал в аренду поле около Борсиппы, но контракт был заключен в Вавилоне (VS V 26). В 547 г. ему было уплачено 3060 л фиников в качестве арендной платы. При этом Табия уплатил в качестве десятины в храм 540 л фиников и 1080 л того же продукта потратил на наем человека для работы в саду (VS VI 80). Табия передал 2700 л ячменя одному арендатору «для семян» (VS III 27) и получил с нескольких лиц в общей сложности 9056 л ячменя (VS III 17, 29, 42). Согласно этим контрактам, арендную плату следовало измерять меркой самого Табии.

Как мы видели выше, среди арендаторов Табии были как свободные, так и три его собственных раба. Еще один его раб был арендатором, а соответствующий контракт был написан самим Табией (VS III 59). В 560 г. другой раб (Набу-ах-цур) должен был уплатить ему в Вавилоне 18 000 л фиников (VS III 40).

Несколько других рабов служили ему как агенты (VS VI 291) или были отпущены для работы на свой страх и риск с обязательством уплаты оброка хозяину (VS III 47; VS IV 199). Другие его рабы были отданы внаем посторонним лицам. Например, в 571 г. Табия отдал в Вавилоне раба внаем и три лица поручились за то, что этот раб будет возвращен хозяину через определенный срок, а в противном случае они обязаны были уплатить Табии наемную плату за полгода (VS VI 41). В 558 г. Табия сам нанял в Вавилоне раба, принадлежавшего некоему Лабашу, на полгода. По условиям контракта если наемник прекратит работу и Лабаш не даст в замену ему другого раба, то он обязан вернуть Табии часть наемной платы, исходя из расчета 3 сикля в месяц. В этом случае наемная плата была уплачена еще при составлении контракта (VS V 14; ср.: VS VI 46, где говорится о найме сельскохозяйственного работника).

В 575 г. Табия ссудил 35,5 сикля серебра, взяв в антихрезу раба, который по своей профессии был поваром. По условиям контракта должник обязался отда-

вать кредитору деньги за ячмень, израсходованный на пропитание этого повара за все время пребывания его в залоге. Чтобы гарантировать содержание раба, должнику пришлось заложить еще двух рабов, но они оставались в его собственном распоряжении в отличие от первого раба, чья работа была рассчитана на уплату процентов (VS V 9; см. также VS III 25).

В 554 и 558 гг. Табия купил в Вавилоне и где-то в другом месте двух рабов (VS IV 43; VS V 22). В 567 г. жена Табии Бабуно купила в Вавилоне нескольких рабов за 1 мину 22 сикля (VS IV 27). Всего десять рабов Табии упомянуты по именам, но, вероятно, они составляли лишь часть его рабов.

Табия выступал также кредитором, ссужая деньги, финики и ячмень свободным и рабам в Вавилоне. Сиппаре и других городах (VS III 8, 52, 197; VS IV 33; VS VI 39, 43, 44, 78, 297). Но иногда он и сам прибегал к займам. Например, в 548 г. он занял 55 сиклей под залог поля (VS IV 44). Двумя годами позднее он согласился погасить долг своего зятя в 1 мину 4 сикля. По условиям контракта Табия имел право держать при себе раба и рабыню, которые составляли приданое его дочери, являвшейся женой должника (VS IV 46).

Табия занимался также торговлей. Например, в 582 г. он в местности Бит-Набу-леи совместно со своим партнером по предпринимательству выделил 636 л ячменя для торговли (VS III 7; см. также VS III 15; VS IV 22, 28, 29), а в 546 г. продал вола, который был совместной собственностью с другим лицом (VS V 29; ср. еще VS III 31; VS IV 19, 30; VS VI 58, 67, 195). По свидетельству документа, составленного в Вавилоне, он купил финики в городе Кише (VS IV 20; ср.: VS III 45).

Он приобретал также земельную собственность (VS V 12 и др.). Особый интерес представляет документ, написанный в Вавилоне, согласно которому он купил полгектара земли у некоего Нуреа и его сына. Спустя некоторое время продавцы послали своего вестника к Табии и писцу контракта о продаже со следующим поручением: «Что касается недостачи 2 сут (12 кв. м), чтобы получилось 2 пан (72 кв. м), запиши это в нашем документе». Табия принял это предложение и получил обратно из уплаченной им за поле суммы 19 сиклей серебра (VS V 20). По-видимому, при заключении контракта продавцы заверили Табию в том, что площадь поля составляет 2 пан. Но позднее Табия произвел измерение и обнаружил недостачу. Тогда продавцы согласились вернуть часть полученной ими суммы.

Сохранилось также несколько документов относительно его судебных тяжб. Например, один раб в присутствии нескольких свидетелей заявил в суде, что его господин вместе со своим сыном украли ячмень с поля Табии, когда они были заняты там уборкой урожая (VS VI 182). Судя по тексту, эти подсудимые вместе со своим рабом были наняты Табией для сезонной работы. Он судился также из-за денег и другой собственности (VS VI 38, 45, 50, 52, 55).

Несколько текстов свидетельствуют о том, что Табия занимал свободных для выполнения своих общественных обязательств по строительству и сохранению ирригационных сооружений (VS IV 34; VS VI 56).

Таким образом, мы можем проследить деятельность Табии в течение 38 лет. Его постоянная резиденция находилась в Вавилоне, но он владел полями также

в Борсиппе, Сиппаре, Кише и других местах. Хотя он получил писцовое образование, но не считал эту сферу своей профессии существенным источником дохода. Он был типичным представителем тех вавилонских писцов, которые использовали свои профессиональные знания и умение для занятий предпринимательской деятельностью. Он сдавал свои поля свободным и рабам за несколько десятков тысяч литров ячменя и фиников в год. Он занимался также ростовщичеством, ссужая деньги и продукты, а также и торговлей.

БАВИЛОНСКИЕ ЛЕКАРИ 1-ГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.⁴⁶

Зараза без лекаря — все равно что голод без пищи.

Вавилонская поговорка

В Древней Месопотамии медицина была неизбежно связана с магией, поскольку люди верили, что причинами болезней были прегрешения против богов, включая также непреднамеренные ошибки или упущения при выполнении различных ритуалов. В таких случаях необходимо было установить, какой грех совершил больной, и затем выбрать соответствующие заклинания, чтобы изгнать из его тела дух зла, вызвавший болезнь. Кроме того, заклинатели лепили из глины изображения злых духов и затем разбивали их.

Но наряду с руководствами магического характера существовали также собственно медицинские тексты, и оба вида таких сочинений дополняли друг друга. Достижения древней месопотамской медицины известны нам из обширной клинописной научной литературы, которая изучается ассириологами вот уже в течение последних ста лет. Еще со времен III династии Ура (XXII–XX вв.) сохранились древнейшие рецепты приготовления лечебных мазей и растворов из различных трав, минеральных предметов (соль, квасцы и др.) и животных продуктов (молоко, кровь, жир, кости и т. д.). Но возникновение большинства известных нам табличек медицинского содержания относится приблизительно ко времени между 1500–500 гг., и довольно значительная часть их хранилась в библиотеке ассирийского царя Ашшурбанапала (VII в. до н. э.). В текстах упоминаются названия нескольких сотен растений, но большинство их (а также других ингредиентов лекарств) пока невозможно уверенно идентифицировать, да и сама медицинская терминология также все еще не всегда понятна. Около 250 названий растений, применявшихся в медицине, прослежены известным ассириологом Томпсоном в более чем 650 табличках (Thompson 1923). Лабат, другой ассириолог, сумел воссоздать из сорока канонических табличек единый компендиум для лечения болезней, состоящий из пяти «глав». В частности, одна из этих групп текстов посвящена женским и детским болезням. Упоминаются

⁴⁶ Статья впервые опубликована: ВДИ 2004 2: 75–80. О медицине на Древнем Ближнем Востоке и греко-римском мире см.: Stol 2004.

также болезни уха, глаз и желудка (Labat 1951). Наиболее полный свод таких рецептов издан историком вавилонской медицины Кёхером (Köcher 1963–1979).

В медицинских текстах даются описания симптомов болезней и рецепты их лечения с указанием состава ингредиентов и способов приготовления лекарств. Например, одна табличка 1-го тысячелетия до н. э. делится на три столбца, содержащих более 150 рекомендаций. В первом из них перечисляются лечебные травы, во втором — болезни, а в третьем — названия лекарств и время их принятия (Nemet-Nejat 1988: 81). Сохранилось также много своеобразных рецептов для профилактики болезней и защиты от стихийных сил природы (Biggs 1990 7: 623–629; Haussperger 2000: 343–346).

Искусство врачевания считалось даром богов, среди которых первенствующее место постепенно закрепилось за Гулой, культовый центр которой находился в городе Иссине (к юго-западу от Ниппура). Ей посвящены многочисленные гимны, восхваляющие ее как «великую целительницу» (*azugallatu*) (см., например: Foster 1993: 491, 579, 582).

Некоторые исследователи полагают, что репутация вавилонской медицины сильно пострадала от ее нелестной оценки Геродотом (I, 197), который писал, что медицина эта представляла собой колдовство и знахарство и что в Месопотамии вообще не было врачей (см., например: Nemet-Nejat 1988: 77). Такое утверждение, конечно, не соответствует действительности. О том, что в Месопотамии было много врачей, свидетельствует, в частности, приведенная выше в качестве эпиграфа к этой статье вавилонская поговорка (*ibid.*: 77). Как известно, еще в XVIII в. до н. э. Законы Хаммурапи устанавливали гонорары для врачей за разные услуги, а также предусматривали наказания за небрежность. В этих законах упоминаются, в частности, сращивание сломанных костей, лечение зубов и какие-то хирургические операции (§ 218–223). Можно также вспомнить рассказ Ксенофонта о том, что, когда греческие наемники, служившие у персидского царевича Кира Младшего, проходили по территории Вавилонии, для лечения раненых воинов они находили достаточное количество врачей даже в деревнях (Anab. III 4, 30). Наконец, некоторые исследователи полагают, что знаменитый греческий врач Гиппократ воспринял многое из вавилонского искусства лечения (см., например: Haussperger 1997:197).

Однако после 2-го тысячелетия вавилонская медицина сделала мало успехов из-за своей большой зависимости от магии и слабого знакомства с анатомией и физиологией человеческого тела. Как отмечает Оппенхейм, месопотамская медицина была типичной народной медициной и все время оставалась на низкой ступени развития (Оппенхейм 1990: 237).

В Месопотамии больные могли пользоваться услугами двух видов исцелителей, а именно заклинателей (*āšīru*) и лекарей-практиков (*asû*); соответственно существовавшие два направления медицины можно обозначить как магическое (*āšīpūtu*) и практическое (*asūtu*). Обе эти группы исцелителей засвидетельствованы в текстах начиная еще с середины 3-го тысячелетия. Однако линия раздела между ними не была очень четкой. Хотя заклинатели выполняли в основном магические действия и разные ритуалы, они также вели тщательные наблюдения

за состоянием больного, ставили диагноз и предсказывали исход болезни. Подобным же образом лекари, которые определяли заболевания по их симптомам и лечили их, применяя соответствующие снадобья, время от времени могли пользоваться магическими приемами (Оппенхейм 1990: 234). Многие заклинатели входили в состав храмового и дворцового персонала (особенно много их было при дворе новоассирийских царей) (там же: 243). В храмах нововавилонского времени (VII–VI вв.) многие заклинатели владели пребендами и выполняли, очевидно, культовые обязанности (см., например: Bongenaar 1997: 141, 288). Другие занимались частной практикой. Из текстов медицинского содержания видно, что среди заклинателей были как авторы, так и владельцы текстов, а иногда одни и те же лица были одновременно их авторами и владельцами — свидетельство того, что это были грамотные профессионалы (Biggs 1978: 109).

Перейдем к рассмотрению деятельности лекарей-практиков. Слово *asû*, которое впервые встречается около 2500 г., является аккадским заимствованием шумерского *azu*. Оно пишется слоговым образом или логограммой A.ZU (CAD A/II 344). Обычно это слово переводят «тот, кто знает воду» (см., например: Saggs 1962: 433), но Биггс отмечает, что такая этимология является ложной⁴⁷. Среди таких лекарей были и женщины.

Относительно того, какое образование получали *asû*, среди исследователей возникли разногласия. Высказывалось предположение, что они были грамотны и получали свое образование в храме богини Гулы в Иссине (см., например: Haussperger 1997: 204). Но Биггс полагает, что вряд ли лечение сломанных рук и ног и подобные операции могли упоминаться в медицинских сочинениях, которые обычно описывают симптомы болезней и содержат соответствующие рецепты (Biggs 1978: 106). Однако, по мнению Рейнер, такие врачи не только имели в своем распоряжении терапевтические руководства о болезнях разных органов тела, но также могли разбираться в религиозных ритуалах (Reiner 1991: 316–317).

Недавно Геше опубликовала около 1750 ученических текстов из Британского музея. Основываясь на них, она предполагает, что в нововавилонское время медицинское образование (*asûtu*) в противоположность искусству заклинаний не составляло нормативной части школьной программы (Gesche 2001: 214–215). Тем временем появились два новых исследования, которые бросают свет на этот предмет. Первое из них — публикация Финкелем около 70 табличек (не считая мелких фрагментов) по терапевтике и фармакологии, которые были ученическими упражнениями и, таким образом, являлись продуктами писцового обучения (Finkel 2000: 137–223). Часть их была написана под диктовку, и поэтому тексты представлены во многих дубликатах (например, один текст сохранился в 18 экземплярах). Эти ученические упражнения происходят из школы в Сиппаре, которая принадлежала некоему Бел-ремани, сыну Мушебши-Мардука, потомка Шангу-Шамаша. Он работал писцом, составляя документы как для частных лиц, так и для храма Эбббара в Сиппаре в 534–487 гг. Теперь становится ясным, что

⁴⁷ Biggs 1978: 105, ср.: CAD A/II: 347, где отмечается, что этимология этого слова еще не установлена.

его занятия охватывали также медицину. Таким образом, указанные медицинские упражнения представляли собой часть более широкого архива. Многие хозяйственные, деловые и правовые документы этого архива были известны вот уже в течение ста лет, а недавно опубликовано еще более 150 аналогичных табличек из Британского музея (Jursa 1999). Однако пока остается неизвестным, было ли преподавание медицины нормативной частью школьной программы или в данном случае речь идет об исключении.

К сожалению, у нас слишком мало информации о лекарях на протяжении всей древней истории Месопотамии. Биггс, который рассмотрел их положение во 2-м тысячелетии до н. э., привел несколько примеров из их жизни, включая отправку искусных врачей от одного правителя к другому (Biggs 1978: 105–109). По мнению Оппенгейма, профессия лекаря не была прибыльной, и он вовсе не занимал привилегированного положения в обществе (Оппенгейм 1990: 243). Тот же автор отмечает, что в социальном отношении лекари находились в одном ряду с предсказателями, а также с хлебопеками и хозяевами гостиниц. Это означает, что в тех случаях, когда лекарь не был прикреплен ко двору, он жил на плату, которую получал с больных за свои услуги. Как видно из вавилонской «Сказки о ниппурском бедняке», лекарь носил особую прическу и ходил с сумкой, в которой, вероятно, были лечебные травы и какие-то инструменты, а также имел при себе кувшин для возлияний и курильницу (Oppenheim 1978: 646).

Рассмотрим теперь свидетельства нововавилонских документов о лекарях, которые назывались *asû*. Присжде всего нередко упоминаемые в документах контрагенты, писцы и свидетели носили это профессиональное название как родовое имя (например, «Лабаша, сын Набу-аххе-иддина, потомка Лекаря») (YOS VII 28: 16; см. также ряд ссылок: Tallqvist 1906: 16). Определенный интерес представляет также собственное имя «Бел-асуа» (VS IV 1907 130: 8), которое переводится «(бог) Бел является моим лекарем».

В одном документе из храма Эбббары в Сиппаре отмечается выдача трех циклей серебра лекарю по имени Ширикту (Sur 382: 1–3). В этом же тексте говорится о выдаче серебра еще двум лицам, одно из которых носило титул «садовод». Документ не содержит даты, но его можно уверенно отнести к VI в. до н. э. Упомянутый здесь Ширикту, очевидно, принадлежал к персоналу храма Эбббара, однако его трудно отождествить с другими носителями этого имени, так как здесь, в отличие от большинства случаев, нет ни отчества, ни родового имени. По всей вероятности, он является тем же самым лицом, которому в 12-м году царствования Набонида (544 г. до н. э.) со склада того же храма было выдано определенное количество фиников (Nbn 676).

Следующий документ также происходит из того же архива и отмечает доставку арендной платы финиками в Эбббару в 530 г. до н. э. В нем, в частности, говорится о выдаче пяти курру (900 л) фиников «лекарю, ученому (*unšanu*) и строителю» (*arad ekalli*) (Camb 149:5). Однако имена их не приводятся. Еще в одном тексте из Эбббары зафиксирована выдача продовольствия финиками разным лицам за два месяца. Среди них упомянут и некий Бакуа «из дома лекаря» (CT LVI 618: 5: šb É a-si-e). Текст не датирован, но определенно относится к нововавилонскому времени (Bongenaar 1997: 135).

Из специалистов по различным болезням упоминается только глазной врач (VS VI 242: 8, 17 (LÚ.AZU šá IGI. II. MEŠ — дословный перевод: «лекарь глаз»)). В тексте речь идет о выдаче ему наряду с разными другими лицами денег(?). Среди них упоминаются еще два человека, которые также названы лекарями (строки 34 и 38). Вероятно, этот документ происходит из государственного архива. В другом фрагментированном тексте поздневавилонского времени содержится перечень чиновников, среди которых названы «оруженосец царя, торговый агент (тамкару) областеначальника и торговый агент царя», а также лекарь по имени Арад-Нергал. Документ, по-видимому, относится к ахеменидскому времени, если судить по упоминанию в нем какого-то мидийца (*ibid.*: 252). Наконец, в одном тексте, составленном в 604 г., упоминается «главный лекарь» (*rab asû*) по имени Табнеа, сын Шум-укина⁴⁸. По мнению Бонгенаара, этот титул, вероятно, носил государственный чиновник (*a state official*) (Bongenaar 1997: 135).

Как видно из рассмотренных выше данных, информация наших источников о вавилонских лекарях крайне ограничена. Мы почти ничего не знаем об их личной жизни. По-видимому, все они принадлежали к сословию свободных. Как мы видели выше, часть лекарей служила в храмах. За свою работу они получали, помимо продовольствия, деньги. Нет сомнения также в том, что лекари служили и при царском дворе. Они упоминаются вместе с царскими торговыми агентами, оруженосцами и другими придворными. Скудость упоминаний лекарей, служивших царю, легко объяснить тем фактом, что в I-м тысячелетии до н. э. документы государственного архива в большинстве случаев составлялись на таких легко разрушающихся материалах, как кожа и папирус, и поэтому до нас сохранились лишь случайные тексты из этих архивов.

Основная часть лекарей, очевидно, занималась частной практикой. На первый взгляд может показаться странным, что сотни тысяч клинописных текстов дают столь мизерную информацию о лекарях, в то время как о других профессиональных группах Древней Месопотамии нам известно несравненно больше. Но это легко объясняется тем, что услуги, которые лекари оказывали другим людям, не фиксировались письменно, в отличие от таких актов, как, например, аренда и продажа имущества, наем работников и т. д. Пишущий эти строки в детстве жил в сельской местности в Дагестане, где в те времена все еще сохранялись определенные пережитки образа жизни, свойственного так называемым традиционным обществам. Это, в частности, касалось и народной медицины, представителями которой были муллы, повивальные бабки и лекари (работники современной медицинской службы там только начинали появляться). Из них лишь муллы, услуги которых в основном носили магический характер (для предполагаемого лечения они писали на клочках бумаги различные заклинания с именами ангелов и цитатами из Корана), были в различной степени грамотны. А что касается неграмотных повивальных бабок и традиционных лекарей, они прекрасно справлялись со своими обязанностями. При лечении переломов рук и ног лекари с их

⁴⁸ См.: Bongenaar 1997: 135, со ссылкой на еще не опубликованный документ (Coll. Smit, № 110: 26). Этот титул (*rab asû*) засвидетельствован также в средневавилонских и новоассирийских текстах, см. ссылки: CAD A/II: 247, где он переведен «chief of the physicians».

практическим опытом и профессиональным чутьем не уступали современным хирургам, вооруженным рентгеновской аппаратурой (настоящему автору приходилось лечиться у тех и других). Из всех этих групп медицинского сообщества лишь представители современной медицины могут оставить документацию о своей повседневной работе. Услуги остальных «медиков» всегда носили характер устной договоренности за определенную плату, а чаще всего за отменный (по местным представлениям) обед или какой-либо подарок по решению самого больного. Поэтому деятельность этих исцелителей не могла найти никакого отражения в документах повседневной жизни. Можно полагать, что сходным было положение и в более ранних традиционных обществах.

ДАННЫЕ ВАВИЛОНСКИХ ТЕКСТОВ VI-V ВВ. ДО Н. Э. О РЫБОЛОВСТВЕ⁴⁹

Рыболовству в Древней Месопотамии посвящены ценные исследования, которые главным образом носят филологический характер и содержат анализ названий рыб в клинописных текстах. Однако материал нововавилонских документов о рыболовстве до сих пор не был рассмотрен в литературе, если не считать нескольких контрактов из архива Мурашу, которые уже привлекали внимание ассириологов. В ценной книге финского ученого А. Салонена о рыболовстве в Древней Месопотамии нововавилонские данные привлекаются лишь попутно и довольно редко (Salonen 1970)⁵⁰. Это, по-видимому, объясняется тем, что в основном наши сведения о рыболовстве и особенно перечни рыб происходят из архивов более ранних периодов (конец 3-го и 2-го тысячелетия). В Вавилонии же 1-го тысячелетия до н. э. ввиду наличия сравнительно развитого и высокопродуктивного сельского хозяйства рыболовство уже не играло такой большой роли, как в предшествующие периоды, когда оно давало дешевую пищу, а торговля рыбой была крупным источником доходов царского и храмового хозяйства (см. Клима 1967:125). Кроме того, в 1-м тысячелетии государство уже не контролировало рыболовство в масштабах всей страны или отдельных ее районов, как, например, в Лагаше досаргоновского времени, да к тому же и само царское хозяйство теперь было организовано по типу частновладельческого ойкаса и в общей структуре экономики занимало лишь незначительное место.

Тем не менее нововавилонские документы о рыболовстве дают ценный материал для изучения экономики страны, и в настоящей статье мы попытаемся рассмотреть эти тексты, расположив их в определенном порядке, а также дадим их транслитерацию и переводы.

В аккадском языке рыба обозначается словом *nīnu* (пишется логограммой *HA*), а рыбац — *ba'igum* от глагола *ba'āgu* «охотиться», «ловить» (рыбу или

⁴⁹ Статья была опубликована: Переднеазиатский сборник. М., 1979. Т. 3. С. 81–100.

⁵⁰ Ср. рецензию автора статьи: ВДИ 1973 I: 202–203.

птицу): ср. также абстрактное существительное *bā'irūtum* «рыболовство» (см. ANw: 96; CAD B: 31–33). *Bā'irum* обычно пишется логограммой ŠU.ĪA, но в нововавилонское время в единичных случаях встречаются и слоговые написания (*Ba-'i-i-ri*, *ba-'i/i-ri*: Nbk 164:13; VS V 33:18; VS VI 144:13). Некоторые исследователи полагают, что в нововавилонское время слово *bā'iru* имело еще значение «грабитель» или даже «жандарм» (см. ниже). Кроме того, *bā'iru* наряду с *ušandū* «птицелов» имело значение «охотник». Перейдем к рассмотрению документов.

YOS VI 148⁵¹. «В (тот) день, (когда) свидетель или доносчик явится и относительно Нергал-нури, храмового раба, принадлежащего (богу) Нергалу, египтянина, установит, что он незаконным образом ловил рыбу в водоемах, принадлежащих (богине) Белет Урукской⁵² (и расположенных) у Царского канала, (а также) унес незаконно иву, тутовые деревья и ветки с полей, сада или у пруда, принадлежащих Белет Урукской, он должен отдать их Белет Урукской в 30-кратном размере.

(Документ составлен) в присутствии Набу-шар-уцура, царского представителя (и) управителя (храма) Эанна.

Свидетели (*имена трех человек*), писец (*имя*).

Урук, 8-й день (месяца) кислиму 9-го года Набонида, царя Вавилона». (547 г. до н. э.).

К этому документу по своему содержанию близко примыкает и YOS VI 122, составленный в тот же день и в присутствии тех же самых свидетелей⁵³. Как видно из текста, житель местности Яшуба по имени Лухумму был заподозрен в том, что незаконно ловит рыбу в водоемах храма Эанна в Уруке и уносит дрова с храмовой территории. Если храмовой администрации удастся с помощью свидетеля доказать виновность Лухумму, последний обязан возместить нанесенный ущерб в 30-кратном размере, как того требовали законы относительно кражи храмового имущества, начиная еще со старовавилонского времени (там же: 327–344). В документе YOS VI 148 аналогичное указание содержится в отношении храмового раба, подозреваемого в незаконной ловле рыбы в водоемах храма Эанна.

YOS VII 12⁵⁴. «(Документ относительно) сменной службы по ловле рыбы в течение целого года, начиная с (месяца) ташриту 2-го года Кира, царя Вавилона, царя стран.

С 1-го дня (месяца) ташриту до 10-го дня (смену) приняли Шамаш-зер-лишир, Ану-кацир, Нидинту, Табнеа, Бел-кацир и Ану-риба; с 11-го дня до 20-го дня (смену) приняли Белшуну, Шамаш-иддин, Шамаш-шум-укин, Илу-данну-аххешу-ибни, Шум-иддин и Зерия; с 21-го дня до 30-го дня (смену) приняли Набу-мушетик-урри, Падин, Ану-шар-уцур, Ану-ах-иддин, Ишгар-ах-иддин и Шамаш-иддин.

⁵¹ Ср. транслитерацию: Дандамаев 1967: 26.

⁵² *Nūnē(hi.a) ina tāmirāti(meš) šā...*

⁵³ Ср. транслитерацию и перевод: San Nicolò 1932: 328–329.

⁵⁴ Ср. транслитерацию и перевод: San Nicolò 1934: 182.

За прекращение (доставки рыбы) ответственны Набу-мушетик-урри, Белшуну и Шамаш-зер-лишир».

Упомянутый здесь рыбак Бел-кацир выступает и в протоколе судебного заседания YOS VII 19 (Урук, 6-й день месяца симану 3-го года царствования Кира, т. е. 536 г. до н. э.). Судя по этому тексту, который сохранился не полностью, рыбаки Даян-шар-уцур и Бел-кацир вместе с несколькими поименно названными лицами «противозаконно» (*ina sa-āš-tum*) увели вола, принадлежавшего храму Эанна, а также забрали какую-то одежду у рыбака Иддины. Преступники были привлечены к суду, но в протоколе не указан приговор, вынесенный им.

YOS VII 90⁵⁵. «(Документ относительно) дней ловли рыбы (для храма) Эанна по месяцам: в (каждом) месяце 5½ дня — (дни) службы Нана-иддина, сына Амель-Набу, потомка Шамаш-мудаммика. (Это те дни), которые отняты у рыбаков (храма) Эанна. От 1-го дня до 6-го с половиной дня — (дни) Шамаш-зер-лишира и Ану-кацира, сыновей Нана-иддина, потомка Шамаш-мудаммика, (а также) Нидинту и Табнеа, сыновей Эрибшу; из них от 1-го до 3-го дня — дни Нана-иддина, а от 4-го до 6-го с половиной дня — дни Нидинту и Табнеа.

Шамаш-зер-лишир, Ану-кацир, Нидинту и Табнеа совместно взяли служить [...]. Они несут ответственность (за то, что) от 1-го дня до 6-го с половиной дня каждый месяц в корзине будет достаточно и (притом) хорошего качества рыбы. Они один за другого ручаются.

Если (в дни) их службы в корзине будет недостаточно рыбы или же рыба будет доставлена плохого качества, то они совершат грех прогив бога и царя.

Излишки рыбы, сколько сверх их служебных (обязанностей) будет (выловлено), они должны делить (между собою) поровну.

Свидетели (*имена пяти человек*), писец (*имя*).

Урук, 9-й день (месяца) симану 5-го года Кира, царя Вавилона, «царя стран».

YOS VII 151. «Судья Римут, писец Ле`у-Мардук, сын Эпеш-или, и писец-переводчик Бау-эреш сказали Бел-икише, сыну Бании, потомка рыбака, следующее: "(...) рыбу, которая в Уруке (...), ты будешь доставлять, (...) рыбу из рук торговца взыскал (...), собирай (подать рыбой?) с водоемов, (которые находятся) в твоём распоряжении".

Урук, 4-й день (месяца) абу 3-го года Камбиза, царя Вавилона, царя стран».

YOS VII 153. «Белшуну, сын Набу-шум-ибни, Бел-кацир и Ану-убаллит, сыновья Набу-аххе-ушалимма, и Надин, сын Набу-мушетик-урри, поклялись (богами) Белом и Набу и клятвами Камбиза, царя Вавилона, царя стран, Набу-мукин-апли, управителю (храма) Эанна, сыну Надина, потомка Дабиби, и Набу-ах-иддину, царскому представителю, полномочному представителю (храма) Эанна: "Кроме тех рыбаков, которых мы записали (в список) и показали вам, (ни одного) рыбака (богини) Белет Урукской — сколько бы их ни было — мы не уташи и (впредь) не утаим"⁵⁶.

Свидетели (*имена трех человек*), писец (*имя*).

⁵⁵ Часть текста протранскрибирована и переведена: *ibid.*: 184.

⁵⁶ Ср.: CAD A 1:134b; San Nicolò 1934:199.

Урук, 9-й день (месяца) абу 3-го года Камбиза, царя Вавилона, царя (стран)».

TCL XIII 163⁵⁷. «[Белшуну, сын] Набу-шум-ибни: Бел-кацир, сын Набу-аххешуллима; (Надин), сын Набу-мушетик-урри; Ану-кацир, сын На-на-иддина [...] — (те члены храмового) персонала⁵⁸ (богини) Белет Урукской, которые сказали Набу-мукин-апли, управителю (храма) Эанна, сыну Надина, потомка Дабиби, и Набу-ах-иддину, царскому представителю, распорядителю имуществом (храма) Эанна, следующее: “Рыбаки города ловят рыбу в урукских каналах и окрестностях Урука и рыбу для постоянных жертвоприношений⁵⁹ (богине) Белет Урукской не дают, и (таким образом) у нас пропадает рыбная десятина⁶⁰”.

Набу-мукин-апли и Набу-ах-иддин сказали Шамаш-убаллиту, сыну Бел-ах-ушабши; Набу-буллиту, сыну Ибни; Белшуну, сыну Нуреа; Икише, сыну Нахира (?); Калбе, сыну Арад-Иннины, и Кациру, сыну Римута, — рыбакам, которые работают в городской черте⁶¹, следующее: “Если вы будете ловить рыбу в урукских каналах (и) десятину для постоянных жертв (богине) Белет Урукской будете отдавать, (тогда) ловите рыбу”.

Шамаш-убаллит, Набу-буллиту, Белшуну, Икиша, Калба и Кацир поклялись (богами) Белом, Набу и Белет Урукской: “Из рыбы, сколько мы ее выловим, десятину рыбой для постоянных жертв (богине) Белет Урукской мы будем отдавать”.

Если они будут ловить рыбу, (но) не будут отдавать десятины для стола (богини) Белет Урукской, то они совершат грех против богов и царя.

[Урук, ...], 3-й год Камбиза, [царя] Вавилона, царя стран».

ТМН 2/III 206. «[Пребенда ?], которую Набонид, сын Набу-[... потомка?] рыбака, имеет совместно с Набу-[ле’у], сыном Набу-ах-иддина, потомка рыбака. В 18-й день он (Набонид) будет пользоваться пребендой за ловлю рыбы [для] Эзиды, храма (бога) Набу [...], столько, сколько имется в году (пребенда). Из этих дней на 36-й день и 17-й день, принадлежащих Набу-ле’у, потомку рыбака, он (Набонид) укажет по справедливости. Сколько (доходов) они совместно имеют, (ими каждый из них) будет пользоваться.

За каждый дополнительный день, принадлежащий Набу-ле’у, который Набонид пропустит, в соответствии с (этим) днем Набонид должен уплатить Набу-ле’у 11 мин серебра.

Тот, кто нарушит (этот контракт), должен уплатить 2 мины серебра.

Свидетели (*имена трех человек*), писец (*имя*).

Борсиппа, [... день] (месяца) аяру (?) [...] года Набопаласара, (царя) Вавилона».

В приведенных текстах речь идет об обеспечении свободными людьми святилищ рыбой для жертвоприношений, взамен они получали определенные до-

⁵⁷ Ср. транскрипцию и местами неверный перевод: Moore 1935:160–163. Ср.: CAD B: 3.

⁵⁸ (Amēl)ki-na-al-ti.

⁵⁹ Sattukku.

⁶⁰ Дословно: «1, рыбы».

⁶¹ Bi-rit āli.

ходы из соответствующих храмов (ср. ниже). Перейдем теперь к рассмотрению сведений о жертвоприношениях рыбой в переписке храмовых чиновников⁶².

Два лица сообщают управителю храма Эанна, что «рыбаки (богини) Белет Урукской» Шамаш-иддин и Бел-кацир были задержаны и обвинены в том, что они не отдают для жертв столько рыбы, сколько ее доставляют «рыбаки (бога) Сина». Но расследование показало, что «они ловят для регулярных жертв (ginē) Белет Урукской столько же рыбы, сколько и рыбаки (бога) Сина». Как видно из дальнейшего текста письма, рыбаки Белет Урукской и Сина обязаны были доставлять для культовых нужд одинаковое количество рыбы, и в течение месяца симану в храм Эанна дважды было принесено до 200–300 штук «превосходной рыбы» (BIN I 30: 27: *pūnu bab-ba-nu-ū*), предназначенной для жертв.

О жертвоприношениях в храмах свидетельствуют и царские надписи. Так, например, Навуходоносор II заявляет, что он велел ежедневно доставлять в храм Эсагила в Вавилоне и класть «на стол (бога) Мардука и (богини) Зарпаниту, моих владык». отборного быка, овец, рыбу, птицу, мед, масло, молоко и т. д. (Langdon 1912: 90; Nebukad. N 9 I: 16–28). Подобным же образом в жертву богу Набу и богине Нанайя в храме Эзида в Борсиппе, в частности, приносили «связку рыбы... (и) птицу из тростниковых болот»⁶³.

Навуходоносор II велел двадцати вавилонским рыбакам, как прежде, ежедневно доставлять в жертву (ginu) богу Мардуку живую рыбу (Langdon 1912, Nebukad. N 19. V: 11–18:156): *pūnu bal-ṭi (!)*, ср.: CAD H: 63b). В одном нововавилонском тексте, регулирующем расходы государства, отмечается, что царь установил различные жертвоприношения в храме Эзида в Борсиппе, в том числе связки рыб, птицу и т. д. (Unger 1970: 282. N 26, I, 8).

Наконец, в тексте времени Набонида содержится предписание царской администрации управлению храма Эанна в Уруке выплачивать храмовым пивоварам и пекарям доходы в той же квоте, которая существовала при Навуходоносоре II и еще существует в храмах Эсагила в Вавилоне и Эзида в Борсиппе. Кроме того, управитель Эанны получил указание назначить еще «10 рыбаков дополнительно к прежним рыбакам в Эанне»⁶⁴.

Остальные документы из храмовых архивов содержат следующие данные о рыбаках.

Суг 175. «[...] мин серебра — имущество (бога) Шамаша — цена воды [...] и отвода (воды из канала с помощью плотины из дерева) musukkanni, начиная с (месяца) ташриту 4-го года до конца (месяца) улулу 5-го года, за Итти-Шамаш-

⁶² Транслитерацию и перевод нововавилонских писем см.: Ebeling 1930–1934; Ebeling 1949.

⁶³ Nebukad. N 9: 92, II: 29: *i-si-iḫ nu-ū-nim...* *si-ma-at ap-pa-ri-im*. Ср.: *ibid.* N 19, IV: 38; VII: 10; B VII 19: 154 и 168; Мардуку, Зарпаниту и другим богам доставляли наряду с овощами, фруктами, пивом и вином «связку рыб пресноводных» (*apsi*), а также «небесную птицу». В дни больших религиозных праздников сам царь появился перед богами, сопровождая жертвоприношения (*ibid.*, Nebukad. N 9, IV: 13–14). О принесении рыбы в жертву см. также: King 1912 35, rev. 10; Waterman 1930 1405, rev. 5; Steimetzger 1935: 315; RA XVI 1919: 125, I: 26–27 (нововавилонское кудурпу).

⁶⁴ YOS VI 10:21: «10 (amēl)ba'irē(me) a-na muḫḫi (amēl)ba'irē(me) maḫ-ru-tu ina é-an-na gul-li-ib». Текст исследован: San Nicolò 1941: 66–70. по его перевод приведенного места: «Weiter stelle (neue) Fischer für Rechnung der früheren Fischer in Eanna an» неточен.

балату, сыном Набу-кинапли, потомка рыбака, Калбой, сыном Бау-эреша, погомка рыбака, Мушезиб-Белом, сыном Набу-зер-ушабши, потомка рыбака, и всеми (другими) рыбаками (бога) Шамаша. Часть серебра они должны отдать в середине года, а остаток серебра — в конце года.

Свидетели (*имена трех человек*), писец (*имя*).

Сиппар, 3 (?)-й день (месяца) ташриту 4-го года Кира, царя Вавилона, царя стран».

Самб 240. «1 мина серебра — имущество (бога) Шамаша — цена воды Гболота?⁶⁵ через шлюз [...], (бога) Шамаша [...] за Итти-Шамаш-балату, сыном Набукин-апли, потомка рыбака, Калбой, сыном Бау-эреша, потомка рыбака, и всеми (другими) рыбаками (бога) Шамаша. Они должны отдать в (месяце) кислиму. За уплату серебра ручаются Итти-Шамаш-балату и Калба.

(Документ составлен) в присутствии Сиппарского жреца Белубаллита, распорядителя (имуществом храма) Эбббара Шар-лудари, царского представителя Терик-шаррутсу (*и еще пяти поименно названных лиц*). Писец (*имя*).

Сиппар, 4-й день (месяца) улулу 4-го года Камбиза, царя Вавилона, царя стран».

Самб 297. «10 сиклей серебра — вес засовов и хандуху⁶⁶ жи(лица?) рыбака (бога) Шамаша, (которые он)⁶⁶ отдал в распоряжение кузнеца Либлута как материал (для работы).

12-й день (месяца) аддару 5-го года Камбиза, царя Вавилона, царя стран».

Документы Nbd 259 и 579 фиксируют выдачу различных денежных сумм для (amēl)ērib bīti, т. е. лиц, имевших право входа во внутренние пределы храма и имевших пребснду в соответствующем храме. Среди таких людей названы, в частности, пивовары, пекари и рыбаки, при этом последние в обоих случаях получают по 2 сикля серебра. Согласно документу PSBA XIX (1897) 4:140, ткач, рыбак и каменщик получили из храма по 1 пан 4 сут (50 л) ячменя или фиников. В Nbk 435 речь идет о выдаче из храма денег различным лицам, в том числе рыбаку Набу-шум-ибни 12 сиклей серебра.

В документе BE VIII 158 (521 г. до н. э.), содержащем запись о доходах и расходах храма Эллия в Уруке, в частности, отмечается, что «2 (пан) 3 сут ячменя (75 л) — цена 1 сикля серебра, когорый уплачен за рыбу»⁶⁷.

В письме BIN I 54, адресованном управлению храма Эанна, сообщается, что рыбаки доставили на берег 200 кур (30 тыс. л) рыбы, а доверенный человек автора письма был избит и закован в кандалы. Виновники переданы чиновнику областеначальника, и лица, которые без разрешения уносят рыбу, должны быть наказаны. По свидетельству следующего письма, 1/4 серебра, вырученного от продажи рыбы⁶⁸, является долей богини Белет Урукской, и в ее храм Эанна из уже вырученной суммы в 4 мины послано 52 сикля. Автор письма TCL IX 83 сообщает, что он дал одежду одному храмовому работнику для передачи ее

⁶⁵ Название какой-то замочной части.

⁶⁶ То есть рыбак (?).

⁶⁷ 25) ...uttati šim l šiḡil kaspu šā a-na nūnē(hi.a) nadna(na).

⁶⁸ BIN I 64: 9: kaspu šā nūnē(hi.a).

«рыбаку в (местности) Кар-Эанна» (пристань Эанны), но этот работник бежал вместе с одеждой.

Следующие два письма происходят из архива храма Эбббара в Сиппаре. Письмо СТ XXII 56 послано от некоего Бел-эреша к Мушезиб-Мардуку и содержит жалобу, что «рыбаки» последнего, вступив в дом Мушезиб-Бела, подчиненного автора письма, захватили там одежду. Далее Бел-эреш требует выдать одежду его гонцу Калбе. Эбелинг полагает, что здесь под словом *bā'igē* (дословно: «рыбаки»), по-видимому, имеются в виду жандармы, а Оппенгейм переводит его как «грабители» (Ebeling 1953:71; Oppenheim 1947:121, примеч. 6; Oppenheim 1964: 46). В следующем письме (СТ 22. N 92) содержится просьба к храмовому чиновнику выдать двум поименованным лицам по две корзины рыбы.

Перейдем к рассмотрению документов из частных архивов. Прежде всего среди текстов архива делового дома Мурашу, функционировавшего в Ниппуре во второй половине V в. до н. э., сохранилось несколько контрактов об аренде рыбных водоемов.

BE X 54⁶⁹ «Рибат, сын Бел-рыбы, раб Эллия-шум-иддина, добровольно сказал Эллия-шум-иддину, потомку Мурашу, следующее: “Дай мне в аренду на год рыбные пруды⁷⁰ между местностью Ахшану и хутором Бел-аб-уцура у полей, принадлежащих артели купцов, рыбные пруды у поля начальника хиндану⁷¹ и рыбные пруды в местности Бит-Нату-эли. За год я уплачу тебе ½ таланта очищенного серебра, и начиная с того дня, как эти рыбные пруды ты дашь мне для ловли, я ежедневно буду класть на твой стол установленное количество рыбы”.

Затем Эллия-шум-иддин услышал его и дал ему эти рыбные пруды в аренду на год за ½ таланта серебра. Рибат должен платить Эллия-шум-иддину в год ½ таланта серебра (как) арендную плату с этих прудов и должен класть рыбу на его стол. Начиная с 1-го дня (месяца) арахсамну эти пруды (будут находиться) в распоряжении Рибата.

(Контракт составлен) перед судьями (округа) канала Син Белшуну и Умардатом.

Свидетели (*имена семи человек*), писец (*имя*).

Местность Бел-ашибшу-икби. 2-й день (месяца) арахсамну 1-го года Дария⁷², царя стран.

Печати (*свидетелей и судей округа канала Син*)».

PBS 2/ I 111⁷³. «Бел-аххе-шу, раб Рибата, добровольно сказал Рибату, сыну Бел-рыбы, рабу Римут-Нинурты, следующее: “Назначь меня [на] пруд в местности Бит-Даянату, я буду охранять там [рыбу]. Никто не унесет отсюда (ни одной) рыбы”.

⁶⁹ Ср. транслитерацию и перевод: BE X: 21–22.

⁷⁰ 5) *būrē(meš) šā nūnē(hi.a)*.

⁷¹ Название одного из арамейских племен.

⁷² Имеется в виду Дарий II (423 г. до н. э.).

⁷³ Ср. транслитерацию и перевод: Lugapfel 1917: 95; Cardascia 1951:171.

Затем Рибат услышал и на этот пруд назначил его. Если кто-нибудь (хоть) одну рыбу унесет из этого (пруда), то Бел-аххе-шу должен уплатить 10 мин серебра без суда.

Свидетели (*имена четырех человек*), писец (*имя*).

Местность Хашба, 18-й день (месяца) шабату 5-го года Дария, царя стран.

(Оттиски) перстней свидетелей. (Оттиск) ногтя Бел-аххе-шу».

PBS 2/II 112⁷⁴ «Илгаммеш-нури, сын Бунене-ибни, и [Мушаллим-Эллиль, сын] Эллиль-шум-иддина, добровольно сказали Рибату, сыну Бел-[рибы], рабу Римут-Нинурты, следующее: “Назначь нас на пруд, расположенный в [Бит-Да]янату для охраны, чтобы (кто-либо) другой не унес оттуда (ни одной) рыбы”.

Затем Рибат услышал их и на пруд этот назначил их.

Если кто-нибудь (хоть) одну рыбу унесет из этого пруда, Илгаммеш-нури и Мушаллим-Эллиль за [рыбу 10 мин серебра?] должны уплатить.

Свидетели (*имена четырех человек*), писец (*имя*).

Местность Хашба, 18-й день (месяца) шабату 5-го года Дария, царя стран.

(Оттиски) перстней (и) печатей (свидетелей). (Оттиски) ногтей (обоих контрагентов — рыбаков)».

PBS 2/II, 208⁷⁵. «Ма(?)кимнианни, сын Бел-аб-уцура, Билия, его сын [...], Шаха [...], Ишия, Натин, сын Табшалама, Забид-яма, сын Хинни-Бела, добровольно сказали Рибату, сыну (Бел)-рибы, рабу Римут-Нинурты, следующее: “5 сетей дай нам и 500 рыб хорошего качества (tu-uq-qu-nu) до 15-го дня (месяца) ташригу 5-го года мы тебе отдадим”.

Затем Рибат услышал их и 5 сетей отдал им. Они должны отдать в 15-й день (месяца) ташригу 500 рыб хорошего качества. Если они в свой срок 500 рыб хорошего качества не отдадут, то к 20 дню (месяца) ташригу должны отдать 1000 рыб.

(Они) один за другого относительно уплаты⁷⁶ ручаются. Кто будет в состоянии, (тог должен) уплатить. За уплату этих 500 рыб ответствен (и) Бел-ибни, сын Апы.

Свидетели (*имена шести человек*), писец (*имя*).

Местность Тирару, 25-й день (месяца) улулу (5-го года) Дария, царя стран.

Печати (и) перстни (свидетелей); (оттиски) ногтей их (т. е. рыбаков)».

Остальные тексты содержат следующие данные о рыбаках, работавших не в храмовом хозяйстве, а, по всей вероятности, на рынок. В течение одного месяца 43-го года царствования Навуходоносора II (562 г.) с жителей Урука были собраны различные суммы (от 1 до 8 сиклей с каждого) денег в качестве налога⁷⁷. В документе налогоплательщики упомянуты по именам и патронимии, а некоторые и по профессии. Среди этих лиц назван и рыбак Римут, который внес 3 сикля серебра.

⁷⁴ Ср. транслитерацию и перевод: Augapfel 1917: 95; Scheil 1917: 183–184.

⁷⁵ Ср. транслитерацию и перевод: Meissner 1914: 481–482. См. также: Cardascia 1951: 171.

⁷⁶ То есть доставки рыбы.

⁷⁷ ТМН 2/III 238: 1–3: kaspu šá...ina qātē(2) (amēl)nippur(ki.meš)ša ina qātē(2) (amēl)šakin māti e-si-ru padnu(nu) — «серебро, которое они собрали... с ниппурцев, которые находятся под властью областеначальника, слано» (CAD E: 333b).

В письме ТМН 2/III 258 сообщается, в частности, что корзина (*biginnu*) рыбы, посланная адресатом, уже получена. Автор письма ТМН 2/III 256 жалуется, что он три месяца несет стражу (не указано, чего), а адресат не выставляет (других?) «рыбаков». В одном тексте упоминается какой-то металлический предмет, принадлежавший рыбакам⁷⁸. По свидетельству AnOr VIII 27, несколько лиц, в том числе и некий рыбак Мурашу, забрались ночью в чужой дом и совершили там кражу. В документе An Or IX, 17 «дом рыбака Гимиллу» упомянут среди домов, принадлежавших храму Эанна и сданных в аренду⁷⁹. По-видимому, этот дом находился в долговом залоге у храма. Согласно фрагментарному тексту Nbd 720, какие-то «рыбаки» выступили свидетелями на судебном процессе относительно заложенного поля.

Во многих документах прозвище «рыбак» употребляется как родовое (реже и собственное) имя, что свидетельствует о существовании в Вавилонии VII-IV вв. профессиональных семей рыбаков. Например, в правовых и хозяйственных текстах из Урука некий Бел-ибни, сын Буллуту, потомка рыбака, выступает как свидетель ряда контрактов⁸⁰. В документах из Урука в качестве свидетеля часто упоминается также некий Набу-надин-апли, сын Бании, потомка рыбака⁸¹, но в одном случае он назван «начальником рыбаков»⁸².

Однако наследование занятий отца в семье отнюдь не было обязательным, и интересно отметить, что среди «потомков рыбаков» насчитывалось немало писцов. В частности, ряд документов из Урука и его окрестностей, датированных временем царствования Камбиза, составлен писцом Бел-икишой, сыном Бании, потомка рыбака⁸³.

Теперь остановимся на некоторых текстах, в которых речь идет о рыбе. В частности, сохранился гадательный текст, датированный 12-м годом царствования Навуходоносора II, со следующей любопытной записью: «если рыба не имеет левого плавника, вражеская страна погибнет». Этот текст написан на

⁷⁸ Camb 295:10-11: ku-si-bi-ri(!)-tu, šá šu-su-ru šá (amēl)bā'ir(ē).

⁷⁹ См. также контракт сельвкидского времени VS XV 12, в котором упомянут дом одного рыбака. Ср. контракты Nbk 164. UET IV 22 и VS V 4, в которых в качестве владельцев полей или домов упомянуты («потомки рыбаков» (см. ниже).

⁸⁰ GCCI I 394: 8-10; YOS VI 143: 24-25 (в последнем документе приложена и печать его. ср.: CAD B: 31b, где, однако, соответствующее выражение переведено источно: «печать... рыбака» вместо «печать... потомка рыбака»).

⁸¹ YOS VII 20: 27; 58: 14; 90: 20; 97: 28. Далее о свидетелях из семей рыбаков см.: BIN I. 116; Camb 310; GCCI I 65. 113. 117; Nbd 147, 367; UET IV 17; VS IV 2; V 33; VI 144. См. также тексты, в которых «потомки рыбаков» выступают контрагентами: Nbd 314; Nbk 164; RA XIV (1917):154 (N 17); UET IV 22; VS V 4; Thompson 1927 A 138, 142.

⁸² YOS VII 41: 20: rab (GAL) (amēl) bā'iri. Ср.: VS VI 82:15, где свидетелем выступает (amēl)rab ar-ra-ti «начальник болота». Салонен в своей книге о рыболовстве в Месопотамии (с. 22 сл.) отмечает, что в 3-м и 2-м тыс. до н. э. в Шумере и Вавилонии рыбаки работали под руководством специальных надзирателей, являвшихся государственными чиновниками. Ср.: CAD B: 33b и в нововавилонское время рыбаки были организованы в определенные отряды, но принципы комплектования и функции таких отрядов пока не подпадают выяснению.

⁸³ BIN I 102: 19-20; 103: 16-17; 129: 15. Ср.: BIN I 119:16 и 128:12, где этот же Бел-икиша упомянут среди свидетелей, но без указания, что он писец. Далее о писцах — потомках рыбаков см.: BRM I 84; Camb 309, 315, 317; Nbn 165, 256, 257, 316; Ner 7; ТМН 2/III 199.

бронзовом изображении рыбы, у которой действительно не хватает левого плавника (Jacob-Rost 1962: 31–33).

Судя по документу АЮ XIX (1959–1960), с. 79 сл., при Дарии I или Ксерксе из царской резиденции в Сузах в вавилонский город Борсиппу с какой-то инспекционной целью было послано несколько персидских вельмож с их свитой. Во время пребывания в Борсиппе им были выданы деньги для приобретения вина, баранины, овощей и т. д., в том числе рыбы на $\frac{1}{4}$ сикля серебра. Согласно VS VI 315, столько же серебра было израсходовано на рыбу. По свидетельству BE VIII 154, рыбий жир⁸⁴ наряду с воском употребляли для ритуальных целей, а в VS VI 228 отмечается, что за рыбий жир было уплачено $\frac{1}{4}$ сикля серебра.

Еще в древние времена вавилоняне знали много способов консервирования рыбы. В частности, рыбу солили, вялили, коптили, консервировали в растительном соусе и т. д. (Salonen 1970: 259–261). В этой связи интересно сообщение Геродота (I, 200) о том, что в V в. до н. э. вавилоняне вялили рыбу на солнце, а затем размельчали ее в ступке пестиком. Полученную массу пропускали через сито и затем из нее пекли хлеб или употребляли ее другим образом⁸⁵.

Исходя из рассмотренных выше текстов, можно в общих чертах установить, какие изменения произошли в области рыболовства в Вавилонии I-го тысячелетия до н. э. по сравнению с предшествующими периодами.

Начиная по крайней мере с конца 4-го тысячелетия культ рыбы играл большую роль в системе религиозных воззрений жителей Двуречья. Именно этим объясняются многочисленные изображения рыбы, которые часто появляются на печатях. Такие изображения известны и для ахеменидского периода, из чего можно заключить, что рыба и в I-м тысячелетии до н. э. сохраняла свое значение религиозного символа. Например, в Ниппуре найдена глиняная табличка V в. до н. э. с оттиском печатки, на которой две хищные птицы хватают из воды большую рыбу, а над птицами изображен и солнечный диск⁸⁶.

Двуречье было идеальной страной для рыболовства. Рыба в изобилии водилась в реках, озерах, болотах и в море. Поэтому с самого начала истории этого региона рыба была важным продуктом питания. До середины II тысячелетия до н. э. рыба упоминается в хозяйственных текстах постоянно. От древних периодов сохранилось также большое количество лексикографических текстов с перечнями названий рыб (Oppenheim 1964: 46).

В Двуречье рыболовы-речники, начиная с древнейших времен, пользовались запрудами, сделанными главным образом из тростника (Salonen 1970: 51 f.). Согласно текстам времени царствования Кира и Камбиза, рыбаки храма Эбббара для ловли рыбы прибегали к сооружению плотин и запруд. В 4-м и первой половине 3-го тысячелетия употреблялись также медные рыболовные крючки, которые позднее были заменены вершей. Но иногда и в I-м тысячелетии до н. э. продолжали пользоваться крючком, и от новоассирийского времени сохранился рельеф

⁸⁴ Lurū. VS IV 55:1 šam-ni nūni — «рыбий жир» (в тексте речь идет о его продаже).

⁸⁵ Ср. сообщение Геродота (II, 77) о том, что египтяне употребляют в пищу рыбу в вяленом, просоленном, жареном или вареном виде.

⁸⁶ Buren 1948: 120–121, со ссылкой на PBS XIV: 330. Tab. XXXV. N 4.

с изображением рыбной ловли в пруду с помощью крючка. Рыбаки-поморы применяли чаще всего сети (*ibid.*). Из одного контракта архива Мурашу видно, что в нововавилонское время для ловли рыбы в пруду пользовались сетями.

В ранние периоды истории Двуречья ловля рыбы в значительной мере находилась в распоряжении храмов. В досаргоновское время (т. е. до середины XXIV в.) только храмы располагали рыбаками-поморами, да и квалифицированные рыбаки-речники работали на храм. Например, храм богини Бабы в Лагаше в досаргоновское время имел на службе около 100 рыбаков, из них 73 были речниками, остальные — поморами. Эти рыбаки должны были доставлять в храм определенное количество рыбы, и нормы были установлены как для поморов, так и для речников (*ibid.*: 19 f.).

Рыба расходовалась на жрецов и остального храмового персонала, а излишки передавались храмовыми чиновниками гамкарам для продажи. Некоторые тексты XX–XIX вв. из Ларсы говорят о продаже до 15 тыс. больших рыб поштучно, а маленьких — по весу. Поскольку рыба быстро портилась, ее приходилось продавать дешево, иногда по 1800 штук за 1 сикль (Garelli 1959: 62).

Еще в древние периоды в храмах для жертвоприношений использовали морскую и пресноводную рыбу. О количестве рыбы, которая в I-м тысячелетии шла в храмах на жертвы, свидетельствует одна надпись Ашшурбанапала, согласно которой последний принес в жертву богам 10 тыс. рыб.

К нововавилонскому времени, хотя рыба и оставалась важным продуктом питания, рыболовство потеряло свое значение одной из важнейших отраслей хозяйства, и теперь, в отличие от более ранних периодов, среди храмового персонала не было работников, которые занимались рыболовством. Регулярная доставка рыбы для культовых потребностей храмов в I-м тысячелетии обеспечивалась, как и выполнение ряда других аналогичных обязательств (например, выпечка хлеба и приготовление пива для жертвенных обедов и т. д.), с помощью пребенды. К последней допускались лишь члены народного собрания, т. е. представители полноправных свободных (*mār-banī*). Такие лица обладали правом входа во внутренние пределы храмового здания и выполняли свои обязанности, связанные с пребендой, в течение определенных дней в году в соответствии с культовым календарем, получая за это твердо установленную долю из храмовых доходов (*isqu*), которая выплачивалась натуральными продуктами и деньгами (San Nicolò 1934: 182 f.). Пребенду можно было сдать в аренду, отдать в залог и т. д., но за выполнение обязанностей по отношению к храму отвечал владелец пребенды, а не арендатор или залогодержатель. Кроме того, пребенда передавалась по наследству и ее можно было продать.

Владельцы пребенды обязаны были по определенным дням, когда в храме готовились жертвенные обеды из рыбы⁸⁷, доставлять нормированное количество

⁸⁷ Начиная по крайней мере с касситского времени в определенные дни было запрещено есть рыбу. В частности, в одном позднеавилонском тексте, прототип которого восходит к касситскому времени, отмечается, что в 3-й день месяца нисану, 8-й день месяца аяру и 3-й день месяца ташриту не дозволено есть рыбу (см.: Salonen 1970: 257). Ср. сообщение Геродота (II, 37) о том, что египетским жрецам не позволялось есть рыбу.

во рыбы определенных образцов. Размеры жертвоприношений устанавливались царскими указами, как и число рыбаков, а также доля их доходов из храмового имущества. Размеры жертвоприношений в главных святилищах страны (Эсагила, храм Мардука в Вавилоне; Эбаббара, храм Шамаша в Сиппаре; Эанна, храм Иштар в Уруке; Эзида, храм Набу в Борсиппе; Экишнугаль, храм Сина в Уре) были приблизительно одинаковыми. Например, в одном распоряжении царской администрации отмечается, что рыбаки храма Эанна должны доставлять столько же рыбы, сколько и рыбаки бога Сина. Согласно указу Навуходоносора II, 20 рыбаков должны были регулярно доставлять в храм Эсагила рыбу для жертвоприношений богу Мардуку и его жене Зарпаниту. Такие же распоряжения существовали и относительно других святилищ, в частности, сохранилось царское предписание относительно храма Эзида. Согласно одному указу Набонида, управлению храма Эанна было предписано в дополнение к прежним назначить еще 10 новых рыбаков. После этого указа, как это видно из юридических документов, в Эанне насчитывалось 18 рыбаков, т. е. почти столько же, сколько и в Эсагиле. Имена этих рыбаков были внесены в специальные реестры, которые утверждались храмовым правлением и передавались в архив. Число рыбаков было постоянным, и не занесенные в реестры лица не допускались к ловле рыбы для культовых целей. Эти рыбаки были разбиты на группы по 6 человек (в храме Эанна), в каждой из которых старший отвечал за всех подчиненных ему лиц, не говоря о том, что все члены группы несли ответственность друг за друга.

Доставляемая в храм рыба должна была быть хорошего качества. А. Салонен справедливо отмечает, что при жертвоприношениях употребляли лучшие виды рыбы, так как жрецы, которые вкушали жертвенные обеды в последнюю очередь, хотели питаться хорошей рыбой⁸⁸.

Виновные в несвоевременной доставке установленной квоты рыбы или сдавшие нестандартную рыбу подлежали наказанию вплоть до лишения права на пребенду.

Выловленную сверх нормы рыбу храмовые рыбаки делили между собой поровну. Разумеется, такие рыбаки, как и в старовавилонское время, владели землей, которая, вероятно, и была для них основным источником доходов. Один текст свидетельствует об уплате рыбаками наряду с другими лицами государственных податей деньгами, очевидно с земли.

Нововавилонские храмы располагали своими собственными рыбными водоемами, где посторонним лицам запрещалось ловить рыбу. Иногда такие водоемы сдавались в аренду частным лицам. Поскольку количество поступавшей в храм рыбы значительно превышало культовые нужды, храмовое управление, как и в шумерское и старовавилонское время, занималось торговлей рыбой.

По свидетельству одного документа, храмовые рыбаки пожаловались чиновникам Эанны на то, что «городские рыбаки» ловят рыбу в урукских каналах и не сдают часть ее в храм. Храмовые чиновники вызвали шестерых «городских рыбаков» и велели им либо вовсе не ловить рыбу, либо же платить Эанне $\frac{1}{10}$ уло-

⁸⁸ Salonen 1970: 20. Наиболее распространенные рыбы в Древней Месопотамии, как и в современном Ираке, относились к семейству Cyprinidae (т. е. карпов), см.: *ibid.*: 84 f.

ва в качестве храмовой десятины. Нет никаких оснований полагать, что урукские каналы являлись собственностью храма Эанна и в этих каналах могли заниматься рыболовством любые лица, но они, подобно всем жителям страны (кроме рабов), должны были платить со своих доходов храмовую десятину.

Как видно из текстов, в нововавилонское время существовали рыбные пруды, принадлежавшие частным лицам. Довольно обильную информацию о таких прудах содержат тексты из архива делового дома Мурашу, составленные в форме диалога между контрагентами. Согласно одному документу, Рибат, раб и агент дома Мурашу, арендовал у своих хозяев рыбные пруды близ Ниппура, обязавшись платить в год $\frac{1}{2}$ таланта серебра и, кроме того, ежедневно доставлять к столу арендодателей определенное количество рыбы. Затем Рибат нанял сторожей над прудами, чтобы погоронние лица не ловили там рыбу. В один и тот же день в присутствии одних и тех же свидетелей Рибат заключил два контракта для охраны прудов на совершенно идентичных условиях, но с разными лицами (один со своим рабом, другой — с двумя свободными). Если будет обнаружено, что посторонние лица ловили рыбу в этих прудах, сторожа должны уплатить Рибату огромный штраф в 10 мин серебра. Поскольку в контрактах ничего не говорится о вознаграждении для сторожей, они, очевидно, пользовались правом ловли рыбы в соответствующих прудах.

Для извлечения доходов с арендованных им прудов Рибат в том же году обратился к услугам пяти профессиональных рыбаков (судя по именам, это были лица иудейского или арамейского происхождения), выдав каждому из них в пользование рыболовные сети. Рыбаки обязались в течение 20 дней доставить Рибату 500 рыб хорошего качества, а если они не выполнят этого условия, то в течение следующих 5 дней необходимо было отдать 1000 штук рыбы. Очевидно, рыба, выловленная сверх оговоренной в контракте нормы, оставалась рыбакам. Все рыбаки поручались друг за друга относительно выполнения условий контракта, и, кроме того, еще дополнительно третье лицо дало поручительство за них.

Несомненно, рыба, выловленная в этих прудах, кроме использования ее в пищу членами семьи Мурашу и их контрагентами шла в значительной мере на продажу. Об этом, в частности, свидетельствует как весьма высокая сумма годовой арендной платы с прудов, а именно $\frac{1}{2}$ таланта серебра, за которые можно было купить около 200 тыс. литров ячменя или фиников, так и штраф в 10 мин серебра, если сторожа будут небрежно относиться к выполнению принятых на себя обязанностей.

Некоторые исследователи склонны полагать, что в Вавилонии 2-го и 1-го тысячелетий до н. э. рыбная ловля являлась монополией дворца⁸⁹. Как известно из труда Геродота (II, 149), в ахеменидское время право ловли рыбы в Меридовом озере в Египте передавалось арендатору, а доходы шли в царскую казну, что составляло ежедневно от 20 мин до 1 таланта серебра в зависимости от прилива

⁸⁹ Driver, Miles 1968: 115 (там же приведена и предшествующая литература, в том числе статья Кошакера: ZA XLVII: 147–150). См. также: Ebeling 1957: 70. Ср.: Salonen 1970: 20–21.

и отлива⁹⁰. Но относительно Вавилонии I-го тысячелетия до н. э. у нас нет никаких данных в пользу предположения о существовании рыбных водоемов, являвшихся царской собственностью. Однако не исключено, что рыбные пруды, которые Мурашу сдавали в аренду, в действительности являлись царской собственностью, арендованной семьей Мурашу. Как известно, Мурашу брали в аренду царские поля и каналы. Однако в текстах, как правило, указывается, кто был собственником сдаваемого членами семьи Мурашу в субаренду имущества, и поскольку рассмотренные выше тексты не содержат такого указания, по всей вероятности, рыбные пруды принадлежали самим Мурашу.

ВИНО И ВИНОГРАДАРСТВО В ВАВИЛОНИИ В VII–VI ВВ. ДО Н. Э.⁹¹

В течение нескольких последних десятилетий в ассириологической литературе уделялось значительное внимание виноградарству и виноделию в Древней Месопотамии. В частности, Милано был сделан обзор свидетельств текстов из Эблы и Мари о виноделии в ранние периоды древней истории Месопотамии (Milano 1994: 421–440). Данные шумерских, вавилонских и ассирийских источников о виноделии рассмотрены Пауэллом (Powell 1996: 97–122), но в своем обзоре он уделил мало внимания вавилонским документам I-го тысячелетия до н. э. Основной вывод, к которому он пришел, заключается в том, что виноградарство в Вавилонии возникло не позднее 2-го тысячелетия до н. э., но оно так и не превратилось в настоящую культуру виноделия, и из винограда по большей части варили сироп (ibid.: 104, 114). Пути импорта вина в Вавилонию были прослежены Оппенгеймом (Oppenheim 1967: 236–254). Наконец, тексты о производстве вина в районе Сиппара в VII–V вв. исследованы Юрсой (Jursa 1995: 129–136).

Чтобы установить место вина⁹² в пищевом рационе жителей Древней Месопотамии, необходимо сказать несколько слов о роли пива в их диете. Последнее было их основным алкогольным напитком, и, как отметил Пауэлл, даже самое дешевое вино стоило во много раз дороже самого лучшего пива (Powell 1996: 106). Основным продуктом для приготовления пива был ячмень, но его делали также из эммера и фиников. Попутно можно отметить, что, по свидетельству античных источников, жители Месопотамии из фиников также делали вино (см. ссылки: Stol 1994: 156 f.).

⁹⁰ Ср. новоассирийское письмо (Waterman 1930: 568), где говорится о подаги (mandattu) рыбой с одной из ассирийских провинций (название не сохранилось) для дворца, дворцовой дамы и царевича. Согласно тексту, во дворец наряду с золотом, серебром, разной одеждой и т. д. было направлено более 40 чанов рыбы. Как известно из сообщений греческих авторов, к столу персидских царей доставляли в еще свежем виде рыбу из отдаленных морей, посланную в качестве подачи и подарков.

⁹¹ Впервые опубликована: Нурбореус. *Studia Classica* 7. Petropoli, 2001. P. 400–410.

⁹² По-аккадски — karānu: пишется syllabически ka-ra-nu, но чаще шумерограммой GIŠ.GEŠTIN. Это же слово обозначает виноградную лозу и виноградины. См.: CAD K: 202 ff.; Soden 1959–1981: 447 f.

В Месопотамии вино хранилось и транспортировалось в кувшинах⁹³ разного объема, точная их вместимость нам, однако, не известна. Высказывалось предположение, что обычно кувшин для вина вмещал около 10 л, но, по мнению Пауэлла, его емкость могла равняться и 30 л (Powell 1996:110.)⁹⁴.

Лучшие сорта вина ввозились в Вавилонию из других стран. Еще в ранние периоды истории Месопотамии вино доставляли туда из Сирии и Палестины (Milano 1994: 422). Что касается поздних периодов, то, если верить Геродоту (I, 193–194), в Вавилонии не росла виноградная лоза и вино туда доставляли с севера по рекам. Ксенофонт также пишет, что в Вавилонии было много вина из фиников, но там не было виноградного вина, которое в изобилии производили в Ассирии (Хен. Анаб. II, 3, 14–15; III, 4, 31 и др. Ср.: Powell 1996:102). По свидетельству клинописных документов, вино чаще всего импортировали из «Заречья» (Ebir-nári), т. е. стран к западу от реки Евфрата, или Сирии в широком смысле слова. Текст YOS VI, 61 происходит из архива храма Эанна (святилище богини Иштар) в Уруке и был составлен в 551 г. до н. э. Дасм его перевод.

«10 мин серебра, включая 3 мины — цену шерсти, являются имуществом (богинь) Иштар и Напайи, отданным Надину, сыну Арад-Иннина, и Иннин-кибшу-шар-уцуру, сыну Бел-зреша, для приобретения товаров⁹⁵ в Заречье. Они должны купить бронзу, вино, железо и пурпурную шерсть в соответствии с ценами в Заречье, доставить (их) в Урук и передать в (храм) Эанна для Владычицы Урука⁹⁶. Они ручаются друг за друга.

(Документ составлен) в присутствии Набу-шар-уцура, царского контролера, распорядителя имуществом Эанны.

Свидетели (*имена трех человек*). Писец (*имя*). Урук, месяц <...>, 25-й день, 5-й год Набонида, царя Вавилона».

По свидетельству YOS VII 63 (532 г. до н. э.), некий Икиша и его брат Балату, сыновья Лабаша, получили от чиновников храма Эанна 15 мин серебра для закупки в Заречье по установившимся там ценам «чистого» (ellu) вина (наряду с медом⁹⁷, бронзой, оловом, пурпурной шерстью и т. д.) и доставки его в Вавилон с целью дальнейшей транспортировки в Урук.

Как видно из YOS VI 168⁹⁸, в 550 г. храм Эанна закупил с помощью своих торговых агентов в Ионии бронзу, красители, олово, железо, пурпурную шерсть

⁹³ Kandu, karpatu, šarpu, udū. Лишь в одном случае упоминаются вместе кувшины kandu и šarpu (см. ниже текст, указанный в примеч. 25), а в остальных текстах — только одно из указанных названий.

⁹⁴ Кроме того, емкость кувшина одного и того же названия, по-видимому, отличалась в разных городах. В ряде текстов упоминается «большой кувшин», см.: Camb 252: 1; 394: 2 и др. (речь идет о кувшине šarpu). Судя по некоторым документам, кувшины для вина изготовлялись из бронзы (см., например: Graziani 1991 14).

⁹⁵ Строка 4: a-na mi-giš-ti.

⁹⁶ То есть Иштар.

⁹⁷ Dišru. По мнению Стола, в Древней Месопотамии указанным словом обозначался сироп из фиников (см.: Stol 1994:157; там же приведена и литература по этому вопросу). Как полагает Пауэлл, не имеется никаких свидетельств о существовании пчеловодства в Вавилонии, и мед там делали из винограда путем медленного нагревания (Powell 1996: 103). Но словом dišru обозначался и пчелиный мед, который доставлялся в Вавилонию из других стран, обычно с прилегающих к ней гор (Oppenheim 1967: 244).

⁹⁸ См. перевод: ibid.: 236 f.; Salonen 1976 117.

и другие товары, квасцы из Египта, железо из Ливана, а также отсюда же «отменного» меда и 20 кувшинов «чистого» вина, за которое была уплачена одна мина серебра. В этом тексте Иония означает, очевидно, Малую Азию, а Ливан определенно входил в состав упомянутого выше Заречья.

Как источник приобретения вина нередко упоминается область Суху, расположенная в среднем течении Евфрата и граничившая с Вавилонией. Например, как видно из YOS VI 50, в 551 г. администрация Эанна выдала в распоряжение одного лица мину серебра, чтобы приобрести 30 кувшинов «чистого» вина из «страны Суху» (ср. ниже: «город Суху»; возможно, так называлась столица этой области). YOS III 138 — письмо, адресованное управителю и царскому контролеру в храме Эанна, в котором три лица сообщают об отправлении 78 кувшинов вина (последнее слово пропущено в тексте) из страны Суху. Согласно VS VI 121, в 518 г. некий Мушезиб-Мардук должен был доставить одному лицу в Сиппаре 3 сут (18 л) «хорошего» вина из «города Суху».

Сохранился также документ времени Дария I о доставке вина в Вавилонию из финикийского города Библа. Его наместник послал в храм Эбббара в Сиппаре в качестве десятины 12 сиклей серебра, красную и голубую пурпурную шерсть, ствол кедрового дерева и два кувшина вина. Этот наместник, вероятно, сам был уроженцем Сиппара, и имя его вавилонское (CT LV 435. См.: Dandamayev 1995: 29–31).

ССCI I 225 происходит из архива Эанна, и в нем отмечается доставка в 601 г. 16 кувшинов вина из областей Изалла⁹⁹, Битати и Арнабану, которые были расположены к северо-западу от Ассирии и на холмах Загросского хребта¹⁰⁰. В нескольких текстах как место импорта вина в Вавилонию упоминается и область Цимири¹⁰¹, которая была расположена в Ливане. Как отмечает Пауэлл, в надписях Навуходоносора II упоминается восемь чужеземных стран, откуда в Вавилонию ввозили вино. Эти страны находились в Северном Иране, Турции и Сирии (Powell 1996: 102; там же приведены ссылки на тексты).

Но иногда в текстах не указывается страна, откуда вино доставляли в Месопотамию. Например, в одном документе отмечается, что 6 талантов 40 мин (около 200 кг) шерсти, принадлежавшей храму Эанна, было выдано некоему Ана-аха-иддину для закупки вина, олова, леса и [бронзы]. Всего ему было дано шерсти на 2 мины серебра, и после оплаты части товаров за ним остался долг в 1 мину $\frac{1}{3}$ сикля серебра. Сам документ составлен в Уруке в 3-м году царствования Набонида (553 г.)¹⁰².

YOS VI 163 является долговым обязательством некоего Иннин-зер-ушабши на 9 сиклей серебра, которые необходимо было уплатить храму Эанна. Эта денежная сумма составляла остаток цены за вино, которое упомянутое лицо купило для храма за счет заказчика. До погашения долга ему пришлось передать свою

⁹⁹ В других текстах эта страна называется Азалла. См., например, письмо TCL IX 105, отправленное чиновникам храма Эанна, в котором упоминаются 4 кувшина вина из Азаллы.

¹⁰⁰ См.: Oppenheim 1967: 244. Там же даны ссылки на тексты об импорте вина в Вавилонию. См. также: CAD K: 205.

¹⁰¹ Simiri (Σίμιρα античных источников). См.: Nbn 1005: 6 (ниже этот текст дан в переводе); VAB IV:154. Col IV: 51. Подробнее об этой области см.: Oppenheim 1967: 241; Zadok 1985: 280.

¹⁰² McEwan 1984: 49–52. Наше понимание текста расходится с его трактовкой издателем.

рабыню в антихрезу (т. е. в залог без уплаты процентов на долг и без вознаграждения услуг рабыни). Документ был составлен в 545 г. в Уруке¹⁰³.

В одном документе из архива Эанны, составленном в 566 г., говорится о дарении (или, может быть, уплате в качестве десятины) 5 šappu- и 2 kandu-кувшинов вина этому храму из имущества «царевны» (Beaulieu 1998: 191, документ NCBT 836). Имя этой царевны в тексте не приведено, но, судя по параллельным документам из того же архива, это была Кашшайя, дочь Навуходоносора II, которая владела в районе Урука обширными поместьями. В другом документе, составленном двумя годами раньше, упоминаются 2 kandu-кувшина, принадлежавшие царевне Кашшайе и выданные одному из ее рабов, по-видимому, для передачи в Эанну (ibid.: 190, документ NCBT 208).

Юрса полагает, что в районе Урука виноделием вообще не занимались (Jursa 1995: 129), и приведенные выше документы о закупке вина Эанной свидетельствуют в пользу такого предположения. Однако это не означает, что там вовсе не занимались выращиванием винограда для других целей (ср. ниже). Например, в одном письме из архива Эанны сообщается о том, что некий человек без разрешения управителя этого храма срывает виноградины (BIN I 94). Документ из того же архива отмечает, что 55 сиклей серебра составляли цену от продажи винограда и других фруктов (inbu), выращенных в 522 г. в «приятном саду» (kirimahhu), «собственности Иштар Урукской и Панайи», расположенном в Уруке. Эту денежную сумму должны были уплатить храму два садовода вместе с 10 500 штуками гранатов (Stigers 1976 35. N 21; текст переиздан: Graziani 1991 6. N 5).

В одном перечне профессий упоминается титул ša karānišu, который, по-видимому, обозначал разносчиков вина (CAD K: 206). Если такой перевод верен, можно предположить, что в рассматриваемое время в Вавилонии были люди, которые занимались мелкой торговлей вином.

Определенное представление об одном из способов доставки вина в Вавилонию можно получить из двух следующих документов, составленных в 540 г. вблизи от Вавилона.

Nbn 1005: «Набу-иддин, сын Набу-ушезиба, должен 10 сиклей серебра Икише, сыну Шум-укина, потомка Мудаммик-Адада. (На эту сумму) ежемесячно будут расти проценты (из расчета) 1 сикль серебра на 1 мину, не считая (прежнего) долгового обязательства на 1 мину серебра и 3 кувшина (вина) из страны Цимири.

Свидетели (имена двух человек), писец (имя). (Город) Бит-шар-Бабили. Месяц шабату, 15-й день, 16-й год Набонида, царя Вавилона».

Nbn 1013: «Набу-мудаммик, сын Набу-надин-шума, потомка Или-эллату, должен 2 мины 4 сикля серебра Набу-зер-икише, сыну Бел-апла-иддина, потомка Эгиби, и Итги-Мардук-балату, сыну Набу-аххе-иддина, потомка Эгиби. (Это) серебро является ценой 70 кувшинов вина. Набу-зер-икиша, Итги-Мардук-балату и Набу-мудаммик выручкой будут пользоваться в равных долях. Дихумму, раб Набу-зер-икиши, будет выполнять поручения Набу-мудаммика, и за капитал ответственность несет Набу-мудаммик.

¹⁰³ О покупке вина администрацией Эанны см. также: GCCI I: 395.

Свидетели (*имена трех человек*), писец (*имя*). (Город) Бит-шар-Бабили, месяц аддару. 9-й день, 16-й год Набошида, царя Вавилона».

В первом из этих документов зафиксировано долговое обязательство, в частности относительно доставки вина из страны Цимири. Во втором документе два представителя известной предпринимательской семьи Эгиби выдают в распоряжение своего контрагента определенную сумму денег для приобретения 70 кувшинов вина с целью их дальнейшей реализации по более высокой цене. Должник обязан был уплатить дому Эгиби 2 мины 4 сикля серебра. Что касается выручки, все три лица должны были поделить ее между собой в равной мере. Кроме того, один из кредиторов предоставил в распоряжение контрагента своего раба для выполнения различных поручений (ср. Lanz 1976: 94–95; Krecher 1970: 198). Эти тексты относятся к группе так называемых документов командитных товариществ, когда два или несколько человек совместно вели торговлю, деля между собой выручку и убытки. Часто это были операции по приобретению продуктов и различных товаров в других городах, а нередко и в соседних странах для их дальнейшей продажи.

Сохранились также единичные свидетельства о доставке вина в храм Эбббара в Сиппаре. Например, согласно одному документу от 550 г., этот храм купил 30 кувшинов вина за 4 мины 6 сиклей серебра (Nbn 279).

Согласно Camb 252, в 526 г. цекий Мукин-зер продал в Эбббару соответственно 2 «больших» кувшина «нового»¹⁰⁴ вина за 12 сиклей и 5 кувшинов «нового» вина за 10 $\frac{3}{4}$ сикля серебра. В ряде других текстов цена одного кувшина вина колеблется от 5 до 8 $\frac{1}{2}$ сикля серебра¹⁰⁵. По свидетельству YOS VI 58, за 3 кувшина вина было уплачено 5 сиклей серебра (вероятно, это было вино третьеразрядного качества)¹⁰⁶.

Как отмечает Юрса, хотя в рассматриваемое здесь время вино в Вавилонии было главным образом импортным, храм Эбббара в Сиппаре мог удовлетворять свои потребности в этом продукте за счет местного производства (Jursa 1995: 129).

Виноградная лоза, как и всякое фруктовое дерево, называлась гарпу (CAD G: 44). Например, VS V 49 является контрактом на насаждение сада, заключенным в Вавилоне в 526 г. Согласно этому документу, участок земли, расположенный на берегу Евфрата, сдается на три года в аренду, чтобы посадить там деревья, приносящие фиги, гранаты и виноград. Арендатор также обязан был орошать и сторожить сад и за свои труды мог получить одну треть фруктов.

Другой контракт из Вавилона свидетельствует о сдаче в аренду поля, принадлежавшего частным владельцам, на десять лет двум лицам, которые обязались платить 8 сиклей серебра «вместо фиников» и 1100 гранатов. Что касается фиг и винограда, арендодатели и арендаторы должны были делить их между собой в равной мере. Нарушитель контракта должен был уплатить 10 сиклей серебра. Документ относится ко времени Дария I (место с указанием года разрушено) (Wunsch 1997: 170 f. N 18). Сам участок земли, очевидно, был расположен неда-

¹⁰⁴ Eššu. Ср.: CT XXII 37:15–16, где упоминается «старое» (labiru) вино.

¹⁰⁵ См., например: Camb 212; VS VI 307, 309.

¹⁰⁶ О купле-продаже вина см. также: Camb 394; Nbn 247, 779, 1000; VS VI 313, 315, 319.

Рис. 33. Персидский воин

растет под деревьями (т. е. овощи), они могут есть». Согласно Nbn. 606, со 110 единиц виноградной лозы было получено 7 кур (1260 л) винограда. Но возможные данные не дают полной картины урожайности, поскольку какая-то часть (вероятно, одна треть) винограда должна была остаться и арендаторам.

Остановимся вкратце также на некоторых письмах из архива Эбббары. В СТ XXII 38 один чиновник сообщает управителю этого храма, что он настаивает на

леко от Вавилона, где был заключен контракт. Как отмечает издатель текста Корнелия Вунш, этот участок, площадь которого не указана, в тексте назван полем (*zēru*), хотя речь, очевидно, идет о саде (Wunsch: 172).

Гораздо больше информации о виноградарстве и виноделии содержат документы из Сиппара, большая часть которых рассмотрена Юрсой (Jursa 1995: 129–136). Остановимся на некоторых из них.

Dag 427 — контракт относительно аренды сада, принадлежавшего Эбббаре, согласно которому два арендатора должны были посадить там 50 виноградных лоз, а также яблони и (инжир?). Согласно другому документу, администрация Эбббары в 540 г. сдала в аренду виноградник площадью 2 пан 2 сут (около 6300 кв. м). В качестве арендной платы необходимо было ежегодно доставлять 13 кур (около 2340 л) винограда на стол Шамаша (*ibid.*: 133. N 43), который считался владыкой храма Эбббара. Еще один текст фиксирует сдачу в аренду двум лицам участка земли, «собственности Шамаша», для насаждения виноградной лозы за три года с последующей доставкой винограда на стол того же бога в течение пяти лет. Документ содержит также оговорку о том, что арендаторы должны окружить сад стеной. Контракт был заключен в 551 г. в «Городе Шамаша» близ Сиппара (*ibid.*: 135. N 45)¹⁰⁷.

Относительно урожайности виноградников Nbn 869 содержит следующие данные: со 100 единиц виноградной лозы арендаторы должны были отдавать 3 кур (540 л) винограда и с 6 деревьев инжира — 1 кур 60 ка (240 л) фиг, а «то, что

¹⁰⁷ Об аренде виноградников в районе Сиппара см. также: Nbn 218, 486, 582; Zawadzki 1996:178. N 8.

том, чтобы работники выжали виноград для приготовления вина в его присутствии. В другом письме к управителю сообщается о насаждении виноградника на земле площадью в 3 кур, т. е. около 40 500 кв. м, и об отсутствии работников для сооружения стены вокруг виноградного сада¹⁰⁸. Еще один храмовый чиновник пишет, что он собирается засадить 1 кур 3 пан 2 сут (около 22 500 кв. м) земли виноградной лозой (MacGinnis 1996: 104 f. N 4).

Из двух фрагментарных документов можно заключить, что виноделием занимались также в районе города Описа на Тигре к востоку от Сиппара. VS VI 286 — обломок большой таблички, где говорится о доставке вина из Описа. В VS VI 285 упоминаются 96 кувшинов вина из Описа, которое принадлежало царю.

Выше были рассмотрены некоторые документы о купле-продаже вина, однако, поскольку нам точно не известна емкость кувшинов, в которых оно продавалось, трудно установить его реальную стоимость. Поэтому в настоящее время единственным конкретным свидетельством о цене вина в Вавилонии является следующее хвастливое заявление царя Набонида: «Вино — прекрасный напиток с гор, которого вовсе нет в моей стране, стоило в моей стране 18 ка (около 18 л) за 1 сикль серебра» (Rollig 1964: 248 (см. там же ссылку на источник): ср. CAD K 203; Powell 1996: 101). Это, очевидно, минимальная цена за импортное вино, засвидетельствованная в Вавилонии, однако она не покажется нам очень низкой, если учесть, что в рассматриваемое время за сикль серебра можно было купить 180 л ячменя или фиников, которые стоили одинаково.

В отличие от соседних стран в Вавилонии вино, как и фрукты, оставалось роскошью, доступной лишь очень богатым людям. Известно, что в новоассирийское время вино стало составной частью пищи, которую подавали во время официальных пиршеств. Кроме того, ассирийские придворные вельможи регулярно получали винные рационы (см.: Milano 1994: 439 f., там же даны ссылки на тексты).

Попутно можно отметить, что в некоторых соседних с Вавилонией странах виноделие занимало важное место в экономике. Например, в Палестине виноград широко употреблялся для приготовления вина, изюма и сиропа (Borowski 1992: 97). В Ассирии также высоко была развита культура виноделия (см.: Powell 1996: 121).

Рис. 34. Бронзовая фигура мидийца

¹⁰⁸ СТ XXII 196: 19 É CIŠ GEŠTIN (= bīt karāni, буквально «дом вина»). CAD дает следующие переводы этого выражения: «таверна», «винный погреб», «виноградник» (CAD K 206). В одном документе раннеакхеменидского времени, который содержит перечень пайков и платы различным лицам персонала храма Эанна, отмечается выдача 1 1/2 сикля серебра одному строителю (arad ekalli) «дома вина» (см.: Moore 1939 89). По всей вероятности, здесь имеется в виду погреб для хранения вина.

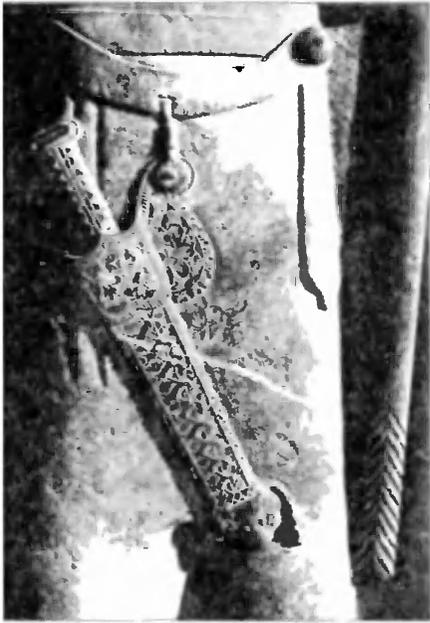

Рис. 35. Акинак мидийского воина на рельефе из Персеполя

По сообщению Ксенофонта, в кардучских деревнях на территории современного Курдистана было так много вина, что его хранили в обмазанных известью ямах (Хен. Anab. IV, 2, 22). В Иране ахеменидского времени работникам царского хозяйства (не говоря о государственных чиновниках) плату выдавали не только зерном, растительным маслом и другими продуктами, но также и вином. Там же в первой половине V в. до н. э. кувшин вина емкостью около 10 л стоил 1 сикль серебра (Дандамаев, Луконин 1985: 227).

В Вавилонии чиновники и ремесленники получали вино лишь в исключительных случаях. Например, Набонид утверждает, что он снабжал работников, занятых в сооружении одного храма, отменной пищей, прекрасным пивом и щедрыми порциями вина (см.: CAD K 203, там же дана ссылка на источник). В нескольких документах из разрозненных архивов засвидетельствована выдача вина разным лицам, включая двух судей (VS VI 135, 309, 319)¹⁰⁹, но эти тексты

не содержат каких-либо пояснений о цели этих выдач.

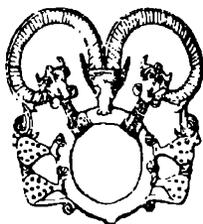
В царских надписях, исторических хрониках и хозяйственных документах содержится много свидетельств о жертвоприношениях вином для богов. Так, например, Навуходоносор II заявляет, что он приносил Мардуку, верховному богу вавилонского пантеона, и его супруге Зарпаниту, а также другим божествам, обитающим в храме Эсагила в Вавилоне, жертвы скотом, рыбой, птицей, финиками, фигами, овощами, маслом, пивом, молоком, медом и, наконец, вином, доставленным из девяти областей, большинство которых находилось за пределами Месопотамии (VAB IV 154. N 19, Col. IV, 27-62). Тот же царь заявляет, что он подавал «вино на стол Мардука и Зарпаниту без счета, как воду из реки» (VAB IV 90. N 9, Col. 1: 22- 28).

В переписке чиновников храма Эанна часто речь идет о жертвоприношениях вином и о необходимости доставить для этого вино в Урук и соседний город Ларса, где было расположено одно из святилищ бога Шамаша (BIN I 21, 67, 94; TCL IX 133: YOS III 18, 20, 49, 54, 82, 88). Тексты о жертвоприношениях вином сохранились также из архива храма Эбббара в Сиппаре (CT LVI 2, 259; CT LVII 206 и др. Ср.: Bongenaar 1997: 171, там же даны ссылки на некоторые тексты).

Таким образом, без преувеличения можно сказать, что в Вавилонии вино, как и фрукты, предназначалось скорее для богов, чем для людей.

¹⁰⁹ См. также: Zadok 1997:137, где приводятся ссылки на тексты, в которых мясо и вино упоминаются вместе.

V

ЭТНИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ

МИДИЙСКО-ВАВИЛОНСКИЕ СВЯЗИ В АХЕМЕНИДСКИЙ ПЕРИОД¹

Фундаментальный труд «История Мидии» Игара Габибовича Алиева и другие его работы внесли большой вклад в изучение цивилизации этой древней страны. В предлагаемой здесь заметке автор надеется добавить несколько штрихов к общей картине наших знаний о мидийцах.

Как известно, мидийцы пришли на Иранское плато на рубеже 2-го и 1-го тысячелетий до н. э. и осели на территории современного Северо-Западного Ирана. В IX в., когда ассирийцы стали совершать походы туда, там существовали десятки мелких княжеств, которые объединяли как мидийцев, так и автохтонное население кутийско-касситского происхождения. Позднее, в VIII в., ассирийцам удалось установить свой контроль над этими княжествами. Но в 672 г. до н. э. мидийцы в союзе с другими племенами этого района и вторгшимися туда киммерийцами и скифами восстали против ассирийцев и затем создали свое государство. После того

---

¹ Статья опубликована в сб.: Тр. науч. конференции, посвященной 80-летию академика Игара Алиева. Баку, 2004. С. 32–41.

как в 626 г. до н. э. в Вавилонии вспыхнуло восстание против ассирийского господства, мидийцы также выступили против своего исконного врага и сыграли решающую роль в его разгроме. В 612 г. в результате объединенного натиска мидийцев и вавилонян пала столица Ассирии Ниневия. В результате этой победы и последующих войн Мидия превратилась в одно из крупнейших государств Ближнего Востока.

В ходе войны против Ассирии и после нее между Мидией и Вавилонией установились дружественные отношения. Однако приблизительно через два десятилетия эти отношения стали напряженными, так как обе страны стремились установить свою гегемонию на Ближнем Востоке. Об ухудшении отношений между бывшими союзниками свидетельствует тот факт, что, судя по вавилонским клинописным текстам из царского архива, обе стороны принимали беженцев друг от друга. Это видно из следующих фактов. Некоторые документы, которые были составлены в 595–570 гг. в Вавилоне, фиксируют выдачу продовольствия с царских складов чужеземцам. В частности, два раза упоминается некий Мадбанну², «беженец из страны Мидия»³, которому в 592 г. был выдан паек растительным маслом. Судя по тексту, он был старшим в группе мидийских эмигрантов, которые жили при дворе вавилонского царя Навуходоносора II (Weidner 1939: 930). Сохранилось также письмо, написанное около 591 г. до н. э., в котором сообщается, что несколько вавилонян бежали в Мидию и приказ Навуходоносора II вернуться обратно остался без ответа (Dougherty 1933 395).

Имеется также свидетельство о том, что иранцы (по всей вероятности, мидийцы) были на службе у одного из вавилонских храмов еще в доахеменидское время. Два дубликата документа времени царствования Набонида упоминают некоего Багиязу (иранское имя), который был царским чиновником, направленным для надзора в храм Эанна в Уруке (Dougherty 1920 169–231) Текст этот происходит из храмового архива и был составлен менее трех месяцев до персидского захвата Вавилонии в 539 г. Можно высказать предположение, что упомянутый чиновник был потомком одного из мидийцев при дворе Навуходоносора II за полвека до этого.

Как известно, в 550 г. до н. э. Мидия была захвачена персами и стала одной из сатрапий Ахеменидской державы, где мидийцы занимали привилегированное (второе после персов) место. Вскоре Вавилония также была превращена в сатрапию той же империи. По-видимому, Угбару⁴, первый наместник Вавилонии после захвата ее персами, был мидиец. В Вавилонской хронике он назван наместником страны Гутиум, который 12 октября 539 г. совместно с армией персидского царя Кира захватил Вавилон (Grayson 1975: 109, col. III, 15). Очевидно, Угбару был военачальником персидской армии и стал сатрапом Месопотамии,

² Если такое чтение верно, это древнеиранское имя (см.: Zadok 1976: 66). Но вследствие полифонического характера вавилонской клинописи оно может читаться также: Курбаншу. В таком случае это акадское имя, которое могло быть дано после его бегства в Вавилонию.

³ Ma-da-a-a. Этим названием в вавилонских и ассирийских текстах обозначаются как Мидия, так и ее жители. Ссылки на тексты см.: Zadok 1985: 214–215.

⁴ Древнеиранское имя, которое обычно в вавилонских и ассирийских текстах передается как Губару, а в греческих источниках (Геродот. Ксенофонт и др.) как Гобрый.

а до этого был наместником области Гутиум. Он упоминается также в «Киропедии» (IV, 6, 2 и др.) Ксенофонта под именем Гобрива, который, согласно этому автору, был ассирийцем, перешедшим на сторону Кира, когда престол Ассирии занял негодный ему правитель. Но Ксенофонт обычно не делает строгого различия между ассирийцами и вавилонянами. По мнению некоторых ученых, этот Гобрив был вавилонянином, назначенным Навуходоносором II или Набонидом наместником Гутиума, области к западу от Мидии (Halla 1968–1971: 717–718; Mallowan 1985: 411). Но другие исследователи считают, что в I-м тысячелетии до н. э. название «Гутиум» было архаичным, торжественным для обозначения Мидии или по крайней мере ее западной части (Herzfeld 1968: 194; Diakonoff 1985: 117). По всей вероятности, Гутиум Вавилонской хроники составлял ахеменидскую сатрапию, которая охватывала Мидию и северо-восточную часть бывшей Ассирии (Dandamayev 1992: 72–73).

После того как Мидия и Месопотамия стали сатрапиями одного и того же государства, между этими двумя странами установились регулярные связи. Прежде всего в Месопотамии были созданы военные колонии из представителей многих народов огромной Ахеменидской державы. Кроме того, в государственном административном аппарате назначались чиновники различного этнического происхождения. Наконец, Месопотамия славилась своим плодородием, и

Рис. 36. Персидский ковер из Пазырыкского кургана на Алтае

поэтому там начали оседать персы, мидийцы и представители других народов. В ахеменидское время мидийцы находились там как государственные чиновники, царские воины и, возможно, в качестве частных лиц. Во всяком случае, иногда причины их пребывания в Вавилонии остаются нам неизвестными. Хотя вавилонские документы часто отмечают этническую принадлежность упомянутых в них людей, нередко указываются лишь их имена и отчества. Среди них много иранских имен, и часть их носителей, очевидно, были мидийцы. Но такие тексты не могут быть рассмотрены здесь, поскольку лишь по именам трудно или невозможно отличить мидийцев от персов и других иранцев.

Тексты содержат следующие свидетельства о мидийцах. Как видно из документа архива храма Эанна в Уруке, относящегося ко времени Кира или Камбиза, один мидиец (имя его не сохранилось) возглавлял в персидской администрации ведомство по мелкому скоту. В тексте фиксируются храмовые расходы, включая выдачу тридцати сиклей серебра этому мидийцу. Там же упомянут еще один мидиец по имени Шумму, а также и хорезмиец. Далее документ отмечает уплату трех сиклей серебра одному меднику, который изваял скульптурное изображение быка, чтобы выставить его во дворце персидского царя (Moore 1939 43). Мидиец по имени Бумаса упоминается в одном письме из храма Эбббара в городе Сиппаре, которое датируется 518 г. Текст этот содержит распоряжение храмового чиновника выдать пять курру фиников с храмового склада (Pinches 1982 43). Очевидно, он был государственным чиновником.

Подобно персам и другим иранцам, в гуще вавилонской жизни появляются и мидийцы. Например, в Вавилоне в начале царствования Дария I жила мидийская семья — муж Какия и жена Ухия, которые владели землей близ этого города. В 520 г. эта земля была сдана в аренду известному предпринимательскому дому Эгиби, и в качестве годовой платы ее собственники получили пять курру фиников (Dar 51). Эти мидийцы жили в арендованном у одного из членов фирмы Эгиби доме, а у другого ее представителя они взяли напрокат мебель и домашнюю утварь, а также наняли у него рабыню в качестве прислуги (*ibid.* 57).

Другой мидиец, по имени Нинакку, жил в Борсиппе. В 499 г. он отдал свою рабыню в долговой залог, но она бсжала ночью из дома кредитора (Ungnad 1907 160).

Как известно, ахеменидский период характеризуется интенсивными процессами этнического смешения, и с течением времени мидийцы, подобно жившим в Месопотамии представителям других народов, иногда давали своим детям типично вавилонские имена. О таких случаях мы обычно можем узнать, лишь когда в самих документах отмечается этническое происхождение упомянутых в них лиц. Например, в одном фрагментарном тексте, который, по-видимому, относится к ахеменидскому времени, упоминается некий Адад-ах-идди (типично вавилонское имя), который назван мидийцем. Текст этот происходит из архива храма Эбббара в Сиппаре. Он упомянут в списке царских чиновников, которые владели домами в Сиппаре или по крайней мере жили там (Ungnad 1908 252–276; см. колляцию текста: Jursa 1999).

Два текста из архива предпринимательского дома Мурашу, функционировавшего в Ниппуре и его регионе во второй половине V в. до н. э., упоминают

женщину по имени Мадумиту (Hilprecht, Clay 1898 39; Clay 1912 75). По мнению Цадока, это имя означает «мидийка» (Zadok 1977: 133). В 431 г. она жила в имении некоей Амиссири, которая, как полагает Цадок, была знатной персиянкой. Через десять лет женщина с тем же собственным именем Мадумиту находилась в имении персидской царицы Парисатиды, расположенном в районе Ниппура. Возможно, это была одна и та же женщина (ibid.). Другой текст из того же архива упоминает «верхнюю мидийскую одежду»⁵.

Вскоре после захвата Месопотамии персами вавилонские предприниматели стали совершать деловые поездки в Мидию. Некоторые документы архива Эгиби были составлены в столице Мидии Экбатанах⁶ и нескольких других населенных пунктах Западного Ирана. Одна клинописная табличка, написанная в Экбатанах в 537 г., является долговым документом на полторы мины серебра, которые должен был уплатить Итти-Мардук-балату, глава дома Эгиби, своему контрагенту. Он обязался погасить эту ссуду в Вавилоне финиками в соответствии с текущим курсом цен в этом городе. Не только должник и кредитор, но и писец и все свидетели этого документа были вавилоняне (Strassmaier 1890b 60).

Еще один документ с упоминанием того же Итти-Мардук-балату был составлен в 533 г. в каком-то городе Западного Ирана, который не поддается локализации. Во время своего пребывания там он отдал другому вавилонянину 20 сиклей серебра в ссуду с условием погашения ее в Экбатанах. Ссуда была процентной из расчета один сикль серебра на мину в месяц. Здесь также не только контрагенты и писец, но и все свидетели были вавилоняне (ibid.: 227). Вероятно, все они в Мидии занимались торговлей.

Следующий документ содержит информацию о вавилонянах, которые находились в Экбатанах в 491 г., т. е. во время царствования Дария I. Некоторые из них, возможно, были постоянными резидентами в Экбатанах. Во всяком случае, никто из них не упоминается в известных нам из Вавилонии текстах. Как видно из документа, некий Бунене-ибни ссудил вавилонянину по имени Таддинну 35 сиклей серебра, цену 22 курру фиников. Два других человека, находившихся в деловых связях с контрагентами (один из них носил иранское имя Багадата), должны были доставить указанное количество фиников в Сиппар. В противном случае Таддинну должен был вернуть ссуду с уплатой соответствующих процентов⁷.

В Экбатанах был составлен еще один вавилонский документ. Как видно из него, в 416 г. некий Бел-аб-уцур взял в долг у двух лиц 200 курру первосортных фиников с обязательством погасить эту ссуду к определенному сроку в местности Бит-Напсанну в Месопотамии. В противном случае он должен был уплатить серебром стоимость фиников по курсу цен в Вавилоне. Текст содержит также оговорку о том, что должник возместит расходы на лодку и корабельщика для

⁵ Madu`itum. См.: Stolper 1985 93; ср.: Zadok 1977:113.

⁶ Agmatanu. О различных формах написания этого названия в вавилонских документах см.: Zadok 1985: 3.

⁷ Stigers 1976 28. См. транслитерацию и перевод этого текста: Dandamayev 1986: 117.

транспортировки фиников из Бит-Напсанну в Вавилон. За него поручилось третье лицо. Большинство имен в тексте вавилонские, но среди них, по-видимому, имеются по одному эламскому, иранскому и египетскому имени (Stolper 1990:165–168). Однако в позднеахеменидское время наблюдается смешение имен представителей различных народов, и поэтому трудно определить по именам их этническую принадлежность.

Из рассмотренных документов можно сделать вывод, что в пределах Ахеменидской державы торговцы и другие люди делового мира могли легко перемещаться из одной страны в другую. Более того, они могли найти в чужой стране своих этнических соотечественников, которые жили там постоянно, и в случае необходимости занять у них деньги. О колониях этнических вавилонян свидетельствуют также документы на вавилонском диалекте аккадского языка, составленные в Сузах, Персеполе и других городах Юго-Западного Ирана (Stolper 1984: 189–200). Примечательно, что в одном тексте из Суз упоминается невеста вавилонянина, которая происходила из Экбатан (Joannès 1990 1).

КЛИНОПИСНЫЕ ДАННЫЕ ОБ АРЕЙЯХ⁸

История восточных иранцев в ахеменидский период скупой отражена в письменных источниках. Представители среднеазиатских сатрапий наряду с персами и мидийцами являлись надежным ядром армии ахеменидских царей (Aeschyl. Persai, 732–733; Her., VI, 113; VIII, 113; IX, 7 и 71; Diod., XI, 7). Выходцы из Средней Азии нередко занимали руководящие посты и в ахеменидской администрации.

По свидетельству источников, в Египте и Вавилонии находилось много воинов из Средней Азии. Терракоты, изображающие восточных иранцев, найдены в большом количестве в Мемфисе, Ашшуре, Сирии и т. д. (Altheim 1947: 172). Согласно арамейским папирусам из Египта, в персидском гарнизоне на острове Элефантине служил хорезмиец Даргман, сын Харшина, и владел там недвижимым имуществом (Sayce 1906 2, 7, 8, 17, 22; d. 23). Египетские источники рассказывают, что вместе с персами в страну явились чужеземцы из многих стран (Spiegelberg 1915 V 15–16; Posener 1936, 1 B. 11; 6/5). Среди этих людей были мидийцы, каспийцы и другие иранцы.

После 539 г. до н. э., когда Вавилония была включена в состав Персидской державы, ахеменидская администрация создала там военные колонии. Колонисты получили земельные наделы, которые назывались «землей лука», несли воинскую повинность и платили государственные подати. Особенно много колонистов чужеземного происхождения жили в Вавилонии в V в. до н. э. В документах архива торгового дома Мурашу из Ниппура около $\frac{1}{3}$ всех собственных имен иностранные, т. е. невавилонские, среди них встречаются десятки иранских

⁸ Впервые опубликована: История. археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 86–94.

имен, носители которых были персами, мидийцами, саками, арейями и представителями других иранских племен.

В настоящей статье мы попытаемся рассмотреть данные поздневавилонских документов об арейях, выходцах из страны Арейя, лежавшей к востоку от Парфии, на территории современного Герата. Эти данные, несмотря на их отрывочный характер, представляют значительный интерес, так как остальные источники содержат крайне скудные сведения об арейях. Бехистунская надпись и надписи Дария I из Персеполя, Накши-Рустама и Суз, а также надпись Ксеркса из Персеполя в перечне стран, входящих в состав Ахеменидской державы, упоминают Арейю⁹ наряду с Парфией, Бактрией, Дрангианой, Согдианой и другими восточными сатрапиями (Kent 1953: 213). Согласно Геродоту (Her., III, 93 и VII, 66), арейи совместно с парфянами, хорезмийцами и согдийцами входили в 16-й податный округ и служили в войске Ксеркса. Арии, по Геродоту, были вооружены мидийскими луками, а остальное их оружие было бактрийским. Позднее, когда армия Александра Македонского вторглась в пределы Ахеменидского государства, арейи во главе со своим сатрапом Сатибарзаном сражались с македонцами в составе персидского войска (Curt, VII, 4, 32–33; Arrian., Anab., III, 8, 4). После своей победы Александр Македонский назначил Сатибарзана наместником в Арейе, но тот перешел на сторону Бесса, который провозгласил себя персидским царем. Восстание арейев было подавлено, а восставших либо казнили, либо обратили в рабство (Arrian., Anab., III, 25, 1–2 и 5–7).

Наконец, на персепольских рельефах изображены представители арейев, которые или доставляют подати персидским царям, или вместе с представителями других подвластных Ахеменидам народов несут трон Дария I. Арейи изображены с индийским мечом на боку, в башлыке, подпоясанной куртке, коротких штанах и высоких ботинках. В качестве подати они несут кубки и ведут двугорбого бактрийского верблюда (Schmidt 1953: 85, 117–118; 1957: 95).

В документах архива торгового дома Мурашу встречается термин (amel)ar-ú-ma-a-a, который прежде неверно транскрибировали (amē)arsaim-ma-a-a, считая его названием профессии или полагая, что это группа людей, которые находились в какой-то связи с персом Аршамом, владевшим в окрестностях Ниппура землей и большим количеством скота (Augerfel 1917: 103; König 1928: 155). В. Эйлерс установил правильное чтение термина и высказал предположение, что это вавилонская передача этнического названия жителей области Арейя с замной w через m, характерной для поздневавилонской графики (Eilers 1933: 333; ср. Cardascia 1951: 7; Driver 1954: 52). Это отождествление, как нам кажется, легко подтверждается и тем фактом, что лица, названные агатаја, обычно носят иранские имена. Документы часто отмечают этническое происхождение контрагентов, указывая, что они являются персами, фригийцами, лидийцами, египтянами, киммерийцами, индийцами и т. д. Это обстоятельство также наводит на мысль, что агатаја является этническим названием с обычным для таких образований суффиксом -āja.

⁹ Древнеперсидское *haraiva* (ср. авестийское *harōiva* в Vend. (I, 8), эламское *harrīma* и *harrīja*, вавилонское (*māt a-ri-e-mu*). Ср. древнегреческое Ἄρεια и название жителей страны Ἄρειοι или Ἄριοι.

Перейдем к разбору документов.

BE IX¹⁰ 74. «2 мины серебра, муку, 3 бочки, полные хорошего пива, 3 барана — арендная плата с полей за 40-й год царя Артаксеркса, (а именно) с надела лука Напенна, сына Атурамана, с надела лука Бага, сына Ахратуша, с надела лука Успатару, сына Ускудуру, с надела лука Тиридата, сына Пинурга-этира, с надела лука Бел-иттанну, сына Уштабузана, с надела лука Патиштана, сына Дармакка, с надела лука Тиридата и Багадаты, сыновей Какуна, со всех полей ареев в местности Шаламме, которые находятся в распоряжении¹¹ Эллиль-шум-иддина, потомка Мурашу. Две мины серебра, муку, три бочки пива, три барана — арендную плату с этих полей Напенна, Бага, Успатару, Тиридат, Бел-иттанну, Патиштана, Тиридат (и) Багадата получили: им оплачено из рук Эллиль-шум-иддина, потомка Мурашу.

Свидетели (*шесть человек*), писец, месяц ташриту, 6-й день, 40-й год царя стран Артаксеркса¹². (*Оттиски* печатей (*свидетелей*)).

Согласно рассмотренному документу, восемь военных колонистов сдали свои наделы в аренду торговому дому Мурашу и получили арендную плату. Имена Напенна, Бага, Успатару, Тиридат, Патиштана и Багадата — иранские, как и имена их отцов (Атураман, Ахратуш, Уштабузана, Дармакка, Какун). Этот документ, в частности, интересен тем, что дает достаточно ясное представление о собственных именах ареев. Отец Тиридата — Нинурга-этир и сын Уштабузана — Бел-иттанну носят вавилонские имена. Это, по-видимому, свидетельствует о смешанных браках. Судя по документам архива Мурашу, в V в. до н. э. в Вавилонии происходили интенсивные процессы смешения различных племен и синкретизации их культур.

Бага, Испатару, Тиридат и Багадата, которые упомянуты в рассмотренном документе, через семь лет вместе с тремя другими лицами сдали в аренду дому Мурашу свои наделы в той же местности Шаламме приблизительно за ту же плату, как об этом свидетельствует следующий документ.

UM¹³ 122. «2 мины серебра, 2 бочки первосортного пива, 2 барана, 1 кур¹⁴ ячменной муки — арендная плата полностью за 6-й год Дария с полей с деревьями и зерновым урожаем на корню, (а именно) с надела лука Багадаты и Тиридата, сыновей Какуна, и (совладельцев его надела лука, с надела Аглы, сына Харриумаза, и (со)владельцев надела его лука, с надела лука Иддин-Набу, сына Пинурга-этира, и (со)владельцев его надела лука, с надела лука Испатару, сына Искудуру, и (совладельцев его надела лука, с надела Забини, сына Напена, и (со)владельцев его надела лука, с надела Бага, сына Ахратуша, и (со)владельцев его надела лука, которые (относятся к) округу ареев (с полей), которые находятся в распоряжении Римут-Нинурты, потомка Мурашу. Серебра 2 мины, пиво первосортное 2 бочки, барана 2, ячменной муки 1 кур — арендную плату с этих наделов лука, которые

¹⁰ Hilprecht, Clay 1898. Документы, которые мы приводим здесь в транслитерации и переводе, до сих пор не были обработаны.

¹¹ То есть в аренде.

¹² 425 г. до н. э.

¹³ Clay 1912.

¹⁴ 180 л.

(расположены) в местности Шаламме, Апла [...], Тиридат и Иддин-Набу взяли; им оплачено из рук Римут-Нинурты, потомка Мурашу. Они должны вместе со своими совладельцами составить расписку и отдать (ее) Римут-Нинурте.

Свидетели (*девять человек*), писец, Ншшур, месяц улулу, 17-й день, 6-й год царя стран Дария¹⁵.

(*Отпечатки*) ногтей Аплы, Тиридата и Иддин-Набу. Печати (*свидетелей*)».

Интересно отметить, что в этом документе в отличие от предыдущего вместо Напенна фигурирует его сын Забини. Очевидно, к тому времени Напенна умер, и его надел перешел к сыну, так как наделы военных колонистов переходили по наследству по мужской линии. Упомянутый в рассматриваемом документе Апла носит вавилонское имя, но имя его отца Харриумаза, по-видимому, иранское.

Далее Бага, Испагар, Тиридат и Бел-итганну, о которых говорилось выше, в 5-м году царствования Дария II (417 г. до н. э.) сдали свои наделы лука дому Мурашу и в качестве арендной платы получили 2 мины серебра, 2 бочки первого сорта пива и 2 баранов (PBS 2/I 116).

BE X 100. « $1/2$ мины серебра — арендную плату полностью за 4-й год царя Дария с полей с деревьями и зерновым урожаем на корню, (а именно) с надела лука ((Барики, сына) Хурушшадата, из округа ареев в местности Бит-Табалулая (с поля), которое (находится) в распоряжении Римут-Нинурты, потомка Мурашу. Серебра $1/2$ мины — арендную плату за 4-й год с этого поля Тадданну, начальник ареев, сын Багиязу, взял; ему оплачено из рук Римут-Нинурты, потомка Мурашу.

Свидетели (*шесть человек*). Писец, Нипшур, месяц абу, 16-й день, 5-й год царя стран¹⁶ Дария.

(*Оттиски*) перстней (*контрагентов¹⁷ и свидетелей*)».

Хурушшадат и Багиязу — иранские имена, но сыновья этих лиц носят вавилонские имена.

За год до этого, в 420 г. до н. э., упомянутый Барики, сын Хурушшадата «из округа ареев», получил в качестве арендной платы со своего надела в той же местности Бит-Табалулая 3 сикля серебра, 10 л муки и 7,5 л пива. Документ составлен в Нипшуре в присутствии свидетелей, среди которых выступает, в частности, Тиридат — начальник ареев, сын Тата (BE X 86). Размер арендной платы в обоих этих документах сильно отличается. Это, возможно, объясняется тем, что в 420 г. в аренду была сдана только часть поля. Кроме того, в 420 г. помимо серебра владелец поля получил также муку и пиво, в то время как в 419 г. до н. э. арендная плата полностью была уплачена серебром.

То небольшое количество муки и пива, которое Барики получил в 520 г. до н. э., никак не могло компенсировать разницу в денежной оплате, полученной им в предыдущем году. Наконец, интересно также отметить, что, по свидетельству BE X 100, арендную плату из рук представителя дома Мурашу получил не сам владелец надела Барики, а начальник последнего — Тадданну.

¹⁵ 418 г. до н. э.

¹⁶ 419 г. до н. э.

¹⁷ В частности, «перстень Тадданну, начальника ареев, сына Багиязу».

Далее, в следующем, 419 г. до н. э., Барики получил за свой надел в той же местности Бит-Табалулая арендную плату приблизительно в полтора раза больше, чем за год до этого, как об этом свидетельствует следующий документ.

ТМН¹⁸ 186. «5 сиклей серебра, 3 сут¹⁹ муки, талам²⁰ пива — арендная плата полностью за 5-й год царя Дария с поля, надела лука Барики, сына Хурушшадата²¹, из округа ареев (с поля) в местности Бит-Табалулая, которое находится в распоряжении Римут-Нинурты, потомка Мурашу. Серебра 5 сиклей, муки 3 сут, пива талам — арендную плату с этого поля за 5-й год Барики взял; ему оплачено из рук Римут-Нинурты.

Свидетели (*шесть человек*). Писец. Ниппур, месяц ташригу, 3-й день, 5-й год царя стран Дария.

(*Оттиски*) печатей (*свидетелей*)).

Наконец, в 417 г. до н. э. Барики получил 10 сиклей серебра, 25 л муки, 15 л пива в качестве арендной платы за 6-й и 7-й годы царствования Дария II с поля в местности Бит-Табалулая. В документе среди свидетелей упомянут «Багазушту — начальник индийцев, сын Багапата»²², который, судя по его имени и имени отца, был иранцем.

BE X 111. « $\frac{1}{2}$ мины серебра, 1 бочка пива, 1 баран, 5 сут муки — арендная плата с поля за 5-й, 6-й (и) 7-й годы царя Дария (а именно) с надела лука ареев в местности Шубту-габбари, который (находится) в распоряжении Рибата, сына Бел-эрбы, раба Римут-Нинурты.

Серебра $\frac{1}{2}$ мины. пива одну бочку, барана одного, муки пять сут — арендную плату с этого поля за 5-й, 6-й (и) 7-й годы Бел-надин, начальник ареев. сын Багадаты, взял; ему оплачено из рук Рибата, сына Бел-эрбы.

Свидетели (*четыре человека*). Писец. Ниппур, месяц улулу, 20-й день, 6-й год царя стран²³ Дария.

(*Оттиски*) печатей (*контрагентов и свидетелей*)).

Согласно этому документу, «надел лука» был сдан в аренду Бел-эрбе, рабу дома Мурашу. Владелец надела получил арендную плату сразу за три года, в том числе и за год вперед. Отец начальника ареев Бел-надина Багадата носит иранское имя.

В 423 и 422 гг. до н. э. Шамаш-нацир и Шаламанна, сыновья Уразу, Нанаиддин, сын Багадата, Ахушуну, сын Бел-асуа, и Хисдану, сын Харримахи, из округа ареев в местности Бит-ад-яху получили из рук Римут-Нинурты, потомка Мурашу, в качестве арендной платы $\frac{1}{3}$ сикля серебра, бочку пива и 28 л муки за каждый год (UM 13; 51).

В 418 г. до н. э. Набу-мушетик-урри из округа ареев вместе со своими совладельцами сдал в аренду поля в местности Бит-Уссарт на берегу канала Хуррипикуд и получил $\frac{1}{2}$ мины серебра, 15 л пива и 15 л муки в качестве арендной

¹⁸ Krückmann 1933.

¹⁹ 18 л.

²⁰ 7,5 л.

²¹ В рассматриваемом документе орфографический вариант — Хулушшадату.

²² ТМНС 191. 16–17. См. транскрипцию и перевод: Cardascia 1951: 97.

²³ 418 г. до н. э.

платы за 6-й год правления Дария II²⁴. В 417 г. до н. э. дом Мурашу уплатил с той же земли арендную плату на 10 л больше, чем в 418 г.²⁵

Как видно из рассмотренных документов, во второй половине V в. до н. э. в окрестностях Ниппура жили военные поселенцы из сатрапии Арейя. Последние получили за свою службу земельные наделы, которые они, однако, не всегда обрабатывали сами, а сдавали в аренду торговому дому Мурашу за серебро, зерно, пиво и баранов. Арейи, поселенные в окрестностях Ниппура, были объединены в специальный военный округ (*ḫaṭru*), территория которого охватывала по меньшей мере пять населенных пунктов (Бит-Табалулая, Бит-Уссарта, Шубту-габбарри, Бит-яд-яху и Шаламме).

В каждом из этих мест во главе гарнизонов арейев стояли специальные начальники, которые, по-видимому, также являлись арейями. Документы дают ценные сведения о собственных именах арейев. Иногда арейи давали своим детям и вавилонские имена, что, очевидно, свидетельствует о смешанных браках и этнической синкретизации.

Рис. 37. Восточноиранский всадник. Государственный Эрмитаж

САКСКИЕ МАТРОСЫ²⁶

Как известно, скифо-сакские племена поставляли для ахеменидской армии большое число привычных к постоянной военной жизни солдат. Преимущественно они являлись конными лучниками. Мидийцы, персы, а отчасти и вавилоняне заимствовали у скифов их конно-стрелковую тактику²⁷.

Большой интерес представляет сообщение Геродота (7. 96 и 184), согласно которому во время греческого похода Ксеркса в 480 г. до н. э. в персидском фло-

²⁴ ВЕ X 113. См. транскрипцию и перевод: Cardasela 1951: 88.

²⁵ ВЕ X 128. См. транслитерацию (Driver 1954: 52) и перевод (Дьяконов 1959 4: 87, примеч. 74). Однако оба эти исследователя не совсем правильно интерпретируют документ, где речь идет о сдаче поля в аренду Набу-мушетик-урри, сыном Арумаина. Г. Драйвер и И. М. Дьяконов транскрибируют соответствующее место (md)naḫū-mu-še-(tiq-UD)-DA arlu šá (m)ar-šam-ma i-na-din-u'; «Набу-муше тик-урри, сын Аршама, отдает своим (совладельцам)» арендную плату. Однако в тексте нет ни имени (m)ar-šam-ma, ни глагола i-na-din-u' («он отдает»), и оба эти слова были прочитаны по ошибке вместо собственного имени (m)ar-ú-ma-i-na-. Что же касается Набу-мушетик-урри, он получил арендную плату вместе со своими совладельцами, а не отдал ее им.

²⁶ Статья ранее была опубликована: *Iranica Antiqua*, XVII (1982). P. 101–103. Здесь внесены незначительные изменения.

²⁷ См.: Dandamayev 1979: 95–109 (с ссылками на источники и более раннюю литературу).

те было 1207 боевых кораблей, на которых находились финикийцы, египтяне, киприоты и представители других покоренных ахеменидскими царями народов. Но, кроме того, на всех кораблях было еще по 30 человек, которые состояли из персов, мидийцев и саков. Очевидно, они должны были охранять корабли и предотвратить их переход на сторону греков (см.: Olmstead 1948: 246).

Насколько нам известно, до недавнего времени не были известны какие-либо другие, помимо труда Геродота, свидетельства о том, что саки служили во флоте или что среди них были матросы. Но один вавилонский текст (VS XX 49) содержит уникальную параллель к указанному сообщению Геродота. Это — храмовый документ, датированный 6-м годом царствования Камбиза (524 г. до н. э.). Название города, где документ написан, не приводится или же не сохранилось, но, судя по собственным именам, которые встречаются и в ряде других текстов, можно полагать, что он происходит из Урука. Кроме того, именно там он был найден во время археологических раскопок.

В тексте содержится подробный перечень расходов продуктов, которые были выданы различным работникам из храмового склада (изготовители кирпичей, сторожа, плотники, писцы-переводчики и др.). Документ на своей оборотной стороне (строки 9–11), в частности, содержит следующее указание: 1 пан 4 сут (ок. 50 л) муки получили «Ушукая и Татаккая, киммерийцы, которые на кораблях»²⁸.

В вавилонских текстах киммерийцами (гимирри) называются саки по имени народа, который вторгся в пределы Месопотамии раньше скифов, но был по языку и этнически родствен скифо-сакским племенам. Причиной такого широкого употребления этнического названия гимирри было присущее вавилонской литературе стремление к архаизации, а также то обстоятельство, что из всех кочевых племен, совершавших набеги с востока, первыми в Переднюю Азию вторглись киммерийцы. Как известно, в персидских вариантах ахеменидских надписей скифские племена называются саками²⁹, а в вавилонских киммерийцами (Weissbach 1911: 153).

В вавилонских хозяйственных и деловых документах ахеменидского времени саки (гимирри) неоднократно упоминаются в качестве военных колонистов (Dandamayev 1979: 95–109). Из приведенного выше текста, по-видимому, можно сделать вывод, что среди саков, служивших в персидской армии в Вавилонии, были и такие, которые несли охрану на лодках, доставлявших официальные грузы по поручению царской администрации. В рассматриваемом случае эти грузы (вероятно, продукты питания) должен был доставить храм Эанна в Уруке. Характерно, что в том же тексте упоминаются и писцы-переводчики, услуги которых, вероятно, требовались для общения с саками.

Имена обоих саков Tatakka' и Ušuka', несомненно, иранские (см.: Dandamayev 1992: 124. N 284; p. 141. N 337. См. также: *ibid.*: 159–162). Они засвидетельствованы также для чиновников государственного аппарата в эламских текстах из Персеполя соответственно в форме Ū-ša-ka-ya и Te-tuk-ka (Cameron 1948 41; Hallock 1969: 761; ср.: Mayrhofer 1973: 239, 248. N 8.16. 30; 8.1765).

²⁸ mū-šu-ka-a' u mta-tak-ka-a' gi-mi-ir-ra-a' šá muh-hi sa-pi-in-na-a-ta

²⁹ Ср. указание Геродота (7. 64), что персы всех скифов называют саками.

СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ СКИФЫ В ВАВИЛОНИИ³⁰

После 539 г. до н. э., когда Месопотамия была завоевана персами, ахеменидская администрация создала там военные колонии из представителей различных народов. Колонисты были распределены по военным округам, получали земельные наделы и вступали в совместные сделки как друг с другом, так и с исконным населением. Среди этого пестрого в этническом отношении населения находились также персы, мидийцы, арреи (выходцы из области Харайва на территории современного Афганистана) и представители других иранских племен. В вавилонских документах ахеменидского времени встречаются сотни иранских имен. Обычно носителей этих имен считают персами, но среди них были и представители других иранских племен, что иногда отмечается в самих документах. В основном у выходцев из разных иранских стран были сходные имена, да и говорили они на близких языках, не прибегая к помощи переводчиков. Но в ряде случаев скифские имена, по-видимому, можно отличить от персидских и мидийских на основании теофорных элементов.

В этой статье собраны данные вавилонских документов VI–V вв. о скифах. Согласно Геродоту (7. 64), персы называли все скифские племена саками. Греки же скифами называли кочевые племена степей Южной России и Средней Азии. В современной научной литературе наименование «скифы» обычно применяется к древним жителям Северного Причерноморья, а скифы Средней Азии называются саками.

В вавилонских текстах скифы (в том числе и саки) называются киммерийцами (гимирри) по имени народа, который вторгся в пределы Месопотамии и был по языку и этнически родствен скифам и сакам. Причиной такого широкого употребления этнического названия гимирри было присущее вавилонской литературе стремление к архаизации и то обстоятельство, что из всех кочевых племен, совершавших набеги с востока, первыми в Переднюю Азию вторглись киммерийцы. Как известно, из Северного Причерноморья киммерийцы через Кавказ вторглись в Малую Азию. Около 714 г. они совершили набег на территорию Армении, затем разрушили Фригийское царство, а около 657 г. захватили столицу Лидии Сарды (Cavaignac 1956: 342). Киммерийцы в течение длительного времени находились в стране Гимирра, по-видимому, в восточной части Каппадокии и в области Манна, к западу от Мидии (Пиотровский 1959: 233). Затем киммерийцы стали угрожать Месопотамии. В ассирийских источниках киммерийцы впервые упоминаются в конце VIII в. до н. э. в текстах времени Саргона II (721–705 гг.) и Синаххериба (704–681 гг.), хотя тогда они еще не представляли серьезной угрозы для Ассирии. Но во время царствования Асархаддона (680–669 гг.) киммерийцы начали угрожать северным границам Ассирии, а при Аш-

³⁰ Значительно сокращенный и переработанный вариант статей «Данные вавилонских документов VI–V вв. до н. э. о саках» (ВДИ 1977. № 1. С. 30–40); *Data of the Babylonian Documents from the 6th to the 5th Centuries B.C. on the Sakas // Prolegomena to the Sources on the History of Pre-Islamic Central Asia*. Ed. by J. Harmatta. Budapest, 1979. P. 95–109 (с добавлением информации из более поздних изданий клинописных текстов).

шурбанапале (668–627 гг.) они превратились в большую угрозу для Ассирии (Hartman 1962: 65).

Вскоре вслед за киммерийцами в Переднюю Азию вторглись и скифы. В начале VII в. до н. э. через Кавказ они направились в Малую Азию. Часть скифов осела в области Сакасена в Закавказье (Дьяконов 1956: 250 сл.), а остальные около 640 г. вторглись в Каппадокию и нанесли там поражение киммерийцам (Cavaignac 1960: 142). Ассирийские источники называют скифов «ишкуза» (см.: Дьяконов 1956: 242). Через несколько десятилетий скифы и киммерийцы участвовали в захвате Ниневии и окончательном сокрушении Ассирийской державы. В синхронных клинописных текстах они упоминаются под названием «умманманда». Согласно Геродоту (1.105), в конце VII в. скифы совершили опустошительный набег на Сирию и дошли до границ Египта. Несколько позднее держава Ахеменидов ввела народы Средней Азии в бурный водоворот политической жизни того времени.

В персидских и эламских вариантах ахеменидских надписей скифские племена называются саками, а в вавилонских — киммерийцами (*gimīrgāja*). В ахеменидских надписях упоминаются три скифских племени: хаумаварга (*sakā haumawargā*), тиграхауда («острошапочные» — *sakā tigraxaudā*) и парадрайя («заморские» — *sakā tyaīy paradraya*). Племена хаумаварга и тиграхауда обитали в Средней Азии, а заморские саки соответствуют скифам Северного Причерноморья, против которых Дарий I около 514 г. совершил поход. Отдельные победы, которые он одержал во время этого похода, послужили основанием для включения этих скифов в списки подвластных Дарию народов. Но уже в надписях Ксеркса они совершенно не упоминаются, и поэтому сведения вавилонских документов о саках не могут относиться к причерноморским скифам. Под гимирри в вавилонских документах, по всей вероятности, имеются в виду хаумаварга и тиграхауда (ср. ниже).

Скифы еще до Ахеменидов оказали определенное влияние на вооружение вавилонских воинов, о чем свидетельствуют следующие хозяйственные документы времени Навуходоносора II и Набонида, где упоминаются предметы скифского вооружения и конского снаряжения. Эти тексты приведены в сокращенной форме.

ССС I 122. «Киммерийские кожаные ремни (дапы) в распоряжение надсмотрщика над лошадьми Римута». Документ был составлен в 564 г. Далее в одном частном письме (СТ XXII 105), которое, судя по именам упомянутых в нем лиц, относится ко времени Набонида, содержится просьба прислать «киммерийские ремни».

YOS VI 237. «200 киммерийских тростниковых стрел, из которых 180 с медными наконечниками, 1 киммерийский лук, которые доставлены сюда для обмена, и 10 корзин, которые находятся в распоряжении Ки-Бела, предназначены для снаряжения сторожевого поста». Далее в тексте речь идет о других расходах, а затем говорится: «1 щит, 20 тростниковых стрел, из которых 12 с наконечниками, 1 киммерийский лук, 1 копье (переданы) в распоряжение Нергал-иддина и Нуреа» (дальнейший текст не имеет отношения к рассматриваемому здесь предмету). Сам документ датируется 541 г. Он происходит из архива храма Эан-

на в городе Уруке. В TCL XII 114, составленном в Уруке в том же 541 г., содержится перечень вооружения и обмундирования для восьми лучников, которые несли караульную службу. Они были вооружены копьями, железными кинжалами, щитами, «аккадскими» (ak-ka-de-e-ti) луками. Кроме того, они получили 56 «аккадских» и 116 «киммерийских» стрел (šil-ta-ḥu gi-mi-ra-a-a), из которых 46 были с железными наконечниками. Наконец, в хозяйственном документе, составленном в Уруке в том же году, наряду с аккадским луком упоминается и киммерийский (AnOr VIII 35: 25).

Возможно также, что ассирийцы и вавилоняне заимствовали у скифов специальный головной убор с высоким острым концом, вытянутым вверх, который в Вавилонии назывался *karballatu*. Происхождение этого слова неясно, но примечательно, что в клинописных источниках оно упоминается только начиная с новоассирийского и нововавилонского времени³¹. В ахеменидских надписях название племени *sakā tigraxaudā* («саки с остроконечными шапками») на аккадский язык переведено *māt gi-mir-ri šā kar-bal-la-ti šu-nu zaq-pa-‘a* — «страна киммерийцев, шапки которых остроконечны» (ср.: CAD Z: 61). Геродот (3. 92) упоминает скифское племя *orthokorybantioi*, название которого, как известно, является переводом иранского слова *tigraxaudā*. Херцфельд высказал предположение, что аккадское *karballatu* и греческое *kyrbasia* имеют в своей основе иранское слово (Herzfeld 1968: 327 f.). Давая перечень сатрапий Персидской державы, Геродот (7. 64) сообщает, что саки были скифским племенем, носившим остроконечные шапки. В этом месте своего труда он относит головной убор *kyrbasia* к амюргийским скифам. По мнению некоторых исследователей, здесь Геродот путает амюргийских скифов с ортокорибантиями (*ibid.*: 252 f.). Херцфельд полагает, что Геродот ошибочно поместил ортокорибантиев в Мидии, а в действительности они жили за Согдом (*ibid.*: 327). Согласно И. М. Дьяконову, остроконечные шапки носили не только скифы из племени тиграхауда, но и некоторые другие скифские племена и Геродот был прав, помещая ортокорибантиев в Мидии (Дьяконов 1956: 248–250). Наконец, по свидетельству лексикона византийского времени Суда, ортокорибантии жили в Малой Азии. По-видимому, часть скифов, вторгнувшись в Малую Азию в VII в. до н. э., осела в этих странах, что подтверждается и археологическими находками (там же: 252 сл.). Поэтому сообщения Геродота и византийского лексикона не противоречат друг другу.

Перейдем теперь к рассмотрению документов ахеменидского времени. BE VIII 80 дошел до нас в сильно разбитом виде. Насколько можно понять из него, в начале царствования Камбиза (529 г.) наместник Месопотамии Гобрий распорядился передать в пользование «киммерийцам» и «субарейцам» канал около местности Хандиди. Оба эти этнических термина в рассматриваемое время были анахронизмами. Как географический термин «Субару» обозначал север, а под киммерийцами, очевидно, имеются в виду среднеазиатские скифы.

³¹ См.: CAD K: 215; AHw: 449. Однако, кроме тех случаев, когда речь идет о «киммерийцах», нельзя уверенно сказать, что под словом *karballatu* в аккадских текстах имеется в виду остроконечная шапка, а не просто колпак. Во всяком случае, при Ахеменидах *karballatu* — головной убор воина-всадника, как это видно, в частности, из документа UCP IX 3.

В контракте о продаже земли в 499 г., расположенной близ города Дилбата, отмечается, что она граничила с полем, принадлежавшим какому-то «киммерийцу» (gi-mi-ra-a-a, имя его не приводится) (Roth 1989/1990: 55).

Документ Dag 458 представляет значительный интерес: в нем фиксируется, что представитель известного предпринимательского дома Эгиби в Вавилоне должен уплатить 50 сиклей серебра выходцу из Малой Азии Мегибаршу, а также проценты из расчета 1 сикль на мину ежемесячно. При составлении документа присутствовало несколько лиц малоазийского происхождения, которые жили в Вавилоне, а также «киммериец» Сакита, само имя которого связано с этническим названием «сак» с суффиксом -ita, засвидетельствованном и в других древнеиранских собственных именах (см.: Eilers 1934: 220). Как известно, в эламских вариантах ахеменидских надписей персидское saka-передается через Šakka. Однако это не только этническое название для скифов, но и иранское собственное имя, засвидетельствованное в эламских хозяйственных документах VI–V вв. из Персеполя (см. ссылки на тексты: PF: 753; относительно этимологии см.: Mayrhofer 1973: 229). Лишь в одном вавилонском документе конца VI в. до н. э., составленном в Борсиппе, упоминается этническое название «сак» (CT LV 93). В тексте говорится о выдаче неким Шата (судя по имени, он был иранец) одному вавилонянину пяти сиклей серебра в качестве ссуды. При этом сак (Sak-ka-a) по имени Демиши, сын Тумуну, был одним из свидетелей этой сделки. Он, как и его отец, носит иранское имя (см.: Zadok 1983: 319).

BE X 97. «Один чан пива. 1 баран, 2 пан 3 суг муки и ячменя, (2 мины) серебра (составляют) полную повинность (вместо) одного воина царя [...] и остальные приношения для дома царя, начиная с месяца нисану 3-го года до конца аддару 3-го года царя Дария, которая наложена на поля с насаждениями и зерновым урожаем на корню, (а именно) с надела лука³² Иддин-Бела и его совладельцев, (с полей), расположенных в болотистых местах Бит-Эллиля в поселении хамманцев и в тростниковых зарослях Магуша из общины киммерийцев (с полей), которые находятся в распоряжении (т. е. в аренде) у Римут-Нинурты, потомка Мурашу. 2 мины серебра — полная повинность с этих зерновых полей за 3-й год из рук Римут-Нинурты, потомка Мурашу, получил Тадданну, старшина киммерийцев, сын Тириямы³³; ему уплачено. (Документ составлен) перед Набу-мит-убаллитом, судьей (местности) Бит-Пуруншат³⁴. Свидетели (имена трех человек и их) печати. Ниппур, 21 день месяца [...] 4-й год Дария»³⁵.

О податях с полей, расположенных в фискальной общине «киммерийцев», свидетельствует также документ, согласно которому в качестве царской подати с семи наделов лука, расположенных по берегам одного канала, было

³² То есть надела, владелец которого должен был нести воинскую повинность в качестве лучника. В V в. до н. э. такая повинность часто заменялась податью.

³³ Тирияма — иранское имя. Сын его носит семитское имя Тадданну.

³⁴ Дословно «дом Парисатиды», персидской царицы, жены Дария II, которой принадлежали большие имения в Вавилонии.

³⁵ Имеется в виду Дарий II (420 г.).

получено $2\frac{2}{3}$ мины серебра. Владельцы этих наделов носят семитские имена, но наделы сами находились в распоряжении «старшины киммерийцев Тирипарна, сына Хумата»³⁶. Эти наделы были переданы в аренду дому Мурашу, который уплатил царскую подать с них Тирибазу, брату «старшины над киммерийцами» Тирипарна. Документ составлен в 417 г. в местности близ Ниппура. Судя по именам, свидетели были семиты. К документу приложена печать Тирибазы. Старшина «киммерийцев» Тирипарна и его брат Тирибаз, сыновья Хумата, судя по их именам, были иранцами (персами или саками). Во всяком случае, начиная с ахеменидского времени собственные имена с теофорным элементом *tir-* засвидетельствованы для персов, парфян и скифов (см.: Benveniste 1966: 94; Gershevitch 1969: 237) в эламских хозяйственных текстах из Персеполя, греческих надписях Северного Причерноморья и в трудах античных авторов.

BE X 69. «1 ми́на серебра, 1 чан отменного, сладкого пива, 1 баран, 1 пан 4 сут муки и ячменя — повинность полностью (вместо) воина царя, муки для царя, налог и всякие приношения для дома царя, начиная с месяца писану 3-го года до конца месяца аддару 3-го года царя Дария, (новинность) с поля с пасаждениями и зерновым урожаем на корню с надела лука, принадлежащего Аглайя и Бел-ах-иддину и всем (другим) совладельцам их наделов лука из общины киммерийцев, (с поля) в тростниковых зарослях в Баба-эреш. (с наделов), которые в распоряжении Римут-Нинурты, потомка Мурашу, 1 мину серебра, (1 чан) первосортного пива, (1 пан) 4 сут ячменя и муки — (подать) с этого поля за 3-го года царя Дария Тирипарна, старшина (киммерийцев), сын Бел-ах-иддина, получил из рук Римут-Нинурты, потомка Мурашу; ему уплачено. Свидетели (*имена пяти человек и их*) печати. Писец (*имя*). Ниппур, 2 день месяца ташриту 3-й год Дария, царя стран» (421 г.). Надел еще одного «киммерийца» с аккадским именем и патронимией упоминается также в документе от 418 г. из того же архива Мурашу (EEMA 42: 2, 5).

Рассмотренные тексты позволяют сделать следующие выводы. Хотя для ассирийских источников киммерийцы и скифы — различные этнические группы, в вавилонских документах VI–V вв. для обозначения этих народов обычно употребляется общий термин «гимирри», хотя в ряде случаев встречается и название «саки».

Киммерийцы и саки оказали определенное влияние на вооружение вавилонской армии еще до захвата Месопотамии персами. Нередко вавилонские воины были вооружены скифскими стрелами с медными и железными наконечниками, скифскими луками и т. д. По баллистическим качествам скифские луки намного превосходили аккадские (г. е. ассирийские и вавилонские). Как отмечал Б. Б. Пиотровский, в комплексах археологических памятников VII в. до н. э. в Передней Азии найдены «бронзовые наконечники стрел характерной формы (двуперые, с шипом сбоку или же трехгранные), отличные от обычных переднеазиатских, но совпадающие по форме со скифскими». По его мнению, «весь-

³⁶ ГМИ 2/III 189: 8 (m)ti-ri-par-na-a LU šak-nu šá LU gi-mir-ra-a-a apli ša (m)hu-ú-ma-a-ta-'a. См. транслитерацию и перевод: Cardascia 1951: 119 f.

ма вероятно, что эти бронзовые наконечники стрел проникли в Переднюю Азию вместе с киммерийцами и скифами в VII в.»³⁷. В течение VII и VI вв. «скифские» стрелы быстро распространились в Закавказье, Малой Азии, Вавилонии, Ассирии, Сирии и Палестине, как об этом свидетельствуют находки бронзовых наконечников скифского типа. В частности, они найдены в Каркемише, Ниневии, Ашшуре и Вавилоне.

Как известно, мидийцы также были вооружены скифскими стрелами. По сообщению Геродота (1.73), мидийский царь Киаксар отдал своих детей учиться стрельбе из лука скифам. Как отмечает И. М. Дьяконов, мидийцы заимствовали у скифов их конно-стрелковую тактику (Дьяконов 1956: 290). «Много стрел скифского типа было собрано на местах древних сражений, в которых участвовали мидийцы» (Пиотровский 1959: 238). Наконечники скифских стрел обнаружены также «на местах осады городов, где исторически скифы не засвидетельствованы, а засвидетельствованы мидийцы и персы, в частности, и в Вавилоне» (Дьяконов 1956: 254, примеч. 2; ср.: Koldewey 1925: 256 f.).

До сих пор исследователи приписывали наконечники скифских стрел, найденные у стен древних городов Передней Азии, иранцам (как самим скифам, так мидийцам и персам) и по наконечникам стрел пытались определить этническую принадлежность воинов. Однако рассмотренные выше вавилонские тексты требуют пересмотра такого заключения, поскольку до сих пор не было обращено внимания на то, что вавилоняне еще до захвата Месопотамии персами успели принять на вооружение скифские луки. Б. Б. Пиотровский справедливо указывает, что стрелы типа скифских изготавливались в разных местах. Об этом свидетельствует и тот факт, что на территории современного Ирака, в Мосуле, была найдена форма для отливки стрел, сходных со скифскими (Пиотровский 1959: 239). Известно также, что в состав наемников ассирийской армии входили и киммерийцы (там же: 233 сл.), и у ассирийского царя Асархаддона был киммерийский лук (указано И. М. Дьяконовым).

После завоевания Месопотамии персами аchemенидская администрация создала в Ниппуре и, вероятно, в других городах военные колонии саков. Колонисты получали земельные наделы, но они не всегда обрабатывали их сами, а сдавали в аренду предпринимательскому дому Мурашу. Последний уплачивал арендную плату владельцам земли, а царю — причитавшиеся с арендованных полей денежные и натуральные подати (пиво, ячменная мука, бараны и т. д.). В Месопотамии находилось значительное число саков, которые служили в царском войске. Можно уверенно полагать, что это были среднеазиатские скифы и их потомки. Терракоты, изображающие всадников в скифских башлыках и штанах, найдены во многих городах Персидской державы, начиная от Египта и кончая Средней Азией.

Правда, многие владельцы наделов в фискальных общинах «киммерийцев» носят вавилонские имена, и лишь часть их — иранские. В Месопотамии интен-

³⁷ Пиотровский 1959: 238; о скифских стрелах в Передней Азии см. также: Пиотровский 1949: 124-126; Дьяконов 1956: 252-254 и 290.

сивно происходили процессы этнического смешения выходцев из разных концов империи, и этим можно объяснить тот факт, что постепенно саки стали давать своим детям вавилонские имена.

СУЗЫ, СТОЛИЦА ЭЛАМА, И СУЗЫ В ВАВИЛОНИИ³⁸

Географическое название *Sušān*, упоминаемое в вавилонских текстах ахеменидского времени, было предметом исследования нескольких недавно опубликованных статей. В частности, оно встречается в пяти документах архива предпринимательской фирмы дома Мурашу. Первый из них был составлен в Ниппуре в 22-м году царствования Артаксеркса I (443 г. до н. э.) и фиксирует долг одного лица, который обязан был доставить дому Мурашу в местности Шушан (BE IX 4: 6: URU šu-šá-nu) 60 кур (1 кур = 180 л) фиников в качестве арендной платы. Ее надо было уплатить в месяце кислиму, а в противном случае арендатор обязан был доставить 120 кур фиников через два месяца на берегу канала Кабару³⁹. Обычно полагают, что этот топоним был расположен в регионе Ниппура, в то время как местность с тем же названием (PBS 2/I 113:19: šu-šá-an.KI; *ibid.*: 128:18 KUR šu-šá-an), где были составлены два других текста из того же архива в 5-м и 6-м годах правления Дария II (419–418 гг.), была городом Сузы в Эламе (см. литературу: Stolper 1992: 69, note 1). Первый из этих текстов фиксирует продажу раба (PBS 2/I, 113), а во втором отмечается, что глава фирмы Мурашу Римут-Нинурта уплатил государс гвенные налоги с земель, расположенных близ Ниппура и принадлежавших царским воинам-меченосцам, и находившихся у него в аренде (PBS 2/I 128). Ссылаясь на свидетельства в самом тексте и на просопографические данные, автор этих строк стремился показать, что указанные документы были составлены в какой-то местности самой Вавилонии и что не имеется никаких данных о деятельности Мурашу в Эламе (Dandamayev 1986: 289–90).

Как показал Жоаннес, знаки IG + GUR. K I следует читать как логограмму EREN. KI, которая обозначала город Сузы. Из двух текстов, составленных в 399 г. до н. э. в городе Ур на юге Месопотамии, видно, что некий Куцур-Эа был ответственным за доставку налога или подарков (*bāra*) храмовых рабов упомянутого города по случаю церемонии вступления царя Артаксеркса II в EREN. KI (UET IV 48:10, 15; 49:11, 16). Было высказано предположение, что это место было расположено «не далеко от Ура» (Zadok 1985 8: 179). Поскольку представляется невероятным, что персидский царь мог посетить незначительную местность, расположенную около Ура, Жоаннес полагает, что указанное название относилось

³⁸ Перевод статьи «Susa, the Capital of Elam, and Babylonian Susa», опубликованной в: *Festschrift für Burkhard Kienast // AOAT. Vol. 274. 2003. P. 7–14.*

³⁹ По мнению Цадока (Zadok RGTC 8: 373), этот канал протекал в окрестностях Ниппура. Основываясь на информации из одного селевкидского астрономического дневника, К. Абрахам локализует его «где-то в Северной Вавилонии», см.: Abraham 1997: 74.

к эламской столице — Сузам (Joannès 1988/1: 1–2). Однако такая локализация не представляется бесспорной. Прежде всего ничто не свидетельствует о том, что указанный топоним обозначал малозначительное место (см. ниже). Кроме того, не очень правдоподобно, что храмовый персонал Ура обязан был посылать налоги царю в Элам во время его пребывания там. Ряд подобных случаев упоминается в нескольких документах из архива храма Эанна в Уруке. Как видно из них, этот храм обязан был доставлять скот, пиво и пряности в Аману, где персидский царь Камбиз пребывал в течение некоторого времени (AnOr VIII 67; GCSI II 120; YOS 7, 86, 129). Это неизвестное из других источников место, вероятно, было расположено около Урука (Zadok 1985 8: 22). Здесь также уместно будет упомянуть документ из архива Мурашу, по свидетельству которого член этой семьи прибыл из Ниппура в Вавилон и арендовал там дом, расположенный на «скате бога Бела», для того чтобы оставаться там «до отъезда царя» (BE X 1 = TMH 2/III 29).

Как заметил Жоаннес, EREN. KI упоминается также в документе PBS 2/I 126 из архива Мурашу, в котором зафиксирована тяжба между Римут-Нинургой из дома Мурашу и неким Бел-иттанну относительно нескольких полей, расположенных в окрестностях Ниппура. Название местности, где текст был составлен, не сохранилось полностью. По мнению Жоаннеса, он не мог быть написан в столице Элама Сузах, поскольку восемь дней спустя после его написания Римут-Нинурга находился в Ниппуре (см.: TMH 2/III 188). Очевидно, что в течение восьми дней он не мог бы преодолеть дистанцию более чем в 300 км, которые отделяли столицу Элама от Ниппура. Тем не менее Жоаннес полагает, что еще до этого Римут-Нинурга по крайней мере один раз бывал в Сузах, столице Элама, поскольку в PBS 2/I 126 говорится о грех минах серебра, взятых вышеупомянутым Бел-иттанну у Римут-Нинурты в местности EREN. KI в 6-м году правления Дария II (418 г.) (Joannès 1988/1: 1). Эту сумму необходимо было уплатить «в соответствии с принятым в Сузах тарифом» (Nishu ša EREN. KI, строка 14).

Донбаз опубликовал еще один документ Мурашу из EREN. KI и пришел к заключению, что все тексты из этого места были составлены в Сузах Элама. В этом документе отсчитается уплата четырех мин серебра Римут-Нинуртой трем лицам в качестве арендной платы с их наделов лука, расположенных в районе Ниппура (Donbaz 1989/86: 59–61). Столпер дополнил количество текстов Мурашу из EREN. KI, добавив к ним еще PBS 2/I 100 (Stolper 1992: 69–77). В нем говорится о судебной тяжбе между Римут-Нинуртой и неким Ахуная, сыном Апляя, относительно владения некоторыми полями, расположенными близ Ниппура и относившимися к наделам строителей мостов. Оба они отстаивали свои права в народном собрании. Как отметил Столпер, PBS 2/I 140 содержит продолжение этой тяжбы месяц спустя (ibid.: 76). В этом тексте Ахуная обозначен как сборщик налогов (rab miksi) города Описа (строка 1). Место, где сам документ был составлен, не указано.

Столпер полагает, что по крайней мере пять документов Мурашу (PBS 2/I 100, 113, 126, 128; Donbaz, Stolper 1997 46) были написаны в Сузах Элама, в то время как BE IX 4 происходит из маленькой деревни близ Ниппура (Stolper 1992: 70–72). По его мнению, Римут-Нинурга поздней зимой 417 г. находился в

Сузах и свита людей, связанных с ним общими имущественными интересами, сопровождала его туда. Будучи в Эламе, он уплатил царские подати и арендную плату с некоторых земель близ Ниппура, а также возбудил тяжбу относительно ряда полей, расположенных в Вавилонии. Эта тяжба, по мнению Столпера, была рассмотрена в местном собрании, которое состояло из вавилонян, живших в Сузах или прибывших туда по делам (*ibid.*: 74).

Как было отмечено выше, судя по ТМН 2/III 188, Римут-Нинурта находился в Ниппуре, где уплатил царскую подать за 6-й год правления Дария II, полагавшуюся с некоторых наделов, а до этого восемь дней, согласно PBS 2/I, он находился в Сузах. Представляется очевидным, что в течение указанного времени он не мог добраться из Суз в Эламе в Ниппур, поскольку не мог проехать более 30 км в день. Более того, в тот же самый день (т. е. 14-й день месяца шабату 6-го года правления Дария II), когда, согласно ТМН 2/III 188, он был в Ниппуре, PBS 1/I 100 помещает его в Сузах. По мнению Столпера, в обоих этих случаях Римут-Нинурта только числился плательщиком и рассмагриваемые документы не обязательно могли быть составлены в его присутствии (*ibid.*: 73). Тот же автор считает, что под KUR Šušān и Šušān.KI имеется в виду город Сузы в Эламе, в то время как URU Šušān был топонимом для обозначения деревни, расположенной близ Ниппура, поскольку, по его мнению, в текстах Мурашу KUR и KI используются для обозначения больших городов, а под URU имеется в виду всего лишь маленькое поселение (*ibid.*: 73). Кроме того, продолжает тот же автор, тариф, о котором говорится в одном из упомянутых выше текстов, не может относиться к деревушке у Ниппура, а должен иметь в виду такой важный центр, как Сузы в Эламе (*ibid.*: 73–74).

Хотя Биггс находит убедительными упомянутые выше аргументы (Biggs 1994: 299), я не могу принять их. Прежде всего расстояние между Ниппуром и Сузами в Эламе не могло быть пройдено в течение недели. Кроме того, если согласиться с мнением Столпера, что упоминание Римут-Нинурты как плательщика в Ниппуре не обязательно означает, что он сам действительно был там, у нас не останется никаких критериев для установления, где он находился в какое бы то ни было время. Подобным же образом мы не можем быть уверены, что он вообще находился в Сузах, даже когда он упоминается там в качестве плательщика. В связи с этим уместно будет указать, что вавилонские документы проводят ясное различие между теми случаями, когда контрагент сам платит определенные суммы денег или делает это через своих агентов. Например, BE XX 103 фиксирует, что один человек получил 12 сиклей серебра «из рук» Римут-Нинурты (эта же фраза использована также в ТМН 2/III 188). В других случаях, когда кто-нибудь действовал по поручению своего предпринимателя, производя различные оплаты, использовался гермин *pašpartu* («поручение») ⁴⁰.

В документах, составление которых относят к Сузам в Эламе, упоминаются 35 человек — контрагентов, свидетелей и писцов. Почти все они могут быть

⁴⁰ См., например: BE IX 11: 1, 9: 73: 5 и т. д. Ср.: CAD. N II: 70, где это слово переведено «проху, агенсу» («полномочие», «посредничество»).

прослежены в текстах Мурашу как постоянные жители Ниппура или его окрестностей. Представляется маловероятным, что все они оказались в Эламе приблизительно в одно и то же время. Более того, нет никаких оснований полагать, что, возможно, кроме писцов, кто-нибудь из этих людей принадлежал к свите Римут-Нинурты.

Нет никаких оснований сомневаться в том, что жившие в Эламе этнические вавилоняне имели свои собрания в Сузах и некоторых других городах этой страны. Например, в 633 г. до н. э. завещание одного вавилонянина было утверждено «в собрании вавилонян» в эламском городе Хидалу (Leichty 1983: 154). Но было бы очень странно и беспрецедентно, если бы такие собрания решали тяжбы между чужеземцами, которые прибыли в их страну. Подобным же образом неправдоподобно, что люди, которые приехали из Ниппура в Элам на короткое время, могли организовать там свое собрание. Такие собрания имели свою постоянную внутреннюю структуру и фиксированный состав, чтобы их решения могли считаться законными. Также маловероятно, что фирма Мурашу стала бы платить в Эламе арендную плату или налог с земель, которые находились около Ниппура, поскольку их владельцы были постоянными жителями этого города, а их налоги составляли часть обложения, уплачиваемого вавилонской сатрапией Персидской империи, и правила их сбора требовали, чтобы это было сделано в самой Вавилонии. Наконец, пожалуй, не имеет большого значения тот факт, что в одном случае рассматриваемый топоним написан URU

Šušan, а в других случаях KUR Šušan или EREN. KI (ср. ниже). Можно отметить также, что название хорошо известного города Описа в одном тексте Мурашу написано с детерминативом URU, т. е. «страна» (PBS 2/I 140: 1).

Таким образом, не имеется никаких документальных свидетельств относительно предпринимательских интересов фирмы Мурашу в Эламе. Следовательно, рассматриваемые здесь тексты были написаны в каком-то месте в самой Вавилонии. Здесь важно процитировать предположение самого Столпера: «нельзя исключать, что указанное место было Шушан близ Борсиппы» (Stolper 1992: 74. note 22). Действительно, название города URU Šušan известно также из ряда документов из Борсиппы (см.: TMH 2/III 220, 222; L 4740 — Joannès 1989: 261). Исследовав эти тексты, Жоаннес показал, что это был большой торговый город, расположенный на берегу Евфрата недалеко от Борсиппы, где корона получала значительные таможенные пошлины и другие доходы (Joannès 1989/78: 55; ср. также: Zadok. RGTC 8: 298. N 3).

Рис. 38. Скульптура египетского сановника Уджагорсента

Локализация Шушана осложняется (или, возможно, облегчается) тем фактом, что это название встречается в ряде документов из совершенно различных архивов. Рассмотрев десять текстов из Шушана, относящихся ко времени от 13-го года правления Дария I (509 г. до н. э.) до 1-го года правления Ксеркса (485 г.), Биггс пришел к заключению, что город с таким названием был расположен вблизи от Вавилона и его местонахождение там «не может быть подвергнуто сомнению» (Biggs 1994: 304). Однако трудно решить, является ли такое мнение правильным или нет. Оно основано на том факте, что в шести из указанных текстов глава предпринимательского дома Эгиби выступает главным действующим лицом, «а его деловые операции большей частью имели место в Вавилоне» (*ibid.*). Однако он был активен и во многих других городах Вавилонии, включая Хурсагкаламма, Урук и т. д. (см.: Krecher 1970: 251 сл., неопубл. дис.). Особый интерес представляют его документы из Борсиппы. Из них видно, что он владел там двумя домами и другим недвижимым имуществом (Dag 379), а также заключал в этом городе различные сделки (Dag 23, 64, 210, 259, 418, 428 и др.). VS IV 194, составленный в 1-м году правления Ксеркса (485 г.), — один из текстов Шушана, на которые ссылается Биггс. Среди свидетелей там упомянут некий Римут-Бел, сын Иддиная, потомок Мардук⁴¹-абу-шу. Судя по ТМН 2/III 2, составленному в Борсиппе в 28-м году правления Дария I (495 г.), он владел домом в этом городе⁴². Очевидно, он был постоянным жителем Борсиппы, и это может свидетельствовать о том, что Шушан был расположен недалеко от последнего.

К. Абрахам сравнительно недавно опубликовала еще пять документов из архива Эгиби, составленных в Шушане. Во всех случаях это название написано URU šu-ša-an (Abraham 1997: 83–85). Как видно из этих текстов, глава дома Эгиби Мардук-нацир-апли проводил весеннее время между 509 и 495 гг. в Шушане в качестве контрагента и писца. Она также обратила внимание на то, что ранее опубликованный документ из архива Эгиби (TCL XIII 193) также был составлен в Шушане (Abraham 1997 53: 46–47). Заново пересмотрев проблему локализации этого топонима, она пришла к заключению, что в текстах Эгиби упомянуты два различных места, которые носили данное название. Одно из них — столица Элама Сузы, а другое — портовый город в Месопотамии, откуда можно было дойти до Борсиппы или Вавилона в течение двух или трех дней (Abraham 1997: 64, 68. etc.). Например, 21 аддару 507 г. Мардук-нацир-апли был вовлечен в предпринимательские сделки в Шушане (Dag 417), а через четыре дня он выступает в Борсиппе в качестве кредитора (Dag 418; см.: *ibid.*: 63). Отсюда видно, что этот Шушан не мог быть столицей Элама, которая была расположена в 300 км от Борсиппы. Ссылаясь на документ BM 30853 (*ibid.*: 73), она полагает, что вавилонский Шушан был расположен на северо-востоке страны, у реки Кабару (*ibid.*: 73). При идентификации Шушана документов Эгиби со

⁴¹ Строка 11: DINGIR.ŠÚ. Может быть, это имя следует читать Pušu-abušu, если это то же самое имя, что и DINGIR-ša-bu-šu в VS VI 133: 9; ср.: NRV: 254 (указано Н. О. Чехович).

⁴² Строка 16 сл. См. также: L 1652: 4 от 30-го года правления Дария, опубликованный Жоаннесом (см.: Joannès 1989: 95, 246).

столицей Элама, тот же автор ссылается на TCL XIII 193 и Strassmaier, Liverpool 25, которые, по ее мнению, свидетельствуют о «сосредоточении важных персон» в Шушане. В особенности это относится к пятнадцати судьям и нескольким чиновникам из Вавилона и Борсиппы, которые приблизительно одновременно оказались там (*ibid.*: 69. Cf. P. 63). В связи с этим будет уместно упомянуть также недатированный документ, где упоминается определенная сумма денег «из Суз» (Ungnad 1959 60: 79:16 (šá KUR šu-šá-an-na)). Издатель этого текста Унгнад полагал, что он был написан в Борсиппе в конце правления Дария I. В документе говорится о распределении денег, предназначенных для дорожных расходов, между восемью высокопоставленными персидскими чиновниками, включая Уштану, который, очевидно, был хорошо известный сатрап Вавилонии и Заречья (Сирия).

Однако Абрахам сама указывает, что не имеется никакого реального различия в написании топонима Шушан в текстах, и это «делает сомнительным географическое определение различных упоминаний Шушан» (Abraham 1997: 72). Более того, у нас нет никакого несомненного свидетельства о том, что хоть какой-либо один из рассмотренных выше текстов был составлен в Сузах Элама. Предположение о нескольких городах с названием Шушан основано на гипотезе о том, что Шушан в Вавилонии был маленьким городком в отличие от важной в экономическом и политическом отношении столицы Элама. Однако, как было отмечено выше, в действительности Шушан около Борсиппы также был значительным экономическим центром, и Абрахам справедливо отметила, что «Шушан в Вавилонии не следует считать малозначительным городом» (*ibid.*: 72). Локализация Шушан ряда текстов в Эламе основана также на отсутствии документации о пребывании Мардук-нацир-апли в Вавилоне в периоды его предположительного нахождения в Эламе.

В заключение можно сделать следующие выводы. Рассматриваемый топоним упоминается в документах из пяти различных архивов. Относительно его локализации высказывались разные мнения: одни идентифицировали его с Сузами, столицей Элама, а другие помещали недалеко от Ура или же в регионе Ниппура, а некоторые — рядом с Борсиппой или поблизости от Вавилона. Однако документы Мурашу не содержат никаких явных свидетельств о пребывании Римут-Нинурты в столице Элама или о предпринимательской деятельности его фирмы там. Вполне возможно, что Мардук-нацир-апли, глава дома Эгиби, ездил в Элам по торговым или политическим причинам, однако документальных свидетельств об этом не имеется. В то же время совершенно очевидно, что Шушан в ряде текстов из архива Эгиби находился в Вавилонии. Все имеющиеся документальные и просопографические данные свидетельствуют о необходимости локализовать Шушан на территории между Борсиппой и Ниппуром, на берегу реки Кабару. Это был важный в административном и экономическом отношении город, расположенный недалеко от Борсиппы. По всей вероятности, Шушан, упоминаемый в текстах из Ура и Борсиппы, а также в документах Мурашу, находился в Вавилонии. Такой же вывод можно сделать и относительно, по крайней мере нескольких, текстов из архива Эгиби.

ЕГИПТЯНЕ В ВАВИЛОНИИ В VI-V ВВ. ДО Н. Э.⁴³

Вавилонские документы содержат определенную информацию о египтянах, которые по разным причинам жили в Вавилонии. Ряд исследований был посвящен выяснению египетских имен в клинописных текстах (см.: Ranke 1910: 5 f., 38–42; Zadok 1977: 63–68; Vittmann 1984: 65f.; Satzinger 1984: 89; Edel 1980; Vergote 1983: Cols. 596–599; Joannès 1984: 71–81), а также статусу самих египтян в Месопотамии (Wiseman 1966: 154–158; Дандамаев 1967: 15–26). Целью данной статьи является выделение основных групп египтян в Месопотамии нововавилонского и ахеменидского периодов.

Египтяне часто упоминаются в административных и хозяйственных текстах из Вавилона, Борсиппы, Нишпура, Урука, Ура и некоторых других городов. По-видимому, люди египетского происхождения были рассеяны по всей Месопотамии. Часто они обозначаются своим этническим названием *Miṣirāja* (ср.: Zadok 1985: 229 f.). Но в ряде случаев свидетельства об их этническом происхождении можно найти и в их собственных именах, которые обычно являются теофорными и содержат имена египетских богов Амона, Исиды, Хапи, Гора и др. (например, *Paṭan-Esī*, *Ḫarimenna*, *Ḫūru*, *Paṭupu* и др.). Вавилонские писцы знали, что эти имена были теофорными и поэтому ставили перед ними детерминатив для обозначения бога. В некоторых случаях элементы египетских и вавилонских обозначений составляли сложные слова, как, например, *Amat-Esī* («служанка богини Исиды»).

Египтяне, постоянно жившие в Месопотамии, представляли следующие группы. Некоторые документы административного характера, составленные между 595–570 гг. до н. э., фиксируют рации, которые выдавались чужеземцам, находившимся в Вавилоне. Среди них были выходцы из Малой Азии, эламиты, иранцы и др., а также «египтяне, ухаживавшие за кобылами и обезьянами» (среди них были *Pusamiskī* и *Nikū* с их хорошо известными египетскими именами). Эти люди находились в подчинении у *Ḫaṭmaṣu* (египетское имя), «начальника египтян»⁴⁴ и регулярно получали пайки с царских складов. По всей вероятности, они, как и большинство других египтян, упомянутых в документах времени Навуходоносора II, были военнопленными или заложниками после его победоносных битв 605 и 601 гг. (см.: Wiseman 1966: 155; ср.: ROMCT II: 51).

Некоторые египтяне были обращены в рабство и стали собственностью других лиц. Например, по свидетельству контракта, составленного в 556 г. в Уруке, один вавилонянин отдал «своего раба, египтянина»⁴⁵ (однако ему было дано вавилонское имя) в усыновление другому своему рабу. Вавилонский воин, принимавший участие в походе Камбиза против Египта в 525 г., в следующем году продал в Вавилоне «свою рабыню Нана-игтийя и ее трехмесячную дочь, егип-

⁴³ Перевод статьи «Egyptians in Babylonia in the 6th–5th Centuries B. C.» (La circulation des biens, des personnes et des idées dans le Proche-Orient ancien (Actes de la XXXVIIIe Rencontre Assyriologique Internationale). Paris, 1992. P. 321–325).

⁴⁴ Ср. Zadok 1985: 229f. LÚ.SAG mi-ṣir-a-a. См.: Weidner 1939: 930–932.

⁴⁵ YOS VI 2: 4. LÚ qal-la-šū LÚ mi-ṣir-a-a.

тянку⁴⁶ — добычу своего лука» за 2 мины серебра. Ес имя типично вавилонское, которое, очевидно, дали ей уже в плену. Как видно из документа, составленного в Вавилоне в 524 г., египтянка по имени Памуну была продана за мину серебра (Clercq, Ménant 1890–1903 II. Pl. C; Stol 1977: 96). В PBS 2/I 65 фиксируется продажа в 421 г. в Ниппуре за 5 мин серебра четырех рабов, среди которых были Ханат-Эси и ее брат Хуру (египетские имена). При этом один из проданных рабов ранее принадлежал человеку по имени Кунуис, сыну Нах-Эси, который, по всей вероятности, также был египтянином (см. также: BE X 88: 9, 129: 18f.; PBS 2/II 104: 9; TMH 2/III 148: 17).

УСР 9/I 29 содержит список четырех заболевших рабов, принадлежавших храму Эанна в Уруке, каждому из которых во время болезни в 588 г. было выдано по сиклю серебра. Среди них упомянут и египтянин (mi-šir-a) Набу-шар-уцур (вавилонское имя). В YOS VI 148, составленном в Уруке в 547 г., говорится: если свидетель или осведомитель докажет, что храмовый раб Нергал-нури (вавилонское имя), «египтянин, незаконно ловил рыбу в пруду, принадлежащем богине Белет (Владычица) Урука... а также уносил ивовые прутья, шелковицу и веточки из пруда, принадлежащего Владычице Урука, он должен возместить их в тридцатикратном объеме».

Тексты упоминают также рабов египетского происхождения, которые принадлежали храму Эаббары в Сиппаре. Например, среди них был и садовник этого святилища (Суг 173:19). Некоторые документы времени Набонида, Кира и Камбиза отмечают выдачу пайков ячменем и финиками храмовым рабам-египтянам (Camb 313; CT LVI 316, 644, 658, 664; CT LVII 194; Dar 5; VS VI 271). Один сильно разбитый текст содержит список сорока трех «египтян» (но у большинства из них имена вавилонские), каждому из которых со склада храма Эаббары было выдано по одной верхней одежде⁴⁷.

Но в большинстве случаев египтяне составляли часть свободного населения страны, и среди них были государственные и храмовые чиновники. Например, еще в период царствования Навуходоносора II один египтянин по имени Хармацу служил писцом в Вавилоне⁴⁸. Другой египтянин, который, однако, носил вавилонское имя Бел-иддин, в 486 г. возглавлял службу по сбору таможенных пошлин⁴⁹. Некий Патан-Эси (египетское имя) служил в царской полиции⁵⁰. Другое лицо с тем же самым именем был надзирателем над гарда (царские работники) и в 420 г. сдал в аренду принадлежавшее им поле в округе Ниппура за 30 кур (5400 л) ячменя в год (PBS 2/I 91). В том же году египтянин по имени Памуну был надзирателем над работниками сокровищницы около Ниппура⁵¹. Здесь

⁴⁶ Camb 334: 4: KUR mi-šir-'-tum.

⁴⁷ CT XLIV 89:IV, 7: mi-šir-a-a. См. также: CT LV 794, согласно которому «египтянину» (mi-šir-a-a) по имени Abā (египетское имя) было выдано платье. См.: Wiseman 1966: 156.

⁴⁸ ROMCT II 37: 25f.: Ḥar-ma-šu LÚ mi-šir-a-a LÚ da-a-a-nu.

⁴⁹ VS IV 194: 4: LÚ rab mi-ik-su.

⁵⁰ BE X 15: 15: Pa-ṭa-ni-E-si-'i LÚ us-tar-ba-ri šá LUGAL; см. также: BE X 129: 5.

⁵¹ BE X 88: 9,12: LÚ šak-nu šá LÚ šu-šá-ni šá nak-kan-du. Документ содержит оттиск «золотого перстня» Памуну.

можно упомянуть также Хуру, который был «старшиной пивоваров»⁵² в Ниппуре в 425 г. Некий Абди-Эси служил чиновником у «сатрапа» Белшуну⁵³. Несколько чиновников храма Эбббара были потомками египтян (см., например: Camb 86, 121, 349; Cug 10, 160, 161; Dar 5). Известны также несколько писцов клинописных текстов египетского происхождения, которые работали в вавилонских городах (Dar 37; GCCI II 357; Nbk 261, 328, 359; Nbn 65, 67, 334, 679, 1031, 1110; TMH 2/III, 68, etc.).

Египтяне часто упоминаются и в качестве контрагентов. Например, в 476 г. египтянин Писусасмакаш, сын Пагнашу, выдал одному лицу в Вавилоне ссуду в 180 л фиников (CT IV 34d). Документ, составленный в Сиппаре в 503 г., свидетельствует о том, что из храма Эбббара исчез кусок египетского полотна и затем такой же кусок нашли в тростниковой корзине одного из членов персонала этого святилища. Когда чиновники допросили его, чтобы узнать, откуда он достал эту ткань, он ответил, что купил ее еще два года назад у жившего в этом городе египтянина в обмен на муку и финики, и свидетели подтвердили этот факт⁵⁴.

В 510 г. некий Иддина-Бел, сын Набу-уцуршу, потомок египтянина, продал поле площадью 6 кур (ок. 8 га), расположенное около Вавилона и граничившее с полем, которое принадлежало другому потомку египтянина (TCL XIII 190). В период царствования Дария II некий Питгибири (египетское имя) владел полем в округе Ниппура, которое он сдавал в аренду за деньги, пиво, овец и муку. Соответствующий документ был составлен в присутствии свидетелей, среди которых упоминается еще один египтянин по имени Пани-Эси (BE X 129). В 423 г. поле в районе Ниппура, принадлежавшее трем царским воинам, включая египтянина Хармацу, было взято в залог предпринимательским домом Мурашу за 40 590 л фиников (BE X 23). Египтянин Набу-этир (вавилонское имя) купил финики за определенную денежную сумму⁵⁵.

Dar 301 — брачный контракт, заключенный в Вавилоне в период царствования Дария I, между Paṛmiustu, сыном Пиру, и Tahie [...], дочерью Саманнапира⁵⁶. В качестве одного из свидетелей присутствовал Paṛniptēmu, сын Амунтапунахти, чье имя и отчество также являются египетскими. Фрагментарный текст TBER 78 фиксирует брак между египтянами, которые жили в Вавилонии. Свидетелями также выступают лица с египетскими именами Sisuqu, Hūgu и др.⁵⁷

⁵² EEMA 40: 9: Ḥu-ū-ru LÚ šak-nu...

⁵³ ROMCT II 48: 3–4 LÚ aḫ-ša-ad-ra-ra-nu. Документ, вероятно, был написан в 430 г. в Ниппуре. Ср.: BE X 123: 4, где некий Хармахи упоминают в качестве агента одного государственного чиновника. См. также: Jakob-Rost 1972: 15, N 4: rev. 2.

⁵⁴ CT II 2: 19, 23. LÚ mi-šir-a-a. См.: Oppenheim 1967: 250, n. 77.

⁵⁵ CT LVII 342. Ср. также: Nbk 274, где другое лицо египетского происхождения является должником.

⁵⁶ См.: Vergote (BO XL 1983: 598), по мнению которого, это египетское имя Samannafer.

⁵⁷ См.: Joannès 1984: 79 f. Ср.: там же: 71 ff., TBER 93–94, которые содержат брачный контракт между Харременна и Нахде-Эсу, дочерью Писисмаска. Их имена являются египетскими, как и имена свидетелей (Уссурименна, Намуну и др.). Документ этот был найден в Сузах и, по мнению Жоаннеса, относится к концу IV в. до н. э.

Рис. 39. Эскиз всадника из Эрбуни (прорисовка Б. Н. Аракеляна)

Рис. 40. Ритон из Эрбуни (Ереван)

В некоторых текстах египтяне и их потомки упоминаются среди свидетелей контрактов о продаже рабов (PBS 2/II 65 (Paṭan-Esi⁵⁸) и др.), долговых расписок (VS III 89; YOS XVII 4 и др.), сдаче в аренду каналов и полей (TMH 2/III 147; Jakob-Rost, Freydank 1972:15. N 4, rev. 2).

Известны также случаи, когда египтяне жили в Вавилонии компактными группами и имели свои органы самоуправления. Например, согласно документу, написанному в Вавилоне в 529 г. (т. е. еще до захвата Египта Камбизом в 525 г.), «собрание египетских старейшин»⁵⁸ вынесло решение относительно поля, которое принадлежало нескольким египетским воинам, включая Хапидишбаллу, сына Пишамыша, с типично вавилонским именем и патронимией (см.: Eph'al 1978: 79). В текстах засвидетельствованы также топонимы «Поселение египтян» (Bīt Miširāja — CT LV 427: 6; Dar 81: 3; 368: 15), «Город египтян» (LÚ.URU Miširāja) (YOS VI 148: 2), «Речка египтян» (Nāru ša LÚ Miširāja) (BE X 43: 5; см.: Zadok 1985: P. 230, 392) и др., которые были расположены в регионах Сиппара, Урука и Ниппура. По всей вероятности, в этих местах были значительные общины египтян.

Здесь уместно будет сказать несколько слов о торговле между Египтом и Месопотамией в рассматриваемый период. В вавилонских текстах среди предметов импорта упоминаются квасцы из Египта⁵⁹. Как видно из документов времени Набонида, составленных в Уруке и Сиппаре, 3 таланта 53 мины (116,5 кг) египетских квасцов стоили 1 мину 17 ²/₃ сикля (662 г) серебра (YOS VI 168), или

⁵⁸ Camb 85: 3: pu-ḥur LÚ ši-bu-tu ša LÚ mi-šir-a-a.

⁵⁹ YOS VI 168: 11: gab-ú ša KUR mi-šir.

10 мин квасцов были приобретены за 12 сиклей серебра (Nbn 214; см. также: STL V 363:1–2; 368: 1–2; GCC I 327: 2 f.; GCC II 358: 7; YOS III 19: 20; 30: 18; ср.: CAD G: 7, gabû). Квасцами пользовались для побелки шерсти и одежды, а также в производстве стекла и для медицинских целей (см.: Wiseman 1966: 155). В документе VS VI 314 упоминаются три лампы (bīl nūgī), среди которых одна была привезена из Египта.

Как видно из рассмотренных текстов, значительное число египтян жило в Вавилонии халдейского и ахеменидского времени. Они жили бок о бок с местным автохтонным населением. Часть таких людей принадлежала к свободному слою общества и владела землей и домами. Они могли служить в государственном и даже храмовом управлении или состоять в армии. Они совершали различные сделки между собой и автохтонами. В течение определенного времени египтяне сохраняли свою этническую идентичность и даже имели свои органы самоуправления (народное собрание). Однако вследствие смешанных браков и под влиянием окружающей обстановки они стали давать своим детям вавилонские имена и были постепенно ассимилированы местным населением (ср.: Zadok 1979: 173). В результате таких процессов этническое название mišigāja стало прозвищем, которое содержало указание на египетское происхождение носителей такого имени.

ВАВИЛОНЯНЕ В ЭКБАТАНАХ В VI-V ВВ. ДО Н. Э.⁶⁰

Культурные и экономические контакты между Месопотамией и Северо-Западным Ираном восходят к отдаленным временам⁶¹. Когда в 612 г. до н. э. Ассирия была завоевана объединенными силами мидийцев и вавилонян, связи между Мидией и Месопотамией стали более регулярными. Однако через некоторое время отношения между этими странами стали натянутыми. Некоторые документы из Вавилона, которые датируются 595–570 гг., отмечают выдачу продовольствия для лиц чужеземного происхождения. Среди них упоминается и «беженец из Мидии»⁶², который, однако, носил обычное вавилонское имя Курбанну. Судя по объему пайков, отпущенных в его распоряжение, он был главарем мидийских эмигрантов при дворе Навуходоносора II и получал продовольствие на всю группу. В свою очередь, как видно из одного вавилонского письма, написанного около 591 г., несколько вавилонян бежали в Мидию, и приказание Навуходоносора, чтобы они вернулись обратно, осталось без ответа (GCC II 395; ср.: Ebeling 1949: 138–139). Таким образом, как вавилонские, так и мидийские правители охотно принимали беженцев из той и другой страны.

⁶⁰ Перевод заметки «Some Babylonians at Ecbatana» (AMI 19 (1986). P. 117–129). Транслитерация рассмотренного там документа в русском тексте опущена.

⁶¹ Вавилонское культурное влияние на Иран засвидетельствовано, в частности, в нескольких вавилонских надписях доахеменидского периода, найденных на территории Западной Мидии. См.: Diakonoff 1978: 51–68; Dyson 1971: 49.

⁶² LÚ ma-aq-tu ša KUR ma-da-a-a, см.: Weidner 1939: 930.

В ахеменидский период многие мидийцы стали постоянными жителями Месопотамии в качестве государственных чиновников, царских воинов, а также, возможно, и частных лиц. Как видно из персепольских табличек крепостной стены и сокровищницы, многие вавилоняне были служащими в административном аппарате и работниками царского хозяйства в Юго-Западном Иране. Кроме того, два документа на вавилонском языке были обнаружены среди персепольских табличек на эламском языке. Один из этих текстов содержит переоценку денежных сумм, уплаченных в качестве налога (РГТ: 200–203). Второй текст является частным юридическим документом, который был составлен в Персеполе (Parsu). При этом контрагенты, писец и большинство свидетелей контракта имеют вавилонские имена⁶³.

Когда в 539 г. Месопотамия была захвачена персами, вавилонские предприниматели стали ездить в Мидию, и некоторые документы архива известного предпринимательского дома Эгиби из Вавилона были написаны в столице Мидии Экбатанах и в нескольких других местах Западного Ирана. Эти тексты были рассмотрены Цадоком (Zadok 1976: 72 ff.). Например, один из них является долговой распиской на полторы мины серебра, которую должен был погасить Итти-Мардук-балату, глава предпринимательского дома Эгиби. Сам текст был написан в Экбатанах в 537 г. Значительный интерес представляет тот факт, что долг надо было погасить финиками по тарифу, действовавшему в Вавилоне. Судя по собственным именам, контрагенты, писец и свидетели были вавилоняне (Суг 60). Другой документ фиксирует долг в 20 сиклей серебра, выданный упомянутым Итти-Мардук-балату одному вавилонянину. Текст был написан в 533 г. в какой-то местности Западного Ирана с обязательством уплатить долг в Экбатанах (Суг 227). Здесь тоже все упомянутые лица имеют вавилонские имена. По всей вероятности, эти вавилоняне были заняты в Иране торговлей⁶⁴.

Следующий документ также содержит ранее неизвестную информацию о вавилонянах, которые находились в Экбатанах в период правления Дария I (Stigers 1976: 40. N 28; ср.: Stolper 1984: 308. N 34).

«Таддинну, сын Нергал-этира, получил из рук Бунене-ибни, сына Бел-на'ида, 35 сиклей серебра с одной восьмой частью примеси — цену 22 кур фиников. Если Багадата⁶⁵ и Калбайя не отдадут финики, т. е. 22 кур, для Бунене-ибни в городе Сиппар Ануниту⁶⁶, Таддинну должен возместить это серебро, т. е.

⁶³ Stolper 1984: 300 ff. См.: там же: 308, примеч. 34, которое содержит обзор вавилонских юридических документов, написанных вне Месопотамии. Однако два документа, составленные в городе Шушане и найденные в архиве Мурашу в Нипуре (PBS 2/I 113, 128), вопреки мнению Столпера, не происходят из столицы Элама Суз, а были написаны в Вавилонии (см. статью о городах-двойниках в этом сборнике).

⁶⁴ Другое объяснение дает Олмстед, по мнению которого Итти-Мардук-балату прибыл в Экбатаны, чтобы посетить царский двор, и, когда он потратил все деньги на подкуп дворцовых чиновников, вынужден был занимать средства, чтобы отправиться в обратный путь. См.: Olmstead 1948: 58.

⁶⁵ Строка 5: DINGIR.MEŠ-da-a-ta, т. е. часть слова написана логограммой и его следует читать Bagadāta (хорошо известное др.-иранское имя).

⁶⁶ То есть местность в окрестностях города Сиппара в Вавилонии. О других упоминаниях этого топонима см.: Zadok 1985: 272. См. также: Stolper 1984: 308. N 34.

35 сиклей, с одной восьмой частью примеси, и проценты⁶⁷ на них, для Бунене-ибни.

Свидетели (*имена четырех человек*), писец (*имя*).

Экбатаны⁶⁸. 23-й день месяца ташриту 31-го года Дария, царя Вавилона и стран» (т. е. 491 г. до н. э.).

Все упомянутые в этом документе люди были вавилоняне. Однако ни один из них не известен нам из пока опубликованных нововавилонских текстов. Возможно, что некоторые из них являлись постоянными жителями Экбатан. Как видно из текста, Бунене-ибни одолжил 35 сиклей серебра Таддинну с условием, что два лица, занимавшиеся торговой деятельностью совместно с последним, доставят кредитору 22 кур (3960 л) фиников в окрестностях Сиппара по тарифу 1,59 сикля серебра на 1 кур (180 л) фиников. Такое соотношение находится в полном соответствии с данными долговых документов времени Дария I.

КЛИНОПИСНЫЕ ДАННЫЕ ОБ АРМЯНАХ⁶⁹

В Бехистунской надписи рассказывается, в частности, о восстании, которое произошло в 522 г. до н. э. в Армении, одной из провинций Ахеменидской державы, против персидского царя Дария I, когда почти вся эта империя была охвачена волнениями. Население Армении ожесточенно сопротивлялось армии Дария и вынуждено было покориться лишь после пяти битв и по меньшей мере семи месяцев борьбы в конце июня 521 г. Мятежники контролировали кроме своей территории также местность Изалла на бывшей территории Ассирии. Уже тот факт, что восставшие потеряли убитыми 5097 человек и в плен было взято 2203 человека, красноречиво свидетельствует о масштабах этого народного движения. Среди полководцев Дария, подавивших восстание, был также некий Дадаршиш. В персидской и эламской версиях Бехистунской надписи он назван армянином (*arminiya*), а вавилонский текст этой надписи называет его урартом.

Пока Дарий был занят умирением армян, против него поднялась Вавилония. Если верить Бехистунской надписи, во главе этого восстания стоял Араха, сын Халдиты, который выдавал себя за Навуходносора, сына последнего вавилонского правителя Набонида, лишённого престола персидским царем Киrom в 539 г. до н. э. В персидской и эламской версиях Бехистунской надписи Араха назван армянином, а в вавилонской — урартом. В персидском тексте говорится, что Араха из области Дубала обманывал вавилонский народ. Эламский текст поясняет, что Дубала — город в Вавилонии. Согласно же вавилонской версии, Ара-

Очевидно, по тарифу сикль серебра на мину за каждый месяц, что было нормальной практикой в интересующее нас время.

⁶⁸ О других упоминаниях этого города в рассматриваемый здесь период см.: Zadok 1985: 3.

⁶⁹ Сокращенная версия статьи с тем же названием, опубликованной в сб.: Междисциплинарные исследования культурогенеза и этногенеза Армянского нагорья и сопредельных областей. Ереван, 1990. С. 102–106.

ха восстал в Уре, т. е. в городе на юге Месопотамии. Можно полагать, что под Дубалой в персидской и эламской версиях имеется в виду Ур.

Арахе удалось захватить Месопотамию и стать царем этой страны. Он правил с августа до 27 ноября 521 г., когда войско Дария нанесло ему поражение. Его самого захватили в плен и казнили в Вавилоне, посадив на кол.

Исследователи высказывали различные мнения относительно этнической принадлежности восставших в Армении людей⁷⁰. Бехистунская надпись не указывает имени восставшего народа, но ясно отмечает, что Армения (Armina) была охвачена мятежом. Необходимо попутно отметить, что Арменией она названа в персидской и эламской версиях надписи, а в вавилонском тексте в соответствующем месте говорится об Урарту. Очевидно, восставшие были армяне, и составитель надписи просто не видел необходимости редактировать текст примерно следующим образом: «Армяне восстали в Армении». Нет сомнения также в том, что Дадаршиш был армянин, помогавший Дарию подавить восстание своего народа. Это, пожалуй, первый достоверно известный нам по имени армянин, хотя имя его иранское. Он перешел на сторону Дария и преданно служил ему. В вавилонской версии Бехистунской надписи он назван урартом, по имени народа, который ранее жил на территории Армении. Такое архаическое употребление этнических названий было вообще характерно для вавилонской литературы.

Относительно личности Арахи в литературе высказывались противоречивые предположения. Это имя встречается и в вавилонских деловых документах ахеменидского времени, и носители его обычно были вавилоняне (см.: там же: 93). Имя его отца — теофорное, образованное от имени урартского бога Халди. И. М. Дьяконов полагает, что Араха был урартом. В таком случае в Бехистунской надписи «армянином» он назван просто как житель страны Армения (Дьяконов 1968: 235, примеч. 116). Однако нельзя исключать, что он мог быть армянином, и его урартское отчество не может противоречить такому предположению, ибо отец его, будучи армянином, тем не менее мог носить урартское имя. Во всяком случае, ясно одно: Араха жил в Вавилонии продолжительное время и настолько хорошо владел местным языком, что смог выдавать себя за сына бывшего вавилонского царя и привлечь народ на свою сторону.

Название страны «Урарту» и народа «урарты» многократно засвидетельствовано в новоассирийских текстах. Разумеется, нет никаких сомнений в том, что в этих текстах имеется в виду царство Урарту и его население, с которым ассирийцы воевали в течение многих десятилетий. Подобным же образом в Вавилонской хронике в рассказе о событиях 609 и 607 гг. страна Uraštū — царство Урарту, на территорию которого вавилоняне в эти годы совершали походы (Grayson 1975: 96: 72; 97:11). Урарты упоминаются также в вавилонских текстах первой половины VI в. среди представителей разных народов (главным образом это были военнопленные), живших в Вавилонии (см.: Weidner 1939: 928). В документе, составленном в Уруке в 1-м году царствования Набонида (555 г.) отмечается, что храм Эанна выдал в распоряжение нескольких лиц определенное количество ячменя для различных целей. В частности, чиновник с типично ва-

⁷⁰ См. литературу: Дандамаев 1985: 92.

вилонским именем Пергал-убаллит получил 50 кур (9000 л) ячменя. В тексте он назван «жителем страны Урарту»⁷¹. Очевидно, он был сыном (или внуком) какого-то урарта, который осел в Месопотамии и дал своему потомку вавилонское имя.

Однако имеются бесспорные случаи, когда под названием «Урарту» и этнонимом «урарт» в вавилонских текстах имеется в виду страна Армения и армянский народ. Не только в надписях Дария I (522–486 гг.), но также Ксеркса (486–465 гг.) и Артаксеркса II (405–359 гг.) Армения и армяне упоминаются в перечнях провинций Ахеменидской империи и среди народов, плативших подати персидским царям. При этом, в отличие от персидской и эламской версий, в вавилонских текстах трехязычных ахеменидских надписей Армения и армяне названы Uraštu, LU uraštāja (см. ссылки на тексты: Zadok 1985: 320–321). Ни у кого не возникает сомнений в том, что здесь имеются в виду Армения и армяне, поскольку в конце VI и в V–IV вв. до н. э. Урарту определенно не существовало, и на его бывшей территории находилась Армения, являвшаяся персидской сатрапией.

Значительный интерес представляет вавилонский документ BE X 107 из архива предпринимательского дома Мурашу в Ниппуре. Его перевод: «51 $\frac{1}{3}$ мины очищенного серебра — цена фиников, арендой платы с полей, расположенных в поселении Милиду и в местности Бит-[Ахуларим] на берегу Евфрата Ниппурского в округе урартов и мелитян, а (именно с полей, находящихся) у Илтаммаш-баракку, начальника урартов и мелитян, и (огдашних) в распоряжение Римут-Нинурты, потомка Мурашу. Это очищенное серебро, (а именно) 51 $\frac{1}{3}$ мины, цену фиников, арендную плату за 6-й г. (царствования) Дария с этих полей, расположенных в поселении Милиду и в местности Бит-Ахуларим, Илтаммаш-баракку, начальник урартов и мелитян, сын Нидинту-Бела, получил из рук Римут-Нинурты, потомка Мурашу. Ему уплачено.

Свидетели (*приведены имена одиннадцати человек*), местность Энлиль-ашибу-икби, месяц абу [...]. Печать Илтаммаш-баракку, начальника урартов и мелитян, сына Нидинту-Бела» (далее следуют оттиски печатей и перстней некоторых свидетелей, упомянутых в тексте).

Документ был составлен в 6-й год правления Дария II (418 г. до н. э.) близ Ниппура и фиксирует уплату около 2670 г очищенного серебра в качестве арендной платы с полей «урартов» и мелитян, которые были расположены близ Ниппура. Эта сумма была уплачена домом Мурашу, арендовавшим указанные поля, старшине «урартов» и мелитян, с типично вавилонским именем и патронимией.

Возникает вопрос: кто были упомянутые в тексте урарты и мелитяне? Как известно, персидская администрация в Вавилонии применяла такую систему землепользования, когда царь сажал на землю своих воинов, которые обрабатывали выделенные для них наделы совместно целыми группами и несли воинскую службу, когда государство требовало этого. Такие военные округа назывались *ḫaṭu*. В частности, в Ниппуре и его окрестностях в V в. были созданы колонии

⁷¹ TCI XII 75: 3: LU u-raš-ta-a-a.

царских воинов, прибывших чуть ли не со всех концов Ахеменидской державы, и при этом представители соседних стран размещались рядом друг с другом и обычно входили в одну и ту же группу колонистов.

Исследователи уже отмечали, что под мелитянами в переведенном выше тексте имеются в виду выходцы из области Мелитена в Каппадокии. Они упоминаются еще в одном тексте из того же архива Мурашу (см.: Zadok 1979: 169). Что же касается урартов, этот этноним является типичным для вавилонских текстов анахронизмом. Разумеется, в V в. ни государство Урарту, ни урартский народ не существовали, и речь, несомненно, идет об армянах, подданных персидских царей, которые обязаны были нести воинскую повинность и платить подати.

АРАВИТЯНЕ В МЕСОПОТАМИИ НОВОВАВИЛОНСКОГО И АХЕМЕНИДСКОГО ВРЕМЕНИ⁷²

Как известно, при халдейских царях и позже при Ахеменидах (VII–IV вв. до н. э.) в Месопотамии проживало много чужеземцев. Среди них были военнопленные, увезенные в эту страну, царские воины, а также люди, по разным причинам добровольно прибывшие туда и жившие там постоянно или временно. Одно из таких этнических меньшинств составляли аравитяне. В отличие от арабов под этим этнонимом мы подразумеваем жителей Аравийского полуострова, которые говорили на различных семитских языках (см. ниже). Среди таких чужеземцев, разумеется, были и арабы.

Этническое название аравитян, в том числе и арабов, засвидетельствованное в новоассирийских и нововавилонских клинописных текстах, прослежено И. Эф'алем и Р. Цадоком. В этих текстах оно пишется LU A-ra-bu, A-ri-bi, Ar-ba-a, а их страна названа KUR A-ri-bi или A-gu-bu (Eph'al 1984: 6). Как показал Эф'аль, название «араб»/«аравитянин» первоначально обозначало бедуина, т. е. жителя пустыни (ibid.: 7; ср., однако: Relsö 1989 1990: 132). Хотя некоторые собственные имена аравитян являются типично арабскими, само название «аравитянин» не несет никакой лингвистической нагрузки (ibid.: 9). Как отметил Цадок, пока еще невозможно установить, на каком языке или языках говорили люди, обозначавшиеся этнонимом «аравитяне», а также часто невозможно отличить их собственные имена от западносемитских (главным образом арамейских) имен (Zadok 1981: 44, 83).

Начиная приблизительно с 755 г. до н. э. аравитяне начали проникать в Нипур и другие вавилонские города и смешиваться там с вавилонянами (Cole 1996: 34–42; Eph'al 1984: 165; idem. 1974: 113; Frame 1992: 50). При археологических раскопках в Уруке, Уре и некоторых других городах Вавилонии были найдены глиняные таблички, написанные протоаравийским письмом. Одна из них содержит список собственных имен, которые являются вавилонскими. Эти

⁷² Впервые опубликована: ВДИ. 2000. № 2: 135–139.

надписи, по всей вероятности, относятся к VII–IV вв. до н. э. (Biggs 1965: 36–38; Eph'al 1974: 109–110; см. там же и более раннюю литературу). Из Вавилонской хроники известно, что Навуходоносор II на 6-м году своего царствования (599 г. до н. э.) воевал против «людей» и «страны аравитян» (Arabi) и захватил большую добычу из «имущества, скота и богов многочисленных аравитян» (Crayson 1975: 101). Набонид также воевал против «людей страны Аравия» (Röllig 1964: 221. Kol. I, 45) и в течение нескольких лет пребывал в области Тейма в Северо-Западной Аравии. По свидетельству надписи на цилиндре персидского царя Кира, когда последний захватил Вавилон в 539 г. до н. э., все цари «Страны запада», «которые живут в шатрах», покорились ему (Eph'al 1984: 201). Очевидно, это были шейхи аравийских (или арабских) племен. В надписях Дария I и его пресмников Аравия (др.-перс. Arabaja-, вавил. Arabi) упоминается среди провинций Ахеменидской державы (ср.: *ibid.*: 193; Zadok 1985: 26). В этот период, как и в более раннее нововавилонское время, термин Arabaja применялся для обозначения районов, расположенных между Египтом и Евфратом и населенных кочевниками, а также некоторых областей на севере Аравийского полуострова (Donnig 1986: 48).

В вавилонских административно-хозяйственных и частноправовых документах VI–V вв. до н. э. аравитяне (Arbaja) засвидетельствованы среди различных контрагентов, царских воинов и мелких чиновников, живших в Вавилоне, Ниппуре, Сиппаре, Уруке и в некоторых других городах. В нескольких текстах из Ниппура упоминается «поселение аравитян», расположенное вблизи этого города и, очевидно, получившее такое название по составу населения, которое жило там (Ālu ša^{LU}Arbaja. См.: Eph'al 1984: 189; Zadok 1985: 26, 28). Один из этих текстов, фиксирующий выдачу ссуды в 8 курру ячменя, был составлен в 547 г. до н. э. в «храме (бога) Сина (в) поселении аравитян» (BE VIII 50, 15: É^DXXX ša^{LU}ar-ba-a-a. Ср.: Zadok 1985: 9). В этой связи можно отметить, что культ бога Луны Сина был очень популярен среди аравитян.

В 563 г. до н. э. некий Ухабашна обязался доставить другому лицу из поселения аравитян 40 куру ячменя (BE VIII 26). Uhabanna, как отметил Цадок, определенно является арабским именем (Zadok 1981: 71). В 420 г. до н. э. представитель известного торгового дома Мурашу в Ниппуре обратился к управляющему царскими землями, расположенными по берегам нескольких каналов, и в частности у поселения аравитян, с просьбой сдать ему одно поле в аренду на три года (ТМН 2/III 147).

В одном документе, составленном в Ниппуре в 534 г. до н. э., упоминается заместитель наместника (šapû) города Qidari (см. строку 67), название которого, по всей вероятности, восходит к имени аравийского племени кидаритов (Eph'al 1984: 190).

В нескольких документах архива Мурашу аравитяне упоминаются также среди царских воинов, прибывших в Вавилонию из самых разных концов Ахеменидской державы и размещенных в Ниппуре и его окрестностях (например, выходцы с территории современного Афганистана, индийцы, хорезмийцы, лидийцы, фригийцы, мидийцы, египтяне, иудеи и др.). Такие воины владели наделами, пожалованными им царской администрацией (Cardascia 1951: 7; Stolper

1985: 78). Например, согласно одному документу, составленному в Ниппуре в 423 г. до н. э., несколько воинов, которые по своему этническому происхождению были аравитянами (Donbaz, Stolper 1997 82, 3: ^{LU}Ar-ba-a-a), должны были дому Мурашу 104 курру (18,720 л) фиников, и для обеспечения этого долга их земля на берегу Царского канала была заложена. В другом тексте отмечается, что надел земли, принадлежавший аравитянам (PBS 2/I 48,4: ^{LU}Ar-ba-a-a) и расположенный на берегу Евфрата Ниппурского, был передан в аренду дому Мурашу, который внес за него арендную плату за два года (423–422 гг.) Мушезиб-Белу, сыну Эрибы, «надзирателю над аравитянами». Примечательно, что его имя и патронимикон являются аккадскими. В отличие от остальных случаев, где арендодателями выступают аравитяне, надел этот был «наделом лошади», а не «наделом лука». С таких наделов воины должны были нести службу соответственно в качестве всадников и лучников.

Следующие документы происходят из архива храма Эбббара в Сиппаре. В одном из них говорится об уплате 1 мины серебра за 66 курру сезама какому-то аравитянину (или аравитянинам), без указания собственного имени (Nbk 287). Другой текст упоминает нескольких лиц с вавилонскими именами, включая сына некоего аравитянина (имя последнего не приведено), который назван храмовым рабом, принадлежащим богу Набу (CT 149, 5: ^{LU}Ar-ba-a-a ^{LU}ši-rik ^DNabû). В третьем тексте отмечается выдача продовольствия (ячменя или фиников) ряду лиц, в том числе одному или нескольким аравитянинам (CT 56. N 701, 5). В долговой расписке, составленной в «поселении бога Нергала» (близ Сиппара) в 548 г. до н. э., один вавилонянин обязался доставить своему контрагенту 6 курру ячменя, и среди свидетелей упомянут аравитянин с типично аккадским именем (Nbn 315, 8: ^{LU}Ar-ba-a-a). По свидетельству документа времени Набонида, шесть предметов льняной одежды, принадлежавшей богине Белет Сиппарской, были переданы для починки некоему аравитянину. Но дальше в этом же тексте этноним «аравитянин» употреблен в качестве его собственного имени (Nbn 1090, 2: ^{LU}Ar-rab; 9: ^már-rab). В 550 г. до н. э. некий аравитянин доставил какое-то количество (тушек?) уток, предназначенных для жертвоприношений, на склад храма Эбббара (CT 55. N 713). Два писца, находившиеся в подчинении у Набу-аххе-эриба, «надзирателя над аравитянами» (Ar-ba-a-a, без всякого детерминатива), получили с того же склада 2 курру фиников (Nbn 297; ср.: Eph'al 1984: 189). Из документа, составленного в 527 г. в Сиппаре, можно сделать вывод, что аравитянин Духхабат, сын Игбаррата, был занят откормом овец, принадлежавших храму Эбббара (Camb 211). В 517 г. до н. э. другой аравитянин, чье имя не сохранилось, доставил в тот же храм определенное количество ячменя (Camb 162). Судя по частично поврежденному тексту времени Дария I, аравитянин (имя его не приведено) уплатил своему контрагенту 42 сикля серебра за какой-то предмет (CIS I/2 71). Следующее письмо, по-видимому, также происходит из архива Эбббары и относится приблизительно к периоду между 554–543 гг. до н. э. (о датировке см.: Ebeling 1949: 51–52). Оно содержит распоряжение передать столько шерсти, сколько имеется у адресата, аравитянину по имени Абду (CT 22. N 86; см. также: Eph'al 1984: 190).

В документе из частного архива, составленном в Сиппаре в 493 г. до н. э., сообщается о продаже осла, и при этом человек, названный аравитянином (Ar-

ba-'a, здесь — собственное имя), упомянут среди свидетелей контракта (Stigers 40. N 29).

Следующие тексты происходят из архива Эанны в Уруке. Один из них упоминает дом, который Иннин-шум-уцур, сын Шамаш-нацира, потомок аравитянина (YOS VI 59, 4: ^mAg-ba-a-a) приобрел в 552 г. до н. э. у этого храма за 61 сикль серебра. Как видно из другого документа, в 526 г. до н. э. один храмовый раб богини Иштар доставил свою дочь из Урука в Вавилон и продал ее там некоему аравитянину (AnOr. VIII 74, 5: ^{LU}Ag-ba-a-a). Когда наместник Вавилона и другие официальные лица узнали об этой незаконной сделке, они вернули проданную девушку в храм Эанна в Уруке, которому она должна была принадлежать по статусу ее отца. Третий документ из Урука содержит предостережение, сделанное в 553 г. до н. э., в адрес аравитянина по имени Забдия, запрещающее ему встречаться с храмовой рабыней под угрозой наказания. По-видимому, храмовые рабыни не имели права встречаться с лицами, которые не платили храму соответствующую плату за их услуги, а чужеземцы в этом отношении, вероятно, были ненадежными партнерами⁷³.

По свидетельству нескольких документов, в VI в. до н. э. между Теймой на Аравийском полуострове и Вавилонией существовали более или менее регулярные связи (YOS VI 134; GCCI I 294; MacGinnis 1998 60: 207. N 1). Эти тексты были написаны в Уруке и Сиппаре во время правления Набонида (556–539 гг. до н. э.). Кроме того, еще в одном тексте отмечается, что выходец из Теймы⁷⁴ по имени Римут (аккадское имя) получил 60 ка (ок. 60 л) ячменя в качестве своего продовольствия за один месяц. Сам документ датирован 7-м годом царствования Навуходоносора II (598 г. до н. э.), но место его составления не указано. Судя по другому тексту, дата которого разрушена, этот Римут, «выходец из Теймы» (BIN 151: 14), был жителем Урука или по крайней мере жил там в течение какого-то времени. В этом документе отмечается выдача продовольствия 25 лицам, включая Римута (ср.: Eph'al 1984: 188). Не полностью сохранившееся письмо, отправленное из Ура, сообщает, что две семьи, которые происходили из Теймы (UET IV 167, 6: ^{LU}Te-ma-a-a), бежали из города Эриду в Вавилонии к людям Qudaru. Под последними, как полагают исследователи, имеются в виду кидариты, одно из аравийских племен, известное из Библии. Само письмо, вероятно, было написано во время царствования Асархаддона (680–669 гг.)⁷⁵.

В письме, посланном Набонидом (по-видимому, еще до его воцарения) одному чиновнику в Уруке, содержится распоряжение уплатить, в частности, большую сумму денег аравитянину Темуда (Moore 1939 67, 21: ^mTe-mu-da-a ^{LU}Ag-ba-a-a). По мнению Эф'аля, последнее имя связано с названием племени *Thamûd*, упомянутым в надписях ассирийского царя Саргона, и топонимом Та-

⁷³ YOS VII 92. См. также письмо: YOS III 126 из того же архива, которое (в разбитом контексте) упоминает аравитянина (строка 15).

⁷⁴ Dougherty 1929, pl. 1. N 2, 4: Te-ma-a-a. См. там же на с. 117 транскрипцию и перевод этого текста.

⁷⁵ Eph'al 1984: 190. N 650 (там же приведена и более ранняя литература). См. также: Frame 1992: 50.

tu-da' засвидетельствованным в одном вавилонском документе времени Нериглиссара (Eph'al 1984: 189, п. 645). Тот же автор предполагает, что этот Темуда был нанят вавилонскими властями в качестве торгового агента, поскольку такой важный человек, как Набонид, приказывает выдать ему деньги (*ibid.*: 189; Ebeling 1949: 276; San Nicolò, Petschow 1960: 94).

В 496 г. до н. э. некий Багазушту, который по происхождению был египтянином (Joannès, Lemaire 1996:48–50. N 6, /: ^{LU}mi-šir-a-a) (однако его имя древнеиранское) и занимал должность царского чиновника в Вавилоне, сдал в аренду поле с посевной площадью в 45 курру (ок. 60 га) на четыре года за 60 курру (10 800 л) ячменя в год. Само это поле было расположено у поселения аравитян (*ibid.*: ^{LU}Ar-ba-a-a).

Некоторые документы не датированы, и места их происхождения не известны. Согласно одному из них, два человека доставили в Вавилон большую сумму денег, чтобы купить золото. 21 мина 11 сиклей серебра были уплачены за 2 мины 25 ³/₄ сикля золота, и из этой суммы 3 сикля серебра были уплачены одному аравитянину за ¹/₃ сикля золота (Joannes 1982 59, 23). Другой аравитянин⁷⁶ доставил своему контрагенту 200 кирпичей.

Как видно из рассмотренных выше текстов, в VI и V вв. до н. э. сравнительно много аравитян засвидетельствовано в документах храмовых и частных архивов из Ниппура, Сиппара, Урука и некоторых других городов. По всей вероятности, они представляли лишь ничтожное этническое меньшинство в Вавилонии (см.: Zadok 1981: 83). В ахеменидское время определенное число аравитян было наделено землей из государственного фонда и несло службу в качестве царских воинов. Иногда аравитяне были также мелкими государственными чиновниками. Потомки многих аравитян интегрировались в вавилонское общество и уже носили аккадские имена (Eph'al 1984: 189). В таких случаях прозвище Арбажа стало родовым именем потомков аравитян.

ИНДИЙЦЫ В ИРАНЕ И ВАВИЛОНИИ⁷⁷

Торговые и культурные связи Индии с Ираном и Месопотамией, как известно, восходят к древнейшим временам. Особенно много археологических свидетельств об этих связях сохранилось от 3–2-го тысячелетий до н. э. Недавние раскопки в местности Тепе Яхья, на крайнем юго-востоке Ирана, в 225 км к югу от Кермана, показали существование оживленных торговых связей Ирана с Индией и Месопотамией еще в начале 3-го тысячелетия. На территории Индии, Ирана и Месопотамии давно было обнаружено большое количество сосудов из стеатита, которые не отличаются один от другого по своему стилю. Особенно много таких сосудов найдено в Месопотамии среди памятников периода Джем-дет-Наср. Теперь установлено, что эти сосуды производились в Кермане и Белуджистане

⁷⁶ VS 232, 3. В данном случае слово Арбажа употреблено как собственное имя. См. также N 265. 13, где говорится о выдаче продовольствия ячменем аравитянину, который, вероятно, был чиновником.

⁷⁷ Впервые опубликована: Древняя Индия. М., 1982. С. 113–125.

и оттуда импортировались в Месопотамию и долину Инда (Schippmann 1972: 48–51; Lamberg-Karlovsky 1971: 87–96).

Связи между городами хараппской цивилизации и Двуречья особенно хорошо прослеживаются на печатях 3–2-го тысячелетий. Из Киша, Уммы и других городов Вавилонии известно много печатей с типично индийской и чуждой месопотамской культуре иконографией, — это квадратные печати из глазурованного стеатита с изображением грифона, которые изготовлялись в Индии (Kühne 1976: 96–104; Khan 1964: 1 etc.). Сравнительно недавно в Вавилонской коллекции Йельского университета был обнаружен оттиск печати индийского происхождения, которая точно датируется. Оттиск этот сохранился на клинописной табличке, датированной 10-м годом правления Гунгунума, царя города Ларса в Южной Вавилонии, т. е. 2233 г. до н. э. (по средней хронологии) (Buchanan 1967: 104–107). Датская археологическая экспедиция нашла на острове Файлака в Персидском заливе 169 печатей такого типа. Они известны также с острова Бахрейн и из раскопок Л. Вулли в городе Ур в Вавилонии (ibid.: 107). Эти печати доставлялись посредством торговых связей из долины Инда.

В клинописных текстах конца 3-го — 2-го тысячелетия до н. э. в качестве центров торговли часто упоминаются страны Маккан и Мелухха, которые, как полагают, в то время обозначали соответственно побережья Белуджистана и Индии (Kühne 1975: 103). Промежуточной базой для торговли между Индией и Месопотамией служил остров Тильмун, который был расположен в Персидском заливе (вероятно, современный Бахрейн) (Oppenheim 1954: 6–17; ср.: E. S. L. 1979: 121–135). Эта торговля была особенно оживленной около 2350 г., когда в текстах времени правления Саргона Аккадского сообщается о кораблях из Мелуххи, Маккана и Тильмуна, стоявших в гаванях вавилонских городов. Аналогичные торговые связи Двуречья засвидетельствованы и в табличках из Ура, написанных в XXI–XIX вв. (Buchanan 1976: 137).

Для последующего периода вплоть до захвата долины Инда персами сведения клинописных текстов о связях Месопотамии с Индией становятся чрезвычайно скудными. В аккадских текстах начала 1-го тысячелетия до н. э. упоминается «индийское дерево» (скальный дуб)⁷⁸. В IX в. ассирийцы торговым путем привозили это дерево из Индии (Herzfeld 1968: 346).

История Индии ахеменидского времени также скупо отражена в клинописных источниках, но в течение последних 10–15 лет были опубликованы новые документы, содержащие ценные сведения об индийцах как подданных ахеменидских царей.

В Бехистунской надписи, составленной в начале правления Дария I (около 519 г. до н. э.), среди подвластных персам стран упомянуты, в частности, Гандхара и Саггагидия на крайнем юго-востоке Ирана. Отсюда ясно, что еще при Кире II персидское господство достигло северо-западных границ Индии, поскольку при Камбизе, судя по имеющимся данным, в этой части державы войны вообще не велись. Кроме того, согласно Плинию Старшему, Кир разрушил город

⁷⁸ GIŠ si-in-da-a от sindû — «индийский», восходящего к санскр. sindhu. См.: Soden 1972: 1046.

Капиша (Plin. Nat. Hist. VI 92), который, по-видимому, был расположен к северу от современного Кабула⁷⁹. Арриан пишет о нападении Кира «на землю индов» (может быть, имеется в виду территория Гандхары) и о потере персами там значительной части своего войска (Arrian. Anab. VI, 24, 3). Согласно Страбону, Кир совершил поход на индийцев, но ему пришлось отступить, потеряв почти всю свою армию (Strabo. XV, 1 5). Античные авторы упоминают также племя ариаспов на южной границе Дрангианы, которое снабдило войско Кира во время похода и за это было освобождено от податей (Arrian. Anab. III, 27, 4; Diod. XVII, 81, 1). Согласно Геродоту, пока персидский полководец Гарпаг опустошал города Малой Азии, Кир один за другим покорял все народы Азиатского материка и только потом выступил против Вавилонии (у Геродота говорится об Ассирии, которую он часто называет Вавилонией) (Herod. I, 177–178). Из этого можно предположить, что Средняя Азия и некоторые области, где население говорило на индийских диалектах, были покорены Киром после победы над Лидией, но до войны с Вавилонией. Большой интерес в этом отношении представляет сообщение вавилонского историка III в. до н. э. Беросса, который в рассказе о походе Кира, вероятно, использовал вавилонские источники. Он пишет, что Кир «выступил против Вавилонии после того, как покорил всю остальную Азию» (FHG II: 508; ср.: Justin I, 7, 2–3). Сведения Ксенофонта, сохранившиеся в его историко-дидактическом романе о воспитании Кира, тоже свидетельствуют о том, что Кир захватил Вавилон после покорения бактрийцев, саков и индийцев (Хенор. Сугор. I, 1, 4; V, 3; хотя северо-западная часть Индии была включена в состав Ахеменидской державы лишь при Дарии I, в граничившей с Индией на западе Гандхаре и других соседних областях население говорило на тех же арийских диалектах, на которых говорили индийцы). Следовательно, между 545 и 539 гг. Кир наряду с восточноиранскими и среднеазиатскими странами покорил и некоторые районы на территории современного Афганистана и на границах с Индией (а именно Дрангиану, Арейю, Гедрозию, Саттагидию, Арахосию и Гандхару).

Подавив восстания покоренных народов против персидского господства и упрочив свою власть, Дарий I около 519 г. распорядился снарядить экспедицию во главе с карийцем Скилаком из города Карианда для исследования части индийской территории по реке Инд до впадения ее в море (Herod. IV, 44). Эта экспедиция продолжалась 30 месяцев, и после возвращения Скилак написал на греческом языке сочинение о своем путешествии в Индию, давшее достоверную информацию о самых восточных известных в те времена племенах. По-видимому, это сочинение, которое не дошло до нас, было использовано ионийским логографом Гекатеем Милетским, жившим между 560–460 гг. (Olmstead 1948: 212). Гекатей составил географический перечень областей и народов, которые были покорены персами, а также исторический и географический комментарий к этому перечню. Данные Геродота об Индии, по всей вероятности, в конечном итоге восходят к Скилаку. После экспедиции Скилака Дарий I направил в долину Инда персидскую армию. Точно определить дату этого похода невозможно,

⁷⁹ О локализации Капиши см.: Bivar 1969: 20.

так как ахеменидские надписи с упоминанием Индии не содержат каких-либо хронологических указаний. По-видимому, северо-западная часть Индии была завоевана персами около 517 г.⁸⁰ В это время в Индии существовало много небольших государственных образований (Бонгард-Левин 1973: 45; Бэшем 1977: 57 сл.; Chattopadhyaya 1974: 3). Новая сатрапия, получившая название «Индия» (см. ниже, примеч. 5), охватывала, конечно, не весь Индийский полуостров, а лишь долину на среднем и нижнем течении Инда. Это была самая крайняя на востоке персидская провинция, а по представлениям Геродота (Herod. III, 98, 106; IV, 40) и его современников — и самая дальняя на востоке страна, за которой начиналась необитаемая и никому не ведомая пустыня. Да и представления об Индии у Геродота были довольно туманными: он упоминает только о крупных животных, о хлопке, из которого индийцы изготовляли одежду, и о несметном количестве золотого песка, который якобы добывался там. Тем не менее теперь географический горизонт персов, а через их посредство и греков значительно расширился.

После завоевания северо-западной части Индии персами племена этого региона впервые ознакомились с арамейским письмом (Henning 1958: 20; Tarn 1948: 162). К этому же времени относится и заимствование многих древнеиранских слов санскритом. Это прежде всего термины социально-экономической, военной и административной лексики (например, *bandi* — «пленный», «раб», *dipi* — «письмо», *ksatrapa* — «наместник», *karsa* — древнейшее индийское обозначение монеты) (Thieme 1937: 94, etc.; Bailey 1965: 7 сл.; Бэшем 1977).

Г. Моргенштерне, напомнив, что персы и авестийцы считали себя арийцами, а индийцы пользовались этим названием для обозначения индоарийской группы индоевропейцев, обитавших в Северной Индии, поставил интересный вопрос: как персы определяли жителей таких сатрапий, как Гандхара и Индия, которые, как и иранцы, считали себя арийцами? Сознавали ли ахеменидские чиновники родство между иранцами и их восточными соседями или смотрели на последних как на людей, совершенно чуждых иранцам по культуре и языку? По мнению Моргенштерне, в VI–V вв. языки соседних народов, иранцев и индийцев, были еще близки и по обе стороны лингвистической границы сохранялись сотни общих слов. Земледельцы и кочевники иранских и индийских областей, без сомнения, в определенной степени понимали друг друга. В ахеменидский период имели место и лексические заимствования (главным образом индийскими языками из иранских — ср. выше). Кроме того, под влиянием иранской лексики некоторые санскритские слова изменили свое значение. Так, санскр. *ayātana*, первоначально обозначавшее «огороженное место», «жилище», под влиянием др.-перс. *ayadana* («святилище») приобрело значение «место для священного огня» (Morgenstierne 1974: 271–279). Одновременно ахеменидское искусство оказало значительное влияние на индийское, где, в частности, появились здания типа *апа-даны* (Auboyer 1974: 263–270; Wheeler 1974: 249–261).

⁸⁰ Херцфельд относил это завоевание к 519–518 гг. до н. э., а Олмстед — к 513 г. (см.: Herzfeld 1928: 2; Olmstead 1948: 145).

В клинописных трилингвах Дария I и Ксеркса (а также в одной надписи Артаксеркса II или III) из Персеполя, Суз, Накши-Рустама и Хамадана, и в четырехязычных надписях Дария I на его статуе из Суз, и на суэцких стелах Индия упоминается в качестве покоренной страны под названием «Хинду»⁸¹, обычно рядом с Дрангианой, Арахосией, Саттагидией, Гандхарой и Макой (Мекран) (DPe, DPh, DNa, DSe, DSf, DSm, DH, XPh, A(?)P. См.: Kent 1953: 136, etc.; Vallat 1971: 53, etc.; Vallat 1970: 149–160; 1972: 3, etc.). В надписях Дария I из Персеполя и Хамадана период персидского могущества после покорения Индийской провинции характеризуется следующими словами: «Говорит Дарий царь: “Вот царство, которым я владею. От саков, которые за Согдианой, до Эфиопии, от Инда до Лидии [простирается царство], которое даровал мне величайший из богов — Ахурамазда”» (DPh/DH). Согласно Геродоту, Индия была двадцатой сатрапией Персидской державы и население этой провинции, будучи самым многочисленным народом, было обложено ежегодной податью в 360 талантов (1 талант = 30 кг) золотого песка (Herod. III, 94). Но, по мнению У. Тарна, Индийская сатрапия никогда не могла платить такое громадное количество золота (Tarn 1948:108). Можно упомянуть также сообщение Арриана о том, что индийцы не имеют золота (Arrian. Anab. V, 4). В ахеменидских надписях отмечается, что индийцы доставляли подать персидским царям, но без каких-либо уточнений (DPe etc.).

Из самой Индии пока нет изображений индийцев, относящихся к ахеменидскому времени. На рельефах из Персеполя, Накши-Рустама и Суз индийцы изображены среди представителей племен Ахеменидской державы, доставляющих подати персидским царям или символически несущих их трон. Среди различных делегаций державы на персепольских рельефах индийцы занимают 18-е место и несут корзины (возможно, с золотым песком или, может быть, другими местными вещами: драгоценными камнями, жемчугом или пряностями) (Walser 1966: 93), слоновьи бивни, а также ведут осла. На рельефах из Накши-Рустама индийцы изображены на 13-м месте, после дрангианцев, арахосцев, саттагидийцев, гандхарцев и жителей провинции Мака (Herzfeld 1968: 346 etc.; Walser 1966: 94 etc.; Roaf 1974: 145 ff.). Индийцы, саттагидийцы и гандхарцы одеты одинаково — в плащи, подвязанные поясом, на головы наброшены платки (вероятно, из хлопка). На статуе Дария I из Суз индийцы запечатлены босыми, обтянутыми в длинные одежды с многочисленными складками; у них короткие бороды, а длинные волосы их связаны на затылке лентой. На рельефах у дворца Артаксеркса I в Персеполе 10 индийцев, несущих подать, обуты в сандалии, а на плечи трех последних из них накинута шкура какого-то животного из семейства кошачьих.

В двух надписях Дария I, сообщающих о сооружении дворцов в Сузах около 516–512 гг., говорится: «Тиковое дерево⁸² было доставлено из Гандхары и Кар-

⁸¹ Др.-перс. hi(n)du, эламское (h)hi-in-du-us/is, аккадское (māt)in-du-ū, егип. hndwj. Ср. ср.-греч. Indos, лат. Indus (обоими языками заимствовано через иранское посредство), библейско-арамейское Hoddū, коптское Hentū. См.: Gesenius' hebraisches und aramaisches Handwörterbuch über das Alte Testament. B., 1962: 174; Altheim, Stieh 1961–1962: 203; Brandenstein, Mayrhofer 1964: 125.

⁸² Это дерево еще и теперь растет в Иране, например в Кермане (древняя Кармания). В вавилонских вариантах ахеменидских надписей оно названо «дерево mesu из Маккана» (см.: Gerschevitch 1957: 317–319).

мании... слоновая кость, которая использована здесь, доставлена из Эфиопии (Куш), Индии и Арахосии» (DSf (Kent 1953:142 уес.); DSz (F. Vallat. Table Elamite de Darius I. — RA. 64. 1970, с 149–160; Steve 1974:115–157 (DSf)).

Кроме уплаты податей жители Индийской сатрапии обязаны были выставлять определенное число воинов для персидской армии. Геродот рассказывает, что индийские воины, принимавшие участие в походе Ксеркса на Грецию в 480 г. до н. э., носили хлопковые одежды и были вооружены камышовыми луками с железными наконечниками. Индийские всадники были вооружены так же, как и пехота, но ехали на конях и на колесницах, запряженных конями и дикими ослами. К индийскому контингенту были присоединены и «восточные эфиопы», вооруженные по-индийски, но носившие на голове лошадиные шкуры (Herod. VII, 65, 70, 86). Очевидно, под «восточными эфиопами» Геродот имел в виду дравидийские племена, обитавшие на территории современного Белуджистана. Всем этим контингентом командовал перс Фарназафр, сын Артабата. Когда персидская армия потерпела в Греции ряд поражений, Ксеркс решил вернуться в Иран, поручив своему полководцу Мардонию дальнейшее покорение всего Балканского полуострова. Для продолжения войны Мардоний отобрал кроме персов и мидийцев также пехоту и конницу саков, бактрийцев и индийцев. В 479 г. до н. э. индийцы приняли участие в решающей битве при Платеях между персидскими и объединенными греческими войсками (Herod. VIII, 113; IX, 31). Поздний античный автор Элиан со ссылкой на знаменитого философа Сократа с похвалой отзывался о мужестве и свободомыслии индийцев (Aelian. Var. X, 14). В одной из последних битв, предшествовавших падению Ахеменидской державы, а именно при Гавгамелах в октябре 331 г. до н. э., индийцы на боевых слонах совместно с бактрийцами и согдийцами под руководством Бесса, сатрапа Бактрии, сражались против армии Александра Македонского (Arrian. Anab. III, 8, 3).

Определенный интерес представляют свидетельства вавилонских документов V в. до н. э. о пребывании индийцев в Месопотамии. После 539 г., когда Вавилония была включена в состав Персидской державы, ахеменидская администрация создала там военные колонии из представителей различных народов и нередко назначала в административный аппарат лиц, которые не являлись коренными жителями этой страны. Колонисты получали земельные наделы, которые назывались «землей лука» (как главного оружия персидской армии), несли воинскую повинность и платили государственные подати. В окрестностях города Ниппура в V в. до н. э. существовали военные колонии индийцев, ареев (жителей из области Харайва на территории современного Афганистана), саков, армян, фригийцев и т. д. (ср.: Unger 1970: 40; Cardascia 1951: 7). Во главе индийских⁸³ военных колонистов стояли Багазушту, сын Багапата, и Багазушту, сын

⁸³ LU. in-du-ú-ma-a-a (BE X 53: 14; TMH 2/III 190: 14; 191: 16–17; PBS 2/135: 25; 137: 15). Это этническое образование является несбой от аккадского KUR. in-du-ú (ma в позднеавилонском употребляется вместо waw). См.: Eilers. [Рсц. на:] TMH 2/III 1934: 333; Eilers 1957: 330, ср.: Eilers 1940. 53, примеч. 2: в персидских словах, заимствованных аккадским, h отпадает, поэтому др.-перс. Hindus передается через Indu.

Парурё (судя по именам, они были иранцами) (BE IX 76: II; ТМН 2/III 191: 16–17). В документах обычно речь идет о сдаче в аренду известному деловому дому Мурашу в Ниппуре наделов различных лиц, в том числе и военных колонистов. Для примера остановимся на одном документе. ТМХ 2/III, 190: «[Документ относительно] фиников — арендной платы за 7-й год царя Дария⁸⁴ с поля с деревьями, [расположенного] в местности Бит-ша-пан-Эллиль, которое принадлежит царевичу Арришитту⁸⁵ [и] находится в ведении Бел-иттанну, раба Арришитту, [и передано] в распоряжение⁸⁶ Римут-Нинурты, потомка Мурашу. Финики — арендную плату с этого поля за 7-й год царя Дария Бел-иддин, брат Бел-иттанну, раба Арришитту, получил из рук Белшуну, писца-секретаря Риму г-Нинурты; ему уплачено. Бел-иддин должен составить [расписку] совместно с Римут-Нинуртой и Бел-иттанну и передать [ее] Белшуну.

Свидетели: Эллиль-мукин-апли, сын Нинурта-нацира: Бел-ана-битишу, надзиратель над шушану⁸⁷ дома главного конюшего, сына Ураш-иддина; Апла, надзиратель над шушану, [занятыми на работах по] орошению, сын Бел-этира; Багазушту, начальник индийцев, [сын] Багапата; Ардия, сын Нинурта-ах-иддина; писец Нинурта-аб-ушур, сын Эллиль-шум-иддина. Ниппур, 21-й день [месяца] арахсамну 7-го года Дария, царя стран.

Печать Гундакка, раба Губарру⁸⁸; перстень железный Белиддина, брата Белиттанну, раба Арришитту; печать Бел-ана-би-тишу, надзирателя над шушану дома главного конюшего, сына Ураш-иддина; перстень Багазушту, начальника индийцев, сына Багапата; печать Аплы, надзирателя над шушану. [занятыми на работах по] орошению, сына Бел-этира; печать Эллиль-мукин-апли, сына Нинурта-нацира».

В документе ТМН 2/III, 191, составленном в том же 7-м году царствования Дария II, «начальник индийцев» Багазушту, сын Багапата, упоминается среди свидетелей, перед которыми была внесена арендная плата с наделов военных колонистов из страны Харайва. Далее это же лицо с тем же титулом «начальник индийцев» выступает в качестве свидетеля и в других документах, фиксирующих внесение арендной платы с полей, сданных дому Мурашу в 1-м и 7-м годах правления Дария II (BE X 53: 14; UM 135: 25; 137: 15). Согласно документу, составленному в 40-м году правления Артаксеркса I (425 г. до н. э.), иранец Багана, сын Зимаки, сдал свое поле близ Ниппура в аренду, и в качестве одного из свидетелей этой сделки присутствовал Багазушту, сын Паруре, «начальник над индийцами» (BE IX 76: I).

Судя по одному документу, в городе Киш в Вавилонии женщина по имени Бусаса держала постоянный двор, где жили определенные лица, находившиеся под наблюдением властей (документ не датирован, но относится к ахеменидскому времени) (TCL XIII 218: 21). Она в тексте названа LÚ.hi-in-du. А. Олмстед

⁸⁴ То есть Дария II (417 г. до н. э.).

⁸⁵ Персидский царевич.

⁸⁶ То есть в аренду.

⁸⁷ Социальный слой зависимых работников.

⁸⁸ Персидский сатрап Вавилонии.

переводит это слово «индианка» (Olmstead 1948: 145), но в чикагском словаре аккадского языка высказывается предположение, что оно обозначает какую-то профессию или социальный класс (CAD 1956: 194). Необходимо отметить, что в упомянутом документе имя отца Бусасы не приводится, и такой пропуск обычно характерен при упоминании чужеземцев с указанием их этнического происхождения. Однако имя Бусаса встречается в нескольких других вавилонских текстах, и сопровождается оно типично вавилонской патронимией (см., например: ТМН 2/III, 118: I). Но известно достаточно много случаев, когда чужеземцы, жившие в Вавилонии, принимали местные имена.

И в документе V в. до н. э. из Ниппура упоминается поселение Хинду (досл. «поселение хиндаев» — BE IX 75: 2: URU LU hi-in-da-a), где были расположены наделы пленных колонистов. Х. Хильбрехт полагал, что здесь имеется в виду поселение индийцев (BE X:VIII; ср., однако: CAD H: 194).

Во II контракте V в. до н. э. из Вавилона, фиксирующем продажу рабыни, сохранилась пометка неизвестным письмом и на неизвестном языке. Высказывалось предположение, что это — надпись на брахми (Bobrinskoj 1936: 86–88). См. также издание этого документа: Pinches 1883: 103–107). В одном документе конца VI в. до н. э. из Вавилона упоминается также рабыня из соседней с Индией страны Гандхара (Dag 379: 44: URU. ga-an-da-gu-i-tum — «гандхарка»).

По рассказу древнегреческого автора Ктесия, на рубеже V–IV вв. в Вавилоне можно было увидеть слонов и их погонщиков из Индии (Ctes. XII, 22).

Можно уверенно полагать, что в ахеменидское время торговля Индии с Ираном и Вавилонией стала более оживленной, чем в предшествующий период, так как теперь все три страны были объединены в составе Персидской державы (Kennedy 1898: 241–288). В частности, в это время из Индии в Месопотамию ввозили рис (Клима 1967: 119).

В так называемых документах крепостной стены, составленных на рубеже VI–V вв. до н. э. на эламском языке, содержатся интересные сведения о чужеземцах, которые по тем или иным причинам временно или постоянно находились в Персеполе и других городах Юго-Западного Ирана. В этих текстах сообщается также о чиновниках из разных стран, приезжавших по государственным делам в Сузы, административную столицу Ахеменидской державы, и в царскую резиденцию в Персеполе. В документах, датированных 19–24-м годами правления Дария I (508–498 гг. до н. э.), довольно часто упоминаются индийцы⁹⁰ в связи с выдачей им дорожного довольствия на различных промежуточных пунктах. Ниже дана в переводе большая часть этих текстов.

PF⁹⁰ 1317. «Ишбарамитима получил 10 (бар)⁹¹ муки и отдал [в качестве] жалованья индийцу Аббатеме. I месяц. 23-й год»⁹².

⁹⁰ Hi-in-du-pi. Hindušpe/Indušpe — «индиец», Hinduš — «Индия»; ср.: Hallock 1969: 696. Ср. собственное имя Hinduška в тех же текстах (см. ссылки: ibid.: 696) со значением «индийский» (см.: Mayrhofer 1973: 159; Hinz 1975: 120). Ср. также собственное имя в вавилонском документе V в. до н. э. UM 101: 20: (m) In-du[-...].

⁹¹ Hallock 1969. Ср.: Hallock 1959: 177–179.

⁹² Бар — мера для измерения сыпучих тел: 1 бар = 10 ка (1 ка = 0,97 л).

⁹³ То есть 23-й год царствования Дария I (499 г. до н. э.).

PF 1558. «7 марриш⁹³ вина, выданного Ушайей, получил Ишбарамштима, проводник [каравана], и отдал индийцу Аббагеме. 23-й год, II месяц».

PF 785. «3 бар муки получил Игабарамштима и отдал индийцу Аббагеме. 23-й год, I месяц».

PF 1318. «Аббагема получил [в качестве] своего дневного жалованья 11 бар муки, ежедневно он получает [по] 7 бар. [Из] 20 мужчин каждый получает по 2 ка. Он отвез документ с печатью царя. Они отправились из Индии и направились в Сузы. II месяц, 23-й год. Ишбарамштима является проводником [каравана]. Печать Ишбарамштимы приложена [к этой табличке]».

PF 1556. «3 марриш вина, выданного Парсанкой, получил Аббагема [в качестве] жалованья. Он отправился из Суз в Индию. 23-й год, III месяц».

PF 1785. «17,4 бар зерна Мирамана получил на лайки и отдал [в качестве] корма лошадей Аббагеме [за] 2 дня. Он повез документ царя. 19 лошадей, каждой — по 3 ка, 15 мулов — каждому по 2 ка. Во II месяце 23-го года»⁹⁴.

PF 1511. «2 ка муки получил индиец Шакшака. Двое мужчин получили каждый по 1 ка. Он повез документ с печатью Фарнака⁹⁵. Они отправились в Сузы. II месяц, 23-й год».

j^PF 1781. «12 [бар] зерна, выданного Мираяудой, получил Шакшака... Он повез документ с печатью Фарнака и отправился в Сузы. VIII месяц, 3-й день»⁹⁶.

PF 1397. «29⁹⁷ [бар] муки, выданный Мириззой, получил в качестве довольствия на [один] день III месяца 24-го года индиец Карабба, посланный от царя в Индию. Он сам получил 2 ка, 180 человек получили каждый по 1,5 ка, 50 отроков получили каждый по 1 ка, 3 лошадям скормлено по 3 ка каждой, 3 мулам скормлено по 2 ка каждому. Он повез документ с печатью царя».

PF 1437. «2 [бар] муки, выданной Шинтуккой, получил Марсукка и [передал] индийцу Хапизушу в качестве его довольствия. Он повез документ с печатью Каркиша. Он отправился к царю. VII месяц, 21-й год».

PF 1524. «2,25 бар муки получил [...] в качестве довольствия. Он повез документ с печатью царя. Он отправился в Индию. 55 «благородных»⁹⁸ получили каждый по 1, 5, 15 слуг⁹⁹ получили каждый по 1 ка. В III месяце 22-го года».

PF 1572. «13 овец, выданных Бакавишем, получил проводник [каравана] Маупарна. Он передал [их] индийцам. [Документ составлен] в Магеззише. Он отправился от царя в Индию. Он повез документ с печатью царя. 19-й год».

PF 2057. «2 овцы, выданные Эшшушой, получил проводник [каравана] Мака, [который] передал их 3 индийцам. Ежедневно они получают по 3 куса в каждой деревне, [начиная] с [местности] Дашер [на пути] через Хидали. Он повез документ с печатью царя. Они отправились из Суз в Индию».

⁹³ Марриш — мера для измерения жидких тел: 1 марриш = 10 ка.

⁹⁴ См. также PF 1704: 8, где фиксируется выдача зерна для лошадей Аббагема.

⁹⁵ Фарнак был управляющим царским хозяйством.

* Год не указан.

⁹⁷ Очевидно, описка писца — вместо 33,7 (см.: Hallock 1969: 394).

⁹⁸ Ša-lu-ip.

⁹⁹ Li-ba-ip.

PF 1410. «3 ка муки, выданный Паррой, получил индиец (?) Бак-дадда. Он повез запечатанный документ царя».

PF 1383. «1,25 бар муки, выданной Мираяудой, получил Аш-шара (?). Он сам получил 2 ка, 1 мужчина получил 1,5 ка и 9 отроков получили каждый по 1 ка. Он повез документ с печатью царя. Они отправились из Суз в Индию. 23-й год, XII месяц».

PF 1529. «1,6 марриш пива, выданного Караяудой, получил Мипушда. Он дал [это в качестве] довольствия индийцам. 1 мужчина получил 1 марриш, 1 мужчина получил 4 ка, двое мужчин получили каждый по 1 ка. Он повез документ с печатью Ирдабамы. Они отправились в Сузы. 23-й год».

PF 1425. «3,5 бар муки выдано Пирратамкой. Мадатика повез документ Ирдабамы. 10 “благородных” индийцев получили каждый по 1,5 ка, 20 мальчиков получили каждый по 1 ка. В 23-м (?) году, в Изикурраше¹⁰⁰».

PF 1548. «1 марриш вина, выданного Хашиной, получил Мирамана и передал индийцам. 10 мужчин получили каждый по 1 ка. В 23-м году, во II месяце. Он повез документ с печатью царя».

PF 1525. «2 марриш вина, выданного Бакабадой, получил Ишмака, [который] взял индийцев. XII месяц, 22-й год».

PF 1552. «2,9¹⁰¹ вина, выданного Маузишшой... получил Ба-катандуш для довольствия. Трое индийских мужчин получают каждый по 3 [ка]¹⁰² в день. 23 мальчика получают каждый по 1 ка в день. Они направились из Индии в Сузы. Он повез документ с печатью Фарнака. 23-й год».

PF 1601. «26,9 [бар] муки, выданной Умайсей, съели индийцы(?)».

Приведенные тексты свидетельствуют о регулярных поездках индийцев, состоявших на государственной службе, в Сузы и Персеполь к царю и его высокопоставленным чиновникам (скорее всего, в царскую канцелярию).

Согласно некоторым текстам, из Суз в индийскую область Гандхару¹⁰³ ездили государственные чиновники и другие лица. Например, некий Зушшандаш с подчиненными ему людьми был послан в Гандхару и спустя некоторое время вернулся обратно (PF 1358, 1440, 1550). По свидетельству PF 1550, одна женщина отправилась с охраной из Суз в Гандхару. Подобным же образом о поездках государственных чиновников и в другие восточные сатрапии Ахеменидской державы свидетельствуют синхронные тексты (PF 1227, 1385, 1484, 1510, 1555 etc.).

Как мы видели выше, в персепольских текстах в эламской транскрипции по именам упомянуты следующие индийцы: Ab-ba-te-ma/Ab-ba-da-a-ma, Sa-ak-sa-qa, Qa-ra-ab-ba, Pa-pi-zi-is, возможно, также Ba-ka-da-da, где этническое название частично разрушено. Для имени Napizis, насколько нам известно, до сих пор не было предложено никакой этимологии, а остальные имена считаются иранскими и объясняются из иранских языков (Mayrhofer 1973: 138, 177, 229; W. Hinz.

¹⁰⁰ Город в Юго-Западном Иране.

¹⁰¹ Так в тексте вместо «марриш».

¹⁰² Описка — вместо «2» (см.: Hallock 1969: 434).

¹⁰³ Kandarāṣ-Gandhara — о персидских вариантах ахеменидских надписей.

Altiranisches Sprachgut..., с 30, 134, 148). Но такой подход, очевидно, является неправильным, поскольку носители этих имен были индийцами. Их имена легко поддаются объяснению из иранских языков, так как древнеиндийские и древнеиранские языки были близкородственными. Например, имя Saksaka M. Майрхофер возводит к др.-перс. х̥šaça «царство», «царская власть» (Mayrhofer 1973: 229), хотя, учитывая этническое происхождение этого лица, скорее надо исходить из санскр. kṣatra- с тем же значением. И. Гершевич возводит Abbatema к др.-перс. *Ara-daiva «тот, кто отворачивается от дэвов»¹⁰⁴, т. е. враждебный злым духам (дэвам). Однако подобная этимология, вполне подходящая для членов зороастрийской общины, где культ дэвов был запрещен, представляется сомнительной, когда речь идет об именах индийцев, которые считали дэвов добрыми духами. Поэтому Abbatema, по всей вероятности, надо перевести «поклонник дэвов».

Хотя приведенные выше свидетельства об индийцах, содержащиеся в клинописных текстах, носят отрывочный характер, тем не менее они представляют значительный интерес, поскольку письменные источники по истории Индии ахеменидского времени очень скудны.

НОВОВАВИЛОНСКАЯ КОЛОНИЯ В ЗАРЕЧЬЕ (?)¹⁰⁵

В Вавилонской хронике сообщается, что в 20-й год царствования Набопаласара (606 г. до н. э.) египтяне осадили город Кимуху на западном берегу Евфрата, недалеко от Каркемиша, который принадлежал Вавилонии. Спустя четыре месяца они нанесли поражение вавилонскому гарнизону, который был размещен там. В том же году Набопаласар созвал свою армию и направился в поход по восточному берегу Евфрата. Затем он разбил лагерь в Курамату, городе на Верхнем Евфрате, и оттуда послал отряды своего войска для захвата «городов Заречья»¹⁰⁶ Шунадиру, Эламму и Дахамму, т. е. городов страны к западу от Евфрата (Сирия). Основываясь на контексте Хроники, Уайзман полагает, что указанные топонимы были расположены на западном берегу Евфрата, к югу от Каркемиша (Wiseman 1961: 84; idem 1985: 13; см. также: Grayson 1975: 254; Zadok 1983: 132). Эламму упоминается также в форме Элуму в одной новоассирийской табличке, найденной в Каркемише (см., например: Radner 1997: 172, 306: ^ulu-mu). Кроме того, по свидетельству одной надписи ассирийского царя Ашшурбанапала, последний подарил участок земли богу Сину, резиденция которого находилась в этом городе (Kataja, Whiting 1995 90: 8: ^ulu-ma).

Обычно полагают, что эти города, включая Эламму (Grayson 1975: 98: 21: ^ulu-mu), не известны из других вавилонских источников. Целью этой замет-

¹⁰⁴ Gerschevitch 1969:180. Ср.: Hinz 1975: 30. Однако И. Гершевич во время работы над указанной статьей не имел в своем распоряжении публикации документов крепостной стены и исходил из списка собственных имен, присланного ему Р. Т. Халлоком.

¹⁰⁵ Перевод статьи «A Neo-Babylonian Colony in Transpotamia (?)» (ArOr 67 (1999). P. 541–545).

¹⁰⁶ Grayson 1975 [-TCS 5]: 98: 22: URU.ME ša ^{ku}e-bir ID (т. е. Ebimāri, арамейское Abamahara, дословно «Заречье»).

ки является привлечь внимание ассириологов, по меньшей мере, к пяти¹⁰⁷ деловым документам, которые были составлены в городе Эламму. Эти тексты принадлежат к коллекции Джона Фредерика Льюиса в «Free Library of Philadelphia» (FLP) и были опубликованы Пфейффером и Диллардом (Pfeiffer 1953; Dillard 1975). В предисловии к своей работе (диссертации), где представлены 90 табличек упомянутой коллекции в автографии (часть из них также в транслитерации и переводах), Пфейффер пишет, что все они нововавилонского времени и происходят из Урука и его окрестностей, а некоторые из них составлены в Вавилоне, Борсиппе и Сиппаре (Pfeiffer 1953: 4). В диссертации Дилларда опубликовано 82 хозяйственных и юридических документа в автографии, транслитерации и переводе с комментариями. Однако в основном это те же самые тексты, которые ранее были опубликованы Пфейффером. Название места, где они составлены, всегда пишется *u^{me}-lam-mu*¹⁰⁸.

Согласно FLP 1574, некий Биббани, сын Раципа, и Мардук, сын Набу-зеркина, продали своего раба Набу-убаллиту, сыну Набу-икби из рода Аркат-или, за 42 сикля серебра. Сделка эта была совершена в 7-м году правления Набонида (549 г.) в присутствии двух свидетелей (см. Dillard 1975: 128 f.). Тот же самый Набу-убаллит с его полной филиацией появляется и в FLP 1578 (см.: там же: 133), согласно которому в 548 г. он взял ссуду в 50 сиклей серебра у некоего Ки-Сина. Одним из свидетелей этой сделки был Калбайя, сын Набу-такби-лишира из рода Зеруту, который также засвидетельствован в качестве контрагента в документе из Эламму (см. ниже).

FLP 1582 — долговая расписка за мину и 7 сиклей серебра, выданных одним жителем Эламму упомянутому выше Набу-убаллиту и одному из его партнеров. Документ был составлен в присутствии двух свидетелей в 548 г. (там же: 138 сл.).

FLP 1607 (см.: там же: 185 сл.) — уникальный контракт относительно использования дохода с ремесла ювелира для предпринимательских целей между двумя лицами, которые уже были упомянуты, а именно Набу-убаллитом и Калбайя (дана их полная патронимия). По условиям таких соглашений двое или более лиц вкладывали деньги, чтобы учредить деловое товарищество с последующим разделением доходов между собой в равных долях. Текст содержит требование, что «между ними не должно быть никаких споров». Контракт был заключен в 549 г. в присутствии трех свидетелей, двое из которых для нас представляют определенный интерес. Это Иннина-аххе-иддин, сын Набу-бун-шутура из рода Хунзу, и Ина-теши-этир, сын Надина из рода Экур-закира; они выступают в качестве свидетелей также в документе, который будет рассмотрен ниже. Насколько мне известно, тексты относительно предпринимательского капитала именно ювелиров¹⁰⁹ до сих пор не встречались.

¹⁰⁷ Тем временем после публикации английского варианта статьи стал известен еще один текст. см. ниже.

¹⁰⁸ Dillard 1975. FLP 1574: line. 19 (=Pfeiffer 1953. N 60), FLP 1578:13 (Pfeiffer 1953. N 49). FLP 1582:15 (idem. N 37). FLP 1607:17 (idem. N 73); idem. N 79: 14.

¹⁰⁹ Строка I: *harrānu šā kutimmūti*.

Еще один документ, составленный в Эламму в 548 г., дан Пфейффером в автографии (без транслитерации и перевода), а в его аннотированном каталоге он определен как «расписка» (см. с. 13 «гесеірт»). Однако в некоторых местах текст автографии не ясен. Судя по формуляру, этот текст также относится к жанру документов о торговом товариществе. Так, например, в начале первой строки, как мне представляется, невозможно никакое иное чтение, кроме KAS-KAL¹¹⁰ šā LU¹¹⁰KŪ.DIM-ú-tu (т. е. «деловое предпринимательство, связанное с ремеслом ювелира»). Далее, строку 7 надо читать: KI a-a-meš il-li-(ku)-ma¹¹⁰, т. е. «они были вместе заняты предпринимательством». Одним из вкладчиков капитала был Набу-убаллит, который упомянут с его полной патронимией и который встречается как контрагент в рассмотренном выше документе FLP 1607. Чтение имени второго инвестора остается неясным. Кроме того, вышеупомянутый Калбайя с полной филиацией также включен в число свидетелей.

Наконец, сравнительно недавно стал известен еще один документ из Эламму, который происходит из Вавилонской коллекции Йельского университета (YOS XIX 25). Это долговая расписка относительно ссуды серебром, где контрагенты и свидетели носят вавилонские имена, однако среди них не упоминаются лица, о которых речь шла выше.

Теперь возникает вопрос: где был расположен этот Эламму? Другими словами, было ли это этнической колонией вавилонян в городе Эламму, которая существовала в Сирии в VI в. до н. э., или же это было небольшое поселение близ Урука в Вавилонии, названное так по имени его двойника в Сирии? Как известно, Навуходоносор II, завоевав страны к западу от Вавилонии, депортировал оттуда много тысяч жителей и поселил их в различных частях Месопотамии. Например, из округа Ниппура в Вавилонии известны топонимы Išqallunu — «Аскалон» и Bit-urraja — «Поселение жителей из Тира» (см.: Eph' al 1978: 80–83; Zadok 1978: 60). Однако у автора этих строк нет полной уверенности в том, что интересующий нас топоним относится к какой-то деревне или городу в районе Урука. Для этого, кажется, нет прямых свидетельств, поскольку трудно установить бесспорную связь рассмотренных текстов с документами из Урука, хотя оттуда их известно более 5000. В текстах из Эламму упоминаются более 30 человек (контрагентов, свидетелей и писцов), но единственным пока известным связующим звеном между ними и людьми из Урука является упоминание двух следующих лиц. Иннина-аххе-иддин, сын Набу-бун-шутура из рода Хунзу, который появляется в качестве свидетеля в Dillard, FLP 1607 (строка 10), известен также из одного урукского документа (YOS VII 35:11 и 19). Как видно из этого текста, в 3-м году правления Кира (536 г.) один житель Урука был обвинен в суде в краже трех овец из стада храма Эанна и присужден к восстановлению ущерба этому святилищу в 30-кратном размере, и Набу-аххе-иддин (дана полная его патронимия) выступил поручителем за этого вора в том, что действительно рассчитается с собственником имущества. Относительно идентичности этого Набу-аххе-иддина с лицом с таким же именем в FLP полной уверенности нет, хотя это представляется весьма вероятным. Возможно, что имеется еще одно

¹¹⁰ См., например: Nbk 116: 4-5: it-ti a- ha-meš il-lik-ú.

связующее звено между документами из двух указанных архивов. Это человек по имени Кинайя, сын Набу-балассу-икби, который упомянут в качестве свидетеля в FLP 1582 (строка 10). Он, может быть, был тем же самым лицом с таким же именем и отчеством, но с добавлением родового прозвища Мандиду («измеритель»), который известен из нескольких текстов архива Эанны времени Набонида и Кира как поручитель за уплату долгов и свидетель (см. ссылки на тексты: Kümmel 1979: 154). В заключение можно добавить, что, хотя топография урукского региона VI в. до н. э. сравнительно хорошо изучена (см., например: Sotquerillat 1969: 15–25; ссылки на тексты: Kümmel 1979: 154), локализация там Ebimāgi остается не бесспорной, хотя и очень вероятной. Тем не менее не исключено, что здесь имеется в виду этническая колония вавилонян в Сирии.

ГОРОДА-ДВОЙНИКИ И ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА В ВАВИЛОНИИ 1-ГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.¹¹¹

В I-м тысячелетии до н. э. Вавилония в значительной степени была страной со смешанным и разноязычным населением. В начале IX в. до н. э. в Южную Месопотамию вторглись халдейские племена, которые, по-видимому, говорили на одном из арамейских диалектов (см.: Lipinski 2000: 416–422, с литературой). Продвигаясь на север страны, они постепенно заимствовали древнюю вавилонскую культуру и образ жизни местного населения и стали играть значительную роль в экономической и политической жизни страны. В течение нескольких столетий они смешались с местным населением. Кроме того, в VIII и VII вв. до н. э. арамейские племена начали оседать вдоль Нижнего Тигра и в районе города Сиппара, а также на территории Среднего Евфрата. Таким образом начался процесс арамеизации Вавилонии, хотя в древний период он так и не закончился (Lipinski 2000: 513–514), в то время как Ассирия постепенно превратилась в страну с арамейским населением. Имеются некоторые свидетельства об иммиграции части населения из Ассирии в Вавилонию после крушения Ассирийского царства в конце VI в. до н. э. Тем не менее этническое название Aššurāja засвидетельствовано лишь в немногих вавилонских хозяйственных и административных текстах времени правления Набонида. Эти ассирийцы были людьми низкого социального положения, и среди них были рабы (в том числе плотники), принадлежавшие главному храму города Сиппара (Zadok 1984a: 2).

В VIII и VII вв. до н. э. новоассирийские цари проводили политику насильственного переселения целых народов с мест их жительства в Месопотамию и другие регионы империи. В определенной мере такая же политика продолжалась и при нововавилонских правителях в конце VII и первой половине VI в. до н. э. Кроме того, некоторые люди были депортированы в Вавилонию в качестве заложников, а другие прибыли туда из соседних стран по разным, большей частью

¹¹¹ Перевод статьи «Twin Towns and Ethnic Minorities in First-Millennium Babylonia», опубликованной в сб.: Rollinger / Ulf 2004: 139–151.

неизвестным нам причинам (например, один мидиец, бежавший из своей страны, упомянут среди лиц, живших при дворе Навуходоносора II). Позднее, в VI-IV вв., персидская администрация создала в Месопотамии военные колонии, состоявшие из представителей различных народов, а также нередко назначала в административный аппарат этой страны персов, мидийцев, египтян и других чужеземцев. Наконец, поскольку Вавилония была плодородной страной, многие этнические группы из окружающих стран стремились осесть там. По подсчетам Столпера, приблизительно из 2200 собственных имен в документах архива предпринимательского дома Мурашу в Ниппуре (V в. до н. э.) около $\frac{2}{3}$ относятся к этническим вавилонянам и около $\frac{1}{4}$ — к арамеям, а имена остальных являются иранскими, еврейскими, египетскими и т. д. (Stolper 1992: 927). Наряду с автохтонным населением вавилонских городов, а также ассирийцами и арамеями, около 30 этнических групп, начиная с египтян и филадельфийцев и кончая арейями (выходцы из древней области Харайва на территории современного Афганистана) и бактрийцами, засвидетельствованы в Месопотамии рассматриваемого здесь периода. Военнопленные, включая многочисленных ремесленников, представляли значительную группу чужеземцев Месопотамии. Однако большая часть их не была обращена в рабство, а была поселена на государственной земле для ее обработки и уплаты податей. Наконец, нам не известны причины пребывания некоторой части чужеземцев в Вавилонии. Ниже будут рассмотрены документальные свидетельства об основных пришлых этнических группах Вавилонии и их контактах между собой и с местным населением.

Начиная приблизительно с 755 г. до н. э. аравитяне (или арабы: Arabi, Arbaja) стали проникать в вавилонские города и смешиваться там с местным населением. Этническое название, обозначавшее аравитян в клинописных источниках, было рассмотрено Эф'алем и Цадоком (Eph'al 1984; Zadok 1981). Как отметил первый из этих исследователей, термин «аравитянин» первоначально обозначал бедуина, т. е. жителя пустыни. По мнению Цадока, пока еще невозможно определить, на каком языке или языках говорили люди, называемые в наших источниках аравитянами, а также часто невозможно отличить их собственные имена от западносемитских (большей частью арамейских) имен. В вавилонских хозяйственных документах VI-V вв. аравитяне засвидетельствованы как жители Вавилона, Сиппара и некоторых других городов. «Город аравитян» упомянут в нескольких документах из окрестностей Ниппура, где это место было расположено. Очевидно, оно было названо так по этническому названию людей, которые жили там. По свидетельству одного текста, некий Ухабана обаялся доставить определенное количество ячменя другому лицу из упомянутого города (BE VIII 26). Как отмечает Цадок, Ухабана является «явно арабским именем» (Zadok 1981: 71). Одно поле, расположенное в том же поселении, принадлежало нескольким аравитянам, которые передали его упомянутому выше предпринимательскому дому Мурашу (TMH 2/III 147). По-видимому, это были царские воины, посаженные на государственной земле в районе Ниппура.

Несколько аравитян упомянуто среди работников храма Эбббара в Сиппаре. Например, шесть кусков льняной одежды, принадлежавшей богине «Владычице» этого города, были переданы для починки одному аравитянину (Nbn 1090).

В 530 г. другой аравитянин сдал несколько уток на склад храма Эбabbара (СТ 55 N 713). В 527 г. один человек уплатил в тот же храм 58 сиклей серебра в качестве цены 8 «взрослых» баранов, которые находились в ведении аравитянина Духхабата, сына Игбарата (Camb 211).

Аравитяне упоминаются также в нескольких текстах из архива храма Эанна в Уруке. Один из этих документов содержит предупреждение аравитянину по имени Забдия, которому под угрозой наказания было запрещено иметь интимную связь с упомянутой по имени храмовой рабыней (YOS VII 92). Известны также некоторые аравитяне, занимавшие должности мелких государственных чиновников. С течением времени потомки этих аравитян полностью интегрировались в вавилонское общество и, как правило, стали носить аккадские имена. В некоторых случаях прозвище Aḡbaja стало родовым именем людей аравийского происхождения.

Египтяне также были рассеяны по всей Месопотамии. Они обозначены по своему этническому названию Miširaja. В некоторых случаях указание на их этническое происхождение можно найти и в собственных именах с теофорными компонентами. Документы упоминают следующие группы египтян. Среди чужеземцев, которые находились при дворе Навуходоносора II, упоминаются египетские «сторожи кобыл и обезьян» (Weidner 1939: 926). Некоторые рабы египетского происхождения принадлежали храмам Эанна и Эбabbара соответственно в Уруке и Сиппаре (YOS VI 2: 148 др.). В 524 г. до н. э. один вавилонский воин продал «свою рабыню Нана-итгия и ее трехлетнюю дочь, египтянку из своей добычи лука, за две мины серебра» (Camb 334). Очевидно, они были захвачены во время похода Камбиза против Египта в 525 г. Вавилонское имя этой женщины, очевидно, было дано ей после захвата в плен. Однако, насколько известно, в большинстве случаев египтяне, упомянутые в рассматриваемых текстах, принадлежали к слою свободного населения страны, а некоторые из них были даже царскими и храмовыми чиновниками. Так, еще во времена Навуходоносора II египтянин по имени Хармацу был судьей в Вавилоне (ROMCT II 37: 26)¹¹². Другой египтянин по имени Памуну в 420 г. до н. э. был надзирателем над работниками государственной сокровищницы близ Ниппура (BE X 88). Египтяне часто выступают и в качестве контрагентов. Например, в 476 г. египтянин Писусасмакаш, сын Патнашу, ссудил финики другому лицу (СТ 4. N 34d). Один египтянин, живший в Сиппаре, продал вавилонянину кусок «египетского полотна» в обмен на муку и финики (СТ II 2). Здесь можно заметить, что важным предметом торговли Египта с соседними странами наряду с полотном были также квасцы, которые часто упоминаются в вавилонских текстах (см., например: Nbn 214; YOS VI 168 и др.). Такие топонимы, как «Поселение египтян», «Канал египтян» или «Город египтян» (см.: Zadok 1985: 229–230, 392), могут свидетельствовать о том, что в этих местах находилось значительное количество египтян.

Эламиты составляли весьма большую группу чужеземцев в Вавилонии. Еще во времена Навуходоносора II много эламитов находилось в Вавилоне. Например, документ из царского архива в этом городе упоминает группу эламитов, которым

¹¹² Miširaja dajānu («судья египтянин»).

регулярно выдавали продовольствие (Weidner 1939: 929). Некоторые эламиты появляются также среди работников и мелких чиновников храмов Эанна и Эбаббара (см., например: CT LVI 776 (строка 13: *elamû*); CT LVII 212; AUWE 5, N 159). Они обычно носят типично вавилонские имена, но иногда и эламские (например: *Ummanšibir*).

Многие документы из различных архивов упоминают Шушан, который был важным городом, расположенным недалеко от Борсиппы (Joannès 1989: 55). Очевидно, это название было дано по имени столицы Элама Суз (*Šušan*), и его жители частично или в значительной мере были эламитами. Некоторые ученые полагают, эта местность могла быть названа по имени социальной группы шушану (см., например: *ibid.*). Однако, как представляется, необходимо делать различие между «Городом шушан» и названием указанной группы зависимых людей, которые были поселены в регионе Сиппара (см., например: *Cug* 158; ср.: *Zadok* 1985: 20).

Здесь можно упомянуть также, что вавилонские купцы (например, предприниматели из семьи Эгиби) были вовлечены в торговлю с Эламом и Мидией (см., например: *Cug* 60, 277; *Dag* 575, 577).

Киликийцы, ионийцы, лидийцы и другие этнические группы из Малой Азии упоминаются среди чужеземцев, которым выдавали рационы при дворе Навуходоносора II (Weidner 1939: 923–924). Некоторые из них работали плотниками. Царь Набонид захватил в плен в войне против Киликии 2850 жителей этой страны и передал их в качестве рабов в различные вавилонские храмы (VAB IV: 284). Некоторые киликийцы (*humāja*) упоминаются также среди чужеземцев, которые были поселены в окрестностях Сиппара и платили храмовую десятину (АОАТ 254: 26). По свидетельству одного документа из архива Эанна в Уруке, 15 мин железа было доставлено туда из Киликии (АОАТ 254: 42). Другой текст из того же архива упоминает какое-то «килийское платье» (*tupennu*) (YOS XIX 273: 3–4).

Термин «ионийцы» (*Jamapu*) обозначает не только греков («ионяне»), но также вообще жителей Малой Азии (см. об этом: *Rollinger* 1997: 167–172). Например, один документ от 601 г. до н. э. упоминает 10 мин пурпурной шерсти из Ионии (YOS XVII 253: 2: *KUR ia-a-ma-nu*), выданной в распоряжение двух ткачей храма Эанна в Уруке для изготовления платья. Что касается греков с Балканского полуострова, наша информации об их пребывании в Месопотамии до эллинистического периода очень скудна. Но, в частности, известно, что некоторые греки служили в армии Навуходоносора II в качестве наемников (например, Антименид, брат эолийского поэта Алкея) (*Diehl* 1925: 412). Но влияние греков на вавилонскую культуру в рассматриваемое время было незначительным (*Röllig* 1968–1971: 644–647). В ахеменидское время карийцы, лидийцы, ликийцы, уарты, мелитяне, фригийцы и выходцы из некоторых других регионов Малой Азии были поселены во многих деревнях около Ниппура, носивших их этнические названия.

До захвата Месопотамии персами в 539 г. до н. э. лишь всего несколько иранцев (мидийцев и персов) упоминаются в вавилонских текстах. Среди них, вероятно, были заложники и политические беженцы (см., например: *Weidner* 1939: 924–926).

В ахеменидский период многие арреи, хорезмийцы, мидийцы, персы, саки и другие иранцы засвидетельствованы в Вавилонии в качестве контрагентов, свидетелей различных повседневных сделок, чиновников царской администрации, воинов, а также частных лиц. В некоторых случаях причины их пребывания в этой стране нам не известны. Представители этих групп иранцев принадлежали ко всем социальным слоям населения, начиная со знати и кончая рабами. По подсчетам Цадока, документы предпринимательского дома Мурашу, составленные в Ниппуре и его окрестностях в V в. до н. э., упоминают около 200 лиц, которые «либо носили иранские имена, либо же имели родственников с такими именами, или же относились к различным группам иранского населения» (Zadok 1977: 107). Постепенно многие персы стали крупными собственниками земли. Они обычно сами жили в больших городах. Например, перс (Parsāja) Ухейгаму, сын Фарнака, жил в Вавилоне, а имение его было расположено около Ниппура. В 423 г. дом Мурашу уплатил ему мину серебра в качестве части арендной платы (PBS 2/1 5). Другой перс, Багамири, сын Митридата, в 429 г. отдал в аренду свое поле близ Ниппура сроком на 60 лет (BE IX 48 = ТМН 2/III 144). Царевич Мануштану получил от дома Мурашу в качестве арендной платы 4000 кур (720 000 л) ячменя (PINANS 54. N 59). В районе Ниппура был расположен «Город персов», названный так по его обитателям (BE X 101). Перс Арбатама известен как собственник склада в Борсиппе (VS IV 191). Иногда персов можно было встретить и в гуще народа. Так, например, перс Ахшети, сын Камакка, появляется в качестве свидетеля одной сделки наряду с четырьмя судьями вавилонского происхождения и несколькими храмовыми чиновниками в документе времени Дария I (VS VI 171). Мидиец (Mādāja) по имени Какия владел полем около Вавилона и сдавал его в аренду известному предпринимательскому дому Эгиби. Он сам и его жена Ахийя жили в Вавилоне в арендованном доме, мебель и посуда которого были взяты напрокат у Эгиби (Dag 51, 57).

Многие воины иранского происхождения (арии, саки и т. д.) несли службу в Ниппуре, Вавилоне, Дилбате и других городах. Один сак¹¹³ появляется даже среди свидетелей долговой расписки, составленной в Сиппаре в 511 г. Как хорошо известно, саки служили в армии главным образом в качестве конных лучников. Но в одном документе из Урука упоминаются саки, которые несли службу на флоте (VS XX 49).

Иудеи (Iudaia) составляли одну из наиболее важных чужеземных этнических групп в Вавилонии. Прежде всего около 10 000 иудеев были депортированы туда Навуходоносором II. Часть из них была посажена на землю в окрестностях Ниппура. По этой причине около 8 % собственных имен из архива Мурашу являются еврейскими. Судя по этим именам, в 28 деревнях, расположенных в окрестностях Ниппура в V в., там жило около ста еврейских семей (Bickerman 1984: 346–348; там же дана и более ранняя литература). Некоторые из них были

¹¹³ CT LV 93: 9 (sak-ka-a). Обычно в вавилонских текстах саки называются киммерийцами (Gimirtaja) по названию племени, которые вторглись в Западную Азию в VII в. до н. э. Как известно, этническое название Saka древнеперсидских и эламских версий ахеменидских надписей в вавилонских вариантах передается как Gimirti.

заняты земледелием, а другие служили в качестве агентов в предпринимательских фирмах или же находились на царской службе. В вавилонских текстах встречается также топоним *ĀI-Jahûdu*, т. е. «Город Иудеи» — по названию Иерусалима. Один документ о продаже быка в этой местности содержит 12 еврейских имен. Кроме писца, который был вавилонянином, почти все упомянутые в этом тексте люди были иудеями. Таким образом, они были поселены компактно в деревне, вероятно расположенной в окрестностях Сиппара (Joannès, Lemaire 1999). Некоторые иудеи упомянуты также среди чужеземных военнопленных, которые были размещены в Вавилоне и получали там пищевые пайки (Weidner 1939: 925).

Колония гезеритов (*Gazaḡāja*, по названию города Гезер в Палестине) была расположена в окрестностях Сиппара (Heltzer 2000). Они упоминаются среди групп чужеземцев, плативших десятину храму Эбаббара, и их доля составляла 200 кур (36 000 л) ячменя (АОАТ 254. N 25–27).

При раскопках в Нейрабе, в Северной Сирии (ок. 8 км от Алеппо), был найден архив из 27 хозяйственных документов на вавилонском диалекте аккадского языка, которые принадлежали одной семье. Они были составлены в «Городе нейрабцев» и охватывают период между 560 и 521 гг. Эф'ал убедительно показал, что на самом деле эти тексты происходят не из Сирии, а из вавилонской деревни Нейраб, названной так по родному поселению выходцев из Сирии, и лишь позднее были доставлены на их прежнюю родину (Eph'al 1978: 84–87). Таким образом, сирийский Нейраб имел своего двойника в Вавилонии.

Возможно также, что Алеппо (*Hallab*) имел своего двойника в Вавилонии. Так, согласно одному документу, определенное количество досок было доставлено из «Города Халлаб» (или Халбу) и «Деревни египтян» в Сиппар для работы на дренажной системе (CT LV 427). Ссылаясь на мнение Юрси и Цадока, Бонгенаар полагает, что это место было расположено близ Сиппара (Bongenaar 1997: 395, п. 335). Однако, со ссылкой на мнение М. Стола, тот же автор считает, что это могло быть также Алеппо в Сирии. Как видно из ряда текстов, земледельцы храма Эбаббара жили в Халлабе и доставляли этому святилищу арендную плату ячменем (см. ссылки на тексты: Jursa 1995: 224). Другие тексты фиксируют доставку битума из Халлаба (Nbn 1004) и уплату денежных сумм для строительных работ на дамбе, расположенной там (Nbn 1004). По свидетельству Camb 48, некоторые фруктовые деревья, росшие там, принадлежали указанному храму. Поэтому представляется несомненным, что Халлаб был расположен недалеко от Сиппара. Очевидно, это был двойник сирийского тезки.

Семь клинописных документов времени правления Набонида были составлены в городе Эламму. Четыре из них долговые расписки, два — тексты о продаже товаров за пределами города и 1 — контракт о продаже раба (см.: Dandamayev 1999 и YOS XIX 25). Все контрагенты и свидетели в них имеют вавилонские имена. Трудно уверенно сказать, является ли этот топоним обозначением колонии этнических вавилонян, живших в Эламму, который был расположен к западу от Евфрата, или же это было поселение в Вавилонии, названное так по его сирийскому двойнику. В любом случае, имеется несколько связующих звеньев в документах из Эламму и в текстах из архивов храма Эанна в Уруке (Dandamayev

1999: 544). Поэтому, возможно, здесь имеется в виду поселение близ упомянутого города.

Множественно выступают в вавилонских документах финикийцы. Еще при Навуходоносоре II финикиец по имени Хануну назван «главным купцом царя» при его упоминании среди высокопоставленных государственных чиновников (Unger 1970: 285, 19). Как известно, когда этот царь захватил страны к западу от Вавилонии, он депортировал оттуда много тысяч жителей и расселил их в различных концах Месопотамии. Среди них в текстах упомянуты «126 поселенцев из Тира», «30 моряков из Тира», «8 плотников из Библа» и т. д. (Weidner 1939: 930–932). Все эти люди были размещены в самом Вавилоне.

Некоторые топонимы, восходящие к финикийским географическим названиям, засвидетельствованы в документах Мурашу из окрестностей Ниппура. Это Ишкалуну (Аскалон), «Поселение выходцев из Тира» и т. д., которые были заселены финикийцами, филисгимлянами и другими западными семитами (Eph' al 1978: 80–83; Zadok 1978). Большею частью это были царские воины. Такие города-двойники были известны в науке еще сто лет тому назад. Недавно стали известны еще два таких города. Один из них — Кадеш, названный по имени финикийского города того же названия. Он, по-видимому, был расположен в регионе Ниппура (см. ниже). Документ о продаже рабыни, составленный в Кадеше, содержит оговорку о том, что продавец должен передать эту рабыню отцу покупателя, который жил в Ниппуре (ROMST II 2). Контрагенты и свидетели этой сделки, а также писец были жителями Вавилона. Двойник другого финикийского города, а именно Сидона, также известен из текста времени правления Набонида, и, судя по просопографическим данным, он был расположен в районе Ниппура¹¹⁴.

Однако иногда трудно установить, были ли расположены некоторые топонимы в самой Финикии или же в Вавилонии. Как выше было сказано, несколько документов Мурашу упоминают «Поселение (жителей) Тира»¹¹⁵, которое находилось близ Ниппура. Однако трудно установить расположение Sūgu, где между 574–564 гг. были составлены 12 документов. Они происходят из храмовых архивов Урука, Ниппура и Сиппара. Эти тексты исследованы Жоаннесом и Чехович (Joannès 1982; Joannès 1987; Чехович 2002). Исследователи единодушно считали, что они были составлены в финикийском Тире. Однако Жоаннес полагает, что это было поселение, расположенное между Ниппуром и Уруком. Поскольку датой осады Тира вавилонянами считаются 587–572 гг., а самый ранний из рассматриваемых документов был составлен в 574 г., он делает вывод, что здесь имеется в виду деревня, которая существовала еще до осады Тира и, следовательно, она вовсе не состояла из депортированных людей. Однако, возможно, права Чехович, которая полагает, что указанный документ позволяет нам более точно установить дату падения финикийского города. В тексте в качестве свидетелей упомянуты пять чиновников храма Энлиля в Ниппуре, и это,

¹¹⁴ YOS 19. N 32: 8, 14 (ši-da-nu). Относительно просопографических критериев см.: Dandamayev 2001: 700.

¹¹⁵ Вит-Šurāja, ссылки см.: Zadok 1985: 104.

по Жоаннесу, показывает, что он был написан в Вавилонии, ибо было бы невозможно объяснить их присутствие в Финикии. Но локализация *Ṣūgu* в Вавилонии была подвергнута сомнению Далли и отвергнута Чехович (Dalley 1984: 20; Чехович 2002: 339–341), которые помещают ее в Финикии. Рассмотрим содержание некоторых из этих текстов. Два из них перед указанным топонимом имеют детерминатив страны. Согласно одному тексту, в 563 г. четыре кожаные куртки и другая одежда были отданы в распоряжение двух лиц, которые были направлены в «страну» Тир (GCC I 135). В другом тексте отмечены рационы в финиках, которые полагались двум направленным в Тир мужчинам (GCC I 169). Здесь детерминатив для места не сохранился. Во всех остальных документах перед Тиром стоит детерминатив для обозначения города. Некоторые из них фиксируют выдачу пищевых пайков пастухам и другим работникам (*ibid.*: 94 и др.), а остальные являются долговыми расписками. Особый интерес представляет документ относительно обязательства Милкитри, «наместника (*pīhātu*) города Кадеша», доставить к определенному времени грех коров с телятами одному лицу в Тире (JTV I 49: 129–130). Жоаннес локализует оба эти города (Тир и Кадеш) в Вавилонии (Joannès 1987: 148, п. 11). Однако указанный титул обычно относится к градоначальникам крупных городов, а не мелких поселений, что не свидетельствует в пользу мнения Жоаннеса.

В одном документе упоминается «голубая пурпурная шерсть из города Тира», которая принадлежала храму Эанна. Мнение Жоаннеса и Цадока, что здесь имеется в виду какая-то деревня в Вавилонии (Joannès 1987: 147; Zadok 1985: 280), было уже отвергнуто Чехович, поскольку пурпур был импортным товаром в Месопотамии (Чехович 2002: 329). Можно упомянуть также СТ 55. N 228, где говорится о «железе, муке и сладостях из города Цура». Из всего сказанного выше можно сделать вывод, что, когда при Цура имеется детерминатив для обозначения страны, здесь обычно имеется в виду финикийский Тир, но в некоторых других случаях это могла быть и какая-то деревня в Месопотамии. В любом случае ряд документов, составленных в указанном пункте, упоминает воинов, которые были вовлечены в какие-то военные действия в Финикии.

В одном тексте времени Набонида среди рабов храма Эаббары в Сиппаре, получавших продовольственные пайки, упоминается какой-то человек из финикийского города Библа (*gubulāja*) (СТ LVI 638: 8). Другой документ времени Дария I свидетельствует о том, что наместник Библа подарил в качестве храмовой десятины Эаббары 12 сиклей серебра, 1 мину 50 сиклей пурпурной краски, 1 мину 24 сикля пурпурной шерсти, 2 кувшина вина и ствол кедрового дерева (СТ LV 435). Все эти предметы были типичны для Финикии, но сам документ был составлен в регионе Сиппара.

Известно также, что «плотники из Ливана» (*Labnānu*) работали в храме Сиппара при Набониде и Камбизе (Camb 359; СТ LVI 235 и др. См.: Bongenaar 1997: 392). Им выдавали деньги, соль, ячмень и финики для расходов во время поездок, а также кожаную обувь. Обычно в тех же самых текстах в качестве получателей пайков упоминаются и лучники. Бонгенаар полагает, что они охраняли плотников во время их поездок для рубки и обтесывания кедровых деревьев в горах Ливана и доставки их в Сиппар (Bongenaar 1997: 395). Приводятся три имени «ливанских

плотников», но имена их вавилонские, и они сами, вероятно, были вавилонянами. Ливанские кедровые стволы часто использовались в Месопотамии при сооружении царских дворцов и храмовых зданий (см. ссылки: VAB 4: 304). Отметим попутно, что иногда из Ливана в Месопотамию импортировали также железо (TCL XII 84; YOS VI 168. См.: Oppenheim 1967: 236–238). Технику приобретения различных импортных товаров из стран к западу от Евфрата (Заречье, т. е. Сирия в широком смысле слова) можно установить исходя из текстов храма Эанна. Например, в 542 г. до н. э. 30 сиклей серебра и 8 кур (1440 л) ячменя были выданы со складов этого святилища в распоряжение одного лица для доставки партии грузов из Заречья (YOS XIX 52). Из того же документа видно, что деньги и зерно составляли лишь часть храмовых расходов для торговли с Западом.

В нововавилонские и ахеменидские времена экономические и культурные связи, а также торговля между Месопотамией и другими странами достигли невиданных прежде объемов. Как мы видели выше, вавилонские документы содержат богатую информацию о чужеземцах, живших в Месопотамии. Они заключали различные сделки между собой, а также с местным населением и выступали свидетелями при составлении документов. Возникает вопрос: как местное население относилось к чужеземцам, находившимся в их стране? Как известно, Ветхий Завет требовал справедливого отношения, гостеприимства и милосердия по отношению к чужеземцам, жившим в среде израильтян, и даже дарования им прав и привилегий местного населения и, если они были обрезаны, разрешения принимать участие в пасхе¹¹⁶. В Месопотамии, возможно, не было даже нужды призывать к справедливости и гостеприимству по отношению к иностранцам, поскольку еще с ранних периодов истории многочисленные группы населения из соседних стран начали проникать в Вавилонию, которая в их глазах была богатой и высокоразвитой страной. Они постепенно принимали местные культурные стандарты и в конечном итоге смешивались с местным населением. Суммируя мнение Боттеро об отношении месопотамского населения к чужеземцам, Сингер пишет, что «даже при самых уничижительных описаниях чужеземцев, рисующих их враждебные дела по отношению к месопотамским центрам, эта критика направлена на их нецивилизованные действия, а не на природные качества или расу» (Singer 1994: 19; Bottero 1994). Это объясняется тем фактом, что на Древнем Востоке не знали национальной вражды, нетерпимости, чувства расового превосходства или расовой ненависти. Кроме того, в отличие от монотеистических религий при многобожии не существовало понятия о ложной вере или ереси. Поэтому никто не был заинтересован в навязывании своей веры другим. Лица, пребывая в чужой стране, сохраняя свою традиционную религию, в то же время относились с почтением к местным богам, считавшимся хозяевами этой страны, они старались приобрести их благожелательное отношение к себе.

Как отметил Эф'ал, не имеется никаких прямых свидетельств о существовании религиозных культов этнических меньшинств в Месопотамии нововавилонского и ахеменидского времени (Eph'al 1978: 88). Но из косвенных свидетельств

¹¹⁶ См., например: Exod. 12: 48–49. О правовом положении иноземцев в библейском Израиле см.: Houten 1991; Matthews 1955.

можно сделать некоторые выводы. Например, один документ о долге ячменем был составлен близ Ниппура в «храме бога Сина в городе аравитян»¹¹⁷. Как хорошо известно, культ бога Луны Сина был распространен среди аравитян. Иногда чужеземцы, как и местное население страны, давали своим детям имена без всякой связи с их этническим происхождением. Например, некоторые иудеи, египтяне, иранцы и представители различных других народностей носили теофорные имена, компоненты которых были чужды их традиционным религиям. Так, например, некий Пади-Эси, чье имя содержит теофорный компонент с именем египетского бога Эси, носил также еще одно имя, а именно Багадата, которое является иранским теофорным именем¹¹⁸. Другой египтянин (*miširaja*), сын Мархарпу, который служил царским чиновником в Вавилоне и в 496 г. сдал в аренду поле близ деревни аравитян (*Arbaja*), носил древнеперсидское теофорное имя Багазушту (*Joannès, Lemaire 1996: 48–49*). Вавилонянин Бел-ибни дал своему сыну иранское теофорное имя Артамбара (*PIHANS 79. N 54*). Иддиш-Набу, другой вавилонянин, назвал своего сына иранским теофорным именем Хадабага (там же. N 38). В ряде случаев иранцы давали своим сыновьям теофорные вавилонские имена, например: Бел-ипуш, сын Шатабарзана (там же. N 18). Некоторые иудеи, жившие в районе Ниппура в V в., также называли своих детей вавилонскими теофорными именами (*Bickerman 1978: 8–10*). Такие люди, очевидно, поклонялись вавилонским, иранским и другим богам, сохраняя при этом веру в свои традиционные божества.

Причиной возникновения таких имен отчасти являлись смешанные браки. Например, в Вавилоне некая Гамбия, дочь Фарнака, который, очевидно, был иранцем, вышла замуж за мужчину с типично вавилонским именем Зеругу (*VAS 5. N 101*). В другом случае перс Митридат женился в Ниппуре на вавилонянке Эсагил-белет, дочери Бел-иттанну, и их сын получил иранское имя Багамири. Имя его дяди по отцовской линии было Рушундати (иранское имя) (*BE XI 48 = TMN 2/III 144*).

Во многих случаях такие смешанные браки были неизбежны по следующей причине. Царские воины из Харайва в Афганистане, саки из Средней Азии или воины из Западной Индии, Малой Азии и других стран, которые прибыли в Месопотамию, были поселены там на государственной земле на постоянное жительство, и мы можем проследить их службу в течение двух или трех поколений. Однако они прибыли в Месопотамию без жен, и поэтому им приходилось жениться на местных женщинах. То же самое в ряде случаев можно сказать и о царских чиновниках, направленных туда для службы в государственной администрации.

Таким образом, не было дискриминации чужеземцев в их экономической и религиозной жизни. Но возникает вопрос: каков был их социальный статус? Как видно из источников, обращение с рабами не зависело от их этнического происхождения, от того, работали ли они в частных, царских или храмовых хозяйствах. При этом можно отметить, что в некоторых случаях хозяева меняли непривычные

¹¹⁷ BE VIII 50:15: É DINGIR XXX URU šá l Ú ár-ba-a-a; cp.: Fph'al 1984, 189–190.

¹¹⁸ PIHANS 79. N 43. Документ был составлен в 425 г. в Ниппуре.

иностранные имена своих рабов на вавилонские (например, как было сказано выше, вавилонянин, который захватил в плен египтянку, дал ей аккадское имя и затем продал ее с дочерью в Вавилоне).

Свободные чужеземцы, которые были царскими подданными, состояли из различных слоев: чиновники на государственной службе, воины, иранские землевладельцы, купцы и т. д. В некоторых случаях причины нахождения таких людей в Месопотамии нам не известны. Все они в сделках между собой и с местным населением следовали вавилонским законам и практике. Тем не менее существовало значительное различие в социальном статусе местного свободного населения и лиц чужеземного происхождения, включая и его верхние слои (и даже персидскую знать). Начиная с ранних периодов истории Месопотамии вавилонским городам была присуща структура самоуправления. Функции такого органа самоуправления выполняли народные собрания храмовых общин, юрисдикция которых распространялась не только на их внутренние дела, но в ряде случаев на имущественное и семейное положение прихожан. Члены таких собраний были постоянными жителями соответствующих городов и владели собственностью в пределах своих округов. Их статус был наследственным, и они имели целый ряд социальных и экономических преимуществ. В частности, они могли стать пребендариями и соответственно получать постоянный доход от храмового имущества. Что же касается жителей чужеземного происхождения, они не владели собственностью внутри общинного земельного фонда, и поэтому им был закрыт доступ в вавилонскую храмовую организацию. Соответственно они не могли принимать участия в городском (или храмовом) самоуправлении и поэтому не могли стать членами народных собраний (по крайней мере, в своем первом поколении).

Однако иногда чужеземцы были размещены в значительном количестве в отдельных округах в особых местах. Как мы видели выше, известны некоторые случаи, когда эламиты, египтяне, иудеи, арабы, финикийцы и др. жили в Месопотамии компактными группами. Кроме того, в округе Ниппура каждая этническая группа царских воинов получала особую территорию и находилась под юрисдикцией своих начальников. Такие чужеземцы могли установить собственное самоуправление, т. е. народное собрание. Например, по свидетельству документа из Вавилона, составленного в 529 г. до н. э. (т. е. еще до завоевания Египта персами в 525 г.), там существовало «собрание египетских старейшин». Оно вынесло решение относительно земельных владений, которые принадлежали воинам египетского происхождения, находившимся на царской службе. Некоторые из них носили типичные египетские имена и отчества (см.: Camb 85; ср.: Eph'al 1978: 79). Таким образом, эти египтяне имели собственное собрание, которое могло улаживать вопросы гражданского права в пределах своей общины.

В начале VI в. до н. э. Иезекииль (8/1 и др.) упоминает «иудейских старейшин», т. е. старейшин еврейских поселений в Вавилонии. Они обычно решали проблемы, находившиеся в ведении внутреннего самоуправления этих поселений и выносили приговоры по тяжбам, возникавшим в еврейских колониях (см.: Bickerman 1984: 349).

Таким образом, хотя чужеземцы, жившие в Месопотамии, не могли принимать участие в органах самоуправления вавилонских городов, в ряде случаев они были

посажены в значительном количестве в отдельных местах и могли установить там собственное самоуправление. Как отметил Эф'ал, «самоорганизация и национальная идентичность были чертами, присущими различным этническим меньшинствам в Вавилонии в течение VI–V вв.» (Eph'al 1978: 87).

Наша информация о культурных контактах между различными этническими группами в Месопотамии весьма ограничена. Лишь только немногие аккадские заимствованные слова засвидетельствованы в древнеперсидских вариантах ахеменидских надписей (например, *agugu* — «обожженный кирпич»). В одном вавилонском документе в списке инвентаря мебели встречается древнеиранское слово *dargiš* («кушетка») (BE VIII 43; ср.: Zadok 1984b: 33–34). Как видно из нескольких вавилонских документов, храмы Эбаббара в Сиппаре и Эанна в Уруке по распоряжению администрации Кира должны были посылать своих работников для разбивки царских «парадисов» (*pardēsu*) около этих городов. Это древнеиранское слово **paridaida-* (т. е. «парадис», см. подробно: Dandamayev 1984). Многие древнеиранские административные и юридические термины засвидетельствованы в вавилонских документах, поскольку в ахеменидское время государственные институты постепенно стали подвергаться иранскому влиянию. Это же влияние можно проследить в производстве металлических ваз и в иконографии вавилонских печатей, особенно их сюжетов и стиля (Haerinck 1997: 28–31).

Тем не менее местная вавилонская культура и религия не были затронуты в значительной степени персидским правлением. Некоторые ученые рассматривали вопрос о влиянии зороастрийской философской системы на иудаизм ахеменидского времени. Вполне возможно, что взаимовлияния между зороастризмом и иудаизмом могли иметь место именно в Вавилонии посредством связей между иранскими магами и еврейскими жрецами, которые были потомками депортированных туда из Иудейского царства переселенцев (Boyce 1982: 188–195). Эти маги прибыли в Вавилонию для выполнения религиозных ритуалов при персах и мидийцах, которые находились в этой стране в качестве государственных чиновников, командиров военных отрядов, воинов и т. д. Например, маг по имени Заттумешу упоминается во времена Дария I как собственник поля, которое было расположено близ города Киш (ОЕСТ X 163). В нескольких документах из архива Мурашу говорится о «Городе/поселке магов» в районе Ниппура (BE IX 88 и др.).

Еще до завоевания Месопотамии персами вавилоняне в определенной мере заимствовали конную стрелковую тактику киммерийцев и скифов (Dandamayev 1979: 106–108). Скифские луки были более мощными, чем ассирийские и вавилонские и поэтому использовались вавилонскими лучниками. Известно также, что скифские лучники служили еще в ассирийской армии. Хозяйственные документы из различных городов Вавилонии упоминают «киммерийские» (т. е. скифские) кожаные ремни, луки, бронзовые стрелы и железные наконечники. Например, один текст от 541 г. до н. э. говорит о «200 киммерийских тростниковых стрелах, из которых 180 имеют бронзовые наконечники, и одном киммерийском луке» (YOS VI 237). Кроме того, по-видимому, вавилоняне заимствовали у скифов особый головной убор с высоким остроконечным концом, который в аккадских текстах называется *karballatu*.

В начале своего пребывания в Месопотамии различные группы этнических меньшинств иностранного происхождения были поселены в особых анклавах, полностью сохраняли чувство своей этнической принадлежности и сохраняли свои традиционные языки и верования. В общении с другими группами чужеземцев и с местным населением они пользовались услугами толмачей, которые, например в документах из архива Мурашу, обозначаются словом *serītu*. В ряде случаев представители таких этнических групп смогли вернуться обратно в свои родные края, как это было, например, с выходцами из города Нейраба в Сирии или с евреями вавилонского плена. Однако чужеземным этническим группам приходилось адаптироваться к местным традициям и культуре. В свою очередь, чужеземцы оказывали определенное культурное влияние на вавилонян. Но, к сожалению, нам мало что известно об этих процессах. Определенный интерес представляет следующий факт: писцы правовых, хозяйственных и административных документов знали, что иранские египетские и еврейские собственные имена и отчества, в состав которых входили имена божеств Бага, Митра, Амон, Исида, Яхве и т. д., были теофорными, и поэтому они перед ними ставили детерминатив для обозначения богов. Естественно, эти писцы почти поголовно были вавилоняне, и лишь в очень редких случаях мы можем проследить их египетское или эламское происхождение (см., например: Nbn 65, 67 и др.). Кроме того, очевидно, многие писцы ассирийского происхождения писали вавилонские клинописные тексты, но пока что только два таких человека известны нам из текстов (см. ссылки: Zadok 1984a: 11). В течение нескольких столетий благодаря процессам этнических смешений и синкретизма культур и религий почти все группы этнических меньшинств (за исключением евреев или скорее лишь части их) были ассимилированы местным населением (Eph'al 1978: 88–89).

В заключение возникают следующие вопросы: на каком языке (или языках) чужеземцы общались с местным населением Вавилонии? На каких языках говорили между собой мужья и жены смешанных браков (например, иранские мужчины и вавилонские женщины)? На каком языке говорили их дети? Выше упоминались случаи, когда египтянин, живший в Сиппаре, продал кусок египетского полотна местному жителю, который работал в храме Эбаббара, или иранский маг сдал в аренду поле, расположенное близ города Киша. Снова возникает вопрос: на каких языках эти и подобные им люди говорили со своими контрагентами? Выше упоминался документ, согласно которому египтянин Хармацу служил судьей в Вавилоне во времена Навуходоносора. Из документов архива Мурашу известны несколько судей иранского происхождения, которые работали в Ниппуре. Снова возникает вопрос: пользовались ли они услугами толмачей, когда обсуждали свои юридические вердикты с местными судьями, которые были вавилонянами? Трудно уверенно ответить на эти вопросы, поскольку не имеется прямых документальных свидетельств об этом. Но мы можем предполагать, что в случаях со смешанными браками супруги и их дети, возможно, говорили на двух языках смешанного характера. Однако общим языком (*lingua franca*) страны становился уже арамейский, который постепенно вытеснял аккадский, занимая место повседневного разговорного языка населения Месопотамии.

VI

РЕЛИГИЯ И ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДРЕВНЕЙ ИДЕОЛОГИИ

ГОСУДАРСТВО, РЕЛИГИЯ И ЭКОНОМИКА В ДРЕВНЕЙ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ¹

Для стран Древнего Востока было характерно исключительное многообразие социально-экономических структур. Но среди этого разнообразия, по крайней мере для Ближнего Востока, можно наметить определенные закономерности. В 3-м и начале 2-го тысячелетия до н. э. на Ближнем Востоке царское, или государственное, хозяйство занимало ведущее место в общей структуре экономики. Государство в лице царя было собственником огромных земельных владений и ремесленных мастерских, разбросанных по всей территории той или иной страны. Основными работниками в этих хозяйствах были зависимые от государства люди. Некоторые группы таких слоев населения по своему социальному положению, а иногда и по формам эксплуатации были близки к рабам. При этом в царском хозяйстве труд рабов почти не применялся в отличие от частновладельческих хозяйств.

---

¹ Впервые опубликована: Государство и социальные структуры на Древнем Востоке. М., 1989. С. 4–16.

Во 2–1-м тысячелетиях до н. э. ведущая роль в экономике принадлежала уже частновладельческим и храмовым хозяйствам, в которых в довольно широких масштабах использовался рабский труд. Однако на Востоке на всем протяжении древности труд свободных общинников, арендаторов и ремесленников играл очень важную роль, несомненно более значительную, чем рабский труд.

Естественно, в те периоды, когда царское хозяйство занимало значительное положение в общей хозяйственной структуре того или иного общества, государство оказывало большое влияние на экономику. Так, Законы Хаммурапи, действовавшие в Вавилонии с XVIII в. до н. э., устанавливали даже тарифы на определенные услуги. Эти же законы предусматривали ограничение долгового рабства трехлетним сроком. Шумерские и вавилонские цари издавали законы, периодически отменявшие долги (см., например: Якобсон 1983: 102 сл.), Аналогичная практика существовала и в Иудейском царстве. Позднее, когда в VI–V вв. до н. э. в Юго-Западном Иране возникло большое царское хозяйство, государственная администрация диктовала работникам этого хозяйства установленные ею цены (см.: Дандамаев, Луконин 1980: 226 сл.). И наоборот, когда царское хозяйство играло лишь незначительную роль, вмешательство государства в хозяйственную жизнь страны было минимальным (например, в Вавилонии VII–IV вв. до н. э.).

Вавилонское общество состояло из полноправных граждан, свободных людей, лишенных гражданских прав (например, военных колонистов, служивших в царском войске, купцов и чиновников чужеземного происхождения), и различных групп зависимого населения, отдельную прослойку которого составляли рабы. Граждане в отличие от остальных слоев населения были членами народного собрания. Существование народного собрания как органа местного самоуправления характерно по крайней мере для большинства стран Древнего Ближнего Востока.

Таким образом, для месопотамских городов со времени их возникновения на рубеже 4–3-го тысячелетий до конца древности было характерно самоуправление свободных и формально равноправных членов общества, которые имели право принимать участие в народном собрании. В течение многих столетий происходила непрерывная борьба между царской властью и народным собранием.

Ассирийские цари в VIII–VII вв. до н. э. создали огромную державу, и их власть простиралась от Египта до глубинных районов Мидии. В завоеванных странах эта власть была безгранична, и при малейшем сопротивлении непокорных связывали в живые пирамиды и сжигали. Но даже в этот период своего наивысшего могущества ассирийским правителям было неуютно в своей древней столице Ашшуре, где им приходилось бороться с теми, кто отстаивал свои традиционные гражданские права. Поэтому столица была перенесена из Ашшура в Кальху, а позднее в Ниневию.

Еще больше забот причиняли ассирийским царям вавилонские города с их неискоренимым стремлением сохранить свое древнее самоуправление и свободу от царской юрисдикции. Об этой борьбе между народным собранием и центральной властью, в частности, ярко свидетельствует официальный протокол

переговоров ассирийского царя Ашшурбанапала с гражданами города Вавилон в конце первой половины VII в. до н. э. В этом документе говорится: «Вавилон — средоточие вселенной. Привилегии того, кто входит в него, незыблемы... Даже собака, вошедшая в него, не может быть убита» (Waterman 1930 878). До нашего времени сохранились памфлеты политической литературы, целью которых было обосновать вечность привилегий граждан и внушить последним гордость за свои свободы (ср.: Diakonoff 1965; Marcus 1978). Народное собрание в Месопотамии оказалось жизнеспособным органом, пережившим империи ассирийских, вавилонских, персидских царей и Александра Македонского. Исчезновение народного собрания в первых веках нашей эры ознаменовало переход от древности к Средневековью в Передней Азии и утрату гражданских прав и свободомыслия у городского населения этого региона. Таким образом, линия водораздела между древностью и Средними веками падает на то время, когда исчезновение народного собрания привело к превращению сильного, сплоченного сословия свободных общинников в эксплуатируемый класс (ср.: Diakonoff 1975: 128 сл.).

Наиболее концентрированно классовый характер древних обществ выражен в законодательных памятниках. В них контрастно противопоставлены друг другу различные социальные сословия, привилегии и обязанности которых четко оговорены. В текстах этого жанра особенно характерно противопоставление свободных и рабов, являвшихся полной собственностью своих хозяев. Религия была наиболее существенной частью древней идеологии. При этом по письменным источникам невозможно определить возникновение религии нигде в мире, поскольку она зародилась на очень ранних этапах развития человеческого общества, еще задолго до изобретения письма. Однако клинописные и иероглифические тексты позволяют проследить ее эволюцию в Месопотамии и Египте в течение трех тысячелетий. Еще по крайней мере к началу 3-го тысячелетия до н. э. египтяне и шумеры создали сложные религиозные системы. В каждом городе почитался местный бог-покровитель, а после создания централизованных царств там возникли также культы верховных государственных богов.

Возникновению религии предшествовал длительный период обобщения зачастую совершенно фантастических представлений человека о явлениях природы и общественных процессах. Но со сложением государства религия стала наиболее важной частью официальной идеологии. Религия освящала существующие общественные порядки. С этой целью в некоторых странах происходило даже обожествление царей. Например, египетские фараоны считались богами начиная уже по крайней мере с 3-го тысячелетия до н. э. и до конца древности. Выступая в качестве земного воплощения бога Хора, они добавляли к своему имени его имя. Нарам-Суэн (2236–2200 гг. до н. э.), создатель государства Аккад в Месопотамии, стал называть себя «могущественным богом» и велел изображать себя на рельефах в головном уборе, украшенном рогами, которые были символом богов. Население должно было поклоняться Нарам-Суэну как богу, хотя до него никто из месопотамских царей не претендовал на такую честь, да и позднее у него в этом отношении были лишь единичные подражатели. Так, Шульги, который правил в Месопотамии через сто с небольшим лет после Нарам-Суэна,

также добился своего обожествления, и в храмах ставились его статуи, которым надо было приносить жертвы.

Однако, за исключением Египта, обожествление царей не было характерно для других стран Ближнего Востока. Даже персидские цари из династии Ахеменидов, которые между 550 и 510 гг. до н. э. создали огромную мировую державу, простиравшуюся от Нубии (к югу от Египта) до Средней Азии и Северо-Западной Индии, считались лишь представителями богов на земле и не обожествлялись. Некоторые исследователи высказывали мнение, что ахеменидские цари обожествлялись (см.: Дандамаев 1963: 243, примеч. 32). В действительности же персам было чуждо обожествление людей в какой бы то ни было форме. В своих надписях Ахемениды называют себя только ставленниками бога Ахурамазды. Правда, у Эсхила (*Persae* 156–157) Дарий I и Ксеркс названы «богами персов», и Плутарх (*Them* 27) говорит об обожествлении персами своих царей. Однако в обоих случаях такое утверждение является явным преувеличением и не находит подтверждения в древнеиранских и других источниках.

На всем протяжении древности почти во всех странах Ближнего Востока (кроме Иудеи и некоторых периферийных регионов) храмы были крупными землевладельцами и рабовладельцами, занимались ростовщическими операциями, торговлей и т. д. Естественно, царская власть, за исключением отдельных кратковременных периодов, неизменно опиралась на поддержку храмов. Например, в Египте до ахеменидского времени храмы получали от государства все необходимое для отправления культа и существования жрецов. В конце 3-го тысячелетия до н. э. в Южной Месопотамии храмовое хозяйство было поглощено царским, но впоследствии опять стало самостоятельным.

Цари постоянно дарили наиболее крупным храмам земли и военнопленных, которые обращались в рабов. Кроме того, вавилонские цари платили храмам десятину. Но после завоевания Месопотамии персами в 539 г. до н. э. царская десятинная система была отменена. Теперь храмы сами обязаны были платить государству значительные денежные и натуральные налоги овцами, крупным рогатым скотом, ячменем, финиками и т. д., а также в ряде случаев снабжать продовольствием царских чиновников. В период ахеменидского господства (VI–V вв. до н. э.) храмы должны были также выполнять государственные повинности, посылая своих рабов на работы в дворцовое хозяйство. Для обеспечения выполнения обязательств храмов перед государством в храмовое правление были введены царские уполномоченные и фискальные агенты, которые следили за своевременной и точной уплатой государственных податей и выполнением повинностей. Царские чиновники должны были осуществлять также надзор над храмовым имуществом, и они регулярно устраивали ревизию этого имущества (подробно см.: Дандамаев, Луконин 1980: 344 сл.).

В центральной царской канцелярии Ахеменидской державы в Сузах существовало специальное учреждение для надзора над храмами. Например, предоставив Иерусалимскому храму ряд привилегий и финансовую поддержку, персидские цари одновременно приняли все необходимые меры, чтобы этот храм находился под эффективным контролем государственной администрации. В частности, жрецы обязаны были молиться за жизнь персидского царя и его

сыновей. Даже меры веса Иерусалимского храма утверждались персидскими царями. Последние установили также дневные выдачи для персонала этого храма. В Египте персидская администрация в лице сатрапа контролировала назначения на жреческие должности.

Хотя одной из основных функций любой религии является держать в покорности эксплуатируемых, было бы большим упрощением сводить задачи религии только к обоснованию правомерности господства одних над другими. Во всяком случае, известные нам основатели крупных религий (например, Зороастр, Будда, Христос, Мухаммед), претендовавшие на получение божественного откровения, вовсе не были озабочены тем, чтобы предоставить богатым возможность угнетать бедных. Более того, нередко эти религиозные деятели сами выступали против отдельных форм социального гнета, запрещая отдавать деньги в ссуду под ростовщические проценты и призывая отменить долги.

Возникает вопрос: как идеологически обосновывалась необходимость держать в повиновении рабов и других представителей социальных низов? Как можно было заставить работать одних на других? Эксплуатация рабов была основана на прямом физическом принуждении: раб был собственностью своего господина. Если раб не слушался хозяина, законы предусматривали суровые наказания. Эксплуатации подвергались также различные группы населения, зависимость которых не носила рабского характера. Однако вопрос о характере эксплуатации социальных групп нерабской зависимости исследован еще недосконально. По-видимому, эти люди, лишившись своей земли и связей с общиной, вынуждены были перейти в царское или храмовое хозяйство, а иногда и в хозяйства частных лиц. Что же касается арендаторов и наемных работников, то они работали по чисто экономическим причинам и после истечения срока контракта могли порвать все отношения с работодателем.

В любом обществе религия помогала держать в покорности угнетенные слои населения. Однако важно иметь в виду, как уже отмечал И. М. Дьяконов, что в древности на Востоке в отличие от Средних веков не существовало каких бы то ни было спиритуалистических учений, обещавших загробное вознаграждение обездоленным людям и пугавших нечестивцев и угнетателей наказаниями в потустороннем мире. Хорошо известно, что в Средние века и даже в более поздние времена эсхатологические учения о рае и аде в общем и целом, за исключением отдельных кригических периодов, помогали держать в повиновении угнетенные слои населения. Время от времени десятки тысяч людей ждали дня светопрествления и наступления давно обещанного небесного царства и жаждали проститься с обременительным и скоротечным земным существованием.

Древний Восток еще не знал таких эсхатологических учений и не имел представления о рае и аде. Не только в клинописной, но и во всей обширной ветхозаветной литературе ни рай, ни ад ни разу не упоминаются, и единственное посмертное вознаграждение, которое обещал Яхве своим преданным поклонникам, это сделать их род неисчислимым, как морской песок или звезды на небесах. И наоборот, за грехи нечестивцев предполагалось наказать их детей и потомков до седьмого поколения.

Еще менее разработаны были представления о посмертном воздаянии за добродетельный образ жизни или за грехи в других древневосточных обществах. Хотя господствующая религия внушала всем слоям населения необходимость почитания богов, соблюдение существовавших в данном обществе норм морали, выполнение обязанностей, связанных с социальным статусом тех или иных членов общества, она не могла дать вообще никакого удовлетворительного ответа на вопрос, почему нередко праведные подвергаются постоянным злоключениям, а нечестивцы преуспевают. Господствующей религии приходилось ограничиваться бесперспективной попыткой внушить народу, что воля богов непостижима.

Более трех тысяч лет назад в Вавилонии были написаны поэмы, которые получили в ассириологии условные названия «Теодицея» и «Невинный страдалец». Герои этих произведений ставят извечный вопрос: почему праведники бедствуют, а нечестивцы безмятежно наслаждаются счастьем?

По вавилонским представлениям, миром правит верховный бог Мардук. Почитатели последнего ждут от него справедливости, но тем не менее он допускает, чтобы даже самые преданные ему люди страдали (ср.: Lambert 1975: 27). Праведник, который неукоснительно соблюдает все божеские установления и регулярно приносит жертвы, подвергается всяческому гонениям. Он жалуется, что не только боги, но и родные отвернулись от него, что горе и голод иссушили черты его лица и от рыданий оно потемнело; царь находится на стороне богатых, и из амбаров бедных выгребают последние остатки; преуспевают лишь злодеи, которые не почитают богов и погрязли в грехах. На свои жалобы на несправедливость богов праведник получает только один ответ: смертные не могут постичь решения богов, живущих на небесах и в глубоких водах. Правда, в конце концов Мардук пожалел неудачника и одарил его счастьем. Но вряд ли такой литературный прием мог удовлетворить тех, кто возмущался социальной несправедливостью и неблагодарностью богов.

Как известно, образу невинного страдальца посвящена и библейская Книга Иова, мужа непорочного, справедливого и богобоязненного. Все дети его гибнут, он лишается своей земли, и огонь пожирает его скот. Но Иов утешает себя банальной сентенцией: «Бог дал, Бог взял». Затем проказа и другие несчастья поражают Иова, его гнойное тело кишит червями, от злоключений кости прилипли к коже, и жена стала гнушаться им. Тем временем злодеи и нечестивцы проводят свои дни в счастье. Бог наполняет их дома добром, хотя они говорят ему: «Отойди от нас, мы не хотим знать тебя». На все свои жалобы праведник получает ответ: «Бог непостижим, пути Господни неисповедимы».

Важная особенность древних религий заключалась в том, что они не были догматическими и нетерпимыми по отношению к верованиям других народов. Поэтому лица, попавшие по каким-либо причинам на чужбину, сохраняя верность своим традиционным богам, тем не менее поклонялись и богам той страны, куда они прибыли. По той же причине в древности со стороны местного населения не было пренебрежения к верованиям чужеземцев. Представители различных народов жили бок о бок, вступали в деловые отношения друг с другом и заключали смешанные браки. Древности было чуждо враждебное отношение к обы-

чаям, традициям и культуре соседних и дальних народов. Об этом свидетельствует бесчисленное количество фактов, на что нам уже приходилось обращать внимание (см.: Дандамаев, Луконин 1980: 339 сл.). Поэтому ограничимся лишь несколькими примерами.

Ахеменидские цари выступали поклонниками не только своих, иранских богов, но также египетских, вавилонских, иудейского Яхве и других чужеземных богов. В храмах этих богов приносили жертвы от имени персидских царей, которые старались добиться благожелательного к себе отношения со стороны божеств других народов. Обычно это объясняют полигическими соображениями, с грезением не создаваг лишних препятствий к мировому господству и сохранить единство державы. Однако такое объяснение несостоятельно. Тем более невозможно согласиться с исследователями, которые полагают, что персидские цари пытались заменить в завоеванных странах местные религии зороастризмом (см.: там же). Известно, например, что персы приносили жертвы греческим богам «по эллинскому обычаю» с помощью местных жрецов, нанятых за большие деньги, во время битв, когда они воевали с греками на земле последних (Herod. IX, 37–38). Персы, будучи в Греции, полагали, что небесными хозяевами этой страны являются эллинские, а не иранские боги, которые мало чем могли помочь завоевателям в чужой стране. Таким образом, хотя Ахемениды считали своего верховного бога Ахурамазду самым могущественным богом, они веровали также в богов покоренных народов, поклонялись им и искали у них поддержки (ср.: Bickerman 1976: 72 сл.).

Насколько персидские цари были далеки от мысли навязать покоренным народам свою религию или ущемлять их религиозные чувства, показывают документы из Персеполя, составленные на эламском языке в конце VI — начале V в. до н. э. Из них видно, что в городах Персии и Элама с царских складов отпускались продукты для отправления культа не только Ахурамазды и других иранских богов, но также эламских богов Хумбана и Шимуга и вавилонского Адада. При этом, хотя при перечне богов Ахурамазда упоминается всегда на первом месте, для его культа выдавалось вина в три раза меньше, чем для верховного бога эламского пантеона Хумбана. Как отмечает издатель персепольских документов Халлок, администрация обращалась со всеми богами как с равными (Hallock 1969: 5).

В ахеменидское время персы и другие чужеземцы, жившие в Месопотамии, брали такие вавилонские теофорные имена, как Нидинту-Бел («дар бога Бела»), Бел-ибни («бог Бел сотворил») и т. д., или, наоборот, вавилоняне называли своих детей теофорными иранскими именами (например, Митрадат — «данный богом Митрой»). Поэтому можно уверенно полагать, что носители таких теофорных имен поклонялись как своим традиционным, так и чужеземным богам.

Приведем еще несколько примеров. В VIII в. до н. э. ассирийцы уничтожили Израильское царство и переселили оттуда около 30 тыс. человек в Месопотамию и к востоку от нее, а на их место переселили жителей Северо-Западного Ирана. Очевидно, из-за непривычного климата переселенцы стали умирать от болезней в массовом порядке. Ассирийскому царю доложили, что эти люди гибнут от нападения львов, поскольку они не знают, как следует поклоняться местному

богу. Тогда царь велел послать к ним жрецов Ялве, чтобы научить их традиционным обычаям почитания этого бога (IV Regn. 17: 24–27). Естественно, иранцы и другие племена, переселенные на чужбину, решили, что теперь им бесполезно почитать лишь своих племенных богов, и отныне считали своим богом также владыку страны, в которой им суждено было жить.

Александр Македонский после завершения своего индийского похода повелел эллинским жрецам и иранским магам совершить совместное богослужение и принести жертвы (Arr. Anab. VIII, 11, 8). Лишь отсутствием догматической негерпимости в древних религиях можно объяснить тот факт, что одна арамейская надпись IV в. до н. э., найденная в Малой Азии, говорит о бракосочетании между вавилонским богом Белом и иранской богиней Дайна-Маздаясниш (дословно «маздаяснийская вера»). Бел обращается к своей супруге со словами: «Ты — моя сестра; ты очень мудра и красивее других богинь» (Lidzbarski 1903: 69; ср.: Дьяконов 1956: 398).

В свете сказанного легко понять то глубокое почтение и уважение, с которыми Геродот относился к чужеземным религиям, и его боязнь говорить всуе о священных для других народов делах.

Для Древнего Востока была характерна полная свобода вероисповедания, причиной которой были не политические мотивы, а отсутствие понятия о ложной вере, каких-либо формах ереси. Еретические учения не могли возникнуть при политеизме, так как всякий культ считался правомерным и имеющим право на существование. Раз признавалось многобожие, вполне логично и полезно было в случае необходимости добавлять к своим традиционным богам какое-то количество чужеземных богов, подобно тому как человек индустриального общества, имея на кухне газовую плиту, вовсе не откажется от того, чтобы рядом с ней стояла и электрическая. В силу указанных причин Древний Восток в отличие от более поздних периодов не знал Крестовых походов с целью распространения какой-либо религии.

Конечно, нам известно достаточно много случаев, когда тот или иной правитель стремился выдвинуть на первый план культ какого-либо одного бога в ущерб культам других божеств. Например, с возвышением Вавилона в Двуречье к середине 2-го тысячелетия до н. э. бог — покровитель этого города Мардук постепенно был объявлен верховным государственным богом страны. Или другой пример. В начале XIV в. до н. э. египетский фараон Эхнатон ввел новый единый государственный культ — древнее фараоновское божество, но не в виде прежнего бога, а как солнечный диск под названием «Атон». Храмы прежних богов впали в немилость и лишились щедрой государственной поддержки. Само по себе это явление совершенно не типично для древних обществ. Но и в данном исключительном случае не было никакого запрета почитать других богов. Когда в VII в. до н. э. к власти в Египте пришла династия, происходившая из города Саиса, культ его богини — покровительницы Нейт стал играть выдающуюся роль в религиозной жизни египтян. Последний вавилонский царь халдейской династии, Набонид, в VI в. до н. э. проводил значительные религиозные реформы, стремясь выдвинуть на первое место культ бога Сина в ущерб культу Мардука. Но он, конечно, продолжал поклоняться последнему и другим традицион-

ным богам вавилонян и жертвовал в их храмы богатые дары. Иранский пророк Зороастр объявил Ахурамазду верховным богом, но тем не менее он не отрицал и существование других богов.

Еще в XX в. некоторые ученые высказывали совершенно неверное мнение, что Древний Восток погиб из-за религиозного разделения людей, из-за прозрения к культам иноверцев, затруднявшего контакты между людьми. В ряде современных трудов можно встретить утверждение, что религиозные распри в древних обществах ослабляли государственный строй (см., например: Gray, Cary 1969: 209). Как писал Эд. Мейер, иудеи, жившие в V в. до н. э. на острове Элефантина в Египте, проявляли презрение к религиям иноверцев и усердно занимались обращением прозелитов в свою веру. Об этом, по его мнению, свидетельствуют многочисленные указания папирусов относительно иудеев, отцы и деды которых носили египетские имена (Mejer 1911: 76). Однако в действительности прозелиты никому не были нужны в древности, ибо никто не был заинтересован в том, чтобы делиться с ними отнюдь не безграничными благодеяниями своих богов (ср.: Bickerman 1980: 83).

Все новое, независимо от того, хорошее оно или плохое, приходилось вводить силой. Когда стало складываться учение о строгом монотеизме и в V в. до н. э. иудейские законоучители Эзра и Неемия начали насильственно насаждать его среди своих соплеменников, был нанесен первый серьезный удар древним плюралистическим религиозным представлениям. Удары, которые обрушились на тех, кто поклонялся наряду с Яхве Ваалу, Астарте и другим финикийско-ханаанским божествам или заключал смешанные браки, встретили яростное сопротивление со стороны народа. Но после долгой борьбы, унижительных и мучительных наказаний, демагогии и важных экономических реформ (в частности, периодической отмены долгов) удалось добиться торжества монотеизма. Тем не менее через весь Ветхий Завет красной нитью проходит утверждение о том, что иудеи, заключив с Яхве договор о верности ему как своему племенному богу, в течение многих столетий нарушали его и именно поэтому подвергались бесконечным карам.

Однако и после победы иудейского монотеизма речь шла только о попытке изолировать в культовом отношении один народ от остальных, не навязывая при этом другим народам культ Яхве. Наоборот, идеологи иерусалимской общины, требуя от иудеев решительного разрыва с идолопоклонством других народов, не допускали представителей последних на богослужение в Иерусалимский храм и были против того, чтобы окрестное самаритянское население поклонялось их племенному богу, ибо это означало, согласно древним религиозным представлениям, делиться с ними милостями Яхве. В этом отношении монотеизм еще сохранял признаки, присущие древним общинным религиям.

Но с того времени, когда христианство стало господствующей религией, впервые возникли представления о ложных богах и различных формах ереси. Все религии, кроме христианской, были объявлены ложными, и древние религии были обречены на постепенную гибель. Естественно, эти же тенденции нетерпимости стали характерны и для ислама, другой крупной мировой религии, когда целые библиотеки и многие произведения искусства были обречены на

уничтожение или в лучшем случае на забвение, ибо они не удовлетворяли требованиям новой религии, — явление, не имеющее прецедента в древних обществах. Теперь исчезла возможность идеологического маневрирования и стал необходим селективный отбор идеологических догматов, подходящих для того или иного общества. Если существует один-единственный бог, все, что не угодно ему, должно быть уничтожено. Для краткости сошлемся лишь на следующие примеры. После завоевания Персии арабами мусульманские религиозные деятели велели сжечь все книги персов, ибо последние не могли стать правоверными, «пока они владеют книгами, посвященными естественным наукам, законам и вере идолов. Сжегши книги, они, таким образом, наложили запрет на их науки» (см.: Лев Африканский 1983: 40). Согласно рассказу Бируни, арабы после завоевания Персии и Средней Азии также уничтожили священные книги зороастрийских магов.

Правоверный мусульманин ежедневно пять раз молится Аллаху и в течение целого месяца в году соблюдает изнурительный пост. Можно было бы предположить, что в древних обществах с множеством государственных, племенных, местных богов и богинь домашнего очага человек был обречен на бесконечное и непрерывное служение богам. Обычно историки так и думают. Однако на самом деле, как это отметил известный ассириолог А. Л. Оппенгейм, древний человек жил в довольно умеренном религиозном климате (Оппенгейм 1990: 139 сл.), и служба богам в основном была обязанностью профессиональных жрецов, которые за такую службу получали вознаграждение. При этом многочисленные религиозные праздники были важным подспорьем для бедных слоев населения, во время которых все граждане получали из храма калорийную пищу (на это обращал внимание И. М. Дьяконов). Многочисленные клинописные тексты отмечают распределение большого количества мяса и других продуктов среди членов храмовых общин во время религиозных праздников.

Древний Восток не знал также конфликтов на этнической почве, расовой неприязни и чувства превосходства одного народа над другими (ср.: Дьяконов 1958: 43 сл.). В древности со стороны местного населения не было пренебрежения к этническому происхождению чужеземцев, которые по различным причинам селились в другой стране. Эти чужеземцы легко включались в социальную и экономическую жизнь своей новой родины. Для примера можно указать на ахеменидский период, который характеризуется интенсивными процессами этнического смешения и синкретизма культур различных народов. Согласно контракту, составленному в 511 г. до н. э. в Вавилоне, один эламит выдал свою дочь за египтянина. Свидетелями контракта выступили персы, египтяне, вавилоняне, арамеи и представители других народов.

Убедительным примером того, что древности была чужда расовая ненависть, опять-таки является замечательный труд Геродота, который с глубоким интересом и восхищением относился к великим достижениям восточных народов. Через много столетий, когда древние представления начали уже уходить в прошлое, известный греческий писатель Плутарх оказался не в состоянии понять доброжелательное и объективное отношение Геродота к народам Востока и написал свой пресловутый трактат «О злокозненности Геродота». Термин «вар-

вары», в который Геродот не вкладывал никакого пренебрежительного оттенка, обозначая им лишь тех, кто не говорил по-гречески, претерпел глубокую эволюцию и стал символом невежества и дикости.

В древности ни одно государство не делало попыток навязать покоренным народам культуру и язык завоевателей. Они просто не были заинтересованы в том, чтобы их язык вытеснил языки других народов, или, точнее сказать, это было им безразлично (ср.: Дьяконов 1983: 5 сл.). Правда, нередко одни языки уступали место другим, и постепенно происходила перемена языка на той или иной территории. Однако это был естественный исторический процесс. Например, к началу 1-го тысячелетия до н. э. племена, жившие на территории Западного Ирана, говорили на касситском, кутийском, хурритском и на других языках. В это же время там начало селиться и ираноязычное население. В течение нескольких последующих столетий население Западного Ирана уже стало переходить на мидийский язык, который постепенно стал единственным языком этого региона. Часто считают, что иранские воины-завоеватели навязали покоренному населению свой язык. Но в начале 1-го тысячелетия до н. э. иранские племена не были господствующими, а, наоборот, были подвластны местным правителям и именно с их разрешения селились на исконной территории последних.

Обратимся к другому примеру. С первой трети 3-го тысячелетия до н. э. в Южной Месопотамии жили рядом друг с другом шумеры и аккадцы, народы различных рас, языков, а вначале и культуры. Но тем не менее оба народа в течение многих столетий мирно жили на одной и той же территории, пока к началу 2-го тысячелетия до н. э. шумерский язык постепенно не вышел из употребления, превратившись в язык культа, литературы и науки, а сами шумеры не были ассимилированы аккадцами. Но опять-таки это был естественный исторический процесс, в котором никто не был заинтересован и который никто не стремился ни ускорить, ни замедлить.

Нередко завоеватели охотно пользовались языками покоренных народов. Когда в IX-VII вв. до н. э. ассирийцы создали большую державу, они постепенно стали переходить на язык покоренных ими арамейских племен. Несколько позднее, во второй половине VI в. до н. э., возникла Ахеменидская мировая держава, охватывавшая десятки стран и народов. В этой державе ведущая роль в политическом отношении принадлежала персам, и в то же время продолжали существовать и развиваться древние культуры вавилонян, египтян, эламитов и других покоренных народов, а официальным языком государственной канцелярии по всей державе был арамейский.

Все подданные Ахеменидской державы обязаны были платить государственные и храмовые подати, нести царские и общинные повинности, также проявлять политическую лояльность по отношению к существовавшей власти. В остальных отношениях человек жил в довольно свободном климате — политическом и идеологическом. Этим легко объясняется наличие в Ахеменидской державе различных политических форм: монархических, олигархических, аристократических, демократических — наряду с автономными и геократическими храмовыми общинами. Соответственно сосуществовали также различные правовые системы, и не было общегосударственных законов или единой, обязательной для

всех подданных идеологии. Индивидуум и в частной жизни был предоставлен самому себе, и центральная власть не вмешивалась в его семейную жизнь. Он мог свободно передвигаться в пределах державы, совершая деловые, торговые поездки, или ездить в соседние страны на заработки, или даже путешествовать с целью научных занятий (как Геродот, Демокрит и др.). Он мог вести по своему усмотрению переписку, которая не контролировалась центральной или местной властью. Правда, в древности почтовая служба существовала лишь для государственных нужд. Частные же письма посылались либо с оказией, либо через гонцов или агентов, находившихся на службе у отдельных лиц.

Центральная власть также не следила за выполнением отдельными людьми определенных религиозных предписаний. Люди могли почитать любых богов, но обычно поклонялись традиционным богам своей общины. Лишь в Иудее пророки неоднократно осуждали почитание наряду с Яхве различных финикийско-ханаанских божеств. Однако борьба против кульгов последних в течение нескольких веков была обречена на неудачу, так как многие иудейские цари сами благожелательно относились к этим богам.

Конечно, нам известны примеры религиозных преследований в древности. Но такие преследования были вызваны политическими причинами. Например, в отдельные периоды истории Римской империи христиане подвергались гонениям. Однако власть имущие вовсе не были озабочены тем, кто какому богу поклонялся. Это им было совершенно безразлично, и многие культы чужеземных богов беспрепятственно распространялись по всей державе вплоть до Британских островов (например, культ иранского бога Митры), в том числе и среди римских солдат и гражданского населения Рима, столицы державы. Власть имущие были лишь против превращения христианского вероучения в политическую доктрину, направленную против самих основ государства.

Мы не располагаем свидетельствами источников о том, как государство карало преступления против религии или имели ли вообще место такие преступления. Разумеется, в те далекие времена человек находился в плену предрассудков и глубокой веры, которая, правда, не мешала частым посягательствам на храмовое имущество, считавшееся собственностью богов.

У нас чрезвычайно мало сведений о вольнодумцах на Древнем Ближнем Востоке, которые критически относились к господствующим религиозным системам. И пожалуй, «свободомыслен» древнего человека ограничивалось тем, что он осмеливался укорять богов в неблагодарности за те жертвы, которые они получали от своих адорантов, и за равнодушие и безразличие к судьбе и страданиям людей. Таких жалоб в клинописной литературе сколько угодно. Приведем один пример критического отношения людей к богам: когда Ишгар предложила свою любовь знаменитому герою Гильгамешу, он отверг ее, считая эту богиню неспособной на верное чувство.

В «Псалмах» царя Давида, в своей основе восходящих к X в. до н. э., неоднократно говорится о «безумцах», которые не веруют в бога и отвергают его. Сомнительно, однако, что в те далекие времена действительно существовали такие смельчаки, которые отрицали существование богов. Скорее всего, в этом произведении под «безумцами» имеются в виду те иудеи, которые не признава-

ли своего племенного бога Яхве или наряду с ним поклонялись ханаанским божествам, примеров чему в Ветхом Завете много.

В ассирийских текстах VIII–VII вв. до н. э. встречаются собственные имена со значением «не почитающий бога», «не боящийся бога» и т. д. В одном ассирийском тексте того же времени упоминаются 17 вавилонян, «которые не боятся бога». Однако этот лаконичный документ не содержит никаких пояснений, и назначение его неясно. Если эти люди действительно были безбожниками (что, однако, очень сомнительно), то их можно считать первыми известными нам вольнодумцами, которые порвали с предрассудками своего времени (см.: Дьяконов 1965:16 сл.).

В заключение необходимо сказать, что было бы глубоким заблуждением идеализировать жизнь и религию древних обществ, в которых люди были обречены на постоянные лишения и тяжелый труд, на жестокие и порой изуверские наказания. Отсутствие расовой неприязни, этнических конфликтов и религиозной нетерпимости в этих обществах отнюдь не было результатом продуманной или осознанной деятельности и в общем не было вызвано практической необходимостью для представителей различных народов жить и работать совместно. Указанные явления на стадии древнего общества еще почти не были известны человечеству, и для их возникновения, очевидно, не существовали соответствующие общественно-экономические предпосылки. Однако вопрос о таких предпосылках нуждается в специальном исследовании.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ БОГИ И РЕЛИГИЯ ЧАСТНЫХ ЛИЦ НА ДРЕВНЕМ БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В I-М ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н. Э.²

В течение всей античности храмы на Древнем Ближнем Востоке были центрами не только религиозной, но и общественной жизни. Главный храм того или иного города был расположен на возвышенном месте и считался домом его основного божества.

Значительным источником храмовых доходов была десятина, составлявшая приблизительно десятую часть дохода налогоплательщика. Храмы Египта, Месопотамии и многих других стран Ближнего Востока (за исключением Иерусалимского храма и, возможно, еще некоторых периферийных святилищ) были крупными землевладельцами и рабовладельцами, а также владели большими стадами скота и занимались ростовщическими операциями и торговлей.

В отличие от Египта, Израиля и Иудеи административный аппарат в вавилонских храмах состоял из гражданских чиновников, которые не занимались сакральными функциями.

² Перевод статьи «State Gods and Private Religion in the Near East in the First Millennium B C E.» (Berlin A. (ed.). Religion and Politics in the Ancient Near East. Bethesda, 1996. P. 35–45).

В теории все храмовое имущество считалось собственностью главного божества святилища данного города. Однако это имущество использовалось как источник дохода для членов соответствующей храмовой округи. Часть этого дохода распределялась для их вознаграждения за выполнение определенных обязанностей. Например, пастухи, рыболовы, пскари, пивовары и т. д. работали с условием, что они будут получать свою долю доходов в качестве пребанды. Это в особенности касалось тех, кто был занят приготовлением пищи для храмовых жертвоприношений. Другие лица арендовали храмовую землю и работали в храмах как плотники, строители, ткачи, прачечники, сторожа и т. д. и за это получали плату.

Во время многочисленных религиозных празднеств пища бесплатно распределялась среди членов местной общины, что было особенно важно для бедных слоев населения. Храмы также поддерживали свои общины во время голода и других катастрофических бедствий. В крайних случаях бедняки могли посвятить своих малолетних детей в храмы, чтобы спасти их от голодной смерти³.

За исключением отдельных критических периодов, когда жрецы и храмовые чиновники стремились распространить свое влияние за счет ослабления царской власти или же дворцовое хозяйство поглощало храмовую собственность, оба эти института — храм и дворец — были союзниками. Храмы получали от царей дары земель, рабами и другим имуществом. Например, в Египте до его завоевания персами в 525 г. до н. э. храмы получали все необходимое для своей культовой деятельности от фараонов. Нововавилонские цари даже платили храмам ежегодную десятину золотом, серебром, скотом и другим имуществом.

Религия составляла наиболее существенную часть древней идеологии. Каждый город имел своего бога-хранителя, а с возникновением централизованных государств возникли также культы общегосударственных богов. Каждый город стремился возвысить своего бога, чтобы он приобрел главенствующий статус в пантеоне. Например, Мардук первоначально был местным богом Вавилона, но после политического триумфа этого города роль Мардука также возросла, и к концу 2-го тысячелетия до н. э. он стал верховным государственным богом всей Вавилонии и главой месопотамского пантеона. Таким же образом в течение многих столетий в Египте фиванский бог Амон возглавлял пантеон этой страны. Однако когда в VII в. до н. э. династия города Саиса пришла к власти, его богиня Нейт стала во главе всех богов страны.

В I-м тысячелетии до н. э., за исключением фараонов, цари на Ближнем Востоке не обожествлялись, а считались лишь земным воплощением богов. Хотя обожествление царей было чуждо персам, в ахеменидское время в Египте их цари, согласно местным традициям, также считались богами. Например, Диодор Сицилийский (I. 95, 4–5) пишет, что персидский царь Дарий I был обожествлен египетскими жрецами за его великодушное отношение ко всему, что было священо для их страны. Такое заявление находит подтверждение и в египетских

³ См., например: YOS VI 154, составленный в Уруке в 544 г. до н. э., по свидетельству которого во время голода одна вдова вынуждена была отдать двух своих малолетних сыновей в качестве будущих рабов в храм Эанна.

текстах. Например, в одной надписи говорится, что Дарий был рожден владычицей Саиса Нейт, которая «признала его своим сыном и протянула к нему свою руку с луком, пронзающим врагов» (Тураев 1913: 135).

В древности религиозные реформы были непопулярны на Ближнем Востоке и обычно оканчивались безуспешно. Например, в XIV в. до н. э. фараон Эхнатон ввел реформу, которая требовала почитание солнечного диска (Атон), и соответственно лишил храмы других божеств щедрой государственной поддержки. После его смерти, однако, его преемники постепенно вернулись к традиционным верованиям и отменили реформу своего предшественника.

Начиная с X в. до н. э. пророки в Израиле неоднократно стремились утвердить монотеистический культ Яхве и осуждали народ и царей за их поклонение наряду с Яхве Астарте и другим божествам (см., например: II Regn. 17: 7–17; Judges 2: 19; 1 Samuel 7: 3–4, etc.). Тот факт, что такие призывы пророков продолжались даже после вавилонского плена, показывает, что они были не вполне успешными вплоть до реформ Эзры и Неемии в V в. до н. э.

В 689 г. ассирийский царь Синаххериб полностью разрушил Вавилон и вывез оттуда статую Мардука в Ассирию. Было высказано предположение, что это был «намеренный шаг, направленный на уничтожение религиозной и культурной роли Вавилонии и на перемещение этой роли в Ашшур», столицу Ассирии, а также шаг на пути к возвышению ассирийского бога Ашшура, чтобы поставить его на место Мардука (Rečirkova 1993: 9). Если это предположение правильно, попытка Синаххериба была совершенно безуспешной, поскольку его сын Асархаддон велел восстановить Вавилон и статуя Мардука была возвращена в его храм Эсагилу.

В середине VI в. до н. э. последний местный царь Вавилонии Набонид постепенно стал проводить важную религиозную реформу. Хотя он продолжал поклоняться традиционным богам Вавилонии Мардуку, Набу, Нергалу, Шамашу и др., но в первую очередь он обращался к богу Луны Сину, награждая его титулом «царь богов на небе и на земле» (см., например: Schaudig 2001: 351–353), который прежде принадлежал Мардуку. Набонид также строил и перестраивал храмы, которые были посвящены Сину как в самой Вавилонии, так и за ее пределами. Важно также отметить, что Син Набонида не был совсем идентичен с традиционным вавилонским богом Луны Сином, поскольку его символы и формы почитания носили большое сходство с арамейским богом с тем же самым именем. По-видимому, Набонид стремился заменить Мардука Сином в качестве верховного бога страны в культовой иерархии.

Эти реформы привели Набонида к конфликту со жречеством и населением Вавилона, Борсиппы, Ниппура, Урука, Ура и других городов. Согласно вавилонскому памфлету, который получил название «Стихотворение о Набониде», он был неблагочестив и непочтителен по отношению к богам, и у него не было никаких священных чувств. Памфлет обвиняет Набонида в беззаконии и преступлениях против храмов и населения, в сооружении безобразной статуи чужеземного бога, «которого никто прежде не видел» (см.: Pritchard 1969: 312–315). Вавилонский Цилиндр Кира говорит, что Набонид «враждебным образом прекратил ежедневные жертвоприношения (богам). Он предал культ Мардука, царя

богов, полному забвению» (ibid.: 315–316). В 539 г. Месопотамия была захвачена персами, и реформа Набонида отменена.

Приблизительно в начале 1-го тысячелетия до н. э. Зороастр провел свою реформу, превратив Ахурамазду в верховного бога и тем самым отвергнув некоторые племенные божества, а других поставив рангом ниже него. Позднее зороастризм начал распространяться в Мидию, Персию и другие иранские страны. Около 520 г. до н. э. персидский царь Дарий I воспринял зороастризм как свою веру, но не отверг культы древних богов, персонифицировавших природные стихии, некоторые из которых уже были отвергнуты учением Зороастра. Для Дария и его преемников Ахурамазда стал «величайшим из богов» (Kent 1953: 135). В своей Бехистунской надписи Дарий упоминает его 69 раз, подчеркивая, что всем своим достижениям он обязан помощи этого бога. Но в той же самой надписи Дарий говорит, что Ахурамазда и «другие боги, которые существуют», помогали ему (ibid.: 132). Как видно из эламских документов, составленных в Персеполе и других городах Персии и Элама в 509–494 гг., с государственных складов отпускались продукты для отправления культа не только Ахурамазды и других иранских богов, но также для эламских богов и даже месопотамского Адада. Более того, боги иранского пантеона появляются в текстах реже эламских богов и вовсе не занимают привилегированного положения (Hallock 1969: 5).

В первой половине V в. сын Дария Ксеркс провозгласил реформу, направленную против «ложных» богов (*daiva*), и разрушил их святилища, как он об этом заявляет в своей так называемой Антидевовской надписи (Kent 1953: 151). Мы точно не знаем, о каких ложных богах идет речь в этой надписи. По всей вероятности, реформа Ксеркса была направлена против святилищ древних иранских божеств, таких как Митра, Анахита и др., которые были отвергнуты Зороастром. Если это так, то реформа не была успешной, поскольку после смерти Ксеркса эти божества были снова официально признаны (Steve 1975: 8; Vallat 1972: 207).

В ахеменидское время в Персии существовали различные религиозные концепции. Ее население почитало древних индо-иранских божеств, и среди народных масс культ верховного государственного бога Ахурамазды не нашел такого же признания и распространения, как культы бога Солнца Митры или богини воды и плодородия Анахиты. Именно по этой причине не засвидетельствованы теофорные имена с Ахурамаздой в течение всего ахеменидского периода, в то же время известно много составных имен с Митрой. Таким образом, по-видимому, население Персии не обязано было поклоняться Ахурамазде, который возглавлял царский пантеон и всегда упоминается на первом месте в официальных перечнях богов.

В связи с этим возникает вопрос: было ли население стран Ближнего Востока обязано поклоняться богам, признанным на государственном уровне? Прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, остановимся на некоторых присущих идеологии древних обществ чертах, на которые часто не обращают внимание даже специалисты по древней истории. В древних политеистических обществах не существовало догматических религий с твердо установленными нормами, и поэтому возникали самые разнообразные модификации одних и тех же концепций. Более того, догматизм и нетерпимость по отношению к верованиям других были чужды древним религиям, поскольку в те времена совершенно отсутство-

вали представления о ложных верованиях или о различных формах ереси. Лишь отсутствием догматической нетерпимости и наличием религиозного плюрализма можно объяснить тот факт, что в одной арамейской надписи ахеменидского времени, найденной в Малой Азии, говорится о браке между вавилонским богом Белом и иранской богиней Дайна-Маздаясниш (дословно: «маздаяснийская вера») (см.: Lidzbarski 1903: 69).

В политеистических обществах, где почитались многие боги, любой культ считался правомерным и появление новых божеств всегда приветствовалось. Именно отсутствие религиозной демаркации и любых концепций о ереси были причинами, почему древние боги не проявляли ревности друг к другу (см.: Burkert 1987: 48). Поэтому Древний Восток (в отличие, например, от средневековой Европы) не знал никаких религиозных войн или Крестовых походов. В свете всего сказанного легко понять и то глубокое уважение, с которым Геродот относился к чуждым его народу религиям. Именно в силу указанных причин не разбивали статуи божеств противника после захвата его территории, а лишь увозили их, чтобы лишить врагов поддержки их богов. По той же причине, когда кому-либо приходилось побывать в чужеземной стране, такие люди оказывали знаки внимания ее богам и стремились приобрести их благосклонное к себе отношение, сохраняя в то же самое время верность своим традиционным богам.

Здесь можно упомянуть несколько типичных примеров. Как известно, ново-ассирийские цари проводили политику насильственного переселения больших групп населения из их родных стран в другие края империи. Например, они захватили Самарию и депортировали оттуда в Месопотамию много тысяч израильтян и на их место поселили людей из Вавилонии и Западного Ирана. Через какое-то время ассирийскому царю доложили, что новые переселенцы в Самарии не знают установленных правил поклонения богу своей новой родины и поэтому последний посылает львов, чтобы сожрать их. После этого ассирийский царь велел одному из уведенных из Самарии жрецов вернуться обратно из плена и учить новых поселенцев, как надо по местным обычаям поклоняться богу. Эти люди стали почитать Яхве, в то же время сохраняя веру в своих богов в соответствии с традициями своей прежней родины, где они жили до плена (2 Regn. 17: 24–33). Таким образом, считалось совершенно естественным, чтобы переселенцы в Самарию поклонялись местным богам, поскольку их традиционные божества не очень могли помочь им в чужой стране. Подобным же образом греки, которым по различным причинам приходилось бывать в Египте, считали Амона всемогущим богом этой страны и стремились добиться его поддержки (см., например: Plutarch, Cimon. 18; Plutarch, Lys. 20).

Хотя Ахемениды считали своего Ахурамазду самым могущественным богом, они также веровали в богов покоренных народов и стремились добиться их благожелательного к себе отношения. Именно поэтому наши источники свидетельствуют о них как о поклонниках египетских, греческих и других чужеземных богов (см.: Bickerman 1976: 93 ff.). Как рассказывает Геродот (8. 54 и 9. 37–38), даже во время войны с греками на их родине персидский царь Ксеркс и его полководец Мардоний приносили жертвы богам этой страны по местным обычаям, используя для этой цели греческих жрецов. По рассказу Плутарха (Alex. 30),

перед сражением с Александром Македонским Дарий III молился не только своим родным богам, но также и богам всего царства.

Таким образом, имперский пантеон ахеменидских царей включал десятки богов. Все они считались государственными богами различной важности, и в их храмы доставлялись жертвоприношения от имени персидских царей. Главных государственных богов показывали народу во время важных празднеств, таких как, например, новогодние церемонии в Персеполе или в Вавилоне. В то же самое время эти государственные боги считались личными божествами царей. Например, Ахурамазда был личным богом ахеменидских царей, Мардук и его супруга Зарпани-ту — божествами царей Вавилона (см., например: PBS I/II 110: 8), Халди и его жена Багбарта были божествами урартских царей (см., например: TCL III: строка 423), Амон был главным богом фараонов (Knudtson 1915: 71, line 4), а Ашшур — «великим владыкой, ассирийским богом» (Budge, King 1902: 252: 89).

Говоря в общем, для частных лиц не обязательно было молиться государственным богам. Это было их собственное дело, кому поклоняться и приносить жертвы. Ни Ахемениды, ни другие цари древних государств не стремились навязать свою религию завоеванным странам. Прозелитизм был чужд древней идеологии, и, во всяком случае, в древности никто не был заинтересован в том, чтобы делиться благодеяниями своих богов с чужаками или прозелитами, поскольку божества политеистического общества не были такими великодушными, как христианский или мусульманский бог (см.: Vickersman 1980: 83).

Другой важной чертой политеистических религий было то, что они, в противоположность иудаизму, христианству или исламу, не были этическими религиями и мало внимания обращали на моральные принципы. На Древнем Ближнем Востоке не существовало никаких эсхатологических доктрин о посмертных благодеяниях для праведных и божественной каре для злодеев. Поэтому, хотя религия внедряла во все слои населения необходимость почитать богов и выполнять соответствующие их социальному статусу обязательства, политеистические религии не в состоянии были удовлетворительно ответить на вопрос, почему добродетельные люди часто подвергались злой участи, а злодеи, наоборот, благоденствовали. Единственным ответом на это было, что решения богов находятся вне человеческого разума. Поэтому считалось само собой разумеющимся, что люди должны принимать установленный богами порядок.

Как хорошо известно, в Средние века эсхатологические доктрины о рае и аде, за исключением отдельных критических периодов, держали в покорности беднейшие слои населения. Время от времени тысячи людей ждали наступления давно обещанного Небесного Царства и жаждали проститься с изнурительным и скоротечным земным существованием. Древние ближневосточные страны не знали таких спиритуалистических доктрин о рае и аде. Например, потусторонний мир представлялся вавилонянам как царство теней, где мертвые постоянно страдали от жажды и не ели ничего, кроме глины и пыли. Даже в Ветхом Завете рай и ад не упоминаются ни разу, на основании чего можно уверенно сказать, что в те времена такие представления еще не были известны.

Участь благочестивого страдальца рассматривается в двух вавилонских поэмах, которые соответственно получили названия «Невинный страдалец» и «Вавилонская

теодицея». Согласно вавилонским представлениям, миром правил Мардук. Поэтому те, кто был его поклонником, полагали, что он будет справедлив, однако даже самые преданные ему адепты подвергались бесконечным страданиям без всякой вины со своей стороны. «Невинный страдалец» содержит описание жестокой судьбы одного из таких мучеников. Праведник, который строго придерживается всех божественных предписаний, подвергается вечным преследованиям, а злодеи же, которые вовсе не почитают богов, наоборот, преуспевают во всем (Lambert 1975: 27; Jacobsen 1987: 465). Сочинение намекает на то, что невозможно помочь человеческим страданиям, поскольку пути божьи неисповедимы, и поэтому человеку остается только повиноваться богам. Та же тема обсуждается и в «Вавилонской теодицее», а позднее была развита и в библейской Книге Иова. Последнее произведение рассказывает о бедствиях праведного, справедливого и благочестивого человека, в то время как нечестивые люди благоденствуют и при этом говорят Богу: «...отойди от нас; не хотим мы знать путей твоих» [Иов 21: 14].

Глубокая вера во всемогущество богов не мешала, однако, частым посягательствам на храмовое имущество, которое считалось собственностью богов. В вавилонских архивах I-го тысячелетия до н. э. сохранилось много документов о судах над преступниками, которые крали храмовый скот и птицу, предназначенные для жертвы богом, а также о похищении из храмов различных вещей. Такие уголовные преступления не считались богохульством, и те, кто совершил их, обязаны были лишь возместить ущерб в 30-кратном размере.

Мы не располагаем какими-либо документальными свидетельствами о том, как государство наказывало преступления религиозного характера, если такие преступления действительно совершались или если они вообще подлежали наказанию. Возможно, что богохульство на Древнем Ближнем Востоке заключалось лишь в упреках в безразличии богов к страданиям человеческих существ и в отсутствии со стороны этих богов благодарности за приносимые им жертвенные дары. Правда, «Псалмы» Библии (14:1 и 53:1) упоминают «нечестивого дурака», который в сердце своем говорит: «Никакого бога не существует». Однако сомнительно, что в те времена действительно существовали такие смельчаки, которые серьезно думали, что бога не существует. Скорее это, вероятно, были люди, которые верили не столько в Яхве, сколько в Астарту или другие божества.

В отличие от средневековых, а отчасти и современных обществ богохульство в Месопотамии, по-видимому, не каралось государством. Это скорее было личным делом отдельных людей и богов, которым те поклонялись и от которых зависело наказать или нет таких нечестивцев. Согласно вавилонскому произведению «Šurpu», лицо, «которое унижает бога (и) презирает богиню», совершает грех против своего бога и преступление против своей богини. Такой человек также «позорит свой город» (Reiner, Šurpu 1958: 13 ff.; lines 33–34, 97).

Государственные чиновники и храмовые власти не контролировали, выполняют ли вообще частные лица свои религиозные обязанности и как они это делают. Люди могли по своему желанию приносить жертвы любым богам, но обычно это были божества — покровители местных городов. Поэтому естественно, когда надо было приносить клятвы богам или прибегать к их помощи, это были боги их собственных городов. Другими словами, например, в Вавилоне

они клялись Мардуком и его супругой Зарпаниту, иногда вместе с их сыном Набу (Nbk 258: 21; 283: 19–20; Nbn 697: 21; Dar 187: 2 и др.). Даже один мидиец, которому довелось жить в Вавилоне, в 520 г. до н. э. поклялся Белом (другое имя Мардука) (Dar 57: 9). Но, поскольку Мардук был верховным государственным богом, жители других городов также могли присягать его именем. Например, в Уруке жители часто клялись Мардуком, Набу и покровительницей этого города Иштар (см., например: YOS VI 2; TCL XIII 177).

В дополнение к государственным и общинным культам, существовали также культы для отдельных частных лиц. Люди верили, что они могут преуспевать в жизни только в том случае, если бог проявляет интерес к ним, и соответственно их ждут неудачи, если он покинет их (Jacobsen 1987: 465). В упомянутом выше «Невинном страдальце» герой жалуется, что его бог-защитник отверг его и исчез и его богиня-защитница скрылась от него (Lambert 1975: 32: 43; см. также: (CAD I: 99 ff.)). Те, кто не имел своих богов-покровителей или был покинут ими, считались злополучными людьми. Чтобы добиться счастья, необходимо было «приобрести бога» (Jacobsen 1987: 465). Такие семейные божества имели свои собственные алтари, где им ежедневно предлагали жертвоприношения, а также обращались к ним с молитвами. Жертвы с молитвами приносились также демонам добра, которые изображались как полулюди и полуживотные. Согласно народным поверьям, специальные амулеты и заклинания могли спасти их владельцев от злых демонов, посылавших людям различные болезни.

Разумеется, мы имеем информацию о культах частных лиц только из литературных текстов. Интимные связи между личными или семейными богами и их поклонниками были их частным делом и поэтому не могли найти отражения в других отношениях чрезвычайно богатой документальной информации о религии.

Можно было бы предполагать, что в древних обществах человек был обречен на постоянные заботы о культе, занимаясь поклонением государственным и городским, а также своим собственным частным богам. Однако в реальной жизни люди, как выразился известный ассириолог Оппенгейм, жили во «вполне теплом религиозном климате» (Oppenheim 1964: 176). Выполнение религиозной службы было профессиональной обязанностью жрецов, поскольку именно они были специалистами по ритуалам и культуре. Обычный человек мог невольно совершить ошибку при выполнении религиозных обрядов, поскольку он не был экспертом по ритуалам, и тем самым нанести обиду богам, вследствие чего те могли бы покинуть опекаемых ими людей и даже преследовать их.

ГОСУДАРСТВО И РЕЛИГИЯ НА ДРЕВНЕМ БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ⁴

По письменным источникам невозможно нигде в мире проследить возникновение религии, поскольку она появилась на очень ранних этапах развития человеческого общества, еще задолго до изобретения письма. Однако клинописные

⁴ Впервые опубликована: ВДИ. 1985. № 2. С. 3–9.

и иероглифические тексты позволяют проследить ее эволюцию в Месопотамии и Египте в течение трех тысячелетий. По крайней мере к началу 3-го тысячелетия до н. э. египтяне и шумеры создали уже подробно разработанные религиозные системы. В каждом городе почитался местный бог-покровитель, а после создания централизованных царств в этих странах возникли также культы верховных государственных богов.

Возникновение религии было длительным процессом обобщения зачастую совершенно фантастических представлений людей о явлениях природы и общественных процессах. Но с появлением государства религия стала наиболее существенной частью официальной идеологии. Религия освящала существующие общественные порядки и оправдывала их. С этой целью в некоторых странах происходило даже обожествление царей. Например, египетские фараоны обожествлялись начиная уже, по крайней мере, с 3-го тысячелетия до н. э. Претендуя на земное воплощение бога Хора, они добавляли к своему имени его титул. Нарам-Суэн (2236–2200 гг.), создатель государства Аккад в Месопотамии, стал называть себя «могущественным богом» и вселел изобразить себя на рельефах в головном уборе, украшенном рогами, которые являлись символом богов. Население должно было поклоняться Нарам-Суэну как богу, хотя до него никто из месопотамских царей не претендовал на такую честь, да и позднее у него в этом отношении были лишь единичные подражатели. Так, Шульги, который правил в Месопотамии спустя сто с небольшим лет после Нарам-Суэна, также добился своего обожествления, и в храмах ставились его статуи, которым надо было приносить жертвы. Однако, за исключением Египта, обожествление не было характерно для древневосточных стран. Даже персидские цари из династии Ахеменидов, которые создали первую в истории державу, простиравшуюся от Нубии до границ Северной Индии, считались лишь представителями богов на земле и не обожествлялись.

На всем протяжении древности почти во всех странах Ближнего Востока храмы были крупными землевладельцами и рабовладельцами, занимались ростовщическими операциями, торговлей и т. д. Естественно, царская власть, за исключением отдельных кратковременных периодов, неизменно опиралась на поддержку храмов. В Египте храмы находились на государственном обеспечении. В конце 3-го тысячелетия до н. э. в Южной Месопотамии храмовое хозяйство постепенно было поглощено царским, но уже с начала 2-го тысячелетия приобрело самостоятельность.

Цари постоянно дарили наиболее крупным храмам земли и военнопленных, которые обращались в рабов. Кроме того, вавилонские цари платили храмам десятину. Но после захвата Месопотамии персами в 539 г. до н. э. царская десятинная плата храмам была отменена. Теперь храмы сами обязаны были платить государству значительные денежные и натуральные налоги овцами, крупным рогатым скотом, ячменем, финиками и т. д., а также снабжать продовольствием царских чиновников. В период персидского господства храмы должны были также выполнять государственные повинности, посылая своих рабов для работы в дворцовом хозяйстве в Вавилоне и других городах. В храмовое правление были введены царские уполномоченные и фискальные агенты, которые следили за

своевременной и точной уплатой государственных податей и выполнением повинностей. Царские чиновники также должны были осуществлять надзор над храмовым имуществом, и они часто устраивали ревизию этого имущества.

В центральной царской канцелярии Персидской державы в Сузах существовало специальное учреждение для надзора над храмами. Например, предоставив Иерусалимскому храму ряд привилегий и финансовую поддержку, персидские цари одновременно приняли все необходимые меры, чтобы это святилище находилось под эффективным контролем государственной администрации. В частности, жрецы обязаны были молиться о жизни персидского царя и его сыновей. Даже весовые меры Иерусалимского храма утверждались персидскими царями. Последние установили также дневные выдачи содержания для персонала этого храма. В Египте персидская администрация в лице сатрапа осуществляла верховный надзор за назначением на жреческие должности.

В древних законодательных памятниках контрастно противопоставлены друг другу различные социальные сословия, привилегии и обязанности которых четко оформлены. В текстах этого жанра особенно характерно противопоставление свободных и рабов. Возникает вопрос: как идеологически обосновывалась необходимость держать в узде рабов и других представителей социальных низов?

На Древнем Востоке в отличие от средневекового времени не существовали какие бы то ни было спиритуалистические учения, обещавшие загробное вознаграждение обездоленным и пугавшие нечестивцев и угнетателей загробными наказаниями. Хорошо известно, что в Средние века и даже в более поздние времена эсхатологические учения о рае и аде в общем и целом, за исключением отдельных критических периодов, помогали держать в покорности угнетенные слои населения. Время от времени десятки тысяч людей ждали дня светопредставления и наступления давно обещанного Небесного Царства и жаждали проститься с обременительным и скоротечным земным существованием.

Древний Восток еще не знал таких эсхатологических учений и не имел представления о рае и аде. Не только в клинописной, но и во всей обширной ветхозаветной литературе ни рай, ни ад ни разу не упоминаются. Единственное посмертное вознаграждение, которое обещал Яхве своим преданным поклонникам, — это сделать их род неисчислимым, как морской песок или звезды на небе. И наоборот, за грехи нечестивцев предполагалось наказывать их детей и внуков до седьмого поколения.

Более трех тысяч лет назад в Вавилонии были созданы две поэмы, которые получили в ассириологии условные названия «Теодицея» и «Невинный страдалец». Герои этих произведений ставят извечный вопрос: почему праведники бедствуют, а нечестивцы безмятежно наслаждаются жизнью? По вавилонским представлениям, миром правит верховный бог Мардук. Почитатели ждут от него справедливости, но тем не менее он допускает, чтобы даже самые преданные ему люди страдали. Праведник, который неукоснительно соблюдал все божеские установления и регулярно приносил жертвы, подвергается всяческому гонениям. Он жалуется, что не только боги, но и родные бросили его; горе и голод иссушили черты его лица; царь находится на стороне богатых, и из закромов бедных

выгребают последние остатки; злодеи, которые не почитают богов, благоденствуют. На свои жалобы на несправедливость богов праведник получает только один ответ: смертные не могут постичь решения богов на небесах (ср. Lambert 1975: 26).

Как известно, образу невинного страдальца посвящена и библейская книга Иова, мужа непорочного, справедливого и богобоязненного. Все дети его гибнут, он лишается своей земли, и огонь поражает его скот. Но он утешает себя сентенцией: «Бог дал, Бог взял». Затем проказа и другие несчастья поражают Иова. Тем временем злодеи и нечестивцы проводят свои дни в счастье. Бог наполняет их дома добром, хотя они говорят ему: «Отойди от нас, мы не хотим знать Тебя». Утешители Иова говорят ему: «Бог непостижим, пути Господни неисповедимы».

Важной особенностью древних религий было то, что они не были догматическими и нетерпимыми по отношению к верованиям других народов. Поэтому лица, попавшие по каким-либо причинам на чужбину, сохраняя верность своим традиционным богам, тем не менее поклонялись и богам той страны, куда они прибыли. По той же причине в древности со стороны местного населения не было пренебрежения к верованиям чужеземцев. Представители различных народов могли жить бок о бок, вступать в деловые отношения друг с другом и заключать смешанные браки. Древности было чуждо враждебное отношение к обычаям, традициям и культуре других народов. Об этом свидетельствует бесчисленное количество фактов.

Например, когда в VI в. до н. э. была создана мировая Персидская держава, ее цари выступали поклонниками не только иранских, но также египетских, вавилонских, греческих и других чужеземных богов. В храмах этих богов приносились жертвы от имени персидских царей, которые стремились добиться благожелательного к себе отношения со стороны богов других народов. Обычно это объясняют политическими соображениями, стремлением не создавать лишних препятствий на пути к мировому господству и сохранению единства державы (Дандамаев, Луконин 1980: 340). Однако такое объяснение несостоятельно. Тем более невозможно согласиться с исследователями, которые полагают, что персидские цари пытались заменить в завоеванных странах местные религии иранским зороастризмом (см. литературу: там же: 339). Известно, например, что персы приносили жертвы греческим богам «по эллинскому обычаю» с помощью местных жрецов и в огне боев, когда они воевали с греками на земле последних (Herod. IX. 37–4s). Персы, будучи в Греции, считали, что небесными хозяевами этой страны являются эллинские, а не иранские боги, которые отнюдь не были всеильны в чужой стране. Таким образом, хотя персидские цари считали своего Ахурамазду самым могущественным богом, они веровали также в богов покоренных народов, поклонялись им и искали у них поддержки (ср.: Bickerman 1976: 72 ff.). Насколько эти правители были далеки от мысли навязать покоренным народам свою религию или ущемлять их религиозные чувства, показывают эламские документы из Персеполя. Из них видно, что в городах Персии и Элама с царских складов отпускались продукты для отправления культа не только Ахурамазды и других иранских богов, но также эламского бога Хумбана и вави-

лонского Адада. При этом, несмотря на то что при перечне богов Ахурамазда упоминается всегда на первом месте, для его культа отпускается в три раза меньше вина, чем было предназначено для эламского бога Хумбана. Как отмечает издатель этих текстов Халлок, экономическая администрация обращается со всеми богами как с равными (Hallock 1969: 5).

В VIII в. до н. э. ассирийцы уничтожили Израильское царство, депортировали значительную часть его населения в Месопотамию и на его место переселили жителей Северо-Западного Ирана. Очевидно, из-за непривычного климата переселенцы массами стали умирать от болезней. Ассирийскому царю доложили, что эти люди гибнут от нападения львов, потому что не знают, как следует поклоняться местному богу. Тогда он велел послать к ним жрецов Яхве, чтобы научить их традиционным обычаям почитания этого бога (IV Regn. 17: 24–27). Естественно, иранцы и другие племена, переселенные на чужбину, считали, что теперь им бесполезно поклоняться одним лишь своим племенным богам, и отныне считали своим богом также небесного владыку той страны, где им суждено было жить.

Александр Македонский после завершения своего индийского похода велел эллинским жрецам и иранским магам совершить совместно богослужение и жертвоприношения (Arr., Anab. VII, 11, 8). Лишь только отсутствием догматической нетерпимости в древних религиях можно объяснить тот факт, что одна арамейская надпись IV в. до н. э., найденная в Малой Азии, говорит о бракосочетании вавилонского бога Бела и иранской богини Дайна-Маздаясниш (дословно: «маздаяснийская вера»). Бел обращается к своей супруге со словами: «Ты — моя сестра; ты очень мудра и прекраснее, чем другие богини» (Lidzbarski 1903: 50). В свете сказанного легко понять и то глубокое почтение и уважение, с которыми Геродот относился к чужеземным религиям, и его боязнь говорить всуе о священных для других народов делах.

Для Древнего Востока была характерна полная свобода вероисповедания, причиной которой были не политические или моральные мотивы, а полное отсутствие понятия о ложной вере, каких-либо формах ереси. Еретические учения не могут возникнуть при политеизме, так как всякий культ считается правоммерным и имеющим право на существование. Раз признается многобожие, вполне логично и полезно в случае необходимости добавить к своим традиционным богам и богов чужеземных. В силу указанных причин Древний Восток в отличие от более поздних периодов не знал крестовых походов с целью распространения какой-либо религии.

Конечно, нам известно достаточно много случаев, когда тог или иной правитель стремился выдвинуть на первый план культ какого-либо одного бога в ущерб культам других божеств. Например, с возвышением Вавилона к середине 2-го тысячелетия до н. э. бог — покровитель этого города Мардук был объявлен верховным государственным богом страны. Или другой пример. Когда в VII в. до н. э. к власти в Египте пришла династия, происходившая из города Саиса, культ его богини-покровительницы Нейт стал играть выдающую роль в духовной жизни египтян. Последний вавилонский царь Набонид в середине VI в. до н. э. проводил значительные религиозные реформы, стремясь выдвинуть на первое

место культ бога Луны Сина в ущерб культу Мардука. Но он, конечно, продолжал поклоняться последнему и другим традиционным богам вавилонян и жертвовал в их храмы богатые дары. Иранский пророк Зороастр объявил Ахурамазду верховным богом, но тем не менее он не отрицал и существования других божеств. В начале XIV в. до н. э. египетский царь Эхнатон ввел новый единый государственный культ — древнее фараоновское божество, но не в виде прежнего бога, а как солнечный диск под названием «Атон». Культы прежних богов впали в немилость и лишились щедрой государственной поддержки. Само по себе это явление совершенно нетипично для древних обществ. Но и в данном исключительном случае не было никакого запрета почитать других богов.

Еще в XX в. некоторые ученые высказывали совершенно неверное мнение, что Древний Восток погиб из-за религиозного разделения людей, из-за презрения к культам иноверцев, затруднявшим контакты между людьми. В ряде современных трудов можно встретить утверждение, что религиозные распри в древних обществах ослабляли государственный строй (см., например: G. V. Gray, M. Gray: IV 1969: 209). Крупнейший западноевропейский историк древности Эдуард Мейер писал, что в древности иудеи, жившие на острове Элефантина в Египте, усердно занимались обращением прозелитов в свою веру (Meyer 1912: 76). Однако в действительности прозелиты никому не были нужны в древности, ибо никто не был заинтересован в том, чтобы делиться с ними отнюдь не безграничными благодеяниями своих богов (ср.: Bickerman 1980: 83).

Когда стало складываться учение о строгом монотеизме и в V в. до н. э. иудейские законоучители начали насильственно внедрять его среди своих соплеменников, был нанесен первый серьезный удар древним плюралистическим религиозным представлениям. Палочные удары, которые обрушились на тех, кто поклонялся наряду с Яхве финикийско-ханаанским божествам или заключал смешанные браки, встретили яростное сопротивление со стороны народа. Но после долгой борьбы, унижительных и мучительных наказаний, демагогии и важных экономических реформ удалось добиться торжества монотеизма. Тем не менее через весь Ветхий Завет красной нитью проходит утверждение о том, что иудеи, заключив с Яхве завет о верности ему как своему племенному богу, в течение многих столетий нарушали его и именно поэтому подвергались бесконечным карам.

Однако и после победы иудейского монотеизма речь шла только о попытке изолировать в культовом отношении один народ от остальных. Еще не делалось никаких попыток навязать другим народам культ Яхве. Наоборот, идеологи Иерусалимской общины, требуя от иудеев решительного разрыва с идолопоклонством других народов, не допускали представителей последних на богослужение в свой храм и были против того, чтобы окрестное самаритянское население поклонялось их племенному богу, ибо это означало бы необходимость делиться с ним милостями Яхве. В этом отношении монотеизм еще сохранял образ мышления, присущий древним общинным религиям.

Но с того времени, когда христианство, одна из ранних мировых религий, стало господствующим, впервые возникли представления о ложных богах и различных формах ереси. Все религии, кроме христианской, были объявлены

ложными, и древняя идеология была обречена на постепенную гибель. Естественно, эти же тенденции были характерны и для ислама — другой крупной мировой религии. Теперь целые библиотеки и многие произведения искусства были обречены на уничтожение или в лучшем случае на забвение⁵, ибо они не удовлетворяли требованиям новой идеологии, — явление, не имевшее прецедента в древневосточных обществах. Исчезла возможность идеологического маневрирования, и стал необходим селективный отбор идеологических догматов, подходящих для того или иного общества. Если существует один-единственный истинный бог, все, что неудобно ему, должно быть уничтожено.

Можно было предположить, что в древних обществах с множеством государственных, общинных, племенных, местных богов человек был обречен на бесконечное и непрерывное служение богам. Но на самом деле древний человек жил в довольно умеренном религиозном климате (Oppenheim 1977:176), и служба богам в основном была обязанностью профессиональных жрецов, которые за это и получали свое вознаграждение. При этом многочисленные религиозные праздники были важным подспорьем для бедных слоев свободного населения, так как в это время они получали из храма калорийную пищу.

Центральная власть, как правило, не вмешивалась в личную жизнь населения и не следила за выполнением отдельными людьми религиозных предписаний. Они могли почитать любых богов, но обычно поклонялись традиционным богам своей общины. Лишь в Иудее пророки неоднократно осуждали почитание наряду с Яхве различных финикийско-ханаанских божеств. Однако борьба против культов последних в течение долгого времени была обречена на неудачу, так как многие иудейские цари сами благожелательно относились к этим богам.

Мы не располагаем свидетельствами источников о том, как государство карало преступления против религии. Разумеется, в те далекие времена человек находился в плену предрассудков и глубокой веры, которая, правда, не мешала ему часто посягать на храмовое имущество, которое считалось собственностью богов. И пожалуй, «свободомыслие» древнего человека ограничивалось тем, что он осмеливался укорять богов в неблагодарности за те жертвы, которые они получали от своих адорантов, и за равнодушие и безразличие к судьбе и страданиям людей.

В «Псалмах» царя Давида, в своей основе восходящих к X в. до н. э., неоднократно говорится о «безумцах», которые не веруют в бога и отвергают его. Сомнительно, однако, что в те времена действительно существовали такие смельчаки, которые отрицали существование богов. Скорее всего, в этом произведении под «безумцами» имеются в виду те иудеи, которые не признавали своего племенного бога Яхве, но поклонялись ханаанским божествам Ваалю, Астарте и другим, примеров чему в Ветхом Завете много.

⁵ Для краткости сошлемся лишь на следующий пример. После завоевания Персии арабами мусульманские священники велели сжечь все книги персов, ибо последние не могли стать правоверными. «пока они владеют книгами, посвященными естественным наукам, законам и вере в идолов. Сжегши книги, они, таким образом, наложили запрет на их науки» (см.: Лев Африканский 1983: 40).

ИМПЕРСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ И ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ В АХЕМЕНИДСКОЙ ДЕРЖАВЕ⁶

Первое тысячелетие до н. э. в Передней Азии было временем возникновения, расцвета и упадка великих мировых империй. Оговоримся сразу, что под империями мы имеем в виду государства, власть которых распространялась на многие страны, населенные этнически разнородными народами. Конечно, крупные державы существовали и в 3-м, и 2-м тысячелетиях, но по своей экономической основе они разительно отличались от более поздних империй. Первые опирались на гигантские государственные или государственно-храмовые хозяйства. Это легко объясняется тем, что еще не существовало рыночного хозяйства и возможности свободно приобретать сырье или использовать наемный труд в сколь-нибудь широких масштабах. Наиболее наглядным примером таких империй может служить государство III династии Ура в Южной Месопотамии (2112–2003 гг.), власть которого простиралась и на соседние страны — Элам и Сирию. Довольно скоро это государство приобрело деспотический характер, и его цари выполняли, в частности, функции главы всего государственного аппарата и верховного судьи, и некоторые из них были даже обожествлены. Были созданы сильное центральное управление и единая государственная канцелярия, использовавшая шумерский язык. В царских и храмовых хозяйствах многочисленный штат писцов и чиновников регистрировал все процессы экономической и административной жизни вплоть до мелочей, и гонцы с документами государственной канцелярии рассылались во все концы империи. Дворцово-храмовое хозяйство требовало огромного количества работников, которые постепенно лишались прав свободных членов общества. Например, один лишь храм богини Бабы в городе Лагаше владел земельной площадью более 4500 га. Существовали, конечно, и частные хозяйства, но они играли незначительную роль, и о них нам мало что известно.

С течением времени стали проявляться недостатки, присущие крупным централизованным хозяйствам, которые были малоэффективны. Причины этого были совершенно тривиальны. Вероятно, в самом начале, когда была налажена система крупных хозяйств, все — как чиновники, так и рядовые работники — были более или менее довольны своим положением: одни — сравнительно щедрым вознаграждением, другие — пайками, спасавшими их от голодной смерти. Но по мере ослабления государственной власти чиновники стали все больше злоупотреблять своим служебным положением, используя государственное хозяйство для личного обогащения. Тем временем это хозяйство приходило в упадок, и соответственно пайки рядовым работникам начали урезывать. Естественно, последние не были заинтересованы в результатах своего труда и не проявляли инициативы.

Когда внешние враги (это были кочевые аморейские племена из Сирийской степи) начали наступать на территорию державы Ура и когда надзор над работ-

⁶ Впервые опубликовано: ВДИ 1998 I: 48–56.

никами ослабел, государственное хозяйство рухнуло. Это привело к массовым процессам приватизации бывших государственных и храмовых земель. Работники, ранее сидевшие на этих землях, стали самочинно захватывать их. На смену всеобъемлющему государственно-храмовому хозяйству пришел постоянно расширявшийся частный сектор экономики. Детали этих процессов нам не известны, ибо в источниках перед нами предстает уже законченная картина результатов приватизации. Возможно, это была первая известная нам в истории массовая приватизация, и о ее скрытых механизмах мы теперь можем в общем и целом догадываться, исходя из своего ретроспективного исторического опыта.

Этот же опыт позволяет нам наглядно представить себе последствия падения древних империй. Живую картину таких последствий дают письма, написанные четыре тысячи лет тому назад царями державы Ура своим наместникам: разрыв связей между различными частями бывшего единого государства и беспомощность центрального правительства, недостаток продовольствия и трудности с его доставкой из одной области в другую, фантастический рост цен, грабежи на дорогах и в городах (Kuhrt 1995: 70–72).

В отличие от 3-го и 2-го тысячелетий экономической основой более поздних империй в основном были частновладельческие хозяйства. Другими словами, теперь государственный аппарат и армия содержались за счет поступления налогов и податей, а не за счет доходов от дворцового имущества.

Конечно, и в 1-м тысячелетии до н. э. экономическое развитие стран, входивших в состав той или иной империи, не было равномерным. Например, по своему социально-экономическому укладу Ахеменидская держава отличалась большим разнообразием, так как в нее входили по тому времени высокоразвитые области Малой Азии, Элам, Вавилония, Сирия, Финикия и Египет, а также страны с кочевыми племенами, еще не знавшими классового строя (саки, колхи, часть арабов и т. д.). Да и сама Персия, являвшаяся ядром державы, ко времени возникновения последней была сравнительно отсталой страной. В хозяйственно-административных документах массового характера, составленных в конце VI — первой половине V в. до н. э., отчетливо выступают контуры огромного царского хозяйства, которое охватывало весь Юго-Западный Иран. Причины возникновения такого типа хозяйства были те же, что и в ранних империях: отсутствие рынков и сколько-нибудь развитых товарно-денежных отношений в Персии. Таким образом, несмотря на свою решающую роль в создании и сохранении империи, Персия в экономическом отношении оставалась периферийной страной и не только не определяла характерные для передовых регионов тенденции развития, основанные на частной собственности и рыночных отношениях, но и не могла заметно влиять на них.

Первой мировой империей была Новоассирийская держава, которая в период зенита своего могущества контролировала огромные территории, начиная от Египта и кончая глубинными районами Ирана. В конце VII в. до н. э. Новоассирийская империя была разрушена мидийцами и вавилонянами, а ее основные центры разграблены и многие обитатели ассирийских городов вырезаны. Это была месть государству, которое в течение нескольких столетий грабило и опустошало страны Ближнего Востока.

Падение Ассирийской империи не только привело к драматическим политическим переменам, но также вызвало значительные экономические последствия. Враги Ассирии смели многие достижения ее административной системы и даже разрушили ряд важных городских и торговых центров, созданных в новоассирийские времена. Например, финикийский город Экрон, который был крупнейшим центром Ближнего Востока по производству оливкового масла и важной транзитной базой, был разрушен вавилонянами в конце VII в. до н. э. (Dothan, Gitin 1992: 420).

Такая деструктивная политика была характерна для нововавилонских и мидийских царей в период их раннего правления. Это легко объясняется тем, что на смену Ассирийской мировой империи с ее хорошо организованными административными институтами пришли довольно примитивные государства. Так, Мидия была раннегосударственным образованием, основанным на племенном союзе. Нововавилонское царство также было сравнительно примитивным образованием, хотя охватывало большую территорию, включая Месопотамию и области к западу от нее, вплоть до границ с Египтом. Правда, высшие слои халдейских племен — основная опора Нововавилонской державы — еще до ее образования восприняли традиционную вавилонскую культуру. Тем не менее военная мощь государства в значительной степени покоилась на племенной организации халдеев. Поэтому вавилонские правители не чувствовали необходимости в ассирийских административных институтах и развитых экономических центрах. В частности, ассирийская система регулярного сбора податей больше не действовала, и вавилонскому царю Навуходоносору II приходилось ежегодно совершать походы в Палестину и Сирию, чтобы собрать налоги.

Но такое положение должно было коренным образом измениться, когда началось становление новой мировой империи. Это была Ахеменидская держава с центром на Иранском плато. Она возникла в течение всего нескольких десятилетий, между 550–512 гг. и охватывала Малую и Среднюю Азию, западную часть Индии, Элам, Вавилонию, Сирию, Финикию, Египет и другие страны. Поэтому в сжатые периоды приходилось создавать новую административную систему для управления огромной империей, в состав которой входило более 80 народов. Для этого ахеменидским государственным деятелям, очевидно, пришлось обратиться к опыту ассирийцев, на достижения которых теперь смотрели с нескрываемым восхищением как на деяния славного прошлого. Мы можем предполагать, что после падения Ассирии ее административные традиции не были полностью утеряны. Как известно, начиная с VIII в. до н. э. в западных областях Ассирийской империи арамейский, наряду с аккадским или часто взамен него, стал языком дипломатии и администрации (Tadmor 1982: 451). Арамейские писцы продолжали работать в регионах, ранее подвластных ассирийцам, и, очевидно, старались сохранить традиционные ассирийские административные институты. Когда персы завоевали Месопотамию, они легко могли использовать этих арамейских писцов для создания новой административной системы, которая теперь по всей империи была основана на арамейской канцелярии. Высказывалось также мнение, что традиционная ассирийская почтовая служба для управления провинциями позднее была использована ахеменидской администрацией.

В ходе становления ахеменидской культуры и имперской идеологии широко использовались также эламские, урартские, египетские, вавилонские и другие древние традиции (Carter 1994: 65 ff.; Seidl 1994: 107 ff.). Новая имперская культура была многим обязана и ассирийским культурным традициям, особенно в области создания канонов ахеменидского престижного искусства. Источниками заимствования ассирийских элементов культуры были как прямые наблюдения над еще сохранявшимися в раннеахеменидское время предметами ассирийского искусства, так и мидийская традиция дворцового искусства, которая в значительной степени восходила к ассирийскому. Ученые уже неоднократно отмечали, что стиль и детали ахеменидских рельефов имеют точные аналогии в ассирийском искусстве, целью которого было, как и позднее при Ахеменидах, возвеличение империи и могущества царской власти.

Ассирийские традиции широко использовались также в период формирования ахеменидской имперской идеологии. Как в Ассирии подчеркивалась личная связь царя с богом Ашшуром, так и при Ахеменидах связь правителя с богом Ахурамаздой стала важной идеологической концепцией. Да и само изображение Ахурамазды в крылатом диске восходило к изображению крылатого бога Ашшура. Характерно также, что стиль прически Дария I на Бехистунском рельефе имеет близкое сходство с изображениями прически ассирийских царей (Root 1979: 215; там же приведена и более ранняя литература). Даже ассирийские методы наказания мятежников широко применялись, по крайней мере в раннеахеменидское время, как это видно из Бехистунской надписи. В ней, в частности, рассказывается, что бунтовщиков держали в кандалах перед воротами царского дворца, предварительно отрубив им носы и уши и выколол один глаз.

Заметно бросается в глаза также сходство между ассирийской и ахеменидской системами комплектования армии, которая состояла из регулярного войска, наемников, а также воинов, получавших надель из государственного фонда земли и несших за это воинскую повинность (Grayson 1992: 747).

Фонд государственных земель отчасти состоял из имений, отобранных у прежних царей и у некоторой части населения завоеванных стран, когда они не подчинялись ахеменидским правителям добровольно, а были усмирены силой оружия. Но также проводилось культивирование пришедших в негодность и давно заброшенных земель с последующим заселением их царскими воинами и зависимыми от государства работниками. Одновременно велась значительная работа по искусственному орошению пустыющих земель с внедрением новой техники. О результатах таких работ нам больше всего известно из большого количества документов, происходящих из города Ниппура в Вавилонии и относящихся ко второй половине V в. до н. э. (Oppenheim 1985: 578; Stolper 1985: 125 ff., 133). Можно вспомнить также рассказ Геродота (III. 117) о том, что по распоряжению персидских царей были сооружены шлюзы для распределения воды из реки Акес в Средней Азии.

Контакты между людьми разных языков, культур и образа жизни восходят к незапамятной древности и прослеживаются в письменных источниках и памятниках материальной культуры еще на заре цивилизации. Однако именно при Ахеменидах мир на огромных пространствах от Африки до Западной Индии стал

единым. Теперь контакты с далекими странами перестали быть привилегией финикийских или греческих купцов и подобных им групп населения. В Месопотамии, Египте и других странах появились воинские гарнизоны, в которых служили представители десятков различных народов, до того часто и не знавших о существовании друг друга. Например, на самом юге Египта, на острове Элефантина, наряду с иудеями, вавилонянами и другими воинами из западных областей державы служили также и хорезмийцы из Средней Азии. В округе Ниппура в Месопотамии пестрые в этническом отношении гарнизоны царских воинов включали, в частности, выходцев из Малой Азии и далекой области Харайва на территории современного Афганистана (нынешний Герат), а также представителей западных семитов и других народов. Когда Геродот, бывший подданный персидского царя, в середине V в. до н. э., во время своего знаменитого путешествия по странам Ближнего Востока, посетил Вавилон, он там нашел греческих обитателей города, которые снабжали его, мягко говоря, далеко не достоверной информацией об истории Месопотамии. Такие же греки были его проводниками, когда он оказался в Египте, но на этот раз их информация была более или менее надежной.

В некоторых странах ахеменидская администрация создавала государственные мастерские, где работали ремесленники из разных регионов. Например, в египетском городе Мемфисе бок о бок работали кораблестроители из многих стран. В Персеполе египетские и мидийские каменотесы, малоазийские инкрустаторы и другие мастера сооружали царские дворцы.

Оживленные связи установились не только между рядовыми людьми, но также между интеллектуальными элитами тогдашнего мира. Например, вавилонские документы ахеменидского времени неоднократно упоминают о пребывании в Месопотамии зороастрийских магов, которые были официальными жрецами персидских царей, и об их связях с вавилонскими храмовыми чиновниками. Можно с уверенностью полагать, что предметом их общения с вавилонянами были не только хозяйственные заботы, о чем свидетельствуют документы (Dandamayev AoF 22. 1995), но также и вопросы религиозного характера, включая и космогонические представления. В вавилонских городах иранские маги могли также легко встретиться и с проповедниками иудейского вероучения, с которыми у них в ряде случаев были сходные представления. Приблизительно к тому же времени относится знакомство древнегреческих философов с зороастризмом. Не только Геродот, но также Гекатей, Демокрит и другие представители греческой культуры путешествовали по странам Ахеменидской державы и рассказывали грекам о народах, обитавших там, и об их культуре и обычаях.

Налоги, подати и разнообразные поборы существовали еще за две с половиной тысячи лет до возникновения Ахеменидского государства и всегда вызывали недовольство населения. Ахеменидская администрация установила довольно умеренные налоги с подданных с учетом обрабатываемой земли и степени ее плодородности за ряд лет. Все сатрапии обязаны были платить ежегодно строго зафиксированные денежные подати. Вначале сбор подагей, по-видимому, не вызывал больших затруднений. Однако произвол чиновников, который невозможно было искоренить, превратил подати в тяжелое бремя для налогоплательщиков. Кроме того, на их положении неблагоприятно сказывалась и техника

сбора налогов. Поскольку их надо было платить серебром, землевладельцам часто приходилось занимать деньги у ростовщиков, закладывая свои поля, что в конечном итоге приводило к их разорению. Об этом особенно богатая информация сохранилась в текстах из архива дома Мурашу, составленных в Ниппуре во второй половине V в. до н. э. Как видно из этих документов, в тех случаях, когда землевладелец нуждался в деньгах для уплаты подати, он обращался к дому Мурашу с просьбой уплатить причитающуюся с него подать. Мурашу платили соответствующую подать и получали с должника расписку за уплаченную сумму. Если подать не вносилась своевременно, начальники тех или иных округов передавали землю неисправных налогоплательщиков в распоряжение дома Мурашу, с тем чтобы в будущем последний регулярно вносил подать с нее. В конечном итоге такие процессы привели к сосредоточению огромного количества земель, расположенных в Ниппурской округе, в руках дома Мурашу. Тексты свидетельствуют о том, что Мурашу разоряли целые поселения, угоняя оттуда скот и унося имущество должников. Однако такая практика была незаконной, и Мурашу в ряде случаев необходимо было возмещать причиненный ущерб (см., например: BE X 9). Для уплаты податей приходилось также занимать деньги под залог недвижимого имущества или членов семьи. Как видно из Книги Неемии (V. 3–5), в Иудее многие занимали серебро для уплаты царских податей, отдавая своих сыновей и дочерей в рабство. Документы из Вавилонии показывают, что нередко жители этой сатрапии закладывали поля и сады, чтобы достать серебро для уплаты податей царю.

Недовольство населения вызывала и военная повинность. Однако к всеобщей мобилизации боеспособного мужского населения прибегали лишь в крайне редких случаях (например, во время похода Ксеркса против Греции). Наконец, существовали различные трудовые повинности. В частности, многих квалифицированных ремесленников направляли из Египта, Вавилонии и других стран в Иран для сооружения и ремонта царских дворцов.

Еще в ранний период возникновения Ахеменидской державы ее ведущие государственные деятели, разумеется, хорошо осознавали, что им предстояло управлять, в частности, народами с тысячелетними культурно-историческими традициями и что в каждой стране они должны не только выражать уважение к этим традициям, но также выступать их прямыми наследниками и хранителями. Так, например, Кир II, основатель державы, в своих вавилонских надписях гордо называет себя «великим царем Аншана», подчеркивая свою приверженность к тысячелетним месопотамско-эламским традициям. Он также заявлял (и, по всей вероятности, сам верил в это), что вавилонский верховный бог Мардук велел ему захватить Вавилонию, чтобы освободить ее от произвола и гнета Набонида, последнего местного царя. Подобным же образом, когда Камбиз захватил Египет, по его словам, он это сделал по призыву египетской богини Нейт.

Но уважения, даже подчеркнутого, к богам покоренных народов и к традиционной частной жизни последних было недостаточно для того, чтобы власти вызывали восхищение у подданных. Надо было показать последним своих многочисленных богов, сначала определив их иерархию, а также создать величественные дворцы и единообразный стиль официального искусства. Эта рабо-

та в основном была осуществлена в период правления Дария I. Уже в самом начале его царствования возникла необходимость в переосмыслении имперской политики. Когда в 522 г. он вступил на престол, по всей державе (включая и саму Персию) вспыхнули многочисленные восстания против него, на подавление которых ушло более года. После этого пришлось представить подданным официальную версию о случившемся. Она дана в Бехистунской надписи, где утверждается, что в странах империи возобладала ложь, но Дарий с помощью бога Ахурамазды покарал бунтовщиков и восстановил порядок. Таким образом, те, кто восстал против Дария, изображаются лжецами и преступниками. В той же надписи отмечается, что она была переведена на многие языки и разослана во все страны империи для ознакомления народа с ее содержанием. Но вряд ли эта официальная версия устраивала подданных и имела у них успех; народ в большинстве своем не умел читать, да и царских писцов было явно недостаточно, чтобы ознакомить всех с содержанием надписи.

Несколько позднее, когда Дарий упрочил свою власть, тон его надписей значительно смягчился. Теперь он стал подчеркивать свою заботу о слабых и бедных — мотивы, популярные в течение тысячелетий в надписях шумерских, вавилонских и ассирийских царей. Кроме того, по словам Дария, он решал важные дела, приняв во внимание все обстоятельства, обладал большой физической силой и был отличным всадником и превосходным лучником. Таким образом, суть имперской идеологии заключалась в том, что ахеменидские цари были идеальными правителями, представителями богов на земле, защитниками справедливости и социального порядка.

В период около 520 г. до н. э. Дарий решил построить новую имперскую столицу, которая получила название Парса (в греческой передаче — Персеполь). Весь план будущего города был детально разработан еще до начала работ. Его дворцы представляли единый архитектурный ансамбль. Парадный дворец для государственных приемов (ападана) вмещал 10 000 человек. На его лестницах были высечены рельефы с изображением придворных персов и мидийцев, а также представителей 33 народов Ахеменидской державы, несущих подаги персидскому царю. В Персеполе отмечались важные государственные праздники, на которые прибывали и представители покоренных народов со всех концов империи; здесь же часто принимались и послы иностранных государств. Во многих частях города можно было видеть ярко раскрашенные изображения верховного бога царского пантеона Ахурамазды. Приблизительно в это же время оформляются определяющие черты ахеменидского искусства: строжайшая композиция, стремление к абсолютной симметрии, зеркальное построение одних и тех же сцен, трафаретность фигур, каноничность поз и атрибутов. Таким образом, в Персеполе был создан тот имперский ахеменидский стиль, который впоследствии стал господствовать на всей территории, подвластной Ахеменидам. Этот дворцовый стиль распространился чрезвычайно широко, фактически создав единство культуры от Инда до побережья Малой Азии. Культурное единство ахеменидского мира не исчерпывается единством стиля памятников искусства, но охватывает и предметы материальной культуры, распространяясь даже на формы и стиль стеклянной и керамической посуды.

Таким образом, при всей пестроте социально-экономических укладов, этнических и культурных различий постепенно возник единый культурно-исторический мир. Однако с этим миром, естественно, соприкасались в основном высшие слои покоренных народов и их чиновники, которые ездили на поклон к царю царей или к его сатрапам.

В различных регионах Ахеменидской державы существовали совершенно отличные друг от друга политические режимы (монархические, демократические, аристократические и теократические), которые продолжали функционировать скорее в силу исторических традиций и убеждений подданных, чем по выбору или предпочтению центральной власти. Разумеется, зависимость подданных различных регионов от центральной власти не была одинаковой, но в общем и целом ахеменидская администрация (как и вообще, за редкими исключениями, власти в других древних обществах) вовсе не стремилась к установлению всеобъемлющего контроля над населением. Дело даже не в том, что государства на Древнем Ближнем Востоке не имели достаточных средств или опыта, чтобы надзирать над подданными, или не располагали необходимой для этого идеологией, а скорее в том, что они считали такой надзор излишним или, во всяком случае, противоречащим традиционным общественным отношениям и божественным установлениям. От подданных власти требовали лишь лояльности к существовавшему политическому порядку, а в остальном они были предоставлены самим себе. В их семейные отношения и взаимоотношения с другими членами общества государство не вмешивалось, если только не нарушались действовавшие в данное время и в данной стране законы.

В Ахеменидской державе были страны (Египет, Палестина, Месопотамия и Малая Азия), где существовали крупные дворцовые, храмовые и частные библиотеки и где процент грамотных людей был сравнительно высок. Но центральная власть, естественно, не интересовалась, какие произведения хранились в этих библиотеках и что подданные читали. Чрезвычайно редко случавшиеся в древних обществах попытки уничтожения исторических хроник или иных других книг (например, в Китае) не засвидетельствованы на Ближнем Востоке I-го тысячелетия до н. э.

В общем и целом подданные Ахеменидов жили в довольно мягком идеологическом климате и находились скорее в плену у собственных предрассудков, чем у официальной государственной идеологии, обязательной для всех. Люди в древних обществах слишком зависели и от природных явлений, и от внешних обстоятельств, и их жизнь покажется тяжелой и безрадостной современному человеку, хотя те чувствовали себя, во всяком случае, не менее счастливыми или несчастными, чем он. Эти общества гораздо меньше подвергались давлению официальной идеологии и религиозных догматов, чем это было характерно для всего последующего времени, вплоть до возникновения современных постиндустриальных государств.

Ахеменидская держава включала в свой состав десятки народов, и между представителями некоторых из них возникали напряженные или неприязненные отношения, основанные на торговой или иной конкуренции (например, между малоазийскими греками и финикийцами). Однако вражда на этнической или ра-

совой основе была чужда древним обществам. Даже в Новоассирийской державе, где постоянно происходили депортации целых народов из одного конца империи в другой, никаких этнических преследований не было, и представители самых различных народов могли добиться сравнительно высокого положения при царском дворе или в государственной администрации. Даже господствующий класс ассирийцев не был однороден в этническом отношении, и в его состав входили многие арамеи, которых невозможно было отличить от «природных» ассирийцев. Тем более не было оснований для этнических преследований в Ахеменидской державе, администрация которой не смогла бы сколько-нибудь успешно функционировать без самого широкого привлечения представителей разных народов в качестве не только чиновников, но и экспертов по делам того или иного народа.

В ахеменидское время в Персии народные массы поклонялись древним иранским божествам, особенно богу Солнца Митре и богине вод и плодородия Анахите. Среди народа культ Ахурамазды, верховного бога царского пантеона, не получил распространения. Именно по этой причине в течение всего ахеменидского периода не засвидетельствованы теофорные имена с Ахурамаздой, в то время как теофорных имен с Митрой очень много. Это может свидетельствовать о том, что население Ирана не было обязано поклоняться Ахурамазде, который в официальных перечнях богов всегда стоит на первом месте. В этой связи возникает вопрос: были ли культы государственных богов, почитаемых царями стран Ближнего Востока, обязательными и для поклонения их подданных? Но прежде, чем попытаться ответить на этот вопрос, следует вспомнить о том, что политеистическим религиозным системам были чужды догматы и твердо установленные нормы, а также нетерпимость по отношению к верованиям других народов или лиц. Политеизм не имел также представления о ложной вере или каких-либо формах ереси. Именно отсутствие религиозной демаркации и концепции о ереси было причиной того, что древние боги не испытывали зависти друг к другу (Burkert 1987: 48).

Хотя ахеменидские цари считали своего Ахурамазду самым могущественным богом, они также верили в божества покоренных народов, поклонялись им, стремясь добиться их благожелательного к себе отношения. Поэтому официальный имперский пантеон Ахеменидов включал десятки различных божеств (Bickerman 1976a: 93 ff.). Все они считались государственными богами различной важности, и всем им приносились жертвы от имени ахеменидских правителей. Основные государственные боги выставлялись перед народом во время важных праздников.

Хотя обожествление царей было чуждо персам, в Египте, согласно местным традициям, ахеменидские правители, естественно, считались богами. Например, Диодор Сицилийский (1. 95. 4–5) писал, что Дарий I был обожествлен египетскими жрецами за его благожелательное отношение ко всему священному для египтян. Это подтверждается и египетскими текстами. Так, например, в одной надписи говорится, что Дарий был рожден богиней Нейт, которая признала его и вручила ему лук, чтобы он пронзил им своих врагов (Тураев 1913: 135).

Соблюдение религиозных предписаний было скорее личным делом индивидуумов, и в общем они сами решали, каким богам следует им поклоняться. Ни

Ахемениды, ни другие правители древности и не помышляли о том, чтобы навязать покоренным народам свои религиозные взгляды. Прозелитизм был чужд древней идеологии, ибо никто не был заинтересован в том, чтобы делиться с посторонними благодеяниями своих богов, великодушие которых не было безграничным.

Мы не располагаем никакими свидетельствами относительно наказаний нечестивых людей на Древнем Ближнем Востоке. Очевидно, предполагалось, что боги сами накажут тех, кто не проявлял должного уважения к ним. Разумеется, нечестивцы не пользовались уважением окружающих. Так, например, согласно вавилонскому сочинению «Шурпу», те, кто относится с пренебрежением к своему богу или проявляет презрение к своей богине, совершают преступление против них. Естественно, такие люди не являлись украшением своего города, а считались его позором (Reiner 1958: 13 ff., 97).

Таким образом, государственные чиновники и храмовые власти не следили за выполнением религиозных обрядов частными лицами. Люди могли приносить жертвы любым богам, которым они желали поклоняться, но обычно почитали прежде всего богов — покровителей своих родных городов. В дополнение к государственным и общинным культам существовал также частный культ. Люди верили в то, что они могут жить благополучно только в том случае, если их личные боги будут покровительствовать им (Jacobsen 1987: 465). В вавилонском сочинении «Владыку мудрости хочу восславить» герой жалуется, что его бог-защитник покинул его и богиня его исчезла (Lambert 1975: 32). Те, кто не имел своих семейных богов или был покинут ими, были обречены на страдания до тех пор, пока они не найдут себе новых божеств. Семейные боги имели свои алтари, где им ежедневно приносились жертвы, сопровождавшиеся молитвами. За почтительное отношение к ним и за регулярную заботу об их культе боги, в свою очередь, обязаны были защищать и оберегать своих подопечных.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О РЕЛИГИИ В ПЕРСИИ НА РУБЕЖЕ VI–V ВВ. ДО Н. Э.⁷

В 1933–1934 гг. в Персеполе было найдено большое количество клинописных текстов на эламском языке, получивших условное название «таблички крепостной стены». Несколько позднее А. Пибель дал транслитерацию и частичный перевод двух документов крепостной стены, в которых упомянут маг с ясно выраженным иранским именем (Poebel 1948: 133–134. Ср.: Cameron 1938: 7). Сравнительно недавно Р. Т. Халлок издал 2087 текстов крепостной стены⁸ (сюда включены и оба упомянутых выше документа). Эта публикация дала в распоряжение иранистов и специалистов по смежным областям исключительно

⁷ Впервые опубликована: ВДИ 1974 2: 18–33.

⁸ Hallock 1969. Ср.: Дандамаев 1972: 3 сл.

обильную и разнообразную информацию. По времени эти тексты охватывают период с 509 по 494 г. до н. э. (с 13-го по 28-й год царствования Дария I), а по территории — значительную часть Персиды и Элама (при этом некоторые документы составлены в Сузах), хотя все они найдены в Персеполе. Тексты дают, в частности, ценные данные и о религии в Иране, не говоря о том, что сотни ранее не засвидетельствованных иранских имен отражают идеологию общества и социальные отношения⁹.

Религия древних иранцев привлекает внимание ученых вот уже в течение нескольких веков. При этом специалисты часто расходятся между собой относительно проблем религиозной принадлежности магов, ахеменидских царей и иранских племен, характера деятельности Заратуштры и т. д. Публикация новых текстов вновь вызвала оживленную полемику по этим вопросам. Ниже мы остановимся на рассмотрении свидетельств текстов о религии в Персиде, а также на их интерпретации с учетом литературы последних лет.

Многие термины, обозначающие религиозные понятия, пока не поддаются конкретному осмыслению. Одним из таких терминов является слово *lan*, перед которым всегда стоит детерминатив *DINGIR* «бог», что ясно указывает на сакральный характер слова (Hallock 1969: 19). Ниже это слово условно переводится «культовые возлияния», «жертвоприношения». При выдаче в распоряжение жрецов вина, пива, муки, зерна и фруктов часто употребляется также слово *dauram* «культовые возлияния» от др.-перс. **dauša-*¹⁰. Возможно, что это слово является эквивалентом эламского *lan*.

Для потребностей культа маги¹¹ получают с государственных складов, расположенных в различных поселениях Персии, зерно, вино и инжир. Согласно документам 757 и 2036, маг по имени Курка¹² получил для культовых возлияний соответственно за 507 и 505 гг. по 12 марриш вина из расчета по 1 марриш (около 10 л) ежемесячно. При этом в тексте 757 отмечается, что религиозная церемония совершается в местности Марсашкаш (локализация ее, как и большинства других топонимических названий в табличках крепостной стены, пока еще не установлена). Очевидно, Курка получал ежемесячно из года в год по 1 марриш вина для нужд культа. Далее маг Ирдакурраддуш получил для возлияний на весь 503 г. 12 марриш вина или, как это отмечается в самом тексте, по 1 марриш в месяц (758). Магу Хатурбануш было выдано для нужд культа за 499 г. в местности Анкараккан 30 марриш вина (759). Для тех же целей маги Ишкам-такка и Маудадда в 501 г. получили 72 марриш вина (772).

⁹ См. литературу: ВДИ 1972 I: 8, примеч. 13 и 14. К упомянутым там работам теперь следует добавить: Грантовский 1971: 304 сл.; Mayrhofer 1971; Schmitt 1972a: 340–345; Schmitt 1972b: 49–52, 188–193; Schmitt 1972c: 82–92; Hinz 1973: 105–118; Mayrhofer 1973.

¹⁰ Ibid.: 25–26. Ср. слово *tamšiyam*, что, по мнению И. Гершевича, связано с авестийским *zaoša-* «удовольствие», чему в др.-перс., вероятно, соответствовало *daušiyam «то, что служит для удовольствия» (см.: I. Gershevitch apud Hallock 1969: 19).

¹¹ *Makuš* — эламская транскрипция др.-перс. *magu-*, ср. греческую передачу *μάγος*. См.: Hallock 1969: 723, s.v.

¹² По-видимому, иранское имя. Этимологию этого и других приведенных ниже имен магов см.: Benveniste 1966, Gershevitch 1969a: 167 etc.; Mayrhofer 1973.

За 12 месяцев 501 г. магу Митукка для жертвоприношений было выдано 72 бар (1 бар = около 10 л) зерна (1951). Маг Ирдазана получил 6 иртиба (18 л) зерна, из которых 2 было предназначено для бога Турма¹³ и 4 — для Митры (1957, ср. ниже). Весьма примечательно, что этот маг носит титул *pirgamasda*, восходящий к др.-перс. *framazdā- «отменно памятный». По-видимому, такой титул применялся для обозначения жрецов, которые читали наизусть гимны (Gershevitch 1969b: 181).

Магу Укпиш выдается 12 иртиба зерна: 3 для церемонии *lan* и по три для культа бога Митры, горы Ариарамн и реки Ахинхаришда (1955). Само имя Укпиш представляет определенный интерес, поскольку оно переводится «(тот, кто) обеспечивает хорошее лечение» (Gershevitch 1969a: 243), что характерно для деятельности магов. Далее магу Пиршамарда выдается 12 бар инжира для жертвоприношений в местности Нареззаш за 498 г. (769).

Наконец, по свидетельству документа 1798, управляющий царским хозяйством Фарнак велел начальнику над курташ (рабочий персонал) Иршене выдать для мага Лимспирда, назначенного самим Фарнаком, 9 бар муки в качестве жалованья за 8-й и 9-й месяцы 499 г. (т. е. по 1,5 л за каждый день — при этом сам текст написан в 9-м месяце)¹⁴.

Наряду с термином «маг» и при этом гораздо чаще употребляется эламское слово *šatin* «жрец» (ср.: Hinz 1970: 430). Поскольку эти жрецы обычно носят иранские имена и служат иранским богам (но в некоторых случаях и эламским богам), возможно, что они также являлись магами, а соответствующие древнеперсидское и эламское слова являются лишь эквивалентами. Однако нельзя исключать возможности, что маги являлись лишь одной из жреческих групп и именно поэтому особо выделены в документах¹⁵.

¹³ Гершевич полагает, что это — авестийский бог *Zrvan-* (Gershevitch 1969b: 183).

¹⁴ Попутно отметим и все остальные документальные данные о магах. Из вавилонских клинописных табличек и арамейских папирусов известно, что в ахеменидский период иранские маги появились в Вавилонии и Египте. Можно предположить, что они были назначены к персам и индийцам, проживавшим в этих странах, для выполнения религиозных обязанностей. Имена магов в тех случаях, когда они приводятся, иранские (например, *Mitrasarah*, см.: Kraeling 1953: 24, где упомянутый маг выступает одним из свидетелей при заключении деловой сделки). К сожалению, документы в большинстве случаев не дают представления о роде деятельности этих магов. В одном тексте они названы во множественном числе (^{amcl} *ta-gu-še^{me}*) между «гарда» (^{amcl} *ga-ar-du* = эламскому слову *kurtāš*) и «сыновьями дворца» (^{amcl} *māg^{me}* *ekalli*). см.: VS III 138/139: 2, где зафиксирована выдача продовольствия указанным группам. В документе из архива Мурашу (V в. до н. э.) упоминается местность близ Ниппура: ^{amcl} *hu-uš-šc-e-ti šā^{me}* *ta-gu-uš*, дословно «троспиковая хижина мага» (ТМН 2/III 184: 8). В одном письме из Урука сообщается, что маг (^{amcl} *ta-gu-šu*) выкопает хранилище для муки. Далее в тексте говорится, что маг и храмовый писец поставлены для надзора над работниками (YOS III 66: 7). Эти сообщения могли бы свидетельствовать о том, что маги, в частности, выполняли определенные хозяйственные функции в административном аппарате. Ср. парфянский документ от 72 г. до н. э., согласно которому два писца доставили вино и вместе с магом (MGWSH) по имени Михрдат сдали его на склад: см.: Дьяконов, Лившиц 1966: 147. № 164.

¹⁵ В Мидии и Персии вряд ли, кроме магов, были еще другие официально признанные группы жрецов. но в эламских областях, естественно, были и жрецы древних местных культов. В текстах крепостной стены встречается собственное имя *Atsarma*, которое Гершевич считает эламской транскрипцией др.-перс. *aθarvā. В «Австем» указанному персидскому слову соответствует *aθrava* — термин для обозначения

Ряд текстов свидетельствует о выдаче зерна, вина и пива для культа верховного иранского бога Ахурамазды. Жрец Бакабана в 502 г. получил 80 бар зерна, из них — 40 для Ахурамазды и 40 — для другого иранского божества, а именно Мишдуши (см.: Gershevitch 1969b: 174). Документ содержит любопытную приписку, что «затем зерно было использовано для курташ» (337). Ср. документ 336 от 503 г., согласно которому тот же Бакабана получил 40 бар зерна для культа бога Мишдуши, а затем курташ съели это зерно. Другому жрецу было выдано 5,7 марриш вина: 7 ка (около 7 л) для Ахурамазды, 2 марриш (20 л) для Хумбана, верховного эламского бога, и по одному марриш для рек Хупутиш, Ранмакарра и Саусаниш (339). Жрец Ирдабаба использовал 4 марриш пива для возлияний Ахурамазде (771). 16 марриш вина было выдано в 501 г. жрецу Аппирка для Ахурамазды, Митры¹⁶ и эламского бога Симута (338).

По-видимому, упомянутый в некоторых текстах «великий бог»¹⁷, как полагают Хинц, был Ахурамаздой¹⁸. Некий Хидуш, названный «жрецом великого бога», получил 7 бар зерна (596). Гаубарува было выдано 4 марриш пива, 2 — для «великого бога» и 2 — для аккадского бога Адада (353). Наконец, жрецу Зинина для жертв «великому богу» было отпущено 3 бар зерна (354).

Жрец по имени Машкама получил для возлияний иранскому божеству Пирдакама (см.: Gershevitch 1969b: 179, s.v.) 5 марриш вина (303). Другому жрецу было выдано 5 иртиба зерна: по одной мере для иранских богов Турма, Митра и Марираш (ibid.: 173–174), а также для церемонии lan и культа какой-то местности (1956). Согласно другому документу, для бога Марираш отпускается 3 марриш вина и 2 — для совершения церемонии lan (773). Жрецу Упиш было

жрецов. По мнению Гершевича, тот факт, что это имя в Персеполе засвидетельствовано не в его авестийской форме, добавляет к скудным данным о религии в Западной Иране новый момент первостепенной важности (см.: Gershevitch 1969a: 189–190). В текстах крепостной стены (1224 и 1986) засвидетельствовано также слово *hatarabattiš*, которое Гершевич переводит «старшина жрецов *ađarvan-*» (Gershevitch 1959b: 170: ср. аналогичное образование *magu-rati «старшина магов»). Хинц не согласен с таким толкованием и полагает, что указанное слово является эламской передачей др.-перс. **ātravarti-* «верховный жрец» (Hinz 1970: 428–429).

¹⁶ *Misabaga* — дословно «Митра бог». Как отмечает Гершевич, это самое древнее известное упоминание Митры в Иране. если не считать теофорных имен: см.: Hallock 1969: 19, примеч. 11; ср.: Gershevitch 1969b: 175, s.v. *Mišeimka*. Хинц, исходя из варианта *mi-iš-še-ba-qa*, полагает, что это не обозначение Митры, а транскрипция др.-перс. *visai bagā «все боги», поскольку *e* может передавать дифтонг *ai*. Хинц ссылается также на выражение Бехистунской надписи «Ахурамазда вместе со всеми богами» (см.: Hinz 1970: 428). Такое мнение принято и Дюшен-Гийемином (см.: Duchesne-Guillemin 1972: 68), но оно нам представляется недостаточно убедительным. так как в отличие от Бехистунской надписи в текстах крепостной стены всегда приводятся конкретные имена богов. Трудно предположить также, что в рассматриваемом тексте после имени Ахурамазды употреблено выражение «все боги», а затем следует еще имя бога Симута.

¹⁷ GAL¹⁶. Ср. фонетическое написание: ^d*pa-piṛ ir-šā-ir-ra*.

¹⁸ Халлок сначала отождествлял «великого бога» с Хумбаном, но потом отказался от такого мнения, отметив, что неясно, какой бог имеется в виду (Hallock 1969: V). Хинц пишет, что, во-первых, в ахеменидское время Хумбан не был табуирован и, во-вторых, перс Гаубарува совершает возлияния пивом «великому богу» и, исходя из этого, считает, что под великим богом имеется в виду не Хумбан, а Ахурамазда (Hinz 1970: 428 ff.). Не оспаривая мнения Хинца по существу, заметим, что оба его аргумента спорны, так как Ахурамазда также не был табуирован, а лица с иранскими именами в ряде случаев (см. ниже) служили и эламским богам.

выдано 7 иртиба зерна: 3 — для Iap, 2 — для культа горы Шируманды и 2 — для бога Нарисанка¹⁹ (1960). В тексте 2073 упоминается неизвестное из других источников божество Наббазабба, на культ которого отпускается 1 бар зерна. Некий Туррибабда совершил возлияние иранскому божеству Антузза (Gershevitch 1969b: 166) (770).

В 500 г. жрец Уруру, получив со склада 80 бар зерна, обменял его на 8 годовалых овец, из которых двух использовал для жертв богу Ададу, а остальные для культа трех поименно упомянутых местностей (352)²⁰. В 500–499 гг. на культ Адада было израсходовано 11 бар зерна (587 и 2073). Согласно документу 351, Адад вместе с эламским богом Хумбаном получил 5 марриш вина.

Хумбан упоминается в текстах больше, чем все остальные боги вместе взятые (всего 14 раз) (Hallock 1969: 19). Жрецы Анбадуш, Мармака, Пидака, Зупра Театукка, Нагира и Мардоний получают в местностях Ташпак, Уратук-каш, Умпураниш и Уратика для культа Хумбана вино (от 3 до 15 марриш), зерно и муку (от 7 до 60 бар) (см. тексты 340–350 и 2029). Жрецы Хумбана в большинстве случаев, судя по собственным именам, были эламитами, но среди них встречаются и иранцы, например Мардоний (348). Исходя из табличек крепостной стены, Хинц полагает, что эламское культовое место Зила-Хумбан у скалы Курангун в Эламе считалось священным еще в начале V в. до н. э. Дословно название этого места переводится «стела Хумбана», и на скале этот эламский бог изображен сидящим на троне вместе со своей супругой (Hinz 1970: 427).

Во многих текстах зафиксирована выдача для богов зерна (от 5 до 200 бар), овец (3–6 голов), пива и вина (от 1 до 12 марриш). При этом имена богов не указываются, но их святилища были расположены в местностях Атек, Батракаташ, Машлапти, Партуки, Пунну и Хишема. Жрецами в этих местах служили эламитами и иранцы: Акшимашра, Атукка, Банда, Иртманнувиш, Иргея, Карсука, Китинду, Мардуду, Набапиш, Ракуш, Хупаннуку, Уммурдан, Уруру и Шуддаяуда (см. тексты: 356–362, 364–373, 377 и 2030). При этом количество продуктов, выданных для культа в одной и той же местности в различные годы, одинаково. Например, по свидетельству документов 356–358, в 501, 503 и 504 гг. в местности Хишема заведующий складом Аммамарда выдавал жрецу Уммирдану по 5 бар зерна в год.

Многие тексты фиксируют отпуск продуктов для совершения возлияний в поселениях Батракаташ, Матеззиш, Ташпак, Узикурраш, Харбуш, Хатаррикаш, Хидали и Шиякаш, где жрецами служили Анкумарма, Ашшика, Гаумата, Даупирна, Дудда, Ирдамассана, Ирдукара, Иртманнувиш, Камтена. Накунда, Паришша, Парру, Гармия, Харима, Хатурмаша, Хашшидабда, Умартия, Умая и

¹⁹ Как указал Дюшен-Гийемин, это — иранский бог Nairyā. sanha, см.: Hallock 1969: 19; Duchesne-Guillemin 1972: 68. Там же со ссылкой на письменное сообщение Халлока отмечается, что, по свидетельству одного пока не изданного документа, жертвы приносятся еще богу Сакурзиш, в котором, по мнению Дюшен-Гийемина, следует признать иранского бога ʾaigriš.

²⁰ Ср. документы 363 и 1942, где также говорится об обмене жрецами зерна, выданного им для жертвоприношений, на овец. Хинц полагает, что администрация под влиянием зороастризма, выступавшего проигрив жертв скотом, выдавала для нужд культа зерно, но эламские жрецы обменивали его на овец (Hinz 1970: 427). Однако ср. ниже.

Яшда (см. 355, 741–746, 748–756, 760–768, 774, 1947, 1953, 1956 и 2073). Обычно выдача производится сразу на целый год (редко на несколько месяцев) из расчета по 1,5 марриш вина или пива, 1–3 бар муки или зерна на месяц. В одном документе зафиксирована выдача 18 бар фиников на год (768). Остановимся более подробно на некоторых текстах. По распоряжению царя в 499 г. в местности Харбуш было выдано 12 марриш вина (753). 78 бар муки было израсходовано для священной трапезы в Персеполе (672). Заведующий царским хозяйством Фарнак в 500 г. велел выдать в распоряжение жреца Курратумания 25 бар зерна для возлияний богам в местности Каупирриш (1802). По указанию того же Фарнака жрецам в Кемаруккаш было выдано для возлияний в течение 500 г. 30 марриш вина и 50 бар зерна (2067 и 2068).

Теперь необходимо перейти к рассмотрению свидетельств эпиграфических данных, которые в течение последних лет часто привлекаются при обсуждении вопроса о религии в ахеменидском Иране.

В 1936–1938 гг. во время археологических раскопок в Персеполе было найдено около 300 блюд, подносов, ступок и пестиков, изготовленных из зеленого камня (большая часть их была обнаружена разбитой в одном из помещений сокровищницы). 203 из этих предметов имеют надписи на арамейском языке.

Известный археолог Э. Шмидт, руководивший раскопками в Персеполе, назвал упомянутые предметы посуды «ритуальными сосудами» (Schmidt 1953: 156–200; Idem. 1957: 53–56). По его мнению, они были предназначены для приготовления хаомы, опьяняющего напитка, которым пользовались в ритуальных целях. При этом Шмидт ссылаясь на то, что на найденных им предметах посуды встречается слово *hwṇ* (*hāvana*), которым обозначается ступка для выжимания сока из растения хаома. Кроме того, Шмидт обнаружил в Персеполе оттиск печати с изображением ритуала приготовления хаомы. На этой печати два мага стоят перед алтарем огня. Один из них одет в опоясанный кафтан с длинными рукавами, а на другом башлык из войлока, который Страбон (XV, 15) приписывает магам. Один из жрецов держит в правой руке прутики (вероятно, веточки, соответствующие авестийскому баресман), а второй протягивает палочки в священный огонь. Там же под солнечным диском бога Ахурамазды изображены ступки и пестики, идентичные по форме тем, которые найдены в Персеполе (Idem. 1957: 9–10, pl. 7. N 20). Можно отметить также, что из арамейских папирусов времени Артаксеркса I давно известно иранское собственное имя *hwmdt* (*Haumadāta* — «созданный божеством Хаома»), которое позднее было найдено и в арамейских текстах на персепольской посуде.

Исходя из тех же соображений, Дж. Камерон также считает, что указанная посуда употреблялась для приготовления напитка хаомы, и далее он обратил внимание на то, что упоминаемые в арамейских текстах на этих предметах Датамитра и Багапаг названы «казначаями, которые в Арахосии». По его мнению, большая часть ритуальной посуды с арамейскими надписями была доставлена из крепостей (*byṭ*) *srk*, *prkn* и *hsl*, расположенных в персидской сатрапии Арахосии. Камерон полагал, что блюда, ступки и т. д. были привезены в «ритуальную столицу» (т. е. Персеполь) посетителями новогоднего праздника в дар, чтобы оставить память о себе (G. G. Cameron apud Schmidt 1957: 55; Cameron 1958: 162–163).

Сами тексты были опубликованы лишь недавно. Их издатель Р. Боуман пришел к выводу, что не только предметы посуды, но и надписи на них — ритуальные. По его мнению, эти надписи фиксируют церемонию приготовления хаомы персидской знатью, в том числе крупными военачальниками персепольского гарнизона. Боуман полагает, что культу хаомы в Персеполе был присущ характер военного митраизма, поскольку, по его предположению, упомянутые в текстах хилиархи и мириархи носили теофорные имена — Дагамитра, Митрадат и т. д. Сами тексты Боуман относит к времени царствования Ксеркса и Артаксеркса I, точнее, к 479–435 гг до н. э., полагая, что после поражения в войне с греками персидская армия нуждалась в поддержке бога войны Митры (Bowman 1970: 14–15, 21–23, 28–34 ff.) (Камерон датировал эти надписи временем Артаксеркса I и Дария II, т. е. 464–405 гг.).

Такое толкование персепольских надписей в основном принято Майрхофером и Хинцом (Maurohofer 1971: 12; Hinz 1972: 13–14), однако некоторые другие ученые отвергают его.

В сентябре 1971 г. на научной сессии в Ленинграде, посвященной 2500-летию Иранского государства, В. А. Лившиц в докладе «Арамейские надписи из Арахосии» высказал предположение, что надписи на культовых предметах из Персеполя фиксируют изготовление ремесленниками этих предметов и сдачу их казначейм в Арахосии, а отнюдь не церемонию приготовления напитка хаомы. На той же конференции выступил М. Н. Боголюбов с докладом «Упомянуты ли хилиархи и мириархи в арамейских надписях на ритуальных предметах, найденных в Персеполе?» По его мнению, ритуальные предметы были изготовлены в Арахосии, а надписи на них относятся ко времени царствования Дария II и Артаксеркса II (424–359 гг.) и являются регистрационными записями, упоминаемые же в них чиновники не были лицами высокого ранга²¹. В 1972 г. де Менаш высказал мнение, что арамейские надписи из Персеполя не имеют ничего общего с ритуалом хаомы и в них речь идет о дарениях или податях (см.: Duchesne-Guillemin 1972: 72). Арамеист Б. А. Левин также отвергает мнение Боумана, что упомянутые арамейские тексты описывают церемонию приготовления хаомы и фиксируют имена лиц, участвовавших в такой церемонии. Он полагает, что эти тексты являются учетными записями, фиксирующими имена посвятителей тех ритуальных сосудов, на которых имеются арамейские надписи. Но вслед за Боуманом Левин считает, что сами ритуальные предметы, вероятно, были изготовлены в Персеполе (Levine 1972: 70–79). К. Ниландер также высказал сомнение в правильности выводов Боумана²², а Гершевич считает их несостоятельными²³. По мнению П. Бернара,

²¹ См. отчет о конференции: НАА 1973 3: 239. К сожалению, доклад В. А. Лившица пока остается не опубликованным, а доклад М. Н. Боголюбова появился в «Известиях АН СССР. Сер. лит. и языка» (1973 XXXII 2: 172–177) под названием «Арамейские надписи на ритуальных предметах из Персеполя». Как нам представляется, в этой весьма ценной статье исправлены многие неверные чтения и толкования Боумана.

²² Доклад на VI Международном конгрессе иранского искусства и археологии в 1972 г. (текст не был опубликован).

²³ Устное сообщение.

арамейские надписи из Персеполя являются инвентарными документами, а пестики, ступки и тарелки составляли часть посуды из дворцовых кухонь и не употреблялись для культовых целей (Bernard 1972:165–176).

Интерпретация Боумана нам также представляется неверной. Укажем лишь на некоторые слабые моменты его аргументации, часть которых отмечена М. Н. Боголюбовым, В. А. Лившицем и другими учеными. Наименование местности *srk*, известное также из труда Исидора Харакского (как на это было обращено внимание Камероном), Боуман переводит как «культовый акт». По его мнению, мастерство, стиль предметов, а также письмо и язык надписей стандартны, и поэтому вряд ли они могли быть изготовлены в различных далеких от Персеполя местах. Но стандартность техники изготовления предметов посуды и надписей на них можно легко объяснить тем, что они являются изделиями царских мастерских в Арахосии. Далее, слово *bd* «сделал» (ступку и т. д.) Боуман перевел «выполнил» (церемонию хаомы). *škr* — хорошо известное из текстов ахеменидского времени слово, обозначающее (во всяком случае, в вавилонских документах, где оно пишется *iškaru*) «урок», «задание» (храмовым рабам и государственным работникам), Боуман перевел «питье», считая его эквивалентом аккадского *šikāru* «пиво», «алкогольный напиток» и видя в нем перевод иранского *haoma*. Наконец, слово *segan*, по мнению Боумана, обозначало командиров высокого ранга²⁴. Но вряд ли это так, поскольку в вавилонских документах ахеменидского времени *šaknu*, к которому восходит указанное арамейское слово, является титулом для мелких чиновников, которые возглавляли фискальные общины различных ремесленников и военных колонистов, сидевших на государственной земле и поэтому плативших царские подати и выполнявших повинности (Cardascia 1951: 7, 13, 40). Кроме того, как указывает сам Боуман, слово *segan* встречается в одном арамейском папирусе ахеменидского времени в значении «старшина плотников» (Cowley 1923 26: 9, 21). Наконец, считая, что трудно объяснить нахождение большого числа военачальников в Арахосии (однако в текстах речь идет вовсе не о военачальниках, а лишь о старшинах ремесленников), Боуман слова «в Арахосии» понимает так, что на новогодний праздник в Персеполь доставляли казначеев из этой отдаленной сатрапии как экспертов по культу хаомы. По мнению Боумана, имя упомянутого в персепольских арамейских текстах Датамигры засвидетельствовано также в печати с изображением церемонии хаомы, где его следует восстановить в форме *Dtm(tr)*. Исходя из этого, Боуман считает, что в печати и в надписях упоминается одно и то же лицо, принимавшее участие в церемонии хаомы в Персеполе. Однако Бернар указывает, что нет оснований дополнять имя в печати, так как *Datames* — хорошо известное по греческой передаче иранское имя (Bernard 1972: 166, примеч. 7).

Можно уверенно полагать вслед за В. А. Лившицем, что арамейские надписи были составлены в персидской сатрапии Арахосии и являются документами по

²⁴ Ср.: Bernard 1972: 167, где высказывается предположение, что *segan/šaknu* — высокий царский чиновник, даже сатрап.

учету посуды, изготовленной здесь ремесленниками царских мастерских²⁵. Ремесленники сдавали свои изделия (возможно, через своего старшину) заведующему сокровищницей, что соответствует картине, известной из вавилонских и арамейских документов ахеменидского времени.

Сказанное, разумеется, вовсе не противоречит тем фактам, что в ахеменидское время в Персеполе напитком хаома пользовались в культовых целях и, возможно, для приготовления этого напитка употребляли блюда, ступки и пестики, найденные в персепольской сокровищнице.

Выше уже отмечалось, что относительно религии в ахеменидском Иране в литературе давно существуют разногласия, которые не исчезли с публикацией новых текстов. Разногласия эти прежде всего касаются вопроса: были ли персы ахеменидского времени, их цари, а также маги зороастрийцами?

Остановимся на этой проблеме более подробно.

Частые расхождения между учеными относительно древнеиранских религий нередко вызываются тем обстоятельством, что «Авеста» — памятник многослойный и между ее различными частями имеется немало противоречий. Гершевич справедливо указывает на необходимость делать различия между религией Гат (учение самого Заратуштры), религией, отразившейся в Младшей Авесте, и официальной верой в Иране сасанидского времени²⁶.

По мнению Гершевича, составление основного ядра Младшей Авесты началось через сто с лишним лет после Гат и смерти Заратуштры, т. е. в последней четверти V в. до н. э. В учение Заратуштры было внесено много изменений, и в

Рис. 41. Изображение мага на золотой пластинке из сокровищницы Окса

²⁵ При этом упоминаемые в текстах крепости *prkn* и *hst* уверенно локализируются на территории современного Афганистана (*hst* — город *Xāst*, известный и из средневековых источников, а *prkn* — средневековый *Fargān*, *Farjān* — указано В. А. Лившицем). Местонахождение *srk* известно из труда Исидора Харакского. Ср.: Боголюбов 1973: 173: «Со всей определенностью можно утверждать, что в надписях названы три крепости-города — *Prkl*, *Srk*, *Hst*». По мнению Бернара, *prkn* следует отождествить с названием племени париканиев, упомянутым в труде Геродота (VII, 68 и 86), и страной *Вартикапа* в документах крепостной стены (1392, 1393 и 1495). Бернар полагает, что персепольская посуда была изготовлена в Арахосии из местного зеленого камня и послана в подарок царю (см.: Bernard 1972: 171–175).

²⁶ Gershevitch 1964: 12. Ср.: Дьяконов 1964: 185, где отмечается, что «досасанидские формы учения, связанного с именем Заратуштры, были очень разнообразны».

Младшей Авесте монотеизм Гат контаминируется с политеизмом, так как, кроме Ахурамазды, там упоминаются и многие другие боги: Митра, Анахита, Веретрагна, Тиштрия и т. д.²⁷ В дальнейшем в зороастризм были внесены новые изменения, и постепенно возникло много форм культа, которые с известным правом могут считаться зороастрийскими. Но под зороастризмом мы здесь имеем в виду учение Заратуштры, как оно отразилось в Гатах.

Начнем рассмотрение вопроса о религии в ахеменидской Персии с учения магов.

В религиозной жизни ряда иранских племен маги занимали монопольное положение. Они были знагоками ритуала и обрядов, хранителями религиозных традиций индийцев и персов и обязательно присутствовали при жертвоприношениях (см., например: Herod. I. 132; Strabo XV. 3, 13–14; Amm. Marc. XXIII. 6, 33). В своей массе маги, возможно, были индийцами (большинство античных авторов считают магов индийским племенем). Однако среди них было и немало персов²⁸.

Начиная по крайней мере со времени Дария I маги были официальными жрецами ахеменидских царей²⁹. Большое значение магов при ахеменидском дворе хорошо известно из сообщений античных авторов. Например, маги были приставлены для ухода за могилой Кира в Пасаргадах и могилой Дария I в Накши-Рустаме (Plin., NH, VI, 26, 29, 116; Ctes., Pers. 29, 15). Из труда Геродота (VII, 19, 37 и др.) видно, что без предварительного совещания с магами Ксеркс не предпринимал никаких важных дел. Кроме того, маги сопровождали персидскую армию в походах.

Тексты крепостной стены свидетельствуют об активной деятельности магов. При этом в качестве официальных жрецов маги выступают не только в самом Персеполе, но и по всему Юго-Западному Ирану. С царских складов они получают зерно, муку, баранов, вино и т. д., предназначенные как для потребностей культа, так и для собственных рационов. Имя одного мага, упомянутого в персепольских табличках, восходит к зороастрийскому гермину *yazata*. В этих же текстах (741, 761–764) маги выступают как хранители священного огня (эламское *hatumakša* из др.-перс. *ātravaḥšā, ср.-греч. *puraithos*)³⁰. Деятельность магов в Персеполе засвидетельствована также арамейскими глоссами на эламских текстах крепостной стены (см. Bowman 1970: 31, со ссылкой на еще не опубликованный текст).

²⁷ Gershevitch 1964: 14. Ср.: Duchesne-Guillemin 1972: 66, где отмечается, что Заратуштра объявил Ахурамазду первоначальным богом, но он не игнорирует существование и других богов, хотя и не называет их по именам.

²⁸ См.: Diog. Laert Prooem. I. I sq. Согласно Страбону (XV, 3, 1), маги были персидским племенем. Вряд ли можно согласиться с Сенером, что маги составляли жреческую касту, отличную от мидийского племени того же названия (см.: Zaehner 1961: 163 ff.). Напомнив мнение Бенвениста о том, что термином *magi*- в Авесте обозначался особый социальный класс, Гершевич высказывает предположение, что в Мидии этот класс превратился в жреческую касту (Gershevitch 1964: 29).

²⁹ И. М. Дьяконов (1956: 392 сл.), исходя из сообщений Геродота, считает, что маги были придворными жрецами еще при последнем мидийском царс Астиаге.

³⁰ См.: Cameron 1948: 7; Gershevitch 1969b: 170; Hipz 1970: 429 (Хинц полагает, что хранители огня наряду со своими религиозными функциями выполняли еще задачи государственного управления).

Роль магов как жрецов храмов огня известна и из археологических данных. Например, на рельефе V в. до н. э. из Даскилеи в Малой Азии изображены алтарь огня и два мага в характерной для них одежде. Там же изображены головы быка и барана, очевидно, предназначенных для жертвоприношений (Duchesne-Guillemin 1962: 202).

Геродот, Страбон и другие античные авторы дают возможность довольно подробно ознакомиться с религией магов. По единодушному мнению античных авторов, маги были учениками и последователями Заратуштры (см., например: Plin. NH, 30, 3–4; Diog. Laert. Prooem. I, 2; Plut., De Is. et Osir. (= Plut., Moral. 369 E); Amm. Marc. XXIII, 6, 33; Suidas, s. v. μάγοι). Иранская традиция, представленная в среднеперсидской литературе, также знает магов как зороастрийцев.

Но относительно религии магов в современной литературе высказываются противоречивые мнения. Часть ученых (например, Мессина) (Messina 1930, *passim*) считают магов зороастрийцами. Однако в настоящее время большинство исследователей не склонно согласиться с таким предположением. Например, Ценер полагает, что учение Заратуштры было изменено магами, чтобы приспособить его к распространенным среди народных масс в Иране религиозным представлениям (Zaehner 1961: 145 ff.). По мнению Гершевича, по крайней мере до середины V в. до н. э. маги не были зороастрийцами, но к началу IV в. до н. э. они уже приняли зороастризм и объявили Заратуштру своим учителем³¹. К этому близко и мнение Дюшен-Гийемина, согласно которому маловероятно, что маги с самого начала были учениками Заратуштры, а не стали зороастрийцами лишь значительно позднее (Duchesne-Guillemin 1972: 74).

Как известно, в сохранившихся частях Авесты не содержится бесспорного упоминания о магах. Но Дюшен-Гийемин полагает, что слово *magu-* («маг») древнеперсидских надписей и авестийское *magavan* (встречается в Гатах) восходят к одному и тому же корню *mag-*, в котором он вслед за итальянским ученым Гноли видит состояние литургической чистоты (*ibid.*: 74).

Как мы видели выше, документальные свидетельства последних лет, а также данные изобразительного искусства, археологии и сообщения античных авторов показывают, что маги обслуживали алтари огня, совершали культовые возлияния, приносили кровавые жертвоприношения и пользовались в ритуальных целях напитком хаома.

В Гатах огонь играет большую роль как средство испытания правды и справедливости и постоянно связан с *aša* — олицетворением правды (Duchesne-Guillemin 1962: 201). Поскольку в персепольских текстах жрецы — хранители огня упоминаются довольно часто, можно полагать, что в Юго-Западном Иране в конце VI — начале V в. было немало храмов огня³².

³¹ Gershevitch 1964: 16, 22, 29. Но вряд ли можно согласиться с Гершевичем, когда он полагает, что маги не были представителями одной определенной религии, а являлись техническими экспертами, которые за плату обслуживали культы любых иранских богов.

³² Hinz 1970: 430. О храмах огня в Персеполе по археологическим данным см.: Duchesne-Guillemin 1972: 74–76.

Относительно культовых возлияний Геродот (I, 132) утверждает, что персы не совершают их, но в другом месте своего труда (VII, 43 и 54) он сообщает, что маги по приказу Ксеркса совершили на Геллеспонте возлияние морю и принесли в жертву «героям» 1000 коров (см.: Cameron 1948: 8). Теперь из текстов крепостной стены мы знаем, что маги действительно совершали культовые возлияния рекам, горам и т. д., а также приносили жертвы скотом.

Ученые часто высказывают мнение, что культ хаомы и кровавые жертвоприношения противоречат учению Заратуштры и лишь позднее, в период составления Младшей Авесты, они стали дозволенными (ibid.: 8). Но это предположение было подвергнуто критике В. И. Абаевым (Абаев 1956: 23 и сл.) и другими исследователями. Ценер и вслед за ним Дюшен-Гийемин полагают, что в Гатах нет указаний на осуждение культа хаомы и жертвоприношений скотом, ибо Заратуштра протестовал только против того, чтобы жертвенное мясо окропляли напитком хаомы и затем его давали верующим (Zaehner 1961: 85–86; Duchesne-Guillemain 1972: 74).

Таким образом, материал персепольских текстов позволяет предполагать, что в конце VI в. до н. э. маги были жрецами зороастрийского культа независимо от того, стали ли они зороастрийцами сразу после появления нового учения или же лишь позднее приняли его.

До издания текстов крепостной стены Э. Бенвенист, Г. Виденгрэн, Дюшен-Гийемин и некоторые другие исследователи полагали, что Ахемениды не были зороастрийцами. В. И. Абаев и И. М. Дьяконов считают Ахеменидов зороастрийцами, а В. В. Струве высказывал мнение, что религия Ахеменидов, как она отразилась в надписях, отличалась от зороастризма³³. Согласно Гершевичу, религия Дария — монотеизм, сконцентрированный вокруг Ахурамазды, а сам Дарий — последователь Заратуштры (Gershevitch 1964: 16–18).

После издания текстов крепостной стены часть ученых считают, что новые данные свидетельствуют о зороастризме Ахеменидов. Другие же, наоборот, полагают, что последние не были зороастрийцами, и персепольские тексты отнюдь не заставляют пересмотреть такую точку зрения. По мнению Бенвениста, ономастический материал табличек крепостной стены не носит зороастрийский характер (Benveniste 1966: 75–76). Согласно Хинцу, в Персии и Эламе около 500 г. до н. э. кроме местного эламского культа существовали персидская народная религия и новая зороастрийская вера, которую поддерживал Дарий, но она еще не стала господствующей (Hinz 1970: 427–430). Гершевич полагает, что вопрос все еще остается открытым. Дюшен-Гийемин, отвергая тезис о зороастризме Ахеменидов, указывает на некоторые общие моменты и различия в обеих религиях (Duchesne-Guillemain 1972: 66 и 74).

Чтобы понять факторы, влиявшие на религиозную политику Ахеменидов, не следует упускать из виду те исторические условия, в которых персидским царям приходилось действовать.

Период господства Ахеменидов характеризуется интенсивными процессами этнического смешения и синкретизма культур и религиозных представлений раз-

³³ Литературу до 1963 г. см.: Дандамасв 1963: 240 сл.

личных народов. Например, в Сузах кроме эламитов в довольно большом количестве находились персы, вавилоняне, египтяне, иудеи, греки и т. д. В Египте на Элефантине, в Мемфисе, Фивах, Гермополе и в других местах кроме коренного населения были также арамеи, финикийцы, греки, иудеи, мидийцы, персы и т. д.

В большинстве случаев чужеземные поселенцы жили бок о бок с коренным населением, вступали друг с другом в различные деловые сделки, заключали смешанные браки, а иногда переходили из одной религии в другую и поклонялись одновременно своим и чужим богам и даже меняли свои имена, принимая чужеземные, или же наряду со своими именами пользовались именами того народа, в стране которого они находились. Например, перс Ариярата принял египетское собственное имя Тах и поклонялся Мину, Гору, Исиде и другим египетским богам. В Египте в Саккаре был храм вавилонского бога Набу, а в Мемфисе — святилище Митры. Подобных примеров синкретизма можно привести немало (см. подробно: Dandamayev 1972: 56–58).

Такая практика религиозного синкретизма находилась в полном соответствии с политикой Ахеменидов.

Кир II и Камбиз еще целиком находились в плену религиозных представлений иранских племен и не были зороастрийцами³⁴. В Вавилонии Кир и Камбиз почитали Мардука и других местных богов. Кир, Камбиз и Дарий I восстанавливали разрушенные храмы в подвластных им странах. В Египте Камбиз и Дарий I выступают поклонниками египетских богов. В одной египетской надписи Камбиз назван «любимцем (богини) Уаджит, владычицы (города) Имет... владычицы неба, госпожи богов», и далее говорится, что Камбизу «дана жизнь подобно (богу) Ра» (Тураев 1913: 177 и 411 (указано О. Д. Берлевым)). Египетские источники свидетельствуют также о том, что Дарий объявил себя сыном богини Нейт, строил храмы Амону и жертвовал ценные дары египетским святилищам (Posener 1936: 170–171, 178–179). Короче говоря, Ахемениды, по крайней мере до Дария I включительно, выступают в Египте поклонниками египетских богов, в Иерусалиме — Яхве, в Вавилонии — Мардука и в Малой Азии — греческих богов. В литературе неоднократно высказывалось мнение, что при Дарии I и Ксерксе культ Ахурамазды был признан повсюду в Ахеменидской державе. Сравнительно недавно Ценер писал, что «Ксеркс, по-видимому, запретил культ дэвов по всей державе» (Zaehner 1961: 154), т. е. запретил культы подвластных персам народов. Но не говоря о том, что в Антидэвовской надписи говорится о запрещении Ксерксом культа дэвов лишь в одной стране (по всей вероятности, в Иране), мнение Ценера находится в противоречии с хорошо известными фактами, часть которых приведена выше.

Насколько Ахемениды (во всяком случае, еще в начале V в. до н. э.) были далеки от мысли навязать покоренным народам свою религию или ущемлять их религиозные чувства, показывают документы крепостной стены. Из этих текстов видно, что в Персеполе и других городах Персии и Элама с царских складов отпускались продукты для отправления культа не только Ахурамазды и других иранских богов, но также эламских богов Хумбана, Симута, аккадского бога

³⁴ Некоторые ученые высказывают мнение, что Кир II почитал Ахурамазду и был зороастрийцем (см., например: Hinz 1970: 429). Однако это мнение трудно подтвердить какими-либо данными.

Адада и т. д. При этом хотя при перечне богов Ахурамазда упоминается всегда на первом месте, но для культа его отпускается в три раза меньше вина, чем было предназначено для эламского бога Хумбана. Вообще боги иранского пантеона выступают в текстах реже, чем эламские боги и, судя по размерам жертвоприношений и возлияний, отнюдь не занимают привилегированного положения. Как отмечает Халлок, экономическая администрация обращается со всеми богами как с равными (Hallock 1969: 5).

Параллельное существование разноплеменных культов в Персии и в Эламе можно объяснить тем, что иранское население поклонялось Ахурамазде и другим иранским богам, эламитяне оставались верными своей древней религии, а вавилоняне, находившиеся в Юго-Западном Иране в качестве работников царского хозяйства и чиновников государственного аппарата, молились своему богу Ададу. К этому еще можно было бы добавить, что Ахемениды терпимо относились к религиям покоренных народов, чтобы не создавать дополнительных трудностей на пути к мировому господству.

Такое заключение, хотя само по себе оно и верно, может быть, несколько упрощает реальное положение вещей. Прежде всего из персепольских текстов видно, что эламским богам Хумбану и Симуту жертвы приносят и совершают возлияния не только эламитяне, но и жрецы с иранскими именами (например, Мардоний) (Hinz 1970: 427). Следовательно, по крайней мере часть персов, обитавших на исконной эламской территории Юго-Западного Ирана, поклонялась наравне со своими богами и эламским богам. Здесь уместно будет вспомнить сообщение Геродота (VIII, 133-135) о том, что Мардоний, руководивший персидской армией, которая была оставлена в Греции для покорения этой страны, посылал своего представителя в различные греческие храмы с поручением запросить местных оракулов относительно предстоявшей войны с противником. Почему Мардоний не мог ограничиться предсказаниями иранских магов и стал вопрошать греческих оракулов? Очевидно, потому, что небесными хозяевами Греции он считал эллинских, а не своих иранских богов, которые мало чем могли помочь персам в чужой стране. По этой же причине Мардоний перед битвой при Платеях приносил жертвы «по эллинскому обычаю» и с помощью местного жреца, нанятого за большое вознаграждение (Herod., IX, 37 и 38). Имеются и другие свидетельства о том, что персы на территории греческих племен поклонялись эллинским богам (см., например: Herod., VI, 97). Подобным же образом персы, жившие бок о бок с эламитянами на древней родине последних, поклонялись не только своим традиционным богам, но также и богам той страны, где они поселились. Когда Кир, Камбиз и Дарий I поклонялись в Вавилонии, Египте и других странах местным богам, это был не только акт политической проницательности, но, вероятно, Ахемениды были также уверены в том, что, например, Мардук является небесным хозяином Вавилонии, а Амон — Египта и, следовательно, в границах территории их власти этим богам выгодно поклоняться.

На первый взгляд такое предположение может показаться странным. Однако древние религии (в том числе и иудаизм до времени Эзры) не были догматическими и нетерпимыми по отношению к верованиям других народов. Поэтому лица, попавшие по каким-либо причинам на чужбину, сохраняя верность своим

богам, тем не менее поклонялись и богам той страны, куда они прибыли. Именно по этой причине перс Ариярата, живя в Египте, поклонялся местным богам. Другой перс, который находился в стране аммонитян (в области за рекой Иордан), носил печать с арамейской надписью: «Гадата, благословленный Милкомом», т. е. богом аммонитян. Подобным же образом иудеи, увезенные в Вавилонию Навуходоносором II, сохраняя веру в Яхве, считали, что последний может помочь им только тогда, когда он выведет их обратно в Иудею, а пока в плену необходимо заручиться и поддержкой местных богов. Когда Давид (будущий царь Древнего Израиля) был изгнан из своей страны, его враги, насмехаясь над ним, говорили: «Иди, служи чужим богам»³⁵, ибо в изгнании надо поклоняться чужеземным богам. Можно упомянуть также тот факт, что греческие полководцы, будучи в Египте, многократно обращались в святилище Амона в Египте с просьбами дать пророчества (см., например: Plut., Сimon, XVIII).

Правда, Ксеркс разрушил главный храм Вавилона Эсагил и велел увезти оттуда в Персию статую бога Мардука. Известно также, что Ксеркс разрушал греческие храмы. Причиной такой политики были восстания вавилонян против персидского господства и сопротивление греков вторгшейся в их страну армии Ксеркса. Разрушая храмы и вывозя оттуда статуи богов, Ксеркс стремился лишить враждебное ему население помощи местных богов. Эти действия, к которым Ксеркс прибегал лишь в качестве крайней меры, вероятно, преследовали ту же цель, что и политика Кира, Камбиза и Дария I, которые искали поддержки, в частности, у чужеземных богов. Как видно из V столбца Бехистунской надписи, Дарий I также преследовал культы некоторых народов, которые восставали против его власти. Следует также отметить, что, захватив Афины и разрушив храмы этого города, Ксеркс тем не менее собрал афинских изгнанников, принимавших участие в его походе, и велел им принести на акрополе жертвы греческим богам по местному обычаю (Herod., VIII, 54).

Следует также отметить, что уже первые ахеменидские цари старались не допускать чрезмерного экономического усиления храмов, которые, как правило, должны были платить государственные подати и выполнять повинности (см. подробно: Дандамаев 1966: 36 сл.). Да и таблички крепостной стены свидетельствуют о том, что выдачи продуктов для потребностей культа были отнюдь не щедрыми. Например, в 500 г. до н. э. для религиозных целей в Персии и Эламе было израсходовано (правда, по данным, которые нельзя считать полными) 218,2 бар (около 2182 л) ячменя, да и этот ячмень, по крайней мере частично, был использован впоследствии как рацион для работников царского хозяйства (курташ) (см. текст: 337, 340, 354, 360–362, 1802, 2068 и 2703).

Теперь, после рассмотрения политических факторов, с которыми приходилось считаться персидским царям, можно вернуться к вопросу об их религии. Ахемениды, подобно магам, почитали огонь, практиковали ритуал хаомы и приносили кровавые жертвоприношения. Эти моменты не находятся в противоречии с учением Заратуштры, и на этом основании Ахеменидов, как и их жрецов-магов, можно было бы считать зороастрийцами. Но на рубеже VI–V вв. до н. э. в Персии

³⁵ На эти факты и их правильную интерпретацию наше внимание обратил проф. Э. Дж. Бикерман.

зороастризм только начинал утверждаться, и Ахемениды, оценив преимущества учения Заратуштры как своей новой официальной религии, тем не менее не отказались от культов древних богов, которым поклонялись персидские племена. Если у Заратуштры Ахурамазда стал по существу единственным богом, а Митра и другие древние боги были низвергнуты или объявлены злыми духами, у Ахеменидов Ахурамазда — не единственный бог, хотя он и почитался выше остальных божеств. В Бехистунской надписи (IV, 61–63) Дарий заявляет, что ему помогали Ахурамазда и «другие боги, которые существуют». В надписях Дария I и Ксеркса из Персеполя, Хамадана и Суз кроме Ахурамазды многократно упоминаются также и «другие боги», имена которых, однако, не приводятся. Но в надписях Артаксеркса II и III наряду с Ахурамаздой упомянуты еще Митра и Анахита. По сообщению вавилонского историка Беросса, Артаксеркс II ставил статуи Анахиты для почитания в Вавилоне, Сузах, Экбатанах, Персеполе, Бактрах и т. д. (Muller 1849: 508–509). Правда, Анахита не упомянута в табличках крепостной стены, но в этих текстах выступают другие древнеиранские боги, которые известны нам из Младшей Авесты. Кроме того, персепольские тексты свидетельствуют о том, что по крайней мере до 458 г. до н. э. (после этого времени пока нет хозяйственных документов из Персеполя) царская канцелярия пользовалась еще древнеиранским «природным» календарем, который не имел ничего общего с зороастрийским календарем.

Таким образом, наряду с влиянием зороастрийских жрецов-магов на Ахеменидов действовал и другой, не менее сильный фактор, а именно религия персидского народа, где культ стихийных сил природы и божеств, персонифицирующих их, был еще очень прочен. Ахемениды не могли решиться на запрет таких популярных в народе божеств, какими были Митра, Анахита и т. д. Поэтому Ахеменидов трудно считать последовательными зороастрийцами. Но в тот период, когда зороастризм еще не стал догматической религией с твердо зафиксированными нормами, естественно, возникали различные модификации нового религиозного учения, и в этом смысле с определенными оговорками можно сказать, что ахеменидская религия начиная со времени Дария I (о предшествующей эпохе пока нет надежных данных) была одной из форм раннего зороастризма.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О КУЛЬТЕ НЕРГАЛА В СИППАРЕ И ВАВИЛОНЕ В VI В. ДО Н. Э.³⁶

Как хорошо известно, Нергал³⁷ был владыкой подземного мира и богом — хранителем города Кута, где и был расположен его основной храм Эмеслам (см.: George 1993: 126, N 802; Edzard, Gallery 1980–1983: 387). Например, Навуходоно-

³⁶ Перевод статьи (с внесением некоторых изменений) «Documentary Evidence on Nergal's Cult in Sippar and Babylon in the Sixth Century B. C.» (Munuscula Mesopotamica. Festschrift für Johannes Renger. (AOAT 267, 1999). P. 109–116).

³⁷ В I-м тысячелетии до н. э. это имя писалось ⁴IGI.DU и ⁴U.GUR. см.: Beaulieu 1993. 85; Idem. 1992: 405, n. 13 (там же дана и предшествующая литература).

сор II заявляет, что он установил ежедневные жертвы из восьми овец Нергалу и его жене Лас, «богам Эмеслама и Куты» (Langdon 1912: 92. col. II, 36–37; 170, VII, 41–61; Unger 1970 282 I: 14–15). Однако всего лишь несколько случайно найденных документов известно нам из Куты, и наша информация о ее главном храме очень скудна, поскольку там до сих пор не производилось никаких раскопок.

Однако культ Нергала существовал еще, по крайней мере, и в нескольких других городах. Например, «святилище Нергала» (É⁴U.GUR) упоминается в пяти документах архива Эанна в Уруке, по свидетельству которых туда было доставлено некоторое количество соли и ячменя. В одном из этих текстов говорится о «жреце (šangû) Нергала» (см. ссылки: Beaulieu 1992: 404, п. 11). Как видно из двух других текстов, некий Бания, «жрец Нергала», получил из храма Эанна в качестве своего дохода (maššartu) некоторое количество фиников (см. ссылки: Kimmell 1979: 148). Кроме того, как это было указано Болъё, несколько документов из архива Эанны в Уруке содержат отчеты об израсходовании сезамового масла для культовых церемоний, включая сюда и расходы, связанные с переодеванием Нергала (Beaulieu 1993: 81–83: 3–5, rev.7–8). Его почитали также в «святилище Нергала» в городе Уданну, который, по-видимому, находился недалеко от Урука (Beaulieu 1992: 401, 404).

Гораздо больше разнообразной информации о культе Нергала сохранилось из архивов Эаббары в Сиппаре. Например, в документе, составленном в этом городе в 19-м году правления Набопаласара (607 г.), говорится о принесении овец в жертву различным божествам по распоряжению царя. Среди последних были главный бог Сиппара Шамаш, его супруга Айя, верховный государственный бог Бел («владыка», т. е. Мардук) и его супруга Зарпаниту, а также Бунене, Эн-лиль, Ану, Набу, Нергал и некоторые другие божества (Sollberger 1980: 59: 17–19). В VS VI 213 от 585 г. Нергал также появляется среди богов, которые получали жертвоприношения скотом в Сиппаре³⁸.

Однако в сиппарских текстах о кровавых жертвоприношениях некоторые божества упоминаются лишь изредка. Например, Нергал не всегда появляется в учетных документах о жертвах в Сиппаре (см., например: VS VI 21 от 604 г.). По мнению Бонгенаара, Нергал и некоторые другие боги, может быть, считались в Сиппаре лишь гостями (Bongenaar 1997: 231, п. 206). В связи с этим уместно будет упомянуть документ из Эаббары, согласно которому некий Бел-ушаллим, сын Бания, назван «ткачом Нергала». Он, в частности, занимался изготовлением цветных шерстяных одеяний для богов Шамаша и Бунене (Nbn 410). Тот же текст упоминает также Нергал-иддина, сына Шамаш-этира, который в другом документе назван «ткачом из Куты» (см.: *ibid.*: 323, BM 75767). Бонгенаар считает, что оба эти лица не принадлежали к персоналу Эаббары и прибыли из Куты, поскольку «культ Нергала не засвидетельствован в текстах архива» (*ibid.*). Вполне возможно, что эти ремесленники действительно прибыли в Сиппар из Куты, но тем не менее имеется ряд текстов, свидетельствующих о существовании культа Нергала в Сиппаре, на которые до сих пор не обращали внимания.

³⁸ См. полный перечень богов, которым поклонялись в Сиппаре: Joannès 1992: 161–162; MacGinnis: 1995: 152; Bongenaar 1997: 230–231.

В тексте времени Навуходоносора II из Сиппара некий Нергал-шар-уцур предоставил ссуду в 4 мины серебра трем лицам для уплаты «десятины Бела, Набу (и) Нергала» (Nbk 430). Все имущество должников, находившееся в городе и за его пределами, было объявлено залогом до полного расчета с кредитором, и все они поручились друг за друга в возврате ссуды. В дополнение к этому еще третье лицо дало поручительство в том, что должники уладят расчеты с кредитором в течение шести месяцев. Поскольку документ был составлен в Сиппаре, логично будет предположить, что десятина предназначалась трем богам, которые почитались в Эбabbаре, а не божествам храма Эмеслам в Куте. Из этого можно заключить, что Нергал действительно почитался в Сиппаре.

Возможно также, что следующие документы относительно десятины Бела, Набу и Нергала также происходят из Сиппара. Согласно VS VI 67, из 1 таланта 10,5 мин шерсти настрига за 4-й год правления Набонида (552 г.), 10,5 мин составляли десятину Бела, Набу и Нергала. Место, где составлен текст, не указано, но в нем упоминается некий Табия, отчество и родовое имя которого не указаны. Однако он почти с полной уверенностью может быть отождествлен с Табия, сыном Набу-апла-иддина из рода Син-или. Он упоминается во многих документах, составленных между 583 и 545 гг. в Вавилоне, Сиппаре, Кише и в некоторых других городах в качестве писца, арендодателя поля и кредитора. Например, как видно из VS III 197, ему была уплачена аренда с полей, которые находились около Сиппара. Согласно VS VI 80, ему (филиация, однако, не указывается) было уплачено в качестве ренты за 547 г. 17 кур фиников, из которых 3 кура предназначались для Бела, Набу и Нергала, очевидно, как десятина. Согласно документу VS VI 83, в 544 г. некий Забаба-эриба уплатил из своего дохода в 3 кур ячменя 1 пан 4 сут для Набу и 5 сут Нергалу.

В этой связи можно упомянуть еще несколько текстов. В одном из них говорится, что 3 таланта 32 мины железа из «имущества Нергала» (CT LV 230: 2) было выдано для изготовления орудий некоему Шамаш-эрешу, который, по-видимому, был кузнецом. Согласно другому документу (Nbn 315), некий Балату обязан был доставить 6 кур ячменя из «имущества Нергала» третьему лицу. Плату эту предполагалось осуществить в месяце симану (июнь), и она представляла годовую арендную сумму с «поля Нергала». Сам документ был составлен в месяце аддару (февраль–март) в 548 г. в местности «Поселение Нергала» (Aluša-Nergal). Этот топоним не засвидетельствован в других текстах. Поскольку документ этот происходит из Сиппарской коллекции, представляется вероятным, что данное место было расположено недалеко от Сиппара. Заслуживает упоминания также еще один документ из Сиппара, согласно которому в 558 г. житель этого города поклялся именами Бела, Набу, Шамаша, Нергала, также царя Вавилона Нергал-шар-уцура в том, что он в течение восьми месяцев уплатит определенное количество ячменя одному из чиновников Эбabbары (Ner 47).

Из архива Эсагилы, святилища верховного вавилонского бога Мардука, пока известны только случайно сохранившиеся тексты, и в них ничего не говорится об уплате десятины Нергалу. Но сохранилось некоторое количество текстов из частных архивов Вавилона и его окрестностей, в которых имеются некоторые сведения об этом налоге. Как видно из Nbn 270, составленного в Вавилоне в

549 г., один житель этого города продал своего раба за 45 сиклей серебра для того, чтобы уплатить «десятину Бела, Набу, Нергала и Владычицы Урука» (т. е. Иштар).

Следующие документы происходят из пригорода Вавилона Шахрину. Как видно из одного из них, годовую арендную плату в 26 кур фиников необходимо было внести с финиковой рощи, которая принадлежала некоему Нергал-нациру. Эта роща находилась «рядом с полями богов Бела и Набу». Далее в тексте содержится указание, что «десятина Нергала уже уплачена» (Camb 53). В Camb 54 от того же года отмечается, что 12 кур фиников составляли арендную плату с другого поля, принадлежавшего тому же самому лицу, и что причитающаяся с него «десятина Нергалу уже уплачена».

Следующий текст фиксирует доставку несколькими лицами 515 связок чеснока в качестве определенного налога (*šibšu*), и каждая такая перевозка сопровождается указанием «с горы». Чеснок был вручен чиновнику, который носил титул «наместник Шахрину». Далее текст содержит пометку о том, что десятина Нергалу еще не уплачена (Wunsch 1993B 357). Имена свидетелей и писца, а также указание на место составления документа отсутствуют. Тем не менее сомнений в том, что это текст из Шахрину, нет. Как отмечает издатель документа, упомянутый в нем чиновник был ответствен за сбор подаги *šibšu* (*ibid.*: 1993 A: 32, п. 125). Судя по его титулу, точное значение которого неизвестно и который в других текстах не засвидетельствован, документ этот относится к ахеменидскому времени.

Место составления следующего текста неизвестно. В нем говорится о доставке ячменя в качестве «десятины (полагающейся) имуществу Нергала» за 21-й год правления Дария I с нескольких полей, расположенных вдоль Борсиппского канала и в некоторых других местах (Dag 533). Например, с местности Шаппи предполагалось доставить 4 кур. Точное местонахождение этого топонима неизвестно. Среди остальных названий Бит-таб-Бел и Борсиппский канал более или менее известны. Обычно полагают, что последний протекал к юго-востоку от Вавилона (Zadok 1985: 367), а первый был расположен около Шахрину (*ibid.*: 108), но, по мнению Вунш, этот канал находился ближе к Борсиппе, чем к Вавилону (Wunsch 1993 A: 23).

Десятина Нергалу упоминается еще в двух письмах. Они принадлежат к переписке между хорошо известным рабом Мадану-бел-уцуром и его хозяевами из предпринимательского дома Эгиби. Письма не датированы, и место их отправления неизвестно. Многие тексты, опубликованные в СТ XXII, где изданы также интересующие нас письма, принадлежат к официальной корреспонденции архива храма Эббара в Сиппаре. Ссылаясь на этот факт, а также на документ Camb 369, по свидетельству которого Мадану-бел-уцур получил определенную сумму денег как долю своего предпринимательского дохода в Сиппаре, автором этих строк было высказано предположение, что его письма были отправлены отсюда (Dandamayev 1984: 358). Это предположение, однако, было справедливо отвергнуто Корнелией Вунш (Wunsch 1993 A: 46, п. 177). Чтобы попытаться определить место происхождения этих писем, нам сначала необходимо проследить их подоплеку.

В 547–527 гг. Мадану-бел-уцур принадлежал известному предпринимателю Иддин-Мардуку из рода Нур-Сина, а в 526–522 гг. его хозяином был Итти-Мардук-балату из дома Эгиби, который женился на Нуптайя, дочери Иддин-Мардука. Позднее этот раб принадлежал Мардук-нацир-апли из того же дома Эгиби (Dandamayev 1984: 359–60). Хотя члены обоих этих экономически могущественных домов были постоянными жителями Вавилона, их деятельность распространялась и на многие другие места. Так, например, Иддин-Мардук приобретал большие партии чеснока, ячменя и фиников в Шахрину, Бит-таб-Беле и Тил-Гула у земледельцев и арендагоров, а затем доставлял эти продукты в Вавилон, чтобы продать там. Имеются также свидетельства о его торговой деятельности в Уруке (Wunsch 1994 A: 19–61). Особый интерес представляют его сделки, заключенные в Борсиппе (СТММА III N 76; Nbk 201; Nbn 85, 187, 210; Wunsch 1993 B 259). В двух документах из Вавилона Иддин-Мардук выступает кредитором различного количества денег, ячменя и фиников, но залогом являются дома должников, расположенные в Борсиппе, а не в Вавилоне (Nbn 678, 808).

Дом Эгиби был вовлечен в различные сделки во многих городах Месопотамии. В 554–502 гг. предпринимательская деятельность Итти-Мардук-балату и его сына Мардук-нацир-апли прослеживается в Борсиппе, Кише, Куте, Описе, Сиппаре и Уруке (см. ссылки на тексты: Krecher 1970: 133–166, 304–305). Кроме того, семья Эгиби владела двумя домами и участком земли в Борсиппе (Dg 379).

Что касается Мадану-бел-уцура, он выполнял различные поручения своих хозяев, а также в 547–502 гг. занимался независимо от этого также своей предпринимательской деятельностью в Вавилоне с его пригородами, Борсиппе и в некоторых других городах (Dandamayev 1984: 345–364). Особый интерес представляет документ, по свидетельству которого он в 534 г. купил у некоего Нергал-этира 42 000 связок чеснока (Wunsch 1993 B 299). Название местности, где документ был составлен, не сохранилось. Среди свидетелей сделки назван Ремут, сын Нергал-иддина из рода Мицирайя, который упоминается в качестве свидетеля также в одном документе из Борсиппы³⁹. Таким образом, если судить по этому просопографическому указанию, упомянутый выше текст от 534 г. происходит из Борсиппы⁴⁰.

Письма Мадану-бел-уцура были направлены в различные периоды между 545 и 502 гг. к Иддин-Мардуку⁴¹, Итти-Мардук-балату (TCL IX 124) и Мардук-нацир-апли (СТ XXII 82, 83; Pinches, Peek 22). В этих письмах он отвечает на вопросы своих хозяев и спрашивает их указания по поводу тех или иных ситуаций. Одно из этих писем (СТ XXII 8) было направлено им Иддин-Мардуку. Можно почти с полной уверенностью сказать, что получатели всей этой корреспонденции находились в Вавилоне. Например, Мадану-бел-уцур информирует Иддин-Мар-

³⁹ ОЕСТ XII A 117:11 (ссылка на «A 110» в индексе собственных имен на с. 41, очевидно, является опечаткой).

⁴⁰ См. также: Camb 376, который был составлен в том же городе.

⁴¹ СТ XXII 78–81. Эти письма переведены: Wunsch 1993 B: 318–323 (там же указаны и более ранние переводы).

дука о том, что один из его партнеров по предпринимательству направляется в Вавилон, и советует адресату купить у него чеснок (СТ XXII 81). В другом случае он просит Мардук-нацир-апли отправить в его распоряжение несколько работников, чтобы выкопать канал, а также прислать ему немного денег (СТ XXII 83). В письме от наместника Вавилона содержится распоряжение одному лицу вручить все принадлежащие Иддин-Мардуку финики в местности Бит-таб-Бел его рабу (СТ XXII 243). Из этого можно сделать вывод, что Мадану-бел-уцур в тот период находился там. Судя по Pinches, Peek 22, он мог быть в Борсиппе, поскольку он клянется Мардук-нацир-апли именем Набу, главного бога этого города, в том, что он не присвоил ничего из его имущества.

В СТ XXII 8 Иддин-Мардук дает указание Мадану-бел-уцуру уплатить десятину чесноком Нергалу, причитающуюся с него (т. е. Иддин-Мардука) и его земледельцев (*ikkarāti*). Как отмечает Вунш, этот текст содержит указание на то, что он обрабатывал храмовую землю с помощью арендаторов (Wunsch 1993 A: 47). Прямые деловые контакты между Иддин-Мардуком и управлением храма Эсагила в Вавилоне и Эзида в Борсиппе (около 20 км от Вавилона) можно проследить лишь в нескольких текстах, а именно в тех случаях, когда он вносит арендную плату и налоги, полагающиеся с храмовой земли (*ibid.*: 53, 62). В 543 г. один из рабов Иддин-Мардука (Арад-Бел) уплатил аренду с поля, расположенного у Шахрину, в местности, которая называлась «Город Набу» (*Ālu-ša-Nabû*). Само поле охарактеризовано как «собственность Набу, владыки мира» (*ibid.*: 214). Таким образом, место это составляло часть Шахрину, и там находились земли, принадлежавшие как храму Эзиде, так и Эсагила (*ibid.* A: 62).

В СТ XXII 78 Мадану-бел-уцур напоминает своему хозяину о том, что он уже послал ему 180 кур фиников, а также советует ему уплатить «десятину (полагающуюся) с горы Нергала»⁴² и налог *sibšu* с «полей владельца», как это было сделано в прошлом году. В заключение он пишет, что 9 сиклей серебра уплачено за десятину овцами для Нергала в храм (*e-kur*). В конце письма он также просит хозяина прислать ему указания относительно некоего Шеллиби. Последний упоминается также в документе, согласно которому 50 связок чеснока были вручены ему в качестве арендной платы «на горе»⁴³.

По-видимому, никакое другое чтение невозможно для знаков KUR-i, кроме *šadû*, т. е. «гора». По мнению Эбелинга, это слово в СТ XXII 78 обозначает какое-то культовое место (Ebeling 1949: 47). Слово *ekur* в том же тексте переведено им как «храм»⁴⁴. Анализируя этот текст, Вунш толкует указанное слово как «храм» или «храм Экур» (Wunsch 1993 A: 47, n. 178; p. 62, n. 240). Как известно, Экур было названием знаменитого святилища Энлиля в Ниппуре (George 1993: 116. N 677). Однако, насколько можно судить, не этот храм имеется в виду в рассмотренных выше текстах, так как нет никаких сведений о том, что деятельность Иддин-Мардука распространялась на регион Ниппура, или о том, что он получал

⁴² Строка 17: *eš-ru-ù šá KUR-i šá U.GUR.*

⁴³ Wunsch 1993 B 357, 6: *AŠ KUR-i*. Ср. выше.

⁴⁴ *Ibid.*: 47; см. также: Salonen 1972: 33: «Zehnter des Berges (für den Berg) des Gottes Nergal»; Wunsch 1993 A: 46. n. 178: «den Zehnt des 'Berges' des Nergal».

оттуда доход, с которого надо было платить десятину. Можно уверенно сказать, что здесь имеется в виду место почитания Нергала в Вавилоне. Его культ там и святилища, посвященные некоторым другим богам, известны также из некоторых религиозных и топографических текстов (George 1992: 10, 416).

БЫЛ ЛИ РАЗРУШЕН ХРАМ ЭАННА ДАРИЕМ I?⁴⁵

Когда в 522 г. до н. э. Дарий I стал царем Персидской империи, вавилоняне сделали две попытки приобрести независимость. Вторая такая попытка была совершена неким Арахой, сыном Халдиты, который претендовал на то, что он Навуходоносор (IV), сын последнего царя вавилонского происхождения Набонида. Согласно персидской версии Бехистунской надписи, Араха поднял восстание в местности Дубала и затем захватил Вавилон (Kent 1953: 126, стб. 3, 78–83). Эламский текст той же надписи уточняет, что Дубала представляла собой город в Вавилонии (Hinz 1974:131, § 49), в то время как в вавилонской версии говорится, что Араха «поднялся в Уре, в Вавилонии» (Voiglander 1978: 37, line 85; ср.: Stolper 1987a: 396, п. 35). Начиная с 23 августа 521 г. вавилонские документы датированы 1-м годом правления Навуходоносора IV⁴⁶. Ему удалось захватить всю страну, но к 27 ноября того же года его армия была разгромлена.

Еще в 1930 г. было высказано мнение, что после подавления этого восстания храм Эанна в Уруке был разрушен в качестве наказания за участие в мятеже. Такое мнение было принято многими учеными, и при этом некоторые из них предполагали, что этот храм был частично восстановлен при поздних ахеменидских царях⁴⁷. Единственным доводом для гипотезы о разрушении Эанны является предположение, что самые поздние тексты ахеменидского времени из Урука были составлены во 2-м году правления Дария I (520/19 г. до н. э.).

Но такое мнение не согласуется ни с исторической ситуацией, ни с документальными данными. Прежде всего у нас нет никакой информации о том, что Дарий вообще разрушал какие бы то ни были храмы. Более того, как хорошо известно, он восстанавливал святилища во многих странах (см. ссылки: Dandamayev 1989: 127f, п. 11, 145 f.). Кроме того, возникают вопросы: почему после подавления восстания Арахи надо было ждать целый год, чтобы отомстить вавилонянам?

⁴⁵ Перевод статьи «Was Eanna Destroyed by Darius I?» (AMI 1992 25: 169–172).

⁴⁶ Parker, Dubberstein 1956:16: к текстам, на которые содержатся ссылки там, теперь можно добавить еще YOS VII 301, 302; NbK 13; OECT X 406. Последний текст является самым поздним документом царствования Навуходоносора IV.

⁴⁷ См.: Oelsner 1986: 79, 327 f, п. 181 (с указанием предшествующей литературы). См. также: Gehlken 1990: 327f, где говорится, что храм Эанна большей частью был разрушен Дарием I. Ср., однако: Kuhrt 1988: 130, по мнению которой, такое мнение теперь представляется несостоятельным, поскольку известны тексты из Урука и более позднего времени. Тот же автор пишет, что административный персонал Урука был полностью смещен во 2-м году правления Дария и что это могло быть значимым событием. Однако последнее утверждение основывается только на *argumentum ex silentio*, поскольку после 2-го года правления Дария у нас нет достаточных документальных свидетельств, чтобы судить об администрации Урука и его храма.

Почему Эанна была обречена на разрушение, в то время как Эсагила в Вавилоне и другие главные храмы страны, включая храм Экишнугаль в Уре, откуда началось восстание, не были разрушены?

Особенно важно указать, что сохранились почти два десятка хозяйственных и административных документов из архива Эанны, которые были составлены после 2-го года царствования Дария I. Перейдем к рассмотрению этих текстов.

СССІ II, N 131 является долговой распиской на $\frac{1}{3}$ сикля серебра, в которой некий Эциру выступает должником и одновременно писцом документа (ср.: San Nicolò, Petschow 1960 66; Gehlken 1990: 112). Кредитором был Набу-[...], сын Шамаш-ах-иддина, потомок *dekū* («ночной сторож»)⁴⁸.

Gehlken 1990 134 — долговая расписка на 30 сиклей серебра, которые некая Табату ссудила мужчине, чье имя не сохранилось. Документ был составлен в Уруке в 10-й год царствования Дария, царя Вавилона, царя стран.

СССІ 2, N 127 — письмо, адресованное к «нашему брату» Таттанну и содержащее, в частности, распоряжение выдать 2 кур (360 л) фиников в качестве продовольствия одному помощнику управителя храма (*musahhiru ša šatammu*). Имена отправителей не указаны, но ясно, что это были храмовые чиновники, один из которых (*šatammu*) упомянут в тексте. Документ был составлен в 11-м году царствования Дария, царя Вавилона, царя стран (511 г.).

СССІ II 129 — письмо к Таттанну с распоряжением выдать 6 кур (фиников?) некоему Римуту в качестве части доходов с его храмовой пребнды (*maššartu*). Оно было послано в 11-м году правления Дария, царя Вавилона, царя стран.

YOS III 175 — письмо к тому же Таттанну с указанием выдать 10 кур фиников некоему Иддин-Мардуку как полагавшийся ему от храма доход. Оно составлено в 11-м году правления Дария, царя стран. Хотя в Месопотамии Дарий, как до него и Кир и Камбиз, носил титул «царь Вавилона, царь стран», иногда этот титул указывали в сокращенном виде как «царь стран» (см.: Dandamayev 1989: 55).

Stigers (Stigers 1976: 3–59), n 38 — письмо от некоего Либлута к Таттанну с просьбой выдать два кура фиников мастеру бронзовых изделий. Оно было отправлено в 11-м году, но без указания имени царя. Но здесь, очевидно, имеется в виду Дарий, поскольку и отправитель, и адресат известны нам из ряда текстов времени этого царя, которые рассматриваются здесь.

W 18131 — еще не опубликованное письмо от 11-го года царствования Дария. Его имя сохранилось только частично, но такое восстановление не подлежит сомнению (Gehlken, Uruk 1990: 51). Судя по просопографическим данным, здесь имеется в виду Дарий I. Во всяком случае, некоторые действующие лица этого текста встречаются также в документах времени предшественников последнего Кира и Камбиза как относящиеся к храмовому персоналу Эанны (*ibid.*).

⁴⁸Этот же самый человек упомянут среди свидетелей и в Gehlken, Uruk 1990: 134: rev. 1–2 (см. ниже). См. также: TCL XII 117: 15, где Шамаш-ах-иддин, сын Икишая, потомок ночного сторожа, появляется среди свидетелей. Этот документ был составлен в 540 г. до н. э. и происходит из архива Эанна. Как видно из него, некий Ибни-Иштар «извлек со своего пояса железный кинжал» и напал на царского уполномоченного в Эанне Илу-риманин. Народное собрание Урука «опечтало железный кинжал» и положило на хранение в качестве вещественной улики в одно из храмовых помещений.

Stigers 1974 16 является письмом упомянутого выше Либлуга к Таттанну, где содержится распоряжение выдать 6 кур фиников трем упомянутым по именам лицам. Оно было послано в 12-м году правления Дария, царя Вавилона, царя стран (510 г.).

В письме GCCI II 126 Таттанну получает распоряжение о выдаче одного кур фиников Нана-иддину в качестве его пайка за его службу в качестве надзирателя за продовольствием, выделенного для царского имущества. Текст относится к 12-му году правления Дария, царя Вавилона, царя стран.

GCCI II 125 является письмом к Таттанну о необходимости выделить, в частности, 1 пан 2 сут (48 л) фиников двум водоносам (*dalū*) «большого сада» для их рационов, а также двух мер того же продукта одному ткачу. Оно было написано в 12-м году правления Дария, царя Вавилона, царя стран.

YOS III 176 — письмо, отправленное в 12-м году правления Дария, царя Вавилона, царя стран, к Таттанну относительно двух мер фиников, предназначенных для «ухаживающих за лошадьми» (*šušāne ša sisê*) в качестве их рационов.

Stigers 1976 36 — распоряжение «полномочного чиновника и писцов Эанны»⁴⁹, направленное к Таттанну, относительно выдачи трех мер фиников для шести представителей (*musahhīru*) какого-то должностного лица в качестве части их пайков. Оно было составлено в 12-м году правления Дария, царя Вавилона, царя стран.

AnOr IX 12 — обстоятельный отчет о расходе ячменя и фиников, предназначенных для работников Эанны, включая одного строителя (*arad skalli*) и кузнца, за 12-й год правления Дария, царя Вавилона, царя стран.

Согласно GCCI II 124, некий Буллут получил в качестве своей наемной платы (*idu*) 246 л ячменя взамен 240 л фиников. Документ относится к 20-му году правления того же царя (501 г.).

VS XX 17 является распиской пгичника в получении, в частности, 10 кур 2 сут (1920 л) ячменя в качестве корма для птиц и выдаче 1 кур ячменя производителю сезамового масла в качестве его пайка. Этот же текст упоминает также высокопоставленного храмового чиновника (*qīru*). Он был составлен в 22-м году правления того же царя (500 г.).

Spar (Spar 1972), п 14 отмечает, что некий Хабациру, потомок Балату, был ответствен за охрану фиников, собственности богинь Белет Урукской и Нанайи, которые были выданы ему двумя храмовыми садовниками. Сам документ был составлен у одного канала, расположенного в регионе Урука, в 22-м году правления того же царя.

К тому же году относится и GCCI II 128, который является письмом другого чиновника к Хабациру с поручением выдать 2 кур ячменя Балагу, сыну Имбия, как часть его дохода.

GCCI II 130 — письмо того же лица к Хабациру с указанием выдать 4 кур ячменя и $\frac{1}{24}$ сикля серебра чиновнику, который нес ответственность за денежную кассу (*ša muhhi qurri*). Оно тоже было написано в 22-м году правления Дария.

⁴⁹ Строки 1–2: LÚ EN pi-qit-tum ù LÚ UMBISAG šá é-an-na.

Наконец, по свидетельству Gehlken 1990 108, некий Набу-иддин, сын Шамаш-эрибы, получил 15 талантов (450 кг) соли для распределения среди работников храма Эанна. Этот документ был составлен в 33-м году правления какого-то царя, чьи имя и титул не указаны. Он мог быть написан либо при Навуходоносоре II, либо при Дарии I (ср.: Gehlken 1990 108: 92). Если здесь имеется в виду последний, документ этот относится к 489 г. Во всяком случае, в архиве Эанны имеется много документов, датированных по правлению Навуходоносора II, но в них нет ни одного упоминания о Набу-иддине, сыне Шамаш-эрибы.

Рассмотренные выше тексты были составлены в период между 9-22-м годами правления Дария I, т. е. в 513–500 гг. (или, возможно, в 489 г., если документ Gehlken 1990 108 относится ко времени правления того же царя). Хотя все из них принадлежат архиву храма Эанна, не исключено, что GCCI II 131 и Gehlken 1990 134 являются частноправовыми документами, которые по не известным нам причинам оказались в храмовом архиве (ср.: Gehlken 1990: 113). Все остальные тексты — административные и хозяйственные документы, относящиеся к разным храмовым делам. В них упоминаются «писцы Эанны», управитель хозяйством, глава храмового правления, царский контролер, кассир и другие чиновники. Кроме того, Бел-иддин, Либлут, Тагтанну и некоторые другие отправители и получатели писем известны также из многих других синхронных писем того же архива (см.: Ebeling 1934: 323 ff.; Idem. 1949: 182 ff.; Cocquerillat 1984: 155). Заслуживает внимания также тот факт, что они обращаются друг к другу со словами «мой/наш брат», т. е. «коллега», как это было принято среди храмовых чиновников. Кроме того, один документ (Spar 1972 14) уличает, что финики, о которых идет речь, были собственностью Белет Урукской и Нанайи, главных богинь храма Эанна.

Рассмотренные документы фиксируют распределение продовольствия и доходов среди храмового персонала (разные исполнители, мастера по бронзе, кузнецы, строители, носильщики, ткачи, прессовщики растительного масла, конюхи, а также птичники). Из этих текстов видно, что Дарий I не разрушал храма Эанна, поскольку там в период его правления продолжалась нормальная деятельность.

Однако еще остается ответить на вопрос: почему от времени Дария сохранилось так немного документов из Эанны, в то время как в течение предшествующего его правлению столетия оттуда известно более 3000 уже опубликованных текстов? К этому можно добавить также, что из другого крупного святилища — храма Эаббара в Сиппаре — также известно около 30 000 текстов, однако их поток прекращается в 486 г. до н. э. Для этого могли быть различные причины. Это, возможно, объясняется случайностью обнаружения лишь одного из архивных помещений. Не исключено также, что упадок клинописи в Эанне начался на несколько десятилетий ранее, чем в Эаббаре. Очевидно, арамейское письмо играло решающую роль в постепенном исчезновении клинописных документов. Но вавилонские храмы были консервативны, и маловероятно, что писцы Эанны стали бы пользоваться арамейским письмом и такими недолговечными материалами, как кожа или папирус. Но, как видно из клинописных источников, в Эанне для составления отчетных документов пользовались также

деревянными дощечками с восковым слоем⁵⁰. Не исключено, что начиная со времени Дария I значительное число документов Эанны о расходах заполнялись на деревянных дощечках, которые не дошли до нашего времени.

Здесь можно добавить также, что сохранилось около 350 документов (долговые обязательства, о продаже рабов и т. д.) из частных домов жителей Урука. Эти тексты были написаны в течение значительного времени, от начала VII в. до 32-го года царствования Дария I (488 г. до н. э.) (см.: Kessler 1991: 3). Те из них, которые относятся к ахеменидскому времени, еще не опубликованы. Что касается позднеахеменидского периода, пока из Урука опубликовано лишь 35 документов из частных архивов (см.: ВаМ 15 1985: 264–270. N 1, 4–6 (К. Kessler); ВаМ 21 1990: 600–622. N 1–9, 11, 13–19 (M. W. Stolper); Hunger 1976. N 129; ОЕСТ X 194).

СВЕДЕНИЯ ГЕРОДОТА О ПЕРСИИ В СВЕТЕ НОВЫХ НАХОДОК КЛИНОПИСНЫХ ТЕКСТОВ⁵¹

Несмотря на постоянный приток новых вавилонских, эламских, арамейских и других древневосточных письменных источников, груд Геродота остается основным нашим нарративным источником по истории Персии и некоторых других стран Ближнего Востока. Это чрезвычайно важный источник по истории, экономике, социальным институтам и этнографии народов Ахеменидской державы. В то же время «История» Геродота отличается острой наблюдательностью, изумительной художественной выразительностью, очарованием формы и стиля, пленившими читателей всех эпох.

Приблизительно между 455–447 гг. до н. э. Геродот много путешествовал по странам Ближнего Востока (Вавилония, Финикия, Египет и другие страны). Никаких языков, кроме своего родного, он не знал и поэтому во время своих странствований целиком зависел от услуг переводчиков. Поэтому в передаче чужеземных слов и имен Геродот часто неточен (Schmitt 1967:143). Он был, в частности, в Месопотамии и по личным впечатлениям и результатам опроса местных людей дает превосходное и в существенных чертах верное описание города Вавилона⁵², а также сведения об одежде, обычаях, деталях повседневной жизни и экономики этой страны. Однако в исторических событиях конца VII — начала VI в. до н. э., непосредственно предшествовавших захвату Вавилонии персами (не говоря о более ранних временах), Геродот ориентируется поразительно точно.

⁵⁰ К настоящему времени о восковых дощечках как материале для письма накопилась обширная документация, но здесь сошлемся на самую раннюю работу, где был установлен этот факт: San Nicolò 1948: 59–70.

⁵¹ Перевод с внесением некоторых изменений статьи «Herodotus' Information on Persia and the Latest Discoveries of Cuneiform Texts» (Storia della Storiografia. Numero speciale: Herodoto. Milano, 1985. N 7. P. 92–100).

⁵² Об этом свидетельствуют археологические данные см.: Ravn 1942: 92 ff.; Wetzel 1944: 45 ff.; Baumgartner 1950: 69 ff.

тельно плохо (Drews 1973: 80), хотя к его времени не прошло и ста лет после смерти крупнейшего царя этой страны Навуходоносора II (605–562 гг.). Даже имени его Геродот не упоминает, поскольку в этой части своего труда целиком зависел от устной традиции. Правда, и устная традиция определенно не могла передать забвению важнейшие политические события (например, память о Навуходоносоре была жива еще в начале царствования Дария I, поскольку два вавилонских самозванца того времени приняли его имя). Очевидно, информацию о политической истории Вавилонии Геродот получал от случайных людей. В этой стране он мог бы найти достаточно много клинописных текстов с именами царей и изложением важнейших исторических событий. Но эти тексты умели читать в основном лишь профессиональные писцы, а Геродот получал свою информацию от греков, живших в Вавилоне (например, известно, что в армии Навуходоносора II были также греческие наемники).

В Вавилоне Геродот оставался недолго. Оттуда через Финикию он отправился в Египет, где от Дельты вверх по течению Нила добрался до Фив и достиг острова Элефантина на юге страны. Вторая книга труда Геродота посвящена Египту. Это подробный и достоверный рассказ о Египте саисского и персидского времени, его географии, быте, обычаях и религии населения. В этой книге Геродот выступает перед нами как объективный исследователь, желавший понять чужую культуру, проницательный наблюдатель с критическим подходом, не лишенный, однако, определенной наивности.

Центральное место в труде Геродота занимает история греко-персидских войн (последние пять из девяти книг), в которую как предыстория этих войн включена история Лидии, Вавилонии, Египта, Персии и других стран с множеством новелл, а также интереснейшего этнографического и фольклорного материала.

В отличие от ряда более поздних греческих авторов Геродот относится к персам объективно, без вражды, без пренебрежения и пытается понять и изложить и персидскую точку зрения на описываемые им события. Он также с глубоким почтением относится, наряду с греческими, и к чужеземным религиям.

Подробно рассказывая об административной системе и материальных ресурсах Персидской державы, он дает также перечень входивших в нее народов с обстоятельными указаниями относительно подагей с каждой сатрапии, приводит детальное описание персидской армии во время похода Ксеркса против Греции, включая оружие каждого отряда и имена полководцев, дает описание Царской дороги Персидской империи от Эфеса до Суз с указанием станций и расстояния между ними. Он сообщает также о тайнах дворцовой жизни в Сузах, административной столице Ахеменидской державы, и интригах царедворцев с вызывающими доверие деталями. Наконец, он был также хорошо информирован о быте персов.

Геродот был очень доволен своими источниками о персидских делах, считая их надежными (I. 95). Эти источники были разнообразными. Список сатрапий и податей с них, сведения о Царской дороге, перечень контингентов в армии Ксеркса и другие подобные сведения Геродот, вероятно, черпал из официальных (или полуофициальных) персидских источников, которые он как подданный персидского царя мог получить на своей родине Галикарнасе в Малой Азии

(в самой Персии Геродот, очевидно, никогда не был: характерно, что он даже не упоминает города Персеполя). В остальных случаях Геродот следует устной традиции, прежде всего персидской, рассказам своих переводчиков, участников тех или иных событий и т. д. Среди информаторов, снабжавших Геродота надежными сведениями, были и греки, которые в течение многих лет жили при дворе ахеменидских царей, и мастера, работавшие в царских столицах.

В течение второй половины прошлого века было опубликовано немало клинописных текстов, которые позволяют проверить, уточнить и лучше понять ряд данных, содержащихся в труде Геродота. Ниже мы попытаемся рассмотреть некоторые сообщения Геродота в свете таких текстов.

Список сатрапий Ахеменидской державы, сохранившийся у Геродота (3. 89–97), лишь частично совпадает с перечнем стран в Бехистунской и других древнеперсидских надписях. В Бехистунской надписи перечень этот дан по географическому принципу, но без строгого порядка: сначала перечислены Персия и Элам, затем страны к западу от центра государства до Египта, после этого малоазийские провинции, а также Мидия и Армения и, наконец, иранские страны к востоку от Персии. В персепольских и других более поздних надписях появляются также Индия, Фракия, Македония (Скудра), Эфиопия (Куш), Ливия (Пут) и ряд других стран, завоеванных позднее. Но в этих надписях упоминаются также Кария и некоторые другие страны, которые были завоеваны еще при Кире II, но тем не менее не были перечислены в Бехистунской надписи.

В списке Геродота в 20 сатрапиях имеется около 70 народов и племен, входивших в состав державы, в то время как в Бехистунской надписи перечислены 23 страны, из которых у Геродота отсутствуют Каппадокия и Арахосия. Двенадцать стран Бехистунской надписи составляют 5 сатрапий списка Геродота, а 6 стран, данных в надписи как отдельные провинции, у Геродота включены в состав других сатрапий. Сам список у Геродота начинается с Ионии и других малоазийских сатрапий, затем названы Сирия и Египет, Элам и Вавилония и, наконец, страны, расположенные между Ираном и Индией. В литературе высказывалось мнение, что такие расхождения объясняются тем, что в надписях дан перечень административных округов, а у Геродота приводится список податных областей. Другие исследователи полагают, что надписи содержат перечень основных стран державы независимо от принадлежности к тем или иным сатрапиям, обязанным платить подати. Например, согласно Геродоту (3. 88), арабы не входили в состав какой-либо сатрапии, а Бехистунская надпись упоминает Аравию среди подвластных персам страну (см., например: Leuze 1972: 299). Очевидно, количество сатрапий и их границы менялись вследствие новых завоеваний, отпадения отдельных стран или в результате административных реформ. Общая тенденция этих реформ сводилась к тому, что количество сатрапий увеличивалось, а территория их соответственно уменьшалась.

По свидетельству Геродота (5. 52–54), для управления провинциями была налажена регулярная почтовая служба. На крупных дорогах существовали станции с постоянными дворами, которые, по Геродоту, были расположены на расстоянии дневного перехода друг от друга и охранялись государством. На стратегически важных проходах находились укрепления с сильной охраной. На пути

от Сард до Суз было 111 стоянок. Этот путь составлял 13 500 стадиев (1 стадия равнялась ок. 185 м), или 450 парасангов (около 2470 км) и шел через Каппадокию к Верхнему Евфрату и отсюда к Тигру, а затем через горы Загроса на столицу державы Сузы. Обычно в день проходили 150 стадиев, а для преодоления всего пути требовалось 90 дней. Однако при смене лошадей и гонцов на каждой станции в день проезжали до 300 км, и на все расстояние от Сард до Суз требовалось около семи или восьми дней. Геродот (8. 98) рассказывает, что на свете нет ничего быстрее царских гонцов. На всем пути на каждый день приходились особая лошадь и гонец, который передавал весть следующему гонцу.

Так называемые таблички крепостной стены, составленные на эламском языке в 509–494 гг. до н. э., найденные при раскопках в Персеполе, содержат весьма обильную информацию о доставке государственной почты в различные области державы, начиная от Египта и кончая Индией (Hallock 1969). Из этих текстов видно, что лошадей меняли на стоянках, которые находились друг от друга на расстоянии 30 км. Очевидно, Геродот ошибался, когда утверждал, что почтовые лошади бежали целый день⁵³. Среди документов сохранились, в частности, письма служебного характера и донесения высокопоставленных чиновников друг другу и царю и распоряжения последнего. Донесения, адресованные царю, обычно направлялись в Сузы и, по всей вероятности, в большинстве случаев были предназначены для государственной канцелярии. Из Суз с распоряжениями царя гонцов посылали чуть ли не во все сатрапии. Естественно, для регулярной доставки государственной почты надо было располагать значительным штатом профессиональных гонцов, которые находились на постоянном государственном обеспечении. На станциях имелись царские склады, откуда отпускалось продовольствие для гонцов и других чиновников, находившихся в пути. Тексты фиксируют выдачу продовольствия также высокопоставленным чиновникам и сопровождавшей их свите и слугам. Начальник отряда имел при себе «документ с печатью», выданный царем или кем-либо из его приближенных. Среди опубликованных документов пока нет таких «аттестатов», поскольку эти тексты регистрируют лишь расход различных продуктов питания. Но сохранился один документ такого характера на арамейском языке, выданный сатрапом Египта Аршамом и адресованный управляющим его имениями в различных странах с предписанием о выдаче дорожного продовольствия лицам, следовавшим по его распоряжению из Суз в Египет (Driver 1965).

Большинство персепольских документов о путевых рационах фиксирует выдачу продовольствия на один день. Отсюда можно сделать вывод, что на главных дорогах станции с запасами продовольствия были расположены на расстоянии дневного пути. Именно на таких промежуточных станциях были составлены расписки о получении дорожного продовольствия, которые затем для отчета были доставлены в Персеполь. Гонцы и другие чиновники (счетоводы, судьи, писцы и т. д.), следовавшие по государственным делам, получали в день 1–1,5 л муки, а также вино или пиво, а иногда и мясо.

До нашего времени сохранился кожаный мешок, в котором доставляли офи-

⁵³ Ibid.: 6.

циальные документы на арамейском языке из Суз и Вавилона в Египет. В этом мешке найдены письма упомянутого выше египетского сатрапа Аршама управляющим его имениями в различных областях Ближнего Востока. На внешней стороне писем содержатся адреса и краткое содержание посланий, во внутренней — сами письма на коже. Можно отметить также, что в Даскилее (Малая Азия) были найдены буллы с надписями на древнеперсидском и аккадском языках со словами: «Я — Ксеркс». Этими печатями были скреплены царские распоряжения, адресованные сатрапу этой области. Сами указы, очевидно, писались на арамейском языке (Balkan 1959: 123 -128).

По утверждению Геродота (3, 89), в Персидской державе подати были введены впервые при Дарии I, а при Кире и Камбизе подданные обязаны были доставлять лишь подарки. Однако исследователи уже отмечали, что государственные подати существовали еще при Кире. Это видно из Вавилонского Цилиндра Кира (см.: Кузищин 2002: 387 (перевод автора данной статьи)) и ряда других источников. Кроме того, сам Геродот отмечает, что лже-Смердис (Гаумата в Бехистунской надписи), захвативший персидский престол еще при жизни Камбиза, отменил подати на три года. Геродот (7. 51) также пишет, что Кир заставил всю Ионию платить дань персам. Но при Кире и Камбизе еще не было твердо урегулированной системы податей. Подвластные народы доставляли подарки или же платили подати, которые, по крайней мере частично, вносились натурой (ср.: Herod. 3. 90, 94, 97). Проведя свои известные административно-экономические реформы, Дарий I установил новую систему государственных податей. Земля была точно измерена и классифицирована по роду насаждений и по величине урожая. Все сатрапии обязаны были платить строго зафиксированные для каждой области денежные подати серебром, установленные с учетом обрабатываемой земли и степени ее плодородности на основе среднего урожая за несколько лет в соответствии с кадастрами по отдельным областям. Ценные данные о царских податях сохранились в вавилонских документах ахеменидского времени. Это планы полей, обычно нарисованные схематично в виде прямоугольников и треугольников, содержащие информацию о посевной площади, количестве финиковых пальм, точных измерениях всей земли, ее правовом статусе, а также о планах зданий на ней (Nemet-Nejat 1982). Назначение этих планов не было понято их издателем, по мнению которого они являлись графическими изображениями к документам о продаже недвижимости. В действительности они имеют прямое отношение к административно-финансовым реформам Дария и являются их отражением. Другими словами, это кадастровые документы. Такие планы полей с детальной информацией о состоянии и статусе земли появляются начиная с 3-го года правления Дария I, т. е. с 519 г. до н. э. Очевидно, к этому времени следует отнести начало реформ этого царя⁵⁴.

Геродот (3. 89) пишет, что подарки персидскому царю должны были приносить только те племена, которые освобождались от денежных податей. Однако народы, платившие денежные подати, не были полностью освобождены от доставки сель-

⁵⁴ См. рецензию автора этой статьи на книгу К. Немет-Нежат: OLZ 1985: 27–29. Недавно такое же мнение было высказано и в следующем труде: Baker 2004: 60, 85.

скохозяйственных животных, продуктов и ремесленных изделий своих стран (лошади, фрукты, вино, золотые и серебряные изделия и т. д.), хотя такие подарки могли приурочиваться к определенным важным событиям. Например, на персепольских рельефах изображены представители всех подвластных Ахеменидам народов, которые ведут различных животных или несут сосуды с разнообразным содержимым. Как полагают многие ученые, на этих рельефах изображена доставка подарков или дани натурой персидскому царю по случаю новогоднего праздника. В этой связи можно упомянуть также несколько вавилонских документов. По свидетельству одного из них, в самом начале правления Дария I один житель Месопотамии нанял работника сроком на сорок дней, чтобы откормить трех быков, предназначенных в подарок царю (*namurtu*, возможно, что имеется в виду налог; см.: AnOr VIII 10). Когда в 399 г. до н. э. Артаксеркс II прибыл в один из вавилонских городов, жрецы храма в городе Ур наняли двух мальчиков, чтобы нести подарки (*bari* — иранское слово) этому царю по случаю его приезда в их страну (UET IV 48, 49). Псевдо-Аристотель (Оес. II, 3–5) пишет, что персидский царь получал подать не только серебром, но и натурой. Приведенные и многие другие факты показывают, что, вопреки утверждению Геродота, только часть ежегодной дани персидскому царю уплачивалась нечеканным металлом, а остальное — оружием, драгоценными сосудами, скотом, зерном и т. д. Кроме того, Геродот (3. 89 сл.) сам отмечает, что Египет и Вавилония сверх денежных податей обязаны были также выдвигать значительное количество зерна для снабжения продовольствием войска, расквартированного в этих странах. Геродот (1. 192) сообщает также о том, что Вавилония должна была каждый год в течение четырех месяцев снабжать царя и его двор продовольствием. Попутно можно отметить, что утверждение этого автора (3. 160) о передаче Дарием I Вавилоня своему сатрапу Зопиру без обложения податью не может соответствовать действительности. Согласно Ксенофону (Оес 4.5), правители областей доставляли установленное царем содержание размещенным в их странах гарнизонам.

По утверждению Геродота (3. 97), персы как господствующий народ были освобождены от податей. Однако с этим невозможно безоговорочно согласиться, хотя среди данников на персепольских рельефах персов нет. По-видимому, они не платили денежных налогов, но не были освобождены от натуральных податей. Документы крепостной стены содержат некоторые сведения о сборе податей в Юго-Западном Иране в период царствования Дария I. Некогорые из этих текстов фиксируют прием мелкого скота и зерна, сданных в качестве государственных податей. Например, по свидетельству некоторых текстов, в течение двух лет сборщики приняли 7410 бар (1 бар = ок. 10 л) ячменя (PF 443, 451, 567). По другим текстам, различные поименно названные налогоплательщики сдали одному пастуху в общей сложности 642 головы мелкого скота (PF 2025, 2070). Несколько чиновников сообщают управляющему царским хозяйством Фарнаку о передаче овец, поступивших в качестве налога, пастуху по имени Умизза (PF 2070). Другому пастуху были отданы 553 овцы и 41 коза, поступившие в качестве «царского налога» (PF 2085). В качестве подати упоминается также вино. Таким образом, документы свидетельствуют о том, что Персия не была освобождена от натуральных податей (см.: Hinz 1971: 289–292).

По свидетельству Геродота (3. 97), персы занимали в государстве особое, привилегированное положение и были освобождены от принудительных работ. Это сообщение подтверждается надписями о сооружении ахеменидских дворцов в Сузах, где персы, в отличие от других народов, не упоминаются среди строительных работников.

Утверждение Геродота (4.166) о том, что чеканка персидской монеты была предпринята Дарием сразу после подавления восстаний покоренных народов в начале своего правления (522–521 гг.), требует критического отношения. При этом Геродот пишет, что Дарий ввел единую для всей державы монетную единицу, составлявшую основу ахеменидской денежной системы, а именно золотой дарик весом 8,42 г. В Персеполе в фундаменте царского дворца (ападаны) были раскопаны золотые и серебряные дощечки с надписями Дария I. Под каменными ящиками, которые содержали эти закладные надписи, обнаружены 4 лидийские монеты из электра и 4 греческие серебряные монеты. Однако среди них ни одной персидской монеты (Schmidt 1957: 110–114). Фундамент персепольской ападаны строился между 517–514 гг. до н. э. Следовательно, изобретение персидской монеты относится ко времени после 517 г. *Terminus ante quem* чеканки персидских монет дает клад, найденный на канале Афон, который был сооружен по распоряжению Ксеркса в 480 г. до н. э., во время его греческого похода. В этом кладе 300 дариков перемешаны с архаическими тетрадрахмами Афин (Schlumberger 1953: 12–24). Конечно, персы пользовались монетами в основном для коммерческого обмена с греками на границах державы и для уплаты жалованья наемникам. Поэтому нет оснований говорить о широком распространении дариков. Все это легко объясняет то обстоятельство, что, кроме Малой Азии, монетные клады ахеменидского времени встречаются очень редко. Геродот (1.153) пишет, что у персов не было рынков, так как они не продавали и не покупали. Из персепольских документов также видно, что товарно-денежные отношения в Персии в период царствования Дария I были слабо развиты. Именно этим объясняется и то, что даже самые высокопоставленные чиновники, включая заведующего царским хозяйством Фарнака, получали жалованье натурой (овцами, вином, мукой и т. д.) и нечеканным серебром в зависимости от размера поселения, откуда производилась уплата (см. подробно: Дандамаев 1972: 19–21). В самой Персии монеты не находились в торговом обращении, а употреблялись лишь для коммерческого обращения за пределами страны и для уплаты жалованья наемным воинам. Драгоценный металл, принадлежавший государству, подлежал чеканке по усмотрению царя, и большая часть его оставалась нечеканной. Геродот (3. 96) пишет, что в Персии металл вливают в расплавленном виде в глиняные кувшины и затем эти кувшины разбивают. Чеканка была исключительной монополией царя, и, когда были нужны деньги, он указывал, сколько золота надо отрубить. Клинописные документы бросают определенный свет на это сообщение Геродота. Храмы и дворец в Вавилонии, Египте и других странах Ближнего Востока выработали определенную технику для реализации больших сумм податей и добровольных даров, и эта практика была принята государственной администрацией Ахеменидов. Поскольку в большинстве случаев уплата осуществлялась серебром довольно низкого качества, для достижения необходимого единообра-

зия серебро направлялось в храмовые и государственные мастерские, чтобы очистить и переплавить их в слитки стандартного веса и качества, после чего эти слитки складывались в сокровищницы (Oppenheim 1947: 116–120). Среди клинописных текстов персепольской сокровищницы сохранился один документ, написанный на аккадском языке и фиксирующий уплату государственных податей в 19/20-м финансовом году правления Дария I (502 г. до н. э.). Внесенное серебро было оценено по чистоте и весу, и после такой оценки был произведен окончательный подсчет и установлено, какую сумму еще необходимо внести налогоплательщикам, исходя из того, что налоги должны были уплачиваться серебром определенного стандарта. В документе отмечается, что четверьмя налогоплательщиками было внесено серебро трех видов (белое, второсортное и низшего качества) и в зависимости от качества металла уплаченные суммы были оценены от 0,416 до 10 % (Cameron 1948: 200–203. N 85). В свете этого документа становится понятным и то обстоятельство, что на большом числе персидских серебряных сиклей обнаружено множество мелких штампов и других отметок, которые, вероятно, были оставлены финансовыми экспертами (ср.: Gardner 1908: 5).

Геродот (8. 85) пишет, что лицам, оказавшим важные услуги персидскому царю, давался титул «благодетели» и что они получали от царя щедрое вознаграждение. В одной из своих надписей (Накширустамская надпись DNb) Дарий I заявляет: «Верных людей я обильно вознаграждаю» (Kent 1953: 138). По свидетельству одного документа из Персеполя, по личному распоряжению Дария I 530 карша (1 карша = 83,33 грамма) серебра было выдано тринадцати лицам, большинство которых носят иранские имена (Маздаясна, Багабигна и др.), за какую-то важную услугу, оказанную царю (Cameron 1948: 4–5, а также п. 4).

Как рассказывает Геродот (9. 37–38 и 6. 97), перед битвой при Платеях персидский полководец Мардоний приносил жертвы греческим богам «по эллинскому обычаю», или другой персидский полководец Датис, будучи на Лесбосе, по распоряжению царя поклонялся греческим божествам и доставил им 300 талантов благовоний. На эти и многие другие подобные сообщения Геродота определенный свет бросают персепольские документы. Из них видно, что в городах Персии и Элама с царских складов отпускались продукты для отправления культа не только Ахурамазды и других иранских богов, но также эламского бога Хумбана, семитского Адада и других менее известных богов. При этом хотя при перечне богов Ахурамазда упоминается всегда на первом месте, для его культа отпускается в три раза меньше вина, чем было предназначено для эламского бога Хумбана. Как отмечает издатель эламских текстов из Персеполя Халлок, администрация, ведавшая хозяйственной деятельностью, относилась ко всем богам как к равным (Hallock 1969: 5).

Относительно культовых возлияний Геродот (1. 132) утверждает, что персы не совершают их. Но в другом месте своего труда (7. 54 и 7. 113) он сообщает, что, когда персидское войско прибыло на Геллеспонт, маги по приказу Ксеркса совершили возлияния морю и принесли в жертву «героям» 1000 коров и в качестве жертвоприношения заклали белых лошадей. Он также сообщает, что персы с особым благоговением относятся к рекам. Теперь из текстов крепостной стены

Рис. 42. Вавилонский и арамейский писцы

известно, что маги действительно совершали культовые возлияния рекам, горам и т. д., а также приносили жертвы скотом (*ibid.*: 757, 759, 1955, 2006, etc.).

В ряде текстов из Персеполя упоминаются лица, давно известные нам из труда Геродота. Например, он упоминает одну из жен Дария I по имени Артистона, дочь Кира, и пишет, что она была его любимой женой (3. 88, 7. 69 и 72). Она упоминается и в ряде документов крепостной стены. Один из них является письмом заведующего царским хозяйством Фарнака чиновнику, в котором изложено приказание Дария выдать Ирташдуне 200 кувшинов вина (*ibid.*: 1795; 503 г. до н. э.). Другой документ из того же архива является письмом Фарнака к главному пастуху царского скота (Cameron 1942: 214–218). В нем говорится, что Дарий велел Фарнаку:

«100 овец из моего имущества надо отдать царице⁵⁵ Ирташдуне». Она упоминается и в ряде других текстов того же архива в качестве владелицы различных видов имущества, а также людей (см.: Hallock 1969: 705).

Геродот (7. 69) также упоминает Арсама, сына Дария I и Артистоны, который был начальником арабов и эфиопов в войске Ксеркса во время его похода на Грецию. Очевидно, это тот самый Арсам, который после гибели наместника Египта Ахемена в битве при Папремисе в 459 г. до н. э. был назначен сатрапом этой страны и упоминается во многих арамейских текстах V в. до н. э. из Египта. Сохранилась также часть его архива. Это письма на коже на арамейском языке, отправленные из Суз управляющим его имениями в Египте (см.: Driver 1965). Это же самое лицо упоминается также в нескольких документах крепостной стены, по свидетельству которых он и Ирташдуна в 498 г. получили с царских складов определенное количество ячменя, хлеба и пива (Hallock 1969: 24, а также п. 733, 734, 2035).

Геродот (5. 25 и др.) часто упоминает Артафрена, сына Дария, который занимал должность сатрапа Лидии. Он известен нам также из документов крепостной стены, которые датируются между 499 и 495 гг. до н. э. (*ibid.*: 6 и PF 1404, 1421,

⁵⁵ Dukšiš от др.-перс. *duxθri- дословно «дочь», как и переводил издатель этого текста Камерон, полагая, что в тексте речь идет о дочери Дария I, которая была названа по имени своей матери. Бенвеннист высказал мнение, что это титул для обозначения супруги персидского царя (см.: Benveniste 1966: 43–48). Но, по всей вероятности, этот титул применялся для обозначения как жен, так и дочерей царя. Ср.: Hinz 1970: 423.

1455). В частности, целая группа людей была послана из Сард в Персеполь, и ее руководитель имел при себе «документ с печатью Артафрена». Еще два документа упоминают гонцов, направленных последним в Персеполь.

У Геродота (7. 97) упоминается также персидский флотоводец по имени Прексасп, который был сыном Аспатина. Это сообщение находит свое подтверждение в трех документах сокровищницы из Персеполя, где упоминается «Аспатин, сын Прексаспа» в качестве высокопоставленного чиновника на царской службе. На этих документах сохранилась также его печать с указанием имени и отчества, и все они датируются 483 г. до н. э. (Cameron 1948: 102–104, 108).

По свидетельству одного из документов крепостной стены, в 494 г. некий Датия был направлен из Персеполя в Сарды с каким-то «документом с печатью царя» и после выполнения этого поручения вернулся обратно. Льюис высказал предположение, что он был тем же самым лицом, которого Геродот упоминает, называя его «Датисом мидянином», вместе с Артафреном, командовавшим в Марафонской битве 490 г. (Lewis 1980: 194–195).

По предположению Камерона, «адмирал» Бакабада, упомянутый в одном из персепольских текстов, вероятно, идентичен с Мегабизом Геродота (5. 32–34), который был начальником персидского флота, предпринявшим нападение на остров Наксос. Указанный документ фиксирует выдачу ему по распоряжению Дария значительной суммы денег для уплаты работникам последнего (Cameron 1948 8: 94–95).

Среди различных персидских племен Геродот (1, 125) упоминает также марафиев. Из персепольских текстов известна местность Мараппия, т. е. название, идентичное этому племени (см. ссылки на тексты: Hallock 1969: 725). Согласно тому же автору (1.173), первоначальным названием ликийцев, обитателей малоазийской страны Ликии, было термилы. Это название часто встречается в персепольских текстах при упоминании работников царского хозяйства (курташ) ликийского происхождения (*ibid.*: 29; Turmiriya). Военные колонисты из этого же племени известны из вавилонских документов ахеменидского времени под названием *tartulaya* (см., например: PBS 2. Part 2. N. 53).

По словам Геродота (1.136), у персов после военной доблести самой большой заслугой считалось иметь как можно больше сыновей, и тому, кто имел больше всех сыновей, царь каждый год посылал подарки. В свете этого сообщения определенный интерес представляет свидетельство текстов крепостной стены о том, что работницы царского хозяйства, родившие детей (среди них были женщины из Ионии, Фракии и г. д.), получали государственное довольствие. При этом женщины, родившие мальчиков, неизменно получали в два раза больше, чем те, у которых родились девочки. Из этого видно, что государство было заинтересовано в увеличении мужской рабочей силы (см.: Hallock 1969: 37).

Наконец, Геродот (2.1) сообщает, что после смерти своей жены Кассанданы Кир повелел объявить траур во всем своем царстве. Это сообщение подтверждается Вавилонской хроникой, где говорится об объявлении траура по всей Месопотамии по случаю кончины супруги Кира (однако ее имя не упоминается в тексте) (Grayson 1975: 111).

В заключение отметим, что в исторической науке многократно ставился вопрос о надежности сообщаемых Геродотом сведений. Еще в древности Фукидид и Аристотель относились к нему не только критически, но даже иронически. В XIX в. английский ученый А. Сайс даже назвал его «отцом лжи». Конечно, многие сообщения Геродота⁵⁶ не подтвердились. Кроме того, он имел смутное представление о ранних периодах истории Ближнего Востока. Однако значительные научные находки последних десятилетий подтвердили многие сообщения Геродота по истории Египта, Вавилонии, Малой Азии, Персии и ряда других стран. Он, как всякий историк, зависел от своих источников. Хотя его сведения не всегда верны, труд его является объективным и честным источником. Он был добросовестным ученым, желавшим понять чужую культуру, и проникательным наблюдателем с критическим подходом (ср.: Momigliano 1979: 139 ff.).

ПОЛВЕКА В МИРЕ КЛИНОПИСИ⁵⁷

Для меня большая честь и радостное событие выступить с докладом на заседании Дагестанского научного центра. Но, работая над этим докладом, я постоянно ощущал чувство неловкости. Дело в том, что в приглашении на это заседание выражалось пожелание отразить в докладе «личный вклад» в науку. Поэтому мое выступление здесь является, так сказать, сочинением на заданную тему и мне придется много говорить о своей работе.

Вероятно, в Дагестане впервые ставится доклад об изучении клинописи (или ассириологии по имени этнического названия древнего народа ассирийцев). Это легко можно объяснить тем, что ассириология — самая молодая из восточковедных дисциплин. В то время как арабистика, семитология, тюркология или синология насчитывают за собою много столетий существования, ассириология возникла всего около полутора века назад. Начиная со времен эпохи Возрождения, в течение нескольких столетий ученые тщетно пытались расшифровать клинопись. За два столетия было разгадано, да и то лишь предположительно значение всего двух клинописных знаков, и поэтому мало кто верил в возможность расшифровки клинописи. Однако в 1857 г. четверо европейских ученых одновременно и независимо друг от друга предложили свои переводы одной и той же ассирийской надписи, и, если не считать отдельных деталей, переводы эти совпали. Так начался первый век ассириологии. Фонд клинописных текстов стал быстро пополняться. Стали известны Законы Хаммурапи, эпос о Гильгамеше и многие другие знаменитые древние произведения. Последовали расшифровки и других систем клинописи. XIX век был периодом великих научных и технических открытий, но, вероятно, самым удивительным достижением и одним из самых великих триумфов человеческого разума, начиная с эпохи Возрождения, была расшифровка клинописи. В результате этого в различной степени постепенно ожили более десяти языков, на которых уже в течение

⁵⁶ Например, его утверждение о том, что в Вавилонии не растет виноградная лоза (I. 93).

⁵⁷ Доклад, прочитанный в 2005 г. в Махачкале на юбилее Дагестанского научного центра.

нескольких тысячелетий никто не говорил, включая шумерский, вышедший из употребления еще четыре тысячи лет назад. Перед взором изумленных европейцев предстали давно исчезнувшие цивилизации, языки, на которых несколько тысячелетий уже никто не говорил, давно исчезнувшие материальная и духовная культуры, религии, законы, обычаи и т. д. Об этих великих достижениях востоковедов мало говорят, потому что, в отличие от удивительных открытий биологов, физиков, астрономов и других представителей точных наук, ассириология не имеет значительного практического применения в жизни современного человечества.

К началу 20-х гг. прошлого столетия окончился героический век ассириологии и настало время систематического и скрупулезного изучения и критического анализа клинописных текстов различных эпох и регионов. К тому времени ушли из жизни титаны ассириологии, которые легко и свободно перескакивали из одного тысячелетия в другое, из одной системы клинописи на другие, из одного жанра текстов на другие. К настоящему времени работы этих ученых безнадежно устарели, теперь их почти никто не читает, кроме историков науки или редких в ассириологии самоучек. Однако они создали безграничные просторы для работы последующих поколений ассириологов. В наше время ассириология превратилась в подлинно международную отрасль науки. Кроме Европы, Ближнего Востока и США кафедры ассириологии в сравнительно недавнем прошлом были учреждены в университетах Канады, Австралии, Японии и Китая. Ежегодно устраиваются международные конференции по различным клинописным проблемам. Одна из них состоялась и в Ленинградском институте востоковедения в 1984 г., и на 2007 г. намечена очередная конференция в Москве и Петербурге. Среди крупных проектов международного сотрудничества можно назвать создание словаря «ассирийского языка» в тридцати томах и многотомной фундаментальной ассириологической энциклопедии.

Современная ассириология располагает неисчерпаемыми источниками для изучения Древней Месопотамии. Клинописные тексты составляют $\frac{3}{4}$ всех письменных источников по истории и культуре Древнего мира. К тому же в то время как большинство других древних и даже средневековых текстов дошло до нас зачастую в неузнаваемом виде по причине их многократного переписывания и повреждений, клинописным табличкам повезло больше: они в огне не горели и от времени не очень пострадали.

Письмо возникло примерно одновременно в Египте и Месопотамии. Но это были отличающиеся друг от друга системы, которые получили названия «иероглифика» и «клинопись». Последнее письмо состояло примерно из 600 знаков, которые с течением времени постепенно приобрели форму клиньев. Знаки эти обозначали либо целое слово (логограмма), либо отдельный слог (силлабограмма). Другими словами, это письмо было словесно-слоговым. При этом большинство знаков было полифонично, т. е. почти каждый из них имел много значений, которые необходимо было подбирать по контексту. Кроме того, один и тот же знак мог употребляться и как логограмма, и как силлабограмма, а также как детерминатив, который ставился для указания грамматической категории (например, чтобы различить мужской и женский роды).

Самые ранние клинописные тексты относятся к началу второй четверти 3-го тысячелетия до н. э., когда люди еще только начинали учиться выражать свои мысли при помощи письма и увековечивать факты. Но всего через сто лет после этого стали появляться пространные тексты, написанные на шумерском языке. Особенно много (никто не знает точно сколько, но к настоящему времени издано уже более 60 тысяч текстов) документов сохранилось от XXI в. до н. э., когда в мельчайших деталях фиксировались даже самые незначительные операции храмово-дворцового хозяйства. Таким образом, эти тексты были написаны более четырех тысяч лет назад, когда даже срочные государственные депеши доставлялись в разные концы страны на ослах. Речь идет об огромном по тем временам Шумерском государстве, которое кроме самой Месопотамии охватывало обширные пространства южных регионов Ирана и Сирию. В середине XXV в. до н. э. от шумеров клинопись заимствовали жившие к северу от них в той же Месопотамии аккадцы (т. е. вавилоняне и ассирийцы), которые продолжали пользоваться ею еще в течение двух с половиной тысяч лет, пока в I в. н. э. ее окончательно не вытеснили арамейская и греческая письменности. От аккадцев клинописи научились и соседние народы (эламиты, хурриты, хетты и урарты), приспособив ее к своим языкам. Таким образом, к середине 2-го тысячелетия до н. э. вся Передняя Азия стала пользоваться этим видом письма. Известны также еще два вида клинописи, которые, однако, отличаются от шумеро-аккадской. Это угаритская и древнеперсидская виды письма, которые употреблялись соответственно в Сирии и Иране во 2-м и 1-м тысячелетиях до н. э. Угаритское письмо содержало 30 знаков, из которых всего три употреблялись для обозначения гласных. В древнеперсидской клинописи насчитывается 41 знак, из которых 36 обозначали согласные вместе с гласными, а остальные были логограммами. Оба эти вида письма по существу были полуалфавитными.

Сенсационные находки клинописных текстов продолжают и в настоящее время. Так, четверть века тому назад были найдены библиотека и архив из многих тысяч клинописных текстов на ранее неизвестном семитском языке, который по месту своей находки в Сирии получил условное название «эблаитский язык». Каждый год археологи находят сотни текстов, среди которых особую ценность представляют ранее неизвестные исторические хроники, протоколы дипломатических переговоров и т. д., не говоря об экономических документах массового характера.

Можно сказать, еще на заре ассириологии одним из издателей клинописных текстов был выдающийся русский ассириолог Михаил Васильевич Никольский, которому, отметим попутно, Лев Николаевич Толстой сдавал экзамен по древнееврейскому языку, когда он захотел проверить свои знания самоучки в этой области. Этой же группой текстов много занимались, в частности, также Василий Васильевич Струве и Игорь Михайлович Дьяконов, у которых мне посчастливилось учиться и вместе с которыми я работал в течение нескольких десятилетий.

Мой собственный интерес к ассириологии начался с довольно случайных обстоятельств. В ранние годы меня больше всего интересовала арабистика, точнее арабские источники о Северном Кавказе, и я мечтал поступить на вос-

точный факультет Ленинградского университета. Но я учился в школе, где не преподавали иностранный язык, а для поступления в университет необходимо было сдать экзамен по нему. Поэтому мне пришлось поступить в Педагогический институт, где не было такого требования. Но там у меня появилась возможность заниматься факультативно древнегреческим и лагинским языками. Однако у меня до сих пор сохранился живой интерес к арабистике, и в течение ряда лет я занимался ею самостоятельно, что, правда, не дало ощутимых результатов. Тем не менее до сих пор по мере возможности я продолжаю следить за публикациями арабских источников, имеющих отношение к Дагестану. Но профессионально мне суждено было заниматься другими предметами. После двух лет работы в средней школе селения Унцукуль я поступил в аспирантуру Института истории АН СССР в Москве. Там я занимался Древним Ираном, источниками для изучения которого в основном были древнеиранские и античные свидетельства. Среди моих учителей того времени был и крупнейший знаток древнеиранских языков Василий Иванович Абаев. Вначале я еще не оставлял надежды в дальнейшем также вернуться к занятиям арабским. Однако в те годы я не отдавал себе отчета в том, насколько справедлива латинская поговорка *Arts longa vita brevis*, что можно перевести «Наука бесконечна, а жизнь скоротечна».

Моя кандидатская диссертация была посвящена исследованию Бехистунской надписи, которая была высечена более двух с половиной тысяч лет назад на скале недалеко от города Хамадана на территории Северо-Западного Ирана. Она насчитывает более тысячи строк и составлена на трех языках (древнеперсидском, эламском и аккадском). Отрывки этой надписи сохранились также на аккадском языке из Вавилона и на арамейском из Египта. Она повествует о драматических событиях, которые произошли после захвата персидского престола Дарием I. В 522 г. до н. э. он стал царем огромной Ахеменидской империи, которая простиралась от Египта и Нубии до Средней Азии, Индии и Афганистана. Многие народы этой империи поднимали восстания против господства персидской знати во главе с Дарием. Об этих восстаниях и повествует Бехистунская надпись. О событиях, связанных с ними, сохранились документальные свидетельства также из Египта и Вавилонии и в античной исторической литературе. Моя работа над этой темой завершилась в 1963 г. публикацией книги «Иран при первых Ахеменидах». Через десять лет, в 1973 г., она была опубликована также в Иране в переводе на персидский язык. Переработанная и дополненная версия этой книги с учетом новой литературы в переводе на немецкий язык вышла также в тогдашней Западной Германии в 1976 г. (*Persien unter den ersten Achämeniden*. 6. Jahrhundert v. Chr. Wiesbaden). На эту книгу было опубликовано несколько положительных рецензий. Немецкий иранист Й. Визехёфер назвал ее «основополагающим исследованием» для изучения истории Ирана последней четверти VI в. до н. э. (*Wiesehöfer J. Der Aufstand Gaumatas und die Anfänge Dareios' 1. Bonn, 1978. S. 3*). И. М. Дьяконов оценил эту работу следующими словами: «Тщательный, строго логический анализ истории Ирана в VI в. до н. э... с привлечением всей огромной литературы вопроса... а также источников как на античных, так и восточных языках, представляется нам крупным достижением в области Древнего Ирана... Редко кто в равной степени владеет античными и древневос-

точными языками и соответствующими источниковедческими познаниями, и это приводит к погрешностям. Работа М. А. Дандамаева свободна от подобного недостатка» (ВДИ 1964 3: 187). За эту книгу Французская академия надписей и изящной словесности присудила мне премию имени известного специалиста по иранской археологии Романа Гиршмана. В последующем мною были написаны еще две книги по Ирану. Одна из них — «Культура и экономика Древнего Ирана». (М., 1980), изданная в сотрудничестве с Владимиром Григорьевичем Лукониным, — в 1991 г. вышла также в испанском переводе в Барселоне («Cultura y Economía del Iran Antiguo», а в переработанном и дополненном виде — в Англии в Кембридже: «The Culture and Social Institutions of Ancient Iran» 1989). В последующем она была переиздана еще два раза, что не часто случается в области истории Ближнего Востока, где ввиду постоянного притока новых документальных данных книги быстро устаревают. Готовится также ее издание в персидском переводе в Иране. Вторая книга — «Политическая история Ахеменидской державы» (М., 1985). Ее опубликовали также в Голландии в английском переводе («A Political History of the Achaemenid Empire», Leiden, 1989). В 2005 г. она появилась и в Иране в персидском переводе. В своем предисловии к нему издатель заявил, что подлинная история начинается с возникновением ислама, а данная книга является образцом лживой истории. В ответ на это иранские коллеги написали мне, что никто из них не согласен с такой оценкой и что все мои книги являются обязательными для изучения на гуманитарных факультетах иранских университетов.

Другая серия моих книг посвящена Вавилонии. Поскольку последняя была частью Ахеменидской империи, я решил попытаться в течение двух-трех лет ознакомиться с вавилонскими хозяйственными и частнопровыми документами повседневной жизни того времени (т. е. VI-IV вв. до н. э.), чтобы в дальнейшем использовать их в своей работе. Однако, вопреки первоначальным наметкам, на разработку этой темы ушла вся моя последующая жизнь вплоть до сегодняшнего дня.

Работа шла медленно. В те годы никто в нашей стране не занимался вавилонской скорописью I-го тысячелетия до н. э., да и на Западе ею занимались всего два историка клинописного права. А преобладающее количество текстов было издано лишь в клинописной прорисовке, без транслитерации, переводов и индексов, лишь с указанием их музейных инвентарных номеров. К тому же существовавшие в то время словари аккадского языка не учитывали лексику хозяйственных и частнопровых документов, ограничиваясь главным образом литературными текстами. После двух лет работы я понял, что мало пользы в занятиях документами ахеменидского периода, если не знаешь, что было в Вавилонии до захвата этой страны персами. Кроме того, необходимо было составить картотеки всех собственных имен, топонимических названий, социальной лексики и многого другого вплоть до глагольных форм, ибо нововавилонский диалект аккадского языка, на котором составлены эти документы, не был тогда еще изучен. Насколько я знаю, такой картотеки тогда еще не было и у западных специалистов. Единичный документ о ссуде, аренде земли или дома или контракт об обучении какому-либо ремеслу иногда может многое сказать

об эпохе, но в большинстве случаев такие массовые документы, взятые сами по себе, изолированно от других текстов, не представляют значительного интереса. Лишь составляя из отдельных документов целые архивы, относящиеся к деятельности одного и того же индивидуума или одних и тех же семей на протяжении нескольких поколений, можно максимально полно использовать информацию, содержащуюся в документах повседневной жизни.

Поэтому работу пришлось делать снова с самого начала. На этот раз я решил расписать все вавилонские тексты начиная с XII в. до н. э. до самого конца существования клинописи в I в. н. э. На составление такой картотеки и досье на многих тысяч людей ушло более десяти лет. На ее основе кроме нескольких книг моих учеников и моих собственных многочисленных статей были написаны три монографии.

Первая из них — «Рабство в Вавилонии» (вышла в 1974 г.). В те годы, когда писалась эта книга, проблема роли рабства в древности занимала важное место в нашей исторической науке. Однако применительно к Вавилонии 1-го тысячелетия до н. э. эта проблема в те времена не была предметом специального исследования, несмотря на наличие практически необозримого фонда самых разнообразных источников. Кроме того, мое поколение было приучено к тому, чтобы при исследовании рабства интересоваться в основном теми текстами, в которых упоминаются рабы, оставляя в стороне другие источники. Но мне представлялось, что гораздо важнее оценить в целом, попытаться понять, чем кроме рабов располагал рабовладелец, как и кем обрабатывалась его земля, как удовлетворялись его потребности в изделиях ремесла, чем в целом можно охарактеризовать его хозяйство. Представлялось необходимым понять масштабы применения рабского труда по сравнению с трудом других зависимых слоев населения, которые не являлись рабами, и свободных. Важно было также рассмотреть в сравнительном плане документальные свидетельства о роли труда мелких земледельцев, арендаторов, ремесленников и свободных наемных работников. Через десять лет после выхода русского издания книги она появилась также в английском переводе в США (*Slavery in Babylonia from Nabopolassar to Alexander the Great. DeKalb, 1984*). Для этого издания пришлось учесть еще около 4000 новых документов, которые были опубликованы после выхода книги на русском языке. Наконец, я получил также возможность сверить в течение месяца данные в книге в транслитерации тексты с их оригиналами в Британском музее, чтобы внести ряд уточнений в текст нового издания книги. Западные коллеги написали на нее несколько положительных рецензий. В частности, профессор Лейденского университета и главный редактор журнала «*Bibliotheca Orientalis*» М. Стол следующим образом охарактеризовал ее: «Эта книга бесценна. Она долго останется настольной для тех, кто занимается рабством на Древнем Востоке, благодаря огромному использованному в ней материалу». Сравнительно недавно мне предложили пересиздать и русский, и английский тексты этих книг, опубликованные более четверти века назад, но от этого мне пришлось отказаться: ввиду стремительного развития современной науки научные публикации быстро устаревают, и чтобы довести их до уровня сегодняшнего дня, часто требуются годы работы.

Писец — центральная фигура клинописной цивилизации. Именно ему мы обязаны появлением и сохранением неисчерпаемого количества самых разнообразных письменных источников. Поэтому фигура писца всегда привлекала внимание не только ассириологов, но и более широкого круга историков и читателей. Однако эта тема по отношению к вавилонским писцам I-го тысячелетия оставалась совершенно неисследованной, и информацию приходилось собирать по крупицам из многих тысяч текстов. Вопросам образования и методам школьного обучения, уровню грамотности населения, архивному делу, принципам комплектования библиотек, социальному и имущественному положению писцов, а также их роли в храмовом и государственном аппарате управления и на службе у частных лиц посвящена книга «Вавилонские писцы» (М., 1983). На эту книгу также было несколько положительных рецензий. Американский востоковед, профессор Йельского университета Бенжамен Фостер в «*Journal American Oriental Society*» (1986, т. 106) писал о ней: «Книга так богата полезной и интересной информацией и основана на большом труде, что читатель может только восхищаться и быть признательным... Эта книга останется образцом исследования: ясная, хорошо организованная, авторитетная и полная эрудиции, не говоря о чисто человеческом интересе. Вавилонские писцы нашли достойного преемника в Ленинграде».

На архивных материалах основана и книга «Иранцы в ахеменидской Вавилонии» (*Iranians in Achaemenid Babylonia*. Costa Mesa; New York, 1992), изданная в США на английском языке. Она посвящена персам, мидийцам, хорезмийцам, бактрийцам и другим представителям иранских народов, включая и выходцев из далекого Афганистана, которые 25 столетий тому назад по тем или иным причинам жили в Вавилонии (т. е. на территории современного Ирака) и вступали в деловые отношения как друг с другом, так и с исконным населением страны и при этом пользовались вавилонскими юридическими нормами. В этой монографии прослеживаются также изменения в экономических отношениях, социальных институтах и традициях культуры, которые происходили в Вавилонии в период персидского владычества. В основу этой книги легли лекции, прочитанные мной в 1987 г. в Колумбийском, Чикагском, Гарвардском, Нью-Йоркском, Пенсильванском и ряде других американских университетов.

Среди других проектов, которые заняли значительное место в моей работе, можно упомянуть, в частности, участие в создании «Истории Древнего Востока» (М., 2004), «Кембриджской древней истории» (*The Cambridge Ancient History*. III/2, Cambridge, 1991), «Истории цивилизаций Центральной Азии» ЮНЕСКО (*History of Civilizations of Central Asia*. Paris, 1994, II) и «Иранской энциклопедии» (*Encyclopaedia Iranica*. New York, 1982), международного проекта, который осуществляется в США. В нем я состою членом консультативного совета и редакционной коллегии, а также составителем словника по древней истории (к настоящему времени опубликовано 13 томов; предполагается, что все издание займет 30 томов).

Вавилонские архивы I-го тысячелетия до н. э. — перспективное направление исторической науки. К настоящему времени изданы десятки тысяч хозяйственных, административных, частноправовых документов (долговые расписки, кон-

тракты о продаже, аренде и дарении земли, домов и другого имущества, о найме рабов и скота, об обучении различным ремеслам, брачные контракты, квитанции об уплате податей), документы о международной торговле, протоколы судебных процессов, переписка официального характера и письма с семейными новостями и т. д., вплоть до (выражаясь современными терминами) командировочных удостоверений, документов штатного расписания и адресных картотек. Сохранились также обширная астрономическая, математическая и другая научная литература, художественные произведения, географические карты и планы, путеводители, царские надписи, сборники законов, исторические хроники, грамматические тексты и древние словари. Фонд клинописных источников постоянно пополняется новыми важными находками, да и десятки тысяч документов, хранящихся в музейных и частных коллекциях, еще ждут своей публикации. Эти тексты в своей совокупности дают возможность не только детально изучить социально-экономические отношения, но и проследить судьбы отдельных лиц и целых семей в течение длительного времени, составить представление об их имущественном положении во всей динамике, изучить повседневную жизнь, общественную психологию, моральные и идеологические взгляды, научные достижения, ход складывания международного экономического рынка, импорт рабочей силы и международные контакты представителей десятков различных народов. Для других регионов мы имеем (да и то лишь в ряде случаев) такую массовую и разнообразную информацию, охватывающую все реалии общественной, экономической и частной жизни, только начиная со времени позднего Средневековья. Когда я окунулся в этот океан информации, я совершенно не мог предполагать, что никогда не смогу выйти из него. Я увлекся историей и стремился создать всеохватывающую и целостную картину экономического уклада, общественного устройства, социальных институтов, политической истории стран Ближнего Востока в I-м тысячелетии до н. э.

SUMMARY

This edition contains an updated edition of the author's articles on the state administration, palace and temple economy, freedom and slavery, private business activities, ethnic and cultural contacts, social institutions, agrarian relations, monetary systems and peculiarities characteristic of the ancient religions in Mesopotamia and Iran. The book embraces the time of the collapse of the Assyrian empire, the creation of the Neo-Babylonian kingdom and the expansion of the enormous Achaemenid state where Mesopotamia was a central province.

Most of the articles presented here were published in the second half of the last century in Russian and Western journals. The articles published solely in the West are given in Russian translation. As a rule, works in the field of Assyriology become obsolete within short periods of time owing to the rapid development of cuneiform studies and regular publications of massive documentary materials of various genres. For this reason only those articles which, according to the author's opinion, still continue to be valid today are presented here. Many of them are given in an abbreviated form without transliterations of cuneiform texts. Besides, bearing in mind the contemporary condition of Assyriological and Iranian studies, some references are replaced by recent publications. The volume is intended for the specialists in cuneiform studies as well as for the general readers who are interested in history and civilizations of Ancient Iran and Mesopotamia.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Издания текстов

- ABC — *Grayson A. K. Assyrian and Babylonian Chronicles // Texts from Cuneiform Sources. Vol. 5. Locust Valley; New York, 1975.*
- AnOr — *Analecta Orientalia. Vols. VIII–IX. Roma, 1933.*
- BBSt — *King L. W. Babylonian Boundary Stones and Memorial Tablets in the British Museum. London.*
- BE — *The Babylonian Expedition of the University of Pennsylvania. Series A: Cuneiform Texts. Philadelphia. Vol. VIII. 1908; IX. 1898; X, 1904.*
- BHILT — *Grayson A. K. Babylonian Historical-literary Texts. Toronto; Buffalo, 1975.*
- BIN I, II — *Babylonian Inscriptions in the Collection of J. B. Nies. Vol. 1, 2. New Haven, 1917, 1920.*
- BRL — *Kohler J., Peiser F. E. Aus babylonischen Rechtsleben. I–IV. Leipzig, 1890–1898.*
- BRM I — *Babylonian Records in the Library of J. P. Morgan. Vol. 1. New York, 1912.*
- BV — *Peiser F. E. Babylonische Verträge des Berliner Museum. Berlin, 1890.*
- Camb — *Strassmaier J. N. Inschriften von Cambyses, König von Babylon // Babylonische Texte VIII–IX. Leipzig, 1890.*
- CIWA — *Cuneiform Inscriptions of Western Asia. London, 1909. V.*
- CM — *Cuneiform Monographs. Vol. III A, B. Wunsch C. Die Urkunden des babylonischen Geschäftsmannes Iddin-Marduk; vol. XX A, B: Idem, Das Egibi-Archiv. Groningen, 1993, 2000.*
- CT — *Cuneiform Texts from Babylonian Tablets in the British Museum. Vols. II, XXII, XLIX, LV, LVI, LVII. London, 1896, 1906, 1968, 1982.*
- CTMMA — *Cuneiform Texts in the Metropolitan Museum of Art. Vol. III: I. Spar and E. von Dassow. 2000.*
- Cyr — *Strassmaier J. N. Inschriften von Cyrus, König von Babylon // Babylonische Texte VII. Leipzig, 1890.*
- Dar — *Strassmaier J. N. Inschriften von Darius, König von Babylon // Babylonische Texte X–XII. Leipzig, 1892–1897.*
- EEMA — *Stolper M. W. Entrepreneurs and Empire: The Murašû Archive, the Murašû Firm, and Persian Rule in Babylonia. Leiden, 1985.*
- EKBK — *Strassmaier J. N. Einige kleinere babylonische Keilschrifttexte aus dem Britischen Museum // Actes du Huitieme congrès International des orientalistes. P. 2. Sect. 1. Leipzig, 1893.*
- ET 25 — *Expository Times.*
- EvM — *Evetts B. T. A. Inscriptions of the Reigns of Evil-Merodsch (B. C. 562–559), Neriglissar (B. C. 559–555) and Laborosoarchod (B. C. 555) Leipzig, 1892.*
- GCCI — *Goucher College Cuneiform Inscriptions. Vols. I, II. New Haven, 1923, 1933.*
- Gehlken — *Gehlken E. Uruk. Spätbabylonische Wirtschaftstexte aus dem Eanna-Archiv I // Texte verschiedenen Inhalts. Mainz am Rhein, 1990.*
- Lab. — *см.: EvM.*

- Liverpool — *Strassmaier J. N.* Die Babylonischen Inschriften im Museum zu Liverpool... // Actes du sixième Congrès international des Orientalistes... Deuxième partie. Leide, 1885. P. 569-624.
- Moldenke — *Moldenke A. B.* Cuneiform Texts in the Metropolitan Museum of Art. Pt. I. II. New York, 1893 (перевзд.: J. A. Delaunay (nouvelle édition). Paris. 1977).
- NBDMich — *Moore E. W.* Neo-Babylonian Documents in the University of Michigan Collection. Ann Arbor, 1939.
- Nbk — *Strassmaier J. N.* Inschriften von Nabuchodonosor, König von Babylon // Babylonische Texte. V-VI. Leipzig, 1889.
- Nbn — *Strassmaier J. N.* Inschriften von Nabonidus, König von Babylon // Babylonische Texte I-IV. Leipzig, 1889.
- Ner — см.: EvM.
- NRV — *San Nicolò M., Ungnad A.* Neubabylonische Rechts- und Verwaltungsurkunden übersetzt und erläutert. Band I: Rechts- und Wirtschaftsurkunden der Berliner Museen aus vorherhellenistischer Zeit. Leipzig, 1929-1935.
- OECT — Oxford Editions of Cuneiform Texts. Oxford. Vol. X. 1984.
- PBS 2/I — University of Pennsylvania // The University Museum. Publications of the Babylonian Section. Vol. 2/I. Philadelphia, 1912.
- Peek — *Pinches Th. G.* Inscribed Babylonian Tablets in the Possession of Sir Henry Peek. Pt. I-IV. London. 1888-1890.
- PF — *Hallock R. T.* Persepolis Fortification Tablets. Chicago, 1969.
- PTT — *Cameron G. G.* Persepolis Treasury Tablets. Chicago, 1948.
- ROMCT II — Royal Ontario Museum Cuneiform Texts. Vol. II. Toronto, 1982.
- SAA 10 — State Archives of Assyria. Vol. 10. Helsinki, 1993.
- SAKI — *Oberhuber K.* Sumerische und akkadische Keilschriftdenkmäler des Archäologischen Museums zu Florenz. Innsbruck, 1960. Spar I. Spar, Studies in Neo-Babylonian Economic and Legal Texts. Dissertation. University of Minnesota. Minneapolis, 1972.
- Stigers — *Stigers H. G.* Neo-and Late Babylonian Business Documents from the John Frederick Lewis Collection // JCS 28. 1976. P. 3-59.
- TCL III. IX. XII. XIII — Musée du Louvre. Le Département des Antiquités Orientales // Textes cunéiformes. T. 3, 9, 12, 13. Paris, 1912, 1926, 1927, 1929.
- TEBR — *Joannès F.* Textes économiques de la Babylonie récente. Paris, 1982.
- TMH 2/III — Texte und Materialien der Frau Professor Hilprecht Collection of Babylonian Antiquities in Eigentum der Universität Jena. Bd 2/III. Leipzig, 1933.
- UCP — University of California Publications in Semitic Philology. Berkeley. Vol. 9. 1927.
- UFT I. IV — Ur. Excavations Texts. Vols. I. IV. London. 1928. 1949.
- VAB IV — Vorderasiatische Bibliothek. Bd. 4. Leipzig, 1912.
- VS III VI. XX — Vorderasiatische Schriftdenkmäler der Königlischen Museen zu Berlin. Bd. 3-6, 20. Berlin. 1907, 1908, 1978.
- YNER I. X — Yale Near Eastern Researches. Vol. 1, 10. New Haven, 1967, 1989.
- YOS I, III. VI. VII. XVII. XIX — Yale Oriental Series. Vol. 1, 3, 6, 7, 17, 19. New Haven, 1915, 1919, 1920, 1925, 1980, 2000

Периодические и справочные издания

- ВДИ — Вестник древней истории
 КСИНА — Краткие сообщения Института народов Азии
 НАА — Народы Азии и Африки
 СВ — Советское востоковедение

- AAASH — Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae (Budapest)
 AFO — Archiv für Orientforschung
 AHw — *Soden W. von. Akkadisches Handwörterbuch*. Bd. 1–3. Wiesbaden, 1959–1981
 AJA — American Journal of Archaeology
 AMI — Archäologische Mitteilungen aus Iran (Berlin)
 ANET — Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament. Princeton, 1955.
 AnOr — Analecta Orientalia
 AOAT — Alter Orient und Altes Testament (Münster)
 AOATS — Alter Orient und Altes Testament. Sonderreiche (Münster)
 Aof — Altorientalische Forschungen (Berlin)
 AOS — American Oriental Society (New Haven)
 APAW — Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften (Berlin)
 ArOr — Archiv Orientální (Praha)
 ARRM — Annual Report. The Royal Inscriptions of Mesopotamia Project (Toronto)
 AS — Assyriological Studies (Chicago)
 AuOr — Aula Orientalia
 BA — Beiträge zur Assyriologie
 Baghm — Baghdader Mitteilungen
 BASOR — Bulletin of the American Schools of Oriental Research
 BM — British Museum
 BN — Beiträge zur Namenforschung. Heidelberg
 BO — Bibliotheca Orientalis
 CAD — The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Glückstadt
 CAH — The Cambridge Ancient History
 CHI — The Cambridge History of Iran
 CII — Corpus Inscriptionum Iranicarum (London)
 CIS — Corpus Inscriptionum Semiticarum (Paris)
 DAFI — Cahiers de la Délégation archéologique française en Iran
 EnIr — Encyclopaedia Iranica
 FGrH — *Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker*. Berlin; Leiden, 1923–1958
 FHG — Fragmenta Historicorum Graecorum. Vol. II. Paris, 1849
 HANES — History of the Ancient Near East Monographs
 IJ — Indo-Iranian Journal (Leiden)
 IOS — Israel Oriental Studies (Tel Aviv)
 Iraq — Iraq Journal of British Archaeology
 JA — Journal Asiatique (Paris)
 JANES — The Journal of the Ancient Near Eastern Society of Columbia University (New York)
 JAOS — Journal of the American Oriental Society
 JCS — Journal of Cuneiform Studies
 JEOL — Jaarbericht van het Vooraziatisch-Egyptisch Genootschap Ex Oriente Lux (Leiden)
 JESHO — Journal of the Economic and Social History of the Orient
 JHS — Journal of Hellenic Studies (London)
 JNES — Journal of Near Eastern Studies
 JQR — Jewish Quarterly Review
 JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland
 JTVI — Journal of the Transactions of the Victoria Institute
 LCM — Liverpool Classical Monthly (Liverpool)
 MDOG — Mitteilungen der Deutsche Orient-Gesellschaft (Berlin)
 MDP — Mémoires de la Délégation en Perse. Paris

- NABU — Nouvelles Assyriologiques Brèves et Utilitaires (Paris)
OA — Oriens Antiquus
OLA — Orientalia Lovaniensia Analecta (Leuven)
OLP — Orientalia Lovaniensia Periodica (Leuven)
OLZ — Orientalistische Literaturzeitung
Or — Orientalia (Roma)
OS — Orientalia Suecana (Uppsala)
PIHANS — Publications de l'Institut historique-archéologique néerlandais de Stamboul Leiden
PMB — Peabody Museum Bulletin
PSBA — Proceedings of the Society of Biblical Archaeology (London)
PTS — Princeton Theological Seminary
RA — Revue d'Assyriologie et d'Archéologie Orientale (Paris)
RB — Revue Biblique (Paris)
REA — Revue de Etudes Anciennes
RIA — Reallexikon der Assyriologie (Berlin)
RGTC — Répertoire Géographique des Textes Cunéiformes (Tübingen)
SAA — State Archives of Assyria (Helsinki)
SAAB — State Archives of Assyria. Bulletin (Padova)
SAAS — State Archives of Assyria. Studies (Helsinki)
SBAW — Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, philosophisch-historische Klasse (München)
SPAW — Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, philosophisch-historische Klasse (Berlin)
StIr — Studia Iranica (Paris)
StOr — Studia Orientalia (Helsinki)
TEP — *Briant P., Herrenschild C.* (eds.). Le tribut dans l'empire perse. Travaux de l'Institut d'études iraniennes de l'Université de la Sorbonne Nouvelle. T. 13. Paris, 1989
VB — Vorderasiatische Bibliothek
WVDOG — Wissenschaftliche Veröffentlichungen der Deutschen Orient-Gesellschaft (Berlin)
WZKM — Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes
ZA — Zeitschrift für Assyriologie (Berlin)
ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft
ZSS — Zeitschrift der Savigni-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung

Меры веса

- 1 сикль = 8.4 г
мина = 60 сиклей (505 г)
талант = 60 мин (30 кг)

Меры для измерения сыпучих тел и жидкости

- 1 артаба = 56 л
1 ка (ца) = около 1 л
сут = 6 л
пан = 6 сут (36 л)
кур = 5 пан (180 л)

Меры площади

1 акалу = около 6,9444 кв. м

1 кур = 13 500 кв. м

1 стадий = около 185 м

1 сут = 450 кв. м

Приложение

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ АВТОРА

Personalia

Родился 2 сентября 1928 г. в селении Унчукатль Лакского района Дагестана. В 1937-1946 гг. учился в Унчукатле и в 1947 г. окончил 10-й класс в селении Кумух того же района. В 1948 г. поступил и в 1952 г. окончил Педагогический институт им. Герцена в Ленинграде. В 1952-1954 гг. работал учителем истории в Дагестане. С 1954 по 1958 г. находился в аспирантуре Института истории АН СССР в Москве. С 1959 г. работаю научным сотрудником Ленинградского отделения Института востоковедения СПб филиала ИВ РАН. В 1959 г. защитил кандидатскую, а в 1975 г. докторскую диссертации. Моими учителями были В. И. Абасв (древнеиранские языки), В. В. Струве, Л. А. Липин, И. М. Дьяконов (ассириология и шумерология), И. Н. Винников (семитология), М. Н. Ботвинник, А. Н. Попов, А. И. Доватур (классические языки).

Библиографию работ см.: *Acta Iranica* 20 (Leiden, 1979 — за 1958-1976 гг.); *Народы Азии и Африки*. 1989. № 4. С. 211-213; *Восток*. 2003. № 6. С. 213-214.

1958

Социальная сущность переворота Гаумагы // ВДИ. № 4. С. 36-50.

Бехистунская надпись как источник по истории начала царствования Дария I (автореф. дис. ... канд. ист. наук). Л. 18 с.

Рец. на кн.: *Дьяконов И. М.* История Мидии: От древнейших времен до конца IV в. до н. э. М., Л., 1956 // ВДИ. № 3. С. 172-176.

1960

Восстание Вахьяздаты // ВДИ. № 1. С. 11-20.

К вопросу о династии Ахеменидов // Палестинский сборник. № 5. С. 3-21.

Чужеземные рабы в хозяйствах ахеменидских царей и их вельмож (XXV Международный конгресс востоковедов). М. 16 с.

1961

Ахеменидов государство // Советская историческая энциклопедия. Т. 1.

Первый алфавит // Детская энциклопедия. Т. 7.

Библиотека Ашшурбанапала // Там же.

1962

- Uvāmaršīyūš amariyatā Бехистунской надписи // Древний мир. Академику Струве. М. С. 371–376.
 Бехистунская надпись и античные авторы о Бардии // Краткие сообщения Ин-та народов Азии. М. № 46. С. 252–258.

1963

- Поход Дария против скифского племени тиграхауда // Краткие сообщения Ин-та народов Азии. М. № 61. С. 175–187.
 Отражение содержания Бехистунской надписи в труде Геродота // Там же. № 67. С. 190–192.
 Иран при первых Ахеменидах. М. 290 с.
 Foreign slaves on the estates of the Achaemenid kings and their nobles /// Тр. 25-го Междунар. конгресса востоковедов. Т. 2. С. 147–154.
 Проблема древнеперсидской письменности // Эпиграфика Востока. Т. 15. С. 24–35.
 Контракты о сдаче внаем скота, принадлежавшего сагану Аршаму // Проблемы социально-экономической истории Древнего мира: Сб. памяти А. И. Тюменева. М.: Л. С. 127–148.
 Отчет о II Всесоюзной конференции о Древнем Востоке // Вестник Академии наук СССР. М. № 9. С. 163.
 Рец. на кн.: *Brandenstein W. Antiquo Persa* (Madrid, 1958) // ВДИ. № 1. С. 107–111.
 Рец. на кн.: *Altheim F., Stiehl E. Die aramäische Sprache unter den Achaimeniden* (Frankfurt a. M., 1961–1962) // Там же. № 4. С. 183–193.

1964–1969

- Дарий // Советская историческая энциклопедия.
 Зороастр // Там же.
 Зороастризм // Там же.
 Камбиз // Там же.
 Кир // Там же.
 Пасаргады // Там же.
 Персеполь // Там же.
 Ксеркс // Там же.
 Накширустамские надписи // Там же.
 Саки // Там же.

1964

- Свободные наемные работники в поздней Вавилонии // Ассириология и египтология. Л. С. 31–50.
 Рец. на кн.: *San Nicolò M. Babylonische Rechtsurkunden* // Палестинский сборник. II. С. 182–188.

1965

- Храмовая десятина в поздней Вавилонии // ВДИ. № 2. С. 14–34.
 Гарантии при продаже рабов в позднеавалонских документах // Кр. сообщ. Ин-та народов Азии. М. № 86. С. 109–115.

Упоминания о беглых рабах в позднеавилонских документах // Палестинский сборник. № 13 (76). С. 84–99.

Рец. на кн.: *Frye R. N. The Heritage of Persia* (London, 1962) // ВДИ. № 3. С. 192–202 (в соавторстве с Г. А. Кошеленко).

1966

Храм и государство в поздней Вавилонии // ВДИ. № 4. С. 17–39.

Рец. на кн.: *Lipin L. A. Аккадский язык* (М., 1964) // Там же. № 3. С. 173–174.

Рец. на кн.: *Klima J. Gesellschaft und Kultur des alten Mesopotamien* (Prag, 1964) // Там же. № 4. С. 180–182.

1967

Основные проблемы исследования истории Древнего Востока в ЛО ИВ // Там же. № 1. С. 107–115.

The Legal Status of Cultivators in Neo-Babylonian Documents of the VII–IV centuries B. C. // XXVII International Congress of Orientalists. Papers presented by the U. S. S. R. delegation, Moscow. II pages.

Die Lehnbeziehungen in Babylonien unter den ersten Achämeniden // Festschrift für Wilhelm. Eilers. Wiesbaden. S. 37–42.

Египетские поселенцы в Вавилонии в VI–V вв. до н. э // Древний Египет и Древняя Африка. М. С. 15–26.

Храмовые земледельцы в поздней Вавилонии // Палестинский сборник. № 80. С. 41–49.

1968

Рец. на кн.: *Bogaert R. Les origines antiques de la banque de dépôt* (Leyde, 1966) // ВДИ. № 3. С. 183–186.

Рец. на кн.: *Culican W. The Medes and Persians* (London, 1965) // Там же. № 2. С. 194–197.

Свидетельские показания рабов в суде в Вавилонии VI в. до н. э // Там же. № 1. С. 3–12.

Клинописные данные об ариях // История, археология и этнография Средней Азии. М. С. 86–94.

Bagasaru ganzabara // Studien zur Sprachwissenschaft und Kulturkunde. Gedenkschrift für Wilhelm Brandenstein. Innsbruck. S. 235–239.

1969

Бехистунская надпись (на персидском языке) // Bastan Chenasi va Honar-e Iran. 3.

Der Tempelzehnte in Babylonien während des 6.–4 Jh. v. u. Z // Beiträge zur alten Geschichte und deren Nachleben I. Berlin. S. 82–90.

V Международный конгресс иранского искусства и археологии // ВДИ. № 3. С. 205–208.

К вопросу о положении рабов в поздней Вавилонии // Там же. № 4. С. 3–17.

Вавилонский документ о незаконной продаже храмовой рабыни // Палестинский сборник. № 19 (82). С. 3–5.

Achaemenid Babylonia // Ancient Mesopotamia. М. P. 296–310.

1970

Зависимые земледельцы в поздней Вавилонии // История. культура, языки народов Востока. М. С. 69–75.

1971

Ахеменидское государство и его значение в истории Древнего Востока // История Иранского государства и культуры: К 2500-летию Иранского государства. М.

Die Rolle des tamkārum in Babylonien im 2. und 1. Jahrtausend v. u. z. // Beiträge zur Sozialen Struktur des Alten Vorderasien. Berlin. S. 69–78.

Рец. на кн.: *Weisberg D. B.* Guild Structure and Political Allegiance in Early Achaemenid Mesopotamia (New Haven; London, 1967) // ВДИ. № 2. С. 129–135.

Рец. на кн.: *Hinz W.* Altiranische Funde und Forschungen (Berlin, 1969) // Там же. № 3. С. 157–165 (совместно с В. Г. Лукониным).

1972

Politische und wirtschaftliche Geschichte // Historia. Einzelschriften. Hf. 18. Beiträge zur Achämenidengeschichte. Wiesbaden. S. 15–58.

Новые документы царского хозяйства в Иране (509–494 гг. до н. э.) // ВДИ. № 1. С. 3–27.

Connections between Elam and Babylonia in the Achaemenid Period // The Memorial volume of the Vth international congress of Iranian art and archaeology. I. Tehran. P. 258–264.

2500-летие Иранского государства (научные конференции, заседания, выставки в СССР) // Народы Азии и Африки. № 3. С. 237–244 (совместно с Э. А. Грайтовским).

The economic and legal character of the slaves' peculium in the Neo-Babylonian and Achaemenid periods // Gesellschaftsklassen im Alten Zweistromland und in den angrenzenden Gebieten. Rencontre assyriologique internationale. München. S. 35–39.

Ассириология // Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М. С. 536–543.

Предисловие к кн.: *Фрай Р.* Наследие Ирана. М. С. 7–10; 2-е изд. М. 2002. С. 9–10.

Послесловие к кн.: *Ллойд С.* Реки-близнецы. М. С. 232–237.

Рец. на кн.: *Herzfeld E.* The Persian Empire (Wiesbaden, 1968) // OLZ. S. 475–481.

Рец. на кн.: *Cocquerillat D.* Palmeraies et cultures de l'Éanna d'Uruk (Berlin, 1968). Ibid. S. 546–551.

1973

Iran dar dourān-e noxostin pādšāhān Haxāmanāi. Tehran = Iran Library. General editor: E. Yarshater, No 62. Iran under the Early Achaemenids (6th century B. C.), translated from Russian into Persian by Roubi Ardab (персидский перевод кн.: Иран при первых Ахеменидах).

Рец. на кн.: *Salonen A.* Die Fischerei im alten Mesopotamien // ВДИ. № 1. С. 202–203.

Международный конгресс иранистов в Ширазе // Там же. № 1. С. 226–231.

Работники царского хозяйства в Иране в конце VI — первой половине V в. до н. э. // Там же. № 3. С. 3–25.

Роль тамкара в Вавилонии II и I тыс. до н. э. // Древний Восток. Города и торговля. Ереван. С. 65–77.

1974

Рабство в Вавилонии. М. 493 с.

Навуходоносор // Большая советская энциклопедия. Т. 17. С. 195.

Congrès international des iranistes à Shiraz // Commémoration Cyrus. Actes du Congrès de Shiraz 1971 et autres études rédigées à l'occasion du 2500e anniversaire de la fondation de l'empire Perse. I. Leiden. P. 3-12.

Введение (к разделу «История Древнего Востока»): Нововавилонское государство. Древний Иран // История Древнего мира. М. С. 9-22, 48-54.

Новые данные о религии в Персии на рубеже VI-V вв. до н. э. // ВДИ. № 2. С. 18-33.

Рец. на кн.: Nylander C. Ionians in Pasargadae (Uppsala, 1970) // Там же. № 3. С. 168-171.

Рец. на кн.: Sack R. Amēl-Marduk (Kevelaer 1972) // ВО. С. 281-282.

Гимиллу, раб храма Эанна в Уруке (VI в. до н. э.) // Палестинский сборник. № 25 (88). С. 53-62.

The Domain-lands of Achaemenes in Babylonia // Altorientalische Forschungen. I. Berlin. S. 123-127.

1975

La politique religieuse des Achéménides // Acta Iranica. Hommages et opera minora. Monumentum H. S. Nyberg. I. Leiden. P. 183-200.

Месяцы в Древней Передней Азии // Бикерман Э. Хронология Древнего мира. М. С. 300-304 (совместно с И. М. Дьяконовым и В. А. Лившицем).

Forced labour in the palace economy in Achaemenid Iran // Altorientalische Forschungen. II. Berlin. S. 71-78.

Рец. на кн.: Freydanck H. Spätbabylonische Wirtschaftstexte aus Uruk (Berlin, 1971) // ВДИ. № 1. С. 185-186.

Рец. на кн.: Mayrhofer M. Aus der Namenwelt Alt-Irans // OLZ. S. 595-598.

Рец. на кн.: Mayrhofer M. Onomastica Persopolitana (Wien, 1973) // Göttingische Gelehrte Anzeigen. 227. Jahrgang. Hft 3-4. S. 225-240.

1976

Al-Iraq al-qadim. Dirasa Tahliliya bi Ahwalihi al-iqtisadiya wa-I-iqjtimaciya. Baghdad. P. 296-310 (арабский перевод статьи «Achaemenid Babylonia», опубликованной в сб.: Ancient Mesopotamia. M., 1969. P. 296-310)

Persien unter den ersten Achämeniden (6. Jahrhundert v. Chr.). Wiesbaden. 276 S. (перераб. и доп. изд. кн.: Иран при первых Ахеменидах. М. 1963).

Social Stratification in Babylonia (7th-4th centuries B. C.) // AAASH XXII. P. 433-444

О чем рассказала Бехистунская надпись? // Детская энциклопедия. Т. 8.

Библиотека Ашшурбанапала // Там же.

Первый алфавит // Там же.

1977

Данные вавилонских документов VI-V вв. до н. э. о саках // ВДИ. № 1. С. 22-35.

Вавилонский документ о древних иранцах // Вопросы иранской и общей филологии. Тбилиси. С. 93-97.

- Послесловие к кн.: *Ушбер Д.* Персеполь. М., 1977. С. 90–101.
 Ахеменидское государство // В кн.: История Ирана (МГУ). С. 47–72.
 Проблемы истории древневосточных обществ // ВДИ. № 4. С. 17–34.
 Zur Sklaverei im neubabylonischen Reich: Gimillu, ein Tempelsklave von Eanna in Uruk // *Jahrbuch. f. Wirtschaftsgeschichte.* 3. S. 155–167.
 The Dynasty of the Achaemenids in the Early Period // *AAASH XXV.* P. 39–42.

1979

- Data of the Babylonian Documents from the 6th cent. BC on the Sakas // *Prolegomena to the Sources on the History of the Pre-Islamic Central Asia.* Budapest. P. 95–109.
 Le statut juridique de l'ikkaru // *Terre et paysans dépendants dans les sociétés antiques.* Paris. P. 153–161.
 Данные вавилонских текстов о рыболовстве // *Переднеазиатский сборник 3.* С. 81–100. Нем. перевод: Die Fischerei in neubabylonischen Texten des 6. und 5. Jahrhunderts v. u. Z // *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte.* 1981/IV. S. 67–82.
 State and Temple in Babylonia in the First Millennium B. C. // *State and Temple Economy in the Ancient Near East 2 (OLA 6)* Leuven. P. 589–596.
 Рец. на кн.: *Bernhardt J.* *Sozialekonomische Texte und Rechtsurkunden zur Kassitenzeit* // ВДИ. № 1. С. 196–199.
 Рец. на кн.: *Salonen E.* *Neubabylonische Urkunden verschiedenen Inhalt I* // *OLZ.* S. 233–234.
 Рец. на кн.: *Michigan Oriental Studies in Honor George G. Cameron* // *Ibid.* S. 324–327.

1980

- Культура и экономика Древнего Ирана. М. 416 с. (в соавт. с В. Г. Лукониным).
 Новая западная литература по иранистике // ВДИ. № 1. С. 191–201.
 The Socio-Economic Structure of Ancient Eastern Societies // *Soviet Oriental Studies Today.* М. P. 23–38.
 Хрестоматия по истории Древнего Востока Т. 1–2. М. (4 авт. л. переводов текстов с аккадского, эламского, арамейского и др.-греческого).
 About Life Expectancy in Babylonia // *Mesopotamia 8,* Copenhagen. P. 183–186.
 Послесловие к кн.: *Оппенгейм А. Л.* *Древняя Месопотамия.* М. С. 391–397.
 Изучение истории Древнего Востока // *Советская историческая наука в 1975–1979 гг.* М. С. 81–91.
 Рец. на кн.: *Neue Methodologie in der Iranistik* // *OLZ.* S. 61–64.
 Рец. на кн.: *Древний Восток 3* (Ереван) // ВДИ. № 4. С. 180–182.
 Рец. на кн.: *Mayerhofer M.* *Supplement zur Sammlung der altpersischen Inschriften* // *Bibliotheca Orientalis* 28. S. 665–666.

1981

- Историки Древнего Востока к 26 съезду КПСС // ВДИ. № 1. С. 3–9.
 The Neo-Babylonian Citizens // *Klio.* 63. P. 45–49.
 Рец. на кн.: *Salonen E.* *Neubabylonische Urkunden verschiedenen Inhalt I* // *Orientalistische Literaturzeitung.* S. 233–234.

Рец. на кн.: *Voigtlander E. von. The Bisitun Inscription of Darius the Great. Babylonian Version* // ВДИ. № 4. С. 160–165.

1982

Политическая и экономическая история Древнего Ирана (на персидском языке). Тегеран. 104 с.

Индийцы в Иране и Вавилонии // Древняя Индия. М. С. 113–125.

Эламская мифология // Мифы народов мира. М. Т. 2. С. 30.

Передняя Азия до македонского завоевания // Материалы 3-го Всесоюзного симпозиума по истории Причерноморья. Тбилиси. С. 24–26.

Economy of Tabiya, a Babylonian of the 6th Century B C // Eighth International Economic History Congress. B 11: Economy of the Nuclear or Extended Family in Oriental Antiquity. Budapest. С. 1–7. Переиздание: «Oikumene». Budapest. 5 (1986). S. 51–53.

The Neo-Babylonian Elders // Societies and Languages of the Ancient Near East. Studies in Honour of I. M. Diakonoff. Warminster. P. 38–41.

Нововавилонская держава; Мидия и ахеменидская Персия // История Древнего мира. М. Т. 2. С. 128–138, 142–159.

The Social Position of Neo-Babylonian Scribes // Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orients. 15: Gesellschaft und Kultur im Alten Vorderasien. Berlin. P. 35–39.

Abdadana // EI. 1. P. 172.

Abiraduš // Ibid. P. 218.

Saka Soldiers on Ships // Iranica Antiqua. 17. P. 101–103.

Nadin, a Scribe of the Eanna temple // AfO. 19. S. 400–402.

Рец. на кн.: *Jakob-Rost L., Freidank H. Spätbabylonische Rechtsurkunden* // OLZ. S. 355–357.

1983

Вавилонские писцы. М. 244 с.

Abrocomas: Abrocomes // EnR. 1. P. 247.

Achaemenes // Ibid. P. 414.

Ašina // Ibid. P. 429–430.

On the Fiefs in Babylonia in the Early Achaemenid Period // AMI. Ergänzungsband 10. S. 17–19.

Новые работы по истории Древнего Ближнего Востока // ВДИ. № 3. С. 164–169.

Aliens and the Community in Babylonia in the 6th — 5th Centuries B C // Recueils de la Société Jean Bodin pour l'histoire comparative des institutions. XLI: Les communautés rurales. Deuxième partie: Antiquité. Paris. 1983. P. 133–145.

Рец. на кн.: *Kümmel H. M. Familie, Beruf und Amt im spätbabylonischen Zeit* // OLZ. S. 36–39.

Рец. на кн.: *Weisberg D. Texts from the Time of Nebuchadnezzar* // Ibid. P. 354–356.

Рец. на кн.: *Altorientalische Forschungen V–VIII* // ВДИ. № 4. С. 166–171.

Рец. на кн.: *Ардзинба В. Г. Ритуалы и мифы Древней Анатолии* // Там же. № 2. С. 162–166 (совместно с Л. С. Баюк).

1984

Slavery in Babylonia from Nabopolassar to Alexander the Great (626–331 B C). Revised Edition. Northern Illinois University Press. XXV+836 p. (перераб. и значительно расшир. изд. кн.: Рабство в Вавилонии (М., 1974)).

- Babylonia in the Persian Age // *The Cambridge History of Judaism. I.* Cambridge. P. 326–342.
 Вавилония в конце 2-го — первой пол. 1-го тыс.: Элам; Мидия; Персидская держава // *Источниковоедческие истории Древнего Востока.* М. С. 139–145, 224–250.
Royal Paradeisoi in Babylonia // *Acta Iranica* 9. Leiden. P. 113–117.
 Akas // *EnIr* 1. P. 718.
 Нерабские формы зависимости в Древней Передней Азии (к постановке проблемы) // *Проблемы социальных отношений и форм зависимости на Древнем Востоке.* М. С. 5–25.
 Вавилония до македонского завоевания и эллинизм // *Кавказско-ближневосточный сборник.* 7. Тбилиси. С. 116–122.
 Рец. на кн.: *McEwan G. Priest and Temple in Hellenistic Babylonia* // *OI.Z.* S. 143–146.
 Рец. на кн.: *Nagel W. Ninus und Semiramis* // *Or* 53. S. 424–425.

1985

- Политическая история Ахеменидской державы. М. 319 с.
 31-я Международная встреча ассириологов // *Наука и жизнь.* № 5. С. 155–157.
 Государство и религия на Древнем Ближнем Востоке // *ВДИ.* № 2. С. 3–9 (см. также: *Государство и религия в древних обществах: К 16-му Международному конгрессу исторических наук.* М., С. 27–38).
 Новые работы по истории Средней Азии и Ирана // *Там же.* № 2. С. 197–201.
 31-я Международная конференция ассириологов // *Вестник АН СССР.* № 8 (в соавторстве с Н. О. Чехович). С. 109–116.
Herodotus' Information on Persia and the Latest Discoveries of Cuneiform Texts // *Storia della storiografia.* 7. P. 92–100.
 В. Г. Лукоии (некролог: в соавт. с В. А. Лившицем) // *Международная ассоциация по изучению Центральной Азии: Информ. бюллетень.* 8. С. 108–109.
 Рец. на кн.: *Nemet-Nejat K. Late Babylonian Field Plans in the British Museum* // *OI.Z.* S. 27–29.
 Рец. на кн.: *Durand J.-M. Textes babyloniens économiques d'époque récente* // *Ibid.* P. 347–349.
 Рец. на кн.: *Joannès F. Textes économiques de la Babylonie récente* // *ВДИ.* № 3. С. 166–170.
 Рец. на кн.: *McEwan G. Textes from Hellenistic Babylonia* // *JAOS.* 105. P. 330–331.

1986

- The Neo-Babylonian Archives* // *Cuneiform Archives and Libraries.* Leiden. P. 273–277.
 Советская наука о Древнем Востоке в 1981–1985 гг. // *ВДИ.* № 1. С. 3–69 (совм. с Г. М. Бонгард-Левиным).
 Нововавилонский термин *urašu* // *Переднеазиатский сборник.* № 4. С. 65–79.
Šušan in the Murašû Documents // *Fragmenta Historiae Elamicae. Mélanges offerts à M. J. Steve.* Paris. P. 289–290.
 Рец. на кн.: *Wiseman D. J. Nebuchadrezzar and Babylon* // *ZA.* Bd. 76. S. 141–143.
 Рец. на кн.: *Cuneiform Texts from Babylonian Tablets in the British Museum.* 55–57 // *Orientalia.* 55. P. 464–468.

1987

- Artabanus* // *EnIr* 2. P. 646–647.
Artabazus // *Ibid.* P. 650–651.

- Artabe // *Ibid.* P. 651.
 Artasyras // *Ibid.* P. 652.
 Artavardiya // *Ibid.* P. 653.
 Artembares // *Ibid.* P. 660.
 Artaxares // *Ibid.* P. 664.
 Arukku // *Ibid.* P. 665–666.
 Assyria. Kingdom of Assyria and its Relations with Iran // *Ibid.* P. 806–815 (в соавторстве с Э. А. Грантовским).
 Achaemenid Athura // *Ibid.* P. 816–817.
 Free Hired labor in Babylonia during the Sixth through Fourth Centuries B. C. // *AOS.* V. 68. P. 271–279.
 Новая литература по иранистике // ВДИ. № 3. С. 212–218.
 The Late Babylonian ambaru // *The Journal of the Ancient Near Eastern Society* 16–17 (New York). P. 39, 40.
 Authophradates // *EnIr.* 3. P. 29.
 Azdakara // *Ibid.* P. 205.
 Babylonia // *Ibid.* P. 326–334.
 Bagoas // *Ibid.* P. 418–419.
 Barda and Bardadari in the Achaemenid Period // *Ibid.* P. 762–763.
 Die Agrarbeziehungen im neubabylonischen Königsreich // *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte. Sonderband 1987: Das Grundeigentum in Mesopotamien.* Berlin. S. 111–115.
 Рец. на кн.: *McEwan G.* Late Babylonian Texts in the Ashmolean Museum // *Bulletin of the School of the Oriental and African Studies.* 50. P. 125–126.
 Arabāya // *EnIr.* 2. P. 229.

1988

- История Древнего Востока (под редакцией В. И. Кузицина). М.: Высшая школа, 1988 и ряд последующих изданий; последнее переработанное издание вышло в 2005 г. Мною написаны разделы: Географическая среда. Население, источники и историография (с. 98–112; совместно с С. С. Соловьевой); Вавилония в конце II — первой половине I тысячелетия до н. э. (с. 158–168); Культура народов Древней Месопотамии (с. 169–182); Иран (с. 260–295).
 Ancient Civilisations of East and West. Moscow, Progress Publications (в составе коллектива авторов под редакцией г. М. Бонгард-Левина). Мною написаны разделы о цивилизациях Передней Азии и Ирана (с. 40–87 и 113–136).
 Royal Economy in the Achaemenid Empire // *Stato economia, lavoro nel Vicino Oriente antico (Istituto Gramsci Toscano Seminario di orientalisca antica).* Milano. P. 145–155.
 Откуп воинской повинности в ахеменидской Вавилонии // *Кавказско-ближневосточный сборник.* 8. Тбилиси. С. 50–54.
 Wages and Prices in Babylonia in the 6th and 5th Centuries B. C. // *AoF.* 15. P. 55–58.
 Some Babylonians at Ecbatana // *AMI.* 19 (1986). P. 117–119.
 Zattu-mešu, a Magus in Babylonia (в соавторстве с В. А. Лившицем) // *Acta Iranica.* 28. С. 457–459.
 The Neo-Babylonian Popular Assembly // *Šulmu. Papers on the Ancient Near East Presented at International Conference of Socialist Countries.* Prague. P. 63–71.
 Рец. на кн.: *Catalogue of the Babylonian Tablets in the British Museum.* Vol. 6 // *JAOS.* Vol. 108. P. 165–166.

1989

- The Culture and Social Institutions of Ancient Iran. Cambridge; New York; New Rochelle; Melbourne; Sydney. XV+463 P. (переизд.: 1994 и 2004 гг.). Перераб. и расшир. изд. кн. «Культура и экономика Древнего Ирана» (М., 1980; в соавторстве с В. Г. Лукониным).
- A Political History of the Achaemenid Empire. Leiden; New York, etc. XV+373 P. +14 ил. Перераб. и доп. изд. кн. «Политическая история Ахеменидской державы». М., 1985.
- К столетию со дня рождения В. В. Струве // ВДИ. № 1. С. 247.
- Ранняя история зороастризма в Средней Азии. Некоторые замечания // Там же. № 2. С. 170.
- Bardiya // Enlr 3. P. 785–786.
- Barikatu // Ibid. P. 799.
- Bible. The Bible as a Source for Median and Achaemenid History // Ibid. 4. P. 199–200.
- Bickerman E. J // Ibid. P. 235–236.
- Государство, религия и экономика в Древней Передней Азии // Государство и социальные структуры на Древнем Востоке. М. С. 4–16.
- Древние цивилизации Египта. Исторический очерк // Древние цивилизации / Под ред. Г. М. Бонгард-Левина. М. С. 37–44.
- Древние цивилизации Месопотамии // Там же. С. 89–109.
- Древние цивилизации Ирана // Там же. С. 135–163.
- The Old Iranian pasa'du // Archaeologia Iranica et Orientalis. Miscellanea in honorem L. Vanden Berghe. Vol. 1. Gent. P. 563–566.
- Central government and private person in the Achaemenid Empire // Recueils de la Société Jean Bodin 46: L'individu face au pouvoir. P. 49–51.
- Рец. на кн.: Catalogue of the Babylonian Tablets in the British Museum. // JAOS. Vol. 109. P. 289.
- Рец. на кн.: Stolper M. W. Entrepreneurs and Empire: The Murašû Archive, The Murašû Firm, And Persian Rule in Babylonia // Or 58. P. 297–299.
- Рец. на кн.: Achaemenid History Vols. 1–3 // Bibliotheca Orientalis 46. P. 671–678.

1990

- The Old Iranian arazapanata // Acta Iranica. 16. P. 60–61
- Cambyses // Enlr 4. P. 726–729.
- Carduchi // Ibid. P. 806.
- Cassandane // Ibid. 5. P. 62.
- The Economy of the Uruk Region // The Tenth International Economic Congress. Leuven. P. 85–93.
- Клинописные данные об армянах // Междисциплинарные исследования культурогенеза и этногенеза. Ереван. С. 102–106.

1991

- Cultura y Economía del Iran Antiguo. Sadabel. 607 P. + 24 il. (испанский перевод книги «Культура и экономика Древнего Ирана» (М., 1980).
- Struve V. V // Great Historians of the Modern Age. New York etc. P. 576–577.
- Elamite Workers in Achaemenid Babylonia // Near Eastern Studies Dedicated to Takahito Mikasa. Wiesbaden. P. 17–20.
- Chaldeans // Enlr 5. P. 354–355.
- Citizenship in the Achaemenid Period // Ibid. P. 631–632.

Neo-Babylonian Society and Economy // Cambridge Ancient History 3/2. P. 252–275.

Рец. на кн.: Acta Iranica. Vols. 28–30 // ВДИ. № 3. С. 209–215.

1992

Iranians in Achaemenid Babylonia (Columbia Lectures on Iranian Studies. 6). Costa Mesa: New York. XI+241 P.

Egyptians in Babylonia // La circulation des biens, des personnes et des idées dans le Proche-Orient ancien. Paris. P. 321–325.

Slavery in the Ancient Near East // The Anchor Bible Dictionary. 6. New York etc. P. 58–62.

Slavery: Old Testament // Ibid. P. 62–65.

The Title *ahšadrapanu* in Nippur // Nippur at the Centennial. Philadelphia. P. 29–32.

Contracts in the Achaemenid Period // EnIr. 6. P. 221–222.

Commerce in the Achaemenid Period // Ibid. P. 59–61.

Achaemenid Estates in Lahiru // Iranica Antiqua. 27. P. 118–123.

Was Fanna Destroyed by Darius I? // AMI. 25. P. 169–172.

Рец. на кн.: *Zawadzki S.* The Fall of Assyria and Median-Babylonian Relations in Light of the Nabopolassar Chronicle // JAOS. 112. P. 163–164.

Рец. на кн.: Achaemenid History. Vols. 4–5 // Bulletin of the Asia Institute. 5. P. 208–212.

Рец. на кн.: *Petit Th.* Satrapes et satrapies dans l'empire Achéménide de Cyrus // Orientalia. 61. P. 471–474.

Рец. на кн.: *Алиев И.* Очерк истории Атропатены // ВДИ. № 1. С. 225–226.

1993

The Sick Temple Slaves' Rations in Babylonia in the Sixth Century BCE // Eretz-Israel 24: b Avraham Malamat Volume (Jerusalem). P. 19–21.

Courts and Courtiers // EnIr 6. P. 356–359.

Cyrus the Great // Ibid. P. 516–521.

The Cyrys Cylinder // Ibid. P. 521–522.

Dadaršiš // Ibid. P. 549.

Textual Evidence for Iron in Babylonia in the Sixth Century B. C // Šulmu 4. (Poznan). P. 67–72.

The latest evidence for Nebuchadnezzar III's reign // NABU. P. 8–9.

Zinabarra // Ibid. P. 9.

Xerxes and the Esagila Temple // Bulletin of the Asia Institute. 7. P. 41–45.

Рец. на кн.: *Graziani S.* Testi editi ed inediti datati al regno di Bardiya // ВДИ. № 3. С. 212–214.

1994

The Neo-Babylonian *vazakku* // AOF. 21. P. 34–40.

Media and Achaemenid Iran // History of Civilizations of Central Asia. 2 (Paris). P. 35–63.

Achaemenid Mesopotamia: Traditions and Innovations // Achaemenid History. 8 (Leiden). P. 229–234.

Рец. на кн.: Catalogue of the Babylonian Tablets in the British Museum. Vol. 8 // JAOS. Vol. 114. P. 666–667.

Рец. на кн.: *Vogelsang W. J.* The Rise and Organization of the Achaemenid Empire. The Eastern Iranian Evidence // Transeuphratene. 8. P. 176–177.

Рец. на кн.: *Frame G.* Babylonia 689–627 B. C. A Political History // JAOS. 114. P. 695–697.

1995

- The Ebabbar Temple and Iranian Magi // *AoF*. 22. S. 34-36.
 A Governor of Byblos in Sippar // *OLA*. 65. P. 29-31.
 The Earliest Evidence for Nebuchadnezzar IV's Reign // *Nouvelles Assyriologiques Brèves et Utilitaires*. P. 29.
 An Unidentified Document from Xerxes' Reign // *Ibid*. P. 29-30.
 Two Late Babylonian Toponyms // *Ibid*. P. 30-31.
 The Neo-Babylonian tamkaru // *Solving Riddles and Untying Knots. Biblical, Epigraphic, and Semitic Studies in Honor of J. C. Greenfield*. Winona Lake. P. 523-530.
 The Confrontation between State and Temple in Babylonia in the Sixth Century B C. // *Le temple lieu de conflit. Centre d'Etude du Proche-Orient Ancien. Université de Genève. Actes du Colloque de Cartigny*. 1988. Leuven. 1995. P. 77-88.
 <И. И. Бикерман> // *ВДИ*. № 4. С. 181-182.
 Babylonian Popular Assemblies in the First Millennium B C. // *The Canadian Society for Mesopotamian Studies. Bulletin*. 30. P. 23-29.
 Divorce // *EnIr* 7. P. 443-444.
 Babylonian and Egyptian documents in the Achaemenid Period // *Ibid*. P. 460-461.
 Eber-Nari // *Ibid*. P. 654-655.
 Рец. на кн.: *Koch H. Achämeniden-Studien* // *BO*. 52. P. 733-735.
 Рец. на кн.: *Wunsch C. Die Urkunden des babylonischen Geschäftsmannes Iddin-Marduk* // *JCS*. 47. P. 121-123.

1996

- From State to Empire (в соавторстве с В. А. Якобсоном) // *History of Humanity: Scientific and Cultural Development*. 2. Paris. P. 52-57.
 State Gods and Private Religion in the Near East in the First Millennium B C E // *Religion and Politics in the Ancient Near East* (ed. by A. Berlin). Merilind. P. 35-45.
 An Age of Privatization in Ancient Mesopotamia // M. Hudson, B. A. Levine (eds.), *Privatization in the Ancient Near East and Classical World (PMB 5, Harvard University)*. Cambridge, MA. P. 197-221.
 Assyrians and Babylonians // *History of Humanity*. 3 (Paris). P. 117-119.
 Рец. на кн.: *Chirichigno G. C. Debt-Slavery in Israel and the Ancient Near East* // *The Jewish Quarterly Review*. 87. P. 170-171.

1997

- The Composition of the Citizens in First Millennium Babylonia // *AoF*. 24. P. 135-147.
 Economy in the Achaemenid Period // *EnIr*. 8. P. 101-104.
 Education in the Achaemenid Period // *Ibid*. P. 178-179.
 Assyrian Traditions during Achaemenid Times // S. Parpola, R. M. Whiting (eds.) *Assyria 1995* (Helsinki). P. 41-48.
 М. Н. Ботвинник // *Памяти Марка Наумовича Ботвинника*. СПб. С. 157-158.
 Позднееавилонские документы (переводы текстов) // *Хрестоматия по истории Древнего Востока* / Сост. А. А. Вигасин. М. С. 183-202.

Нововавилонская держава // История Востока. Т. 1. С. 246–260.

Ахеменидская держава // Там же. С. 290–311.

Рец. на кн.: *MacGinnis J.* Letter Orders from Sippar and the Administration of the Ebabbara // ВДИ. № 1. С. 226–228.

Рец. на кн.: *Sack R. H.* Cuneiform Documents from the Chaldean and Persian Periods // Там же. № 4. С. 173–175.

Рец. на кн.: *Kuhrt A.* The Ancient Near East c. 3000–300 В С // Or 66. P. 103–104.

Рец. на кн.: *Jursa M.* Die Landwirtschaft in Sippar in neubabylonischer Zeit // Ibid. P. 201–204.

1998

Имперская идеология и частная жизнь в Ахеменидской державе // ВДИ. № 1. С. 48–56.

Бехистунская надпись Дария I (пер. с др.-перс.) // Рак И. В. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана. СПб. С. 418–427.

Манифест Кира II (пер. с аккадского) // Там же. С. 430–432.

Вавилонское народное собрание в VII–IV вв. до н. э // Восток. № 4. С. 93–103.

Eunuchs. The Achaemenid Period // EnlR. 9. С. 64–65.

The Old Persian *āmāta-* and the Babylonian *mār-bānī* // Anreiter P., Ölberg H. M. (eds.) Wort-Text-Sprache und Kultur. Festschrift für H. Schmeija. Innsbruck. P. 17–21.

Nabonid // Reallexikon der Assyriologie und vorderasiatischen Archäologie. 9. S. 6–11.

Nikol'skij M. N // Ibid. S. 317.

Ассириологические труды Г. Х. Саркисяна // Гагик Хоренович Саркисян. Ереван. С. 44–45.

Рец. на кн.: *State Archives of Assyria. Vols. 11–12* // Or. 67. P. 132–133.

Рец. на кн.: *Cole S. W.* The Neo-Babylonian Archive from Nippur // JAOS. 118. P. 443–445.

Предисл. к кн.: *Феодаев З. Г.-Г., Абдуллаев А. К.-И.* История села Унчукагль. Махачкала. С. 2.

1999

Achaemenid Imperial Policies and Provincial Governments // *Iranica Antiqua*. 34. P. 269–282.

Temple Archers in the Neo-Babylonian Sippar // *Historical, Epigraphical and Biblical Studies in Honor of M. Heltzer*. Tel Aviv; Jaffa. P. 95–98.

Подати и повинности в Передней Азии в VII–IV вв. до н. э // Подати и повинности на Древнем Востоке. СПб. С. 64–81.

Land Use in the Sippar Region during the Neo-Babylonian and Achaemenid Period // *Urbanization and Land Ownership in the Ancient Near East* (Peabody Museum Bulletin 7, Harvard University). Cambridge. P. 363–389.

I. M. Diakonoff // *Anthropological News*. 40/6, Sept. P. 47 (в соавторстве с Ph. L. Kohl).

A Neo-Babylonian Colony in Transpotamia (?) // *ArOr* 67. P. 541–545.

Fiscal System in Persia. Achaemenid Period // *EnlR* 9. P. 639–640.

Documentary Evidence on Nergal's Cult in Sippar and Babylon // *Munuscula Mesopotamica. Festschrift für Johannes Renger* (AOAT 267). Münster. S. 109–116.

Рец. на кн.: *Gehlken E.* Uruk. Spätbabylonische Wirtschaftstexte aus dem Eanna-Archiv. II // ВДИ. № 1. С. 215–217.

Рец. на кн.: *Donbaz V., Stolper M. V.* Istanbul Muraşû Texts // JAOS. 119. P. 344–345.

Рец. на кн.: *Vongenaar A.* The Neo-Babylonian Ebabbar Temple at Sippar // Or. 68. P. 296–300.

Рец. на кн.: *Грантовский Э. А.* Иран и иранцы до Ахеменидов // ВДИ. № 4. С. 197–199.

2000

Frada // *EnIr.* 10. P. 122-123.

Аравитяне в Месопотамии нововавилонского и ахеменидского времени // *ВДИ.* № 2. С. 135-139.

The Neo-Babylonian rab šibti // *Assyriologica et Semitica. Festschrift für Joachim Oelsner (AOAT 252).* Münster. S. 29-31.

Customs Dues in First-Millennium Babylonia // *Variatio Delectat: Iran und der Westen. Gedenkschrift für Peter Calmeyer (AOAT 272).* Münster. S. 215-222.

State Taxes in Neo-Babylonian and Achaemenid Mesopotamia // *Studi sul Vicino Oriente Antico dedicati alla memoria di Luigi Cagni. Serie Minor 61 (Napoli).* P. 147-162.

2001

Семейный архив Иддин-Набу из Вавилона (570-485 гг. до н. э.) // *ВДИ.* № 2. С. 3-16.

Вино и виноградарство в Вавилонии в VII-VI вв. до н. э. // *Hyperboreus. Studia Classica 7 / 1-2 (In memoriam A. I. Zaicev).* Petropoli. P. 400-410.

Рец. на кн.: *Beaulieu P.-A. Legal and Administrative Texts from the Reign of Nabonidus. Yale Oriental Series, Babylonian Texts. Vol. 19 // JAOS.* 121/4. P. 700-702.

2002

Предпринимательская деятельность одной писцовой семьи из Вавилона // *История и языки Древнего Востока. Памяти И. М. Дьяконова.* СПб. С. 53-59.

История Древнего Востока. Тексты и документы. М. / Перевод вавилонских (с. 260-296), древнеперсидских (с. 384-401), эламских (с. 404-408), арамейских (с. 417-421), а также составитель текстов по Передней Азии (вместе с С. М. Соловьевой).

Распад государственного хозяйства и процессы приватизации в Древней Месопотамии // *ВДИ.* № 4. С. 3-22.

Grantovskii E. A // *EnIr.* XI/2 P. 188-189.

Историография истории Древнего Ирана // *Историография истории Древнего Востока: Иран. Средняя Азия, Индия, Китай.* СПб. С. 15-48.

Šamaš-ah-iddin from Uruk of the sixth cent. B. C // *Sprache und Kultur.* № 3. Tbilisi. S. 37-38.

Рец. на кн.: *Gnoli G. Zoroaster in History // ВДИ.* № 2. С. 216-218.

Рец. на кн.: *Wunsch C. Das Egibi-Archiv (Groningen 2000).* *JAOS* 122. P. 105-106.

Рец. на кн.: George A. R., Finkel I. L. (eds.). *Wisdom, Gods and Literature (Winona Lake, Indiana 2000) // Or* 71/2. P. 311-314.

Рец на: *Gesche P. D. Schulunterricht in Babylonien (München, 2001) // Orientalia* 71. P. 462-465.

2003

Нововавилонские документы об усыновлении // *Scripta Gregoriana: Сб. в честь академика И. М. Бонгард-Левина.* М. С. 60-72.

Hamārakara // *EnIr.* XI/6. P. 629-630.

Susa, the Capital of Elam and Babylonian Susa // *Festschrift für Burkhard Kienast (AOAT 224).* P. 7-14.

Harpagos // *Enl. XII/1*. P. 13.

<Главы по истории Вавилонии и Ирана> // *История человечества / Под общей ред. А. Н. Сахарова. М. Тома 2 и 3* — мною написаны две главы, посвященные истории Вавилонии; одна из них в соавторстве с В. А. Якобсоном). См. выше об оригиналах этих разделов на английском языке.

Рец. на кн.: *Lipiński E. The Arameans (Leuven, 2000)* // ВДИ. № 1. С. 157–158.

Рец. на кн.: *Spar I., Dassow E. von. Private Archive Texts from the First Millennium B C (New York, 2002)* // ВДИ. № 1. С. 159–161.

2004

Вавилонские лекари I-го тысячелетия до н. э // ВДИ. № 2. С. 75–80.

Мидийско-вавилонские связи в ахеменидский период // *Труды научной конференции, посвященной 80-летию акад. Играра Алиева. Баку. С. 32–41.*

Нововавилонская держава. Вавилония в XII–VI вв. до н. э // *История Древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй / А. В. Седов (ред.). М. С. 486–511.*

Ахеменидская держава // Там же. С. 581–654.

Twin Towns and Ethnic Minorities in First-Millennium Babylonia // R. Rollinger, Ch. Ulf (eds.). *Commerce and Monetary Systems in the Ancient World, Oriens et Occidens 6. Melammu Symposia V. Franz Steiner Verlag. P. 137–151.*

Нововавилонское общество и экономика // *Государство на Древнем Востоке / Э. А. Грантовский, Е. В. Степугина (ред.). М. С. 57–78.*

Месопотамия в ахеменидский период: симбиоз тысячелетних и новых государственных институтов // Там же. С. 104–123.

Семейный архив Шаддинну из Борсиппы (552–582 гг. до н. э.) // *У истоков цивилизации: Сб. статей к 75-летию В. И. Сараниди. М. С. 163–167.*

Рец. на кн.: *Beaulieu P.-A. The Pantheon of Uruk during the Neo-Babylonian Period (Cuneiform Monographs 23. Leiden, 2003)* // JAOS. 124. P. 155–157.

Рец. на кн.: *Driel G. van. Elusive Silver: In Search of a Role for a Market in an Agrarian Environment: Aspects of Mesopotamian Society (Leiden, 2002)* // JAOS. 124. No 3. P. 588–590.

2005

Ардвиг-Сура Анахита // *Большая российская энциклопедия. Т. 2. С. 196.*

Ариана // Там же. С. 207.

Артаксеркс // Там же. С. 278.

Ассириология // Там же. С. 377–378.

Ахеменидов государство // Там же. С. 570–571.

Ахурамазда // Там же. С. 581.

Камбиз — царь Вавилона // *Центральная Азия: Источники, история, культура / Е. В. Антонова, Т. К. Мкртычев (отв. ред.). М. С. 292–296.*

Freedom and Slavery in the Ancient Near East during the Neo-Babylonian and Persian Periods // AOAT. Vol. 325: *Von Sumer bis Homer. Münster. P. 219–229.*

Рец. на кн.: *Da Riva R. Der Ebabbar-Tempel von Sippar in frühneubabylonischer Zeit // Or 74. S. 129–132.*

2006

- A Babylonian Trader from Uruk // *Babel und Bibel*. Vol. 3 (Annual of Ancient Near Eastern, Old Testament, and Semitic Studies). Winona Lake. P. 517–521.
- Neo-Babylonian and Achaemenid State Administration in Mesopotamia // *Judah and the Judeans in the Persian Period* / O. Lipschits, M. Oeming (eds.). Winona Lake, Indiana. P. 373–398.
- История Мидии в новейшей западной литературе. Рец. на кн.: *History of the Ancient Near East (Monographs V. Padova 2003)* // ВДИ. № 1. С. 202–209 (совместно с И. Н. Медведской).
- Рец. на кн.: *Baker H. D. The Archive of the Nappahu Family (AFO 2004)* // *Orientalia*. Vol. 75. P. 289–291.
- Рец. на кн.: *Klinkott H. Der Satrap*. Frankfurt a/M. 2005 // *Anzeiger für die Altertumswissenschaft*. Bd. 59. Hft. 1/2. S. 67–70.
- Рец. на кн.: *Weisberg D. B. Neo-Babylonian Texts in the Oriental Institute Publications*. Vol. 122. Chicago. 2003 // ВДИ. № 2. С. 202–204.

2007

- Бехистунская надпись // *Большая российская энциклопедия*. Т. 3. С. 444.
- Дарий I // Там же. Т. 8. С. 335–336.
- Дьяконов И. М. // Там же. Т. 9. С. 466–467.
- Предисловие к кн.: *Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии*. М. С. 3–4.
- Полвека в мире клинописи // Абдуллаев А. Мухаммед Даидамаев. Махачкала. С. 46–59.

2008

- Вавилонские архивы I тыс. до н. э. // ВДИ. № 2. С. 176–178.
- Наказания за членовредительство в Вавилонии в VI в. до н.э. // *Горизонты современного гуманитарного знания: К 80-летию акад. Г. Г. Гамзагова*. М. С. 615–619.
- Новоассирийские архивы: расширение базы ассириологических исследований в конце XX в. // *Историография Древнего Востока* / Под ред. В. И. Кузищина. М. Т. 1. С. 521–531.
- Нововавилонское царство в современной историографии // Там же. С. 532–550.
- Историография истории Древнего Ирана // Там же. Т. 2. С. 113–149.
- О загадочной судьбе одного предпринимателя из Урука // ВДИ. № 4. С. 38–41.
- A Pugnacious Scribe from Uruk // *Historical and Literary Studies from the Ancient Near East Presented to I. Eph'al*. Jerusalem. P. 70–74.
- An Insolvent Debtor from Uruk // *Antike Lebenswelten*. Konstanz; Wandel: Wirkungsmacht: Wiesbaden, 2008. P. 305–307.
- Рец. на кн.: *Zawadzki S. Garments of the Gods*. Friburg, 2006 // *Orientalia*. V. 77. P. 119–121.

Редактирование

- Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии*. М., 1970; 2007.
- Бикерман Э. Хронология Древнего мира*. М., 1975.
- Фрай Р. Наследие Ирана*. М., 1972; 2002.

МЕСОПОТАМИЯ И ИРАН В VII-IV ВВ. ДО Н. Э.

Ллойд С. Реки-близнецы. М., 1972.

Перднеазиатский сборник. 3. М., 1979 (совместно с В. А. Лившицем).

Оппенгейм Л. А. Древняя Месопотамия. М., 1980, 1990 (совместно с И. С. Клочковым).

Societies and Languages of the Ancient Near East. Studies in Honor of I. M. Diakonoff. Warminster. 1982 (в составе редколлегии).

Проблемы социальных отношений и форм зависимости на Древнем Востоке. М., 1984.

Фихман И. Ф. Введение в документальную папирологию. М., 1987.

Государство и социальные структуры на Древнем Востоке. М., 1989.

Подати и повинности на Древнем Востоке. СПб., 1999.

Гордон С. Г. Забытые писмена. СПб., 2002.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В. И.* Скифский быт и реформа Зороастра // *АрОг.* 24. 1956.
- Андреев Ю. В.* Цена свободы и гармонии. СПб., 1988.
- Боголюбов М. Н.* Арамейские надписи на ритуальных предметах из Персеполя // *Известия АН СССР. Отд. лит. и яз.* 1973. Т. XXXII, 2.
- Бонгард-Левин Г. М.* Индия эпохи Маурьев. М., 1973.
- Бэшем А. Л.* Чудо, которым была Индия. М., 1977.
- Вейнберг И. П.* Рабы и другие категории зависимых людей в палестинской гражданско-храмовой общине VI–IV вв. до н. э. // *ПС.* 25 (88). 1974.
- Гельцер М. Л.* Тамкар и его роль в Передней Азии в XIV–XIII вв. до н. э. // *ВДИ.* 1964.
- Гиоргадзе Г. Г.* Очерки по социально-экономической истории Хеттского государства. Тбилиси, 1973.
- Грантовский Э. А.* О распространении иранских племен на территории Ирана // *История Иранского государства и культуры.* М., 1971.
- Дандамаев М. А.* Иран при первых Ахеменидах. М., 1963.
- Дандамаев М. А.* Свободные наемные работники в поздней Вавилонии // *Ассириология и египтология: Сб. статей.* Л., 1964.
- Дандамаев М. А.* Храмовая десятина в поздней Вавилонии // *ВДИ.* 2. 1965.
- Дандамаев М. А.* Храм и государство в поздней Вавилонии // *ВДИ.* 4. 1966.
- Дандамаев М. А.* Египетские поселенцы в Вавилонии в VI–V вв. до н. э. // *Древний Египет и Древняя Африка.* М., 1967.
- Дандамаев М. А.* Новые документы царского хозяйства в Иране (509–494 гг. до н. э.) // *ВДИ.* 1. 1972.
- Дандамаев М. А.* Работники царского хозяйства в Иране в конце VI — первой половине V в. до н. э. // *ВДИ.* 3. 1973.
- Дандамаев М. А.* Роль тамкара в Вавилонии II и I тыс. до н. э. // *Древний Восток. Города и торговля.* Ереван. 1973.
- Дандамаев М. А.* Рабство в Вавилонии VII–IV вв. до н. э. М., 1974.
- Дандамаев М. А.* Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985.
- Дандамаев М. А.* Семейный архив Иддин-Набу из Вавилона // *ВДИ.* 2. 2001.
- Дандамаев М. А., Луконин В. Г.* Культура и экономика Древнего Ирана. М., 1980.
- Дандамаев М. А.* Данные вавилонских документов VI–V вв. до н. э. о саках // *ВДИ.* 1. 1977.
- Дьяконов И. М.* История Мидии. М.: Л., 1956.
- Дьяконов И. М.* Этнос и социальное деление в Ассирии // *СВ.* 6. 1958.
- Дьяконов И. М.* Рабовладельческие имения персидских вельмож // *ВДИ.* 4. 1959.
- Дьяконов И. М.* [Рец. на кн.:] Дандамаев М. А. Иран при первых Ахеменидах // *ВДИ.* 3. 1964.
- Дьяконов И. М.* «Безбожники» в Ассирии // *КСИНА.* 86. 1965.
- Дьяконов И. М., Лившиц В. А.* Дешифровка и интерпретация письменностей Древнего Востока // *Переднеазиатский сборник.* М., 1966. № 100.

- Дьяконов И. М., Лившиц В. А.* Новые находки документов в Старой Нисе // Там же. № 164.
- Дьяконов И. М.* Предыстория армянского народа. Ереван, 1968.
- Дьяконов И. М.* Основные черты древнего общества (Реферат на материале Западной Азии) // Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока. М., 1971.
- Дьяконов И. М.* Рабы, илоты и крепостные в ранней древности // ВДИ. 4. 1973.
- Дьяконов И. М.* (ред.). История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. М., 1983а. Ч. I.
- Дьяконов И. М.* Типы этнических передвижений в ранней древности // Древний Восток. 4. Ереван, 1983б.
- Зельин К. К., Трофимова М. К.* Формы зависимости в восточном Средиземноморье эллинистического периода. М., 1969.
- Ильин Г. Ф.* Классовый характер древнеиндийского общества // Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока. М., 1971.
- Клима Й.* Общество и культура древнего Двуречья. Прага, 1967.
- Козырева Н. В.* Сельская округа в государстве Ларса // ВДИ. 2. 1975.
- Козырева Н. В.* Древняя Ларса. М., 1988.
- Коростовцев М. А.* Жизнь и деятельность Василия Васильевича Струве // ВДИ. 3. 1975.
- Кузицин В. Н.* (ред.). История Древнего Востока. М., 2002.
- Лев Африканский.* Африка — третья часть света. Л., 1983.
- Лившиц В. А.* Согдийские документы с горы Муг. М., 1962.
- Междисциплинарные исследования культурогенеза и этногенеза Армянского нагорья и сопредельных областей. Ереван, 1990.
- Меликишвили Г. А.* Некоторые аспекты вопроса о социально-экономическом строе древних ближневосточных обществ // ВДИ. 2. 1975.
- Никифоров В. Н.* Восток и всемирная история. М., 1975.
- Оптенгейм А.* Древняя Месопотамия: портрет погибшей цивилизации. М., 1990.
- Пиотровский Б. Б.* Археология Закавказья. Л., 1949.
- Пиотровский Б. Б.* Ванское царство. М., 1959.
- Подати и повинности на Древнем Востоке: Сб статей. СПб., 1999.
- Струве В. В.* Проблемы зарождения, развития и упадка рабовладельческого общества Древнего Востока // ИГАИМК. 77. 1934а.
- Струве В. В.* Рабовладельческая латифундия в Сумире III династии Ура: Сб. в честь С. Ф. Ольденбурга. Л., 1934б.
- Струве В. В.* Общественный строй эллинистического Египта // ВИ. 2. 1962.
- Труды научной конференции, посвященной 80-летию академика Игара Алиева. Баку, 2004.
- Тураев Б. А.* История Древнего Востока. Т. 2. СПб., 1913.
- Тюменев А. И.* Государственное хозяйство Древнего Шумера. М.: Л., 1956.
- У истоков цивилизации: Сб. статей к 75-летию В. И. Сариниди. М., 2004.
- Хашаев Х. М.* Памятники обычного права Дагестана. XVII-XIX вв. М., 1965.
- Антонова Е. В., Мкртычев Т. К.* (отв. ред.). Центральная Азия: Источники, история, культура. М., 2005.
- Чехович Н. О.* Вавилоняне — служители храмов: в Вавилонии или в Финикии? // История и языки Древнего Востока. Памяти И. М. Дьяконова. СПб., 2002.
- Юсифов Ю. Б.* Элам. Социально-экономическая история. М., 1968.
- Юсифов Ю. Б.* Эламские хозяйственные документы из Суз // ВДИ. 2-3. 1963.
- Якобсон В. А.* Цари и города Древней Месопотамии // Государство и социальные структуры на Древнем Востоке. М., 1989.
- Якобсон В. А.* Новые данные об экономике старовавилонского периода // Древний Восток. Ереван, 1983. 4.

- Янковская Н. Б. Клинописные тексты из Кюль-гепе в собраниях СССР. М., 1968.
- Янковская Н. Б. Среднеассирийский акт самоосвобождения // ВДИ. 1. 1989.
- Abraham K. Šušan in the Egibi Texts from the Time of Marduk-nāšir-apli // *Ol.P.* 28. 1997.
- Actes du huitième Congrès international des orientalistes. Deuxième partie. Section I B. Leiden, 1893.
- Adams R. McC., Nissen H. J. The Uruk Countryside. The Natural Setting of Urban Societies. Chicago: London, 1972.
- Al-Jadir W. Une bibliothèque et les tablettes // *Archologia.* 224. 1987.
- Al-Rawi F. N. H. More Royal Inscriptions from Babylon // *ARRIM.* 9. 1991.
- Altheim F. Weltgeschichte Asiens im griechischen Zeitalter. I. Halle, 1947.
- Altheim F., Stiehl R. Die aramäische Sprache unter den Achaimeniden. Frankfurt am Main, 1961- 1962.
- Auboyer J. Les Achéménides et l'art de l'Inde ancienne // *Acta Iranica.* 2. Leiden, 1974.
- Augapfel J. Babylonische Rechtsurkunden aus der Regierungszeit Artaxerxes I. und Darius II. Wien, 1917.
- Bailey H. W. Arians // *OS.* IV. 1965.
- Baker H. D. The Archive of the Nappahu Family // *AfO.* 30. 2004.
- Balkan K. Inscribed Bullae from Dascyleion-Ergili // *Anatolia.* 4. 1959.
- Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904.
- Baumgartner W. Herodots babylonische und assyrische Nachrichten // *ArOr.* 18/1-2. 1950.
- Beaulieu P.-A. Ba' u-asitu and Kaššaya. Daughters of Nebuchadnezzar II // *Or.* 67. 1998.
- Beaulieu P.-A. Kissik, Duru and Udannu // *Or.* 61. 1992.
- Beaulieu P.-A. The Impact of Month-lengths on the Neo-Babylonian Cultic Calendar // *ZA.* 83. 1993.
- Beaulieu P.-A. The Reign of Nabonidus, King of Babylon 556-539 B. C. // *YNER.* 10. New Haven; London, 1989.
- Beaulieu P.-A. UBARA (EZEN KASKAL)^{K1} = Udannu // *Acta Sumerologica.* 13. 1991.
- Benveniste É. Titres et noms propres en Iranien ancien. Paris, 1966.
- Berger P.-R. Der Kyros-Zylinder mit dem Zusatzfragment BIN II. N 32 und die akkadischen Personennamen im Danielbuch // *ZA.* 64. 1975.
- Bernard P. Les mortiers et pilons inscrits de Persepolis // *SI.* 1. 1972.
- Bickerman E. J. Four Strange Books of the Bible. New York, 1967.
- Bickerman E. Studies in Jewish and Christian History. 1. Leiden, 1976a.
- Bickerman E. J. The Edict of Cyrus in Ezra I // Bickerman E. Studies in Jewish and Christian History. 1. Leiden, 1976b.
- Bickerman E. J. The Generation of Ezra and Nehemiah // *Proceedings of the American Academy for Jewish Research.* 45. 1978.
- Bickerman E. J. Nebuchadnezzar and Jerusalem // *American Academy for Jewish Research.* 46-47. 1980.
- Bickerman E. J. The Babylonian Captivity // *The Cambridge History of Judaism I* / Eds.: W. D. Davies, L. Finkelstein. Cambridge, 1984.
- Biggs R. D. A Chaldean Inscription from Nippur // *BASOR.* 179. 1965.
- Biggs R. D. Babylonien // *Krankheit, Heilkunst, Heilung* / E. Schippergs, E. Seidler, P. H. Unschuld (eds.). Freiburg: München, 1978.
- Biggs R. D. Medizin // *RIA.* 7. 1990.
- Biggs R. D. Šušan in Babylonia // *Occasional Publications.* Vol. II. Cinquante-deux réflexions sur le Proche-Orient ancien offertes en hommage à Léon De Meyer. Leuven, 1994.
- Bivar A. D. H. The Achaemenids and the Macedonians: stability and turbulence // *Central Asia* / G. Hambly (ed.). London, 1969.
- Blois F. de 'Freemen' and 'Nobles' in Iranian and Semitic Languages // *JRAS.* 1985.
- Bobrinsky G. V. A line of Brāhmī (?) script in a Babylonian contract tablet // *JAOS.* LVI. 1936.

- Boffo L.* La lettera di Dario a Gadata... // *Bulletino dell'Istituto di diritto romano. Terza serie.* XX. Milano, 1979.
- Bogaert R.* Les origines antiques de la banque de dépôt. Leiden, 1966.
- Böhl F. M. Th.* Die Tochter des Königs Nabonid // *Symbolae ad iura orientis antiqui pertinentes Paulo Koschaker dedicatae. Studia et Documenta ad iura orientis antiqui pertinentia.* 2. 1939.
- Böhl F. M. Th.* Mededeelingen uit de Leidsche Verzameling van Spijkerschrift-Inscriptions. Amsterdam, 1936.
- Bongenaar V. M.* The Regency of Bešazzar // *NABU.* 1993.
- Bongenaar A. C. V. M.* The Neo-Babylonian Ebabbar Temple at Sippar: Its Administration and Its Prosopography // *PIHANS.* 80. Leiden, 1997.
- Bongenaar A. C. V. M., Jursa M.* Ein babylonischer Mäusefänger // *WZKM.* 63. 1993.
- Borowski O.* Agriculture // *The Anchor Bible Dictionary* 1. New York etc., 1992.
- Bottero J.* Les pouvoirs locaux en Mésopotamie selon la documentation divinatoire // *Les pouvoirs locaux en Mésopotamie et dans les régions adjacentes.* Bruxelles, 1982.
- Bottero J.* Les étrangers et leurs dieux, vus de Mésopotamie // *IOS.* 14. 1994.
- Bowman R. A.* Aramaic Ritual Texts from Persepolis. Chicago, 1970.
- Boyce M.* A History of Zoroastrianism. 2. Leiden, 1982.
- Brandenstein M., Mayrhofer W.* Handbuch des Altpersischen. Wiesbaden, 1964.
- Bresciani E.* Osservazioni sul sistema tributario dell'Egitto durante la dominazione persiana // *TEP.*
- Brinkman J. A.* A Political History of Post-Kassite Babylonia. Roma, 1968.
- Brinkman J. A.* Ur: The Kassite Period and the Period of the Assyrian Kings // *Or.* 38. 1969.
- Bruschweiler F.* Un échange de terrains entre Nabuchodonozor II et un inconnu dans la région de Sippar // *RA.* 83. 1989.
- Buchanan B.* A dated seal impression connecting Babylonia and ancient India // *Archaeology* № 2. 1967.
- Budge E. A. W., King L. W.* The Annals of the Kings of Assyria. London, 1902.
- Buren E. D. van.* Fish-offerings in Ancient Mesopotamia // *Iraq.* X. 1948.
- Burkert W.* Ancient Mystery Cults. Camb. Mass.; London, 1987.
- Calmeyer P.* Datierbare Bronzen aus Luristan und Kirmanshah. Berlin, 1969.
- Calmeyer P.* Reliefbronzen in babylonischen Stil. München, 1973.
- Calmeyer P.* Mesopotamien und Iran im II. und I. Jahrtausend // H.-J. Nissen, J. Renger (eds.). Mesopotamien und seine Nachbarn. Berlin, 1982.
- Calmeyer P.* Babylonische und Assyrische Elemente in der Achaimenidischen Kunst // *Transeuphratène.* 2. 1990a.
- Calmeyer P.* Die sogenannte fünfte Satrapie und die achaimenidischen Dokumente // *Transeuphratène.* 2. 1990b.
- Calmeyer P.* Babylonische und Assyrische Elemente in der Achaimenidischen Kunst // *Achaemenid History. VIII: Continuity and Change* / H. Sancisi-Weerdenburg et al. (eds.). Leiden, 1994.
- Cameron G. G.* History of Early Iran. New York, 1936.
- Cameron G. G.* Darius' Daughter and the Persepolis Inscriptions // *JNES.* 1. 1942.
- Cameron G. G.* Ancient Persia // *The Idea of History in the Ancient Near East (American Oriental Series 38)* / R. G. Denton (ed.). New Haven, 1955.
- Cameron G. G.* Persepolis Treasury Tablets Old and New // *JNES.* 17. 1958.
- Cameron G. G.* The Elamite Version of the Bisitun Inscriptions // *JCS.* 14. 1960.
- Cameron G. G.* New Tablets from the Persepolis Treasury // *JNES.* 24. 1965.
- Cardascia G.* Les Archives des Murašû. Paris, 1951.
- Cardascia G.* Les villes de Mésopotamie // *Recueils de la Société Jean Bodin. Vol. 7. La Ville,* Bruxelles, 1955.
- Cardascia G.* Lehenswesen // *RIA.* 6. 1983.

- Cardellini I.* Die biblischen «Sklaven» // Gesetze im Lichte des keilschriftlichen Sklavenrechts. Bonn, 1981.
- Carter E.* Bridging the Gap between the Elamites and the Persians in Southeastern Khuzistan // Achacmenid History. VIII: Continuity and Change / H. Sancisi-Weerdenburg et al. (eds.). Leiden, 1994.
- Cassin E.-M.* L'Adoption à Nuzi. Paris, 1938.
- Cavaignac E.* Les deux routes d'Asie Mineure // JA. 244. 1956.
- Cavaignac E.* Рец. на кн.: Wiseman D. J. Chronicle of Chaldaean Kings // OLZ. 1960.
- Chattopadhyaya S.* The Achaemenids and India. New Delhi, 1974.
- Clay A. T.* Legal and Commercial Transactions Dated in the Assyrian, Neo-Babylonian and Persian Periods, Chiefly from Nippur // BE VIII/1. Philadelphia, 1908.
- Clay A. T.* Business Documents of Murashû Sons of Nippur // PBS 2/1. Philadelphia, 1912.
- Clay A. T.* Gobryas, Governor of Babylonia // JAOS. 41. 1921.
- Clercq L. de, Ménant J.* Collection de Clercq. Paris, 1885-1903. T. I- II.
- Clermont-Ganneau Ch.* Le paradeisos royal Achéménide de Sidon // Comptes rendus de l'Académie des inscriptions et belles-lettres. 1920.
- Cocquerillat D.* Compléments aux palmeraies et cultures de l'Eanna d'Uruk, III // RA. 78. 1984.
- Cocquerillat D.* Palmeraies et cultures de l'Eanna d'Uruk (559-520). Berlin, 1968.
- Cole S. W.* Marsh Formation in the Borsippa Region and the Course of the Lower Euphrates // JNES. 53. 1994.
- Cole S. W.* Nippur in Late Assyrian Times c 755-612 B. C. // SAA. IV. Helsinki, 1996.
- CIS 2, pt 1. Paris, 1889.
- Cowley A.* Aramaic Papyri of the Fifth Century B C. Oxford, 1923.
- Croix G. E. M. de Ste.* The Class Struggle in the Ancient Greek World from the Archaic Age to the Arab Conquests. London, 1981.
- Dalley S.* A Catalogue of the Akkadian Cuneiform Tablets in the Collection of the Royal Scottish Museum. Edinburgh, 1979.
- Dalley S.* The Cuneiform Tablet from Tell Tawilan // Levant. 16. 1984.
- Dalley St.* Nineveh after 612 BC // Aof. 20. 1993.
- Dandamayev M.* Die Rolle des tamkârum in Babylonien im 2. und 1. Jahrtausend v. u. Z. // Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orients 1: Beiträge zur Sozialen Struktur des Alten Vorderasien. Berlin, 1971.
- Dandamayev M. A.* Politische und wirtschaftliche Geschichte // Beiträge zur Achämenidengeschichte. 1972.
- Dandamayev M.* Data of the Babylonian Documents from the 6th to the 5th Century B. C. on the Sakas // Prolegomena to the Sources on the History of Pre-Islamic Central Asia. Budapest, 1979.
- Dandamayev M.* State and Temple in Babylonia in the First Millennium BC // State and Temple Economy in the Ancient Near East. Vol. 2. (OLA. 6). Leuven, 1979.
- Dandamajev M.* // OLZ. 1985. S. 27-29. [Рец. на кн.:] *Nemet-Nejat K. R.* Late Babylonian Field Plans in the British Museum. Rome, 1982.
- Dandamayev M. A.* On the Fiefs in Babylonia in the Early Achaemenid Period... // AMI. 10. 1983.
- Dandamayev M.* Royal Paradeisoi in Babylonia // Acta Iranica. 9. Leiden, 1984.
- Dandamaev M. A.* Slavery in Babylonia from Nabopolassar to Alexander the Great (626-331 BC). DeKalb, 1984.
- Dandamayev M. A.* Economy of Ṭabiya, a Babylonian of the Sixth Century B. C. // Oikumene. 5. 1986.
- Dandamayev M. A.* Šušān in the Murašû Documents // Fragmenta Historiae Aclamicae. Paris, 1986.
- Dandamayev M.* Free Hired Labor in Babylonia During the Sixth through Fourth Centuries BC // AOS. 68. 1987.

- Dandamayev M. A.* The Neo-Babylonian Popular Assembly // *Šulmu: Papers on the Ancient Near East Presented at the International Conference of Socialist Countries / P. Vavroušek, V. Souček (eds.)*. Prague, 1988.
- Dandamayev M. A.* Wages and Prices in Babylonia in the 6th and 5th Centuries B.C. // *AoF*. 15. 1988.
- Dandamayev M. A.* A Political History of the Achaemenid Empire. Leiden etc., 1989.
- Dandamayev M.* The Old Iranian Pasa'du // *Archaeologia Iranica et Orientalis. Miscellanea in Honorem Louis Vanden Berghe*. Vol. 1. Gent, 1989.
- Dandamayev M.* The Old Iranian arazapanata // *Textes et mémoires*. Vol. XVI. *Iranica Varia: Papers in Honor of Professor Ehsan Yarshater*. Leiden, 1990.
- Dandamayev M. A.* Achaemenid Estates in Lahiru // *Iranica Antiqua*. XXVII. 1992.
- Dandamayev M.* *Iranians in Achaemenid Babylonia*. Costa Mesa, California; New York, 1992a.
- Dandamayev M.* The Sick Temple Slaves' Rations in Babylonia in the Sixth Century BCE // *Eretz-Israel. Archaeological, Historical and Geographical Studies*. 24. 1993.
- Dandamayev M.* The Neo-Babylonian zazakku // *AoF*. 21. 1994.
- Dandamayev M. A.* Governor of Byblos in Sippar // *Immigration and Emigration within the Ancient Near East. Festschrift E. Lipiński (OLA) 65*. Leuven, 1995.
- Dandamayev M. A.* The Ebabbar Temple and Iranian Magi // *AoF*. 22. 1995.
- Dandamayev M.* The Neo-Babylonian tamkārū // *Solving Riddles and Untying Knots. Biblical, Epigraphic, and Semitic Studies in Honor of J. C. Greenfield*. Winona Lake, 1995.
- Dandamayev M.* An Age of Privatization in Ancient Mesopotamia // *Privatization in the Ancient Near East and Classical World (Peabody Museum Bulletin 5, Harvard University) / M. Hudson, B. A. Levine (eds.)*. Cambridge, MA. 1996.
- Dandamayev M.* The Composition of the Citizens in First Millennium Babylonia // *AoF*. 24. 1997.
- Dandamayev M.* The Old Persian āmāta- and the Babylonian mār banī // *Wort-Text-Sprache und Kultur. Festschrift für Hans Schmeja zum 65. Geburtstag / P. Anreiter, H. M. Olberg (eds.)*. Innsbruck, 1998.
- Dandamayev M.* A Neo-Babylonian Colony in Transpotamia (?) // *ArOr*. 67. 1999.
- Dandamayev M.* Customs Dues in First-Millennium Babylonia // *Variatio Delectat. Iran und der Westen. Gedenkschrift für Peter Calmeyer / R. Dittmann et al. (eds.)*. 2000. (AOAT. 272.) P. 215-222.
- Dandamayev M.* Documentary Evidence on Nergal's Cult in Sippar and Babylon in the Sixth Century B. C. // *Munuscula Mesopotamica. Festschrift für Johannes Renger*. 1999. (AOAT. 267.)
- Dandamayev M. A.* Herodotus' Information on Persia and the Latest Discoveries of Cuneiform Texts // *Storia della Storiografia. Numero speciale: Herodoto*. Milano, 1985.
- Dandamayev M.* [Рец. на кн.:] YOS XIX // *JAOS*. 121. 2001.
- Dandamayev M.* Twin Towns and Ethnic Minorities in First-Millennium Babylonia // *Commerce and Monetary Systems in the Ancient World: Means of Transmission and Cultural Interaction / R. Rollinger, Chr. Ulf (eds.)*. V. Franz Steiner Verlag, 2004. (Melammu Symposia.)
- Dandamayev M.* Freedom and Slavery in the Ancient Near East During the Neo-Babylonian and Persian Periods // *Von Sumr bis Homer*. Münster, 2005. (AOAT. 325.)
- Dandamayev M. A., Lukonin V. G.* *The Culture and Social Institutions of Ancient Iran*. Cambridge, 1989.
- Dandamayev M. A.* Data of the Babylonian Documents from the 6th to the 5th Centuries B.C. on the Sakas // *Prolegomena to the Sources on the History of Pre-Islamic Central Asia / J. Harmatta (ed.)*. Budapest, 1979.
- Dandamayev M. A.* Some Babylonians at Ecbatana // *AMI*. 19. 1986.
- Dandamayev M. A.* Susa, the Capital of Elam, and Babylonian Susa // *Festschrift für Burkhard Kienast*. 2003. (AOAT. 274.)
- Dandamayev M. A.* Temple Archers in the Neo-Babylonian Sippar // *Historical, Epigraphical and Biblical Studies in Honor of Prof. M. Heltzer*. Tel Aviv; Jaffa, 1999.

- Dandamayev M. A.* The Confrontation between State and Temple in Babylonia in the Sixth Century B. C. // *Le temple lieu de conflit. Centre d'Étude du Proche-Orient Ancien. Université de Genève. Actes du colloque de Cartigny 1988.* Leuven, 1995.
- Dandamayev M. A.* Was Eanna Destroyed by Darius I? // *AMI.* 25. 1992.
- David M.* Die Adoption im altbabylonischen Recht. Leipzig, 1927.
- Delaunay J. A.* Cuneiform Texts in the Metropolitan Museum of Art (nouvelle édition). Paris, 1977.
- Descat R.* Mnesimachos, Herodote et le système tributaire achéménide // *REA.* 87. 1985.
- Descat R.* Notes sur la politique tributaire de Darius Ier // *TEP.*
- Diakonoff I. M.* A Babylonian Political Pamphlet from about 700 B. C. // *Studies in Honor of Benno Landsberger on his Seventy-fifth Birthday. (Assyriological Studies. 16).* Chicago, 1965.
- Diakonoff I. M.* Socio-Economic Classes in Babylonia and the Babylonian Concept of Social Stratification // *Gesellschaftsklassen im Alten Zweistromland und in den angrenzenden Gebieten — XVIII. Rencontre assyriologique internationale. München, 1972.*
- Diakonoff I. M.* The Rural Community in the Ancient Near East // *JESHO.* XVIII. 1975.
- Diakonoff I. M.* A Cuneiform Charter from Western Iran // *Festschrift Lubor Matouš. 1.* Budapest, 1978.
- Diakonoff I. M.* «Media» // *The Cambridge History of Iran. 2.* Cambridge, 1985.
- Diehl E.* Anthologia Lyrica Graeca. I. Lipsiae, 1925.
- Dillard R. B.* Neo-Babylonian Texts from the John Lewis Collection of the Free Library of Philadelphia. The Dropsie College, Philadelphia, 1975.
- Dittenberger W.* Sylloge Inscriptionum Graecarum. I. Lipsiae, 1915.
- Dole G. F., Moran W. L.* A Bowl of *alallu*-stone // *ZA.* 81. 1991.
- Donbaz I.* The Question of the Murašû Texts Dated at Susa // *NABU.* 1989/86.
- Donbaz I.* A Brick Inscription of Nabonidus from Harran // *ARRIM.* 9. 1991.
- Donbaz I., Stolper M. W.* Istanbul Murašû Texts. Leiden, 1997.
- Donner F. M.* Xenophon's Arabia // *Iraq.* 48. 1986.
- Dossin G.* Bronzes inscrits du Luristan de la Collection Foroughi // *Iranica Anriqua. Vol. 2.* 1962.
- Dothan T., Gitin S.* Ekron // *The Anchor Bible Dictionary. Vol. 2.* New York, 1992.
- Dougherty R. P.* Records from Frech, Time of Nabonidus // *YOS.* VI. New Haven, 1920.
- Dougherty R. P.* Nabonidus and Belshazzar. A Study of the Closing Events of the Neo-Babylonian Empire. London etc., 1929.
- Dougherty R. P.* Archives from Erech, Neo-Babylonian and Persian Periods // *GCCI.* 2. New Haven, 1933.
- Dougherty R. P.* The Shirkûtu of Babylonian Deities. New Haven, 1923.
- Drews R.* The Greek Accounts of Eastern History. Cambridge: Mass., 1973.
- Driel G. van.* The Edict of Belšazzar, An Alternative Interpretation // *JEOL.* 30. 1989a.
- Driel G. van.* The Murašûs in Context // *JESHO.* 32. 1989b.
- Driel G. van.* Neo-Babylonian Agriculture // *Bulletin on Sumerian Agriculture. IV.* 1988.
- Driel G. van.* Care of the Elderly: the Neo-Babylonian Period // *Studies in the History and Culture of the Ancient Near East. 14.* Leiden, 1998a.
- Driel G. van.* Land in Ancient Mesopotamia // *Landless and Hungry? / B. Haring, R. de Maaijer (eds.).* Leiden, 1998b.
- Driel G. van.* Elusive Silver. In Search of a Role for a Market in an Agrarian Environment Aspects of Mesopotamia's Society. Leiden, 2002.
- Driver G. R.* Aramaic Documents of the Fifth Century BC. Oxford, 1965.
- Driver G. R., Miles J. C.* The Babylonian Laws. 1-2. Oxford, 1968.
- Dubberstein W. H.* The Chronology of Cyrus and Cambyses // *AJSL.* 55. 1938.
- Dubberstein W. H.* Comparative Prices in Later Babylonia (640-400 B.C.) // *AJSL.* 56. 1939.
- Duchesne-Guillemin J.* Fire in Iran and in Greece // *East and West.* 13. 1962.

- Duchesne-Guillemin J.* La Religion des Achéménides // «Beitrag zur Achamenidengeschichte». Historia, Einzelschriften. Ht 18. Wiesbaden, 1972.
- During Caspers E. C. L.* Sumer. Coastal Arabia, and the Indus Valley in Protoliterate and Early Dynastic Eras // JESHO. XXII. 1979.
- Dyson R. H.* The Hasanlu Project. 1961 -1967 // The Memorial Volume of the Vth International Congress of Iranian Art and Archaeology I. Tehran, 1971.
- Dyson R. H.* The Hasanlu Project. 1961-1967 // The Memorial Volume of the Vth International Congress of Iranian Art and Archaeology. I. Tehran, 1972.
- Ebeling E.* Beamter // RIA. I. 1928.
- Ebeling E.* Neubabylonische Briefe aus Uruk. I-IV. Berlin, 1930-1934.
- Ebeling E.* Neubabylonische Briefe. München, 1949.
- Ebeling E.* Die Rüstung eines babylonisches Panzerreiters nach einem Verträge aus der Zeit Darius // ZA. 50. 1952.
- Ebeling E.* Fischerei // RLA. III. Berlin, 1957.
- Ebeling E.* Glossar zu den neubabylonischen Briefen. München, 1953.
- Edel E.* Neue Deutungen keilschriftlicher Umschreibungen ägyptischer Wörter und Personennamen. Wien // Österreichische Akademie der Wissenschaften. 1980.
- Edzard D. O., Gallery M.* Kutha // RIA. 6. 1980-1983.
- Edzard D. O.* Private Land Ownership and its Relation to «God» and the «State» in Sumer and Akkad // PMB 5. Cambridge, MA, 1996.
- Egyptians in Babylonia in the 6th-5th Centuries B.C.* // La circulation des biens, des personnes et des idées dans le Proche-Orient ancien (Actes de la XXXVIIIe Rencontre Assyriologique Internationale). Paris, 1992.
- Eilers W.* Рец. на кн.: Krückmann O. Neubabylonische Rechts- und Verwaltungstexte. Leipzig. 1933 // AfO. IX. 1933. S. 333.
- Eilers W.* Kleinasiatishes // ZDMG. 94. 1934a.
- Eilers W.* [Рец. на кн.:] TMH. II/III // AfO. IX. 1934b.
- Eilers W.* Eine mittelpersische Wortform aus der frühachämenidischer Zeit? // ZDMG. 90. 1936.
- Eilers W.* Iranische Beamtennamen in der keilschriftlichen Überlieferung. Leipzig. 1940.
- Eilers W.* Altpersische Miscellen I // ZA. 51. 1955.
- Eilers W.* Neue aramaische Urkunden aus Ägypten // AfO. XVII. 1957.
- Eilers W.* Die altiranische Vorform des Vāspuhr // A Locust's Leg. Studies in Honour of S.H. Taqizadeh. London, 1962.
- Elayi J.* The Phoenician Cities in the Persian Period // JANES. 12. 1980.
- Ellis M. de J.* Agriculture and the State in Ancient Mesopotamia. Philadelphia, 1976.
- Eph'al I.* «Arabs» in Babylonia in the 8th Century BC // JAOS. 94. 1974.
- Eph'al I.* The Western Minorities in Babylonia in the 6th-5th Centuries B.C.: Maintenance and Cohesion // Or. 47. 1978.
- Eph'al I.* The Ancient Arabs. Nomads on the Borders of the Fertile Crescent. 9th-5th Centuries BC. Jerusalem, 1984.
- Evans G.* Ancient Mesopotamian Assemblies // AOS. 78. 1958.
- Figulla H.* Lawsuit Concerning a Sacrilegious Theft at Erech // Iraq. Vol. 13. 1951.
- Finet A.* (ed.). La voix de l'opposition en Mésopotamie. Bruxelles. 1973.
- Finet A.* (ed.). Les pouvoirs locaux en Mésopotamie et dans les régions adjacentes. Bruxelles. 1982.
- Finkel I. L.* On Late Babylonian Medical Training // Wisdom, Gods and Literature. Studies in Honour of W. G. Lambert / A. R. George, I. L. Finkel (eds.). Winona Lake, 2000.
- Finley M. I.* Between Slavery and Freedom // Comparative Studies in Society and History. VI. 1964.
- Finley M. I.* The Ancient Economy. London, 1979.
- Foster B.* A New Look at the Sumerian Temple State // JESHO. XXIV. 1981.

- Foster B. R.* Before the Muses. An Anthology of Akkadian Literature. II. Bethesda, 1993.
- Frame G.* Neo-Babylonian and Achaemenid Economic Texts from the Sippar Collection of the British Museum // JAOS. 104. 1984.
- Frame G.* Nabonidus, Nergal-šarra-ušur and the Eanna Temple // ZA. 81. 1991.
- Frame G.* Babylonia 689–627 BC. A Political History. Leiden, 1992.
- Gadd C. J.* The Harran Inscriptions of Nabonidus // Anatolian Studies. 8. 1958.
- Gardner P.* The Gold Coinage of Asia before Alexander the Great. London, 1908.
- Garélli P.* L'Asie occidentale ancienne // Histoire générale du travail. I. Paris, 1959.
- Gehlken E., Uruk.* Spätbabylonische Wirtschaftstexte aus dem Eanna-Archiv I. Mainz am Rhein, 1990.
- Gelb I. J.* On the Alleged Temple and State Economies in Ancient Mesopotamia // Studi in onore di E. Volterra. VI. Rome, 1969.
- Gelb I. J.* Prisoners of War in Early Mesopotamia // JNES. 32. 1973.
- Gelb I. J.* Household and Family in Early Mesopotamia // OLA. 5. 1979.
- George A. R.* Babylonian Topographical Texts // OLA. 40. 1992.
- George A. R.* House Most High. The Temples of Ancient Mesopotamia. Winona Lake, 1993.
- Gershevitch I.* Sissoo at Susa // BSOAS. XIX. 1957.
- Gershevitch I.* Zoroaster's Own Contribution // JNES XXIII. 1964.
- Gershevitch I.* Amber at Persepolis // Studia Classica et Orientalia Antonino Pagliaro Oblata. 2. Roma, 1969a.
- Gershevitch I.* Iranian Nouns and Names in Elamite Garb // TPS. 1969b.
- Gesche P. D.* Schulunterricht in Babylonien im ersten Jahrtausend v. Chr. // AOAT. 275. Münster, 2001.
- Gesenius'* hebraisches und aramaisches Handwörterbuch über das Alte Testament. Berlin, 1962.
- Gray G. B., Cary M.* The Reign of Darius // CAH. IV 1969.
- Grayson A. K.* Assyrian and Babylonian Chronicles // Texts from Cuneiform Sources. V. Locust Valley, New York, 1975.
- Grayson A.* Mesopotamia. History and Culture of Assyria // The Anchor Bible Dictionary. 4. 1992.
- Graziani S.* Testi editi ed inediti datati al regno di Bardiya // Istituto Universitario Orientale. Supplemento n. 67 agli Annali. 51. Fasc. 2. Naples, 1991.
- Greenfield J. C., Porten B.* The Bisitun Inscription of Darius the Great // CI. I. Pt. I. Vol. V. London, 1982.
- Grelot P.* Documents araméens d'Égypte. Paris, 1972.
- Grillot-Susini F., Herrenschildt C., Malbran-Labat F.* La version élamite de la trilingue de Behistun: une nouvelle lecture // JA. 281. 1993.
- Groningen B. A. van.* Aristote. Le second livre de l'Économique. II. Leiden, 1933.
- Grunfest Y., Heltzer M.* Nabonid, King of Babylon (556–539 B.C.E.) in Arabia in Light of New Evidence // Biblische Notizen. 110. 2001.
- Gyles M. F.* Pharaonic Policies and Administration, 663 to 323 BC. Chapel Hill, 1959.
- Haerink E.* Babylonia under Achaemenid Rule // Mesopotamia and Iran in the Persian Period: Conquest and Imperialism 539–351 BC. / J. Curtis (ed.). London, 1997.
- Hallo W. W.* «Gutium» // RIA. 3. 1968.
- Hallo W. W.* Antediluvian Cities // JCS. 23. 1971.
- Hallock R. T.* New Light from Persepolis // JCS. 9. 1950.
- Hallock R. T.* The Elamite texts from Persepolis // Akten des 24. Internationalen Orientalisten-Kongresses. München, 1957. Wiesbaden, 1959.
- Hallock R. T.* Persepolis Fortification Tablets. Chicago, 1969
- Hallock R. T.* Selected Fortification Texts // DAFI. 8. 1978.
- Harmata J.* The Literary Patterns of the Babylonian Edict of Cyrus // AAASH. 19. 1971.
- Hartman L. F.* The Date of the Cimmerian Threat against Ashurbanipal according to ABL 1391 // JNES. 21. 1962.

- Hasel G. F.* The First and Third Years of Belshazzar // Andrews Univ. Seminar Studies. 15. 1977.
- Hausperger M.* Die mesopotamische Medizin und ihre Ärzte aus heutiger Sicht // ZA. 87. 1997.
- Hausperger M.* Einige Anmerkungen zum «Fachbuch der Abdominalerkrankungen» // Variatio Delectat. Iran und der Westen. Gedenkschrift für P. Calmeyer. AOAI. 272. Münster. 2000.
- Heltzer M.* People from Gezer in Babylonia in the VI Century B C E. and Their Tithe // Studies in the History and Culture of the Jews in Babylonia / Y. Avishur, Z. Yehuda (eds.). Jerusalem, 2002.
- Henning W. B.* Mitteliranisch // Handbuch der Orientalistik. Erste Abteilung. IV/1. Leiden, 1958.
- Henning W. B.* Coriander // Asia Major. New Series X. P. 2. 1963.
- Herrenschmidt C.* Le tribut dans les inscriptions en vieux-perse et dans les tablettes élamites // ТЕР.
- Herzfeld E.* A new inscription of Darius from Hamadan // Archaeological survey of India. Memoirs. 34 Calcutta, 1928.
- Herzfeld E.* Altpersische Inschriften. Berlin, 1938.
- Herzfeld E.* The Persian Empire. Wiesbaden, 1968.
- Hilprecht H. V., Clay A. T.* Business Documents of Murashû Sons of Nippur // BL. IX. Philadelphia, 1898.
- Hinz W.* Die elamischen Buchungstäfelchen der Darius-Zeit // Or. 39. 1970.
- Hinz W.* Achämenidische Hofverwaltung // ZA. 61. 1971.
- Hinz W.* Die Quellen // Beiträge zur Achämenidengeschichte Historia. Einzelschriften. Ht 18. Wiesbaden, 1972.
- Hinz W.* Neue Wege im Altpersischen. Wiesbaden, 1973.
- Hinz W.* Die Behistan-Inschrift des Darius in ihrer unsprünglichen Fassung // AMI. N. F. 7. 1974.
- Hinz W.* Altiranisches Sprachgut der Nebenüberlieferungen. Wiesbaden, 1975.
- Hinz W., Koch H.* Elamisches Wörterbuch. Berlin, 1987.
- Hopkins K.* Conquerors and Slaves. Sociological Studies in Roman History. 1. Cambridge; etc., 1978.
- Houten Ch. van.* The Alien in Israelite Law. Sheffield, 1991.
- Hrouda B., Röllig W.* Gubla // RIA. 3. 1968–1971.
- Hudson M., Levine B. A.* (eds.). Privatization in the Ancient East and Classical World // PMB. 5. Cambridge MA, 1996.
- Hudson M., Levine B. A.* (eds.). Urbanization and Land Ownership in the Ancient Near East // PMB. 7. Cambridge MA, 1999.
- Hunger H.* Spätbabylonische Texte aus Uruk I. Berlin, 1976.
- Immigration and Emigration within the Ancient Near East. Festschrift E. Lipiński // OLA. 65. 1995.
- Jacob-Rost L.* Ein babylonisches Omen aus dem Jahre 592 v. u. Z. Staatliche Museen zu Berlin. Forschungen und Berichte. 5. 1962.
- Jacob-Rost L., Freydank H.* Spätbabylonische Rechtsurkunden aus Babylon mit aramäischen Beischriften // Staatliche Museen zu Berlin. Forschungen und Berichte. 14. 1972.
- Jacobsen T.* Primitive Democracy in Ancient Mesopotamia // JNES. 2. 1943.
- Jacobsen T.* Mesopotamien Religions // The Encyclopedia of Religion. 9. New York; London, 1987.
- Jambe A.* Sabaeen inscriptions from Mahram Bilqls (Marib). Baltimore, 1962.
- Joannès F.* La localisation de Šurru a l'époque néo-babylonienne // Semitica. 32. 1982a.
- Joannès F.* Textes économiques de la Babylonie récente. Paris, 1982b.
- Joannès F.* Contrats de mariage d'époque récente // RA. 78. 1984.
- Joannès F.* Trois textes de Šurru à l'époque néo-babylonienne // RA. 81. 1987.
- Joannès F.* Sippar à l'époque récente // RA. 82. 1988a.
- Joannès F.* Ig-gur^{ki} = Suse // NABU. 1988/1.
- Joannès F.* Archives de Borsippa. La famille Ea-ilûta-bâni. Geneva, 1989a.
- Joannès F.* Šêpê šakânu // NABU. 4. 1989b.
- Joannès F.* Un quartier fantôme de Babylone // NABU. 1989c.
- Joannès F.* Textes babyloniens de Suse d'époque achéménide // Contribution à l'histoire de l'Iran: Mélanges offerts à Jean Perrot / V. Vallat (ed.). Paris, 1990.

- Joannès F.* Les conséquences du retour de Nabonide // NABU. 1992a.
- Joannès F.* Les temples de Sippar et leurs trésors à l'époque néo-babylonienne // RA. 86. 1992b.
- Joannès F.* A propos du zazakku à l'époque néo-babylonienne // NABU. 1994.
- Joannès F.* Textes judiciaires néo-babyloniens // NABU. 1996.
- Joannès F.* La mention des enfants dans les textes néo-babyloniens // Ktéma. 22. 1997.
- Joannès F., Lemaire A.* Contrats babyloniens d'époque Achéménide du Bīt-Abī-rām avec une épigraphe araméenne // RA. 90. 1996.
- Joannès F., Lemaire A.* Trois tablettes cunéiformes à onomastique ouest-sémitique // Transeuphratène 17. 1999.
- Jones F. S.* «Freedom». The Anchor Bible Dictionary 2. New York; etc.. 1992.
- Jursa M.* Die Landwirtschaft in Sippar in neubabylonischer Zeit // AfO. 25. 1995.
- Jursa M.* Neu- und spätbabylonische Texte aus den Sammlungen der Birmingham Museums and Art Gallery // Iraq. 59. 1997.
- Jursa M.* Der Tempelzehnt in Babylonien // AOAT. 254. 1998.
- Jursa M.* Das Archiv des Bēl-rēmāni. Leiden, 1999
- Jursa M.* «VS 6. 252+276» // NABU. 1999.
- Kataja L., Whiting R.* Grants, Decrees and Gifts of the Neo-Assyrian Period // SAA. 12. Helsinki. 1995. N 35, rev. 23.
- Kennedy J.* The early commerce of Babylon with India // JRAS. 1898.
- Kent R. G.* Old Persian. Grammar. Texts. Lexicon. New Haven, 1953.
- Kessler K.* Uruk. Urkunden aus Privathäusern. T. 1 // Ausgrabungen in Uruk-Warka. Endberichte. 8. Mainz am Rhein, 1991.
- Kessler K.* Duplikate und Fragmente aus Uruk. Teil III // Bagh. Mitt. 23. 1992.
- Khan F. A.* Indus Valley and early Iran. Karachi, 1964
- King L. W.* Babylonian Boundary-stones and Memorial Tablets in the British Museum. London, 1912.
- Knobloch F. W.* Adoption // The Anchor Bible Dictionary. 1. New York. 1992.
- Knudtzon J. A.* Die El-Amarna-Tafeln. VB. 2. Leipzig, 1915.
- Koch H.* Tribut und Abgaben in Persis und Elymais // TEP.
- Köcher F.* Die babylonisch-assyrische Medizin in Texten und Untersuchungen. I–VI. Berlin, 1963–1979.
- Koehler L., Baumgartner W.* Lexicon in Veteris Testamenti libros. Leiden, 1958.
- Kohler J., Peiser F. E.* Aus Babylonischen Rechtsleben. II. Leipzig, 1891.
- Kohler J., Ungnad A.* Assyrische Rechtsurkunden. Leipzig, 1913.
- Koldewey R.* Das wieder erstehende Babylon. Leipzig, 1925
- König.* Aršammai. RIA. I. Berlin; Leipzig, 1928.
- Koschaker P.* Babylonisch-assyrisches Bürgschaftsrecht. Leipzig, 1911.
- Kraeling E. G. H.* The Brooklin Museum Aramaic Papyri. New Documents of the Fifth Century B.C. from the Jewish Colony at Elephantine. New Haven, 1953.
- Krecher J.* Das Geschäftshaus Egibi in Babylon in neubabylonischer und achamenidischer Zeit [неопубл. дис.]. Münster, 1970.
- Kreissig H.* Die Socialökonomische Situation in Juda zur Achämenidenzeit // Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orients. 7. Berlin, 1973.
- Krückmann O.* Neubabylonische Rechts- und Verwaltungstexte. Leipzig, 1933.
- Kühne H.* Industalkultur // RIA. V ½. 1976.
- Kuhrt A.* Babylonia from Cyrus to Xerxes // CAH IV. 2nd ed. Cambridge etc., 1988.
- Kuhrt A.* Nabonidus and the Babylonian Priesthood // Pagan Priests / M. Beard, J. North (eds.). London, 1991.
- Kuhrt A.* The Ancient Near East c. 3000–330 BC. I. L. New York, 1995.
- Kümmel H. M.* Familie, Beruf und Amt im spätbabylonischen Uruk. Berlin, 1979.

- Kwasman Th., Parpola S.* Legal Transactions of the Royal Court of Nineveh. I Tighlath-Pileser III through Esarhaddon // SAA. 6. Helsinki, 1991.
- Labat R.* Traité akkadien de diagnostics et pronostics médicaux. I-II. Paris: Leiden. 1951.
- Lamberg-Karlovsky C. C.* The proto-Elamite settlement at Tepe Yahya // Iran. IX. 1971.
- Lambert W. G.* A New Source for the Reign of Nabonidus // AfO. 22. 1968.
- Lambert W. G.* Nabonidus in Arabia // Proceedings of the Fifth Seminar for Arabian Studies. London, 1972.
- Lambert W. G.* Babylonian Wisdom Literature. Oxford, 1975.
- Land Use in the Sippar Region During the Neo-Babylonian and Achaemenid Periods // Urbanization and Land Ownership in the Ancient Near East. Peabody Museum Bulletin. 7 / M. Hudson, B. A. Levine (eds.). Cambridge, MA. 1999.
- Landsberger B.* Die Basaltstele Nabonids von Eski-Harran // Memoriam Hatil Edhem. 1, Türk Tarich Kurumu Yayinlarindan VII/5. Ankara. 1947.
- Lanfranchi G. B., Parpola S.* The Royal Correspondence of Sargon II // SAA. 5. 1990. II.
- Langdon S.* Die neubabylonischen Königsinschriften. Leipzig, 1912.
- Lanz H.* Die neubabylonischen harrānu-Geschäftsunternehmen. Berlin, 1976.
- Lee T. G.* Propaganda and Verse Account of Nabonidus' Reign // The Canadian Society for Mesopotamian Studies. Bulletin. 28. 1994.
- Leemans W. F.* The Old Babylonian Merchant. His Business and His Social Position. Leiden, 1950.
- Leichty E.* Bel-cpuš and Tammaritu // Anatolian Studies. 33. 1983.
- Leichty E., Finkelstein J. J., Walker C. B. F.* Catalogue of the Babylonian Tablets in the British Museum VIII. London, 1988. N 7538.
- Leuze O.* Die Satrapieneinteilung in Syrien und im Zweistromlande von 520–330. Hildesheim, 1972.
- Levine B. A.* Aramaic Texts from Persepolis // JAOS. 92. 1972.
- Lewis D. M.* Datis the Mede // JHS. 100. 1980.
- Lidzbarski M.* Ephemeris für semitische Epigraphik. Bd I. Giessen. 1903.
- Lipiński E.* The Aramaeans. Their Ancient History, Culture, Religion // OLA. 100. Leuven, 2000.
- Liverani M.* Storia di Ugarit nell'eta degli archive politici. Roma, 1962.
- MacGinnis J.* Neo-Babylonian Prebend Texts from the British Museum // AfO. 38–39. 1991–1992.
- MacGinnis J.* The Manumission of a Royal Slave // Acta Sumerologica. 15. 1993.
- MacGinnis J.* Harrānu Texts from the British Museum // Iraq. 56. 1994.
- MacGinnis J.* Letter Orders from Sippar and the Administration of the Ebabbara in the Late-Babylonian Period. Poznan, 1995.
- MacGinnis J.* A Further Note on the zazakku // NABU. 1996.
- MacGinnis J.* Letters from the Neo-Babylonian Ebabbara // Mesopotamia. 31. 1996.
- MacGinnis J.* Ordering the House of Šamaš: Texts from the Management of the Neo-Babylonian Ebabbara // Iraq. 60. 1998.
- MacGinnis J.* Additional Prebend Texts from the British Museum // AfO. 26. 1999.
- Machinist P., Tadmor H.* Heavenly Wisdom // The Tablet and the Scroll. Near Eastern Studies in Honor of W.W. Hallo. Bethesda; Maryland, 1993.
- Maekawa K.* Collective Labor Service in Girsu-Lagash: The Pre-Sargonic and Ur III Periods // AOS. V. 1987. 68.
- Mallowan M. E. L.* «Cyrus the Great» // CHI. 2. Cambridge, 1985.
- Marcus D.* Civil Liberties under Israelite and Mesopotamian Kings // JANES. 10. 1978.
- Marx V.* Die Stellung der Frauen in Babylonien // BA. 4. 1902.
- Matthews V.H.* Рец. на кн.: van Houten, 1991 // JAOS. 115. 1995.
- Mayrhofer M.* (ed.). Studien zur Sprachwissenschaft und Kulturkunde. Gedenkschrift für Wilhelm Brandenstein. Innsbruck, 1968.

- Mayrhofer M.* Aus der Namenwelt Alt-Irans // Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft. 3. Innsbruck, 1971.
- Mayrhofer M.* Onomastica Persepolitana. Wien. 1973.
- McEwan G. J. P.* Recall of a Debt from the Reign of Nabonidus // OA. 23. 1984.
- McEwan G. J. P.* The Late Babylonian Tablets in the Royal Ontario Museum // ROMCF. II.
- Meissner B.* Ein babylonischer Fischereivertrag // OLZ. 1914.
- Meissner B.* Babylonien und Assyrien. I. Heidelberg. 1920.
- Mendelsohn I.* Guilds in Babylonia and Assyria // JAOS. 60. 1940.
- Mendelsohn I.* Free Artisans and Slaves in Mesopotamia // BASOR. 89. 1943.
- Mendelsohn I.* Slavery in the Ancient Near East. New York. 1949.
- Messina G.* Der Ursprung der Magier und die Zarathustrische Religion. Roma. 1930.
- Meyer E.* Der Papyrusfund von Elephantine. Leipzig. 1912.
- Meyer E.* Das Gebet dea Nabonid. Berlin, 1962.
- Mieroop M. van de.* Crafts in the Early Isin Period // OL.A. 24. Leuven, 1987.
- Milano L.* Vino e birra in Oriente. Confini geografici e confini culturali // HANES. 6. 1994.
- Milik J. L.* Prière de Nabonide et autres écrits d'un cycle de Daniel // RB. 63. 1956.
- Mitchell T. G.* A review of acquisitions 1963–70 of Western Asiatic Antiquities // The British Museum Quarterly. XXXVI. N 3–4. 1976.
- Moldenke A. B.* Cuneiform Texts in the Metropolitan Museum of Art. I. II. New York, 1893.
- Momigliano A. D.* Persian Empire and Greek Freedom // The Idea of Freedom. Essays in Honour of Isaiah Berlin / A. Ryan (ed.). Oxford, 1979.
- Moore E. W.* Neo-Babylonian Business and Administrative Documents. Ann Arbor. 1935.
- Moore E. W.* Neo-Babylonian Documents in the University of Michigan Collection. Ann Arbor, 1939
- Moorey P. R. S., Lambert W. G.* An Inscribed Bronze Vessel from Luristan // Iran. 10. 1972.
- Morgenstierne G.* Early Iranic influence upon Indo-Aryan // Acta Iranica. Premierie serie. 1. Leiden, 1974.
- Mulleris C.* Fragmenta Historicorum Graecorum. II. 1849.
- Mémoires de la Mission archéologique de Perse. XXI. Paris. 1929.
- Nemet-Nejat K. R.* Late Babylonian Field Plans in the British Museum. Rome, 1982.
- Nemet-Nejat K. R.* Daily Life in Ancient Mesopotamia. Westport; London, 1988.
- Oelsner J.* Materialien zur babylonischen Gesellschaft und Kultur in hellenistischer Zeit. Budapest. 1986.
- Olmstead A. T.* History of the Persian Empire. Chicago, 1948.
- Oppenheim A. L.* Assyriological Gleanings I // BASOR. 91. 1943.
- Oppenheim A. L.* Assyriological Notes to the Old Testament // JQR. 36. 1946.
- Oppenheim A. L.* A Fiscal Practice of the Ancient Near East // JNES. VI 1947a.
- Oppenheim A. L.* Deictic -ka, -kunu in Neo-Babylonian // JCS. 1947b.
- Oppenheim A. L.* The seafaring merchants of Ur // JAOS. 74. 1954.
- Oppenheim A. L.* «Siege-Documents» from Nippur // Iraq. 17. 1955.
- Oppenheim A. L.* Letters from Mesopotamia. Chicago; London. 1967.
- Oppenheim A. L.* Essay on Overland Trade in the First Millennium B. C. // JCS. 21. 1969.
- Oppenheim A. L.* A New Cambyses Incident // A Survey of Persian Art. 15. London; New York. 1974
- Oppenheim A. L.* Ancient Mesopotamia: Portrait of a Dead Civilization. Chicago, 1964; reprint 1977.
- Oppenheim A. L.* Man and Nature in Mesopotamian Civilization // Dictionary of Scientific Biographies. XV. Supplement I. New York. 1978.
- Oppenheim A. L.* The Babylonian Evidence of Achaemenian Rule in Babylonia // CHI. 2. Cambridge, 1985.
- Orlin L. L.* Ancient Near Eastern Cities: Form. Function and Idea // JANUS. Essays in Ancient and Modern Studies / L. L. Orlin (ed.). The University of Michigan. Ann Arbor, 1975.

- Parker R. A., Dubberstein W. H.* Babylonian Chronology 626 BC — AD 75 // Providence. 1956.
- Parpola S.* Letters from Assyrian Scholars to the Kings Esarhaddon and Assurbanipal. I. Neukirchen; Vluyn, 1970a.
- Parpola S.* Neo-Assyrian Toponyms // AOAT. 6. 1970b.
- Parpola S., Whiting R. M.* (eds.). Assyria 1995. Proceedings of the 10th Anniversary Symposium of the Neo-Assyrian Text Corpus Project. Helsinki, 1997.
- Pečirkova J.* Assyria under Sennacherib // ArOr. 61. 1993.
- Peiser F. E.* Babylonische Verträge des Berliner Museum. Berlin, 1890.
- Peiser F. E.* Aus Rom. Ol.Z. VII. 1904.
- Petschow H.* Ein Neubabylonischer Bürgschaftsrecess gegen einen Nachlass // Tijdschrift voor Rechts-geschiedenis. 19. 1951.
- Petschow H. H.* Neubabylonisches Pfandrecht. Berlin, 1956.
- Petschow H.* Das Unterkönigtum des Cambyses als König von Babylon // RA. 82. 1988.
- Pfeiffer Ch. F.* Neo-Babylonian Documents in the John Frederick Lewis Collection of the Free Library of Philadelphia. The Dropsie College. Philadelphia, 1953.
- Pinches T. G.* Cuneiform Texts from Babylonian Tablets in the British Museum. 55. London, 1982.
- Pinches T. G.* A Babylonian Decree that a Certain Rite should be performed // PSBA. 15. 1893.
- Pinches Th. G.* Contract tablet from Babylon inscribed with unknown characters // PSBA. 5. 1883.
- Pirenne J.* Les contrats de vente de soi-même en Égypte à l'époque Saïte // Académie royale de Belgique. Bulletin de la classe des letters et des sciences morales et politiques. 5 série. 34. 1948.
- Poebel A.* The Names and the Order of the Old Persian and Elamite Months during the Achaemenid Period. AJSL. LV. 1948.
- Pognon H.* Notes lexicographiques et textes assyriens inédits // JA. 1917.
- Polanyi K., Arensberg C. M., Pearson H. W.* (eds.). Trade and Market in the Early Empires. New York: Toronto. 1957.
- Polanyi K.* The Livelihood of Man. New York, 1977.
- Porten B., Yardeni A.* Textbook of Aramaic Documents from Ancient Egypt. I: Letters. Jerusalem. 1986.
- Posener G.* La Première Domination Perse en Egypt. Le Caire, 1936.
- Postgate J. N.* The Place of the šaknu in Assyrian Government // Anatolian Studies. 30. 1980.
- Powell M. A.* Late Babylonian Surface Mensuration // AfO. 31. 1984.
- Powell M. A.* (ed.). Labor in the Ancient Near East // AOS. 68. New Haven, 1987.
- Powell M. A.* Masse und Gewichte // RIA. 7. 1990.
- Powell M. A.* Wine and the Vine in Ancient Mesopotamia: the Cuneiform Evidence // P. E. McGovern et al. The Origins and Ancient History of Wine. Philadelphia, 1996.
- Pritchard J. B.* Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament. Princeton, 1969.
- Radner K.* Die neuassyrischen Privatrechtsurkunden als Quelle für Mensch und Umwelt // SAAS. 6. Helsinki, 1997.
- Ranke H.* Keilschriftliches Material zur altägyptischen Vokalisation // APAW. 1910/II. Berlin, 1910.
- Rashid S. A.* The Babylonian King Nabonidus in Tema // Sumer. 35. 1979.
- Ravn O. E.* Herodotus' Description of Babylon. Copenhagen. 1942.
- Reed W. L.* Nabonidus, Babylonian Reformer or Renegade? // Lexington Theological Quarterly. 12. 1977.
- Reiner E.* Medicine // CAH. V. III/2. Cambridge, 1991.
- Reiner E.* Šurpu. A Collection of Sumerian and Akkadian Incantations // AfO. 11. Graz, 1958.
- Renger J.* Notes on the Goldsmiths, Jewelers and Carpenters of Neo-Babylonian Fanna // JAOS. 91. 1971.
- Renger J.* Patterns of Non-Institutional Trade and Non-Commercial Exchange in Ancient Mesopotamia at the Beginning of the Second Millennium B.C. // Circulation of Goods in Non-Palatial Context in the Ancient Near East / A. Archi (ed.). Roma, 1984.

- Renger J.* On Economic Structures in Ancient Mesopotamia // *Orientalia*. 63. 1994.
- Renger J.* Subsistenzproduktion und redistributive Palastwirtschaft: wo bleibt die Nische für das Geld? // Schelkle W., Nitsch M. Rätsel Geld Annäherungen aus ökonomischer, soziologischer und historischer Sicht. Marburg, 1995.
- Retsö J.* The Earliest Arabs // *OS*. 38-39. 1989-1990.
- Retsö J.* Xenophon in Arabia // *SGZl G*. 54. 1990.
- Reuther O.* Die Innenstadt von Babylon (Merkes) // *WVDOG* 47. 1926.
- Ries G.* Die Neubabylonischen Bodenpachtformulare. Berlin, 1976.
- Roaf M.* The subject peoples on the base of statue of Darrus // *DAFI*. 4. 1974.
- Röllig W.* Erwägungen zu neuen Stelen König Nabonids // *ZA*. 56. 1964.
- Röllig W.* Griechen // *RIA*. 5. 1968-1971.
- Röllig W.* Gubaru // *RIA*. 3. 1971.
- Röllig W.* Zur historischen Einordnung der Texte // *SAAB*. 7. 1993.
- Rollinger R.* Zur Bezeichnung von 'Griechen' in Keilschrifttexten // *RA*. 91. 1997.
- Rollinger R., Ulf Chr.* (eds.). Commerce and Monetary Systems in the Ancient World: Means of Transmission and Cultural Interaction. Franz Steiner Verlag, 2004. (Melammu Symposia V.)
- Root M. C.* The King and Kingship in Achaemenid Art // *Acta Iranica* 19. Leiden, 1979.
- Rössler O.* Untersuchungen über die akkadische Fassung der Achämenideninschriften. Berlin, 1938
- Roth M. T.* A Case of Contested Status // *Studies in Honor of A Sjöberg Philadelphia*. 1989a.
- Roth M. T.* Babylonian Marriage Agreements. Kevelaer, 1989b.
- Roth M. T.* The Material Composition of the Neo-Babylonian Dowry // *AFO*. 36-37. 1989 1990.
- Roth M. T.* The Dowries of the Women of the Itti-Marduk-balātu Family // *JAOS*. 111. 1991.
- Roth M. T.* The Neo-Babylonian Widow // *JCS*. 43-45. 1991 1993.
- Royal Paradeisoi in Babylonia // *Acta Iranica, Hommages et Opera Minora*. IX. *Orientalia J. Duchesne-Guillemin Emerito Oblata*. Leiden, 1984.
- Royal Economy in the Achaemenid Empire // *Stato, Economia, Lavoro nel Vicino Oriente antico*. Milano, 1988.
- Sack R. H.* Amēl-Marduk 562-560 BC // *AOAT*. 4. 1972.
- Sack R. H.* Some Remarks on Sin-iddina and Zērija, qīpu and šatammu of Eanna in Erech // *ZA*. 66. 1977.
- Sack R. H.* Nebuchadnezzar and Nabonidus in Folklore and History // *Mesopotamia*. 17. 1982.
- Sack R. H.* The Nabonidus Legend // *RA*. 77. 1983.
- Saggs H. W. F.* Two Administrative Officials at Erech in the 6th Century BC // *Sumer*. 15. 1959.
- Saggs H. W. F.* The Greatness that was Babylon. New York: Toronto, 1962.
- Salonen A.* Die Fischerei im alten Mesopotamien nach sumerisch-akkadischen Quellen. Eine lexikalische und kulturgeschichtliche Untersuchung. Helsinki, 1970.
- Salonen E.* Über den Zehnten im Alten Mesopotamien // *StOr*. 43. Helsinki, 1972.
- Salonen E.* Neubabylonische Urkunden verschiedenen Inhalts. II. Helsinki, 1976.
- Samuel A. E.* The Role of Paramone Clauses in Ancient Documents // *Journal of Juristic Papyrology*. 15. 1985.
- Son Nicolò M.* Abgaben. *RIA*. I. Berlin: Leipzig, 1928.
- San Nicolò M.* Über Adoption und die Gerichtsbarkeit der mār-bāni in Neubabylonischen Rechte // *ZSS*. 1930. 50.
- San Nicolò M.* Parerga Babylonica VII // *ArOr*. IV. 1932.
- San Nicolò M.* Parerga Babylonica XII // *ArOr*. VI. 1934.
- San Nicolò M.* Parerga Babylonica XV // *ArOr*. 7. 1936.
- San Nicolò M.* Beiträge zur Rechtsgeschichte im Bereiche der Keilschriftlichen Rechtsquellen. Oslo, 1931.
- San Nicolò M.* Beiträge zu einer Prosopographie Neubabylonischer Beamten der Zivil- und Tempelverwaltung // *SBAW*. II. 2. München, 1941.

- San Nicolò M.* Haben die Babylonier Wachstafeln als Schriftträger gekannt? // Or. 17. 1948a.
- San Nicolò M.* Materialien zur Viehwirtschaft in den Neubabylonischen Tempeln. I // Or. 17. 1948b.
- San Nicolò M.* Zur Verproviantierung des kgl. Hoflagers in Abanu // ArOr. 17/2. 1949.
- San Nicolò M.* Der Neubabylonische Lehrvertrag in rechtsvergleichender Betrachtung // SBAW. III. 1950a.
- San Nicolò M.* Neubabylonische Urkunden aus Ur // Or. 19. 1950b.
- San Nicolò M.* Babylonische Rechtsurkunden des ausgehenden 8. und 7. Jahrhunderts v. Chr. München, 1951.
- San Nicolò M., Petschow H.* Babylonische Rechtsurkunden aus dem 6. Jahrhundert v. Chr. München, 1960.
- San Nicolò M., Ungnad A.* Neubabylonische Rechts- und Verwaltungsurkunden. Leipzig. 1929-1937.
- Sancisi-Weerdenburg N.* Gifts in the Persian empire // TFP.
- Satzinger H.* Zu den Neubabylonischen Transkriptionen ägyptischer Personennamen // Gottingen Miszellen 73. 1984.
- Sayce A.* Aramaic Papyri Discovered at Assuan. London. 1906.
- Schaefer H. H.* Iranische Beiträge I. Halle, 1930.
- Schaudig H.* Die Inschriften Nabonids von Babylon und Kyros' des Grossen // AOAT. 256. 2001.
- Scheil V.* Le Gobryas de la Cyropédie et les textes cunéiformes // RA. 11. 1914.
- Scheil V.* Notules // RA. 14. 1917.
- Scheil V.* Catalogue de la collection Eugène Tisserant // RA. 18. 1921.
- Scheil V.* Contractant et témoin à la fois (?) // RA. 26 (1929).
- Scheil V.* Inscriptions des Achéménides à Suse // MDP. Vol. 21. P. 92-93.
- Schippmann K.* Forschungs- und Ausgrabungsergebnisse in Iran seit 1965 // MDOG. 104. 1972.
- Schlumberger D.* L'argent grec dans l'empire Achéménide // Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan. 14. 1953.
- Schmidt E. F.* Persepolis. I. Structures, Reliefs, Inscriptions. Chicago. 1953.
- Schmidt E. F.* Persepolis. II. Contents of the Treasury and Other Discoveries. Chicago. 1957.
- Schmitt R.* Medishes and persisches Sprachgut bei Herodot // ZDMG. 117. 1967.
- Schmitt R.* Florilegium Onomasticum // BN. 7. 1972a.
- Schmitt R.* Persepolitannisches. I, II. Die Sprache. XVIII. 1972b.
- Schmitt R.* Persepolitannisches. III. ZvS. 86. 1972c.
- Schmitt R.* Der Titel Satrap (Studies in Greek, Italic and Indo-European Linguistics Offered to Leonard R. Palmer) / A. M. Davies, W. Meid (eds.). Innsbruck, 1976.
- Schmitt R.* Labynetos // RIA. 6 (1983).
- Schmitt R.* The Bisitun Inscriptions of Darius the Great. Old Persian Text // Cl. I. Pt. 1. Vol. 1. London, 1991.
- Schorr M.* Urkunden des altbabylonischen Zivil- und Prozessrechts. Leipzig, 1913.
- Schwartz M.* Studies in the Texts of the Sogdian Christians. Berkeley, 1967.
- Scripta Gregoriana.* Сборник в честь семидесятилетия академика Г. М. Бопгард-Левина. М., 2003.
- Seidl E.* Ägyptische Rechtsgeschichte der Saiten- und Persezeit. Glückstadt, 1968.
- Seidl U.* Achaemenidische Entlehnungen aus der urartäischen Kultur // Achaemenid History. VIII: Continuity and Change / H. Sancisi-Weerdenburg et al. (eds.). Leiden, 1994.
- Shea W. H.* An Unrecognized Vassal King in Babylon in the Early Achaemenid Period // Andrews University Seminary Studies. 9/2. 1971.
- Shea W. H.* Nabonidus, Belshazzar, and the Book of Daniel: an Update // Andrews Univ. Seminar Studies 20. 1982.
- Shiff L.* The Nur-Sin Archive: Private Entrepreneurship in Babylon. University of Pennsylvania. 1987.
- Singer I.* The Ancient Near East // IOS. 14. 1994.
- Szlechter E.* Essai d'explication des clauses: muttatam gullubu, abuttam šakanu et abuttum gullubu // ArOr. 17/2. 1949.

- Smith S.* Isaiah Chapters XL-LV. London, 1944.
- Soden W. von.* Akkadisches Handwörterbuch. Wiesbaden, 1959-1981.
- Soden W. von.* Aramäische Wörter in neuassyrischen und neu- und spätbabylonischen Texten. Ein Vorbericht. I // Or. 35. 1966.
- Soden W. von.* Kyros und Nabonid. Propaganda und Gegenpropaganda // AMI. Ergänzungsband 10. 1983.
- Sollberger E.* The Cuneiform Tablets in the Chester Beatty Library, Dublin // RA. 74. 1980.
- Spar I.* Studies in Neo-Babylonian Economic and Legal Texts // Dissertation, University of Minnesota. Minneapolis, 1972.
- Spiegelberg W.* Die sogenannte Demotische Chronik des Papyrus 215 der Bibliothéque Nationale zu Paris // Demotische Studien. 7. Leipzig. 1915.
- Stamm J. J.* Die akkadische Namengebung. Leipzig. 1939.
- State Gods and Private Religion in the Near East in the First Millennium B C E // Religion and Politics in the Ancient Near East / A. Berlin (ed.). Bethesda. 1996.
- Steimetzger F. Y.* Die Bestellungs-Urkunde Königs Šamaš-šum-ukīn von Babylon // ArOr. VII. 1935.
- Steiner R. C.* Why the Aramaic Script was Called 'Assyrian' in Hebrew, Greek, and Demotic // Or. 62. 1993.
- Stenkeller P.* Land-Tenure Conditions in Southern Babylonia under the Sargonic Dynasty // AOAT. 267. 1999a.
- Stenkeller P.* Land-Tenure Conditions in Third-Millennium Babylonia: The Problem of Regional Variation // Urbanization and Land Ownership in the Ancient Near East (PMB 7) / M. Hudson, B. A. Levine (eds). Cambridge, MA, 1999b.
- Steve M.-J.* Inscriptions des Acheménides à Suse // Studia Iranica. 3. 1974. 4. 1975.
- Stevenson J. H.* Assyrian and Babylonian Contracts with Aramaic Reference Notes. New York, 1902.
- Stigers H. G.* Neo- and Late Babylonian Business Documents from the John Frederick Lewis Collection // JCS. 28. 1976.
- Stol M.* Un texte oublié // RA. 71. 1977.
- Stol M.* Beer in Neo-Babylonian Times // HANES. 6. 1994.
- Stol M.* (ed.). Magic and Rationality in Ancient Near Eastern and Greco-Roman Medicine // Studies in Ancient Medicine. 27. 2004.
- Stolper M. W.* Management and Politics in Later Achaemenid Babylonia. New Texts from the Murašû Archive. 1974 (диссертация, защищена в Мичиганском университете).
- Stolper M. W.* Belšunu the Satrap / Ed. F. Rochberg-Halton // Language, Literature, and History: Philological and Historical Studies Presented to Erica Reiner. New Haven. 1987.
- Stolper M. W.* Entrepreneurs and Empire. The Murašû Archive, the Murašû Firm, and Persian rule in Babylonia. Leiden, 1985.
- Stolper M. W.* The šaknu of Nippur // JCS. 40. 1988.
- Stolper M. W.* Registration and Taxation of Slave Sales in Achaemenid Babylonia // ZA. 79. 1989a.
- Stolper M. W.* The Governor of Babylon and Across-the-River in 486 BC // JNES. 48. 1989b.
- Stolper M. W.* Tobits in Reverse: More Babylonians in Ecbatana // AMI. 25. 1990.
- Stolper M. W.* Murašû, Archive of / Ed.: D. N. Freedman // The Anchor Bible Dictionary. 4. New York, etc., 1992a.
- Stolper M. W.* The Murašû Texts from Susa // RA. Vol. 86. 1992b.
- Stolper M. W.* On interpreting tributary relationships in Achaemenid Babylonia // ТЕР.
- Stolper M. W.* On Some Aspects of Continuity Between Achaemenid and Hellenistic Babylonian Legal Texts // Achaemenid History. VIII / H. Sancisi-Weerdenburg et al. (eds.). Leiden. 1994.
- Stolper M. W.* Three Iranian Loanwords in Late Babylonian Texts // Bibliotheca Mesopotamica. 7. 1977.

- Stone E. C., Owen D. I.* Adoption in Old Babylonian Nippur and the Archive of Mannum-mešu-liššur. Winona Lake, 1991.
- Strassmaier J. N.* Die babylonischen Inschriften im Museum zu Liverpool // Actes du sixième congrès international des Orientalistes. Deuxième partie. Leude. 1885.
- Strassmaier J. N.* Inschriften von Nabonmidus. König von Babylon // Babylonische Texte. I-IV. Leipzig, 1889a.
- Strassmaier J. N.* Inschriften von Nabopolassar und Smerdis // ZA. IV. 1889b.
- Strassmaier J. N.* Inschriften von Nabuchodonosor. König von Babylon // Babylonische Texte. V-VI. Leipzig, 1889c.
- Strassmaier J. N.* Inschriften von Cambyses. König von Babylon // Babylonische Texte. VIII-IX. Leipzig, 1890a.
- Strassmaier J. N.* Inschriften von Cyrus. König von Babylon // Babylonische Texte. VII. Leipzig, 1890b.
- Strassmaier J. N.* Inschriften von Darius. König von Babylon // Babylonische Texte. X XII. Leipzig, 1897.
- Strassmaier J. N.* Einige kleinere babylonische Keilschrifttext aus dem Britischen Museum // Actes huitième congrès international des Orientalistes. Leiden, 1893.
- Szlechter E.* Les assemblées en Mesopotamie Ancienne // Liber memorialis George de Lagarde. Nauwelaerts, 1970.
- Tadmor H.* The Inscriptions of Nabunaid: Historical Arrangement. Studies in Honor of Benno Landsberger // Assyriological Studies. 16. Chicago, 1965.
- Tadmor H.* The Aramaization of Assyria: Aspects of Western Impact // Mesopotamien und seine Nachbarn / H.-J. Nissen, J. Renger (eds.). Berlin, 1982.
- Tallqvist K. L.* Neubabylonisches Namenbuch. Helsingfors, 1906.
- Tarn W. W.* The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1948.
- The Cuneiform Inscriptions of Western Asia. V. London, 1909.
- Thieme P.* Über einige persische Wörter im Sanskrit // ZDMG. 91. 1937.
- Thompson R. C.* Assyrian Medical Texts. London, 1923.
- Thompson R. C.* A Catalogue of the Late Babylonian Tablets in the Bodleian Library. London, 1927.
- Thureau-Dangin F.* La fin de l'empire Assyrien // RA. 22. 1925.
- Unger E.* Babylon, die heilige Stadt nach der Beschreibung der Babylonier. Berlin, 1970.
- Ungnad A.* Babylonische Familiennamen // AnOr. 12. 1935.
- Ungnad A.* Neubabylonische Rechts- und Verwaltungskunden. Glossar. Leipzig, 1937.
- Ungnad A.* Neubabylonische Privaturkunden aus der Sammlung Amherst // AfO. 19. 1959/60.
- Vallat F.* Table Elamite de Darius I // RA. 64. 1970.
- Vallat F.* Deux nouvelles «chartes de fondation» d'un palais de Darius I a Susa // Syria XLVIII. 1971.
- Vallat F.* Deux inscriptions elamites de Darius I // StI. I. 1972a.
- Vallat F.* Epigraphie Achéménide // CDAFI. 2. 1972b.
- Vargyas P.* A History of Babylonian Prices in the First Millennium B.C. 1. Prices of the Basic Commodities // Heidelberger Studien zum Alten Orient. 10. Heidelberg, 2001.
- Veenhof K. R.* A Deed of Manumission and Adoption from the Later Old Assyrian Period // Zikir šumim. Assyriological Studies Presented to F. R. Kraus. Leiden, 1982.
- Vergote J.* [Рец. на кн.:] *Edel E.* Neue Deutungen... // BO. XL. 1983.
- Vittmann G.* Zu einigen keilschriftlichen Umschreibungen ägyptischer Personennamen // Gottingen Miscellon. 70. 1984.
- Vogelsang W.* Gold from Dardistan. Some comparative remarks on the tribute system in the extreme Northwest of the Indian subcontinent // TEP.
- Voiglander E. N. von.* The Bisitun Inscription of Darius the Great. Babylonian Version // CI. I. Pt. 1. Vol. II. London, 1978.

- Waerzeggers C.* The Babylonian Revolts against Xerxes and the 'End of Archives' // AfO. 50. 2003/2004.
- Waerzeggers C.* Neo-Babylonian Tablets in the Royal Museums of Art and History in Brussels // Akkadica. 126. 2005.
- Waetzoldt H.* Compensation of Craft Workers and Officials in the Ur III Period // AOS. 68. 1987.
- Walker C. B. F.* A Recently Identified Fragment of the Cyrus Cylinder // Iran. 10. 1972.
- Walser G.* Die Volkerschaften auf den Reliefs von Persepolis. Berlin, 1966.
- Waterman L.* Royal Correspondence of the Assyrian Empire. Ann Arbor, 1930; reprint. 1972.
- Weidner E. F.* Jojachin, König von Juda, in babylonischen Keilschrifttexten // Mélanges syriens offerts à René Dussaud. Paris, 1939.
- Weidner E. F.* Keilschrifttexte nach Kopien T. G. Pinches // AfO. 16. 1952/1953.
- Weinfeld M.* Cult Centralization in Israel in the Light of a Neo-Babylonian Analogy // JNES. 23. 1964.
- Weinfeld M.* Social Justice in Ancient Israel and in the Ancient Near East. Jerusalem, 1995.
- Weinfeld M.* Tithe // Encyclopaedia Judaica. 14. New York, 1971.
- Weissbuch F. H.* Babylonische Miszellen (WVDOG 4). 1903.
- Weissbuch F. H.* Die Keilschriften der Achämeniden. Leipzig, 1911.
- Welles C. B.* Manumission and Adoption // Revue Internationale des Droits de l'Antiquité. 3. 1949.
- Westbrook R.* Biblical and Cuneiform Law Codes // RB. 92. 1985.
- Westenholz A.* Mesopotamien. Akkade-Zeit und Ur III-Zeit // Orbis Biblicus et Orientalis. 160/3. 1999.
- Westermann W. L.* The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity. Philadelphia, 1955.
- Wetzel F.* Babylon zur Zeit Herodots // ZA. 48. 1944.
- Weszeli M.* Frauen im Wirtschaftsleben Mesopotamiens (7-5. Jh. v. Chr.) // Frauenreichtum: Die Frau als Wirtschaftsfactor im Altertum. Edith Specht (Hrsg.). Wien, 1994.
- Wetzel F., Schmidt E., Mallwitz A.* Das Babylon der Spätzeit // WVDOG. 62. 1957.
- Wheeler M.* The transformation of Persepolis architectural motifs into sculpture under the Indian Mauryaji dynasty // Acta Iranica 2. Leiden, 1974.
- Wiesehofer J.* *Tauta gar en atelea*. Beobachtungen zur Abgabefreiheit im Achaimenidenreich // TEP.
- Wilhelm G.* La première tablette cunéiforme trouvée à Tyr // Bulletin du Musée de Beyrouth 26. 1973.
- Wiseman D. J.* Chronicles of Chaldean Kings. London, 1961.
- Wiseman D. J.* Some Egyptians in Babylonia // Iraq. 28. 1966.
- Wiseman D. J.* Nebuchadnezzar and Babylon. Oxford; New York, 1985.
- Wunsch C.* Die Urkunden des babylonischen Geschäftsmannes Iddin-Marduk // CM. III A. B. Groningen. 1993.
- Wunsch C.* Die Jugendsünden eines Babyloniers aus gutem Hause // AoF. 24. 1997.
- Wunsch C.* Neu- und spätbabylonische Urkunden aus dem Museum von Montserrat // AuOr 15. 1997.
- Wunsch C.* Und die Richter berieten... // AfO. 44-45. 1997-1998.
- Wunsch C.* Das Egibi-Archiv. Die Felder und Gärten // CM. XX A. B. 2000.
- Wunsch C.* Findelkinder und Adoption nach Neubabylonischen Quellen // AfO. 50. 2003/2004.
- Yardeni A.* Maritime Trade and Royal Accountancy in an Erased Customs Account from 475 B C E on the Ahiqar Scroll from Elephantine // BASOR. 293. 1994a.
- Yardeni A.* Maritime Trade and Royal Accountancy in an Erased Customs Account from 475 B C E on the Ahiqar Scroll from Elephantine // BASOR. 293. 1994b.
- Yaron R.* Introduction to the Law of the Aramaic Papyri. Oxford, 1961.
- Zaccagnini C.* The Rural Landscape of the Land of Arrapha // BO. 41. 1984.
- Zaccagnini C.* Markt // RIA. 7. 1989.
- Zaccagnini C.* Prehistory of the Achaemenid tributary system // TEP.
- Zadok R.* On the Connections between Iran and Babylonia in the Sixth Century B C // Iran. 14. 1976.
- Zadok R.* Iranians and Individuals Bearing Iranian Names in Achaemenian Babylonia // IOS. 7. 1977a.
- Zadok R.* On Some Egyptians in First-Millennium Mesopotamia // Göttingen Miszellen. 26. 1977b.

- Zadok R.* Phoenicians, Philistines, and Moabites in Mesopotamia // BASOR. 230. 1978.
- Zadok R.* On Some Foreign Population Groups in First-Millennium Babylonia // Journal of the Tel Aviv University. Institute of Archaeology. 6. N 3-4. 1979.
- Zadok R.* Arabians in Mesopotamia during Late-Assyrian, Chaldean, Achaemenian and Hellenistic Periods Chiefly According to the Cuneiform Sources // ZDMG. 131. 1981a.
- Zadok R.* Babylonian Notes // BO. XXXVIII. 1981b.
- Zadok R.* More Iranians in Achaemenid Babylonia // III. 26. 1983.
- Zadok R.* Assyrians in Chaldean and Achaemenian Babylonia // Assur. 4/3. 1984a.
- Zadok R.* Assyro-Babylonian Lexical and Onomastic Notes // BO. 41. 1984b.
- Zadok R.* Geographical Names According to New- and Late Babylonian Texts (RGTC 8). Wiesbaden. 1985.
- Zadok R.* A Group of Late-Babylonian Letter-orders and Administrative Documents // NABU. 1997.
- Zadok R.* An Achaemenid Queen // NABU. 2002.
- Zadok R., Zadok T.* Two Deeds from the Šaddinnu Archive // NABU. 2003.
- Zuehner R. C.* The Dawn and Twilight of Zoroastrianism. London. 1961.
- Zawadzki S.* Cyrus -- Cambyses' Coregency // RA. 90. 1996.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

- Абаев В. И. 418
Абимелех 197
Абрахам К. 327, 331, 332
Авраам 197, 201
Адад 82, 278, 378, 387, 395, 410, 411, 420, 439
Ада-гуппи 59
Айнайр 52
Айя 138, 423
Александр 167
Александр Македонский 53, 105, 147, 167, 315, 351, 374, 379, 389, 395
Алиев И. Г. 309
Аллах 381
Альтгейм 91
Амасия 197
Амиссири 313
Амитида 46
Аммалату 55
Амми-цадука 191
Амон 333, 371, 385, 388, 389, 419–421
Анахита 387, 406, 416, 422
Андреев 204, 205
Антиох I 54
Ану 36, 179, 423
Ану-шар-уцур 75, 289
Ануниту 64, 137, 165, 338
Аполлон 112
Аравия 50
Арад-Гула, сын Шамаш-икиши 114, 115, 182
Араха 53, 339, 340, 428
Арбатама 363
Арбатем 58
Аристотель 166, 204, 442
Ариярата 419, 421
Арриан 348, 350
Арришитт 352
Арсам 440
Артабат 351
Артаксеркс I 77, 128, 186, 316, 327, 350, 352, 412, 413
Артаксеркс II 50, 78, 152, 153, 183, 246, 327, 341, 350, 412, 413, 422, 437
Артаксеркс III 55, 107, 350, 422
Артамбар 368
Артан 132
Артаруш 245, 246
Артафрен 105, 440, 441
Аргистона 132, 440
Арукку 69
Аршам 131, 135, 150, 157, 159, 160, 315, 319, 435
Асархаддон 36, 69, 158, 321, 326, 345
Аспатин 441
Аспумеган 245
Асугатик 245
Астарта 380, 386, 390, 397
Астиаг 416
Атон 379, 386, 396
Атураман 316
Афиней 103
Ахаз 197
Ахемени 131, 150–152, 440
Ахсмениды 20, 55–58, 70–72, 85, 103, 105–107, 112, 119, 132, 133, 154, 156, 194, 249, 252, 315, 322, 323, 342, 375, 378, 388, 389, 392, 401, 404–407, 418–422, 437, 438, 445
Ахийя 363
Ахиш 197, 203
Ахрагуш 316
Ахурамазда 60, 70, 350, 375, 378, 380, 387–389, 394–396, 401, 404, 406, 410, 412, 416, 418–420, 422, 439
Аххешая 18, 143, 164
Ахшети 363
Ашшур 37, 70, 389, 401
Ашшурбанапал 37, 52, 70, 71, 168, 192, 205, 283, 298, 322, 356, 374

Б

- Баба-икиша 82
Баба 11, 12, 298, 398

Бага 316, 317, 371
 Багавир 55, 56
 Багадата 313, 316, 318, 338, 368
 Багазушту 318, 346, 351, 352, 368
 Багамири 363, 368
 Багана 352
 Багапат 318, 351, 352, 412
 Багасар 89, 90, 145, 266
 Багбарта 389
 Багиязу 310, 317
 Бардия 114, 258
 Барики 317, 318
 Баури 57
 Бел 75, 76, 92, 148, 169, 180, 263, 286, 317, 328, 379, 388, 391, 395, 423-425
 Бел-аххе-иддин 81, 187, 253, 325
 Бел-ибни 186, 187, 296, 369, 378
 Бел-иттанну 316, 317, 328, 352, 368
 Бел-ремани 92, 93, 97, 98, 118, 140, 260, 285
 Бел-убаллит 81, 82, 84, 97, 243
 Бел-уцуршу 88
 Бел-шар-уцур 42, 51, 64, 82
 Бел-шарру-уцур (Валтасар) 63
 Бел-шимани 53
 Бел-этир 58, 92, 118, 122, 180, 185
 Белет Урукская 83, 289, 293, 334, 430
 Белшуну 87, 88, 289, 335, 359
 Бенвенист 152, 416, 418, 440
 Берлев О. Д. 419
 Бернар П. 413-415
 Беросс 46, 51, 59, 60, 64, 348, 422
 Бесс 315, 351
 Биггс 285, 286, 329, 331, 421
 Бикерман Э. Дж. 421
 Блуа де 212, 239, 240
 Богерт 242
 Боголюбов М. Н. 8, 413-415
 Больё 42, 59, 63, 82, 83, 85, 423
 Бонгард-Левин Г. М. 177, 221, 349
 Бонгенаар 183, 364, 366, 423
 Боттеро 367
 Боуман Р. 413, 414
 Брешиани 107
 Бринкман 158
 Будда 376
 Бумаса 312
 Бунене 64, 138, 423

В

Ваал 380, 397
 Валтасар 51, 64

Вейнфельд 205
 Вейсберг Д. 164
 Веретрагна 416
 Вестерманн В. Л. 216
 Вигасин А. А. 217
 Виденгрэн Г. 418
 Визехёфер 106, 445
 Виндафарн 53
 Воаз 197
 Вулли Л. 347
 Вунш К. 177, 182, 253, 272, 306, 425, 427

Г

Гадата 153, 421
 Гамбия 368
 Гарпаг 348
 Гаумата 47, 77, 114, 436
 Гезихий 240
 Гекатей 402
 Гекатей Милетский 348
 Гельб 15
 Гераклид из Киме 130
 Геродот 20, 28, 30, 49, 51, 53, 54, 60, 66, 80, 100-106, 113, 114, 131, 132, 216, 284, 297, 298, 300, 302, 310, 315, 319, 320-323, 326, 348-351, 379, 381, 383, 388, 395, 401, 402, 415-418, 420, 432-442
 Гершевич И. 152, 238, 356, 408-410, 413, 415-418
 Геше 285
 Гилгамеш 383, 442
 Гимиллу 73, 115-117, 126, 144, 186, 254, 255, 261, 263, 268, 296
 Гиоргадзе Г. Г. 215, 216, 221, 224
 Гиппокраг 284
 Гиршман Р. 446
 Гноли 417
 Гобрий 72-78, 80, 122, 135, 310, 311, 323
 Голиаф 198
 Гор 333, 419
 Гриффильд 239
 Губарру 352
 Губару (Гобрий) 45, 54, 310
 Гузану 24, 97, 119, 120
 Гула 284, 285
 Гунгунум 347

Д

Дабберштейн В. 78, 80
 Давид 197, 198, 201, 203, 383, 397, 421
 Дадаршиш 339, 340

Дайна-Маздясниш 379, 388, 395
 Далли 71, 80, 366
 Даниил 40, 51, 59, 63, 64
 Даргман 314
 Дарий I 20, 47, 48, 52, 54, 55, 58, 65, 66, 70,
 72, 77, 81, 84, 87-89, 92, 100-106, 112, 115,
 118, 119, 123, 125, 126, 128, 130-132, 135,
 150, 151, 153, 155, 162, 171-173, 184, 225,
 238, 239, 245, 246, 264, 266, 269, 297, 303,
 305, 312, 313, 315, 319, 322, 324, 331, 332,
 335, 338, 339-341, 343, 344, 347, 348, 350,
 353, 363, 366, 370, 375, 385, 387, 401, 404,
 406, 416, 418-422, 425, 428-433, 436-441,
 445
 Дарий II 55, 77, 119, 131, 148, 184, 294, 295,
 316-319, 324, 325, 327-329, 335, 341, 352,
 413
 Дарий III 389
 Дармакк 316
 Дассов Е. фон 181, 186
 Дагамитра 410, 412-414
 Датия 441
 Даян-Мардук 181
 Деймель А. 12
 Демокрит 383, 402
 Деска Р. 102
 Лиллард 357
 Диодор Сицилийский 385, 406
 Доуррти 62
 Драйвер 157, 319
 Дриль ван 17, 143, 183
 Дундана 151
 Духхабат, сын Игбаррата 344, 361
 Дьяконов И. М. 11, 12, 15, 16, 37, 91, 213-219,
 221, 224, 229, 270, 319, 322, 323, 326, 340,
 376, 379, 381, 382, 384, 415, 416, 418, 444,
 445
 Дюшен-Гийемин 410, 411, 417, 418

Ж

Жоаннес 19, 26, 84, 155, 164, 255, 327, 328,
 330, 331, 335, 365, 366

З

Забини 316, 317
 Закканини 27
 Заккур 178
 Заратуштра 408, 415-418, 421
 Зарпаниту 255, 292, 299, 308, 389, 391, 423
 Зельин К. К. 219, 220
 Зоден фон 59, 84

Зопир 437
 Зороастр 376, 380, 387, 396

И

Иаков 197, 201
 И.ддин-Мардук 24, 25, 117, 118, 126, 137, 268,
 271, 426, 427, 429
 Илдин-Набу 115, 131, 180, 186, 253, 270, 275,
 316, 317, 368
 Иезекииль 177, 369
 Иеремия 198, 207
 Икишайя 97, 117, 137, 142, 143
 Ильин Г. Ф. 229, 230
 Инанна 261
 Инар 150
 Иоаким 49
 Иов 201, 203, 210, 377, 390, 394
 Иосия 197
 Иосиф 200
 Иосиф Флавий 52, 60, 100
 Ирташдуна 132, 440
 Исая 52, 203
 Исила 333, 371, 419
 Исидор Харакский 414, 415
 Искудуру 316
 Иснатар 316, 317
 Исаак 197, 201
 Итти-Мардук-балату 24, 26, 141, 144, 268,
 270-273, 304, 313, 338, 426
 Итти-Шамаш-балату 161-163, 292, 293
 Итти-Энлиль-балату 82
 Иштабузан 55, 151
 Иштар 21, 32, 74, 83, 110, 137, 170, 179, 256,
 276, 299, 302, 304, 345, 383, 391, 425
 Ишхара 254, 259, 265, 266

К

Кадашман-Энлиль 58
 Какия 312, 363
 Калбайя 73, 181, 338, 357
 Кальмейер 65
 Камбиз 30, 45, 54, 58, 72, 73, 75-79, 81, 100,
 118, 122, 131, 134, 135, 154, 156, 158-161,
 245, 246, 263, 270, 290, 291, 293, 296, 297,
 312, 320, 323, 328, 333, 334, 336, 347, 361,
 366, 403, 419-421, 429, 436
 Камерон Дж. 412-414, 440, 441
 Канишурра 181
 Карибу 254
 Карл Поляний 149
 Кассандана 441

Каутилья 217
 Кент 238
 Кёхер 284
 Киаксар 46, 49, 326
 Кир I 69
 Кир II 39, 40, 43-45, 51, 52, 54, 59, 60, 64, 66, 67, 69, 70, 72, 75, 76, 78-81, 90, 100, 112, 114, 122, 134, 153-155, 159, 160, 162, 169, 183, 289, 290, 293, 297, 310-312, 334, 339, 343, 347, 348, 358, 359, 370, 386, 403, 416, 419-421, 429, 434, 436, 440, 441
 Кир Младший 78, 132, 153, 284
 Клима 288, 353
 Козырева 15, 224
 Коростовцев М. А. 218, 219
 Кох 239
 Кошакер 300
 Ксенофонт 40, 51, 53, 56, 64-66, 78, 88, 104, 131, 132, 153, 284, 302, 308, 310, 311, 348, 437
 Ксеркс 53, 77, 113, 118, 147, 150, 266, 269, 297, 315, 319, 322, 331, 341, 350, 351, 375, 387, 388, 403, 413, 416, 418, 419, 421, 422, 433, 436, 438, 440
 Ктесий 130, 353
 Курций Руф 136
 Куцурая 76
 Кычанов Е. И. 216
 Кэмерон 245

Л

Лабат 283, 284
 Лабашы-Мардук 60, 82
 Лабинет 49, 51, 60
 Ламберт 37, 42, 59, 62
 Лас 423
 Левин Б. А. 221, 413
 Лееманс 242
 Лившиц В. А. 92, 413-415
 Ликти 161
 Липит-Иштар 194
 Лот 197
 Лугальанд 242
 Луконин В. Г. 103, 133, 221, 308, 373, 375, 378, 394, 446
 Льюис 357, 441

М

Малбанну 310
 Мадумигу 313
 Мазай 53
 Майрхофер М. 92, 356, 413

МакГиннис 24
 Маништусу 12, 213
 Мануштану 363
 Мардоний 351, 388, 420, 439
 Мардук 22, 32, 35-40, 42, 50, 51, 53, 60-62, 70, 71, 78, 81, 108, 138, 161-163, 168, 254, 255, 292, 299, 308, 331, 357, 377, 379, 385, 386, 389-391, 393, 395, 396, 403, 419-421, 423, 424
 Мардук-нацир-апли 24, 90, 145, 232, 273, 331, 332, 426, 427
 Мардук-шаник-зер 270-274
 Мардук-шум-иддин 254
 Маркс К. 223
 Мегабиз 53, 441
 Мегибаршу 324
 Мейер Эд. 380, 396
 Мейсснер 111, 112
 Меликишвили Г. А. 219, 221, 224
 Менаш де 413
 Мендельсон 230
 Милано 301
 Милком 421
 Миллард А. 75
 Мин 419
 Митра 371, 378, 383, 387, 406, 409, 410, 413, 416, 419, 422
 Митрадат 378, 413
 Митридат 55, 90, 182, 183, 363, 368
 Митридат I 54
 Моисей 197
 Моргенштерне Г. 349
 Мурану 24, 119, 225, 243, 261
 Мурашу 18, 19, 25, 26, 55, 56, 58, 77, 86, 87, 104, 105, 115, 118, 119, 131, 133, 141, 148, 150, 151, 155, 171, 184, 189, 198, 228, 233, 244, 248, 250, 251, 280, 288, 294, 296, 298, 300, 301, 312, 314-319, 324, 330, 332, 335, 338, 341, 344, 352, 360, 363, 365, 370, 371, 403, 409
 Мухаммед 376

Н

Набонид 18, 21, 24, 38-43, 49, 54, 57, 59-65, 67, 71, 79, 81, 85, 111, 113, 115-118, 132, 139, 142, 144, 153, 154, 156, 159, 162, 168, 169, 180-182, 184, 192, 232, 243, 244, 246, 254, 255, 257, 270, 272, 286, 289, 291, 292, 299, 302, 303, 305, 307, 308, 310, 311, 322, 334, 336, 339, 340, 343-346, 357, 359, 362, 364-366, 379, 386, 387, 395, 403, 424, 428

Набопаласар 37, 46, 49, 76, 168, 192, 246, 274, 356, 423, 427
 Набу 26, 32, 36–38, 61, 75, 108, 144, 180, 181, 261, 278, 292, 299, 386, 391, 419, 423–425
 Набу-аххе-буллит 54
 Набу-аххе-иддин 24, 118, 144, 159, 181, 272, 286, 304, 358
 Набу-зер-ибни 82, 84
 Набу-нацир 83, 141, 180, 181
 Набу-шар-уцур 82, 164, 302, 333
 Набу-шум-иддин 274, 155, 270, 273
 Набугу 77
 Навуходоносор I 245
 Навуходоносор II 18, 25, 37, 38, 40, 46, 48, 49, 59, 60, 64, 65, 68, 71, 75, 84, 112, 116, 132, 137, 143, 158, 163, 164, 168, 175, 177, 179, 182, 197, 208, 244, 246, 270, 292, 295, 296, 299, 303, 304, 308, 310, 311, 322, 333, 334, 337, 343, 345, 358, 360–363, 365, 371, 400, 421–424, 431, 433
 Навуходоносор III см. Нидингу-Бел
 Навуходоносор IV см. Араха
 Напайя 53, 180, 278, 292, 302, 304, 430, 431
 Напен 316
 Напени 316, 317
 Нарам-Суэн 374, 392
 Нарамсин 12
 Несмия 105, 199, 201, 380, 386, 403
 Нейт 108, 379, 385, 386, 395, 403, 406, 419
 Нектанеб 108
 Немет-Нежат К. 436
 Нергал 32, 38, 83, 289, 344, 386, 422–425, 427, 428
 Нергал-шар-уцур 159, 424
 Нериглиссар 33, 59, 60, 162, 345
 Неусыхин А. И. 229
 Нехо 46, 49
 Нехтихор 157
 Нидингу-Бел 52, 53, 81, 85, 341, 378
 Никифоров В. Н. 219, 229
 Никольский М. В. 444
 Нилацдер К. 413
 Ниначку 312
 Нингирсу 11
 Ницурга-этир 151, 316
 Нинпур 427
 Пириабигна 246
 Ной 198
 Нунтайя 24, 97
 Нур-Син 24, 117, 118, 126, 137, 151, 268, 271, 426
 Нуску-балассу-икби 59

О

Олмстед 111, 338, 349, 352
 Оппенхейм А. Ј. 27, 59, 119, 137, 149, 187, 230, 284–286, 294, 301, 381, 391

П

Пади-Эси 368
 Памуну 334, 361
 Пани-Эси 335
 Парисатилда 55, 56, 131, 313, 324
 Паркер Р. 80
 Паргамму 58
 Парурё 352
 Патан-Эси 334
 Пагиштан 316
 Патнашу 335, 361
 Пауэлл 301–303
 Пибель А. 407
 Перикл 216
 Пиотровский Б. Б. 325, 326
 Писусасмакаш 335, 361
 Питибири 335
 Плиний Старший 347
 Плутарх 132, 153, 375, 381, 388
 Полиэн 130
 Поляни 27, 28
 Порген 239
 Постгейт 72
 Поувелл 147, 182
 Прексасп 441
 Псевдо-Аристотель 103, 107, 122, 437
 Пулу 33
 Пфейффер 357, 358

Р

Разамарма 245
 Разамумарг 245
 Раулинсон Г. 238
 Рейнер 285
 Реллиг 71
 Ренгер 16, 28
 Рикис-калам-Бел 88, 89
 Римут 82–85, 118, 142, 153, 243, 279, 295, 322, 345
 Римут-Нинурта 119, 151, 184, 233, 291, 316–318, 324, 325, 327–330, 332, 341, 352, 429
 Ровоам 202
 Рот 175, 180, 256

Руфь 197
 Рушундат 56
 Рушундати 368
 Рушунпатиш 56

С

Сайс А. 442
 Сакита 324
 Салонен А. 288, 296, 299
 Саманнапир 335
 Самуил 100, 202
 Сан-Николо М. 80, 84, 112, 135, 155, 179, 254, 275
 Саргон 64, 345
 Саргон II 37, 71, 158, 222, 321
 Саргон Аккадский 347
 Сасаниды 54
 Сатибарзан 315
 Саул 201, 203
 Седекий 199
 Селевк I 53, 54
 Селевкиды 53, 54, 100
 Сиеннессий 49, 60
 Симут 410, 419, 420
 Син 32, 38–40, 42, 49, 50, 59–61, 64, 108, 292, 294, 299, 343, 356, 368, 379, 386, 396
 Син-или 25, 280, 424
 Син-шар-ишкун 158
 Синаххериб 36, 37, 157, 167, 176, 321, 386
 Сингер 367
 Сисамн 30
 Скилак 348
 Смердис 114, 116
 Смит 62
 Сократ 351
 Соломон 197, 198, 201, 202
 Спар А. 186
 Спар И. 181
 Стейнкеллер 13, 14
 Сте Круа 204
 Стол М. 302, 364, 447
 Столпер М. 79, 87, 88, 106, 107, 116, 119, 147, 160, 328–330, 338, 360
 Страбон 348, 412, 416, 417
 Струве В. В. 13, 218, 223, 224, 418, 444

Т

Габия 25, 280–282, 424
 Гадмор 60, 61
 Тарн 104, 350
 Татаккая 320

Татнай 54
 Тах 419
 Тахос 108
 Темуда 346
 Тиглатпаласар III 33, 158, 197
 Тил-Гул 116
 Тирадаг 317
 Тирибаз 325
 Тиридат 316, 317
 Тирипарн 325
 Тирияма 324
 Тиштрия 416
 Толстой Л. Н. 444
 Томпсон 283
 Турм 409, 410
 Тюменев 13

У

Уаджит 419
 Уайзман 356
 Уайгхед 160
 Угбару 51, 52, 54, 72, 79, 310
 Удунат 55
 Умардат 55
 Умму-хан 210, 212
 Унгнад А. 80, 84, 155, 254, 275, 332
 Урашу 32
 Урукагин 242
 Ускудуру 316
 Успатару 316
 Ухабанна 343, 360, 363
 Ухсегаму 58, 363
 Ухия 312
 Уштабузан 316
 Уштану 54, 332
 Ушукая 320

Ф

Фарназафр 351
 Фарнак (Гарнак) 58, 79, 135, 354, 355, 363, 368, 409, 412, 437, 438, 440
 Феопомн 103
 Финли М. 204, 208, 211, 216
 Фогельзанг 104
 Фостер Б. 448
 Фрадат 131, 150–152
 Фрейм Г. 79, 176
 Фукидид 442

Х

Халабага 368
 Хазель 61
 Халди 340, 389
 Халдит 53, 339
 Халлок 152, 238, 239, 356, 378, 395, 407, 410, 411, 420, 439
 Халтику 18, 143
 Хам 198
 Хамадан 422
 Хаммурапи 15, 16, 30–32, 149, 178, 191, 192, 194, 195, 210, 242, 284, 373, 442
 Ханаан 198
 Ханат-Эси 334
 Хануну 365
 Хапи 333
 Хармацу 334, 335, 361, 371
 Харриумаз 316, 317
 Харшин 314
 Херреншмидт 106
 Херцфельд 323, 349
 Хильпрехт Х. 353
 Хинц 92, 130, 152, 238, 239, 410, 411, 413, 416, 418
 Хор 374, 392
 Христос 376
 Хумардат 55, 151
 Хумаг 325
 Хумбан 378, 394, 395, 410, 411, 419, 420, 439
 Хуру 334, 335
 Хурушшадат 317, 318

Ц

Цадок 66, 67, 71, 88, 92, 155, 275, 313, 327, 338, 342, 343, 360, 363, 364, 366
 Ценер 416–419
 Цилла 109, 111, 159
 Циллайя 76, 164, 271
 Циха 86, 87, 151
 Цихайя 186
 Цицерон 216

Ч

Чехович Н. О. 331, 365, 366

Ш

Шаддинну 274 280
 Шадуну 81

Шамаш 18, 22, 23, 32, 36, 38, 61, 63, 81, 88, 89, 92, 137, 138, 140, 142, 161, 162, 168, 187, 245, 292, 293, 299, 306, 308, 386, 423, 424

Шамаш-нацир 97, 140, 318, 345
 Шамаш-шум-укин 37
 Шамаш-эриба 53
 Шаркалишарри 13
 Шарру-укин 179
 Шеа В. 79
 Шейль 75, 152
 Шеллиби 263–267, 269, 427
 Шенбацару 90
 Шилисрух 57
 Шимут 378
 Ширикти-Нинурта 115
 Ширку из семьи Эгиби 24, 118, 120
 Шмидт Э. 412
 Штиль 91
 Шула 227
 Шулайя 18, 142, 181
 Шульги 29, 374, 392
 Шумму 312

Э

Эа 36
 Эа-илута-бани 26
 Эбелинг 84, 135, 153, 154, 294, 427
 Эгиби 18, 24, 26, 79, 90, 113, 118, 120, 126, 132, 141, 144, 145, 181, 189, 193, 232, 247, 255, 257, 259, 260, 267, 270–274, 280, 304, 305, 312, 313, 324, 331, 332, 338, 362, 363, 425, 426
 Эдшард 16, 27, 30
 Эзра 380, 386, 420
 Эйлерс В. 315
 Экур 427
 Элайи 89
 Элиан 351
 Энлиль 36, 84, 108, 168, 277, 365, 423, 427
 Энлиль-шум-иддин 86, 148, 184, 294, 316, 352
 Эсагил-рагат 256–260, 262, 264, 267–269
 Эсхил 375
 Эф'ал И. 342, 345, 364, 367, 370
 Эфаль 360
 Эхнатон 379, 386, 396

Ю

Юрса 112, 301, 304–306, 364
 Юсифов 178

Я

Якобсон В. А. 63, 167, 270, 373
Яхве 197, 198, 371, 376, 378-380, 383, 384,
386, 388, 390, 393, 395-397, 419, 421

A-Z

Abbatema 356
Hanūnu 246
Tatakka` 320
Ušuka` 320

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

А

Абу-Хабба 137
Агаде 158
Азалла 303
Акес 134, 401
Аккад 39, 77, 194, 374, 392
Алешно 364
Аману 60, 73, 74, 76, 79, 80, 134, 135, 154, 155
Амагу 179
Амманану 60
амюргийские скифы 323
Аншан 69, 403
арабы 103, 342, 360, 369, 381, 399, 440
Аравийский полуостров 51, 342–345
аравитяне 342–346, 360, 361
Аравия 17, 39, 42, 50, 169, 343, 434
арамеи 17, 58, 198, 360, 419
Арахосия 133, 348, 350, 351, 412–415, 434
арахосцы 350
Арбела 65, 157
арейи 58, 314–319, 321, 360, 363
Арейя 315, 319, 348
Арзухина 157
ариспы 348
арийцы 349
Армения 321, 339, 340, 341, 434
армяне 339–342, 351
Ариабану 303
Аррапха 146, 158, 178
Аскалон 67, 358, 365
ассирийцы 17, 65, 157, 309, 310, 323, 347, 359, 360
Ассирия 17, 33, 36, 37, 46–48, 52, 54, 65–67, 69–72, 85, 98, 158, 168, 191, 192, 194, 241, 302, 303, 307, 310, 311, 321–323, 326, 337, 339, 348, 359, 386, 400, 401

Афганистан 321, 343, 348, 351, 360, 368, 402, 445, 448
Афины 210, 421, 438
афиняне 105
Афон 438
Африка 17, 401
Ахеменидская империя 17, 20, 54, 69–71, 78, 80, 81, 89, 98, 100, 102–105, 112–114, 122, 127, 128, 130, 135, 150, 153, 167, 168, 213, 248, 310, 311, 314, 315, 322, 323, 326, 330, 339, 341–343, 345, 348, 350, 351, 353, 355, 375, 382, 393, 394, 389–400, 402–406, 419, 428, 432–434, 436, 446
Ашшур 36, 46, 65, 66, 70, 314, 326, 373, 386

Б

бактрийцы 348, 351, 360
Бактрия 104, 208, 315, 351
Бактры 422
Балканский полуостров 351, 362
Банитайя 83, 281
Бахрейн 140, 347
Белуджистан 346, 347, 351
Берлин 253
Биби 67, 88, 89, 303, 365, 366
Бит-Амукани 174
Бит-кациру 121
Бит-раб-кацир 90
Бит-габ-Бел 90, 116, 117, 254, 425–427
Бит-шар-Бабили 142, 305
Битати 303
Ближний Восток 10, 25, 27, 55, 65, 67, 98, 100, 108, 112, 122, 127, 128, 135, 149, 173, 189–191, 193, 195, 197, 203, 205–207, 213, 219, 224, 228, 239, 242, 310, 372, 375, 384, 385–387, 390, 392, 399, 400, 402, 405–407, 432, 436, 438, 442, 446, 449
Борсиппа 19, 21, 25, 26, 32, 33, 38, 39, 41, 42, 52, 53, 58, 62, 64, 79, 80, 108, 144, 146, 156, 159, 169, 181, 184, 225, 252.

271, 274–277, 279–281, 283, 292, 297,
299, 312, 324, 330–333, 357, 362, 363,
386, 425–427

В

Вавилон 18, 19, 21–25, 28, 32–34, 36, 37,
39–42, 46, 49–55, 58, 61, 62, 64, 66, 70–74,
76–85, 88, 90, 92, 93, 97, 108, 113, 116–119,
122, 131–134, 136–138, 140–148, 153,
156, 158, 161, 167, 168, 170, 171, 174, 176,
177, 179–182, 184–186, 188, 192, 205, 208,
212, 232, 235, 240, 242–244, 246, 253, 254,
258, 259, 261, 262, 267, 270–273, 278–282,
289–293, 299, 301, 302, 304–306, 308, 310,
312–314, 324, 326, 328, 331–340, 343, 345,
346, 348, 353, 357, 360, 361, 363–365, 368,
369, 371, 374, 379, 381, 385, 386, 389–392,
395, 402, 421, 422, 424–430, 432, 433, 436,
437, 445

Вавилония 16–18, 20, 25, 28, 32, 33, 36–38,
40–42, 44, 46, 49, 50, 52–59, 62, 63, 65–67, 69,
71–73, 76–80, 85, 87, 89, 92, 98, 100, 102–108,
111, 112, 114–116, 122, 128, 131, 133, 134, 136,
148–150, 152, 153, 155, 157, 163, 165, 167–
169, 175–177, 182, 190–193, 195, 205–209,
211–213, 217, 221, 222, 224, 227, 229, 233,
236, 238, 241, 242, 246–248, 250, 252, 253,
257, 274, 284, 288, 296, 297, 300–303, 305,
307, 308, 310, 312–314, 316, 320, 321, 323,
324, 326, 327, 329–333, 335, 336, 338–343,
345–348, 351–353, 356, 358–361, 363, 364,
366, 367, 370, 377, 386, 388, 393, 399–401,
403, 419–421, 428, 432–434, 437, 438, 442,
446–448

вавилоняне 17, 46, 48, 49, 51–54, 57, 58, 65,
67, 71, 89, 90, 98, 104, 113, 130, 176, 310,
311, 313, 319, 323, 330, 337, 339, 342, 365,
370, 378, 409, 419, 428, 444, 445

Г

Гавгамелы 53, 351
Галикарнас 433
Гандхара 347–350, 353, 355
гандхарцы 350
Гедрозия 348
Гезер 364
Геллеспонт 418, 439
Герара 197
Герат 315, 402
Гермополь 419
Гибсон 197
Гилушу 23

Гимирра 321
гимирри 320, 321
греки 86, 321, 349, 362, 419
Греция 113, 126, 150, 204, 211, 216, 351, 378,
394, 403, 420, 433, 440
Губбал 89
Губу 97
Гутиум 51, 52, 72, 310, 311

Д

Дагестан 210, 212, 240, 287, 442, 445
Дадаршиш 340
Дамаск 157
Даммар 118
Дандамасв 23
Даскилея 417, 436
Двуречье 166, 297, 298, 347, 379
Дельта 433
Джем-дет-Наср 346
Дилбат 32, 53, 133, 145, 146, 171, 324, 363
Дияла 51, 57
дравидийские племена 351
Дрангиана 315, 348, 350
дрангианцы 350
Дубала 339, 428

Е

Евфрат 17–19, 42, 49, 53, 54, 64, 72, 97, 143,
153, 201, 203–206, 239, 242, 302, 303, 305,
330, 343, 356, 359, 364, 367, 383, 384, 390,
405, 407, 409, 435
Египет 22, 36, 37, 50, 60, 67, 69, 98, 100,
103, 106, 107, 122, 126–128, 131, 133–135,
140, 150, 157, 168, 178, 190, 196, 198,
205, 207, 208, 211, 213, 218, 239, 246, 247,
252, 300, 303, 314, 322, 326, 333, 336,
341, 343, 344, 361, 373–376, 379, 380,
384, 385, 388, 392, 393, 395, 396, 399,
400, 402, 403, 405, 406, 419–421, 432–438,
440, 442, 443, 445
египтяне 19, 58, 107, 114, 130, 150, 164, 297,
315, 320, 333, 335, 336, 343, 356, 360, 361,
369, 374, 395, 419

З

Загрос 435
Зазану 53
Закавказье 322, 326
Заречье 45, 54, 66, 72, 73, 77, 302, 356
Заречье (Сирия) 45, 80, 88, 302, 332, 367

И

Ида 57
 Иерусалим 49, 197, 201, 208, 222, 364, 419
 Изалла 303, 339
 Израиль 100, 108, 178, 197, 198, 201, 203, 222, 367, 378, 384, 386, 395, 421
 Инд 100, 104, 347–350, 404
 Индийская сатрапия, провинция 103, 104, 131, 350, 351
 индийцы 315, 318, 343, 346–351, 353–356, 416
 Индия 17, 69, 98, 104, 128, 135, 221, 346, 347, 349–351, 353–356, 368, 375, 392, 400, 401, 434, 435, 445
 ионийцы 114, 126, 130, 362
 Иония 22, 103, 126, 302, 303, 362, 434, 436, 441
 Иордан 421
 Ирак 178, 180, 326
 Иран 45, 57–59, 64, 89, 107, 128, 130, 133–135, 153, 180, 190, 208, 213, 221, 222, 245, 246, 303, 308, 309, 313, 314, 337, 338, 346, 347, 350, 351, 353, 355, 373, 378, 382, 388, 395, 399, 403, 406, 408, 410, 412, 415–417, 419, 420, 434, 437, 444–446
 Иранское плато 69, 309
 иранцы 58, 312, 314, 326, 333, 362, 363, 378, 448
 Иссина 15, 284, 285
 иудеи 201, 343, 363, 364, 369, 396, 419, 421
 Иудея 49, 65, 105, 197, 199, 203, 207, 210, 370, 373, 375, 383, 384, 397, 403, 421
 ишкуза 322

К

Кабару 331, 332
 Кабул 348
 Кавказ 321, 322
 Кадеш 365, 366
 Кальзу 217
 Кальху 36, 373
 Каниш 192, 241
 Капиша 348
 каппадокийцы 130
 Каппадокия 321, 322, 342, 434, 435
 Кар-Эанна 294
 Карианд 348
 карийцы 58, 130, 362
 Каркемиш 49, 65, 326, 356
 Кармания 64, 134, 350, 351
 каспийцы 314
 Келен 153
 Керман 346, 350
 кидариты 343, 345

киликийцы 362
 Киликия 49, 60, 98, 208, 362
 киммерийцы 76, 315, 320–326, 370
 Кимуху 356
 Кипр 103
 киприоты 320
 Киркук 178
 Китай 216, 405
 Киш 16, 25, 76, 80, 91, 92, 144, 145, 182, 280, 282, 283, 347, 352, 371, 424, 426
 колхи 103, 399
 Курангун 411
 Курдистан 308
 Кута 32, 171, 185, 422–424, 426
 Кюль-тепе 242

Л

Ла'ра 157
 Лагаш 11–13, 15, 288, 298, 398
 Лариса (Калах) 65
 Ларса 39, 42, 62, 64, 192, 226, 242, 243, 298, 308, 347
 Лахиру 157–160
 Ливан 201, 303, 366
 Ливия 434
 лидийцы 58, 112, 114, 130, 315, 343, 362
 Лидия 49, 60, 98, 103, 105, 153, 321, 348, 350, 433, 440
 ликийцы 362, 441
 Ликия 441
 Луристан 57

М

Магнесия 112, 153
 Мака (Мекран) 350
 Македония 434
 македонцы 315
 Маккан 347, 350
 Малая Азия 17, 22, 54, 60, 69, 98, 100, 103, 105, 106, 112, 128, 132, 134, 150, 153, 190, 211, 242, 247, 303, 321–324, 326, 333, 348, 362, 368, 379, 388, 395, 399, 400, 402, 404, 405, 417, 419, 433, 436, 438, 442
 Манна 321
 Марата 25, 280
 Мараппия 441
 марафии 441
 Мари 301
 Мариб 108
 массагеты 78, 80

Меандр 153
 Мегиддо 197
 Медина 60
 Мелитена 342
 мелитяне 341, 362
 Мелухха 347
 Мемфис 314, 402, 419
 Меридово озеро 134, 300
 Мертвое море 40, 59
 Месопотамия 10–15, 17, 20, 24, 27–29, 32, 37, 38, 43, 45, 46, 49, 51–59, 62–66, 71, 72, 78, 79, 83, 85–87, 90, 100, 107, 116, 132–136, 149, 150, 167, 169, 174, 177, 188, 190, 191, 194, 196, 198, 201, 206, 207, 209, 211–214, 221, 241, 248, 253, 255, 270, 283, 284, 287, 288, 296, 299, 301–303, 308, 310–313, 320, 321, 323, 325–327, 331, 333, 336–338, 340–342, 346, 347, 351, 353, 358–362, 365–371, 374, 375, 378, 382, 384, 387, 388, 390, 392, 395, 398, 400, 402, 405, 426, 429, 432, 441, 443, 444
 Меспила 65
 мидийцы 46, 48, 57, 58, 60, 65, 71, 107, 309, 310, 312, 314, 319, 321, 326, 337, 338, 343, 351, 362, 363, 419
 Мидия 36, 46, 49, 51, 53, 54, 57, 60–62, 65, 67, 70, 71, 98, 100, 134, 145, 247, 309–311, 313, 321, 323, 337, 338, 362, 373, 387, 400, 409, 416, 434
 мидяне 114
 Милиду 341
 Мосул 326
 Мурашу 298, 326

Н

Наксос 441
 Накши-Рустам 123, 125, 315, 350, 416
 Намар 57
 Нейраб 364, 371
 Нижняя Азия 153
 Нил 433
 Ниневия 36, 46, 65, 66, 69–71, 310, 322, 326, 373
 Ниппур 18, 20, 25, 36, 37, 39, 42, 55, 56, 58, 62, 76–78, 80, 82, 84, 86, 87, 104, 105, 108, 113, 116, 118, 119, 122, 126, 131, 133, 134, 141, 147, 148, 150–152, 155, 168, 171, 178, 184, 189, 192, 198, 208, 209, 222, 227, 233, 244, 246–249, 284, 294, 297, 300, 312–315, 317–319, 324–330, 332, 336, 338, 341–344, 346, 351–353, 358, 360–363, 365, 368–371, 386, 401–403, 409, 427

Ниса 91
 Новоассирийская империя 54, 65, 399, 406
 Нововавилонское царство 37, 98, 168, 400
 Нубия 17, 128, 375, 392, 445
 Нузи 191, 192

О

Опис 51, 56, 119, 131, 243, 246, 307, 328, 330, 426
 ортокорибантии 323

П

Палестина 17, 49, 54, 65, 66, 68, 98, 103, 190, 221, 302, 307, 326, 364, 400, 405
 Папремис 150, 440
 парадрайя 322
 Парса 404
 Парсуаш 49
 Парфия 315
 Парфянская империя 54
 парфяне 315
 Пасаргады 74, 75, 134, 416
 Передняя Азия 98, 127, 212, 220, 221, 229, 320–322, 325, 326, 374, 398, 444
 Персеполь 45, 53, 58, 59, 66, 91, 93–96, 98, 102, 106, 120, 123, 124, 128, 129, 134, 135, 238, 239, 245, 314, 315, 320, 324, 325, 338, 350, 353, 355, 378, 387, 389, 394, 402, 404, 407, 408, 410, 412–417, 419, 422, 434, 435, 438–441
 Персида 408
 Персидский залив 42, 61, 62, 347
 Персия 80, 46, 49, 52, 53, 61, 70, 106, 107, 113, 114, 126, 128, 145, 160, 208, 239, 378, 381, 387, 394, 397, 399, 404, 406, 408, 409, 416, 418–421, 432–434, 437–439, 442
 персы 17, 49, 51, 55, 57, 58, 64, 66, 70–72, 79, 85, 87, 100, 106, 107, 109, 112–114, 118, 172, 216, 312, 314, 315, 319, 321, 325, 326, 347–349, 351, 360, 363, 370, 375, 378, 381, 394, 416, 419, 437
 Платей 351, 420, 439
 Поляны К. 27
 Поселение Нергала 424
 Пукуду 109

Р

Рим 204, 209, 216, 383, 385

С

- Саис 108, 379, 386, 395
 Сакасена 322
 саки 58, 76, 315, 320–323, 325, 326, 348, 350, 351, 363, 368, 399
 Саккара 419
 Самария 388
 Сарды 153, 321, 435, 441
 саттагидийцы 350
 Саттагидия 347, 348, 350
 Северное Причерноморье 321, 322, 325
 Северный Кавказ 210, 444
 Селевкия 54
 Сидон 89, 122, 365
 Сиппар 16, 18–20, 22–25, 32, 36–38, 51–53, 56, 61, 64, 67, 76, 77, 79, 81, 82, 84, 85, 88, 89, 93, 97, 108, 111, 113, 122, 131–134, 136–144, 146, 148, 153–155, 158, 160, 161, 163, 165, 168, 170, 176, 177, 180, 183, 187, 226, 227, 233, 235, 243–246, 249, 252, 280, 282, 283, 285, 286, 293, 294, 299, 301, 303, 305–308, 312, 313, 334–336, 338, 339, 343–346, 357, 359–366, 370, 371, 422–426, 431
 сирийцы 114
 Сирия 17, 22, 29, 31, 45, 49, 53, 54, 60, 65, 66, 68, 69, 72, 80, 88, 98, 100, 103, 106, 122, 134, 150, 153, 157, 160, 247, 252, 302, 303, 314, 322, 326, 356, 358, 359, 364, 367, 371, 398–400, 434, 444
 скифы 319–326, 370
 Согдиана, Согд 315, 323, 350
 согдийцы 315, 351
 Средиземное море 61
 Средняя Азия 17, 69, 78, 81, 98, 103, 128, 134, 314, 321, 322, 326, 348, 368, 375, 381, 400–402, 445
 субареи 76
 субарейцы 323
 Субарту 191
 Субару 323
 Сузы 46, 52, 58, 66, 85, 104, 114, 131, 134, 152, 157, 160, 248, 297, 314, 315, 327–332, 335, 338, 350, 353–355, 362, 375, 393, 408, 419, 422, 433, 435, 436, 438, 440
 Суху 97, 140, 303

Т

- Тейма 60–62, 343, 345
 Тель Шех Хамад 71
 Тель-ед-Дер 137

- Тема 39, 40, 42, 169
 Теме Яхья 346
 Тигр 51, 53, 54, 57, 65, 163, 307, 359, 435
 тиграхауда 322
 Тил-Гула 116–118, 426
 Тильмун 347
 Тир 358, 365, 366
 Турция 303

У

- Угарит 241, 242
 Уданну 83, 423
 Умма 347
 умман-манда 46, 322
 Ур 13, 16, 21, 29, 31, 32, 38–40, 42, 52, 61, 62, 64, 88, 108, 122, 133, 147, 182, 187, 192, 194, 195, 218, 232, 233, 242, 244, 246, 283, 292, 299, 327, 328, 332, 333, 340, 342, 345, 347, 386, 398, 399, 428, 437
 Урарту 128, 213, 292, 340–342
 урарты 340, 341, 362
 Урук 20–22, 24, 31–33, 39, 42, 53, 56, 62, 64, 65, 73–76, 78, 79, 81–88, 108–110, 119, 120, 122, 134–137, 144–146, 148, 154, 155, 159, 163, 164, 169–171, 174, 175, 179–181, 184, 187, 192, 226, 233, 234, 243, 244, 246, 249–252, 289–291, 293, 295, 296, 299, 302–304, 308, 310, 312, 320, 323, 328, 331, 333, 334, 336, 340, 342, 343, 345, 346, 357, 358, 361–365, 370, 385, 386, 391, 423, 426, 428–430, 432
 Ухду 181

Ф

- Фивы 419, 433
 финикийцы 122, 126, 320, 360, 369, 419
 Финикия 17, 22, 54, 65, 66, 69, 89, 106, 134, 153, 365, 366, 399, 400, 432, 433
 Фракия 434, 441
 фригийцы 58, 315, 343, 351, 362
 Фригия 153, 321

Х

- Хабуру 71, 111
 Хамадан 57, 350, 445
 Ханаан 197
 Хандиди 76, 323
 Харайва 321, 351, 352, 360, 368, 402, 422
 Харран 38, 39, 46, 48, 49, 59–61, 64

Харрикиппи 73
 Хасанлу 57
 хаумаварга 322
 Хеттское царство 190, 213, 215, 216
 Хидалу 330
 Хинду 350, 353
 хорезмийцы 312, 315, 343, 363
 Хуме (Киликия) 60
 Хурсагкаламма 182, 331

Ц

Цимири 303-305
 Цура 366

Ш

Шатир 19
 Шахрину 118, 156, 244, 250, 425-427
 Шуанна 262
 Шумер 11, 192, 218, 241, 242, 296, 338
 Шушан 118, 327, 330-332, 362

Э

Э-имби-Ану 32
 Эанна 20-22, 32, 33, 41, 62, 65, 73, 75-85, 87, 97, 98, 108, 110, 120, 121, 134, 135, 137, 138, 144, 154, 159, 163, 164, 169, 170, 175, 180, 181, 192, 226, 227, 233, 234, 243, 249, 289-294, 296, 299, 300, 302-304, 307, 308, 310, 312, 320, 322, 328, 334, 340, 345, 358, 359, 361, 362, 364, 366, 367, 370, 385, 423, 428, 429, 431, 432
 Эбббара 18, 20-24, 32, 38, 61, 64, 67, 81, 82, 88, 92, 93, 97, 108, 111, 113, 122, 132, 137-144, 153, 154, 158-162, 165, 170, 177, 180, 187, 226, 227, 233-235, 243-245, 249, 250, 285, 286, 293, 294, 297, 299, 303, 305, 306, 308, 312, 334, 335, 344, 360-362, 364, 366, 370, 371, 423-425, 431

Эбла 301
 Эгипар 64
 Эдем 152
 Эзид 21, 26, 32, 33, 41, 62, 108, 144, 146, 181, 277, 278, 281, 291, 292, 299, 427, 429
 Экбатаны 134, 145, 313, 314, 337-339, 422
 Экишнугаль 21, 32, 108, 122, 299, 429
 Экрон 67, 400
 Экур 21, 82, 108
 Элам 29, 46, 58, 69, 113, 128, 145, 155-157, 160, 178, 213, 222, 247, 248, 327-332, 338, 362, 378, 387, 394, 398-400, 408, 411, 418-421, 434, 439
 эламиты 17, 49, 333, 361, 362, 369, 419, 444
 Эламму 356-358, 364
 Элефантина 122, 131, 178, 212, 239, 314, 380, 396, 402, 419, 433
 Эмеслам 32, 422, 424
 Эриду 345
 Эсагил 21, 22, 32, 34, 39-42, 53, 62, 78, 81, 82, 85, 108, 138, 169, 258, 259, 265, 292, 299, 308, 386, 421, 424, 427, 429
 Этемсаннки 158
 Эфес 433
 Эфиопия 350
 Эфиопия (Куш) 351, 434
 эфиопы 103, 351, 440
 Эхульхул 38
 Эхульхуль 60, 61, 64
 Эшнунн 194
 Ятриб 60

A-Z

Aššurāja 67
 Athurā 66
 haraiva 315
 Susa 239

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ

- ʿabdā 191
 ʿebed 191, 196, 197, 206
 abbuttum 194
 agāru 232
 aguru 370
 aḥšadrapānu 86
 allāku 92
 ālu 136
 āmah 196
 amata- 172
 amāta- 172
 Āmāta- 238, 239
 amēlūtu 191, 206
 andurārum 149
 aqrava 409
 Arabi 343
 arad ekalli 286
 arazapanata 91, 92
 Arbaja 346
 ardūtu 217
 arminiya 339
 arumaja 315
 aša 417
 ašipu 284
 asū 284
 asūtu 285
 āzāta- 205, 212, 240
 bāji- 106
 bandaka 191, 206
 bandi 349
 bāra 327
 bar baitā 150
 bari 437
 bēl peḥāti 87
 bēl piḥati 158
 bēl piqitti 81, 118
 biltu 16
 bit šarri 118
 bit ešrū 110
 dargiš 370
 dāta 118
 dipi 349
 dišpu 302
 doulos 191, 196, 206
 eleutheria 204
 eleutheros 204
 ērib bitī 293
 errešu 139
 ešrū 108
 framāta 172
 fratamā 238
 ganza- 91
 ganzabara 89, 91
 ganzabaru 90
 gardu 92
 ginē 292
 gugallu 162
 hadiš 152
 halāka 115
 harəz 92
 ḥaṭru 341
 ḥupša 205
 ḥaṭru 72, 319
 ḥšdrpn̄y 86
 idu 231
 ikkaru 139
 ilku 16, 19, 113, 115, 183
 iškuru 414
 isqu 254
 kabtu 239
 karānu 301
 karballatu 156, 162, 323
 karsa 349
 kidinnūtu 205
 kišru 72
 ksatrapa 349
 kurtaš 172, 239
 kurummatu 92, 164
 kyrbasia 323
 lan 408
 liber 212
 libertas 204
 libertus 212
 magavan 417
 magu- 408, 416, 417
 mandatu 231, 301
 mār banē 35, 93, 139,
 171–173, 175, 238
 mār banūtu 174, 205, 212, 217,
 237
 mār bitī 150
 mār šupri 92, 115
 maršūtu 164
 mašīḥu 118
 maššartu 429
 mašīru 116
 miksu 116, 118
 mišarum 149, 205
 miširaja 118
 mndt 122
 musukkannu 292
 nasikāte 158
 netīnim 201
 oiketēs 196
 pantay 92
 paqdu 91
 paradaidām 152
 pardēsu 153
 partetaš 152
 pasa'du 155, 157
 puḥru 35, 167
 qallu 191, 206
 qīpu 41, 119, 138, 159
 rab-kāširi 89, 90, 91
 rab asū 287
 Rab gišir 122
 rab kāri 122
 Rab kāri ša šarri 116
 rab miksi 118, 328
 rab qašī 155

- reš šarri 82
 rikis qabli 156
 riqis qabli 156
 rubû 59
 šaluip 354
 šakkanakku 59
 šaknu 87, 244, 414
 šalu 172, 238
 šandabakku 115
 šangû 153
 šatammu 33, 41, 159, 429
 šatin 409
 šatrabama 86
 sattukku 93
 sepīru 87, 91, 92, 371
 šibûtu 139, 173
 širku 163
 šubaršu 36
 šābē 164
 sāb šarri 156
 tačara 152
 tamkāru 142, 163
 telitu 158
 tunuvant 172
- tunuvant- 238, 239
 tuppi mār-banūti 212
 u'iltu 272
 ummānu 149
 uzbarru 133
 uzdan 240
 wardum 190, 206
 zazakku 81, 84
 авилум 213
 акалу 147
 антихреза 192, 207, 253, 281
 артаба 130
 владыка области 87
 гарда 86, 224, 228, 334
 гугаллу 23
 гуруши 13, 15, 190, 218, 219
 зазакку 82, 83, 84, 85
 «земля лука» 314
 зороастризм 416, 418
 зороастрийцы 417, 418
 иккару 224, 225, 226, 227
 илоты 190, 214, 215, 219
 иудаизм 420
 кадастры 102
- курташ 128, 130, 132, 190,
 208, 421, 441
 маги 408, 409, 412, 416, 417,
 420
 манумиссия 182, 183, 195,
 196, 199, 211, 212
 митраизм 413
 мушкенум 213
 налоги 100
 областеначальник 87
 парадизы 56, 134, 153, 155,
 370
 пекулий 195, 209
 пребенда 140, 186, 254, 298
 пребендарий 189
 самонпродажа 192
 гамкары 28, 241, 242, 243,
 244, 246, 287
 хаома 412, 418
 хатру 105, 106
 шатамму 138
 шушану 224, 228, 362
 үррешу 224

ОГЛАВЛЕНИЕ

Об авторе этой книги	5
Предисловие.....	9

I. ГОСУДАРСТВЕННАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ

Распад государственного хозяйства и процессы приватизации в Древней Месопотамии.....	10
Противостояние между государством и храмом в Вавилонии VI в. до н. э.	32
Вавилония	46
Политическая история.....	46
Вавилонская сатрапия	54
Связи с Ираном	57
Набонид.....	59
Ассирийские традиции в ахеменидские времена.....	65
Сатрап Гобрий.....	72
Камбиз — царь Вавилона	78
Нововавилонский титул <i>zazakku</i>	81
Титул сатрапа в Ниппуре.....	86
Наместник Библа в Сиппаре	88
Казнохранитель Багасар	89
Древнеиранское <i>агазарпата</i>	91
Храм Эбббара и иранские маги.....	92
Подати и повинности в Передней Азии в VII–IV вв. до н. э.	98
I. Государственные подати.....	100
II. Храмовая десятинна.....	108
III. Государственные повинности.....	112
Вавилонский налоговый документ времени Бардии	114
Таможенная пошлина в Вавилонии I-го тысячелетия до н. э.	116

II. ДВОРЦОВОЕ ХОЗЯЙСТВО И ХРАМОВАЯ ЭКОНОМИКА

Дворцовое хозяйство в Ахеменидской державе.....	127
Землепользование в округе Сиппара в нововавилонский и ахеменидский периоды.....	136

Район Вавилона.....	146
Борсиппская зона.....	146
Район Дилбата.....	146
Ниппурский ареал.....	147
Район Ура.....	147
Имена Ахемена в Вавилонии.....	150
Царские парадизы в Вавилонии.....	152
Древнеиранское <i>paša'du</i>	155
Ахеменидские имена в Лахиру.....	157
Храмовые лучники в нововавилонском Сиппаре.....	161
Пайки больным храмовым рабам в Вавилонии VI в. до н. э.....	163

III. СВОБОДА И РАБСТВО

Вавилонское народное собрание в VII-IV вв. до н. э.....	166
Нововавилонские документы об усыновлении.....	177
Рабство на Древнем Ближнем Востоке.....	189
Типы рабского труда.....	190
Источники рабства.....	191
Рабский труд.....	193
Юридический статус рабов.....	194
Манумиссия рабов.....	195
Ветхий Завет.....	196
Термины для обозначения рабов.....	196
Источники рабства.....	198
Рабский труд.....	201
Юридический статус и фактическое положение рабов.....	202
Свобода и рабство на Древнем Ближнем Востоке в нововавилонское и персидское время.....	204
Нерабские формы зависимости в Древней Передней Азии.....	212
Свободный наемный труд в Вавилонии в VI-IV вв. до н. э.....	230
Древнеперсидское <i>āmāta</i> - и вавилонское <i>mār-banī</i>	237

IV. ЧАСТНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

Вавилонские тамкары I-го тысячелетия до н. э.....	241
Заработная плата и цены в Вавилонии в VI-V вв. до н. э.....	248
Семейный архив Иддин-Набу из Вавилона (570-485 гг. до н. э.).....	253
Документы о купле-продаже рабов.....	257
Документы о пребенде.....	258
Сдача земли в аренду.....	259
Сдача домов в аренду.....	260

Покупка недвижимости.....	261
Ростовщические операции.....	262
Заказ ремесленных изделий.....	263
Налоги.....	264
Документы о приданом.....	264
Предпринимательская деятельность одной писцово-вой семьи из Вавилона.....	270
Семейный архив Шаддинну из Борсиппы (552–482 гг. до н. э.).....	274
Долговые документы.....	275
Сделки с землей.....	275
Сдача домов в аренду.....	277
Приобретение рабов.....	277
Документы о пребенде.....	277
Предпринимательская деятельность.....	278
Хозяйство вавилонянина Табии (VI в. до н. э.).....	280
Вавилонские лекари I-го тысячелетия до н. э.....	283
Данные вавилонских текстов VI–V вв. до н. э. о рыболовстве.....	288
Вино и виноградарство в Вавилонии в VII–VI вв. до н. э.....	301

V. ЭТНИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ

Мидийско-вавилонские связи в ахеменидский период.....	309
Клинописные данные об ариях.....	314
Сакские матросы.....	319
Среднеазиатские скифы в Вавилонии.....	321
Сузы, столица Элама, и Сузы в Вавилонии.....	327
Египтяне в Вавилонии в VI–V вв. до н. э.....	333
Вавилоняне в Экбатанах в VI–V вв. до н. э.....	337
Клинописные данные об армянах.....	339
Аравитяне в Месопотамии нововавилонского и ахеменидского времени.....	342
Индийцы в Иране и Вавилонии.....	346
Нововавилонская колония в Зарче (?).....	356
Города-двойники и этнические меньшинства в Вавилонии I-го тысячелетия до н. э.....	359

VI. РЕЛИГИЯ И ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДРЕВНЕЙ ИДЕОЛОГИИ

Государство, религия и экономика в Древней Передней Азии.....	372
Государственные боги и религия частных лиц на Древнем Ближнем Востоке в I-м тысячелетии до н. э.....	384
Государство и религия на Древнем Ближнем Востоке.....	391
Имперская идеология и частная жизнь в Ахеменидской державе.....	398

Новые данные о религии в Персии на рубеже VI– V вв. до н. э.	407
Документальные свидетельства о культе Нергала в Сиппаре и Вавилоне в VI в. до н. э.	422
Был ли разрушен храм Эанна Дарием I?.....	428
Сведения Геродота о Персии в свете новых находок клинописных текстов.....	432
Полвека в мире клинописи.....	442
 SUMMARY.....	 450
Список сокращений	451
 П р и л о ж е н и е: Библиография работ автора.....	 456
 Литература	 473
Указатель имен.....	493
Указатель географических и этнических названий.....	501
Указатель терминов.....	507

Научное издание

Мухаммед Абдулкадырович Дандамаев

МЕСОПОТАМИЯ И ИРАН В VII–IV ВВ. ДО Н. Э.

Социальные институты и идеология

Редакторы *И. М. Анисимова, В. Н. Немцова*
 Корректоры *Л. А. Макеева, М. К. Одинокова, В. О. Кондратьева*
 Технический редактор *С. В. Кузнецов*
 Художественное оформление *С. В. Лебединского*

Лицензия ЛП № 000156 от 27.04.99. Подписано в печать 20.05.2009.
 Формат 70 × 100^{1/16}. Тираж 1000 экз. (РНФ — 300 экз.). Усл. печ. л. 41,48. Заказ № 334.

Факультет филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета
 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии Издательства СПбГУ
 199061, Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 41

М. А. ДАНДАМАЕВ

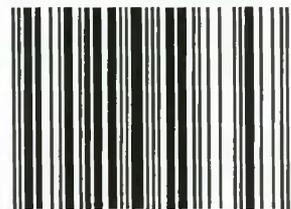
МЕСОПОТАМИЯ И ИРАН

в VII–IV вв. до н. э.
Социальные институты
и идеология

Мухаммед Абдулмухаммович Дандамаев –

крупнейший исследователь иранских и месопотамских цивилизаций. Родился в сел. Унчукать Ленинского района в Дагестане. Окончил местную школу, в 1948 г. поступил в Ленинградский государственный педагогический институт им. Герцена. После его окончания в 1952 г. работал учителем в Дагестане. В 1954 г. поступил в аспирантуру Института истории АН СССР в Москве. С 1959 г. по настоящее время работает в Санкт-Петербургском институте восточных рукописей РАН (прежние названия – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР и Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН). М. А. Дандамаев опубликовал, в том числе в соавторстве с коллегами, 12 научных книг, изданных не только в России, но и в Иране, США, Германии, Великобритании, Испании и Голландии (среди них – «Иран при персидских Ахеменидах», М., 1963; «Религия в Вавилонии VII–IV вв. до н. э.», М., 1974; «Культура и экономика древнего Ирана», М., 1980, в соавторстве с В. Г. Луизиной; «Вавилонские письма», М., 1983; «Политическая история Ахеменидской державы», М., 1985) и около 400 статей в отечественных и зарубежных журналах и сборниках. Все они посвящены истории, культуре, экономике и социальным институтам древней Месопотамии и Ирана. М. А. Дандамаев – лауреат Государственной премии СССР (1987 г.) и премии французской Академии наук и изящной словесности (1976 г.). Он был избран членом корреспондентом Российской академии наук, а также почетным членом Американского историко-географического общества и ряда других престижных иностранных научных организаций. Кроме того, он является заместителем главного редактора журнала «Вестник Древней истории», членом редколлегии и консультативного совета многоязычной международной «Иранской энциклопедии» и ряда других авторитетных международных проектов. М. А. Дандамаев многократно выступал с лекциями в ведущих университетах ФРГ, Англии, Швейцарии, Италии и других стран. В частности, его лекции, прочитанные в Колумбийском, Чикагском, Гарвардском и других университетах США, были опубликованы в 1992 г. в Нью-Йорке в виде отдельной книги под названием «Иранцы в ахеменидской Вавилонии».

ISBN 978-5-8465-0834-7

9 785846 508347